

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

М.М.ПОСТНИКОВ

**Критическое исследование
хронологии
древнего мира**

АНТИЧНОСТЬ

I

История человеческой культуры в
естественно-научном освещении

М.М.ПОСТНИКОВ

**КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХРОНОЛОГИИ
ДРЕВНЕГО МИРА**

Том первый

Античность

крафт+леан

МОСКВА 2000

Содержание первого тома

АНТИЧНОСТЬ

Глава 1. АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глава 2. АСТРОНОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ХРОНОЛОГИИ (ЗАТМЕНИЯ)

Глава 3. «АЛЬМАГЕСТ» ПТОЛЕМЕЯ И АНТИЧНАЯ НАУЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Глава 4. КОЕ-ЧТО ОБ АРХЕОЛОГИИ

Глава 5. АСТРОНОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ХРОНОЛОГИИ
(ГОРОСКОПЫ)
ЭПИЛОГ.

Содержание второго тома

БИБЛИЯ

Глава 7. БИБЛИЯ — ДОКУМЕНТ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСТОРИИ

Глава 8. БИБЛЕЙСКИЕ ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ

Глава 9. АПОКАЛИПСИС И КНИГИ ПРОРОКОВ

Глава 10. НАЧАЛЬНЫЕ ШАГИ МОНОТЕИЗМА

Глава 11. ЛИЧНОСТЬ ИИСУСА ХРИСТА

Глава 12. БИБЛЕЙСКАЯ АСТРОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Содержание третьего тома

ВОСТОК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 13. ЕГИПЕТ

Глава 14. СТРАНЫ ВОСТОКА

Глава 15. ИСЛАМ И АРАБЫ

Гл.16. ПОНТИФИКАЛЬНЫЙ РИМ

Гл.17. ПАПСКИЙ РИМ

Гл.18. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРЕЦИЯ

ЭПИЛОГ.

УДК 9(М)03,9М,1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33

П61

Постников Михаил Михайлович.

П61 Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность.
Том I. - М.: Крафт+, ЛЕАН 2000. - 448 с.: ил.

Известный ученый и революционер, член Исполнительного Комитета Народной Воли, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854—1946) опубликовал в 1924—1932 гг. многотомное исследование «Христос» в котором подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Положения Морозова были полностью отвергнуты учеными-историками, по существу, без всякого анализа, и понятно почему.

Автор познакомился с трудом Морозова году в 1965—м, но его попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели. Все кончалось более или менее площадной руганью и утверждениями типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Самым вежливым образом отреагировал Л.Н.Гумилев, заявив: «Мы, историки, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!» Он в принципе прав — науку должны развивать специалисты и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснять им, в чем они не правы. Как раз этого автор не мог добиться от специалистов — историков.

Пришлось М.М.Постникову самому разбираться, в чем тут дело, и постепенно он пришел к выводу, что Морозов во многом прав и ошибается не Морозов, а наука история, которая где-то в XVI веке повернула не туда в результате работы Скалигера и Петавиуса.

По результатам этого исследования выдающийся математик лауреат Ленинской премии профессор Михаил Михайлович Постников прочитал (группе математиков включающей А.Т.Фоменко, А.С.Мищенко и др.) цикл лекций по древней истории, на основании которых в 1977 г. появилась рукопись данной книги.

Отв. за выпуск - А.Московкин
Редактор - А.Румынский

ЛР № 065385 от 01.09.1997 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов.
Формат 60×90 1/16. П. л. 28. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура "Балтика". Тираж 2000 экз. Заказ 328.
ООО Издательство ЛЕАН.
Россия, 121019, Москва, Б. Знаменский пер., д. 8/12, стр. 4

Гигиенический сертификат
N 77.ЦС.01.952.П.01713.Т.98. от 09.09.98 г.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-85929-065-9

КОД ОКДП 953000

ISBN 5-85929-065-9

© Издательство ЛЕАН, 2000

© КРАФТ+, 2000

www.natahaus.ru

Предисловие

Известный ученый и революционер, член Исполнительного Комитета Народной Воли, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854—1946) опубликовал в 1924—1932 гг. многотомное исследование «Христос» (первоначальное название — «История человечества в естественно-научном освещении»), в котором подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Положения Морозова были полностью отвергнуты учеными-историками, по-существу, без всякого анализа, и понятно почему. Впечатления, представления и мнения, которые человек получает где-то в самом раннем детстве, — это так называемый импринтинг — очень твердо усваиваются, и их очень трудно изменить. Так дело обстоит, например, с религиозными представлениями. То же самое происходит и при обучении студентов. На первом курсе сообщаются некоторые факты, и эти факты помещаются в очень глубокой памяти, и студент ими пользуется совершенно не задумываясь, справедливы они или нет. Он их воспринял на первом курсе без всякой критики. Сообщено было профессором, и поэтому надо сдать экзамен, а не критиковать. Потом уже к этому он не возвращается.

Все, что помещено в память посредством импринтинга, очень трудно выкорчевывается. Это мы знаем на примере религии, когда, после того как где-то в раннем детстве человеку сообщены основные принципы веры, он остается верующим и взрослым, хотя рационально он это уже не обдумывает, атеистическую критику не воспринимает, а если он, паче чаяния, вдруг начинает размышлять, то, как правило, веру теряет. Этим объясняется также ярость, с которой борются с инакомыслящими. Их сжигают на кострах или убивают в религиозных войнах. Это проявления одного и того же психологического механизма. Мы просто боимся изменить импринтированные идеи и стараемся против этого как можем бороться. Этим же объясняется, почему наука так консервативна. Идеи и результаты, которые получены, очень трудно изменить. Наука не терпит новых идей, она с ними борется. Новые идеи принимаются только тогда, когда они высказаны или поддержаны авторитетным ученым, и чем радикальнее идея, тем выше должен быть его авторитет. И, чтобы новые идеи победили и стали общепринятыми, нужны очень большие усилия и долгое время.

Я познакомился с книгой Морозова году в 1965-м, но мои попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели. Все кончалось более или менее площадной руганью и утверждениями типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Самым вежливым образом отреагировал Л.Н.Гумилев, заявив: «Мы, историки, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!» Он в принципе прав — науку должны развивать специалисты и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснять им, в чем они не правы. Как раз этого я не мог добиться от специалистов-историков.

Пришлось мне самому разбираться, в чем тут дело, и постепенно я пришел к выводу, что Морозов во многом прав и ошибается не Морозов, а наука история, которая где-то в XVI веке повернула не туда в результате работы Скалигера и Петавиуса.

Мое чтение литературы по истории обнаружило удивительный феномен — практически в каждом абзаце любого сочинения по истории античности пристрастный «морозовский» взгляд обнаруживает подгонки и логические скачки, совершенно незаметные «ортодоксальному» читателю (см., например, §8, гл.1 и §6, гл.2). Это более всего убедило меня в справедливости морозовской точки зрения.

В это время А.Т.Фоменко, прослышав про Морозова, обратился ко мне с просьбой систематически изложить его теорию. Я долго не поддавался его уговорам, но в конце-концов сдался и прочитал серию лекций, где изложил теорию Морозова в моей интерпретации. После этого Фоменко и Мищенко организовали на мехмате МГУ спецсеминар «по Морозову». На основе моих лекций и материалов этого семинара Фоменко и Мищенко составили некий текст, который мне решительно не понравился и который я поэтому подверг кардинальной переработке, в основном с целью более подробно осветить первоначальные идеи Морозова (даже тогда, когда я с ними не вполне согласен). Однако Фоменко и Мищенко не приняли моих поправок, так что окончательная переработка была осуществлена мною единолично. Впоследствии я ее существенно расширил, добавив еще один, третий, том.

В 1977 г. эта рукопись была размножена в ИНИОН (всего было изготовлено 20 копий), с тем, чтобы обсудить ее на отделении истории АН. Но это обсуждение оказалось, как и следовало ожидать, диалогом двух глухих и окончилось практически ничем.

В течение следующих 20 лет я больше ко всему этому не возвращался, поскольку для себя я все понял, а дальнейшее развитие этой тематики я считал (и считаю) делом профессиональных историков, которые рано или поздно будут, безусловно, принуждены оставить чисто негативное отношение и содержательно во всем разобраться.

Совсем иную позицию занял А.Т.Фоменко, развивший энергичную деятельность и в последнее время опубликовавший целый ряд книг, в которых он при пересмотре древней и средневековой истории пошел значительно дальше Морозова. Помимо всего прочего, это снова оживило интерес к исходным идеям Морозова, и издательство Крафт предложило мне опубликовать мою рукопись 1977 года. При подготовке ее к печати я ничего нового не добавил (хотя и мог) и лишь удалил главы, содержащие соображения Фоменко и Мищенко. Влияние первоначальной рукописи Фоменко осталось в основном лишь в подборе цитат, подтверждающих точку зрения Морозова.

Хотя настоящее сочинение содержит, как мне представляется, изложение всех основных идей Морозова, это не значит, что я со всеми ими согласен хотя бы потому, что о некоторых его соображениях я не могу квалифицированно судить, верны они или нет. Они все же здесь приведены, чтобы у читателя сложилось собственное мнение. Однако мною был осуществлен, конечно, определенный отбор, так что вполне возможно, что сам Морозов мог бы обвинить меня в искажениях. Таким образом, вся ответственность за этот текст лежит, в конце концов, целиком на мне.

Последние годы ознаменовались появлением большого числа сочинений, посвященных так называемой «паранауке». В области истории — это «атлантоведение», представление о существовании в далеком прошлом (чуть ли не в третичном периоде) культурнейших цивилизаций, убеждение в посещении Земли космическими пришельцами и т.д. и т.п. Не обсуждая здесь эти вопросы по существу, нельзя все же не отметить, что адепты паранауки отличаются невероятным легковерием, выражающимся в апеллировании к непроверяемым показаниям «очевидцев», которые, как правило, характеризуются очень неопределенно («один летчик», «один турист» и т.п.). Проверка их ссылок на «материальные свидетельства» (скажем, на пресловутый «зальцбургский параллелепипед») обнаруживает, что этих свидетельств либо просто нет, либо они были «уничтожены» или «пропали» при неясных и неуточняемых обстоятельствах. В связи с этим особенно любопытно, что так называемая «античная история»

(в отличие, скажем, от новой истории) обнаруживает все характерные черты современной паранауки. Выявление этого замечательного факта (конечно, в других терминах) и является одной из основных заслуг Морозова. Подробному обсуждению этого вопроса посвящена первая часть настоящей книги, в эпилоге к которой описываются также основные принципы и методы исследования.

В литературе бытует много совершенно неправильных мнений о труде Морозова. Например, утверждается, что ядро его теории состоит якобы в «астральном» истолковании библейских мифов. На самом же деле это астральное истолкование настолько малозначительно, что здесь его рассмотрение оказалось возможным отложить до последней главы второго тома, являющейся всего лишь своего рода комментарием к предыдущим главам.

Более того, хотя исследование Библии (отнюдь не в астральном истолковании) и играет у Морозова весьма существенную роль, но все же его основные утверждения могут быть обсуждены и обоснованы без какого-либо упоминания библейских мотивов. Это видно хотя бы из того, что в первом томе настоящего сочинения Библия нигде не упоминается.

Очень распространено также мнение, что основным орудием Морозова была астрономия (так и пишут, что он произвел «астрономический переворот в исторической науке»). Это тоже не совсем так: астрономические соображения играют у Морозова хотя и важную, но все же вспомогательную роль. В последние годы — особенно в связи с публикациями А.Т.Фоменко, — стали также говорить о «математическом перевороте в исторической науке». Это также неправомерно: хотя математико-статистические наблюдения Морозова, развитые и углубленные Фоменко, часто поразительны, но самостоятельной доказательной силы они не имеют, поскольку любое применение математики всегда — хотя бы и неявно, основывается на предварительной содержательной интерпретации. К тому же статистические эффекты, на которых основывается Фоменко — не Морозов! — насколько я могу судить на основании мнений моих коллег (сам я не являюсь специалистом в области статистики) могут быть оспорены и с чисто математической точки зрения.

Вообще, никакие естественно научные соображения (астрономические, математико-статистические, геологические) решающей роли в историческом исследовании играть не могут. Они всегда должны быть интерпретированы в рамках базисной парадигмы и без нее повисают в воздухе.

Уверенность в теории Морозова дает ее синтетический характер, сочетание в ней (часто в причудливой и почти всегда неожиданной форме) общетеоретических, математических, астрономических, лингвистических, геологических и прочих соображений. В отличие от сторонников паранауки Морозов в своих главных критических утверждениях основывается, как правило, на самых фундаментальных фактах истории, которые можно найти в любых монографиях, учебниках и в научно-популярной литературе. Чтобы подчеркнуть этот факт, в тексте обильно цитируются элементарные учебники и популярные книги. Поскольку для этого подходила практически любая книга, цитируемые сочинения специально не отбирались, а брались первые попавшиеся. Хотя, возможно, что при этом использовались не лучшие и не наиболее авторитетные источники, случайность их выбора имела целью еще раз подчеркнуть всеобщность используемой Морозовым информации.

С целью помочь читателю ориентироваться в книге каждая глава завершается «Итогами», а каждый параграф — «Заключением», в которых кратко подытоживается содержание главы (параграфа). В совокупности эти «Итоги» и «Заключения» составляют своего рода краткий конспект книги.

Все выделения в цитатах (как правило курсивом) принадлежат мне.

М.М.Постников

Август 1997 г.

P.S. В последние годы А.Т.Фоменко с сотрудниками выпустил в свет целый ряд книг, продолжающих и развивающих идеи Морозова. Он совсем по-иному реконструирует историю средневековья. Сама возможность этого еще раз подчеркивает, насколько зыбки и неопределенны наши знания о прошлом.

Реконструкция Фоменко вызвала оживленную дискуссию, но его противники, — во многом, по-видимому, правые — обыкновенно лишь мимоходом обсуждают основной вопрос о надежности общепринятых мнений о прошлом.

Очень может быть, что во многих своих деталях реконструкция Фоменко ложна, но это не опровергает ложности и стандартных исторических воззрений.

По ряду более или менее очевидных причин надежная реконструкция далекого прошлого, по-видимому, невозможна, даже в самых грубых чертах. Это — задача для профессиональных историков, а не для дилетантов, даже если они математики и академики. К сожалению, историки еще явно не готовы ее решать.

История медян темна и непонятна.
Предположительно Иловайский.

Глава I Античная литература

§ 1. Тацит и Поджо Браччолини

Личность Тацита и его сочинения. — Критика Тацита. — Поджо Браччолини. — Деятельность Поджо по разысканию и изданию античных сочинений. — Рукописи Тацита. — Легенды о рукописях Тацита. — «Находка» Тацита. — Анализ рукописей Тацита. — Причины и история подлога. — Роман или история. — Отношение историков к выводам Росса и Гошара. — Заключение.

§ 2. Литературные мистификации и подделки

Церковные подделки. — Подложные родословные. — Фантастические личности. — Подделки античных авторов. — Выдуманные авторы. — Подделки нового времени. — Фальсификации в науке. — Другие фальсификации. — Итоги. — Причины фальсификаций. — Разоблачение фальсификаций.

§ 3. Деятели эпохи Возрождения

Петрарка. — Античная литература и Петрарка. — Выводы. — Причины апокрифирования до и после изобретения книгопечатания.

§ 4. Обзор происхождения основных сочинений античности

Сочинения Платона. — Сочинения Цицерона. — Книга Светония «Жизнь цезарей». — «История» Тита Ливия. — Книга Витрувия «Об архитектуре». — Греческие историки. — Другие авторы. — Церковные истории. — Заключение.

§ 5. О возможности античной литературы вообще и отдельных ее жанров в частности

Необходимость бумаги для развития грамотности. — Структура древних сочинений. — Переписывание рукописей. — Античные «письма». — Античная литературная критика. — Имена античных авторов.

§ 6. Распределение жанров античной литературы по времени

Эпос и лирика в Древней Греции. — Эпос и лирика в Древнем Риме. — Сатиры. — Трагедия. — Комедия. — Буколика и дидактика. — Философия. — Выводы. — Театр Еврипида.

§ 7. Начало римской летописи

Источники. — Греческие параллелизмы. — Римская традиция. — Апокрифичность источников. — Документы. — Монументальные памятники. — Фасты. — Противоречия в источниках. — Происхождение традиции. — Неосведомленность Ливия. — Общая характеристика книг Ливия. — Заключение.

§ 8. Римский календарь.

Общие сведения о календаре. — Римский календарь. — Дни месяцев у римлян.

Итоги главы

§ 1. Тацит и Поджо Браччолини

Одним из основных наших источников по истории Древнего Рима являются сочинения знаменитого Тацита, давшего в мастерском драматическом изложении развернутую картину императорского Рима от Тиберия до Веспасиана (см., например, статью И.М.Тронского «Корнелий Тацит» в [48]).

Личность Тацита и его сочинения

Считается, что ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ родился при Нероне около 55 г. н.э. (эта дата вычисляется по туманным указаниям у других авторов, например у Плиния Младшего) и умер при Адриане около 120 г. н.э. Перу Тацита принадлежат «Жизнеописание Агриколы», «О происхождении, местопребывании и нравах германского народа» и т.п. Главными же трудами Тацита являются:

- 1) «Летописи» («Анналы»), содержащие историю Римской империи при Тиберии, Калигуле, Клавдии, Нероне;
- 2) «История», описывающая смутное время Гальбы, Оттона и Вителлия до прихода к власти Веспасиана.

Обилие в «Летописях» и «Истории» странных неясностей и анахронизмов давно уже наводило историческую критику на сомнение в достоверности сказаний Тацита. Мы ограничимся здесь тем, что дадим краткое изложение критики по отношению к Тациту, следуя в основном А.Амфитеатрову (см. [8]). Книга А.Амфитеатрова дает объективное изложение истории критики Тацита, а именно — работ Росса и Гошара (правильнее, Ошара, но мы сохраним традиционное написание), тем более ценное для нас, что сам Амфитеатров все-таки не хочет отказаться от мысли о достоверности Тацита. В цитатах из [8] мы позволим себе используемую Амфитеатровым транскрипцию «Поджо Браччолини» заменить на современную: «Поджо Браччолини». В остальном все особенности текста Амфитеатрова мы оставляем неизменными.

Критика Тацита

Начало волны критики было, по-видимому, положено Вольтером в «Философском словаре». Менее известна полемическая работа адвоката Лэнге, которого Мирабо называл «адвокатом Нерона». В России одним из первых, кто усомнился если не в фактах Тацита, то в оценке им фактов, был Пушкин, но только с конца XIX века начали появляться серьезные исторические исследования, совсем отвер-

гающие подлинность книг Тацита. Критика Вольтера носила, скорее, политический характер: расцвет отрицательного отношения к Тациту был еще впереди и достиг своего апогея в Германии, Франции и Англии. В Германии Тацит подвергся основательной критике Моммзена, Штара, Лемана и в особенности Сиверса и Германа Шиллера, который в двух капитальных трудах («История Римской империи в правление Нерона» и «История эпохи римских императоров») относится к Тациту почти лишь как к очень талантливому и обильному материалом, но неразборчивому в них тенденциозному памфлетисту. Во Франции Амедей Тьерри призывал к осторожному обращению с данными Тацита и предостерегал против его аристократически-националистических точек зрения. Аналогичных мнений придерживался в Англии Чарльз Меривал, на основе работ которого в России в шестидесятых годах XIX века появилась книга М.А. Драгоманова «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацита». Для нас в этой критике наиболее интересен тот настораживающий факт, что по своим политическим воззрениям Тацит является сторонником аристократической республики итальянского типа периода XIII—XIV вв.

«В конце семидесятых годов XIX века началось, а в восьмидесятых и девяностых годах продолжилось новое скептическое течение, отрицавшее уже не факты или взгляды Тацита, но самого Тацита: подлинность и древность его сочинений. Любопытно, что гипотеза подложности Тацитовых рукописей возникла сразу и в Англии, и во Франции. Начинателем ее явился англичанин Росс в книге «Тацит и Браччолини», увидевшей свет в 1878 году... Во Франции пошел тем же путем П. Гошар... он же Г. Дакбер... в трех главных работах своих: «Этюды о жизни Сенеки» (1882—1885), «Этюды по поводу гонения христиан при Нероне» (1885) и «О подлинности «Анналов» и «Истории» Тацита» (1890)... он (Гошар. — Авт.) открывает совершенно новые точки зрения на факты и ставит правоверное доверие к Тациту авторитету в безвыходные тупики.

Система Гошаровых доказательств подложности мнимосторических сочинений Тацита (и принадлежности их перу Поджо Браччолини. — Авт.) слагается из нескольких основных положений.

1. Сомнительность рукописей, в которых дошли до нас сочинения Тацита, и обстоятельств, при которых они были открыты, через посредство Поджо Браччолини.

2. Полная или относительная невозможность для Тацита написать многое, входящее в «Анналы» и «Истории», по условиям его эпохи.

3. Следы эпохи Возрождения в тексте псевдо-Тацита.

4. Преувеличенное мнение о достоинствах Тацита как латинского классика. (Между прочим, типичная для XV века любовь к светской порнографии, которая в сочетании с другими обстоятельствами сразу же вызывает аналогичные подозрения и относительно Петрония (найденного тоже Поджо), и относительно Ювенала, Марциала и многих других классиков. — Авт.).

5. Не позднейшие (по общепринятой хронологии литературы) основные историки-свидетели Рима (Иосиф Флавий, Плутарх, Светоний, Дион Кассий, Тертуллиан, Павел Орозий, Сульпиций Север и др.) заимствовали свои данные у Тацита, но, наоборот, мнимый Тацит есть лишь распространитель, амплификатор тех сведений, которые он черпал у вышеназванных, имея уже всех их в своем распоряжении и сортируя их, как ему нравилось.

6. Литературный талант, классическое образование и жульнический характер Поджо Браччолини потрафляли как раз на вкус и требование эпохи, требовавшей воскрешения мертвых античных богов, художников и авторов.

7. Поджо Браччолини мог и имел интерес совершить этот великий подлог, — и совершил его.

Начнем с биографии предполагаемого псевдо-Тацита, Поджо Браччолини» ([8], стр.356—358).

Поджо Браччолини

«Поджо Браччолини родился в 1380 году в Терра Нуова, маленьком городке близ Флоренции, и уже в раннем возрасте прослыл юношею незаурядно образованным и острого ума. Служебную карьеру свою он начал при кардинале Бари, но вскоре мы видим его при дворе папы Бонифация IX в звании копииста...

Понемногу он возвысился до звания секретаря... одного из чиновников-редакторов, на обязанности которого лежало выправлять официальные документы (корреспонденцию, грамоты, резолюции), исходящие от имени папы.

В этом чине оставался он и при папах Иннокентии VII и Григории XII. Он был при Александре V в Болонье, куда был временно перенесен престол апостольский, когда этот папа умер, отравленный — по крайней мере так утверждал тогда голос всеобщей молвы — Бальтазаром Косса, когда-то пиратом, потом архидиаконом ролонской диоцезы и, наконец, преемником Александра V, папою Римским под именем Иоанна XXIII. Поджо, человек с покладистой совестью,

типический представитель своего неразборчивого века, остался секретарем и при новом папе. Он сопровождал Иоанна на Констанцский собор 1414 года. Но когда Иоанн был этим собором низложен (1415), Поджо лишился должности и, так сказать, повис в воздухе.

Некоторое время спустя он поступил на службу Генри Бофора, брата короля Генриха IV, епископа и впоследствии кардинала Винчестерского. С этим богатым и могущественным прелатом он познакомился в Констанце. Бофор играл тогда важную роль в делах церкви как уполномоченный представитель от народа английского. В сентябре 1418 года Поджо в свите своего нового покровителя прибыл в Англию. Но, обманувшись в своих расчетах на богатые прибыли, он уже в 1422 году — снова во Флоренции, а затем в Риме. Папа Мартин V, преемник Иоанна XXIII, возвратил ему старую должность секретаря при святейшем престоле.

XV век в Италии богат образованными умами, но Браччолини среди них — один из самых ярких и замечательных.

Латинскому языку он учился у Джованни Мальпагини Равенского, друга Петрарки; греческому — у Хризолора... знал он и еврейский язык. Древность он изучал с пылким пристрастием. Его почти невозможно было заставить иначе, как за латинскою или греческою книгою или за отметками из нее. Это был настоящий плотатель библиотек. В молодости он имел в своем распоряжении богатейшую библиотеку Колучо Салутати, канцлера Флорентийской республики, книги которого «больше принадлежали каждому охотнику до наук, чем ему самому». В Лондоне — пользовался великолепным книгохранилищем Бофора, который «вечно скитается, как скиф, а я на досуге зарываюсь в книги». Библиотека папского дворца в Риме не удовлетворяет Поджо, он то и дело пишет друзьям своим: пришлите мне такое-то и такое-то сочинение. Список изученных им античных писателей, языческих и христианских, поистине грандиозен. Он — антикварий, нумизмат, разбирает и толкует надписи и медали; на вилле своей в Валь-д'Арно он собрал прекрасный музей древностей, приобретенных лично им или по его поручению в Италии, Греции и на Востоке. Он первоклассный латинист. Его перу принадлежат переводы с греческого на латинский язык «Кироподии» Ксенофонта и первых пяти книг Диодора Сицилийского. В оригинальных трудах своих он — писатель первоклассного дарования, блещущий не только почти невероятною эрудицией, но и такою же гибкостью таланта. Его философские и этические трактаты («О скупости», «О благородстве», «О несчастье государей», «О бедственности бытия человеческого»)

достойны Цицерона и Сенеки. О богословских вопросах и христианских добродетелях он умеет говорить языком, который без подписи Браччолини всякий принял бы за язык кого-либо из отцов церкви. В погоне за Плинием, от которого он в восторге, Браччолини пишет книгу «О нравах индийцев». Составляет любопытнейшее археологическое руководство к изучению римских памятников (*De varietate fortunae*). Рассказывает о путешествии по Персии венецианца Никколи де Конти. Переводит на итальянский язык *Astronomicon* Манилия. Угодно сатиру в духе Петрония? Поджо предлагает свою язвительнейшую «*Historia convivales*» («Застольная история»), в которой бичует шарлатанов юристов и медиков, сделавшихся господами своего века, наживающих через глупость человеческую и огромную власть, и огромные капиталы. Угодно исторический труд типа Тацитовых «Летописей»? Такова «*Historia Florentina*» («История Флоренции») — рассказ замечательного ясного и точного тона, твердого рисунка, яркого колорита, полный художественных образов и характеров и глубоко пронизательный в суждениях и предвидениях. Наконец, великую славу Поджо Браччолини непрерывно укрепляли и поддерживали остроумные и глубокомысленные письма, которыми он обменивался с великими мира сего (Николаем, Лаврентием и Козьмою Медичи, с герцогами Сфорца, Висконти, Леонелло Д'Эсте, королем Альфонсом Арагонским), с большинством современных кардиналов и почти со всеми замечательными деятелями эпохи. Великолепные письма Поджо Браччолини ходили по рукам, перечитывались, переписывались, заменяя итальянской интеллигенции XV века газеты и журналы. Словом, этот блистательный подражатель был в полном смысле слова властителем дум своего века. Критика ставила его на один уровень с величайшими авторами Возрождения. Как высоко его ценили, доказывают его гонорары: за посвящение «Кироподии» Альфонсу Арагонскому Поджо получил 600 золотых — 7200 франков. По тогдашней цене денег это — огромный капитал. Литература выдвинула его в ряды государственных деятелей, и жизнь свою он закончил на высоте большого и властного поста — канцлером Флорентийской республики. Он до такой степени был в центре современной ему литературы, что первую половину итальянского XV века многие находили возможность определять «веком Поджо». Даже во Франции его имя исчезло в фамильном сокращении исторической общеизвестности — *Le Pogge*. Флоренция воздвигла ему при жизни статую, изваянную резцом Донателло. Сперва она стояла под портиком собора Санта Мариа дель Фиере — теперь перенесена в саму церковь.

Таковы светлые стороны этого замечательного человека. Посмотрим теневые.

Великий писатель имел отвратительный характер, который перессорил его со всеми литературными знаменитостями эпохи (Ауриспою, Гуарино, Виссарионом, а в особенности Филельфо и Валлою). Впрочем, в полемике все эти большие люди ничуть не лучше своего ядовитого и свирепого соперника. Полициан зовет Поджо «самым злоречивым человеком на свете: всегда-то он либо на государей насккивает или обычаи человеческие атакует, без всякого разбора, либо писания какого-либо ученого терзает, — никому от него нет покоя!» Кажется, был весьма сластолюбив и к старости вырастил эту страстишку свою в изрядное бесстыдство. Женился стариком на молоденькой и в трактате «Надо ли жениться старикам», посвященном Козьме Медичи, цинично объяснял свою женитьбу афоризмом, что никогда не поздно человеку найти путь к порядочному образу жизни...

В Констанце, всюду живет он широкою жизнью гуляки и бабника, большой любитель непристойных картин, рассказов и стихов, а в старости и сам их усердный и разнузданный сочинитель, чем жестоко попрекает его Валла. Словом, в ученом этом перед нами такой же большой талант жить в свое удовольствие, как большой талант творческий: типичный флорентийский барин, эстет и буржуа, эпикуреец XV века, с красивою мечтою и низменною жизнью, человек-вулкан, из которого то брызжет живой огонь, то течет вонючая грязь» ([8], стр.358—363).

Деятельность Поджо

по разысканию и изданию античных сочинений

«Широкий образ жизни стоил Поджо Браччолини дорого, превосходил смолоду его средства и заставлял его вечно нуждаться в деньгах. Источником добавочных доходов явились для него розыски, приготовление и редактирование списков античных авторов по подлинным манускриптам. В XV веке, с жадностью устремившемся к воскресающей древности, это была очень доходная статья. При содействии флорентийского ученого, книгоиздателя и книгопродавца, Никколо Никколи (1363—1437), который в то время был царем литературного рынка, Поджо Браччолини устроил нечто вроде постоянной студии по обработке античной литературы и привлек к делу целый ряд сотрудников и контрагентов, очень образованных и способных, но сплошь — с темными пятнами на репутациях: тут — Чинчо Римлянин, Бартоломео ди Монтепульчано, Пьеро Ламбертески.

Никколо Никколи кредитовал Поджо оборотным капиталом и служил агентом по сбыту манускриптов, то есть, собственно говоря, был его издателем — и очень ревнивым и повелительным. Это был человек властный и вспыльчивый. Он умел скручивать в бараний рог даже таких литературных тузов, как Леонардо Аретин, Мануил Хризолор, Гварино и Ариспа, которых Никколи, когда поссорился с ними, просто-таки выжил из Флоренции.

Первые свои находки Поджо Браччолини и Бартоломео ди Монтепульчано сделали в эпоху Констанцкого собора, когда низложение Иоанна XXIII поставило их, как упраздненных папских секретарей, в весьма критическое положение. В забытой сырой башне Сен-Галленского монастыря, «в которой заключенный трех дней не выжил бы», им посчастливилось найти кучу древних манускриптов: сочинения Квинтилиана, Валерия Флакка, Аскония Педиана, Нония Марцелла, Проба и др. (подчеркнем, что все эти авторы были найдены здесь впервые. — *Авт.*). Открытие это сделало не только сенсацию, но и прямо-таки литературную эпоху. Нет никакого сомнения, что Никколи, которому досталась из этого сокровища львиная доля, хорошо нажил и мечтал нажить еще. Поджо, ободренный громадным успехом, усердно рылся (по его словам. — *Авт.*) по монастырским библиотекам Англии и Германии, но не находил ничего или находил мало. Впрочем, по словам его, он все же доставил Никколи «Буколики» Кальпурния и несколько глав Петрония (скорее всего, фрагменты из своих прежних сочинений; нигде и никогда не были разъяснены обстоятельства этих и всех позднейших находок. — *Авт.*).

Но, если не находилось пока новых оригиналов, зато успешно шла торговля копиями. Манускрипт, выходящий из мастерской Поджо, ценился очень высоко. Между тем в письмах своих он то и дело требует от Никколи бумагу, пергамент, переплетный приклад, и, если издатель запаздывает с доставкой, Поджо плачется, что ему приходится даром кормить мастеров своих из-за неаккуратного хода работы. Мастера эти были, надо думать, господа не из приятных. Писцы в обществе XV века пользовались худой репутацией. Один нотариус в конце XIV столетия восклицает в письме к другу с торжеством, довольно, казалось бы, странным: «Я нашел превосходного писца и — представь! — не в каторжной тюрьме». Разумеется, писцы работали по преимуществу ходовой, второстепенный товар, в котором ценна была только редакция Поджо. Любительские экземпляры хозяин готовил сам, и — какую цену драг он за них, можно судить по такому примеру, что, продав Альфонсу Арагонскому собственную копию Тита Ливия, Поджо на

вырученные деньги купил виллу во Флоренции. С герцога д'Эсте он взял сто дукатов (1200 франков) за письма св. Иеронима — и то с великим неудовольствием, видимо, вынужденный безденежьем либо тем, что работа залежалась, а отцы церкви в век Возрождения шли с рук уже не так бойко, как языческие философы. Клиентами Поджо были Медичи, Сфорца, д'Эсте, аристократические фамилии Англии, Бургундский герцогский дом, кардиналы Орсини, Колонна, богачи, как Бартоломео ди Бардио, университеты, которые в эту пору по щедрости просвещенных правителей либо начали обзаводиться библиотеками, либо усиленно расширяли свои старые книгохранилища. Поджо зарабатывал очень большие деньги и оставил своим детям отличное состояние, которое те чрезвычайно быстро расточили. Но нет никакого сомнения, что жил он — по крайней мере очень долго, лет до 40, — шире своих постоянных доходов и часто нуждался, чтобы выручить себя из долгов, в каком-либо экстренном большом куше, который должен был добывать экстренными же средствами. В выборе же последних разборчивым быть он не умел.

Таков человек, который нашел Тацита. Посмотрим теперь, что именно и как он нашел» ([8], стр.363—386).

Рукописи Тацита

«Основные рукописи Тацитовых «Летописей» и «Истории», известные под названием Первого и Второго Медицейского списка, хранятся во Флоренции в книгохранилище Bibliotheca Laurentiana. Книгохранилище основано было Козьмою Медичи, пожертвовавшим в него свою собственную библиотеку и библиотеку Никколи, приобретенную герцогом по смерти знаменитого издателя (1437). Поджо Браччолини и его тесть Буондельмонти были в числе директоров-устроителей книгохранилища. Второй Медицейский список древнее первого, если не по происхождению, то по опубликованию, на 80 лет. На первой его странице ясно значится:

Cornelius Tacitus et Opera Apuleii.

Conventus sancti Marci de Florentia, ord.

Praedic. De heriditate Nicolai Nicoli

Florentissimi, viri Doctissimi

(Корнелий Тацит и Сочинения Апулея, из книг монастыря св. Марка во Флоренции, чина Пропов. По наследству от Николло Никколи, Флорентийского доблестного гражданина и ученейшего мужа).

В списке этом, из Тацита, заключается шесть последних книг «Летописей» и пять первых книг «Истории». В этих частях он является

прототипом для всех остальных списков, имеющих претензии на древность: Фарнезского в Ватикане, Будапештского, Вольфенбюттельского и т.д. Первое печатное издание Тацита, выпущенное в Венеции Джованни Спирою или братом его Ванделином около 1470 года, печатано ими со Второго Медицейского списка или — по преданию — сточной его копии, хранившейся в Венеции, в библиотеке при соборе св.Марка. Но отсюда он исчез, а может быть, никогда в ней и не был: предание просто смешало две одноименные библиотеки. Обычное и общепринятое мнение о списке этом, что он — плод труда монахов-переписчиков знаменитой бенедиктинской пустыни Монте-Кассино в Италии, на полпути между Римом и Неаполем.

Первый Медицейский список приобретен папой Львом X и немедленно напечатан им (1515) в Риме, под наблюдением Филиппа Беоальда Младшего: *Cornelii Tasiti historiarum libri quinque nuper in Germania inventi.*

(Пять книг «Истории» Корнелия Тацита, недавно найденные в Германии.)

Эти пять книг — начальные «Летописи», обнимающие правление Тиберия. Таким образом, оказалось, по картинному выражению Беоальда, что «Корнелий в веках головы своей не потерял, а только ее прятал». Думают (никаких доказательств нет. — *Авт.*), что список найден в Корвейском монастыре и принесенный оттуда каким-то монахом в Рим приобретен для папы неким Арчимбольди, впоследствии Миланским епископом. Корвеи — маленький городок Вестфалии в 65 километрах на юго-востоке от Миндена. Его бенедиктинский монастырь, основанный Людовиком Добряком в IX веке, играл в средние века роль очень важного религиозно-политического центра.

Два Медицейских списка, соединенные, дают полный свод всего, что дошло до нас из исторических сочинений Тацита. Язык, манера изложения, тон — все литературные достоинства и недостатки — являют в обоих списках несомненное единство, доказывающее, что перед нами труд одного автора. До Юста Липсия (1547—1606) весь Тацитов материал, заключенный в обоих сборниках, считали одним общим сочинением. Юст Липсий разглядел, что, несмотря на кажущееся преемство содержания, «Анналы» и «История» — два разных труда, хотя и одного автора, и установил их деление, принятое и теперь.

Существенною разницей между двумя Медицейскими списками является их почерк. Второй список выполнен так называемым ломбардским письмом, а первый — каролинским (см. рис.69 в [5]—*Авт.*).

Таковы в общих чертах главнейшие данные двух основных Тацитовых списков, которые слишком три века наука признавала подлинными, пока Росс и Гошар не коснулись этой девственной репутации своими дерзкими руками (воскресив, в частности, подозрения современников Поджо. — *Авт.*). Как они ведут свою атаку?» ([8], стр.366—368).

Легенды о рукописях Тацита

«Признавая несомненным происхождение Второго Медицейского списка из библиотеки Никколо Никколи, Гошар именно в этой принадлежности усматривает ключ к обличению подлога Поджо Браччолини.

... О том, что его (Тацита. — *Авт.*) знали и читали, мы имеем сведения от его современников (Плиний Младший), из третьего века от его врага — христианского апологета Тертуллиана, из четвертого — от Флавия Вописка и Блаженного Иеронима, из пятого — от Павла Орозия, Сидония Апполинария, из шестого — от Кассиодора. (Заметим, что все рукописи этих авторов были «открыты» тоже в одну эпоху с вышеприведенными книгами Тацита, а потому служить для доказательства аутентичности Тацита на самом деле не могут. — *Авт.*). Затем имя Тацита исчезает из памяти цивилизованного мира на много веков. Начало же оно исчезать много раньше. Хотя Ф.Вописк рассказывает о Таците весьма лестные истории: как гордился происхождением от него император Тацит и как повелел он, чтобы списки произведений великого предка имелись во всех публичных библиотеках империи, но литература не сохранила нам ни малейших следов Тацитова авторитета, а латинские грамматикеры конца Римской империи Сервий, Присцион, Ноний Марцелл, усердные цитаторы и исчислители имен своей литературы, не поминают Тацита и, очевидно, ничего о нем не знают» ([8], стр.368—369). Утверждение апологетов Тацита, что «Тацита не было, но память о нем жила», никак поэтому не может восприниматься на веру.

И.М.Тронский в [48]начинает свою статью о Таците словами: «Тацит, характеризуя свою деятельность как историка Римской империи, в отличие от своих предшественников, писавших о республике, отмечает, что его труд ограничен тесными рамками и не сулит ему славы («Анналь», IV, 32). Слова эти оказались в известной мере пророческими. Ни один историк императорского Рима, в том числе и Тацит, не стал «классиком» римской литературы. В римской школе не изучали Тацита: хранители школьной традиции, филологи

(так называемые грамматикеры) не интересовались его произведениями. Следствием этого невнимания явилось полное отсутствие сведений о жизни историка у позднейших римских ученых» ([48], т.2, стр.203). Отсюда, кстати, видно, что и остальные римские историки императорского периода не в лучшем положении, чем Тацит.

«В IX веке (пятьсот лет спустя!) имя Тацита странно всплывает в хронике Фрекульфа, епископа в Lisieux, а в XI веке — в «Polycraticon», памфлете Иоанна Салисбургийского против королевской власти. Однако, по замечанию Гошара, оба эти упоминания — настолько общего характера и не говорят о Таците ничего приметного и своего, что нет никакой надобности предполагать, будто в библиотеках Фрекульфа и Иоанна Салисбургийского имелись сочинения Тацита... (Вообще следует иметь в виду, что упоминание имени Тацита в каком-либо источнике, в котором нет подробностей, вовсе не означает, что имеется в виду «Тацит», найденный Поджо. — *Авт.*).

Существуют монашеские легенды о рукописях Тацита, будто бы сохранившихся в монастырских библиотеках знаменитой бенедиктинской пустыни на Монте-Кассино и таковой же обители в Фульде (Германия, близ Касселя). Первая легенда возникла из упоминания в «Хронике» Дезидерия, впоследствии (1086) папы Виктора III, что когда он был игуменом Монте-Кассинской пустыни, то монахи под его руководством сняли копии 61 тома творений писателей церковных и языческих, в том числе «Историю Корнелия с Гомером» (Historiam Cornelii cum Omero). Книги эти, по словам монастырской летописи, были по большей части расхищены в многочисленных грабежах пустыни разбойниками и кондотьерами. Гошар недоумевает: зачем этим почтенным промышленникам понадобилось расхищать монастырскую библиотеку вообще и почему в частности, если уж понадобилось, то унести не другое что, а именно Тацита? Впрочем, о Таците и нет упоминания в Дезидериевой хронике — «Историей Корнелия» мог быть, например, Корнелий Непот или другой какой-либо из многочисленных римских писателей Корнелиев. Гошар, вообще весьма скептически относящийся к легендам о сокровищах средневековых монастырских библиотек, полагает неестественной саму легенду о том, чтобы Дезидерий, друг Петра Дамиана, — оба злейшие враги светского просвещения — прилагал какие бы то ни было старания к сохранению языческих писаний, которые и устав, и личные антипатии повелевали ему уничтожать. Это — позднейшая выдумка, уступка веку гуманизма. Аббат Рансе (abbe de la Trappe, 1626—1700, преобразователь ордена траппистов и автор «Жития

св. Бенедикта») считает предания о письменных работах бенедиктинцев догадкой, на которой не стоит останавливаться. Тем не менее большинство историков считают (без каких-либо документальных оснований. — *Авт.*) Второй Медицейский список происходящим из Монте-Кассино и переписанным в половине IX или в XI веке с какой-то, добытой из Германии или Франции, рукописи IV или V века.

Фульдская легенда держится за цитату в местной монастырской летописи: «Итак, в городе, именуемом Мимидою, на реке, которую Корнелий Тацит, историк подвигов, совершенных римлянами среди народа этого, называет Визургис (Везер), а нынешние зовут Визарака». Отсюда заключили, что летописец имел перед глазами подлинный текст «Анналов» Тацита...

Еще легендарный список Тацита был будто бы сделан рукою Джованни Бокаччо для собственной его библиотеки. Последняя цела, но Тацит — такова уж судьба этого писателя — исчез и из нее неизвестно когда и куда. Гошар недоумевает: если существовал этот экземпляр, то откуда бы Бокаччо взял оригинал для списывания? Предполагают, что в Монте-Кассино, во время своего пребывания в Неаполе. Но раз Гошар отрицает легенду о рукописи Тацита в библиотеке Монте-Кассино, естественно, что он не может принять и ссылку на нее в легенде о Бокаччо. При этом сам Бокаччо рассказывает, что в Монте-Кассино он пробыл лишь самое короткое время и принят был прескверно: как же и когда же мог он скопировать рукопись, требующую, хотя бы самым скорым письмом, не менее месяца работы, не разгибаясь? А главное-то — будь Бокаччо знаком с Тацитом, последний оставил бы хоть какой-нибудь след в его произведениях, — между тем незаметно никакого. И это тем ярче сказывается, что в своей историко-анекдотической работе «*De casibus virorum et feminarum illustrium*» («О приключениях знаменитых мужей и женщин») Бокаччо говорит, между прочим, о Тиберии, Нероне, Гальбе, Отоне, Вителлии — исключительно по данным Светония, с некоторыми заимствованиями у Ювенала, и — о христианах из церковного предания. Если бы Бокаччо знал Тацита, мог ли бы он, великий художник, говоря о смерти Агриппины, оставить без упоминания великолепную морскую драму, написанную Тацитом, или, говоря о смерти апостолов Петра и Павла, ни словом не обмолвиться о гонении на христиан, сопряженном с великим пожаром Рима? Словом, поразительнейшие страницы Тацита остались для Бокаччо бесцветны и немые; ясно, что он их просто не читал» ([8], стр. 369—373).

Это — все упоминания о Таците до его находки Поджо Браччолини. Таким образом, на всем протяжении средних веков нигде не сохранилось никаких сведений о существовании рукописей Тацита, и приходится «согласиться с Россом и Гошаром в том их утверждении, что в конце XIV и начале XV века о Таците никто из образованных людей не имел ни малейшего понятия. Это был великий и туманный миф древности, сохраненный в намеках античных книг. Верили в его безвестное великие и, конечно, мечтали: если бы найти! Мечтали ученые-идеалисты, мечтали и ученые-практики. Кладовые дворцов, подвалы монастырей, хлам старьевщиков выдали в это время много литературных сокровищ древнего мира и возвратили к жизни Возрождения много античных мертвецов. Была потребность завершить находки римской литературы Тацитом, каждый книгопродавец понимал, что найти Тацита — значит нажать капитал. И вот спросил предложение: Тацит нашелся» ([8], стр. 373—374).

«Находка» Тацита

«В ноябре 1425 года Поджо из Рима уведомил Никколи во Флоренции, что «некий монах, мой приятель», предлагает ему партию древних рукописей, которые получить надо в Нюрнберге, в числе их — «несколько произведений Тацита, нам неизвестных». Никколи живо заинтересовался и немедленно изъявил согласие на сделку, но, к удивлению и беспокойству его, приобретение предложенной редкости затягивается сперва на два месяца, потом на восемь и т.д. Поджо тянет дело под разными предлогами и отговорками, а в мае 1427 года Никколи узнает, что его приятель ведет переговоры о рукописи Тацита с Козьмою Медичи. На запрос Никколи Поджо дал довольно запутанный ответ, из которого ясно только одно, что в эту пору книги Тацита у него еще не было, а имелся лишь каталог немецкого монастыря в Герсфельде (впервые он тут назвал монастырь), в котором среди других важных рукописей (Аммиана Марцеллина, первой декады Тита Ливия, речей Цицерона) имеется и том Корнелия Тацита; Герсфельд — городок в Гессене, на Фульде; здешнее аббатство, кажется, было объединено с Фульдским общим управлением. Впервые также говорит тут Поджо, что «монаху» нужны деньги; раньше дело шло об обмене старых рукописей на новые религиозные издания Никколи. С монахом Поджо что-то немилосердно врет и путает: монах — его друг, но, будучи в Риме, почему-то не побывал у Поджо, и надо было добиться, чтобы найти его окольным путем; книги в Герсфельде, а получить их надо в Нюрнберге и т.д. В заключение Поджо сперва

забывает послать Никколи обещанный Герсфельдский каталог, а когда раздраженный издатель вытребовал его к себе, в каталоге никакого Тацита не оказалось. В такой странной волоките и недоразумении, имеющих весь вид искусственности, проходят и 1427 и 1428 годы. Наконец, 26 февраля 1429 года — значит, три с половиной года спустя после того, как началась эта переписка, Поджо извещает Никколи, что таинственный «герсфельдский монах» опять прибыл в Рим, но — без книги! Поджо уверяет, что сделал монаху за то жестокою сцену и тот, испугавшись, сейчас же отправился в Германию за Тацитом. «Вот почему я уверен, что скоро мы получим рукопись, так как монах не может обойтись без моей протекции по делам своего монастыря».

На этом прекращается переписка между Поджо и Никколи о герсфельдском Таците, что объясняется скорым их личным свиданием: лето 1429 года Поджо провел в Тоскане. То обстоятельство, что он в это время действительно раздобылся Тацитом и, как глухо говорил он, из Германии, — несомненно. Честь открытия Тацита, по настоянию к поискам со стороны Никколи и через посредство какого-то неизвестного монаха, приписывают Поджо в XVIII веке и знаток литературы XV века аббат Мегю, и Тирабоски (1731—1794).

Растянувшись чуть ли не на пять лет, открытие Поджо огласилось раньше, чем было совершено, и вокруг него роились странные слухи. Никколи очень волновался, а Поджо отвечал: «Я знаю все песни, которые поются на этот счет и откуда они берутся; так вот же, когда придет Корнелий Тацит, я нарочно возьму да и припрячу его хорошенько от посторонних». — «Казалось бы, — справедливо замечает Гошар, — самую естественною защитою рукописи от дурных слухов было — показать ее всему ученому свету, объяснив все пути, средства и секреты ее происхождения. Поджо, наоборот, опять обещает хитрить и играть в темную».

Неизвестно, тотчас ли Поджо и Никколи публиковали копии с Тацита, которым осчастливил их таинственный монах, если только был какой-нибудь монах. Можно думать, что нет. Они придерживали свое сокровище и набивали ему цену. Списки авторов стоили тем дороже, чем они были реже. Поэтому экземпляры Тацита, художественно воспроизводимые фирмою, расплывались к таким высокопоставленным покупателям, как Пьетро Медичи, Матвей Корзини и т.п., — в общем же обороте их не было, чем, вероятно, и объясняется долгое молчание о Таците ученой критики. Так, например, Полициано (1454—1494) либо вовсе не видал нового Тацита, либо отнесся к Поджиеву манускрипту с подозрением, потому что —

подобно как выше Бокаччо — в этюде своем о Светонии и Цезарях совершенно не касается Тацита, хотя говорит о нем с высоким почтением, со слов Плиния и Вописка. Это тем любопытнее, что Полициано должен был уже знать и печатное издание Тацита (1470 год у Спиры в Венеции)...

Более того, Маккиавелли, которого в потомстве так часто сравнивают с Тацитом, — наглядный и разительный показатель того, что даже в начале XVI века первоклассный историк и политик, специально обсуждая темы империализма, столь жгуче напоминающие аналогии Тацита, мог, однако, пройти мимо последнего, словно его и не было на свете... Это совершенно не согласуется с утверждением Гастона Буассье, будто со второй половины XIV века Тацит сделался настольной книгой итальянской знати и как бы руководством придворной политики...

Любопытно, что в много позднейшем издании писем своих и Никколи, Поджо упустив из вида даты переписки своей о Таците 1425—1429 гг., с каким-то задним намерением фальсифицировал даты 28 декабря 1427 г. и 5 июня 1428 г. в двух вновь оглашенных письмах, которыми он просит: «Ты мне прислал том Сенеки и Корнелия Тацита. Благодарю тебя. Но последний исполнен ломбардским письмом, причем значительная часть букв стерлась. А я видел у тебя во Флоренции другой экземпляр, написанный древним письмом (каролинским)... Трудно найти писца, который правильно прочел бы этот список, что ты мне прислал. Пожалуйста, достань мне такого. Ты можешь, если захочешь». Во втором письме Поджо уверяет Никколи, что через посредство Бартоломео де Бардис послал ему декаду Тита Ливия и Корнелия Тацита. «В Таците твоим недостает нескольких страниц в разных местах рукописи» и т.д.

Рядом довольно обстоятельных доказательств, через исключение третьего, Гошар устанавливает факт, что рукопись ломбардскими буквами и с пропусками листов не могла быть иною, как тем Вторым Медицейским списком, который считается древнейшим экземпляром Тацита. Вместе с тем Поджо дает понять, что в его и Никколи распоряжении есть еще какой-то древний Тацит, писанный буквами античными (каролинскими). Даты писем — кажется нельзя сомневаться — подложны, сочинены *post factum* появления в свет Тацита от имени Никколи, затем, чтобы утвердить репутацию первого (ломбардского) списка, пошедшего в обиход разных княжеских библиотек, и подготовить дорогу второму списку (каролинским почерком). История переставила их очередь: первый Тацит Поджо сделался Вторым Медицейским, второй

Тацит Поджо сделался Первым Медицейским, — так полагает и во многом правдоподобно доказывает Гошар.

Изучая историю происхождения Первого Медицейского списка (каролинским письмом), нельзя не заметить, что повторяется легенда, окружившая 80 лет тому назад список Никколо Никколи, то есть Второй Медицейский. Опять на сцене северный монастырь, опять какие-то таинственные, неназываемые монахи. Какой-то немецкий инок приносит папе Льву X начальные пять глав «Анналов». Папа, в восторге, назначает будто бы инока издателем сочинения. Инок отказывается, говоря, что он малограмотен. Словом, встает из мертвых легенда о поставщике Второго Медицейского списка, герсфельдском монахе, — только перенесенная теперь в Корвен. Посредником торгового агента легенда называет, как уже упомянуто, Арчимбольди — в ту пору собирателя налогов в пользу священного престола, впоследствии архиепископа миланского. Однако Арчимбольди не обмолвился об этом обстоятельстве ни единым словом, хотя Лев X — якобы через его руки — заплатил за рукопись 500 цехинов, т.е. 6000 франков, по тогдашней цене денег — целое состояние. Эти вечные таинственные монахи, без имени, места происхождения и жительства, для Гошара — продолжатели фальсификационной системы, пущенной в ход Поджо Браччолини. Их никто никогда не видит и не знает, но сегодня один из них приносит из Швеции или Дании потерянную декаду Тита Ливия, завтра другой из Корвена или Фульды — Тацита и т.д. — всегда почему-то с далекого, трудно достижимого севера и всегда как раз с тем товаром, которого хочется и которого недостает книжному рынку века.

Что касается специально Корвейского монастыря, откуда будто бы происходит Первый Медицейский список, мы имеем достаточно отрицательное свидетельство в письме самого Поджо Браччолини, адресованном к Никколо Никколи еще из Англии, что знает он этот немецкий монастырь как свои пять пальцев, и — не верь дуракам никаких редкостей в нем нет! Из ближайших по времени ученых (включительно до его первоиздателя Берсфельда) решительно никто ничего не знает о находке Тацита в Корвейском монастыре. Смутно все говорят о Германии, как то было и во время Никколо Никколи. Современники и друзья Арчимбольди — Алчати, Угелли — ничего не говорят о роли его в столь важном и славном открытии века. Больше того, Угелли рекомендует Арчимбольди особой столь знатного происхождения, что мудрено даже и вообразить его на скаредном ампула провинциального собирателя налогов и милостыни. Аббат

Мегю в XVIII столетии оставил легенду о корвейском происхождении Тацита без внимания. Бейль сообщает ее лишь как слух, изустно, в виде анекдота, переданного ему «покойным господином Фором, доктором теологии Парижского факультета». Со слов того же Фора, он рассказывает, что папа Лев X так желал найти недостающие главы Тацита, что не только обещал за них деньги и славу, но и отпущение грехов. Удивительно ли, что их поторопились найти?

Итак, обе части Тацитова кодекса — одинаково загадочны происхождением своим. Гошар предполагает по единству темнот и легенд, их окружающих, что они оба — одного и того же происхождения и общей семьи: что они вышли из римской мастерской флорентийца Поджо Браччолини» ([8], стр.374—382).

Анализ рукописей Тацита

«Становясь в роль прокурора, обвиняющего одного из величайших гуманистов в преднамеренном подлоге, Гошар, естественно, должен быть готов к ответам на все возражения противной стороны — защитников Тацита...

Первое возражение — о неподражаемом латинском языке Тацита, собственно говоря, самое важное и убедительное, с нашей современной точки зрения, рушится пред соображением о типе образованности XV века вообще и Поджо Браччолини, как его литературного короля, в особенности. Для этого писателя классическая латынь — родной литературный язык. Он не пишет иначе как латыни — и как пишет! По гибкости подражания это — Проспер Мериме XV века, но еще более образованный, гораздо глубже, вдумчивее и тоньше. Он знает, что ему предстоит иметь дело не с большой публикой, классически полуобразованной, если не вовсе невежественной, но с критикой специального классического образования, и идет на экзамен знатоков во всеоружии разнообразнейших стилей. Когда читателю угодно, Поджо — Сенека, Петроний, Тит Ливий, как хамелеон слога и духа, он пишет под кого угодно, и его «под орех» так же красиво, как настоящий орех (тем более что самого ореха никто в глаза не видал. — *Авт.*).

Сверх того, предрассудок неподражаемости языка Тацита вырос в новых веках вместе с ростом общего Тацитова авторитета. Его темные места, запутанность оборотов, чрезмерный, местами съедающий мысль, лаконизм, синтаксические ошибки и неточности сильно смущали уже первых комментаторов» ([8], стр.382—383).

Гошар и Росс приводят детальный разбор труда Тацита с чисто литературной точки зрения, демонстрируя абсолютную необоснованность веры в чистоту языка Тацита. Впрочем, в этом своем утверждении они смыкаются со многими исследователями Тацита.

Далее, переходя от защиты к нападению, Гошар выставляет ряд соображений, по которым все эти сочинения не могут принадлежать перу древнего автора. Мы не будем останавливаться на этом подробно (см. [8], стр.385—393), ограничившись кратким резюме.

Тацит слабо знает историю римского законодательства. Говоря о расширении римского померья, он замечает, что раньше это сделали только Сулла и Август — и забывает... Юлия Цезаря. Еще Монтескье заметил, что Тацит пугается в самых основах римского права.

Он очень плохо знает географию древнеримского государства (путешествие Германика, театр войны Корбулона и т.д.) и даже его границу, которую он отодвигает для своих дней только до Красного моря.

Тацит способен заблудиться в своем родном Риме, в котором он живет и пишет; он перетасовывает его исторические памятники и путает императоров. Слабость географических знаний Тацита разобрана, например, у Г.Петера, а также у Юста Липсия.

Традиционные историки датировали время появления «Летописей» около 115 года ссылкой на абсолютно темное и резко противоречивое место в тексте Тацита в его обмолвке о походе Траяна, в описании которого им допущены грубые промахи.

Одним из самых ярких диссонансов является описание у Тацита эпизода гибели Агриппины, из которого очевидно, что Тацит не знает морского дела. *«Точно так же слаб он и в деле военном.»* Это очень странно для государственного человека в античном Риме, который прежде всего воспитывал в своем гражданине солдата, но вполне естественно для ученого XV века: Поджо Браччолини был человек кабинетный и менее всего воин. Военного дела он не изучал, даже теоретически... и судил о войне по воображению штатского писателя-буржуа да по-наслышке. Гошар этим объясняет смутность и расплывчатость большинства военных сцен у Тацита... Эта военная история написана штатским человеком... громадный список противоречий Тацита приводит также и Гастон Буассье, что, однако, не смущает его относительно достоверности этих произведений.

Репутацию подлинности Тацита значительно поддержала в свое время находка в Пионе (1528) бронзовых досок с отрывками речи Клавдия в пользу сенатского равноправия галлов, содержания,

тождественного с такой же речью того же государя в «Анналах». Гошар указывает, что в текстах Тацита и лионского памятника тождественна только общая идея, но не развитие речи, не говоря уже о выражениях и тоне... Гошар убедительно доказывает, что автор Тацита не видал лионских бронзовых досок (если они действительно подлинный памятник официального акта. — *Авт.*). Но вот, может быть, автор лионских досок знал уже Тацита? В таком случае текст их — такая же искусственная и свободная амплификация соответствующего места в «Анналах», как сами «Анналы» — свободная амплификация Светония, Диона Пассия, Плутарха и др. По мнению Гошара, бронзовые лионские доски — ловкая подделка XV века...

Исчислив множество ошибок, которых не мог сделать римлянин первого века, Гошар отмечает те из них, которые *обличают в авторе человека с мировоззрением и традициями XV века* ([8], стр.387—390). Гошар перечисляет многочисленные политические, экономические, религиозные, научные и литературные промахи псевдо-Тацита; все их можно найти в [8]. Однако даже Амфитеатров отказывается подробно следить за теми общими и схожими местами, которыми текст Тацита соприкасается с текстами других античных авторов, уже известных ко времени Поджо Браччолини. «Они давным-давно известны, и найти их легко в любом исследовании о Таците. Разница в оценке этих соприкосновений Россом и Гошаром против большинства других исследователей только та, что, пока остальные видят в этом совпадении свидетельства точности фактов и преемство исторических сведений, те двое твердо стоят на своем: псевдо-Тацит — талантливый человек, который превосходно изучил Светония, Диона Кассия (в особенности) и др. и, по их данным, путем амплификации написал свою историю, не боясь или, против воли, увлекаясь превращать ее иногда в исторический роман. Что наибольшее влияние на псевдо-Тацита имел Дион Кассий, понятно. Книги этого историка за период, соответственный «Анналам» и «Историям», не дошли до нас в оригинале, но лишь в сокращении и отрывках Ксифилина и Зонары. Этот текст дал псевдо-Тациту канву и конспект рассказа... Если угодно, псевдо-Тацит — это Дион Кассий, огромно выросший в таланте...» ([8], стр.393).

Причины и история подлога

«Все предшествовавшие соображения вели Гошара к той цели, чтобы доказать, что наш Тацит — подложный Тацит, и что Поджо Браччолини, так сказать, годился в подложные Тациты.

Разберем теперь, откуда у Поджо могло возникнуть желание и побуждение к этому странному подлогу?

В Лондоне он жил, очень обманутый в расчетах на щедрость Бофора и чрезвычайно им недовольный. Он очень искал новых занятий, которые позволили бы ему оставить службу у английского прелата. И вот в 1422 году один из его флорентийских друзей, Пьеро Ламбертески, предлагает ему проект какой-то исторической работы, которая должна быть выполнена по греческим источникам и в строгом секрете, в трехгодичный срок, во время которого Поджо будет обеспечен гонораром в 500 золотых дукатов.

«Пусть он даст мне шестьсот — и по рукам! — пишет Поджо, поручая Никколи сладить это дельце. — Занятие, им предлагаемое, очень мне нравится, и я надеюсь, что произведу штучку, достойную, чтобы ее читали».

Месяцем позже он пишет: «Если я увижу, что обещания нашего друга Пьеро перейдут от слов к делу, то — не только к сарматам, к скифам я рад забраться ради работы этой... Держи в секрете проекты, которые я тебе сообщаю. Если я поеду в Венгрию, это должно остаться тайною для всех, кроме нескольких друзей». В июне он еще в Англии и пишет Никколи: «Я жду только ответа от Пьеро. Будь уверен, что, если мне дадут время и досуг, чтобы писать его деяния (*gesta*), я сочиню вещь, которою ты будешь доволен. Я в очень бодром настроении; не знаю, достаточно ли у меня сил для такой задачи; но *labor omnia vincit improbus* (труд, когда человек не жалеет себя, все побеждает)».

«Когда я сравниваю себя с древними историками, мне страшно. Но, когда я сравниваю себя с нынешними, я опять верю в себя. Если взяться хорошенько, то я ни перед кем не ударю в грязь лицом».

Несколько дней спустя он опять уведомляет Никколи, что готов к отъезду и ждет только письма от Ламбертески.

Отплыв из Англии, Поджо проездом является в Кельне. Но где он был затем — неизвестно. По Корниани, — в самом деле, зачем-то жил в Венгрии. По Тонелли, — приехал прямо во Флоренцию. Состоялась ли его загадочная сделка с Ламбертески, мы также не знаем. Имя Ламбертески исчезает из переписки Поджо, что Гошар объясняет тем условием, что Поджо сам был редактором издания своих писем и выпускал их с очень расчетливым выбором. Но даже если бы сделка и не состоялась и дело разошлось, то — какой же осадок все-таки остался на дне этого эпизода?

А вот какой:

Ламбертески предлагал Поджо выполнить какой-то тайный исторический труд. Тайна предполагалась настолько строгою, что Поджо должен был работать в Венгрии, — между тем как его предполагали бы все еще в Англии. Для работы этой он должен был изучить греческих авторов (Диона Кассия?). В работе этой ему предстояло состязаться с античными историками, чего он хотел и боялся. И, наконец, весь секрет, которого от него требовали, а он принимал, показывает, что дельце-то предполагаемое было, хотя и литературное, и ученое, но — не из красивых.

Если Ламбертески действительно предлагал Поджо заняться подлогом Тацита, то он не только хорошо выбрал мастера, но и имел нравственное право обратиться к нему с сомнительным предложением. Ведь он просил Поджо лишь продолжить то, чем он начал свою карьеру. Несколько лет тому назад молодой Поджо выпустил в свет у Никколи «Комментарии К.Аскония Педиана на некоторые речи М.Туллия Цицерона». К.Асконий Педиан — оратор, упоминаемый Квинтилианом (также найденным Поджо. — *Авт.*). Оригинал, с которого выпущены были эти «Комментарии», никто никогда не видал, а все копии Никколи переписывал тоже с копии, присланной ему Поджо из Констанца. Успех был громадный, хотя первую песенку Поджо, зардевшись, спел и ученый мир быстро разобрал, что дело тут неладно. Поджо, кажется, мало и заботился о том, чтобы скрывать свой подлог. Когда в 1422 году он обсуждает с Никколи предложение Ламбертески, то в числе других прочих опасений откровенно намекает:

«Вот уже четыре года, как я не упражнялся в латинском красноречии, но в самое малое время надеюсь наверстать настолько, что смогу писать не хуже, чем прежде». Он, если хотел, имел право на такой, по нашим понятиям, цинизм в условиях своего века. Успех подложного Аскония Педиана вызвал целую серию других подлогов от имени того же фантастического автора, но все они были слишком грубы и немедленно разоблачались. Поджо Браччолини оказался лишь искуснее других. Да и о его труде ученый Франсуа Гоман, издатель печатного Аскония в 1644 году, справедливо выразился:

«Если бы не труды современных ученых, вычисливших ошибки и погрешности Аскония, он не заслуживал бы никакого внимания и труд его никому не годился бы».

Скорее, можно думать, что сделка с Ламбертески не состоялась, но ее идея запала в ум Поджо и стала в нем развиваться по разным, но одного типа планам. Прежде чем начать свою аферу с Тацитом, он пробует запродать Козьме Медичи и Леонелло д'Эсте какой-то

великолепный экземпляр Тита Ливия — и опять в таинственной обстановке: на сцене дальний монастырь на островке Северного моря, шведские монахи и пр. Тут дело вряд ли шло о подлоге сочинения (а почему нет, собственно? — *Авт.*), но очень могло идти — о подлоге экземпляра. Известно, что Поджо владел ломбардским почерком в совершенстве, а именно такой рукописью он и соблазнял названных принцев. Но тут у него дело сорвалось, и затем драгоценный экземпляр исчезает куда-то без вести, и не стало о нем ни слуха ни духа. Почему? Может быть, потому, что его и не существовало вовсе — Поджо только пробовал почву для заказа. Может быть, потому, что при дворах Флоренции и Феррары умели разоблачить истинную цену вещи. Леонелло д'Эсте было нелегко провести. Этот образованный принц едва ли не первый объявил апокрифическою, столь известную и шумевшую в средних веках мнимую переписку апостола Павла с Сенекою.

Замечательно, что в этот период жизни своей Поджо, столь вообще плодотворный, не пишет почти ничего своего, оригинального. За исключением трактата «О скупости», его философские работы все позднейшего происхождения, равно как и «История Флоренции», труд его старости, исполненный, когда он был уже на вершине своего величия, канцлером Флорентийской республики. Зато он бесконечно много учится — и систематически, односторонне, — видимо, дрессируя себя на какую-то ответственную работу по римской истории императорского периода. Никколи едва успевает посылать ему то Аммиана Марцеллина, то Плутарха, то «Географию» Птолемея и т.д.

Во всеоружии такой подготовки в 1425 году закидывает он удочку насчет Тацита. Что это была только проба, ясно из волокиты, которая началась после того, как Никколи схватил крючок, и потянулась на четыре года. Поджо пообещал труд, который сгоряча рассчитывал быстро кончить. Но работа оказалась сложнее, серьезнее и кропотливее, чем он ожидал. И пришлось ему хитрить, вывертываться, выдумывать оттяжки с месяца на месяц, а в конце концов, вероятно, все-таки признаться Никколи: ведь этот же знал своего хитроумного друга насквозь, да и посвящен был в таинственный заказ Ламбертески. Поэтому Гошар думает, что начал-то подлог свой Поджо один, но Никколи он провести никак не мог, и книгоиздатель был, несомненно его пособником...

Медлительность Поджо происходила просто из того, что он был не какой-нибудь вульгарный литературный мошенник, но великий ученый и артист: лучше, чем кто-либо, понимал громадность претензии,

которую он на себя взял, и много раз, когда книга была уже готова к выходу, останавливался в нерешительности, выпускать ли, и снова перечитывал, редактировал, правил.

Ввиду множества доказательств, хотя и сплошь косвенных, через экзегезу, Гошару удается поколебать доверие к подлинности Тацита — по крайней мере, в одном из двух списков. Но ведь их два. Они резко разнятся почерками и форматом и найдены на расстоянии добрых 60 лет. Если в обоих списках, несомненно, выдержан тон и язык одного автора, то, конечно, допустив авторство Поджо Браччолини для Второго Медицейского списка, мы открываем этой гипотезе дверь и в Первый список. Но почему же Браччолини не нашел нужным подделать Тацита, если уж подделал он его — сразу и цельным одного типа экземпляром?

Гошар отвечает:

— Потому, что, «найдя» два манускрипта разного формата и почерка, как бы отрывки из двух рукописей разных веков, Поджо хотел замести следы подлога и сбить с толку ученую критику.

А также и потому (и это, может быть, главное. — *Авт.*), что, разделив подлог свой на две «находки», он сдирает с одного вола две шкуры. Вот появляются конечные главы «Летописи» и первые «Историй». Громадный интерес, возбуждение в ученом мире. Поджо и Никколи зарабатывают огромные деньги — первая шкура с вола. Общее сожаление, что находка — без головы. Вот если бы найти голову! Когда этот ученый аппетит к потерянной голове Тацита (выражение Бероальда) вырастет, — Поджо и Никколи ее найдут и сдерут шкуру номер второй.

Почему же Поджо не выпустил при жизни своей первых книг «Летописи»?

Гошар отвечает:

— Потому что в тридцатых годах он пошел в гору, разбогател и перестал нуждаться в промышленности такого сомнительного типа. Его уже прославили и обогатили произведения, подписанные его собственным именем. Он стал оособою.

Это возможно в числе прочих соображений. Смолоду, когда ждет писателя нужда и пробивает он себе дорогу, научная мистификация, конечно, легче дается человеку и меньше тревожит его совесть, а у старого заслуженного ученого ...успокоенного жизнью, вряд ли поднимется рука на подобное дело.

(С другой стороны, список «найденных» Поджо трудов и без того весьма обширен. Кроме уже перечисленных выше авторов, Поджо

были найдены в молодости следующие классики: полный Квинтилиан, два трактата Цицерона и семь его речей, сочинения Лукреция, Петрония, Плавта, Тертуллиана, некоторые произведения Аммиана Марцеллина, Кальпурния Секула и т.д. Полный список авторов, вышедших из мастерской Поджо, неизвестен. Нет также и полной информации о других подобных мастерских в это время. — *Авт.*)

...Но, помимо чисто моральных соображений, есть и практические. Если Тацит — подделка Браччолини, то первая половина его, то есть вторая находка, Первый Медицейский список, — работа, явно не конченная... Творческое напряжение, которым Поджо Браччолини создал свой гигантский труд, могло оставить автора после того, как он значительно истощил свои силы на повесть о правлении Тиберия — бесспорно, лучшую и глубочайшую часть «Летописи»... Поджо мог... отложить свою трудную работу на время в сторону — тем более что она была не к спеху. Ведь только что найдя вторую половину Тацита, открыт на слишком коротком от нее расстоянии первую — было бы чересчур подозрительным счастьем. Рукопись... лежала, а тем временем писателя захватили другие работы, более жгучие, чем утомивший его литературный маскарад. Поджо вырос, стал знаменитостью, государственным человеком. Когда было канцлеру Флорентийской республики возвращаться к труду бурной молодости, да и — прилично ли по характеру труда? Никколо Никколи, который мог бы настаивать на продолжении подлога и поощрять Поджо, умер в 1437 году. Работа, недоконченная, осталась лежать в архиве, по ненадобности ее для автора, и непроданная, и неунничтоженная, потому что — какому же мастеру легко наложить руку на свое мастерство... Могла быть и еще одна причина: страх конкуренции (и разоблачения. — *Авт.*). В 1455 году еврей Энох д'Асколи нашел в каком-то датском монастыре (и снова монастырь, и снова на севере) Тацитовы «Диалог об ораторах», «Жизнеописание Агриколы» и «Германию» (см., например, [48]. — *Авт.*), язык которых и характер, как известно, значительно разнятся от «Истории» и «Анналов» и несут яркие следы Цицеронианства. (К слову сказать, углубленное исследование всех обстоятельств этой «находки» до сих пор не сделано. — *Авт.*) Появились на рынке «Facetiae», приписываемые Тациту, и подлог был не скоро разоблачен. Изыскание рукописей становилось делом все более и более сомнительным. Знаатоки плодились с каждым днем, и образованные жулики или мистификаторы вроде самого Поджо встречались на своем рынке с большими образованными барями,

которые могли им сами давать уроки по их товару — и настоящему, и темному. Томас Сарзанский (папа Николай V, 1447—1455), Перотти, архиепископ Сипонтийский, открывший (1450) басни Фэдра (или подделавший их. — *Авт.*), Помпония Лет (1425—1497), открывший (или подделавший) знаменитое завещание Люция Куспида, и т.д. Рынок был испорчен...

Почему, если Поджо не хотел публиковать первые книги «Летописи» при своей жизни, их не издали наследники и почему эти книги так долго оставались в неизвестности после смерти старого ученого (1459)?

Гошар отвечает:

— Потому что из наследников некому было этим заниматься. Поздно женившись (55 лет), Поджо успел произвести пятерых сыновей, между которыми младший Джакомо вполне унаследовал таланты своего отца, но рано погиб, казненный как участник заговора Пацци (1480). Остальные вошли в духовное звание. Трое умерли сравнительно молодыми. Один Джованни Франческо дожил до преклонных лет и, таким образом, опять соединил в своих руках все остатки родительского состояния. Последнее было в упадке... Покуда было что проматывать, сундуки с рукописями Поджо не интересовали его наследников. Богатство иссякло — последний наследник, проверяя инвентарь свой, наткнулся и на этот стародавний ресурс. Он очень понизился в стоимости своей за 60 лет. Развитие книгопечатания убило рукопись. Все, что было переписано, хотя бы и рукою великого Поджо, упало в цене рядом с быстро растущей конкуренцией печатной книги. Истинно ценны были только оригиналы. И вот Джованни Франческо находит оригинал Тацита — воистину драгоценный. Тот самый оригинал, о котором Поджо писал когда-то Никколи, с подложною датою 28 декабря 1427 года: «Читал я у вас во Флоренции экземпляр античными буквами — пришли-ка мне его!»

Казалось бы, самое естественное дальнейшее поведение со стороны Джованни Франческо — отнести находку к покровителю наук и искусств Льву X и получить от него те 500 цехинов, которые затем папа заплатил или Арчимбольди, или чрез него какому-то таинственному продавцу. Но Гошар находит, что Джованни Франческо не мог так поступить. Ехидные «песни», на которые жаловался Никколо Никколи и от страха перед которыми Поджо так долго прятал своего Тацита, были не забыты в ученом мире. История Асколия Педиана была всем известна. Репутация рукописей, выходящих из дома Браччолини, таким образом, была подмочена. Из рук сына Поджо Лев

Х (он же был флорентиец, Медичи, и хорошо знал, с какими птицами имеет дело) мог не принять Тацита совершенно так же, как Леонелло д'Эсте не принял от самого отца Поджо — Тита Ливия. Кстати отметить: по-видимому, этот злополучный Тит Ливий в это же время тоже опять всплыл откуда-то на поверхность рынка. Теперь его нашли будто бы на острове Гиене (один из Гебридских), прославленном в первой половине средних веков влиятельным и ученым монастырем св. Коломбана, где погребались шотландские короли. Список был увезен из Рима Фергусом, королем шотландским, при разгроме Рима Аларихом и потом скрыт на Гиене из страха перед набегами датчан! *Опять знакомая обстановка: и север, и остров, и монастырь, и датчане.* Экземпляр был предложен французскому королю Франциску I, однако и этот страстный приобретатель редкостей заподозрил подлог и отказался. Таким образом, Джованни Франческо было и впрямь удобнее предпочесть кривой, обходный путь прямому, даже в том случае, если он не подозревал родительского подлога и продавал Тацита bona fide. Если же подозревал, тем паче. Как бы то ни было, но история находки в Корвеях поразительно напоминает историю находки в Герсфельде. И это дает мне мысль, что Джованни Франческо не знал, что продает подложный документ. Иначе он позаботился бы придумать обстановку новее и сложнее. Не рекомендация товару — продавать его при тех же подозрительных обстоятельствах, при которых был спущен однажды с рук товар недоброкачественный. Джованни Франческо спасал отцов товар от дурной репутации «песен, насчет Тацита распеваемых», но сам-то верил и в нового Тацита, и в старого — и потому почитал повторение обстановки, при которой был найден первый Тацит, наиболее удобным к доказательству подлинности и ценности нового» ([8], стр.393—406).

Роман или история

Гошар и Росс рассмотрели также вопрос, история или роман лежит перед нами под именем «Тацит». Многочисленные указания на то, что именно роман, были предъявлены еще Вольтером. «... Он выставил целый ряд соображений, по здравому смыслу которые подрывали доверие к рассказу Тацита о смерти Агриппины. Если легенда безвредно выдержала (это было еще до Гошара и Росса. — *Авт.*) удары столь искусной и меткой руки, то виною тому отнюдь не слабость обвинительной логики в доказательствах Вольтера, но могущество таланта в рассказе Тацита. Он в трагических страницах летописи своей по обыкновению зачаровывает читателя настолько, что тому

становится почти безразлично, как было дело на самом деле, и хочется, чтобы было так, как велит ему верить Тацит. Он давит впечатлением, как Шекспир, как Лев Толстой, как Бальзак, и нужно найти в себе не только большое мужество «своего мнения», но и значительную долю здравомысленной сухости, чтобы пройти очарованный лес его обаяний, не поддавшись его красотам, во всеоружии сомнения и анализа» ([8], стр.324). И после того, как это очарование отодвигается на второй план, мгновенно из глубины текста поднимаются бесчисленные странности, настойчиво утверждающие, что перед нами все-таки исторический роман.

Огромное количество таких странностей перечисляют Гошар и Росс; мы не будем на них специально останавливаться, отсылая заинтересованного читателя к трудам этих специалистов-историков (см. также [8], стр.325—350). Мы приведем только резюме одного из фрагментов — смерти Агриппины, описанной, между прочим, не только у Тацита, но и у Светония, и у Диона Кассия; поэтому подозрение в том, что мы имеем дело с романом, распространяется и на эти труды.

«Итак, ряд сомнительных, а часто прямо-таки несообразных подробностей, которыми окружена смерть Агриппины в рассказах трех основных историков, а больше всего у Тацита, дает нам право с убеждением согласиться с мнениями скептиков, относящих эти легендарные страницы к области не документальной истории, но исторического романа. Очарование художественными картинками и мощным языком Тацита заслонило от умов эстетических и любителей этической дидактики, притч в маске фактов, искусственное сцепление последних, далеко не безукоризненных даже в смысле художественной концепции. В конце концов, о смерти Агриппины историк вправе утверждать точно и определенно лишь одно — то самое, что 150 лет тому назад сказал еще Вольтер: «С ужасом признаю, что Нерон дал согласие на убийство своей матери, но не верю ни единому слову в истории с галерой»... Мы, в век телеграфа, телефона, быстрой печати и широкой гласности, тем не менее при каждой смерти крупного политического деятеля бываем свидетелями или читателями тучи легенд, ее окружающих и весьма часто приобретающих такую прочность, что затем с ними не могут спорить самые несомненные, документальные исторические доказательства... легенда вливается в общественное мнение... там, где нет документов и наглядных фактов, а что-то шепчет один инстинкт общественного мнения... там история — поневоле — соседка обывательской сплетни. Насколько же сильнее и влиятельнее быть должен был этот процесс «творимой легенды» в веках, когда

общественное мнение не имело другого орудия к собственной своей формировке, кроме слуха и сплетни...» ([8], стр.350—351).

Интересно также отмеченное Гошаром чрезвычайно большое сходство языка и тона собственных латинских произведений Поджо Браччолини с сочинениями Тацита. В этой связи весьма любопытна (см. [8], стр.407) апологетическая характеристика Ланфана (1661—1728) Поджо как историка: «Нельзя, когда его читаешь, не узнать в нем Тита Ливия, Саллюстия и лучших историков римских». Лучше не скажешь!

Отношение историков к выводам Росса и Гошара

Гошар впервые заподозрил текст Тацита в амплифицированности после того, как он доказал, что знаменитый фрагмент 15,44 «Анналов» Тацита является подлогом. И только через несколько лет Гошар, наконец, понял, что дело здесь более серьезно, что речь идет не об одном фрагменте, а о всем труде.

Естественно, что выводы Гошара и Росса вызвали бурю негодования в стане историков, но они нашли и поддержку. Среди тех, кто длительное время разбирался в этом вопросе, был Артур Дреус. Не разделяя целиком основного утверждения о подлоге всего сочинения, он полностью поддержал Гошара в вопросе о подложности 15,44 (напомним, что в этом фрагменте речь идет о христианах и их взаимоотношениях с Нероном). По поводу же авторства Поджо Браччолини Дреус занял осторожную позицию, не отвергая такой возможности, но и не отрицая того, что Браччолини был в состоянии создать эту замечательную амплификацию.

Весьма характерна реакция Амфитеатрова. Не будучи в состоянии противопоставить аргументам Гошара что-либо весомое, он пишет: «Больше же и властнее всего — как щит — становится между нами и теорией Гошара пятивековая привычка к Тацитову авторитету, любовь и уважение к строгой и почти грозной фигуре римского историка-художника...» ([8], стр.409). Понимая все же ущербность такого рода декламации, Амфитеатров предлагает свою теорию происхождения рукописей Тацита, учитывающую если не все, то основные пункты гошаровой критики. По его мнению (см. [8], стр.413—423), явно основывающемуся только на желании во что бы то ни стало «спасти» Тацита, оба Медицейских списка являются подлогом Поджо, который, однако, в своей работе опирался на некий плохо сохранившийся экземпляр «подлинного» Тацита, Поджо всего лишь (!) его амплифицировал, расширил и многое присочинил. Амфитеатров не замечает, что его попытка примирить обе крайние точки зрения, как всегда это

бывает, ничего на самом деле не решает. Если Амфитеатров прав, то как можно определить, что дописал Поджо и где критерии достоверности содержащейся у «прото-Тацита» информации? Где гарантии, что этот предполагаемый Амфитеатровым «прото-Тацит» не был сочинен каким-либо лихим умельцем, так сказать, «прото-Поджо»?

Поэтому-то точка зрения Амфитеатрова большого распространения не получила. Историки предпочли игнорировать работу Гошара и Росса, хотя, подчеркиваем, никаких серьезных возражений Гошару и Россу никем выдвинуто не было.

Дреус так описывает ситуацию, сложившуюся после появления работы этих авторов: «...мы видим, что большинство теологов клянется в подлинности Тацитова свидетельства, поэтому-то они и мое сомнение в этой подлинности клеймят как посягательство на «историческую науку», как верх «ненаучности» ([36], стр.27).

Особенно раздражен был профессор Вейс. Как сообщает Дреус, «...на мангеймском собрании протеста он утверждал, что тот француз Ошар, на которого я ссылался, между прочим, сделал «невозможным свое положение в науке» тем, что он все «превосходное» сочинение Тацита признал подделкой XV—XVI столетия. После этого Вейс патетически восклицает: «Вы видите, каким авторитетам следует Дреус!» ([36], стр.29). Мы видим, что все эти «протесты» сводились лишь к голословным утверждениям, что «это невозможно», что, конечно, психологически есть первая и естественная реакция. Однако априорно отрицательное отношение к обширной и подробно аргументированной теории Гошара вызывает все-таки удивление. Дреус справедливо пишет:

«Как осмеливаются, не читая Ошара, высказывать о нем такие суждения — я постичь не в состоянии. Если бы я даже и знал резко критическое отношение Ошара к Тациту, я бы не считал себя вправе отписаться от его исследования насчет рассматриваемого отрывка, как делают это его ученые немецкие критики. Я бы решил, что если Ошар... высказал столь резкое суждение о Таците, то у него, очевидно, на это были свои основания. Немецким же критикам Ошара, которые, не зная его, так надменно поглядывают на этого иностранного ученого сверху вниз, я бы мог только посоветовать немедленно заняться штудированием его произведений, так как они могут научиться из них многому полезному для себя» ([36], стр.30).

«...Во всяком случае, те немецкие ученые, сомнение которых в подлинности этого места у Тацита (речь идет о фрагменте 15,44. — Авт.) до сих пор еще не выявилось, не имеют ни малейшего права

пожимать плечами с видом сожаления и сострадания к этому «легкомысленному» французу. А если в борьбе вокруг «Мифа о христе» вырвались из общей связи отдельные, быть может, спорные утверждения Ошара и снабженные дискредитирующими их примечаниями пускались для усыпления публики в прессу, дабы таким путем иллюстрировать ничтожность и малоценность ошаровской аргументации, то это еще вовсе не «Fair play», и подобный прием борьбы прямо-таки неприличен. Ведь где можно найти такой научный труд, который нельзя было бы уронить таким образом в глазах неспособной к самостоятельному суждению массы? И кто скажет, не пребывала ли «наука» до сих пор и в данном случае, как это случалось не раз, под властью упроченного привычкой гипноза, если она без всякой критической проверки считала рассказ Тацита подлинным? Пусть не забывают еще и того, в какой тесной связи со всем христианским пониманием истории стоит этот рассказ и насколько заинтересованы были прежде всего религиозное воспитание и церковь в том, чтобы не могло возникнуть никакого сомнения в нем. Та страстная запальчивость, с которой званые и незваные в течение последнего года вступались за Тацита, проистекала во всяком случае не из чисто исторического интереса, а, скорее, из интереса веры» ([36], стр.45).

Анализ Дрекса интересен тем, что он демонстрирует причины, по которым все заявления, подобные высказываниям Гошара, Росса, воспринимались априорно «в штыки», — религиозное воспитание большинства ученых того периода вело к тому, что все, противоречащее церковной традиции, вызывало инстинктивное неприятие любой аргументации. Ведь, в конце концов, еще Герман Шиллер указывал на странные противоречия в тексте Тацита.

«...в течение всего средневековья, по-видимому, никто не поинтересовался таким в высшей степени важным для истории и славы церкви местом у римского историографа; больше того, о его существовании только еще догадывались, пока, наконец, не прочитали его в единственном тогдашнем экземпляре Тацита, так — наз. втором Медицейском кодексе, напечатанном около 1470 г. в Венеции братьями Иоганном и Венделином Шпейерами, простыми копиями которого являются все остальные рукописи» ([36], стр.45—46).

О гонении на христиан при Нероне рассказывает также «хроника» Сульпиция Севера (умер якобы в 408 г. н.э.). Поэтому интересен вопрос, когда эта «хроника» попала в поле зрения истории. Оказывается, что существует только одна рукопись этой «хроники», относимая историками к XI в. н.э. и хранящаяся сейчас в Ватикане.

«Таким образом, в течение всего средневековья это произведение было почти неизвестно, и никто не подозревал об упоминаемом там римском гонении на христиан. По видимому, благодаря какой-то счастливой случайности как раз эта рукопись попала в руки Поджо, и он ее прочитал» ([36], стр.261).

Древс далее замечает, «что Тацит отнюдь не «превосходный» историограф в смысле объективного докладчика, но при своей резко выраженной, склонной к мрачному жизнепониманию личности является в высшей степени субъективным, добивающимся сильных, ярких эффектов и мрачного настроения рассказчиком, чье изображение, особенно римских императоров, можно принимать только с большой осторожностью, — в этом согласны все историки, да небезызвестно и теологам. Однако, когда он сообщает что-либо, что им на руку, тогда они поют хвалебные гимны «превосходству» этого римского историографа» ([36], стр.258).

После появления работ Гошара, ополчившиеся против него историки обвиняли его также в том, что в силу своего невежества он первым усомнился в подлинности книг Тацита. Вот как комментирует это Древс:

«...Таким образом, просто неверно, когда все еще продолжают с торжеством утверждать, что ни один филолог не оспаривал подлинности Тацитова отрывка. Впрочем, мне жаль немецких филологов, так как, например, американский математик Смит в своей книге «Esse Deus» привел целый ряд чисто филологических соображений против подлинности этого отрывка...» ([36], стр.258).

Заключение

Конечно, выводы Росса и Гошара не имеют и не могут иметь бесспорности, скажем, математического доказательства. Все же странно, что они были, по существу, полностью проигнорированы последующими историками, не выдвинувшими — повторим еще раз — ни одного достойного возражения.

Как бы то ни было, соображения Росса и Гошара во всяком случае кладут тяжелую тень подозрения на аутентичность Тацита и связанных с ним перекрестными ссылками древних авторов. Возникают также сомнения и в подлинности других древних авторов, «найденных» Поджо.

Как же случилось, что подлог Поджо не был сразу же разоблачен?

Чтобы в этом разобраться, не мешает предварительно познакомиться — хотя бы вкратце — с историей всех вообще литературных подделок (а заодно и подделок «исторических документов»).

§ 2. Литературные мистификации и подделки

Историю литературных подделок мы изложим в основном по фундаментальному исследованию Евгения Ланна [50]. Если сообщаемая ниже информация не сопровождается ссылкой, это означает, что она заимствована из [50] (или из [7], стр.655—706).

Церковные подделки

«Как хороший охотник, шел мистификатор во все века по следам писательской популярности. До Ренессанса благочестивый монах поддельно творения «отцов церкви», не прекращая своей работы даже и тогда, когда воинствующая церковь стала медленно отступать на новые позиции и вместе с ослаблением ее экономического значения ослабевала роль политическая. В эту эпоху мистификация входила в виде «идеологических резервов» и помогала клирикам XVI века эти позиции удерживать, обогащая боевое снаряжение церкви многочисленными подделками: новонайденным св.Бернардом, подделанным в 1449 году Жаном Гарландом, полемической книгой св.Афанасия, направленной против еретиков — автор этой книги епископ Вигилиус, комментариями святого Амвросия к посланиям апостола Павла, подделанными донагистом Тихониусом в 1532 году, и т.д. и т.п.» ([50], стр.103—104).

В IX веке Исидор Севильский представил почти сто посланий и декретов, написанных им от имени «более древних» римских епископов, начиная от «современников апостолам», вместе с несколькими письмами от предполагаемых корреспондентов воображаемых пап и с деяниями до тех пор неизвестных соборов.

Эти знаменитые декреталии «... приняты были без всякого сомнения... В следующем столетии на них делал ссылки прюмский аббат Регино, и ими продолжали пользоваться составители подобных же произведений вплоть до XII столетия, когда Грациан положил их в основу своей книги «Decretum», этого обширного свода средневековых церковных законов, и то, что построено на этой основе, остается до сих пор» ([7], стр.420).

«Подложность этих документов легко была доказана грубыми анахронизмами и промахами... Время составления этой книги нужно считать между VI Парижским собором, бывшим в 829 году, так как из этого собора многое заимствовал поддельщик, и Квнерсийским собором, бывшим в 857 году, где эти декреталии, говорят, уже приводились в качестве авторитетных документов Карлом Лысым...

теперь вообще думают, что они написаны в Меце, а Гинкмар даже говорит, что сборник этот был привезен из Испании Риккульфом, занимавшим Мецкую кафедру с 787 по 814 г.» ([7], стр.418).

Другим знаменитым церковным подлогом того же времени является так называемый «Дар Константина», на котором римская курья основывала свои претензии на светскую власть.

Огромное число документов было подделано монахами средневековья для обоснования своих прав на земельные владения.

Например, в Национальном архиве Франции хранится датированный 558 годом (!) документ о передаче королевского домена аббатству Сент Винсент и Сент Круа (позже аббатство Сен Жермен де Пре). Подложность этого документа установлена уже давно (см.[55], стр.57).

В русской истории известны поддельные грамоты князя Андрея Боголюбского Киево-Печерской лавре и князя Дмитрия Донского Троице-Сергиевскому монастырю, с помощью которых эти монастыри пытались захватить новые земельные участки (см. [55], стр.57).

Подложные родословные

Хорошо известна история подложной родословной царя Василия, в которой линия его предков была проведена вплоть до «персидских царей». Этот подлог был написан Игнатием «старинными буквами» на древнем по виду пергаменте и подсунут в библиотеку, будучи завернут в старинную рукопись.

Вообще, история подложных родословных может составить предмет самостоятельного большого исследования. Практика их составления уходит далеко в глубь веков. Уже якобы в IV веке бл.Иероним утверждал, что отец св.Паулы просходил от Агамемнона, что Юлий Фест — потомок Юлия Цезаря, а Фабии (современники Иеронима) считали своим предком Кунктатора. В IX веке Фотий составил фракийскому крестьянину Василию, занявшему константинопольский престол, родословие, делавшее его потомком знаменитых династий древности.

Особенно много фальшивых генеалогий изготавливается в XI веке в Византии. Пселл называет среди предков Кируария Гераклидов, Пелепидов, Кира Персидского, Креза и Дария Гистаспа. Атталиат насчитал у знатной семьи Фок 72 поколения, включая «знаменитых Фабиев», обоих Сципионов и Эмилия Павла (см. [74], стр.54).

Как ни странно, эти византийские хронологии некоторыми историками всерьез рассматриваются как достоверные исторические документы.

Фантастические личности

В истории известно много личностей, появившихся по недоразумению (наподобие тыняновского поручика Кижэ), но мгновенно обросших плотью и получивших обстоятельные биографии.

Вот, например, как возникла личность святой Вероники.

Предание гласит, что, когда Христос нес крест, он встретил женщину, которая стерла пот с его лица, и на платке осталось изображение лица Иисуса. Этот платок находится одновременно в трех местах: в Риме, Турине и в Испании. Для объяснения этого чуда было сказано, что сложенный втрое, он дал трижды отпечаток святого лика, откуда и произошли эти три экземпляра, и это — одно из обоснований тройственности божества. В воспоминание об этой легенде голова Христа изображается на полотне, поддерживаемом ангелами или женщиной. Внизу подпись: «Вэра иконика», что значит «истинный образ» (в православии — «нерукотворный образ»). Средневековые монахи, не понимая этих слов, соединили их вместе, приняли за женское имя и сочинили весьма обстоятельную историю св. Вероники.

Аналогичным образом появились две святые Ксенориды, из которых одна, по мартирологу кардинала XVI века Барониуса, была замучена в Антиохии. Дело было так: Барониус прочитал в одной из бесед Иоанна Златоуста (где речь шла об Антиохии) греческое слово «ксенорис», означающее «шарную запряжку». Приняв это слово за имя, он составил понемногу биографию двух святых Ксенорид, из которых будто бы об одной говорил Златоуст, а о другой — Иероним в восьмом письме к Деметрию. Специальная булла папы Григория XIII установила празднование дня святых Ксенорид 24 января. Но вскоре подлог был разоблачен, и кардинал уничтожил все издания своего мартиролога. Однако несколько экземпляров сохранилось в библиотеках Брюгге и Шамбери.

Слова «эмитере» (появляться) и «хелидон» (ласточка), которыми монахи для себя обозначили на полях месяцесловов прилет ласточек весной, сделались именами св. Эмитерия и св. Хелидонии с подробнейшими биографиями, привязанными к исторической обстановке.

Звезда Ригель («Марина астэр») в созвездии Ориона дала происхождение двум святым: Марину и Астеру с подробными биографиями.

Церковная формула «рогарэ эт донарэ» (просить и давать) превратилась в святых Рогациана и Денациана с подробными биографиями, имеющими вполне «исторический» вид.

Латинское выражение «флорам эт люцэм» (цвет и свет) превратилось в св. Флору и св. Люцию также с подробными биографиями.

Языческий год начинался в марте, и в течение первой недели этого месяца было принято поздравлять с Новым годом неизменной формулой: «пэрпэтуам фелицитатэм!» (вечного счастья!). Эти слова были персонифицированы не только в календаре (где мы находим день святых Перпетуи и Фелицитаты 7 марта), но и в многочисленнейших мощах, число которых огромно. Хорошо известны и биографии этих святых. Вот, например, достовернейшие подробности этих биографий:

«Молодым же женщинам дьявол приготовил свирепую корову, выдержав для посмешища соответствие и в отношении пола; их раздели и в сетчатых накидках привели на арену, возроптал народ, видя, что одна — нежная девушка, другая — родильница с капающим из груди молоком. Их увели и в рубашках привели снова. Первой была ошиблена Перпетуя, упав, она прикрыла туникой обнаженное бедро, более заботясь о стыде, чем о боли; затем, найдя свою шпильку, она приколола волосы: не подобало ведь мученице принять смерть с распущенной косой, чтобы не оказаться скорбящей в минуту своей славы. После этого она встала и, увидев, что Фелицитата, сшибленная, лежит на земле, подошла к ней, протянула ей руку и подняла ее...» (цитата из Жития св. Перпетуи по [72], стр. 272).

Подделки античных авторов

Не успел в 1465 году заработать в Италии первый типографский станок, как уже через несколько лет история литературы зарегистрировала подделку латинских авторов.

В 1498 году Анниус де Витербе опубликовал в Риме сборник произведений СЕМПРОНИУСА, КАТОНА и многих других, которые он якобы нашел в Мантуе, а на самом деле сам же и сочинил.

В 1519 году французский ученый де Булонь подделал две книги В. ФЛАККА, а один из замечательных ученых-гуманистов Сигоннус опубликовал в 1583 году неизвестные до него отрывки из ЦИЦЕРОНА. Эта симуляция была сделана с таким мастерством, что обнаружилась только через два века, да и то случайно: было найдено письмо Сигоннуса, в котором он сознавался в фальсификации.

В том же веке один из первых немецких гуманистов, познакомивших Германию с римскими классиками, Пролоцнус написал седьмую книгу «Календарной мифологии» ОВИДИЯ. Мистификация эта была отчасти вызвана ученым спором о том, на сколько книг делилось это сочинение Овидия; несмотря на указания

от имени автора, что книг у него шесть, некоторые ученые Ренессанса, основываясь на композиционных особенностях, настаивали на том, что книг должно быть двенадцать.

Голландец **Мерула**, автор «Всемирной истории», цитировал неоднократно длинные абзацы из рукописи ПИЗОНА и из грамматики времен Траяна, никогда не существовавших.

Францисканец **Гевара** опубликовал «найденный» им во Флоренции философский роман, героем которого является **МАРК АВРЕЛИЙ**. Исторический роман имел успех, однако анализ обнаружил мистификацию.

В конце XVI века был мало освещен вопрос о распространении христианства в Испании. Для восполнения досадного пробела испанский монах **Хигера** после большой и сложной работы написал хронику от имени никогда не существовавшего римского историка **ФЛАВИУСА ДЕКСТЕРА**.

В XVIII веке голландский ученый **Хиркенс** издал под именем **ЛЮЦИЯ ВАРА**, якобы трагического поэта эпохи Августа, трагедию. Совершенно случайно удалось установить, что венецианец **Коррарио** издал ее в XVI веке от своего имени, никого не пытаясь ввести в заблуждение.

Испанец **Мархена** в 1800 году развлекался сочинением на латинском языке рассуждений порнографического характера. Из них он сфабриковал целый рассказ и связал его с текстом XXII главы Петрониева «Сатирикона». Невозможно отличить, где кончается Петроний и начинается Мархена. Свой отрывок с Петрониевым текстом он и издал, указав в предисловии и воображаемое место находки.

Это не единственная подделка сатир **ПЕТРОНИЯ**. За столетие до Мархена французский офицер **Нодо** издал «полный» «Сатирикон», якобы «по рукописи тысячелетней давности, купленной им при осаде Белграда у одного грека», но никто не видел ни этой, ни более древних рукописей Петрония.

Также переиздавался **КАТУЛЛ**, подделанный в XVIII веке венецианским поэтом **Коррадио**, который якобы нашел в Риме список Катутла.

Немецкий студент XIX века **Вагенфельд** якобы перевел с греческого на немецкий историю Финикии, написанную финикийским историком **САНХОНИАТОНОМ** и переведенную на греческий язык **ФИЛОНОМ** из Библоса. находка произвела огромное впечатление, один из профессоров дал предисловие к книге, после чего она была издана, а когда у

Вагенфельда потребовали греческую рукопись, он отказался ее представить.

В 1498 году в Риме было опубликовано **Евсевием Зильбером** от имени **БЕРОЗА**, «вавилонского жреца, жившего за 250 лет до Рождества Христова», но «писавшего по-гречески», сочинение на латинском языке «Пять книг древностей с комментариями Иоанна Анни». Книга выдержала несколько изданий, а потом оказалась подделкой доминиканского монаха **Джиованни Нанни** из Виттерборо. Однако, несмотря на это, легенда о существовании Бероза не исчезла, и в 1825 году Рихтером в Лейпциге была выпущена книга «Дошедшие до нас халдейские истории Бероза», якобы скомпилированная из «упоминаний» о Берозе в работах других авторов (см. [4], стр.659—660). Удивительно, что, например, акад. Тураев нимало не сомневается в существовании Бероза и считает, что его сочинение «для нас в высокой степени ценно» ([32], т.1, стр.20).

В двадцатые годы нашего века немец **Шейнис** продал в Лейпцигскую библиотеку несколько фрагментов из классических текстов. Среди других был листок из сочинений **ПЛАВТА**, написанный пурпурными чернилами, хранители кабинета рукописей Берлинской академии наук, совершенно уверенные в достоверности своей покупки, расхваливали ее: «Прекрасный почерк носит все черты, характерные для очень давнего периода. Видно, что это фрагмент роскошной книги; употребление пурпурных чернил свидетельствует о том, что книга находилась в библиотеке богатого римлянина, может быть, в императорской библиотеке. Мы уверены, что наш фрагмент является частью книги, созданной в самом Риме» ([55], стр.58). Однако через два года последовало скандальное разоблачение всех рукописей, представленных Шейнисом.

Выдуманные авторы

Ученые эпохи Возрождения (и более позднего времени) не довольствовались «находками» рукописей уже известных до них писателей, они сообщали друг другу об «открытиях» ими и новых, неизвестных до тех пор авторов, как сделал в XVI веке **Мюрэ**, приславший Скалигеру собственные свои стихи под именем забытых латинских поэтов **АТТИЯ** и **ТРОБЕЯ**. Даже историк **Ж.Бальзак** создал вымышленного латинского поэта. Он включил в издание латинских стихотворений, вышедшее в 1665 году, одно, восхвалявшее **Нерона** и якобы найденное им на полуистлевшем пергаменте и приписанное неизвестному

современнику Нерона. Это стихотворение даже включалось в антологию латинских поэтов, пока не обнаружилась подделка.

В 1729 году **Монтескье** опубликовал во французском переводе греческую поэму в духе Сафо, сообщив в предисловии, что эти семь песен написаны неизвестным поэтом, жившим после Сафо, и найдены им в библиотеке одного греческого епископа. Позже Монтескье признался в мистификации.

В 1826 году итальянский поэт **Леопарди** подделал две греческие оды в стиле Анакреона, написанные якобы неизвестными до тех пор поэтами. Он же издал и вторую свою подделку — перевод латинского пересказа греческой хроники, посвященной истории отцов церкви и описанию горы Синая.

Знаменитой подделкой античных классиков является мистификация **Пьера Луиса**, выдумавшего поэтессу **БИЛИТИС**. Он печатал ее песни в «Меркюр де Франс», а в 1894 г. выпустил их отдельным изданием. В предисловии Луис изложил обстоятельства «находки» им песен неизвестной греческой поэтессы VI века до н.э. и сообщил, что некий д-р Хейм даже разыскал ее могилу. Два немецких ученых — Эрнст и Вилламовиц-Мюллендорф — тотчас же посвятили новооткрытой поэтессе статьи, и имя ее было внесено в «Словарь писателей» Лопье и Жиделя. В следующем издании «Песен» Луис поместил ее портрет, для которого скульптор Лоранс скопировал одну из терракот Лувра. Успех был огромен. Еще в 1908 году не всем было известно о мистификации, так как в этом году он получил от одного афинского профессора письмо с просьбой указать, где хранятся оригиналы песен Билитис.

Обратим внимание, что почти все разоблаченные мистификации такого рода принадлежат новому времени. Это понятно, ибо поймать за руку гуманиста эпохи Возрождения, выдумавшего нового автора, практически невозможно. По всем данным следует поэтому ожидать, что хотя бы некоторые из «античных» авторов были выдуманы гуманистами.

Подделки нового времени

Ближе к новому времени изобретались не только античные авторы. Одной из самых знаменитых фальсификаций такого рода являются поэмы **ОССИАНА**, сочиненные **Макферсоном** (1736—1796), и поэмы **РОУЛЕЯ Чаттертона**, хотя эти подделки и были довольно быстро разоблачены, но их художественные достоинства обеспечивают им заметное место в истории литературы.

Известны подделки Лафонтена, писем Байрона, Шелли, Китса, романов В. Скотта, Ф. Купера и пьес Шекспира.

Особую группу среди подделок нового времени составляют сочинения (в основном письма и мемуары), приписываемые какой-нибудь знаменитости. Их известно несколько десятков (только самых знаменитых).

В XIX веке продолжались подделки «под старину», но уже, как правило, не связанные с античностью. Так, в конце XIX века сенсацию вызвала «найденная» иерусалимским торговцем Шапиро рукопись якобы I тысячелетия, повествующая о странствовании евреев по пустыне после исхода из Египта.

В 1817 году филолог **Вацлав Ганка** (1791—1861) в церкви маленького города Кралев Двор на Эльбе якобы нашел пергамент, на котором старинными буквами были написаны эпические поэмы и лирические песни XIII—XIV вв. Впоследствии он «открыл» еще много других текстов, например старинный перевод Евангелия. В 1819 г. он стал хранителем литературных коллекций, а с 1823 г. — библиотекарем Национального Чешского музея в Праге. В библиотеке не осталось ни одной рукописи, к которой Ганка не приложил бы свою руку. Он изменял текст, вставлял слова, вклеивал листы, вычеркивал абзацы. Он придумал целую «школу» древних художников, имена которых вписал в попадавшие ему в руки подлинные старинные рукописи. Разоблачение этой невероятной по масштабу фальсификации сопровождалось оглушительным скандалом (см. [55], стр. 63—67).

Знаменитый Винкельман, основатель современной археологии, стал жертвой мистификации со стороны художника **Казановы** (брата известного авантюриста), иллюстрировавшего его книгу «Античные памятники» (а ведь Винкельман был археолог — профессионал!).

Казанова снабдил Винкельмана тремя «древними» картинами, которые, по его уверению, были сняты прямо со стен в Помпеях. Две картины (с танцовщицами) были изготовлены самим Казановой, а картина, на которой был изображен Юпитер и Ганимед, — живописцем **Рафаэлем Менгесом**. Для убедительности Казанова сочинил совершенно невероятную романтическую историю о некоем офицере, который якобы тайком ночью выкрал эти картины из раскопок. Винкельман поверил не только в подлинность «реликвий», но и во все басни Казановы и в своей книге описал эти картины, отметив, что «любимец Юпитера, несомненно, принадлежит к числу самых ярких фигур, доставшихся нам от искусства античности...» (см. [37], стр. 37—38).

Фальсификация Казановы имеет характер озорства, вызванного желанием подшутить над Винкельманом.

Аналогичный характер имеет известная мистификация **Мериме**, который задумал, увлекаясь славянами, поехать на Восток, чтобы описать их. Но для этого нужны были деньги. «И я задумал, — признается он сам, — сначала описать наше путешествие, продать книгу, а затем истратить гонорар на проверку того, насколько я прав в своем описании». И вот он выпускает в 1827 г. сборник песен под названием «Гусли» под видом переводов с балканских языков. Книга имела большой успех, в частности, Пушкин в 1835 г. сделал псевдо-обратный перевод книги на русский язык, оказавшись более легковерным, чем Гете, который сразу почувствовал мистификацию. Мериме предпослал второму изданию ироническое предисловие, упоминая тех, кого ему удалось провести. Пушкин потом писал: «Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий знаток славянской поэзии, не усомнился в подлинности сих песен, а какой-то немец написал о них пространную диссертацию». В последнем Пушкин совершенно прав: наибольший успех эти баллады имели у специалистов, нимало не сомневавшихся в их аутентичности.

Фальсификации в науке

Много фальсификаций известно и в истории естественных наук.

В 1726 г. в Вюрцбурге была опубликована книга, в которой увлекательно и вполне «научно» рассказывалось об окаменевших цветах, лягушке, пауке, который окаменел вместе с пойманной им мухой, о табличках с еврейскими письменами и о других замечательных находках. Эта книга содержала двести удивительных изображений окаменевших насекомых и мелких животных. Ее автор, **Берингер**, профессор и доктор философии, медицины и пр., снабдив ее обширным научным трактатом о пользе изучения окаменелостей, мечет грома и молнии против завистников, распространяющих слухи, будто эти глиняные (!) фигурки как шалость подкинута в раскопки, возглавляемые этим профессором, и очень убедительно доказывает, что все находки являются подлинными окаменелостями. Однако «клеветники» собрали студентов, и те продемонстрировали перед публикой процесс изготовления этих окаменелостей. Берингер потратил все свое состояние, чтобы скупить экземпляры своей книги, но это ему не удалось. Через 40 лет, уже после его смерти, франкфуртский издатель Гёбгард в 1767 г. переиздал этот толстый труд как курьез (см. [37], стр.37 и [6], стр.423—425).

Хорошо известен происшедший уже в XIX веке скандал с Мишелем Шалем, который обнаружил письмо Паскаля к Бойлю, где Паскаль излагает гипотезу о взаимном притяжении тел; а на следующем заседании французской академии Шаль огласил и другое «свежее» письмо Паскаля к Ньютону (тогда — студенту), в котором Паскаль знакомит Ньютона с законом тяготения. Грандиозный скандал, вызванный этими письмами, только через два года привел к разоблачению фальсификации. Автором оказался некий **Врэн-Люка**.

Другие фальсификации

Примеры подделок, мистификаций, апокрифов и т.п. и т.д. можно неограниченно умножать. Мы рассказали лишь о самых известных. Приведем еще несколько разрозненных примеров.

В истории развития каббалы хорошо известна книга «Зогар» («Сияние»), приписанная танаю Симону бен Йохая, жизнь которого окутана густым туманом легенды. М.С.Беленький пишет: «Однако установлено, что автором ее был мистик **Моисей де Леон** (1250—1305). О нем историк Грен сказал: «Можно лишь сомневаться, был ли он корыстным или набожным обманщиком...» Моисей де Леон написал несколько сочинений каббалистического характера, но они не принесли ни славы, ни денег. Тогда незадачливому сочинителю пришлось в голову верное средство для широкого раскрытия сердец и кошельков. Он принялся за писательство под чужим, но пользовавшимся авторитетом именем. Ловкий фальсификатор выдал свой «Зогар» за сочинение Симона бен Йохая... Подделка Моисея де Леона имела успех и произвела сильное впечатление на верующих. Защитниками мистики книга «Зогар» веками обожествлялась как небесное откровение» ([42], стр.143).

Одним из известнейших гебраистов нового времени является **Л.Гольдшмидт**, более двадцати лет положивший на критическое издание первого полного перевода на немецкий язык Вавилонского талмуда. В 1896 г. (когда ему было 25 лет) Гольдшмидт издал якобы новонайденное талмудическое сочинение на арамейском языке «Книга миротворения». Однако почти немедленно было доказано, что эта книга является переводом самого Гольдшмидта эфиопского сочинения «Гексамерон» псевдо-Епифания (см. [162], т.2, стр.777 и [6], стр.658).

Вольтер нашел в Парижской Национальной библиотеке рукопись, комментирующую Веды. Он не сомневался, что манускрипт был написан браминами до похода в Индию Александра Македонского. Авто-

ритет Вольтера помог издать в 1778 году французский перевод этого сочинения. Однако вскоре выяснилось, что Вольтер пал жертвой мистификации.

В Индии в библиотеке миссионеров были найдены поддельные комментарии такого же религиозно-политического характера к другим частям Вед, также приписанные браминам. Аналогичной подделкой был введен в заблуждение английский санскритолог Джойс, переведший открытые им стихи из Пураны, излагающие историю Ноя и написанные каким-то индусом в виде старинного санскритского манускрипта.

Большую сенсацию вызвала в свое время находка итальянского антиквара Курцио. В 1637 году он опубликовал «Фрагменты этрусской древности», будто бы по манускриптам, найденным им закопанными в землю. Подделка была быстро разоблачена: Курцио сам закопал написанный им пергамент для придания тому старинного вида.

В 1762 году капеллан Мальтийского ордена Велла, сопровождая в Палермо арабского посла, решил «помочь» историкам Сицилии найти материалы для освещения ее арабского периода. После отъезда посла Велла распустил слух, что этот дипломат передал ему древнюю арабскую рукопись, содержащую переписку между властями Аравии и арабскими губернаторами Сицилии. В 1789 г. вышел итальянский «перевод» этой рукописи. Скандальная и во многих отношениях примечательная история разоблачения этой подделки изложена в [7], стр.697.

Итоги

Во введении к своей книге Ланн пишет:

«...история мировой литературы, зная о фальсификации многих ее памятников, старается о ней забыть.

Эразм с горечью жаловался еще в XVI веке, что нет ни одного текста «отцов церкви» (т.е. первых четырех веков христианства. — Авт.), который можно было бы безоговорочно признать подлинным. Судьба памятников литературных, быть может, столь же незавидна. В самом конце XVII века ученый иезуит Ардуин ...доказывал, что античному миру принадлежат только Гомер, Геродот, Цицерон, Плиний, «Сатиры» Горация и «Георгика» Вергилия. Что же касается остальных произведений древности... все они созданы в XIII веке нашей эры. Доказательства ученого-иезуита в свое время были легко опровергнуты (интересно как? — Авт.), но едва ли найдется хотя бы один исследователь, который станет утверждать, что дошедшие до нас классики Греции и Рима не изуродованы переписчиками.

...Достаточно поставить этот вопрос (об аутентичности рукописей классиков. — Авт.), чтобы признать полную невозможность установить, где кончается в прошлом «подлинный» классик и начинается фальсифицированный. В сущности, неизвестны подлинный Софокл и Тит Ливий... Самая тонкая и строгая критика текстов бессильна обнаружить позднейшие искажения классиков. Следы, которые привели бы к подлинным текстам, обрываются» ([50], стр.5—7).

В целом можно вполне согласиться с этими итоговыми заключениями Ланна, но нельзя не отметить определенную непоследовательность в его выводах, вызванную априорной уверенностью в существовании «подлинных текстов», которая на самом деле ни на чем фактическом не основана, поскольку, как пишет сам Ланн, «следы... обрываются».

Стоит еще добавить, что историки крайне неохотно расстаются даже с сочинениями, апокрифичность которых доказана ими самими. Они числят их по разряду так называемой псевдоэпиграфической литературы (псевдо-Климент, псевдо-Юстус и т.п.) и не брезгают ими пользоваться. Эта позиция абсолютно понятна и является лишь логическим развитием общего отношения к «античным» памятникам: их так мало, что даже сомнительные из них жалко исключать из оборота.

Причины фальсификаций

Причины фальсификаций столь же многообразны, как сама жизнь. Мало что документально известно о побуждениях к фальсификации в средние века. Поэтому мы вынуждены анализировать этот вопрос на материалах нового времени. Однако нет причин, почему полученные на этом материале общие выводы не применимы ко временам более отдаленным.

1. Обширный класс подделок составляют чисто литературные мистификации и стилизации. Как правило, если мистификация имела успех, ее авторы быстро и с гордостью раскрывали свой обман (ярким примером является мистификация Мериме, а также мистификация Лунса).

К этому же классу принадлежат, по-видимому, фальсифицированные Сигониусом отрывки из Цицерона.

Если такая мистификация сделана умело, а автор в ней почему-то не сознался, раскрыть ее очень трудно.

Страшно подумать, сколько таких мистификаций было сделано в эпоху Возрождения (на пари, ради шутки, чтобы испытать свои спо-

способности и т.п.), которые впоследствии были приняты всерьез. Однако можно думать, что такого рода «древние» сочинения относились лишь к «малоформатным» жанрам (стихотворения, отрывки, письма и т.п.).

2. Близко к ним лежат фальсификации, в которых молодой автор пытается утвердить свое «Я» или проверить свои силы в жанре, гарантировавшем ему защиту в случае неудачи. К этому классу явно принадлежат, скажем, подделки Макферсона и Чаттертона (в последнем случае проявилась редкая патология полного отождествления себя с обожаемыми старинными авторами). В ответ на невнимание театра к его пьесам Колонн ответил подделкой Мольера и т.д.

Заметим, что, как правило, наиболее известные фальсификаторы этого типа в дальнейшем ничем особым не выделялись. Айрланд, подделавший Шекспира, стал посредственным литератором.

3. Еще более злостными являются фальсификации, сделанные молодым филологом с целью быстро прославиться (пример — Вагенфельд). Более зрелые мужи науки фальсифицировали с целью доказать то или иное положение (Пролюциус) или заполнить лакуны в наших знаниях (Хигера).

4. К «заполняющим» фальсификациям относятся также биографии фантастических личностей вроде «святой Вероники» и т.п.

5. Многие фальсификаторы были движимы (в комбинации с другими мотивами) соображениями политического или идеологического порядка (Ганка).

6. Частным случаем последних фальсификаций надо считать монашеские фальсификации «отцов церкви», декретов пап и т.п.

7. Очень часто книга апокрифировалась в древность из-за ее обличительного, антиклерикального или вольнодумного характера, когда издание ее под собственным именем было чревато тяжелыми последствиями.

8. Наконец, последним по счету, но не по важности является фактор элементарной наживы. Примеров так много, что их можно и не приводить.

Разоблачение фальсификаций

Если фальсификация сделана умело, то ее разоблачение представляет колоссальные трудности и, как правило (если сам фальсификатор не сознается), происходит чисто случайно (пример — Сигониус). Поскольку, как заметил Ланн, история склонна забывать о

своих фальсификациях, с удалением по времени разоблачение фальсификации делается все более трудным делом (пример — Тацит).

Поэтому нет сомнения, что очень много фальсификаций (особенно гуманистических) до сих пор остаются неразоблаченными.

В этой связи особенный интерес представляет информация об обстоятельствах находок тех или иных рукописей. Как мы видели на примере Тацита и увидим позже на примере многих других сочинений, «открытых» в эпоху Возрождения, информация эта очень скудна и противоречива. В ней нет почти никаких имен, а сообщается лишь о «безымянных монахах», принесших «откуда-то с севера» бесценные рукописи, пролежавшие «в забвении» многие столетия. Поэтому судить на ее основании об аутентичности рукописей невозможно. Напротив, сама противоречивость этой информации наводит (как в случае Тацита) на серьезные сомнения.

Весьма странно, что информации об обстоятельствах находок рукописей, как правило, нет даже в XIX веке! Либо о них сообщают непроверяемые данные: «купил на восточном базаре», «нашел в подвале монастыря тайком (!) от монахов», либо вообще молчат. Мы еще не раз к этому вернемся, а пока лишь процитируем известного ученого проф. Зелинского:

«Истекший 1891 год надолго останется памятным в истории классической филологии; он принес нам, не говоря о мелких новинках, два крупных и драгоценных дара — книгу Аристотеля о государстве афинском и бытовые сценки Герода. Какой счастливой случайности обязаны мы этими двумя находками — об этом соблюдается теми, кому знать надлежит, упорное и значительное молчание: лишь самый факт случайности остается несомненным, а с установлением этого факта устраняется всякая надобность задавать себе вопрос...» (см. [72], стр.96).

А, ей-ей, не мешало бы спросить «тех, кому знать надлежит», откуда они взяли эти рукописи. Ведь, как показывают примеры, ни высокие академические звания, ни общепризнанная честность в обыденной жизни еще не гарантируют от подделок. Впрочем, как отмечал еще Энгельс, нет людей более доверчивых, чем ученые.

§ 3. Деятели эпохи Возрождения

Все же не нужно думать, что деятели эпохи Возрождения сплошь были фальсификаторами типа Поджо. Напротив, в массе своей они были честными людьми, искренне увлеченными открывшимися перед ними перспективами.

Одним из первых был знаменитый Петрарка.

Петрарка

В начале эпохи Возрождения высится колоссальная фигура Франческо Петрарки (600-летие со дня смерти которого торжественно отмечалось в 1974 году). Как говорил Леонардо Бруни, Петрарка «был первым, кто обладал такою тонкостью ума, что смог понять и вывести на свет древнее изящество стиля, дотоле утраченного и забытого». Пьер Паоло Верджерио, подчеркивая значение деятельности Петрарки, воскресившего классический стиль, восклицал: «Кто мог бы выйти на ясный свет добродетели и звания среди стольких грязных пороков, среди такого мрака невежества!»

Столь знаменитая личность не могла быть, конечно, обойдена вниманием фальсификаторов. И, действительно, известен, например, якобы принадлежавший Петрарке экземпляр Вергилия, на котором имеется его «собственноручная» запись о первой встрече с Лаурой 6 апреля 1327 г. в страстную пятницу. «Почерк Петрарки подделан был превосходно, но календарная справка обнаружила, что шестого апреля 1327 года был понедельник» ([50], стр. 8—9).

Вопреки общераспространенному мнению, следует со всей силой подчеркнуть, что в целом личность Петрарки представляется во многом неясной и окруженной множеством легенд, из-под которых едва проступает действительность.

Будучи уже авторитетным и известным поэтом, Петрарка вступив во второй период своей жизни — период странствий. В 1333 году он совершил путешествие по Франции, Фландрии, Германии. «Путешествуя по Европе, Петрарка устанавливал личные контакты с учеными, обследовал монастырские библиотеки в поисках забытых рукописей античных авторов и изучал памятники былого величия Рима. В Париже он сблизился с Дионисием (Диониджи) да Сан Сеполькро, ученым монахом, богословом, астрологом и комментатором Валерия Максима, Овидия, Вергилия, Сенеки и Аристотеля. Дионисий подарил ему «Исповедь» блаженного Августина. В это время Августин был для молодого Петрарки не

столько богословом и одним из отцов церкви, сколько древним писателем, превосходным стилистом, отличающимся «римским красноречьем»» ([33], стр. 59).

Петрарка становится одним из первых и самых яростных пропагандистов античных авторов и, в частности, «величия Древнего Рима». Это был человек с обостренным, слегка истерическим восприятием действительности, постоянно выдававший желаемое за действительное и приходивший в священный восторг при виде развалин античности в Италии.

В 1337 году Петрарка впервые посетил вечный город. Он был потрясен: «Рим показался мне еще более великим, чем я предполагал, особенно великими показались мне его развалины... Я уже не удивляюсь, что этот город завоевал мир, скорее удивляюсь, что завоевал его так поздно».

Рим и его окрестности встретили Петрарку *хаосом легенд*, из которых поэт отбирал те, которые казались ему «историческими воспоминаниями», формируя тем самым уже некую унифицированную легенду. «В Падуе показывали гробницу Антенора, в Милане с благоговением относились к статуе Геркулеса. В Пизе утверждали, что она основана Пелопсом, ссылаясь при этом на название — Пелопоннесская (так! — *Авт.*) Пиза. Венецианцы говорили, будто бы Венеция построена из камней разрушенной Трои. Существовало мнение, что Ахиллес правил некогда в Абрुццах, Диомед — в Апулии, Агамемнон — на Сицилии, Евандр — в Пьемонте, Геркулес — в Калабрии. Аполлона считали то астрологом, то дьяволом и даже богом сарацин. Античным писателям изменили профессии: Платон стал врачом (! — *Авт.*), а Цицерон — рыцарем и трубадуром (!! — *Авт.*). Вергилий считался магом...» ([28], стр. 72).

Этот абсолютно неунифицированный хаос легенд и литературных источников сплошь и рядом противоречил реальным историческим памятникам. Петрарка писал: «Где термы Диоклетиана и Каракаллы? Где цимбриум Марса Мстителя? Где святыни Юпитера Громовержца на Капитолии и Аполлона на Палатине? Где портик Аполлона и базилика Гая и Луция, где портик Ливии и театр Марцелла? Где здесь построил Марий Филипп храм Геркулеса и Муз, а Луций Корнифиций — Дианы, где храм свободных искусств Азиния Паллиона, где театр Бальбоа, амфитеатр Статилия Тауреа? Где бесчисленные сооружения Агриппы, из которых сохранился только Пантеон? Где великолепные дворцы императоров? В книгах находишь все, а когда ищешь их в городе, то оказывается, что они исчезли или остался от них только

жалкий след». Дымка мечты настолько заволакивала взор Петрарки, что, глядя на отчетливую надпись на пирамиде Цеогия, он продолжал уверять, что это могила Рема! Реальная действительность Рима удивляла Петрарку. Колизей был почему-то замком и крепостью одного из феодальных родов, та же участь постигла «мавзолее Андриана», «театр Марцелла», арку «Септимия Севера».

«С прибытием Петрарки в Рим начинается новая эпоха в переоценке упадка великого города. Петрарка был первым человеком нового времени, чьи глаза наполнились слезами при виде разрушенных колонн и от одного только воспоминания о забытых именах, чье сердце было взволновано немым свидетельством камней» ([28], стр.73). Сам Петрарка писал: «Остатки древних стен, благоговенные внушающие, либо страх, когда былого вспоминаются картины...» Отношение Петрарки к Риму ярко проявляется, например, в стихотворном письме к Паоле Аннибальди: «Честь тебе и хвала, если ты сохранишь эти стены, ибо они говорят о том, сколь славен был Рим, пока стоял нерушимо».

Античная литература и Петрарка

Петрарка развернул активную деятельность: разыскивал статуи, собирал римские медали, пытался восстановить старинную типографию Рима и т.д. Но большую часть своей энергии Петрарка направил на поиски и комментирование произведений «античных классиков».

Сохранился список якобы принадлежащих ему книг, составленный им самим в 1336 году на последней странице латинского кодекса, хранящегося сейчас в Национальной библиотеке Парижа. Располагали Петрарка, кроме этих имен, оригиналами их произведений, неизвестно. Список содержит следующие имена: Гораций, Овидий, Катулл, Проперций, Тибулл, Персий, Ювенал, Клавдиан, Плавт, Теренций, Тит Ливий, Саллюстий, Светоний, Флор, Евтропий, Джустин, Орозий, Валерий Максим, Квинтилиан, Варрон, Плиний, Апулей, Авл Гелий, Макробий, Витрувий, Марциан Капелла, Помпоний Мела, Кассиодор, Бозций. Кроме того, на этой странице перечислены имена и многих отцов церкви.

Петрарка пополнял свои архивы «в течение всей своей жизни с помощью друзей и своих многочисленных иностранных корреспондентов, которые разыскивали и переписывали для него забытые и полузабытые рукописи» ([33], стр.87).

Петрарка постоянно занимался копированием не только своих рукописей, но и чужих. С увеличением своих доходов, он организовал целую мастерскую (фирму), в которой работали секретари и переписчики, о чем он сам неоднократно упоминал в письмах. О его страстном увлечении — собирать древние книги — знали все. Почти в каждом письме к друзьям он напоминает об этом: «Если я тебе дорог, сделай так: найди образованных и достойных доверия людей, пусть перетрясут всю Тоскану, перероют шкафы ученых как духовных, так и светских». Он щедро оплачивает находки, и они стекаются к нему со всех сторон.

Специалисты по биографии Петрарки с восторгом пишут: «В сущности, это был первый из тех славных, богатых открытиями походов, которые предпримут гуманисты последующих поколений, отправляясь, подобно Колумбам, в странствия не для завоевания островов и континентов, а на поиски изгрызанных крысами пергаментов» ([28], стр.63).

«Им самим было сделано несколько важных находок. Так, в 1333 году он обнаружил в Льеже две дотоле никому неизвестные речи Цицерона. Одной из них была речь «В защиту поэта Архия», оказавшая большое влияние на гуманистическое понимание общественной и воспитательной роли литературы.

Потом, в 1334 году, Петрарка отыскал в Вероне письма Цицерона к Аттику, к Квинту и к Бруту. Это тоже было важным открытием... Петрарка не без основания считал, что именно он возродил в Европе интерес к философии и публицистическим сочинениям великого римского оратора. По-видимому, Петрарка был также первым, кто по прошествии многих столетий по-настоящему оценил лирику Катулла, списки стихотворений которого еще в конце XIII века были вывезены из Фландрии (? — Авт.) неким веронским писцом по имени Франческо» ([33], стр.87—88).

Петрарка писал: «Как только увижу монастырь, сразу же сворачиваю туда в надежде найти что-нибудь из произведений Цицерона». Впоследствии Петрарка найдет много произведений Цицерона. Как было уже отмечено, в Льеже он обнаружил две речи, которые быстро распространил среди литераторов своей эпохи. По его заявлению, он сам переписал их с монастырской рукописи. «Ты будешь смеяться, если я скажу тебе, что в Льеже мне с большим трудом удалось найти чернила, да и те были похожи, скорее, на шафран».

Примерно к этому же времени относится и странная история поисков затерянного сочинения Цицерона «О славе». О существовании этой

рукописи было известно из приписываемого Цицерону письма к Аттику. Петрарка заявил, что он будто бы обнаружил эту рукопись, но дал ее на время своему старому учителю Конвенеvole, который ее «потерял».

Письма Цицерона Петрарка якобы обнаружил в библиотеке капитула в Вероне, причем до Петрарки никто не знал о существовании этих произведений. Почему-то оригинала у Петрарки вскоре не оказалось, он предъявил копию, разослав ее всем заинтересованным лицам. Эта рукопись содержала письмо к Аттику, к брату Квинту, к Марку Бруту и несколько апокрифов.

Насколько Петрарка сжился с воображаемым миром античности, видно из его манеры писать письма античным мертвецам. «Франческо Петрарка приветствует Марка Туллия Цицерона. Долго разыскивал я твои письма и, наконец, нашел их там, где меньше всего ожидал. Я читал их с жадностью. Я слышал твои слова, твой плач, узнал твою переменчивость, Марк. До сих пор я знал, каким ты был учителем для других, теперь знаю, каким ты был для самого себя... ..В горном краю, на правом берегу Адидже, в городе Вероне, шестнадцатого июня, года от Рождества Христова, которого ты не знал, 1345».

Несколько сочинений Цицерона Петрарка получил от юриста Лапо ди Кастильонкьо, страстного коллекционера и собирателя античных авторов. От того же Лапо ди Кастильонкьо восторженный Петрарка получил и фрагменты из произведений Квинтилиана, в частности «О воспитании оратора». Петрарка был абсолютно уверен в подлинности этой рукописи. Рукопись была небрежной, истрепанной, в ней не хватало нескольких книг, а в тех, которые уцелели, было множество пробелов; в общем — рукопись очень походила на древнюю, а большего Петрарка и не требовал; он тотчас же написал восторженное письмо, обращаясь к духу Квинтилиана. «В горном мире, между правым склоном Апеннин и правым берегом Арно, в моем родном городе, где впервые удалось мне познакомиться с тобой, 7 декабря года от Рождества Христова, которого твой господин (т.е. Домициан) предпочитал не признавать, а преследовать, 1350». В сборнике писем Петрарки, хранимом во Флоренции, Лапо ди Кастильонкьо дописал рядом с этими словами: «Говоришь правду, ибо я дал тебе его во времена твоего римского путешествия, а до этого никто его не видел». Петрарка продолжает: «Мне хочется еще только одного: увидеть твоё творение полностью, и где б ты ни был, молю тебя — не прячься больше». И вот в ответ на эти мольбы полный текст Квинтилиана был вскоре «обнаружен» Поджо Браччолини в монастыре Сан-Галлен зимою 1415—1416 гг.

«Петрарка оказался прирожденным филологом. Он первым стал изучать произведения древнеримских поэтов, сопоставляя различные списки и привлекая данные смежных исторических наук. Во второй период творчества Петрарка заложил одновременно основы и классической филологии... Именно Петрарка-филолог разрушил средневековую легенду о Вергилии — маге и волшебнике, уличил автора «Энеиды» в ряде анахронизмов, отнял у Сенеки несколько произведений, приписанных ему в средние века, и доказал апокрифичность писем Цезаря и Нерона, что в середине XIV века имело немаловажное политическое значение, ибо авторитетом этих посланий обоживались притязания империи на Австрию» ([33], стр.88—89).

Таким образом, мы видим, что уже во времена Петрарки «античные» подделки были широко распространены.

Обращение Петрарки к античности являлось следствием идеологического конфликта поэта с окружающей его средой, и он создает себе легендарный мир древности, резко противопоставляя «античную цивилизованность» феодальному «варварству». В письме к Титу Ливию (опять письмо в прошлое) он патетически восклицает: «О, зачем не дано мне судьбою жить в твоё время...»

Пока читаю тебя, мне кажется, будто я нахожусь рядом с Корнелием, Сципионом Африканским, Лелием, Фабием Максимом, Метеллом, Брутом, Децием, Катонем, Регулом, Торкватом... В сладостных мечтах я мыслю себя живущим среди этих великих людей, а не среди воров и бандитов, которые на самом деле меня окружают... С наибольшим рвением предавался я, среди многого другого, изучению древности, ибо время, в которое я жил, было мне всегда так не по душе, что, если бы не препятствовала тому моя привязанность к любимым мною, я всегда желал бы быть рожденным в любой другой век и, чтобы забыть этот, постоянно старался жить душою в иных веках».

Петрарка написал серию биографий «О знаменитых людях», почти все герои которой — деятели республиканского Рима. В частности, в этом труде содержатся биографии Юния Брута, Горация Коклеса, Камилла, Маилия Торквата, Фабриция, Фабия Максима, Катона Старшего, Сципиона Африканского. Предполагается, что источниками служили для него произведения Тита Ливия, Светония, Юстина, Флора, Цезаря. Но насколько это обосновано? В действительности мы не знаем, какими источниками пользовался Петрарка, да и пользовался ли. Ведь он писал романы. «В моем сочинении содержится только то, что имеет отношение к добродетелям или порокам, ибо, если я не ошибаюсь, истинная задача историка состоит в том, чтобы показать,

чему читатели должны следовать или чего им надобно избегать». Не его вина, что потом сочинения эти стали рассматриваться как бесспорные исторические первоисточники.

Петрарка утверждал, что подражать античным классикам надо так, чтобы «новое произведение напоминало архетип, но не было ему тождественно».

Петрарка был искренним учителем Поджо Браччолини, а последний был его искренним учеником.

Петрарка назвал много «древних» имен, его последователям осталось только найти их произведения.

Следует обратить особое внимание на деятельность Петрарки вокруг собственного эпистолярного наследия. Он оставил три сборника писем, которые были им самим отредактированы, причем многие письма уничтожены как нежелательные свидетели. В своей латинской корреспонденции он задушевывал действительность, вводил древние прозвища и имена — Сократ, Лелий, Олимпий, Симонид и т.д. — и латинизировал свои письма так, что они приобретали яркий характер древности, как ее понимали в то время. Даже рассказывая о событиях современности, он маскировал их под античными одеждами. Эти письма расходились по всей Европе, в Лондон, Париж, Прагу, не говоря об Италии, и создавали тот античный колорит, который вскоре воспитал Поджо Браччолини.

Выводы

Какие можно сделать из всего этого выводы?

Мы уже отмечали явную легендаризированность и амплифицированность биографии Петрарки, вполне естественную для общепризнанного основателя и зачинателя мощного идеологического движения. Но, даже отвлекаясь от этого, мы отчетливо можем различить в его биографии общий дух этой эпохи и немедленно обнаружить многочисленные возможности фальсификаций.

Не желая подвергать сомнению личную добросовестность Петрарки, мы не можем все же не отметить его почти болезненную увлеченность, явно не допускающую критической оценки «образованных и достойных доверия людей», доставляющих ему (напомним, не даром) «древние» сочинения.

Не нужно пренебрегать также реальной возможностью, что некоторые сочинения Петрарки, написанные им *bona fide* в подражание классикам, могли быть впоследствии приняты за копии истинно «древних»

сочинений. Какова объективная достоверность его биографической серии героев республиканского Рима, мы уже отмечали.

Естественно, нельзя утверждать, что все гуманисты эпохи Возрождения были мошенники и фальсификаторы. В массе они были лишь увлеченные люди, недостаточно критично относившиеся к попадавшим в их руки манускриптам.

Но все же, конечно, определенное критическое чутье у них было, о возможности фальсификаций они знали (недаром Петрарка ищет людей, «достойных доверия»), так что становится непонятным, почему были разоблачены лишь очень немногие подделки.

Ответ очень прост. Нужно думать, что фальсификаций, в соответствии с требованиями рынка, было очень много, но большинство из них было сделано столь неумело, что подделка разоблачалась первым же покупателем рукописи. Лишь подделки более искусные разоблачались не сразу и успевали получить известность. Наиболее же искусные подделки, полностью отвечающие уже унифицированной из первоначального хаоса легенде, признавались подлинными произведениями древности.

Этот процесс отбора объясняет также определенную согласованность дошедших до нас «античных источников»: рукописи, противоречащие уже сложившейся легенде, объявлялись поддельными и как таковые уничтожались. Для начала этого процесса достаточно было признать истинными одну-две рукописи, и, на каких основаниях это было сделано Петраркой (или его предшественниками и учителями), мы не знаем, а ввиду всего того, что о Петрарке известно, очень сомнительно, чтобы эти основания были очень надежными.

Между прочим, поскольку документы отвергались как фальшивые на том основании, что они противоречили «истинным» документам, не исключено, что могли быть отброшены (и потеряны) действительно правдивые источники, совсем по-другому представлявшие нам события древней истории.

С чего же началась вся эта деятельность? Пока не было гуманистов типа Петрарки, древние римляне были никому не нужны и не было никакой выгоды их подделывать. Коллекционеры же рукописей, вокруг которых уже начали виться фальсификаторы, не могли появиться, пока не было рукописей. Значит ли это, что какой-то запас истинно древних рукописей должен был существовать изначально?

Может быть, да, а может быть, и нет. Не надо забывать, что громадное большинство дошедших до нас рукописей средневековья

анонимно. Как отмечает (применительно к древнерусским рукописям) академик М.И.Сухомлинов:

«Большую частью имена писателей исчезли вместе с ними, а иногда не были известны и при жизни их. Это обстоятельство нельзя назвать простой случайностью: в нем открывается черта древнерусской образованности. В постоянном удерживании своего имени в неизвестности видно убеждение, своего рода начало, ставившее мысль, раскрытую в произведении, несравненно выше личности автора... Не только авторы, но и самые переписчики не считали нужным называть себя по имени» (см. [71], стр.42).

В результате уже ко времени Петрарки накопился порядочный запас анонимных произведений, которые он мог действительно в разных местах находить и, не удовлетворяясь их анонимностью, приписывать их какому-нибудь древнему автору, известному ему из хаотических легенд только по имени. Конечно, о Петрарке мы говорим здесь только для примера; это относится и ко всем коллекционерам его и более позднего времени.

Достаточно было появиться нескольким таким рукописям (и достаточно увлеченным их коллекционерам), как открылась широкая дорога и умышленным фальсификациям.

Причины апокрифирования

до и после изобретения книгопечатания

Судя по примеру Поджо Браччолини, основной движущей силой апокрифирования античных классиков в докнигопечатную эпоху была жажда наживы. Эта причина, конечно, оставалась и после появления печатных книг.

Здесь следует заметить, что традиция рукописной книги очень долго сохранялась и после изобретения книгопечатания.

«Замечательное свидетельство о случае перевеса числа рукописей над числом печатных научных книг в научной библиотеке второй половины XVI в. принадлежит английскому математику, алхимику и астрологу Джону Ди (John Dee, 1527—1608); он утверждал, что из 4000 книг его библиотеки на долю печатных произведений приходилась только 1000» ([100], стр.56).

В Италии, наряду с уже широко развитым книгопечатанием, существовало мощное течение рукописной традиции, носившее библиофильский характер: «роскошные греческие кодексы с текстами античных авторов создаются по заказу гуманистов и коллекционеров-меценатов.

Такие кодексы переписываются уже не только греками, но и самими итальянцами. Так, например, в первой половине XVI в. Джованни Бернарде Ретазола, по прозвищу Феличиано, преподаватель греческого языка и латыни в Венеции, создавал изысканные манускрипты, содержащие тексты греческих медиков» ([100], стр.109).

Кто знает, сколько таких списков было впоследствии отнесено ловкими перекупщиками и доверчивыми учеными, скажем, в VIII век?

На территории бывшей Византийской империи очень долго не было греческих типографий, «поэтому из-за отсутствия типографий в Греции книгу переписывали от руки — в монастырях, при церквях, в школах, в больших городах и самых отдаленных уголках» ([100], стр.106). «Привозимая из Италии печатная греческая книга даже в самой малой степени не удовлетворяла существующей потребности в книге, а в отдаленные уголки Греции она не доходила совсем» ([100], стр.110).

Многочисленные рукописные списки, возникавшие, таким образом, уже с печатных изданий, после своего обнаружения могли быть объявлены «древними».

Интересно было бы исследовать явные опечатки в известных изданиях классических и религиозных книг для проверки, не повторяются ли эти опечатки и в «старинных» манускриптах, считаемых за более ранние оригиналы?

В начальный период книгопечатания, кроме наживы, могли существенную роль играть и другие факторы.

Например, молодой, начинающий автор, не имея еще громкого имени, испытывает значительные трудности в публикации своих произведений. Часто единственный для него выход — поставить на рукописи какое-либо древнее имя, уже достаточно известное и гарантирующее книге распространение в читательской среде. Сам автор выступает при этом как переводчик, как первооткрыватель «древнего текста», приобретая тем самым первоначальную известность.

Впрочем, нечто аналогичное происходило и в допечатный период. Скажем, хорошо известно приписывание Златоусту произведений, ему не принадлежащих. М.И.Сухомлинов объясняет, что «авторское самолюбие, перебирая различные пути к известности, останавливается на имени Златоуста, как на самом надежном ручательстве в успехе произведения. Поэтому в разное время многие из пишущих греков выставляли имя своего достопамятного соотечественника на собственных сочинениях, далеко не совершенных» (см. [71], стр.43).

И в допечатную, и в послепечатную эпоху автор «опасной» в идеологическом отношении книги (скажем, антицерковной) мог прикрыться, как щитом, древним именем, лишая себя славы, но удовлетворяясь возможностью распространения своих взглядов. Такого рода мимикрия могла быть многослойной.

Например, известен резко антихристианский писатель II века Цельс. Его сочинения до нас не дошли, а его взгляды известны только по сочинению опровергавшего его Оригена. Обращает на себя внимание, что Ориген, подробно цитируя Цельса и аккуратно излагая его взгляды, никак, по существу, их не опровергает, ограничиваясь грубой бранью и заявлениями типа «это невозможно, ибо противоречит Священному писанию». Не является ли здесь Ориген лишь маской антиклерикального автора, решившего в такой форме изложить свои взгляды? Цитирование Оригеном Цельса настолько подробно, что современные исследователи смогли «восстановить» по этим цитатам, по существу, все сочинение Цельса (см. например [111], стр.104).

Не является ли также тонким издевательством антиклерикального автора-апокрифиста и знаменитое изречение Тертуллиана: «Верю, потому что абсурдно»?

§ 4. Обзор происхождения основных сочинений античности

В свете всего сказанного выше возникает необходимость более внимательно рассмотреть историю находок и опубликования античных сочинений.

Сочинения Платона

Всем известно имя ПЛАТОНА, но мало кто, кроме специалистов, знает, что даже «в начале XV века гуманисты еще совсем не знали Платона, но, следуя словам Цицерона, обыкновенно с пылкостью восставали против всякого сомнения в возвышенности его философии» ([88], стр.147). Гуманисты не знали Платона ни в подлинниках, ни в переводах. Первый перевод нескольких диалогов Платона дал Бруни в 1421 году, но оригиналы, которыми он пользовался, до нас не дошли (так что позволительно спросить: существовали ли на самом деле эти «оригиналы»?).

Платон стал широко известен только после того, как в 1482 году флорентийский философ Марчелло Фичино принес издательку Венету латинскую рукопись «Диалогов», объявив ее своим переводом с греческой рукописи. После опубликования рукописи Фичино читатели сразу же отметили в ней большое число анахронизмов. Второе издание «перевода» Фичино вышло во Флоренции в 1491 г., а третье, по возможности исправленное от анахронизмов, — в 1517 г. в Венеции.

Греческих рукописей Фичино никому и никогда не предъявлял до самой смерти; не нашли их и его наследники — рукописи исчезли бесследно (подобно рукописям Бруни).

Лишь через 30 лет после первого издания Платона венецианский критянин Марк Мазур представил в 1512 г. греческий текст сочинений Платона. Этот текст был тотчас напечатан в 1513 г., а затем с постоянными исправлениями он многократно перепечатывался в продолжение всего XVI века.

Греческий текст Мазура характеризуется столь ярко выраженной разностильностью, что к настоящему времени нет ни одного диалога, который считался бы подлинным всеми специалистами по Платону. Из 38 диалогов девять признаются всеми исследователями подложными. Один из первых и наиболее авторитетных исследователей Платона Аст признавал только 14 диалогов. Другие исследователи (Зохер, Шааршмидт, Иберверг), признавая диалоги, отвергнутые Астом, отрицают другие. Рекорд держит, по-видимому, Шааршмидт, который счел заслуживающим

доверия только 9 диалогов и среди них те, которые отвергались Астом и Зохером (см. подробности в [3], стр.127—128).

Однако никому, по-видимому, не приходило в голову самое естественное объяснение, что для скорости дела Мазур поручил перевести на греческий язык латинский текст Фичино не одному, а несколькими лицам.

Знаменательно, что большинство упоминаний имени Платона у «древних» греческих авторов стало известно уже после появления переводов Фичино.

Обращает на себя внимание также тот факт, что одним из главных продолжателей и последователей Платона был александрийский философ ПЛОТИН, а — уже в эпоху Возрождения — распространителем их идей в Европе — грековизантинец ПЛЕТОН. Может ли фонетическое сходство имен Платон — Плотин — Плетон быть случайным?

Мы вернемся к Плетону в гл. 18.

Сочинения Цицерона

Аналогичное положение и с латинскими классиками.

Рассмотрим, например, трактаты ЦИЦЕРОНА, дошедшие до нас в двух рукописных изводах «неполном» и «полном» (см. [46], стр.387—388). Нам сообщают, что с падением античной культуры трактаты Цицерона теряют популярность, из-за чего, например, трактаты «Об ораторе» и «Оратор» выжили лишь в единственной рукописи со многими утраченными листами. Вот как описывается в примечаниях в [46] история изводов Цицерона:

«Когда минует полоса «темных веков» раннего средневековья и уцелевшие памятники античной литературы вновь начинают переписываться по европейским монастырям, эта дефектная рукопись трактатов «Об ораторе» и «Оратор» становится источником целого семейства списков; все они имеют общую черту — пропуски (порой очень большие, по половине книги и более) на тех местах, где в архетипе были потеряны листы. Это и есть «неполный извод»; архетип его давно погиб, но текст его отчасти поддается реконструкции по старейшим и лучшим спискам — «Авраншанскому», «Гарлеянскому», «Эрлангенскому» (эти списки относятся якобы к IX—X вв. н.э. — *Авт.*).

В XIV в. — начале XV в. эпоха Возрождения резко оживила интерес к риторическим трактатам Цицерона. Сохранившиеся рукописи «Об ораторе» и «Оратора» переписываются все чаще, и досада на их неполноту прорывается все сильнее. Дело доходит до того, что около

1420 г. миланский профессор Гаспарино Барцицца, лучший тогдашний специалист по Цицероновской риторике, взялся за рискованный труд: собрался заполнять пробелы «неполного извода» собственными дополнениями для связности. Но не успел он закончить свою работу, как совершилось чудо: в глухом итальянском городке Лоди была найдена заброшенная рукопись с полным текстом всех риторических сочинений Цицерона — «Старой риторики» («Риторике к Гереннию»), «Новой риторики» («О нахождении»), «Об ораторе», «Брута» (до того вовсе неизвестного) и «Оратора». Барцицца и его ученики набрасывают на новую находку, расшифровывают с трудом ее старинный (вероятно, XIII в.) шрифт и изготавливают, наконец, удобочитаемую копию. С этой копии снимаются списки, и в своей совокупности они составляют «полный извод» Цицероновского текста; во главе его стоят рукописи «Флорентийская Мальябекки», ватиканская «Оттобонианская» (единственная, включающая все три трактата подряд) и «Палатинская» — все три относятся к 1422—1425 гг. А между тем происходит непоправимое: архетип этого извода лодийская рукопись оказывается заброшенной, никому не хочется биться над ее трудным текстом, ее отсылают за ненадобностью обратно в Лоди, и там она *пропадает без вести*: начиная с 1428 г. о ее судьбе ничего не известно. Европейские филологи до сих пор оплакивают эту потерю до наших дней» ([46], стр.387—388).

Вот так «находились» рукописи Марка Туллия Цицерона — знаменитого древнеримского оратора и политика! Можно только поздравить профессора Барцицца и его учеников с этой удачной операцией.

«Рукописи множились, наряду со списками «неполного» и «полного» изводов появлялись списки смешанные, вносящие в один извод поправки по другому. С изобретением книгопечатания рукописи сменяются печатными изданиями: около 1465 г. в Субиаке выходит первое печатное издание трактата «Об ораторе», в 1469 г. в Риме выходит первое печатное издание всех трех трактатов вместе. В течение нескольких столетий основой для этих изданий брались рукописи «полного извода», как наиболее связанные и удобные...» ([46], стр.388).

Поучительна также история «открытия» рукописи Цицерона «О государстве». Этот трактат, оказывается, до начала XIX в. был известен только по упоминаниям о нем у других авторов и по отдельным цитатам, которые встречались у других писателей.

«В эпоху Возрождения ценители и поклонники античности, начиная с Петрарки, разыскивали это сочинение Цицерона во всех книгохранилищах Европы и ездили с этой целью даже в Польшу, но все эти попытки долгое время оставались безрезультатными. Только в начале XIX века (! — *Авт.*) ученый кардинал Анджело Май, префект Ватиканской библиотеки, нашел палимпсест (т.е. рукопись на пергаменте, с которого был стерт первоначальный текст и написан новый). Этот палимпсест содержал значительную часть первой и второй книг трактата, а также и отрывки из третьей, четвертой и пятой книг; из текста шестой книги палимпсест не сохранил ни одного отрывка. В 1822 г. Май издал рукопись, включив в нее фрагменты и цитаты, приводимые древними авторами, и снабдив издание своими комментариями...» ([81], стр.159).

Книга Светония «Жизнь двенадцати цезарей»

Эта книга пользовалась большой популярностью в средние века, однако сохранившиеся ее списки «в конечном счете восходят к единственной античной рукописи, которая пережила «темные века» варварских нашествий и была в распоряжении придворной академии Карла Великого. По этой рукописи ознакомился со Светонием Эйнхард, когда около 818 г. н.э. писал свою «Жизнь Карла Великого», старательно воспроизводящую светониевские биографические схемы (не является ли «Светоний» просто другим прозвищем Эйнхарда? — *Авт.*). Потом эта рукопись хранилась в знаменитом аббатстве св. Бонифация в Фульде, и с нее делались списки... Ни Фульдская рукопись, ни первые списки с нее до нас не дошли...» ([59], стр.281).

Оказывается, что старейшим и лучшим списком этой книги является список, относимый историками к IX веку и называемый «Меммианским кодексом» по имени французского дипломата, владевшего им в XVI веке. Все остальные списки датируются не ранее XI в. н.э.(см. [59], стр.281).

Первыми печатными изданиями Светония считаются два римских издания 1470 г. и венецианское 1471 г. «В основе их лежали поздние, несовершенные рукописи...» ([59], стр.281).

Отрывки сочинения Светония «О знаменитых людях» также появились весьма поздно. «...Сохранился большой фрагмент, охватывающий всю книгу «О грамматиках и риториках», за исключением конца. Этот фрагмент находился в сборнике IX в. из Герсфельдского монастыря в Германии (в сборник входили, кроме того, «Германия», «Агрикола» и «Диалог об ораторах» Тацита, затем следовало сочинение

Светония, и на нем рукопись обрывалась). *Эту рукопись открыл в Германии Поджо Браччолини в 1425 г., и привез в Италию Энох Аскуланский около 1458 г. Герсфельдская рукопись не сохранилась (уцелели лишь несколько листов из тацитовской части), но осталось около 20 списков с нее, сделанных в Италии в XV в.; они и служат установлению текста «О грамматиках и риториках»...» ([59], стр.337).*

Напомним (см. § 1), что упомянутые здесь т.н. «малые» произведения Тацита резко отличаются по стилю от его «больших» произведений («Истории» и «Анналов»). Уже в XVI веке это вызывало сомнения в их подлинности (см. [48], т.2, стр.217—218).

Все остальные отрывки из книг Светония являются цитатами в трудах других авторов.

Отношение большинства историков к информации, сообщаемой Светонием, отрицательное. Его обвиняют в «непонимании истории», отсутствии критического чутья, использовании заведомо ложных и тенденциозных источников, стремлении к пересказу абсолютно неправдоподобных анекдотов и песен и т.д. и т.п. (см. [59], стр.263).

«К сожалению, по общему обычаю античных историков, Светоний избегает прямых указаний на источники. Тем не менее в ссылках он упоминает более тридцати авторов, из которых иные (Акторий, Назон, Юлий Марат, Юлий Сатурнин, Аквиллий Нигер) не упоминаются более никем» ([59], стр.277). Поэтому проверить достоверность этих ссылок нельзя, что, быть может, и было предусмотрено. Однако после того, как эти «новые имена» были названы, искатели вроде Поджо Браччолини уже могли с полным правом «искать» и, конечно, «находить» все новые и новые «достоверные списки ранее неизвестных писателей».

Любопытно, что, согласно Светонию (а также Диону Кассию), пострадавшая от землетрясения Помпея была восстановлена императором Титом и существовала еще при Адриане и Антонине.

Кстати сказать, восстановленная Помпея обозначена также на так называемом «Пейтингеровом пергаментном свитке», составленном из склеенных вместе кусков пергамента и изданном в Венеции в 1591 году. Свиток этот был «найден» только за сто лет до этого Конрадом Цельтнером около 1490 г. (см. [2], стр.315).

«История» Тита Ливия

О ТИТЕ ЛИВИИ мы уже упоминали в §1. Утверждается, что он якобы родился в 59 г. до н.э. и пользовался 75 (!) книгами, написанными в предшествовавшем поколении Валерием Антиатом, имя которого согласно Морозову (см. [5], стр.259) означает «Хохлатый Силач» (а

имя самого Ливия — «Почтенный Ливиец»). Эти книги, говорят нам, исчезли затем без следа, кроме нескольких цитат в произведениях поздних авторов.

«Будет ли стоить труда, если я напишу историю римского народа от основания столицы? Этого я хорошо не знаю, да если бы и знал, то не решился бы сказать. Дело в том, что предприятие это, как я вижу, и старое, и многими испробованное, причем постоянно появляющиеся новые писатели думают: или принести нечто новое со стороны фактической, или превзойти суровую древность искусством изложения. Но, как бы то ни было, а все же приятно будет и мне, по мере сил, послужить увековечению деяний первого народа на земле. И если имя мое в такой толпе писателей останется в тени, то я стану утешать себя славой и величием моих соперников» (цитируется по [5], стр.260—261).

Нас уверяют, что таким витиеватым слогом были написаны в I в. до н.э. 144 (!) книги «Почтенного Ливийца» по римской истории «От основания столицы». До нас дошли только 35 книг, распадающиеся на три группы, снабженные особыми предисловиями и весьма сильно различающиеся друг от друга.

Первые 10 книг (первая декада) содержат историю Рима от его основания до 410 г. его существования (т.е. до 292 г. до н.э., по хронологии Скалигера, установившего эту дату в XVI веке). Эта декада совершенно оторвана от остальных и отличается от них тем, что в ней совсем не описывается никаких знамений и чудес, которыми переполнены остальные декады. Вторая декада (книги 11—20) считается утраченной, и дальнейший счет начинается с 21-й книги и доводится до 40-й. Это третья и четвертая декады, содержащие историю Рима от -217 г. до -176 г.

«Только они одни (30 книг) и вошли в первое издание Тита Ливия около 1489 г., напечатанное в Риме по утраченной рукописи неизвестного мне происхождения. Затем была «открыта» в Гессене, в городе Лорш, в Бенедиктинском монастыре рукопись, содержащая еще пять книг (41—45), считающиеся продолжением 4-й декады и содержащие «историю римлян от -176 г. по -165г.» по той же хронологии Салигера и Петавиуса. Эта рукопись находится теперь в Венской государственной библиотеке. Никаких других рукописей последних книг нет» ([5], стр.265—266).

Мы еще не раз будем обсуждать этот важнейший источник по истории Древнего Рима, а сейчас лишь заметим, что прикосновенность Поджо к его находке по меньшей мере настораживает (как настораживает прикосновенность Поджо и к находке Светония).

Книга Витрувия «Об архитектуре»

В 1497 г. в Монте-Кассинском монастыре была открыта книга «Об архитектуре» МАРКА ВИТРУВИЯ ПОЛЛИОНА, имя которого в переводе Морозова (см. [4], стр.652) означает «Усопший стекольник-мошесдел». След книги настолько своеобразен, что исследователи его книги пришли к выводу, что автор или плохо знал классический латинский язык, или не всегда понимал то, что он пишет. Сочинение Витрувия состоит из семи больших книг и отрывков девятой, посвященных не только одному зодчеству, но и гидравлике, прикладной механике, гномонике, с упоминанием изобретателей солнечных часов и клепсидров и т.д. Имеются также сведения по астрономии.

Книга Витрувия открывается следующим посвящением (цитируется по [4], стр.623—624):

«Когда я подумаю, августейший государь, что силою своего ума Вы сделались обладателем вселенной, что все народы мира, видя Вашу непобедимую храбрость, покоряющую Вам Ваших врагов и покрывающую славою тех, которые находятся под Вашей державой и воздают Вам общее преклонение, и что римский народ и сенат надеются утвердить тишину, которою они пользуются, только премудростью Вашего правления, то я остаюсь в нерешительности, могу ли я поднести Вам это мое сочинение об архитектуре?

Но, представляя себе огромную широту Вашего ума, я надеюсь, что мое звание, доставившее мне некоторую известность во время государя, Вашего родителя, сохранит мне и у Вас такую же милость...»

Не говоря уже о слогом автора, упоминание о государе-родителе очень смущало всех исследователей, относивших автора к веку Октавиана Августа, который, по сообщениям всех историков, не был царским сыном.

Это не единственная странность с точки зрения традиционной истории, содержащаяся в книге Витрувия. Например, в астрономическом разделе этой книги указаны с невероятной точностью периоды гелиоцентрических (!) обращений планет. Оказывается, что архитектор Витрувий, живший в I веке н.э., знал времена гелиоцентрического обращения планет лучше Коперника и, скажем, в периоде Сатурна ошибся только на 0,00007 доли истинного (установленного современной наукой) периода (у Марса неточность на 0,006, а у Юпитера — на 0,003). Все это было вычислено за 1500 лет до Коперника, хотя понятие гелиоцентрического периода возможно только в рамках системы Коперника.

Невероятным анахронизмом звучат слова Витрувия (в начале нашей эры!) о том, что музыканты отмечали диезы и полутоны на струнных инструментах, в то время как историки музыки говорят нам, что все эти понятия и обозначения вошли в употребление только после средних веков.

В ([4], стр.622—662) подробно разобраны все парадоксы книги Витрувия, и показано, что она скомпилирована из многих источников позднего происхождения, не ранее эпохи Лоренцо Медичи (1449—1492). Автор ее жил в одно время с Коперником и пользовался при составлении астрономического раздела своей книги последними вычислительными данными, которые не были известны жившему вдали Копернику.

Кто был истинным автором труда Витрувия, можно только гадать. Здесь на ум невольно приходит гигантская фигура Леонардо да Винчи, не только великолепного художника, но и энциклопедически образованного инженера и архитектора (он построил ряд зданий в Милане и оставил необозримое множество проектов и чертежей). В год выхода книги «Об архитектуре» от имени Витрувия Поллиона Леонардо было 45 лет, и жил он в Италии. Коперник и Леонардо были почти современниками; при разрозненности ученых тех времен Коперник мог не иметь материалов, чтобы вычислить периоды обращения планет так же точно, как это сделал Леонардо в Милане в 1497 году, книга которого, как чуждая Копернику по предмету, могла остаться им не прочитанной. отождествление Витрувия с Леонардо объясняет, в частности, плохую латынь «Витрувия», поскольку все биографы Леонардо единодушно отмечают, что латинский язык Леонардо знал на удивление плохо. Впрочем, не исключено, что автором сочинения Витрувия был не Леонардо. Однако почти нет сомнения, что он принадлежал к окружению Леонардо.

Греческие историки

В литературе на греческом языке наиболее авторитетными писателями-историками считаются ГЕРОДОТ, ФУКИДИД и ПАВЗАНИЙ. О Геродоте и Фукидиде мы в своем месте поговорим подробно, а сейчас рассмотрим сочинения Павзания.

Павзанию, имя которого согласно Морозову (см. [5], стр.408) означает «Утоляющий тоску», принадлежат 10 книг «Описания Эллады, или Путешествия по Греции», датируемые II веком до н.э. И.Шубарт следующим образом характеризует значение книг Павзания: «Нет древнего писателя, которому столько, как Павзанию, мы были

бы обязаны знанием древней Греции, ее религиозной жизни и искусства. Можно, не задумываясь, сказать, что без него целые страны Греции были бы для нас совершенно неизвестны. Некоторые религиозные обычаи и формы верований переданы только им, и без него едва ли бы существовала история греческого искусства» (см. [5], стр.408).

Павзаний незримо присутствует во всех современных сочинениях о классической Элладе. Это — путеводитель по древней Греции. Автор перечитал все, что мы находим теперь в классической литературе, и у него резюмированы или прямо приведены почти все показания классических авторов (и еще больше добавлено от себя). Павзаний цитирует около 160 «древних» авторов (в частности, Аристофана, Софокла, Эсхила, Геродота, Фукидиды, Платона и т.д.), причем цитирует их в той редакции, в которой они были напечатаны.

Обращает внимание, что деление (по Павзанию) Греции на Аттику, Коринфику, Лаконику, Мессению, Илиду, Ахайю, Аркадию, Беотию и Фекиду полностью совпадает с делением Греции при феодальных латинских государствах XIII века. О жизни Павзания абсолютно ничего не известно. Сначала историки верили Павзанию полностью, однако, по мере развития археологии и накопления реального археологического материала, стало возникать все больше и больше сомнений в достоверности Павзания.

В конце XIX века археолог А.Калькман издал книгу «Павзаний — путеводитель», в которой детально сравнил его описания с другими авторами и, найдя огромное количество противоречий и странностей, резюмировал свое исследование словами:

«Павзаний не обнаруживает ни таланта, ни честной работы. Он, как и нынешние проводники для иностранцев, был невежда худшего сорта... Устные предания, которые были его главными руководителями, не могли быть неподдельного достоинства, а на эту тонкую почву и опирается произведение, которое в классической археологии должно быть книгой книг. Порадуемся же такому открытию и тому, что наука о памятниках древней Греции основана не на одной прихоти и произволе какого-то позднего, по наслышкам работавшего сирийца или малоазийца, очень сомнительного дарования, но отступает в более раннее столетие, когда еще собирали и исследовали с прямым желанием послужить истине» (см. [5], стр.410).

Что, собственно, означает обвинение античного автора (типа Павзания или Светония) «в невежестве»? Только то, что

сообщаемая в его книге информация расходится с представлениями об античности, которые к настоящему времени выработались. Такого рода обвинения являются поэтому веским доводом в пользу апокрифичности. Чтобы найти истинное время написания книги, надо найти тот момент Ренессанса, когда содержащаяся в книге информация об античности согласовывалась с мнениями эпохи.

В ([5], стр.408—426) где книга Павзания подробно разобрана, показывается, что Павзаний является очень поздним автором, весьма неумело скрывшим время написания книги, скомпилированной, скорее всего, после эпохи Возрождения.

Другие авторы

Менее значительных авторов мы только вкратце перечислим (без особого порядка и полноты), заодно добавив некоторых авторов более поздних.

Сочинения ИОСИФА ФЛАВИЯ («Иудейская война», «Иудейские древности», «Жизнь», «Против Апиона») были первоначально опубликованы в 1470 г. на латинском языке (исправленное издание в 1524г.) и лишь впоследствии в 1544 г. - на греческом языке (на котором якобы писал их сам Флавий). Обращает на себя внимание, что имеется латинский вариант первых семи книг «Иудейской войны», резко отличающийся от канонического (и считающийся его «переложением»). Опубликован он в 1510 г., но, по традиции, откосится чуть ли не в четвертый век. Шестая книга «Иудейской войны» известна в сирийском переводе («переложении») под названием «Пятая книга Маккавеев». Апокрифическая «Четвертая книга Маккавеев» также приписывалась Флавию (см. [162], т.15, стр.302—311). Странные противоречия в сочинениях Флавия давно уже вызвали сомнения в их аутентичности. По мнению Морозова (см. [58], стр.281—293), ряд утверждений Флавия (например, его утверждение о моногамности евреев, установленной лишь в 1030 г.) так же, как и общий стиль его сочинений, однозначно указывают на их средневековое происхождение.

Сочинения ЕПИФАНИЯ КИПРСКОГО (например, его латинская книга «О весах и мерах») были подобраны только в XVII веке н.э., незадолго до их публикации в 1622 г. в Париже (см. [2], стр.324).

Сочинения, приписываемые СУЛЬПИЦИЮ СЕВЕРУ (например, его «Священная история»), умершему якобы в 429 г. н.э., были подобраны только в 1668 г. (см. [2], стр.329).

Сочинения, приписываемые ОРОЗИЮ, умершему якобы в V в. н.э., подобраны и изданы только в 1471 г. н.э. в Аугсбурге (см. [2], стр.330).

Писатель АПШИАН (ему, в частности, приписывается «История Рима») считается умершим в Александрии при Антонине Пие, а приписываемые ему произведения были подобраны и изданы лишь в 1551—1557 гг. н.э. в Париже (см. [2], стр.334).

ОРИГЕН считается умершим в Александрии в 254 г. н.э., а приписываемые ему сочинения впервые начали подбираться в XVII в. н.э. (см. [2], стр.335).

АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ (Афанасий Александрийский) считается умершим в 373 г. н.э., а приписываемые ему сочинения были подысканы Монфоконом только в XVII веке и опубликованы в Париже в 1698 г. (см. [2], стр.336).

АВГУСТИН считается умершим в 430 г. н.э., а приписываемые ему сочинения были подобраны только в XVII в. н.э. и изданы в Париже в 1689—1700 гг. (см. [2], стр.339).

ТЕРТУЛЛИАН умер якобы при Каракалле, а сочинения, приписываемые ему, были подобраны и изданы в Париже только в 1616 г. н.э. (см. [2], стр.338). Кстати, Тертуллиан сообщает (что иронически подтверждает также Муций Феликс), что язычники II века н.э. обвиняли христиан в поклонении голове осла. Любопытно, что в 1856 г. вскоре после издания Облером в 1853 г. сочинений Тертуллиана, содержащих это сообщение, во «Дворце Кесарей» нашли рисунок (сейчас он хранится в Кирхеровом музее в Риме), на котором изображены христиане-ослопоклонники. Почему-то до опубликования информации о поклонении ослиной голове этот рисунок оставался необнаруженным.

Рукописные отрывки из «Городской хроники» АНИМФА (посвященной истории Афин) были найдены в Анаргирском афинском монастыре только в 1800 г. (см. [5], стр.146).

Сочинения гностика ВАЛЕНТИНА ФИЛОСОФА, умершего якобы в 160 г. н.э., известны только в изложении полемизирующего с ним ИРИНЕЯ, епископа Лионского, умершего будто бы в 202 г. н.э., а сочинения самого Иринея известны только в издании Эразма Роттердамского, вышедшем в свет в 1526 г. Откуда их взял Эразм, совершенно неизвестно.

Происхождение еврейских манускриптов также покрыто мраком неизвестности.

Хотя раввины подробно описывают создание Талмуда в I—V веках н.э., но фактически наиболее ранняя полная рукопись так называемого Вавилонского Талмуда датируется XIV веком (на тысячу лет позже!). Самые ранние рукописи отдельных талмудических трактатов относятся к 1112 г. (хранится в Ленинграде) и к 1184 г. (хранится в Гамбургской

библиотеке). Есть, впрочем, мнение, что несколько более ранняя рукопись трактата Песахим хранится в Кембридже (см. [162], т.14, стр.718).

Считается, что «отец талмудического иудаизма» АКИБА БЕН-ИОСИФ, живший якобы в I—II в. н.э., составил «Книгу Акибы обукрашения букв», в которой он изъясняет смысл и значение графических элементов еврейских букв. Однако даже ортодоксальнейшая «Еврейская энциклопедия» вынуждена признать, что «Книга сама не дает ни малейших указаний на время ее составления» ([162], т.1, стр.634), и сообщает, что первое ее издание появилось в Мантуе только в 1613 г.

В средние века гремела полная фантастических измышлений «Книга Элдада-Ганани», якобы написанная еврейским путешественником IX века. Большинство читателей читали эту книгу с полным доверием. А когда кто-нибудь из скептиков высказывал сомнение, то ему отвечали, что знаменитые кайрукские ученые делали запрос ректору Бурской академии Цемаху еще якобы в 890 г. н.э., следует ли доверять этой книге, и ректор ответил, что на автора ее «можно положиться» (см. [2], стр.261). Конечно, после такого ответа высказывать сомнения в аутентичности этой книги и в ее принадлежности к IX веку, по меньшей мере, невежливо.

Церковные истории

Казалось бы, сочинения церковного характера должны быть более надежно прослеживаемы в глубь веков. Однако дело обстоит с ними так же, как и со светскими произведениями.

«Церковная история» СОКРАТА СХОЛАСТИКА, охватывающая период от Константина I до Феодосия Младшего (т.е., приблизительно с 325 до 425 г. н.э.), была открыта в латинской рукописи только в начале XVI в., а уже потом новые издатели открыли и ее греческий «подлинник». Где находились все эти манускрипты в продолжение 1200 лет — никому неизвестно (см. [1], стр.72). В соответствии с уже замеченной нами стандартной практикой того времени после опубликования сочинения Схоластика рукопись его труда исчезла неизвестно куда, и больше ее никто никогда не видел.

Первые достоверные сведения о «Церковной истории» ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛИА, имя которого согласно Морозову означает «Благочестивый Вселпобец» (см. [7], стр.870), мы имеем (да и то не по-гречески, а по-латыни) только от первой половины XVI века, и этому позднему времени соответствует слог его книг: Греческий текст впервые был опубликован в 1544 г. в Париже. Другое латинское издание в новом переводе Христофорсона и с примечаниями Суффрида Пьера вышло в свет в 1612 г. С этого издания

переводили на немецкий, голландский, английский и французский языки. В настоящее время наиболее авторитетным считается издание Вазезия, которое вышло в Кембридже в 1720 году.

Евсевий является одним из основных первоисточников не только по истории христианства первых трех веков н.э., но также по политической и династической истории того времени, хотя его сочинения неоднократно подвергались жестокой критике и в целом сейчас рассматриваются как недостоверные. Так, например, немецкий историк XIX в. Я.Буркхардт, назвав Евсевия «первым от начала до конца недобросовестным историографом древности», писал: «После многочисленных искажений, утаиваний и вымыслов, которые найдены у него, он не имеет никакого права фигурировать в качестве положительного источника. Сюда же присоединяется также сознательно допущенная туманность выражений, умышленная напыщенность, бесчисленные двусмысленности этого писателя...» (см. [36], стр.259).

То же мнение повторяет советский историк Я.А.Лейцман: «...нужно иметь в виду, что Евсевий зачастую не останавливался перед явной фальсификацией источников» ([78], стр.42).

Снова мы встречаемся с обвинением античного автора в недобросовестности и невежестве.

О жизни Евсевия практически ничего не известно. Сократ Схоластик (книга которого, напомним, была открыта одновременно с книгой Евсевия) сообщает, что жизнь Евсевия описал АКАКИЙ, его ученик и преемник на епископском престоле. Однако это жизнеописание «не сохранилось», и о нем имеются лишь краткие сведения, рассеянные у различных очень поздних авторов,

Перу Евсевия приписывается колоссальное количество очень разнохарактерных книг: «Любоправд» (Филалит), «Евангельское приготовление» в пятнадцати книгах, «Евангельское доказательство» в десяти книгах, уже упомянутая «Церковная история» в десяти книгах, «О палестинских христианских мучениках», «Послание к кесарийской пастве», «Книга об именах мест, упоминаемых в Священном писании», «Похвальное слово Константину Великому», «Две книги против Маркелла, епископа Анкирского», «Церковное богословие» в трех книгах, «Жизнь Константина Великого» в четырех книгах и др.

Наряду с вполне ортодоксальными книгами Евсевий якобы писал книги, «вводящие верующих в соблазн» и потому оставшиеся неопубликованными: три книги «О мнимом разногласии Евангелий», рукописи которых хранятся в Сицилии, четыре книги «Пророческих эклог

Ветхого Завета о Христе», рукописи которых хранятся в Венской императорской библиотеке г.Базеля и др.

Спрашивается: можно ли доверять сообщениям, что все эти разнообразные сочинения принадлежат перу одного и того же автора?

В [7] (с.870—903) приведены аргументы в пользу весьма позднего происхождения всех книг Евсевия. Мы не будем воспроизводить здесь все эти аргументы, а укажем только на путаницу, якобы допускаемую Евсевием в вопросах летоисчисления.

Считается (см. ниже § 5, гл.6), что эра «от Р.Х.» была установлена Дионисием Малым лишь в VI веке, а вошла в употребление еще позже. Но как же тогда объяснить повсеместное использование Евсевием этой эры (см., например, конец седьмой книги его «хроники», где прямо говорится о 305 году «от рождения спасителя нашего»)?

В гл. XIII этой книги Евсевий приводит тексты писем, которыми обменялись Иисус Христос и эдеский царь Абгар, «страдавший страшной и неисцелимой человеческими средствами болезнью» и обратившийся к Иисусу с просьбой об исцелении. Далее Евсевий рассказывает, как посланный «по слову Спасителя» ученик Христа Фаддей исцелил Абгара и совершил много других чудес.

Однако этот замечательный эпизод полностью исключен сейчас из «священной истории» как церковниками, так и светскими исследователями. Дело в том, что Евсевий датирует его 340 годом! (Мы просим читателя запомнить эту дату, она пригодится нам в гл.15.)

Высказывались мнения, что здесь христианин Евсевий пользуется почему-то языческой «эрой Селевкидов», но это также дает ошибку в 25 лет. Чтобы свести концы с концами, было предположено, что Евсевий датирует переписку Христа с Абгаром по фантастической «эре Эдессы», нигде более не зафиксированной. Однако, понимая всю слабость этих соображений большинство исследователей предпочитают «во избежание соблазна» этот эпизод попросту игнорировать.

Не безынтересно также заметить, что греческий текст «хроники» существует только в отрывках, а ее полный латинский текст считается переводом, выполненным бл.ИЕРОНИМОМ, остальные сочинения которого были подобраны только в XVIII веке и отпечатаны в Вероне в 1734—1742 гг. (см. [2], стр.328).

Заключение

Нет ни одного «античного» сочинения, происхождение которого можно было бы надежно проследить до начала эпохи книгопечатания. Более того, происхождение самых авторитетных сочинений (скажем, Платона) более чем сомнительно, а некоторые из них явно являются подделками (Витрувий).

Так, быть может, действительно Морозов прав, и так называемая «античная» литература вся является подделкой? (Между прочим, вопреки распространенному мнению, она не так уж велика: перепечатанная современным шрифтом, она вполне уместится в один—два книжных шкафа средних размеров.)

В следующих параграфах мы постараемся ответить на этот вопрос.

§ 5. О возможности античной литературы вообще и отдельных ее жанров в частности

В этом параграфе мы обсудим (следуя довольно точно Морозову), могла ли античная литература в известных нам формах развиваться на базе материальной культуры античности и могла ли она дойти до нас «через толщу времени».

Необходимость бумаги для развития грамотности

Для того чтобы приготовить один лист пергамента, нужно:

- 1) содрать кожу с молодого теленка не старше 6 недель или с молодого барашка;
- 2) размачивать ее до 6 суток в проточной воде;
- 3) содрать мездру особым скребком;
- 4) разрыхлить шерсть гноением кожи в сырой яме и золением известью от 12 до 20 суток;
- 5) ободрать разрыхлившуюся шерсть;
- 6) проквасить голую кожу в овсяных или пшеничных отрубях, чтобы удалить из нее избыток извести;
- 7) продубить кожу растительными дубильными экстрактами, чтобы она после высыхания стала мягкой;
- 8) выровнять неровности, втирая в пергамен яичный белок или свинцовые белила либо натирая пемзой кожу, предварительно пересыпанную мелом (считается, впрочем, что второй способ вошел в употребление только с XIII века).

Это — приготовление каждого листа пергамента. Оно ставило пергамен на уровень драгоценных предметов, и такое положение сохранялось вплоть до изобретения тряпичной бумаги накануне эпохи Возрождения (см., напр., [13], стр.50).

Как же при такой ценности и редкости писчего материала могла развиваться изящная литература? Даже для развития простой грамотности требуется постоянное и многолетнее упражнение (прописи, диктанты и т.п.), невозможное на пергамене (и, добавим, на папирусе, который был лишь немного дешевле). Нам отвечают, что для этой цели использовались дешевые навощенные и грифельные дощечки, допускающие многократное применение. Но где же и как фиксировались указания учителя и его исправления допущенных ошибок? Для того чтобы исправления ошибок остались в памяти, необходимо определенное время хранить тексты диктантов и упражнений, постоянно возвращаясь к ним для закрепления навыка.

Правда, в истории известны практически «бесписьменные» школы (например, деревенские школы в России XIX века), но также и известно, с каким уровнем грамотности выходили из них учащиеся.

Для того чтобы достигнуть достаточной грамотности и умения легко излагать на бумаге свои мысли, нужно не только написать несчетное число диктантов, контролируемых учителем по стандартным прописям, но прочесть колоссальное количество книг, написанных по стандартной орфографии. Если учащийся не читает много книг, то, как бы он добросовестно ни учился в классе, он останется малограмотным человеком и, во всяком случае, никогда не будет литератором, уверенно владеющим языком. Это четко проявляется в экстремальной ситуации — при изучении иностранного языка. *Без практики на стандартизированных текстах научиться правильно писать невозможно*: заучивание лишь правил не гарантирует от ошибок.

Но могли ли рукописи в допечатный период писаться по единым орфографическим правилам? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы отрицательный ответ сделался очевидным. Даже теперь однородная орфография книг достигается только после нескольких просмотров набора корректорами, уничтожающими все авторские (и не только авторские) орфографические оригинальности. Однако, когда не было учебников орфографии или эти учебники существовали лишь в виде частных тетрадок, не проконтролированных единой государственной властью, и авторитет которых не подкреплялся авторитетом подконтрольных государству (или церкви) школ, никакими средствами невозможно было заставить людей соблюдать многочисленные орфографические условности языка. Это относится даже к периоду, когда уже появилась бумага, но еще не было орфографически стандартизированной печатным станком литературы. Примером являются, скажем, древнерусские летописи, челобитные и другие деловые бумаги, отнюдь не блистающие однородной орфографией.

Вот как говорит об этом Морозов: «Обеспеченный материально, любознательный человек в это время не мог еще читать книгу бегло, как мы, получившие эту возможность именно благодаря отчетливым печатным буквам, а потому не мог и бегло думать, а тем более — бегло писать. При писании он выводил каждую букву отдельно, как в печати, знаков препинания не ставил, орфографии никто не мог его научить, потому что и мы достигаем этого лишь после продолжительных упражнений. И можно смело сказать, что *всякая рукопись, где мало*

орфографических курьезов, списана уже с какого-нибудь печатного экземпляра, где возможность заменять неправильно поставленные буквы и слова набора другими ранее печатания книги ничем не ограничена. Ведь набор книги тщательно исправляется по несколько раз... автором и корректорами... а в рукописи этого делать нельзя, не портя ее.

Только с этого момента и появилась возможность однообразной орфографии, а до того времени каждый мог писать лишь по собственному слуху, то соединяя предлог со словом, то разъединяя одно слово на два и чаще всего совсем не делая никаких промежутков между словами всей фразы, что опять затрудняло беглое чтение рукописей» ([4], стр.173—174).

Достичь в этих условиях литературных вершин лучших «античных» произведений представляется явно невозможным.

Структура древних сочинений

Имеется еще одно обстоятельство, тесно связанное с отмеченным. Бесспорно древние произведения, как религиозные (Библия, Коран), так и светские (древнерусские былины, «Наль и Дамаянти»), представляют собой лишь сборники отдельных рассказов, каждый из которых посвящен четко локализованному во времени и в пространстве эпизоду. Это и понятно, так как на начальных этапах развития литературы никто не мог иметь настолько разносторонних предварительных знаний, чтобы самостоятельно написать целую повесть или большую сложную сказку с содержанием, подобранным по одному плану. Даже в литературе много более поздней беспорядочное нанизывание эпизодов было одной из характерных черт (рыцарские романы и испанский плутовской роман).

Начиная свой литературный труд, древний писатель, мучительно медленно вырисовывая каждую букву, гадая почти над каждым словом, как его правильно написать, мог сочинить за один присест только очень краткий текст. Ввиду необходимости экономии исписываемого материала, он не мог сколько-нибудь удовлетворительно согласовывать эти тексты друг с другом, переписывая их несколько раз. Он был способен, собрав (или самостоятельно составив) несколько десятков различных рассказов, лишь переписать их почти буквально друг за другом, унифицировав имена или места действия. Чтобы придать рассказу вид связности, достаточно было соединить отдельные рассказы «переходными мостиками».

Первоначально эти мостики были очень просты и беспретенциозны («а затем», «вдруг» и т.д.), но с развитием литературной техники на базе все увеличивающегося потока грамматически унифицированных печатных книг они делались все сложнее и сложнее. Потребовалось несколько веков литературного опыта, чтобы искусство строительства переходных мостов достигло изощренного уровня лучших современных романов.

В лучших образцах античной литературы это искусство продвинуто уже достаточно далеко и находится точь-в-точь на уровне эпохи Возрождения. Уже этого одного достаточно, чтобы признать античную литературу продуктом если не эпохи книгопечатания, то уже **заведомо эпохи, непосредственно книгопечатанию предшествующей.**

Но как же тогда дело обстоит с палеографией, якобы надежно датирующей некоторые античные рукописи VIII— X веками? Общеизвестно, в какой просак попадали специалисты-палеографы при экспертизе литературных мистификаций XIX века. Это и понятно, так как если, скажем, почерк определенного времени может быть изучен, описан и охарактеризован, то именно поэтому он может быть и подделан (специалистом по древним почеркам и был, например, Поджо). Поэтому верить палеографам можно только тогда, когда подлинность рукописи подтверждается всем комплексом обстоятельств. А в отношении «античных» рукописей дело обстоит как раз наоборот.

Переписывание рукописей

Музейные и библиотечные работники хорошо знают, какие колоссальные усилия нужно затрачивать для длительного, без порчи, хранения книг. Их нужно держать при определенной температуре, беречь от пыли, предохранять от сырости и прямых солнечных лучей, охранять от плесени, насекомых и грызунов и т.д. и т.п. Ясно, что в условиях средневековья книги быстро ветшали, истлевали, плесневели и подвергались всевозможным другим напастям. **Чтобы книга сохранилась в веках, ее нужно периодически переписывать.**

Вполне понимая это, традиционная история утверждает, что переписывание латинских книг осуществлялось в монастырях благочестивыми монахами, бескорыстно трудившимися «во спасение души».

Но тут возникает сразу несколько затруднений.

Во-первых, все авторитеты сходятся на признании почти поголовного невежества монахов, скажем, в VI— IX веках. На это отвечает, что среди массы монахов бесспорно должно найтись хотя

бы несколько грамотеев, пользующихся из-за своей учености особым уважением, которым были созданы поэтому все условия для работы. Но ведь в то время грамотные люди отнюдь не пользовались уважением, на них смотрели со страхом, как на колдунов, прикосновенных к магии и нечистой силе. Папа седьмого века Григорий I писал одному из своих епископов: «Мы не можем вспомнить без стыда, что ты кого-то обучаешь грамматике. Известие об этом поступке, к которому мы питаем великое презрение, произвело на нас очень тяжелое впечатление...» (см. [39], стр.10). Официальные церковные власти были вынуждены мириться с грамотностью, как с неизбежным и необходимым злом. В этих условиях если даже отдельные энтузиасты и принимали переписку нецерковных книг, то их деятельность, бесспорно, только лишь терпелась и уж никак не поощрялась. А ведь переписка книг требовала в то время и значительных (ввиду дороговизны пергамента) финансовых затрат. Где предполагаемые энтузиасты-переписчики находили необходимые средства (не раз и не два, а постоянно на протяжении многих столетий)?

Правда, позднее, в так называемое Высокое средневековье (XI—XIII века), отношение к книге изменилось, и «монастырские уставы всячески поощряли монахов к работе по переписке книг, считая это богоугодным делом» ([13], стр.46). Однако вопрос состоит в том, кто переписывал античные книги в критические IV—IX века?

Во-вторых, как под внешним давлением официальных властей, так и по своим внутренним убеждениям монахи-переписчики должны были в первую очередь сосредоточить свое внимание на книгах «божественного» содержания. Какие импульсы могли ими руководить, чтобы тратить многие годы жизни на переписку «языческих» сочинений античности? На звание коллекционеров языческих текстов монахи — очень и очень плохие кандидаты. «Монастыри подвергали строгому отбору книги, с которых делали копии» ([13], стр.47).

А ведь дело доходит до анекдотов. До нас дошла записка Цицерона, предположительно датированная 15 марта 44 г. и, возможно, относящаяся к убийству Цезаря: «Поздравляю тебя, радуюсь за тебя... хочу знать, что ты делаешь и что происходит» (см. [45], стр.184). Этой записке, следовательно, две тысячи лет. И ее тоже добросовестно переписывали благочестивые монахи?

Хотелось бы также получить разъяснение, каким образом монастырский «строгий отбор» пренебрежительно проскочила вольнодумная поэма Лукреция Кара «О природе вещей», якобы переписанная в одном из раннесредневековых французских монастырей,

несмотря на то, что «...в уставах монастырей, имевших скриптории, специально запрещалось переписывать работы еретиков» ([13], стр.47).

В-третьих, чтобы переписывать научные, скажем, математические, сочинения, надо хотя бы понимать их ценность и иметь в виду хотя бы одного возможного читателя. А кто в VII веке мог понимать и ценить Евклида, Архимеда и Аполлония? Обычный ответ, что эти авторы дошли до нас через арабов, не выдерживает критики хотя бы потому, что от якобы происшедшего катастрофического уничтожения античной культуры до так называемого «арабского ренессанса» прошло несколько столетий, и мы снова возвращаемся к прежнему вопросу: кто и почему все эти столетия хранил (а значит, переписывал) никому не нужные, в силу их непонятности, книги?

В-четвертых, для монахов раннего средневековья классическая латынь была языком неизвестным или, во всяком случае, вышедшим из употребления. Какой же смысл был для них в переписывании книг на этом языке? Если бы какой-нибудь монах и взялся бы за труд переписать, скажем, Тита Ливия, то, поскольку он это делал для своих современников, а не для будущих гуманистов, он автоматически постарался бы переизложить Ливия на современной ему «вульгарной» латыни.

Переписывание светских сочинений зарегистрировано (в более поздние века) в русской истории. Как следовало ожидать, это переписывание было не механическим, а творческим процессом: переписчики сокращали оригинал и вносили в него дополнения, расшифровывали имена и устаревшие слова, поясняли реалии и т.п. и т.д. (см. например [75], стр.21 и 49—50).

Невозможно себе представить не знающего классической латыни монаха, переписывающего, как машина, Цицерона.

Все эти вопросы — только с еще большей остротой — встают и в отношении грекоязычных сочинений. Кто, например, переписывал книги Иосифа Флавия? Евреи греческого языка не знали и (по обычным представлениям) самоизолировались в талмудической учености, а греки (византийцы?) не могли иметь ни возможности, ни желания тратить время и силы на переписывание иудаистических сочинений Флавия.

Мы видим, таким образом, что если бы даже античная литература существовала, то дойти до нас она не могла, и потому все, что мы знаем под этим именем, является апокрифом.

Специалисты-палеографы, понимая, по-видимому, трудности, связанные с проблемой сохранения античной литературы, старательно

их обходят, отделяясь бессодержательной декламацией. Вот, например, что пишет А. Д. Люблинская в книге, допущенной в качестве учебного пособия для студентов университетов и пединститутов: «Античность оставила средневековью богатейшее наследство... Все это накопленное веками богатство человеческой мысли... средневековье использовало двойным способом. Та часть наследства, которая оказалась слишком сложной для только еще формировавшегося классового общества германских и кельтских народов (римское право, наука, философия, большая часть литературы), была в значительной степени сохранена, но как бы положена в долгий ящик; ее начали оттуда вынимать в XII—XIII вв., и особенно — в период Ренессанса. Другая часть — элементарные начала латинской образованности и все христианское наследство — была сразу же поставлена на службу христианской церкви, молодой государственности и школе, которую лучше всего обозначить как начальную, ибо она давала лишь самые элементарные знания» ([17], стр.46).

Люблинская искренне думает, что декламация о «долгом ящике» снимает все вопросы. Ей и в голову не приходит спросить себя, а какими методами было осуществлено это «положение в долгий ящик»? Утверждает ли она, что варварские германские племена готов и вандалов, о которых сообщается, разграбив Рим, предали огню почти все архивы и библиотеки Римской империи, прежде чем грабить и жечь, снаряжали особые отряды искателей римских документов и хранителей произведений культуры, которые осуществляли экспертизу практической ценности захваченных папирусных свитков, наощенных дощечек и пергаменных кодексов, отделяя простое от «слишком сложного» и откладывая в очень «долгий ящик» (на 800—900 лет!) недоступные их пониманию, античные рукописи научного содержания? И что это был за «долгий ящик», в котором рукописи сохранялись лучше, чем в современных книгохранилищах с кондиционированным воздухом?

Очень показательна также статистика датировок кодексов и отдельных тетрадей и фрагментов рукописных книг, содержащих (полностью или частично) античные тексты. По устному сообщению В.Н. Прищепенко, он рассмотрел 1000 (тысячу) случайно выбранных (чтобы обеспечить репрезентативность) такого рода кодексов и фрагментов и обнаружил, что из них современная палеография относит к Раннему средневековью (V—XI века) всего 17 текстов (1,7%), к Высокому средневековью (XII—XIII века) — 211 текстов (21,1%), а

к эпохе Возрождения (XIV—XVI века) — 772 текста (77,2%). По существу, же самое утверждают и сами палеографы (но без количественных оценок): «...на этот период (XI—XII вв. — Авт.) приходится наибольшее число датированных и подписанных кодексов, созданных непосредственно в монастырских мастерских письма» ([13], стр.45). Позже «...с начала XIII в. до введения книгопечатания... центр производства рукописной книги перемещается в города» ([13], стр.44), где организуется более производительное ремесленное производство рукописных книг (см. [13], стр.51).

Античные «письма»

Серьезные сомнения вызывают также некоторые жанры античной литературы. Возьмем, например, так называемые «письма», скажем, знаменитое письмо Плиния Младшего, в котором описывается извержение Везувия, погубившее Геркуланум и Помпею.

«Ты спрашиваешь, как я провожу дни на моей тосканской вилле? — пишет Плиний другу. — Просыпаюсь; обыкновенно, часу в первом (по солнечному времени), иногда раньше, редко — позже. Окна оставляю закрытыми: мысль ярче и живее во мраке и безмолвии... Работаю то больше, то меньше, смотря по тому, чувствую ли себя расположенным. Потом зову секретаря, велю открыть ставни, диктую то, что сочинил. Он уходит, зову его снова; опять отсылаю... Продолжаю сочинять и диктовать. Сажусь в экипаж... Немного отдохнув, громко читаю какую-нибудь латинскую или греческую речь, более для укрепления груди, чем голоса, но и голосу это полезно. Еще гуляю, меня *натирают елеем, занимаюсь гимнастикой*, беру ванну. Во время обеда за столом сидит со мною жена или несколько друзей; *что-нибудь читаем вслух*. За десертом в залу приходит комический актер или музыкант с лирою...» (см. [2], стр.237—238; курсив Морозова).

Переводчик этого текста Д.С. Мережковский в комментариях восклицает: «Как эти древние люди похожи на нас! Как мало меняется самая ткань повседневной человеческой жизни! Только узоры — иные, а основа старая» (см. [2], стр.238). Но действительно ли так стара эта описанная жизнь? Все это подозрительно похоже на страницы современных «бытоописательных» романов. Кроме того, Плиний не сообщает никаких реальных подробностей, новостей из своей жизни или жизни своих знакомых; весь текст преследует только одну цель —

продемонстрировать читателю жизнь «римского аристократа». Это — тенденциозное подчеркивание не для друга (который, кстати, и без того должен был знать, что вилла Плиния находится в Тоскане, так как из текста следует, что Плиний давно уже живет в ней), а для постороннего читателя, и это не просто письмо, а литературное произведение, имеющее целью под формою частного письма ознакомить публику с домашней жизнью и обстановкой «римского писателя»; вся обстановка и характеристика жизни Плиния на вилле не реальна, а такова, какой воображали ее себе именно писатели эпохи Возрождения, да и слог письма — это слог этого времени.

А вот, кстати, что пишет Плиний Тациту, к текстам которого, как мы видели, имеет прямое отношение Поджо Браччолини (см. [2], стр.240)

«Я не знаю, заслужим ли мы оба почести в потомстве, не скажу — нашим умом — надеяться на это было бы тщеславием, — но нашим трудолюбием, нашим уважением к потомству. Будем продолжать наш путь: если и немногих он привел к свету и славе, то все-таки многих вывел из мрака и забвения».

В другом письме: «Какая у нас сладкая, какая благородная дружба, о, Тацит! Как радостно думать, что если потомство не забудет нас, то всюду будут говорить о нашем союзе, о нашей искренней дружбе, о нашем братстве!» и так далее, в таком же роде. Вообще, возникает невольное подозрение, что Поджо был человек не без юмора, составляя эти «письма» к самому себе (и — заметим — лишь следуя в этом примеру Петрарки, любившему писать «письма» к древним; см. § 3).

В ([2], стр. 240—245) приведен подробный разбор всех писем Плиния и предъявлено большое число явных анахронизмов, характеризующих автора как человека эпохи Возрождения. Мы не будем на этом останавливаться, поскольку мы хотим подчеркнуть только тот факт, что это «письмо» (как и все другие, якобы сохранившиеся письма той эпохи) явно является литературным произведением, а отнюдь не, как уверяют, частным письмом.

Стоит, между прочим, задать себе вопрос: на каком материале это письмо было первоначально написано?

Античная литературная критика

Настораживает также наличие в античной литературе жанра литературной критики. Этот жанр возможен только тогда, когда литературное произведение полностью обособилось от автора и

распространилось в большом числе идентичных копий. До возникновения книгопечатания даже сама мысль о критике, имеющей публичный интерес, была невозможна.

Имена античных авторов

Любопытно также, что, как указывает Морозов (см. [3], стр.204—205), при переводе имен классических писателей часто выходит сплошной комизм. Например, полное имя Вергилия (Публий Вергилий Маро) может быть переведено как «Публичный девичий каштановый орех (или кошачий майоран)», причем еще вдобавок «каштановый орех» по-итальянски означает секретную книгу для чтения, а имя Овидия — как «Публичный яйцеватый нос». Корнелий Непот означает «Рогатый внук», Марк Цицерон — «Увядший горох», Брут — «Скотина» (!), Флакк — «Лопухий» и т.д. и т.п.

Не сталкиваемся ли мы здесь со своеобразным проявлением чувства юмора у гуманистов?

На это уже давно было обращено внимание, но обычно такого рода имена трактуются как прозвища, характеризующие физические особенности их носителей: «Носатый», «Лопухий» и т.д. Полагают, например, что Цицерон свое имя получил за бородавку, формой напоминающую горошину (см. [143], стр.99). Однако этому противоречит тот факт, что прозвище (точнее, когномен) давалось у римлян непосредственно при рождении. Любопытно, что, отмечая это противоречие, автор книги [143] никак его не комментирует и не делает из него никаких выводов.

§ 6. Распределение жанров античной литературы по времени

В этом параграфе мы изучим распределение по времени главных жанров античной литературы: эпоса и лирики, сатиры, трагедии, комедии, буколки и дидактики, философии, и его странности, впервые замеченные Морозовым. Мы в основном будем руководствоваться обстоятельным обзором И.М.Тронского по истории античной литературы (см. [86]). Информация, заимствованная у Тронского, ниже сообщается, как правило, без ссылок.

Эпос и лирика в Древней Греции

К этим двум жанрам относятся произведения около 50 поэтов, сведения о которых доставляет нам историческая традиция.

Самыми ранними считаются полумифические древнегреческие поэты до XIII века до н.э.

«Об этом времени ходили только рассказы мифологического характера: образчиком их может служить сказание о фракийском певце Орфее, сыне Музы Каллиопы, пение которого зачаровывало диких зверей, останавливало текучие воды и заставляло леса двигаться вслед за певцом» ([86], стр.17).

Кроме Орфея, называют еще ряд легендарных поэтов: Музея, Эвтолия и Памира (см. [4], стр.207). Но от этих поэтов не сохранилось ни строчки.

Следующий по времени автор — это знаменитый Гомер, которому приписываются две большие поэмы «Илиада» и «Одиссея». О времени возникновения «Илиады» и «Одиссеи» не сохранилось прямых исторических свидетельств. Специалисты до сих пор считают еще не полностью разрешенным так называемый «гомеровский вопрос», включающий в себя всю совокупность проблем, связанных с этими поэмами. Но, по крайней мере, большинство исследователей признает VIII и VII века до н.э. временем завершения гомеровских поэм.

Впервые поэмы Гомера были напечатаны в Милане Дмитрием Халкокодиласом в конце XV века н.э. Первый их перевод на латинский язык сделал Леонцио Пилата еще в 1389 году (см. [88], стр.97—98). Рукопись перевода хранится сейчас в Париже. В 1440 году Пир Кандидо Дечембрио перевел 5 или 6 книг «Илиады» на латинский язык в прозе, а спустя несколько лет Лоренцо Валла обработал 16 книг «Илиады» латинской прозой. Перевод Валлы был напечатан в 1474 году.

Последователем Гомера был Гесиод, время жизни которого поддается лишь приблизительному определению: конец VIII или

начало VII века до н.э. От Гесиода сохранились две поэмы: «Теогония» и «Труды и дни», а также отрывки поэмы «Каталог женщин», пополнившиеся в последнее время папирусными находками.

К этому же веку относят древнейшего из известных нам лирических поэтов — Каллина из Эфеса (первая половина VII века до н.э.). От него сохранилось только одно стихотворение — призыв к защите родины от нападения врагов. Лирическое стихотворение наставительного содержания, заключающее в себе побуждение и призывы к важному и серьезному действию, имело специальное название — элегия. Таким образом, Каллин — первый элегический поэт.

Следующим элегическим поэтом является Тиртей из Спарты (вероятно, на рубеже VII и VI веков до н.э.).

Первым любовным поэтом, творцом эротической элегии, являлся иониец Мимнеон (вторая половина VII в. до н.э.). От него сохранилось несколько мелких стихотворений. В некоторых дошедших до нас фрагментах его стихов отображены также политические и военные темы.

На рубеже 600 г. до н.э. писал элегии и ямбы афинский законодатель Солон. Преобладают у него политические и нравоучительные темы.

В это же время (точнее, несколько позже, в VI в. до н.э.) писал Феогнид из Мегары. От него сохранился сборник коротких элегических стихотворений, предназначенных для исполнения на пирах. Часть этих стихотворений приписывается теперь другим авторам, но считается, что основное ядро принадлежит Феогниду. Другой вид лирики представляет собой так называемая монодическая лирика, предназначенная для сольного исполнения. Виднейшими представителями монодической лирики являются Алкей и Сапфо (первая половина VI в. до н.э.), их уцелевшие стихи сохранились в передаче поздних античных писателей. Они найдены также в египетских папирусах, обнаруженных Гренфелем и Хунтом в 1905 году в Оксирихе.

Следующим за ними идет Анакреон, творчество которого относят ко второй половине VI века до н.э.

Еще один вид лирики — хоровая лирика, предназначенная для исполнения хором в культовых обрядах. В ней различают дифирамбы, культовые гимны в честь Диониса, эпиникии, песни, прославляющие победителя на общественных греческих гимнастических состязаниях, и энкомии, гимны в честь определенного лица.

Во второй половине VII века до н.э. представителем хоровой лирики являлся Алкиан. До нас дошли лишь краткие цитаты из его гимнов. Единственный большой отрывок «Парфения», гимна девического хора, был найден в 1835 году на папирусе в одной из египетских гробниц.

Хоровая лирика вплоть до конца VI в. до н.э. известна лишь очень отрывочно. Сохранились лишь имена **Ариона**, **Стесихора**, **Ивика** (жившего одновременно с Анакреоном).

Более крупный представитель хоровой лирики жил в конце VI и в начале V века до н.э. Это — **Симонид Кеосский** (556 — 468 гг. до н.э.). Правда, от лирики Симонида тоже дошло лишь небольшое количество фрагментов; ни одного цельного стихотворения не сохранилось. Однако слава Симонида была основана не только на хорике, он был известен и как один из творцов эпиграмм.

Примерно в это же время жил классик торжественной хоровой лирики **Пиндар** из Фив (518 — 442 гг. до н.э.). Говорят, что он написал 17 книг, от которых сохранились 4 книги; в общей сложности 45 стихотворений. В тех же Оксирихских папирусах найдены пеаны Пиндара (гимны в честь Аполлона).

Еще в XV веке гуманист Лоренцо Валла упоминает о Пиндаре, как о поэте, которого он предпочитает Вергилию. Рукописи произведений Пиндара хранятся в Ватикане (см. [88], стр.171).

До недавнего времени Пиндар был единственным хорическим лириком, от которого сохранились цельные произведения.

Современником (и соперником) Пиндара был **Вакхимед**. Двадцать его стихотворений были обнаружены Кенионом в коллекции папирусов, приобретенных Британским музеем незадолго до 1891 года в Египте. Продавца этих папирусов, как писала газета «Таймс» 19 января 1891 г., «по некоторым причинам называть неудобно» (см. [89], стр.389—392).

Известно также имя **Терпандра** (VII в. до н.э.), сочинения которого до нас не дошли, имя **Ономакрита** (VII в. до н.э.) и имя **Архилоха** (середина VII в. до н.э.), лирические произведения которого до нас дошли только в отрывках. Нам он больше известен как основоположник сатирического ямба.

Имеются отрывочные сведения еще о трех поэтах: **Эвене Аскалонском** (V в. до н.э.), **Хериле** (V в. до н.э.) и поэтессе **Праксилле** (середина V века до н.э.); последняя, говорят, славилась застольными песнями, но писала также дифирамбы и гимны.

На этом, собственно, и кончается список лирических поэтов в Древней Греции. Далее в течение целого века греческая цивилизация практически не имеет лирической поэзии. Правда, имеются упоминания об **Антимахе** из Колофона (начало IV в. до н.э.), автора эпической поэмы «Фиванды» и элегии «Лида». Однако он являлся, по-видимому (сохранились всего лишь незначительные фрагменты), уже представителем другого жанра с дидактическим уклоном.

Кроме того, в источниках упоминается поэтесса **Эринка**, единственная известная нам ее поэма «Прялка» до нас не дошла, а также два Иона — **Ион Хиосский** и **Ион Эфесский**.

На рубеже III века до н.э. жил зачинатель так называемой александрийской поэтической школы **Филит** (340 — 285 гг. до н.э.), от творчества которого тоже почти ничего не сохранилось. Где-то в это же время жил **Асклепиад** (врачеватель) из Самоса, примыкающий к школе Филита. С некоторой натяжкой к лирическим поэтам можно отнести представителей «ученой» поэзии **Каллимаха** (310 — 240 гг. до н.э.), **Аполлония Родосского**, ученика Каллимаха, **Эвфориона** из Халкиды (род. около 276 г. до н.э.).

Заканчивается список лирических поэтов Древней Греции **Аристидом** из Милета (вероятно, конец II в. до н.э., единственный известный нам по названию сборник его любовных новелл до нас не дошел) и **Архием** (примерно 102 — 63 гг. до н.э.), о котором мы знаем только из речи Цицерона в его защиту. Впрочем, 35 эпиграмм, сохранившихся под именем Архия, иногда приписывают не **Архию** из Антиохии, в защиту которого произнес речь Цицерон, а его тезке — **Архию** из Митилена, жившему тоже в I веке до н.э.

После этого поэты в Греции полностью исчезают до IV—V веков н.э., когда снова появляются несколько поэтов: **Авсоний** (310 — 395 гг.), **Клавдиан** (IV—V века) и **Наматриан** (около 416 г.). Известно о них очень мало.

Эпос и лирика в Древнем Риме

Древнеримская поэзия начинается историческим эпосом **Квинта Энния** (239 — 169 гг. до н.э.), являющимся подражанием греческому эпосу. Этот поэт впервые ввел гекзаметр в латинское стихосложение. Его поэма «Анналы» в 18 книгах, описывающая всю историю Рима, известна нам лишь по цитатам и изложениям. Говорят, что он также перекладывал на латинский язык греческие комедии и трагедии (дошедшие лишь в фрагментах), и популяризировал другие греческие литературные жанры.

После Энния мы скачком переходим в I век до н.э. Распространившийся в это время в Древнем Риме эпикуреизм нашел отражение в поэзии **Тита Лукреция Кара** (род. около 98 г. до н.э., умер в 55 г. до н.э.), который написал поэму «О природе вещей». По сообщению в хронике христианского писателя Иеронима, поэма не была полностью завершена, а была издана (?) Цицероном. По жанру ее следует отнести к дидактической поэзии. «Знакомство с Лукрецием

не прерывалось до каролингских времен и обеспечило (? — *Авт.*) сохранность поэмы в рукописях IX века. В более позднее средневековье Лукреций был забыт и заново открыт лишь в XV веке» ([86], стр.352). Фойтг уточняет, что в XV веке Лукреция переписывал гуманист Никколи во Флоренции (см. [88], стр.341).

В том же I веке до н.э. в Риме появляются поэты, тяготеющие к александрийской («ученой» и «легкой») поэзии. Это — **Гай Валерий Катулл** (род. в 80-х годах I века до н.э., умер около 54 г. до н.э.). До нас дошел сборник его 116 произведений, в начале которого находятся мелкие стихотворения — «полиметры», в конце — эпиграммы, а в середине — большие стихотворения.

Имеются сведения и о других поэтах того же направления: **Валерия Катона**, **Кальва**, **Цинны**.

Самым прославленным поэтом императорского Рима считается **Публий Вергилий Маро** (70 — 19 гт. до н.э.), автор поэмы «Энеида». Он писал также пастушеские идиллии, собранные в сборнике «Буколики». Его другом был элегический поэт **Гай Корнелий Галл** (69 — 26 гт. до н.э.).

Талантливыми элегическими поэтами были также **Альбий Тибулл** (род. в 50-х гт. до н.э., умер в 19 г. до н.э.) и **Секст Проперций** (род. около 49 г. до н.э., умер после 15 г. до н.э.).

От Тибулла и Проперция сохранилось по два сборника стихотворений.

Квинт Флакк Гораций (65 — 8 гт. до н.э.), больше известный как автор ямбографических стихотворений и сатир, выпустил также три книги лирических стихотворений, которые античные комментаторы называли одами. Он писал также в стиле монодической лирики.

Последним известным поэтом, окончившим свой жизненный путь уже в нашу эру, является **Публий Овидий Назон** (43 г.д.н.э. — 18 г. н.э.).

Фойтг сообщает, что уже во времена папы Николая V в его библиотеке была рукопись сочинений Овидия (см. [88], стр.181).

Овидий переводился на французский язык уже Филиппом де Витри. Кроме того, переводы на французский Овидия упоминаются в каталоге библиотеки короля Карла Мудрого, составленном в 1337 году Жиллем Малэ (см. [88], стр.296 и 299).

После начала нашей эры в Риме известно четыре эпических поэта: **Марк Анней Лукан** (39 — 65 гт.), **Папиний Публий Стаций** (умер около 95 г.), **Валерий Флакк** (умер около 90 г.) и **Силлий Италик** (26 — 101 гт.).

От многочисленных произведений Лукана до нас дошли только одно — исторический эпос «О гражданской войне» или «Фарсалия» в 10 книгах. Стаций известен как автор поэмы «Фиваида». Флакк

переработал «Аргонавтику» Аполлония Родосского, а Италик переложил в стихи рассказ Ливия о второй Пунической войне (поэма «Пуника»).

Лукан был первым латинским поэтом, переведенным на французский язык при короле Карле V (см. [88], стр.302).

Наконец, имеется небольшое число поэтов поздней эпохи (IV— V в. н.э.): **Квинт Смирнский** (IV в.), **Нонн** (V в.) и его ученик **Мусей**. О них мало что известно.

Сатиры

Сатиры традиционно выделяются в отдельный жанр, хотя представителей этого жанра сравнительно мало.

В Греции первым представителем сатирического направления является **Архилох**, живший в середине VII в. до н.э. Он писал басни, мастерство которых доводило, согласно легендам, жертв архилоховой насмешки до самоубийств. Писал он и лирические произведения, но они не дошли до нас в целом виде.

Его современник **Симонид Аморгский** писал дидактические элегии и сатирические ямбы.

Во второй половине уже VI века до н.э. писал сатирические стихи **Гиппиант** из Эфеса.

После этого мы не знаем сатирических поэтов вплоть до III века до н.э., когда появляется **Герод**, чьи мимиамбы были, впрочем, найдены лишь в 1891 году, приобретены Британским музеем и опубликованы Кенионом. Но это, собственно говоря, уже не сатира, а лишь мимы в размере ямба.

«Своеобразную форму сатиры создал киник **Менипп** из Гадар (начало III века)... Он составлял философско-сатирические диалоги с фантастическим повествовательным обрамлением, вроде полета на небо... Показ ничтожества земных благ, сатира на религию, полемика с враждебными философскими школами — таково содержание творчества Мениппа, поскольку оно поддается определению по ничтожным обрывкам и отражениям у более поздних писателей» ([86], стр.235).

После этого в Греции опять нет никаких сатириков вплоть до II века н.э., когда появляется плодовитый сатирик софист **Лукриан** (120 — 180 гт.). Лукриана впервые переводили в XV веке Лапо де Кастильонкьо и Ауриспа (см. [88], стр.33 и 158).

Римская литература более богата сатириками. Первый сатирический поэт **Гай Луцилий** (умер в 102 г. до н.э.) объединил в одном жанре

пародию, ямбографию и стиль Мениппа. От его 30 (!) книг сохранилось лишь около тысячи фрагментов, очень незначительных по величине.

В следующем столетии нам известен тоже только один сатирик — **Квинт Гораций Флакк** (65 — 8 гг. н.э.). До нас дошли его сборник ямбографических стихотворений «Элады» и два сборника сатир.

От I века нашей эры сохранилось два сатирика — **Авл Персий Флакк** (34 — 62 гг.) и **Марк Валерий Марциал** (42 — 101 гг.). Персий написал всего 6 сатир, которые были изданы (?) уже посмертно при участии Корнута. Марциал писал уже эпиграммы.

Предположительно к I веку относится и **Петроний Арбитр** с его «Сатириконом».

Следующим был **Децим Юний Ювенал** (50 — 127 гг.). Его сатиры знали уже гуманисты XV века. Онйбене да Лоничо писал к нему комментарии, а Григорий Санок в 1439 году в Краковском университете преподавал Ювенала наряду с другими античными авторами.

За Ювеналом идет знаменитый **Апулей** (род. в 124 г.), которым и заканчивается список сатириков.

Трагедии

Античная традиция называет первым трагическим поэтом Афин **Феспида** и указывает на 334 г. до н.э. как на дату первой постановки трагедии во время «великих Дионисий». Еще раньше, в 494 г. до н.э., поэт **Фриних** якобы поставил трагедию «Взятие Милета». Эти произведения первых трагиков не сохранились.

Нам известны трагики V века до н.э. — **Эсхил**, **Софокл** и **Эврипид**.

Эсхил (524 — 456 гг. до н.э.) написал, говорят, 90 произведений, от которых сохранилось только семь, и 72 пьесы известны по заглавиям и небольшим фрагментам.

Софокл (496 — 406 гг. до н.э.) написал, говорят, 123 пьесы, из которых сохранилось опять только семь.

Все семь трагедий Софокла были известны уже в XV веке, когда **Ауриспа** перевел их для **Козьмы Медичи** (см. [88], стр. 116). В 1912 г. в «Оксиринхских папирусах» была опубликована новая драма Софокла «Следопыты».

Эврипид (480 — 406 гг. до н.э.) написал, говорят, 92 драмы, из которых до нас дошло 19. Кроме того, от не сохранившихся целиком трагедий дошло большое количество отдельных фрагментов.

Известны также имена трех трагических поэтов конца V века до н.э.: **Агафона**, **Ахея** и **Иона** из Хиоса.

После V века до н.э. трагических поэтов в Греции не было.

Римская трагедия насчитывает всего пять авторов.

Первая драма была поставлена в 240 г. до н.э. **Ливием Андроником** (умер около 204 г. до н.э.). Около этого же года начал свою драматическую деятельность второй римский поэт **Гней Невий**. Несколько позже жил **Квинт Энний** (239 — 169 гг. до н.э.), фрагменты трагедий которого дошли до нас. Трагическим поэтом был и его племянник **Пакувий** (220 — 130 гг. до н.э.).

Последний классик римской трагедии — **Акций** (170 — 90 гг. до н.э.). Его трагедии ставили еще долго после его смерти,

Комедии

Первым творцом сатирических драм для афинского театра традиция называет **Пратина** из Флиунта (в Северном Пелопоннесе). Жил он в конце VI века до н.э.

В это время жил **Эпихарм**. «Деятельность этого поэта протекала в Сиракузах в конце VI и первой половине V века... До нас дошли только заглавия и незначительные фрагменты» ([86], стр. 157).

Во второй половине V века до н.э. мы имеем уже трех авторов: **Кратина**, **Эвполида** и **Аристофана**. Первые два известны нам только по фрагментам. От **Аристофана** (427 — 388 гг. до н.э.) из 44 пьес сохранилось полностью 11. К XV веку были известны еще не все комедии **Аристофана**. Так, **Виссарион**, известный распространитель древнегреческой литературы, вообще не знал **Аристофана**, а в библиотеке **Козьмы Медичи** было только три его комедии (см. [88], стр. 116).

Известны имена (не упоминаемые **Тронским**) еще трех авторов этого периода: **Магнета**, **Евмолпа** (445 г. до н.э.) и **Сусарриона** (480 г. до н.э.).

В IV веке до н.э. известны **Антифан** и **Алексид**, от творчества которых до нас дошло большое количество заглавий и ряд фрагментов, **Дифил** (род. в 350 г. до н.э.) и **Филемон** (360 — 262 гг. до н.э.), от творчества которых остались лишь фрагменты и римские переделки **Плавта** и **Теренция**.

Где-то в конце IV века до н.э. жили пародист **Ринфон** и комик **Евбул**. Продолжателем традиций **Филемона** и **Дифила** был **Менандр** (342 — 292 гг. до н.э.). О **Менандре** до недавнего времени мы знали только по переделкам **Плавта** и **Теренция** и отдельным фрагментам. Положение изменилось в 1905 г., когда в Оксиринхе были найдены папирусные фрагменты его произведений. Почти одновременно **Лефевр** на месте прежнего **Афродитополя** на левом берегу **Нила**, среди

развалин деревянного жилища, нашел папирусную книгу (кодекс) из 17 листков, содержащую до 1300 стихов Менандра (см. [89], стр.401). В 1911 г. этот папирус Менандра был снова опубликован с некоторыми новыми добавлениями.

Считается, что Менандр написал более ста комедий.

В Риме комедии писали те же **Ливий Андроник** и **Гней Невий**, которые перекладывали на латинский язык трагедии.

За ними идет **Плавт** (умер около 184 г. до н.э.) — первый римский автор, от творчества которого дошли цельные произведения. В его время жили также **Цецилий Стаций** (умер в 168 г. до н.э.) и **Теренций Публий Афф** (195—159 гг. до н.э.), от творчества которого сохранилось 6 комедий.

В конце II века до н.э. жили комедийные авторы **Афраний**, **Титиний**, **Атта**, от которых дошли фрагменты. Известны еще **Помпоний** и **Либерий**.

Буколка и дидактика

Мы объединяем эти два жанра ввиду незначительного числа авторов.

Феокрит (род. около 300 г. до н.э.) писал «пастушеские», буколические стихотворения.

«Ученые» лозы писал **Арат** (315 — 240 гг. до н.э.).

Во втором же веке до н.э. **Никандр** писал дидактические поэмы, которые потом явились образцом для Вергилия. В этом же веке творил **Парфений**.

В середине II века **Мосх**, а в конце этого века **Бион** из Смирны воспроизводят идиллии Феокрита.

Сюда же следует отнести ряд лирических поэтов с дидактическим уклоном: **Антимаха** (начало IV в. до н.э.), **Каллимаха** (310 — 240 гг. до н.э.), **Аполлона Родосского** (начало III в. до н.э.), **Эвфориона** (род. в 276 г. до н.э.).

В Риме дидактические поэмы в I веке до н.э. писали **Тит Лукреций Кар** и **Вергилий**, а в I веке н.э. — **Овидий** и **Мавилий**.

Философия

Первый древнегреческий философ **Фалес** (начало VI в. до н.э.) не оставил письменных произведений; то же касается и его ученика **Анаксимандра** (610 — 546 гг. до н.э.). От знаменитого **Пифагора** и его школы не осталось ничего, кроме легенд.

Последующие философы **Анаксимен** (583 — 525 гг. до н.э.), ученик **Анаксимандра**, **Гераклит** (род. в 544 г. до н.э.), **Анаксагор** (500 — 428 гг. до н.э.) и **Демокрит** (460 — 370 гг. до н.э.) известны нам только по фрагментам их произведений.

Основоположником античного идеализма был **Платон** (427 — 347 гг. до н.э.). Из его трудов сохранилось 9 сборников по 4 диалога в каждом, а также сборник писем Платона. Однако (см. выше § 4) до сих пор нет единодушного мнения о подлинности сочинений Платона.

Ученик Платона **Аристотель** (384 — 322 гг. до н.э.) имел якобы три группы сочинений. Первая из них — диалоги, которые он сам издавал (?). Утверждается, что в течение почти всего эллинистического периода Аристотель был известен даже философам-специалистам главным образом по его диалогам. Но ему принадлежат еще две группы сочинений: архивные материалы и трактаты по различным областям знаний. Полный свод его трактатов был якобы найден в 100 г. до н.э. и опубликован (?) в Риме. Это помогло сохранить трактаты до настоящего времени, все же прочие сочинения Аристотеля оказались утерянными.

«Аристотель в средние века был гораздо более знаком ученым, чем Платон. Рано были сообщены арабами его сочинения по физике, а по логике и метафизике — Боэцием. Были известны почти все сочинения Аристотеля, какие мы в настоящее время знаем, в латинских переводах и изложениях, иногда даже в нескольких» ([88], стр.148).

«Афинская политика» Аристотеля была найдена только в 1891 г. при загадочных обстоятельствах в коллекции папирусов, приобретенных Бристольским музеем, и опубликована Кеннионом. В том же году было издано и факсимиле этого папируса.

Ученик Аристотеля **Феофраст** считается автором трактата «Характерь».

В источниках упоминаются еще философы **Ксенофан** (570 — 479 гг. до н.э.), **Эпикур** (341 — 270 гг. до н.э.), известный нам, главным образом, в изложении Лукреция в его поэме (см. [69], стр.225), **Гегесий** (начало III века до н.э.) и **Бион Борисфенит** (начало III века до н.э.).

В древнем Риме первым философом считается **Панэтий** (180 — 110 гг. до н.э.), создатель эклектической философии, объединяющей стоицизм с теориями Платона и Аристотеля. Его учеником был **Посидоний** (135 — 51 гг. до н.э.).

После этого мы сразу переходим в I век н.э., когда жили **Филон** из Александрии (род. в 20 г. до н.э.) и **Сенека** (3 г. до н.э. — 65 г. н.э.).

Сенека наряду с Цицероном, Плинием и Вергилием был хорошо известен в период гуманизма. Большой популярностью пользовалась апокрифическая переписка между Сенекой и апостолом Павлом (сочиненная якобы в IV в. н.э.). «В результате Сенека рассматривался в средние века как автор, близкий к христианству» ([86], стр.442).

В середине I века жили стоик Эпиктет и Квинтилиан (30 — 96 гг. н.э.).

Выводы

Произведенное исследование со всей отчетливостью выявляет, что вся древнегреческая литература разбивается по времени на периоды. В первый период, самый отдаленный, расцветает легендарный героический эпос. С 700 по 500 гг. до н.э. в Древней Греции преобладают в основном представители лирического, эпического и сатирического направлений. К 500 г. до н.э. все эти направления исчезают и расцветает, наоборот, трагедия, а потом вслед за ней — комедия, бесследно исчезающие к 400 г. до н.э. На их месте появляются философы. Не успели прекратиться философы, как вновь возникает комедия, чтобы с 300 г. до н.э. уже никогда больше не появиться на арене вплоть до эпохи гуманизма. Незадолго до этого выдыхается и философская мысль. На смену комедии и философии приходят серые и бесцветные жанры — дидактика и буколика, которые и завершают историю литературы в Греции.

Если не считать гомеровского периода, то на все литературное творчество в Древней Греции приходится приблизительно 600 лет. На трагедию приходится из этих 600 лет всего 100 лет. В остальные 500 лет ни до ни после не появлялось ни одного автора трагедий. На комедию приходится 150 лет. В остальные 450 лет ни до ни после не появлялось ни одного автора комедий.

Сатира имела настолько мало представителей, что она промелькнула где-то до 500 г., и язвительный ямб никогда уже не поражал древних греков.

После 500 г. греки перестали сочинять лирические стихи. Они полностью переключились на «серьезные» размышления (в течение без малого 200 лет). А когда им и это надоело, они стали поучать молодое поколение (тоже на протяжении 200 лет).

Совершенно аналогично дело обстоит и в Древнем Риме.

В течение первых 150 лет в Древнем Риме никого не было, кроме драматургов (комических и трагических). К 100 г. до н.э. драматурги полностью исчерпали свои дарования, а вместо них началась громадная волна поэтов на целых 200 лет. Появившиеся затем

философы также быстро наскучили римлянам; остались одни язвительные сатирики, которые, впрочем, через 100 лет тоже наглухо замолчали.

В этом, конечно, нет ничего нового. Эта «смена жанров» общеизвестна и описывается (может быть, не так подробно) в любом учебнике. Историки литературы не делают из нее никаких выводов. Довольно ясно, что такая позиция неправомерна.

Вот что по этому поводу пишет Морозов:

«...как же можно себе представить, что именно так и случилось при развитии литературы... передового народа, где поэзия и проза, наука и беллетристика, во всех их формах, представляют только различные стороны деятельности пробудившегося человеческого гения, всегда и везде рвущегося по всем доступным направлениям... Как можно представить, что... греки несколько сот лет разрабатывали в одной своей области только один род литературы, потом, забросив его, несколько лет занимались в другом месте другим, потом, забросив и это, несколько столетий занимались третьим, и опять в новом месте? Возможно ли такое разделение литературного труда по городам и векам?

Конечно, нельзя себе даже и представить. А между тем нам говорят, что это было так...» ([3], стр.206).

«До пятого века рождаются только лирические, героические и сатирические поэты, и первый же из героических поэтов творит... целые эпопеи в роде «Илиады» и «Одиссеи». Ведь для того, чтобы написать их тогдашним крупным почерком, нужен был свиток пергамента до версты длиной... Почему во времена создания «Одиссеи» нет историков, хотя исторические записи и являются всегда первым предметом, к которому прилагается письменность? Почему затем этот посев лирических и героических поэтов прекращается до эпохи Возрождения, и вместо него вырастают богатые всходы драматических авторов третьего периода или, лучше сказать, посева?

Почему и драматические авторы, — как комики, так и трагики, — прекращаются от IV века перед нашей эрой до эпохи Возрождения, а взамен их выходят ростки из посева буколических и дидактических поэтов... ?

...Если вы мне скажете: это плодoperенное хозяйство произошло лишь потому, что в первый и во второй периоды все затерялось, кроме поэтов, в третий — все, кроме комиков и трагиков да софистов и т.д., то я отвечу, что это совершенно невозможно с точки зрения

математической теории вероятностей, по которой из всех родов должно было затеряться приблизительно одинаковое число процентов.

Если же вы мне скажете: в различные периоды была различная мода в литературном творчестве: в один — мода на поэзию, в другой — мода на драму, ... то я отвечу: *моды бывают только в нарядах*. Само собой понятно, что матери в древности могли одевать своих новорожденных детей в разные века в пеленки разного покроя и цвета, как и писатели могли оригинальничать той или иной манерой изложения, но совершенно невозможно допустить, чтобы в одном веке у матерей была мода родить исключительно брюнетов, в другом блондинов, в третьем курчавых, а в четвертом безволосых детей. Но не то ли же самое мы видим в ...рождении греческими матерями в одном веке лириков, в другом драматургов, в третьем богословов, в четвертом летописцев?

Не естественнее ли допустить, что все они рождались в беспорядке, как и следует, но только это было в эпоху Возрождения и на ее кануне причем действительно была мода (или просто обычай) апокрифировать лирические и героические поэмы в самые древние века; драмы, комедии, философские и ораторские произведения вслед за этим, а буколическую и дидактическую поэзию еще позднее...

...державшаяся до сих пор в головах историков древнего мира идея о возможности плодотворного хозяйства в умственном творчестве человечества, с оставлением на время той или другой части его мозга «под паром», является совершенно неприемлемой с эволюционной точки зрения ...*все, что сообщают нам наши первоисточники эпохи Возрождения о богатом умственном творчестве греков в до-христианскую эпоху, совершенно неправдоподобно с этно-психологической и эволюционной точек зрения и должно быть отвергнуто серьезной наукой уже с того момента, как она начала отвергать все чудесное в исторической жизни народов и стала на эволюционную точку зрения...*» ([3], стр.227—229).

Здесь в первую очередь интересно теоретико-вероятностное соображение о приблизительной равномерности «потери и забывания» в веках произведений различных жанров. Нельзя ли это теоретическое положение проверить экспериментально?

Трудность такой экспериментальной проверки состоит в необходимости создания искусственного механизма «потери и забывания». Можно, например, предложить следующее: возьмем какой-нибудь достаточно полный, но не всеобъемлющий обзор средневековой и новой литературы какой-нибудь страны, скажем, Франции, и будем,

по определению, считать «забытыми и потерянными» сочинения, в этом обзоре не упомянутые.

Эта идея принадлежит А.С.Мищенко, который и произвел такой эксперимент, взяв обзор французской литературы из статьи «Франция» Советской Исторической Энциклопедии. Оказалось, что никакого выборочного забывания отдельных жанров, вообще говоря, не наблюдается.

Однако можно предложить и другой механизм. Скажите, каких французских драматургов вы помните? Безусловно, вы вспомните Мольера, Корнеля и Расина (все XVII век), а из XVIII века вы вспомните (если у вас нет специальных знаний), пожалуй, только Бомарше. В XIX веке вы не укажете ни одного французского драматурга, кроме, быть может, Гюго и т.п. Получается, что XVII век был на драматургов во Франции втрое более урожайным, чем XVIII или XIX век!

Это возражение против соображений Морозова на первый взгляд представляется очень убедительным. Однако если лучше подумать, то становится ясным, что оно не относится к делу. Тот факт, что мы помним драматургов XVII века и забыли многочисленнейших писателей XVIII и XIX веков, объясняется не тем, что сочинения последних до нас не дошли (каждый может найти их в библиотеках), а нашим воспитанием и образованием. Знали ли бы мы Мольера, если он бы не изучался в школе, непрерывно не переиздавался и не ставился в театрах? Античные же писатели якобы дошли до нас через тысячелетний промежуток прерванной культурной традиции, и сохраниться за эту тысячу лет имели одинаковые шансы как самые знаменитые и авторитетные писатели, так и самые ничтожные, ибо все они были равны перед плесенью, сыростью и мышами.

Можно также спросить, верно ли, что «моды бывают только в нарядах»? Казалось бы, наоборот, в истории литературы наблюдается непрерывная смена жанров. В периоды социальных потрясений и революций пышно расцветает поэзия (в основном героико-патриотическая) и театр (в форме массовых театрализованных зрелищ и действ), а в более спокойные времена приоритет получает лирика и психологический роман. Мы сами являемся свидетелем необычайного роста научно-фантастической литературы, практически не существовавшей сорок лет назад. Однако всплески этой моды совсем не так велики, как нам вблизи кажется ли, несмотря на все, большая часть литературной продукции сейчас, как и раньше, состоит из романов. Литературной моде подведомственны не столько сами жанры, сколько наша их оценка и количество уделяемого им внимания со стороны критики и

окололитературной публики. Случись сейчас перерыв в литературно-культурной традиции, и будущие археологи и филологи не обнаружат в остатках нашего времени никакого «плодопеременного хозяйства», аналогичного античному.

Театр Еврипида

Морозов также подвергает (см. [4], стр.561—652) исследованию сами произведения «античной» драматургии с целью обнаружить в них самих следы подлога. Мы не будем излагать здесь всех соображений Морозова, а ограничимся только теми, которые относятся к Еврипиду.

Вот что пишет Морозов:

«...Вот, например, хоть «Прекрасная Елена» Еврипида, поставленная, судя по надписи, на афинской сцене ровно за 412 лет до «Рождества Христова».

В сценарии ее на переднем плане стоит гробница покойного царя. За нею стена кремля, у которой ворота настежь открыты. Далее холм, на котором возвышается роскошный дворец Феоклимена, но двери его заперты. Сцена первая. Перед гробницей на ложе из листьев и ветвей. Елена. Утро. Царица поднимается с ложа.

ЕЛЕНА

Здесь блещут Нила девственные волны
Взамен росы небесной он поит
Лишь снег(!) сойдет в Египте, по низинам
Лежащие поля...

(В сноске Морозов приводит и греческий текст, показывающий, что «снег в Египте» не является вольностью переводчика. — *Авт.*.)

Читатель сам поймет, что краска стыда на лице не позволяет мне останавливать его особое внимание на снеге, покрывающем Египет...

Скажу только, что измыслить такую несообразность не мог ни один ионийский или какой-либо другой грек, а только француз — не южнее Парижа или германец — не южнее Вены.

Но обратите внимание опять на обстановку сцены, необходимую особенно при четвертом выходе, когда «на фоне рассвета одна рабыня несет высоко поднятый горящий факел и чашу, в которой дымится сера, а ее госпожа останавливается и долго смотрит на предзвездное небо»...

Еще сложнее обстановка сцены в тех местах «классических авторов», где являются боги. Вот, например, трагедия «Геркулес», того же Еврипида, на которой скромно написано, что она «представлена в Афинах около 420 года до «Рождества Христова».

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Набегает мрак. Глухие раскаты грома. В воздухе над домом Геркулеса показываются крылатая молодая богиня Ирида в шафранном плаще и страшное костлявое создание, Лисса, со змеями в черных волосах и с отвратительным лицом, в черном одеянии.

...в греческом тексте, по которому я проверял перевод, никакого описания сцены нет, но оно дано переводчиком правильно: без такой обстановки разыграть перед зрителями «Елену» или «Геркулеса» невозможно...

...Какими техническими средствами можно было произвести этот мрак и видения говорящих призраков на афинской открытой сцене еще за 420 лет до «Рождества Христова»? Мы смело можем сказать: **никакими, следовательно, ничего подобного и не производилось.** Значит, Еврипид, а с ним и все его «классические современники» были уже прекрасно знакомы с западноевропейским театром Эпохи Возрождения, когда... машины на закрытых сценах могли производить и свет и тьму, ...переноса на невидимых зрителям черных проволоках в полумраке даже летающих актеров.

И пусть мне не говорят, что о древних декорациях нельзя судить по нашим и что они могли быть сделаны очень грубо. Всякой грубости есть предел, и в трагических местах представления грубость **никогда** не могла доходить до того, чтобы вместо ужаса возбуждать в зрителях хохот. Ведь все актеры знают, что театральная публика более восприимчива к смешному, чем к трагическому...

Так и в древности появленне в воздухе мистической ужасной фурии или привидения не могло быть устроено в виде явного чучела, качающегося на веревке, а должно было возбуждать в зрителях иллюзию сверхестественности, иначе трагедия мгновенно перескочила бы в комедию...

Итак, мы видим, что с точки зрения декоративной (по-видимому, декорационной. — *Авт.*) техники *классические греческие драмы... не могли быть и написаны без знакомства с театральной техникой ренессанса.* Но то же самое выходит и по структуре их стиха...» ([4], стр.563—538).

Мы оборвем здесь анализ Морозова, поскольку полностью излагать его у нас нет места.

Возможно, что в процитированном фрагменте Морозов недостаточно учитывает, на что способна привычка к театральной условности, но, конечно, обмолвка Еврипида о «снеге в Египте» впечатляет.

Не нужно, впрочем, думать, что эта обмолвка Еврипида никем до Морозова не была замечена. Напротив, она известна, и известно ее объяснение. Именно утверждается, что Еврипид имел в виду таяние снегов в верховьях Нила, которое, по мнению античных географов, и вызывало его ежегодные разливы. Мы еще раз убеждаемся, что при желании можно объяснить любую странность древней истории, но не является ли это лишь доказательством изобретательности человеческого ума?

К тому же «снег в Египте» не является единственным ляпсусом у Еврипида. Например, в «Ипполите и Федре» хор поет:

«И ланиты с косою золотою
За кисейною прячет фатою».

Морозов справедливо указывает, что «коса золотая» является атрибутом блондинок Севера, так что «одно представление о блондинной красоте показывает уже северное происхождение автора...» ([4], стр.571).

Таким образом, с какой стороны не подойти, всюду обнаруживаются свидетельства апокрифичности «классических» драм.

§ 7. Начало римской летописи

Проблема происхождения и критики источников в настоящее время почему-то считается окончательно решенной; во всяком случае, по-видимому, не существует фундаментального историографического труда XX в., в котором были бы подвергнуты критическому анализу основы информации о древней истории Средиземноморья. Поэтому, чтобы выяснить принципы, положенные в основу, скажем, римской летописи, приходится обращаться к трудам исследователей XIX века.

В этом параграфе прореферированы две вышедшие почти одновременно (1903 г.) книги Радцига и Мартынова под почти одинаковыми названиями «Начало римской летописи» и «О начале римской летописи» (см. [34,35]), отличающиеся тщательностью разбора этого вопроса. В обеих книгах все ссылки на труды Ливия и других римских авторов подкреплены детальными указаниями на конкретные места в этих трудах; весь этот громоздкий технический аппарат здесь опущен, но читатель, который заинтересуется конкретными ссылками, может все их найти в [34,35].

Следует подчеркнуть, что ни Радциг, ни Мартынов не подвергают глобальному пересмотру основы наших знаний о древнем мире; и именно поэтому сообщаемая ими информация особенно ценна. Перечисляя огромное количество странностей в истории начального летописного периода Рима, они тем не менее не делают никакого вывода из этого набора противоречий.

Источники

Начиная исследование источников о Древнем Риме, Радциг отмечает, что «к сожалению, сведения, по крайней мере, о первых веках его существования весьма туманны; правда перепутана в них с вымыслом настолько, что подчас бывает трудно отличить истину от лжи, действительное происшествие от легендарного рассказа» ([34], с.3). Однако поскольку человечество хочет знать свое прошлое, то были предприняты попытки восстановить древние события на основе этого весьма зыбкого материала. «Задача эта упрощается, так как римская традиционная история дошла до нас в сочинениях весьма немногих авторов; самым солидным из этих трудов является, без сомнения, исторический труд Тита Ливия. Многие причины заставляют предпочитать его другим писателям, а потому знакомство с его трудом является наиболее ценным» ([34], стр.3).

Итак, запомним, что большинство наших сведений о Риме основано на информации, сообщенной нам «Почтенным Ливийцем» — Титом Ливием. Существуют и другие римские авторы, но Ливий — именно тот человек, который дал нам «картину» Рима, а не отдельные, не связанные друг с другом фрагменты.

Обратим внимание также на простосердечное признание автора, что проще иметь дело с одним источником, чем со многими. Действительно, разные источники, как правило, во многих важных пунктах противоречат друг другу, поскольку различные люди по-разному описывают одно и то же событие. Однако стоит подчеркнуть, что именно это и является указанием на достоверность описываемой ситуации.

По признанию Радцига, Тит Ливий — не безупречный свидетель, и он нуждается в поправках. «Особенно в таких поправках нуждается первая декада Ливия. Между тем как повествование его, например, о войнах с Ганнибалом (III декада) дышит уверенностью и правдивостью (? — *Авт.*), в первых книгах своей истории Ливий часто теряет почву под ногами; он должен сам признаваться в своем неведении, побивая себя своим же оружием» ([34], стр.3—4).

Наиболее трезвые и критические умы, наподобие Льюиса, уже давно призывали к тому, чтобы прекратить домысливание за Тита Ливия того, чего он не сказал. В ответ на это разумное пожелание они получали такой ответ: «Все равно, достоверно или недостоверно то, о чем говорит Ливий. Показать, как сложилось недостоверное, не значит ли уже приблизиться на несколько шагов к истине?» ([34], стр.4). Но ведь для того, чтобы производить такую «реконструкцию», надо хотя бы приблизительно определить ее направление, а это направление само по себе ничем не обосновано, кроме веры в традицию, пришедшую к нам, кстати сказать, из недр римской церкви.

Радциг справедливо заявляет, что «достоверность истории тесно связана с существованием современной записи событий, а потому все равно, назвать историю достоверной или сказать, что существовала летопись» ([34], стр.4). Однако, к удивлению читателя, выясняется, что римских летописей не существует. Вот что по этому поводу пишет Мартынов:

«Вопрос о времени возникновения римской анналистики был всегда больным местом всех ученых, занимавшихся римской историей. Трудно найти другой научный вопрос, на который существовало бы столько прямо противоположных друг другу ответов. Одни, как Льюис, совершенно отрицают раннюю римскую анналистику, другие (Брекер)

относят возникновение ее к самому основанию Рима... Дело в том, что римские летописи до нас не дошли, а потому все наши предположения мы должны делать на основании римских историков-анналистов. Но и тут, в свою очередь, мы сталкиваемся с большими затруднениями, из которых главное то, что и анналистов мы имеем в весьма плохом виде. Многие из них дошли до нас только в виде цитат, приводимых древними писателями, а от других нам известны одни лишь имена. Лучше остальных сохранился Ливий, первые десять книг которого дошли до нас полностью, а потому при решении вопроса о времени возникновения римской анналистики мы будем опираться, главным образом, на него... Ливий представляет собой нечто вроде свода всех писавших до него анналистов... И в этом отношении Ливий еще драгоценнее для нас потому, что многие из этих анналистов до нас не дошли и мы узнаем об их показаниях только благодаря ему. В первых десяти книгах Ливий ссылается на Кв. Фабия Пиктора, К.Кальпурния Пизона, Кв.Клавдия Квадригария, Кв. Валерия Антиата, Г.Лициния Макра, Элия Туберона и на археолога (? — *Авт.*) Цинция. Что же это за историки и в какой мере можно доверять их показаниям? На первом месте среди них должен быть поставлен Фабий Пиктор, самый древний из всех римских анналистов, живший во время Пунической войны. В подлиннике до нас он не дошел, и мы знаем о нем только из цитат Ливия и, главное, Диодора Сицилийского» ([35], стр.3). Мартынов подробно излагает далее аргументы, показывающие, что относиться к показаниям Пиктора следует с большой осторожностью, и приводит большое количество странностей в дошедшей до нас информации о Пикторе.

О взаимоотношениях Ливия с анналистами Радциг пишет: «...Ливий не был писателем-критиком, лично проверявшим все написанное его предшественниками-анналистами. А эти последние внесли в свои труды немало собственных измышлений, способных исказить истину. Ливий же этого не проверял, он был от начала до конца лишь добросовестным компилятором. Разумеется, при таких условиях его показания не всегда могут быть принимаемы на веру, они нуждаются очень часто в поправках» ([34], стр.4).

Невольно возникает вопрос, почему Радциг так уверен в «добросовестности» Ливия? А быть может, Ливий выдумал всех анналистов, чтобы свалить свои грехи на них.

Радцигу вторит Мартынов: «Если мы обратимся теперь к вопросу о том, как пользовался Ливий своими источниками, то мы встретим тут любопытные факты. Некоторых древних анналистов он почти не читал и если и цитирует их, то большей частью со слов других» ([35], стр.3).

Мартынов подробно перечисляет те факты, которые свидетельствуют о том, что Ливий никогда не видел оригинальных произведений многих писателей, которых он цитирует. «Не следует, однако, думать, что подобное отношение Ливия к его источникам уничтожает интерес, который мы можем к нему питать... Следы начальной римской летописи могут быть найдены у него несравненно легче, чем у других историков, а потому для нас он имеет первенствующее значение...» ([35], стр.5).

Греческие параллелизмы

Радциг начинает свое исследование с изучения взаимоотношений между греческой и римской историями. Он находит, что именно греческое влияние привело к возникновению в Риме интереса к своему прошлому. Вот как, оказывается, началась римская летопись: «Рим одержал победу, но таковы были силы греческого влияния, что римлянин, вернувшись к себе домой, не отдался вполне своим занятиям, полевым работам и политическим разглагольствованиям. У него появилась потребность (? — *Авт.*) записать подробно ту борьбу, которую он пережил. Так создался первый настоящий исторический труд в Риме — анналы Фабия Пиктора.

...Ряд анналистов после Фабия: Л.Цинций Алимента, Порций Катон, Кальпурний Пизон и др., продолжали его дело, отчасти повторяя его слова, отчасти делая добавления, иногда вводя прямо свои измышления, а от них позаимствовал сам Ливий... Все это заставляет нас ближе познакомиться с тем материалом, который имел под руками Фабий Пиктор и который через него вошел и в труд Ливия.

...Подлинный материал по количеству своему оставлял желать много лучшего, потому что значительное место досталось на долю вымысла. Разнообразные римские предания, постоянно разраставшиеся, заступали не раз место истинных событий, но и эти предания не все сохранили самобытные формы» ([34], стр.6—7).

Оказывается, что «Рим даже по самому происхождению своему оказался в зависимости от своей восточной соседки (Греции. — *Авт.*)» ([34], стр.7). Радциг приводит большой список прямых заимствований в историю Рима из истории классической Греции. «Подвиги Энея в Италии и судьба его потомства образовали римскую доисторию Рима. Но зато эта часть его истории так и осталась безжизненным придатком. Первоначально эта доистория не была особенно длинна: она называла Ромула внуком Энея; но впоследствии, когда римские анналисты познакомились с греческим

летоисчислением, то, чтобы заполнить длинный свободный промежуток времени, придумали целую вереницу альбанских царей. Но если в содержании исторического предания связь Рима с Троей поражает нас своей безжизненностью и натянутостью, то она имела большое значение в другом отношении. Она как бы легализовала права Рима на всемирное господство. Римляне в качестве потомков троянцев приобретали себе нравственное оправдание в покорении Востока. Все это сознавал прекрасно поэт Вергилий, избирая сюжетом своей римской национальной поэмы именно приключения Энея. «Он воспевал Рим как владыку мира, ему нужен был сюжет, выходивший за пределы национальной итальянской поэзии» (Кулаковский — «Начало Рима»). С другой стороны, гордые патрицианские роды стали даже выводить себя от спутников Энея, а род Юлиев — прямо от Энеева сына, которому почему-то произвольно переменили имя... Таким образом, уже на самом происхождении Рима сказалось вредное влияние знакомства с греческой историей. И это не единственный случай» ([34], стр.8).

Перед нами — отчетливый процесс, по-видимому, весьма позднего создания истории Рима, с главной целью — обосновать права Рима на мировое господство. Конечно, такая цель оправдала все средства.

Мы не будем приводить всех параллелей римской и греческой историй; отметим только, что в первоначальной истории Рима очень многое было заимствовано у Геродота, в частности описание событий, происходивших во время «царского периода Рима» (7 первых царей). Эти странные параллели продолжают и при движении вверх по римской истории. Радциг описывает, например, исключительно многозначительную параллель между историей Троянской войны и историей т.н. Вейентской войны. А ведь Вейентская война — это уже поздний период римской истории, а не ее начало. «Продолжительность осады Вей — 10 лет — такая же, какую имела Троянская война и осада мессенской крепости Итомэ. Отряд римских всадников, отправляясь осаждать Вей, дает клятву возвращаться не иначе, как победителями. Так клялись спартанцы, отправляясь против Итомэ. Троянский конь выпускает греков, чтобы напасть на троян в такое время и с той стороны, откуда нельзя было ожидать нападения. Так же неожиданно появляются римляне в храме из своего подкопа. Хитроумный Уллис похищает в Иллионе палладиум, с которым связана была судьба Трои; римские воины похищают внутренности жертвенного животного, залог своей победы. Наконец, все ведение войны, победы и неудачи римлян очень напоминают приключения греков, осаждавших Трою, воспеты в бессмертной поэме Гомера.

Со многими греческими оттенками написана также история не вполне ясного для нас децемвирата. Романтическая подкладка ниспровержения власти децемвиров вызывает невольное сравнение с изгнанием Пизистратова сына Гиппия из Афин. Черты того же влияния видит историк Моммзен еще в судьбе изгнанника Кориолана, этого римского Фемистокла» ([34], стр.9—10).

Все эти факты откровенного параллелизма имеют, по нашему мнению, большее значение, чем это обычно признается. Что, собственно, означает ссылка на «греческий оттенок»? Только одно: авторы «римской истории» — и, в первую очередь, Тит Ливий — беззастенчиво списывали у авторов «греческой истории», а быть может, и наоборот. Подобного рода списывание друг у друга указывает, кстати говоря, на то, что создание «римской» и «греческой» историй происходило, скорее всего, одновременно.

«С другой стороны, греческая историография имела и полезное значение для достоверности римской истории. Дело в том, что в городах Великой Греции, несомненно, существовала летопись» ([34], стр.10). Снова возникают вопросы: откуда эта уверенность? Кто может предъявить эти летописи? Почему глухие намеки, которые извлекаются из труда все того же Ливия (см. [34], стр.10), считаются за авторитетное доказательство существования этих анналов?

Римская традиция

Далее Радциг переходит к исследованию «римской традиции». Вот, оказывается, как подразделяется эта традиция: «Первую ступень ее можно назвать верной действительности (как это устанавливалось? — *Авт.*), вторая уже делает некоторые уступки патриотическим требованиям современников, а последняя изображает события так, чтобы их течение происходило вполне во вкусе читателей.

Типичным примером такого развития традиции представляется рассказ о галльском погроме... Первый вариант, самый древний и свободный от всяких патриотических вымыслов, передается Полибием Галлы, по его словам, заключивши с римлянами договор, беспрепятственно и невредимо вернулись домой. Второй вариант, диодоровский, уже выводит на сцену Камилла, причем, однако, этот последний побивает галлов не на развалинах Рима и не в момент заключения капитуляции, а через год под стенами *oseasci'a*. Совсем по-другому излагается дело у Ливия. Камилл тут является на помощь осажденным в Капитолии как раз в тот момент, когда взвешивали золото, и произносит достойные римлян слова, что не золотом, а

железом платят римляне. Затем начинается битва, и вчерашние победители галлы терпят такое поражение, что даже некому сообщить на их родину. Насколько выигрывает красота описания, настолько проигрывает истина» ([34], стр.11). Подчеркнем, что, по заявлению самого Радцига, этот пример — типичный. Он демонстрирует типичный процесс написания псевдоисторического романа, каким, по видимому, и является труд Ливия, романа, написанного, конечно, на основе каких-то документов (скорее всего, немногочисленных и, что главное, в большинстве своем не дошедших до нас, так что какое-либо их обсуждение — весьма скользкое занятие). В лучшем случае, Ливий не фальсификатор, он — лишь амплификатор, вдохновенно творящий роман, никого не стараясь сознательно ввести в заблуждение.

«Таким образом, мы видим, как видоизменялась традиция, переходя из-под пера одного автора к другому. Открывались новые документы, вносились добавления, придумывались новые имена, события (например, Камилл. — *Авт.*), которых не знали прежние писатели. И если таким образом вошло в историю кое-что истинное, то столько же и сочиненного. На последнем поприще особенно прославился анналист Валерий Антий. Сам Ливий не раз обвиняет его в неумеренной лжи, в ужасном преувеличении цифр... И, несмотря на это, Валерий Антий во многих случаях оказывается его руководителем. Оттого-то все Валерии у Ливия оказываются чем-то вроде героев ложноклассических поэм — бескорыстные, гуманные защитники угнетаемых плебеев. К сожалению, надо сказать, что упрек, делаемый Ливием Валерию Антию, относится в большей или меньшей степени и к другим анналистам. Даже древнейший анналист Рима Фабий Пиктор не безупречен в этом отношении. Уже Полибий упрекает Фабия за чрезмерное восхваление своей фамилии, а для нас этот факт стоит вне сомнений... Откуда могло взяться в истории такое пространное описание подвигов Фабиев и их истребления при Кремере? Несомненно, что в доме Фабиев существовали семейные записи, и, и-то, быть может, прикрасивши, ввел Пиктор в свои анналы. (Откуда взялось это слово «несомненно»? Этими «несомненными» предположениями переполнена история. — *Авт.*) Интересы своего дома он считал настолько тесно связанными с интересами государства, что день при Кремере отнес к траурным страницам государственной жизни...

Итак, все анналисты внесли в историю большую или меньшую долю субъективного элемента, так что общее впечатление от симпатий

Ливия получается довольно пестрое: по своей добросовестности (! — *Авт.*) он не мог подчинить взгляды анналистов один другому и предпочел передать их целиком. Наряду со своими взглядами некоторые анналисты, как было сказано, вносили и прямо произвольные, выдуманные происшествия или приводили такие подробности, которые прямо обнаруживают свою искусственность... Особенно много фантазировали анналисты, когда надо было подробно рассказать какое-либо происшествие или привести в связь с другими» ([34], стр.12—13).

Далее Радциг рассматривает вопрос о многочисленных параллелях в римской истории, о постоянных повторях одних и тех же событий в слегка видоизмененной обстановке. «Подобных случаев можно привести несколько из истории Ливия. Например, романтическая подкладка и обстоятельства, сопровождавшие изгнание царей, совпадают с историей изгнания децемвиров даже в мелочах. Сецессия плебеев, закон о провокации, закон о плебисцитах упоминаются трижды, как можно объяснить это? Верить ли традиции и считать достоверным каждое из перечисленных событий или же сделать ограничение?» ([34], стр.13).

Морозов предлагает следующее объяснение этих параллелизмов: в руках Ливия (или, скорее, неизвестных нам его предшественников, которых Ливий амплифицировал) имелись отдельные разрозненные записи одних и тех же событий, сделанные различными авторами (и потому расходящиеся в деталях). Первые составители «римской истории» приняли эти фрагменты за описание различных событий и по своему разумению разместили их последовательно в рамках уже принятой ими хронологической схемы. Это объяснение мы обсудим в своем месте. Здесь же лишь заметим, что хотя пока оно имеет чисто умозрительный характер и не подкреплено фактами, но все же оно довольно правдоподобно объясняет наличие параллелизмов, тогда как традиционные историки (в том числе и Радциг) никаких других разумных объяснений не предлагают.

Апокрифичность источников

«Но одни повторения не могли еще удовлетворить желанию анналистов дать публике связный рассказ — они стали вносить в рассказ те события, которые совершались у них на глазах» ([34], стр.14). Тем самым заметим, современность превращалась в древность, события, происходившие с современниками хрониста, объявлялись им происшедшими много сотен лет назад и

апокрифировались в древность. Не имея никакой альтернативы сложившейся исторической схеме, историки вынуждены ограничиваться раздраженной констатацией этих фактов, не делая из них выводов.

«Таким образом объясняется то обстоятельство, что у Ливия беспрестанно попадают *leges agrariae*, которых не знали древние римляне. А эти законы играют, если верить слову Ливия, громадную роль в жизни Рима. Вносятся анналистами и вся жизнь их современников с прениями в сенате и на форуме, и заступают место действительного быта их давно умерших предков. Вносятся в историю различные предания, способные беспредельно увеличиваться в объеме» ([34], стр.14).

Радциг и Мартынов подробно излагают отмеченные Моммзенем и другими специалистами по истории Рима крупные фрагменты труда Тита Ливия, являющиеся явными литературными расширениями каких-то отрывочных намеков, дошедших до Ливия от его предшественников. Так, например, один из самых длинных рассказов Ливия был, скорее всего, написан как развитие одного из изображений на римских монетах ([34], стр.17—19). «Почтенный Ливиец» просто написал литературный рассказ, который, по его мнению, должен соответствовать выбитому на монете изображению. Тщательному критическому анализу подвергли Нибур и Моммзен также историю с Кориоланом. По их мнению, вся легенда о Кориолане носит отчетливый характер литературного вымысла, и хотя, как они думают, этот рассказ был донесен до Ливия «традицией», однако «рассказ традиции недостоверен» ([34], стр.24). По поводу другого примера Мартынов пишет: «Это обстоятельство заставляет уже усомниться в истине рассказа Ливия и предположить, не является ли он позднейшей выдумкой, а так как необходимо дать этой выдумке некоторую историческую основу, то и было впоследствии произведено в фактах изменение имени консула 362 года...» ([35], стр.9). И далее: «Приведенный рассказ показывает, какой произвол царил в римских летописях... мы убедились в том печальном состоянии, в котором дошла до нас ранняя римская летопись. Скучная, состоящая из сухого перечня магистратов или из жидких записей ограниченных в своем умственном кругозоре понтификов, она, в довершение всего, была наперебой искажаема и патрициями и плебеями» ([35], стр.10 и 13).

Радциг заканчивает рассмотрение этого вопроса следующими словами: «Разобранный случай с легендой о Кориолане характерно показывает, как слагалась и росла традиция. Сухие летописные даты (между прочим, отметим, что в летописях нет дат в нашем понимании;

все хронологические проблемы решались уже значительно более поздними историками, и отождествление глухих хронологических указаний с современной шкалой является чрезвычайно туманным вопросом. — *Авт.*) становились целыми историческими романами... Таким образом, из всего сказанного можно видеть (каким образом? — *Авт.*), что было внесено недостоверного в традицию до Ливия, что к этому прибавил сам Ливий. Все остальное мы смело можем признать достоверным, а достоверное есть то, что почерпнуто из синхронических записей, т.е. из летописи, к которой мы теперь и обратимся» ([34], стр.26).

Читатель, может быть, решил, что вот теперь-то на сцену и выступят таинственные «римские летописи». Но нет! Оказывается, что мы и дальше будем вынуждены двигаться только по труду Тита Ливия.

«Посмотрим сначала, как говорит об этом Ливий», — предлагает Радциг. Оказывается, что из слов Ливия можно заключить, что «уже в период 451—449 г. до н.э. можно считать письменность настолько распространенной в городе, что правительство находит необходимым афишировать свои постановления, а что факт обнародования законов 12 таблиц заслуживает полного доверия, в этом, конечно, никто не станет сомневаться» ([34], стр.27).

Во-первых, в тексте Ливия нет такой даты: 451—449 г. до Р.Х., а во-вторых, хотелось бы увидеть более серьезное обоснование «полного доверия», которым Радциг предлагает проникнуться к этим сообщениям Ливия, чем рассыпанные по всему тексту Радцига «конечно» и «несомненно». Тем более что сам Радциг в следующей строке пишет: «С другой стороны, Ливий в том же месте VI книги заявляет о гибели письменных документов в галльском пожаре...» ([54], стр.27). Невольно складывается впечатление, что Радциг (вместе со всеми другими историками) находится в безнадежном тупике: верить всему тексту он не может ввиду наличия большого числа противоречий; не верить ничему он также не может; значит, чему-то верить надо, а чему-то нет; и вот именно в этом основном вопросе: каким фрагментам текста доверять, а каким — нет, господствует безраздельный и абсолютный субъективизм, не подчиненный никакому более или менее надежному методу.

Документы

Радциг приводит небольшой список тех документов, которые лежат в основе истории Рима. Древнейшим документом считаются отрывки из каких-то архаических гимнов, по поводу датировки которых

историки только глухо говорят, что они относятся, «по всей вероятности, к столь же древней эпохе» ([34], стр.28). Кроме того, считается, что от «царской эпохи» до нас дошли два союзных договора, в которых, кстати, снова нет никаких абсолютных дат. «Чем более будем идти вверх по традиционной истории, тем чаще будут попадаться и памятники письменности. Что касается возражений некоторых, указывавших на то, что хронология обозначалась в Риме посредством вбивания гвоздя в стену Капитолийского храма за отсутствием письменности, то на этих возражениях не стоит и останавливаться, так как в акте вбивания гвоздя было, скорее, какое-нибудь (? — *Авт.*) сакральное значение и ни в коем случае не было практического» ([34], стр.29).

Опять Радциг ставит уверенно: «ни в каком случае», хотя никакого другого обоснования своего мнения он не приводит. В то же время счет лет путем вбивания гвоздей в стену храма отнюдь не представляется чем-то бессмысленным (при условии отсутствия письменности). Другой вопрос, насколько этот способ был достаточен для того, чтобы жрецы храма могли гарантировать непрерывный счет лет на протяжении длительного периода.

О том, что какие-то официальные записи велись в Риме после возникновения письменности (когда это было — сказать весьма затруднительно), сохранились глухие упоминания в некоторых источниках. Ведение летописи поручалось главному понтифику, однако сообщения о форме ведения таких записей вызывают недоверие и походят, скорее, опять на псевдоисторические соображения поздних авторов. «И он (понтифик. — *Авт.*) из года в год, по словам Цицерона и комментатора Сервия (вот, оказывается, откуда мы знаем о предположительном существовании летописей. — *Авт.*), пишет перечисленные предметы на деревянной доске, покрытой гипсом, и вывешивает ее у себя на дому, чтобы народ мог знакомиться с их содержанием. Свидетельство Полибия, при котором эти доски еще вывешивались, как нельзя лучше подтверждает все сказанное» ([34], стр.30). Это относится только к «официальным» документам. «Что же касается *предположений* Нибура, Швеглера и некоторых др. историков о существовании частных хроник, то на этом не стоит и останавливаться, зная об обстоятельствах древнеримской жизни. При всем том на такие частные анналы не указывает ни один из древних авторов, и Моммзен в этом случае был прав, сказавши, что частных хроник в римской истории нет и следа. Традиция так ясно называет первым римским историческим писателем Фабия Пиктора, в этом утверждении все древние историки так единогласны, что идти против

этого совершенно невозможно» ([34], стр.30). Вместе с тем Радциг пытается обосновать предположение о существовании каких-то других «фамильных» хроник, которым он отводит следующую замечательную роль: «...попадая в руки анналиста, подобные хроники, понятно, разрушительно действовали на истину» ([54], стр.30).

Обо всем этом более подробно пишет Мартынов: «...у него (Тита Ливия. — *Авт.*) мы находим указания на следующие три памятника, могущие быть приняты как ежегодные летописи: *Анналы Понтифика* (т.е. Великие *Анналы*), *фасты* и, наконец, так называемые *Полотняные книги*, *libri lintei*. Казалось бы, перечисленных памятников вполне достаточно, чтобы признать римские летописи полными и даже весьма обширными. На деле же оказывается совершенно другое. Остановимся прежде всего на так называемых Великих *Анналах*. Как известно, так назывался полу-летописный, полу-календарный свод, изданный (!?— *Авт.*) в 80 книгах в 126 г. до Р.Х. великим понтификом Муцием Сцеволой и составленный из так называемых *album pontificum*, т.е. беленых досок, на которых великий понтифик изо дня в день заносил свои замечания, и которые выставлялись на форуме для всеобщего пользования» ([35], стр.4—5).

Казалось бы, такие замечательные книги должны служить неисчерпаемым источником цитат для всех последующих римских историков. Однако тут-то и начинается что-то странное: «...почти ни у кого из историков мы не находим ссылок на Великие *Анналы*. Правда, у Авла Геллия находится указание на то, что из них заимствован один из его рассказов, да и тот не исторического содержания, а из области прорицательства... Что касается до Ливия, то у него в первых десяти книгах Великие *Анналы*, или, как он их называет, комментарии понтифика, упомянуты всего лишь дважды» ([35], стр.5).

Мартынов излагает те два места, в которых Ливий говорит об этих «комментариях». Упоминания эти весьма неопределенные, однако Мартынов склонен считать, что они свидетельствуют о возможности «присутствия летописных данных в Великих *Анналах*, раз Ливий упоминает о них как о памятнике письменности, потеря которого была для историков чрезвычайно чувствительна... Перейдем теперь к *фастам*. Всякому известно, что они из себя представляли. Это уже, несомненно, богатый материал для историка, могущий служить ему весьма значительным подспорьем. Главное, что *это уже нечто достоверное, положительное*: из года в год записывались в *фастах* высшие должностные лица республики: консулы, военные трибуны, диктаторы, начальники конницы... Но как же согласовать с этим

постоянные разногласия, какие мы встречаем у Ливия на каждом шагу в именах консулов, более того, частый пропуск их и вообще полный произвол в выборе их имен? Как согласовать с этим невозможную путаницу в именах военных трибунов, *consulari potestate*, о которой нам еще придется поговорить? Приходится признать, что *фастам до галльского погрома нельзя доверять*, так как они, вероятно, сгорели во время пожара и, во всяком случае, подверглись дальнейшей обработке...» ([35], стр.6,7).

Мы видим, что в отношении надежности *фаст* Мартынов сам себе противоречит.

Другой источник — *Полотняные книги* — известен нам из сообщения анналиста Лициния Макра, который якобы нашел их в храме Юноны Монеты. По Макру, они представляют собою списки магистратов, сделанные почему-то на холсте. Ливий не особенно доверяет этим книгам (а точнее, цитатам из них в передаче Макра), а Моммзен даже объявил «полотняные книги» поддельными, назвав Лициния вором (см. [34], стр.42). Мартынов сообщает, что «...еще Бофор указал, что эти списки следует признать неофициальными... К этому следует еще добавить, что упоминания о *libri lintae* начинаются у Ливия с 310 года и кончаются на 320 году, и ни раньше ни позже мы не встречаем ни малейшего намека на них, из чего можно заключить, что эти списки сохранились всего лишь за десятилетний период. Что касается до их значения для историков, то можно очень легко убедиться из самого Ливия, какого доверия они заслуживают. Так, говоря о консулах 320 года, он называет две различные пары имен, для первой из которых он ссылается на Лициния Макра, для другой — на Туберона...» ([55], стр.7). Но в другом месте Ливий сознается, что вся эта информация почерпнута им из *Полотняных книг*, в связи с чем Мартынов справедливо отмечает, что «для вас интересно то, что можно было утверждать совершенно противоположное и тем не менее ссылаться на одни и те же *полотняные книги*, из этого можно видеть, что *доверия к ним нельзя иметь никакого*, в чем признается и сам пользовавшийся ими Туберон» ([35], стр.7).

Кроме этих основных источников, Ливий указывает также на некие списки постановлений сената (которые тоже до нас не дошли); однако анализ текста Ливия показывает, что ранее 305 г. до н.э. эти списки не заслуживают никакого доверия, что отмечали сами «римские историки»; а после этой даты неизвестно, где находились эти списки до того момента, когда были утрачены, и использовал ли их кто-нибудь (см. [35], стр.8).

О существовании фамильных записей (не путать с частными) нам тоже известно из Ливия, однако ни одна из этих записей до нас не

дошла. Несмотря на это, историки уверенно характеризуют их роль: «фамильными записями патриции внесли в нее (римскую историю. — *Авт.*) бесчисленные искажения; их честолюбие и славолюбие совершенно изменили факты: придали ложное освещение другим и, вообще, *исказили римскую историю до неузнаваемости...* Говоря о publica monumenta, Ливий, конечно, имел в виду те многочисленные искажения, внесенные патрициями во все памятники государственной летописи, которые теперь так затрудняют работу доискивающегося истины историка... Ведение государственной летописи, Великих Анналов, фастов, триумфальных списков и т.д. всецело находилось в руках этой чисто патрицианской коллегии понтификов, которые, таким образом, имели полную возможность исказить факты по своему личному усмотрению. И этой возможностью они пользовались в самых широких размерах, в чем убедиться более чем легко» ([35], стр.8).

Когда же начались фамильные и государственные хроники? Радциг пишет: «На этом вопросе мнения историков расходятся. Одни относят существование синхронических записей в Риме к очень раннему периоду, другие отодвигаются чуть ли не до самых Пунических войн, третьи, хотя и признают, что записывание погодно событий началось весьма рано, но думают, что все эти записи погибли во время галльского нашествия. Связь последнего с достоверностью римской истории, таким образом, непосредственная, а потому и приходится теперь же дать ответ на вопрос, в каком отношении стоит галльский погром к римской истории» ([34], стр.31).

Дальше следует поразительное «логическое» исследование Брекера, с помощью которого Радциг «показывает», что какие-то (?) документы все-таки сохранились и после этого погрома:

«Этот вопрос прекрасно разрешает Брекер. Он сравнивает книгу Ливиевой истории до погрома, т.е. V, с книгой его же после погрома, т.е. VI, и тут ни в изложении, ни в характере ведения исторического рассказа нет никаких таких перемен, какие случаются тогда, когда история вдруг встречает надежную точку опоры — непрерывную сеть синхронических записей. Значит (!? — *Авт.*), если бы погром действительно истребил ранее существовавшие документы, то изложение во II, III, IV и V книгах Ливия существенно отличалось бы от изложения в последующих книгах» ([34], стр.31).

А не доказывает ли это, что «Почтенный Ливиец» писал настолько позднее описываемых им событий, что наличие или отсутствие каких-либо обрывков информации уже не сказывалось на его историческом романе?

Это смущает и Радцига, потому что он тут же заявляет: «С другой стороны, как объяснить сообщение Ливия о гибели источников в древнеримской истории? Ведь нельзя же безусловно отвергать такое авторитетное заявление» ([34], стр.31).

Мы видим, таким образом, что Радцигу не хочется верить именно этому месту у Ливия, о потере всех древнеримских документов. Другим местам, как мы уже видели, он верит безусловно, снабжая их словами «конечно» и «несомненно».

«Что же касается его же сообщения о том, что после отступления галлов римляне стали пополнять свои пострадавшие записи, именно союзные договоры, по записям других городов, то это заявление должно иметь громадное значение для достоверности римской истории (вот так доказывается достоверность древнеримской истории! — *Авт.*), только время таких справок, т.е. тотчас же за удалением врагов, вряд ли может внушать доверие... Таким образом, пополнение римских записей в этот момент является весьма подозрительным, хотя, с другой стороны, факта отрицать нельзя» ([34], стр.31). Невольно вспоминается бессмертное присловие: «С одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться».

На протяжении нескольких страниц Радциг настойчиво повторяет что документы Рима не могли полностью погибнуть во время погрома, и что, «конечно», часть из них сохранилась. В этом своем стремлении убедить читателя в том, что необходимо верить в существование каких-то (не дошедших до нас) записей, Радциг взывает не только к разуму, но и к эмоциям. «Что же удивительного, что документы письменности, которые, конечно, не могли быть предметом жадности корыстолобивых сынов севера, пережили пожар и разрушение города?!» ([34], стр.32). Но оказывается, что, несмотря на эти постоянные заклинания, другие нашли достаточно оснований для того, чтобы четко заявить о фактически полном отсутствии достоверной информации о древнеримской истории первого периода: «Из всего сказанного видно, что Брекер, доказывая, сколь малое отношение имеет галльский погром к достоверности ранней римской истории, был в этом отношении совершенно прав. Но, с другой стороны, против его аргументов в защиту правильности Ливиева рассказа могут сделать то возражение, что характер изложения в V и VI книгах его истории потому близко подходит один к другому, что оба они одинаково не достоверны (вот оно! — *Авт.*). Этот ультраскептический взгляд, отвергающий достоверность целой I декады Ливия, имеет в науке немало представителей (Льюис, Моммзен, Ранке и др.), и спор между

ними и сторонниками достоверности идет уже с давних пор. Нибур первый поставил скептицизм на законную почву, а после него пошли дальнейшие исследования в том же направлении. Однако эти работы можно разделить, главным образом, на 2 типа. Одни ученые (например, Ранке, Льюис и др.) считают древний период римской истории в пределах I декады Ливия погибшим для нас безвозвратно. Другие, отказываясь от веры в ее показания, тем не менее стараются так или иначе истолковать эти показания и на основании самой же традиции реконструировать и критически восстановить древность» ([34], стр.32).

Итак, не удержавшись на почве документов, историки снова скатываются все на ту же «традицию»!

Монументальные памятники

Гл.4 труда Радцига посвящена значению монументальных памятников в римской истории. Кроме летописей (которых на самом деле, как мы видели, нет), «материал дают еще монументальные памятники, т.е. надписи на них, затем всякого рода письменные документы, как-то: союзные договоры, различные государственные акты, распоряжения сената и пр. Но первоначально последних в истории встречается мало. А между тем такого рода материал нельзя не признать наиболее надежным. Некоторые из документов этого типа, известие о которых дошло до нас в сочинениях древних историков, представляют несомненный интерес при изучении достоверности римской истории. Тут мы наталкиваемся на весьма прискорбное явление — эти памятники почему-то уничтожаются. Так, Цицерон, говоря о договоре Сп.Кассия с латинами, передает, что медная колонна, отлитая в память этого события, существовала, а в данную минуту ее уже нет... Далее тот же историк отмечает тот факт, что статуи римских послов, умерщвленных фиденатами, когда-то украшали римский форум. Точно так же уничтожаются и др. памятники, например статуя Юпитера, унесенная диктатором Цинциннатом из Пренесте (374—380гг.) и поставленная на Капитолии с надписью. От нее ничего не осталось, кроме переданного Ливием содержания. И то это не подлинное содержание, а изложенное... Таким образом, многие важные реликвии старины погибают, прежде чем успели обратить на себя внимание историков. А сообщения летописи, лишаясь столь важного подтверждения своей истинности, теряют важную долю своего значения, и это, к сожалению, приходится констатировать весьма часто. Это как бы заставляет руки опускаться при всем желании спасти обломки традиции» ([34], стр.34).

Многие надписи носят священный, религиозный характер: «Год освящения храма, равно как и имя лица, совершившего это освящение, сохранялись в словах записи на стенах храма и были прочитаны позднейшими историками-археологами. (Напомним еще раз, что в действительности требуется еще большая работа по отождествлению даты, указанной на храме в каком-либо из многочисленных календарей, а чаще всего отнесенной ко времени правления того или иного императора, с современной временной шкалой; как мы будем еще демонстрировать, такого рода отождествления часто не выдерживают критики. — *Авт.*) Между прочим, много таких надписей прочитал Дионисий Галикарнасский, и в этом отношении его авторитет много помогает для достоверности сообщений традиционной истории. (Итак, оказывается, достоверность истории нам предлагают доказывать простой ссылкой на «авторитет» Дионисия. — *Авт.*) Это достоинство его так понравилось двум немецким историкам Герлаху и Бахофену, что они избрали его в свои руководители, а Ливием незаслуженно пренебрегли» ([34], стр.34).

Все эти трудности с «монументами» привели к тому, что среди историков сложилась целая школа скептиков, весьма сомневавшихся в прочности наших знаний о древнеримской истории: «Неудивительно, однако, что отсутствие монумента в других случаях дает возможность защитникам скептицизма отвергать факты, хотя вся их вина лишь в том, что существование их не может быть доказано» ([34], стр.35).

До сих пор мы наивно полагали, что каждый факт нужно доказывать или, по крайней мере, правдоподобно и подробно обосновывать, а не ссылаться на «авторитет» Дионисия Галикарнасского!

Теперь становится ясно, почему ряд историков оспаривают достоверность многих фактов государственной истории Рима. Отметим странную деталь: оказывается Катон отказался от пользования «римскими летописями» и «написал свои «origines», пользуясь другими, более важными документами, о которых он не говорит» ([34], стр.35). Естественно, что эти мифические «документы» до нас тоже не дошли.

«Говоря об источниках древнеримской истории, необходимо еще упомянуть о некоторых законах, проведенных в древности, но сохранившихся в исторический период римской истории. ...Но и тут опять приходится констатировать тот факт, что не все старинные законы сохранились до исторической эпохи; многие из них были забыты, и хотя в традиции есть упоминание об издании их (между прочим, что понимать под словом «издание» в дотипографский период?

— Оглашение их глашатаем на площади? — *Авт.*), но без самого документа достоверность их нельзя считать безусловной. Некоторые законы издаются, если верить традиции, несколько раз. Нет ли здесь простой вставки? Так, закон Валерия и Горация о плебисцитах почти одинаков во всех трех редакциях, сообщаемых традицией» ([34], стр.37). Снова мы наталкиваемся на странные, никем не объясняемые параллелизмы.

Фасты

В следующих главах Радциг переходит к исследованию фаст. Здесь мы покинем Радцига и будем в основном следовать труду Мартынова, в котором этот вопрос разобран значительно подробнее.

Имеется два типа фаст: консульские и триумфальные. «Само собой понятно, какое значение должны иметь триумфальные фасты для достоверности римской истории. Начало их римские историки относят еще к царской эпохе, и вот это-то обстоятельство и заставляет не совсем доверять показаниям этого документа. По-видимому, сами римские писатели не любили справляться с тем материалом, который давали триумфальные фасты» ([54], стр.43).

Мартынова очень волнует вопрос о том, насколько фасты вообще могут служить достоверным материалом для восстановления хронологии Рима. «Обратим наше внимание на состояние хронологии у Ливия и рассмотрим прежде всего, какие были в его руках средства к тому, чтобы сделать ее правильной. Конечно, главным из них следует признать фасты... Многие соображения заставляют однако, думать, что даже и этот памятник, по-видимому, столь авторитетный, мог ввести историка в крупное заблуждение, и что с ним надо было обращаться весьма осторожно. По преданию, в эти фасты заносились ежегодно имена консулов с самого первого года республики, и, следовательно, они должны были бы служить наилучшим хронологическим указателем» ([35], стр.14).

Во время сооружения храма богини Конкордии на нем была сделана надпись, отсчитывающая год сооружения храма от момента освящения Капитолийского храма (за 204 года до этого). Мартынов законно недоумевает: «Является вопрос: почему пользоваться исходным пунктом римской хронологии, годом освящения Капитолийского храма, когда в распоряжении строителя была другая эра, от начала республики? Приходится заключить, что официальная эра, памятником которой служили фасты, не точна, по крайней мере, за первое время, в чем признаются даже сами римляне, раз они не пользуются ею. И

действительно, фасты испещрены неправильностями, в которых нам трудно, даже подчас невозможно разобраться. Уже Ливий признавал шаткость этой главной основы своей хронологии» ([55], стр.14).

Мало того, что фасты представляют собой не непрерывный список, а раздробленные фрагменты, склейка которых может быть произведена самыми разными способами, их текст содержит многочисленнейшие ошибки, ввиду необычайно тяжелой орфографии и плохой сохранности рукописи.

«Эти ошибки, по крайней мере, невольные, и избежать их было трудно при тех скудных критических средствах, какие были в руках римских анналистов. Но в фастах мы встречаем также признаки намеренных искажений, внесенных в них в разное время... С какой целью производилась эта переработка? На это существует только один ответ: искажения делались с целью прославить свой род, указать на его древность и историческое значение. Уже Цицерон упоминает об этих *falsi triumphi, falsi consulatos*, вносящих столько неверных сведений в историю. Ливий также вполне с ним соглашается... Конечно, такое переопределение фастов искажениями не могло не отразиться крайне вредно на хронологии Ливия» ([35], стр.14).

По заявлению самого Ливия, противоречия в фастах приводят часто к бессмысленным ситуациям. «Отметим прежде всего, что для одного и того же года разные анналисты приводят разные имена консулов. У Ливия в первой декаде таких разногласий отмечено десять... Что же доказывают эти разногласия? Во всяком случае, — что фасты за первое время республики недостоверны и что полагаться на их свидетельство нельзя, раз они порождают такие противоречия в анналистах, пользовавшихся ими. Неточности в летоисчислении встречаются у Ливия на каждом шагу, и отношение его к хронологии, особенно в первых книгах, совершенно произвольно. Много пар консулов совсем пропущено: таковы консулы 264 и 265 годов» ([35], стр.15). «Возможно ли согласовать такие вопиющие неточности с предположением о том, что до времен Ливия или, по крайней мере, Фабия Пиктора дошли фасты в древнейших своих частях? Конечно, ответить на этот вопрос можно только в отрицательном смысле: в подлиннике и притом в целом своем объеме фасты эти до Ливия не дошли, потому что они сгорели во время разгрома Рима галлами... или, быть может, по какой-либо другой причине» ([35], стр.16). Мартынов пытается представить себе возможный механизм восстановления всех этих утраченных списков, но все это лишь его предположения. И он признает, что весь этот хаос, поправки и изменения, утраты и гибель документов уничтожают «всякое доверие

к памятнику, который, если бы не это, мог иметь для историка первенствующее значение» ([35], стр.17).

«Тяжелые противоречия возникают при сравнении фрагментов списков консулов, встречающихся у различных римских историков, с дошедшими до нас фрагментами капитолийских фастов... Это обстоятельство наводит на мысль, что недостающие у Диодора военные трибуны суть плод позднейшей переработки фастов. У Моммзена приведен список этих пропущенных магистратов, и внимательное его рассмотрение еще более укрепляет нас в предположении о недостоверности списка Ливия. Действительно, из семнадцати имен (из которых два встречаются в интерполяции дважды) девять принадлежат лицам, о которых мы нигде более не находим указания» ([35], стр.17).

Окончательный вывод Мартынова: следует «признать, что ни Диодор, ни Ливий не имеют правильной хронологии. Такое признание наносит сильный удар достоверности Ливия, а тем самым и предположению о раннем возникновении анналистики в Риме. Если бы рассказ Ливия опирался на показания последней, то, во всяком случае, годы наиболее выдающихся событий были бы известны ему в точности, а между тем мы только что видели совсем обратное. Мы убедились в том, что нельзя даже в точности сказать, какая у римлян была эра: от начала республики, по консульским спискам, или от основания Капитолийского храма... Теперь перейдем к другим обстоятельствам, заставляющим нас усомниться в достоверности показаний Ливия. Через всю первую декаду, от первой книги и до последней, проходит целый ряд разногласий анналистов, показывающих на всю неустойчивость тогдашних исторических событий. Когда эти разногласия мы видим в каком-либо мелочном случае, например по поводу того, кто взял город Ромулею у самнитян... то в таких случаях мы почти не обращаем на это внимания... Но разногласия мы видим и в наиболее выдающихся событиях римской истории, в самых основных ее положениях, и тут мы уже не можем пропускать их без внимания» ([35], стр.20).

Противоречия в источниках

Мартынов приводит большой список таких противоречий, среди которых странные разногласия по поводу крупнейших битв (вообще, были они или не были), странные пропуски, провалы в римской истории, связанные опять-таки с невероятной путаницей в фастах, перестановки на временной шкале крупных политических деятелей и т.д. Все эти противоречия возникают при сравнении различных

независимых источников. Мы не будем на этом больше останавливаться, а скажем только, что чтение этих страниц книги Мартынова производит очень тяжелое впечатление: раскрывается «кухня» ортодоксальной исторической хронологии, полная самых грубых противоречий. В частности, оказывается, что провалы в последовательности событий — очень частое явление, что опять разбивает всю цепь на отдельные, не связанные друг с другом фрагменты. Историки пытаются объяснить некоторые пропуски «невнимательностью» Ливия ([35], стр.24), однако «гораздо чаще пропуски эти доказывают недостаточность сведений Ливия, неполноту его источников... Так, в 455 году он говорит, что в Риме было междуцарствие, но что причина его неизвестна... пробел довольно значительный, которой Ливий уже не мог восполнить... Мы уже отметили шаткость, неполноту сведений Ливия, иногда даже по поводу некоторых событий их полное отсутствие. В первую пору республики можно видеть причину этого в отсутствии документов, синхронистических записей и т.д. Но ту же неудовлетворительность мы наблюдаем во всех книгах первой декады, даже когда исторический материал значительно разросся, и тогда причину ее следует искать гораздо глубже, именно в самых основных чертах римской истории...» ([35], стр.25).

Происхождение традиции

Мартынов пытается найти объяснение, справедливо отмечая, что историческая «традиция» формировалась в результате борьбы многих классов, в частности патрициев и плебеев. «Какое влияние подобный дуализм мог иметь на историю? Несомненно, самое печальное. Патриций и плебей не мог быть одного и того же взгляда относительно какого-нибудь исторического события из эволюции социального строя. Каждое из них, за редкими исключениями, для одних было торжеством, для других — поражением. Конечно, однообразного освещения фактов при таких условиях мы ожидать не можем: показания Виктора, отпрыска славного дома Фабиев, и плебея Лициния Макра не могут между собой сходитьса. Словом, в римской историографии на каждом шагу наблюдается то же искажение истины, какое мы замечаем относительно событий, где сталкиваются враждебные интересы двух народов: так, победу в Бородинской битве историки того и другого народа приписывают каждый своим соплеменникам.

Следы подобных искажений носят в себе даже официальные документы... Даже на выставленных на форуме статуях, по

свидетельству Ливия, делались ложные надписи... Обстоятельство это указывает, кроме того, на поразительно малое развитие исторических знаний у римлян. Нам даже трудно себе представить, как можно выставить на виду у всех статую с заведомо ложною надписью на ней? В Риме же это было возможно, благодаря ничтожному распространению в народе исторических сведений. Что последнее правильно, тому служит примером стоявшее в верхней части Священной улицы конное изображение какой-то девушки. Одни говорили, что здесь изображена Валерия, дочь Валерия Публикола, не указывая, впрочем, чем заслужила она такую честь. Ливий же говорит, что это статуя Клелии, римской заложницы, бежавшей от Порсенны. Возможно ли при таких условиях доверие к документам, дошедшим от первых времен римской республики? Конечно, нет, и недоверие это проскальзывает даже у Ливия... В наше время это сознание неудовлетворительности памятников письменности тех отдаленных времен еще более усилилось. Мы не можем иметь доверия к фастам, кто в каком году был консулом, не можем доверять и Полотняным книгам, опираясь на которые Лициний Макр и Туберон дают совершенно противоречивые указания. Наиболее, по-видимому, достоверны документы, и те, при более тщательном рассмотрении, оказываются *подложными*, сфабрикованными много позже. Договор с карфагенянами, относимый Полибием к первому году республики, был признан Моммзенем подложным и, во всяком случае, принадлежащим к гораздо более позднему времени. Даже факты, подтверждаемые многочисленными документами, оказываются еще далекими от истины» ([35], стр.27—28). Таков, например, процесс Мелия, осуществленный по инициативе Минуция, стремившегося помочь римскому народу в голодное время. Минуций выиграл процесс и провел в жизнь крупные реформы. «Далее Минуций был награжден за Porta Trigemina колонной, изображение которой мы видим на родовых монетах Авгуринов: она ионического стиля, представляет человека с копьем, стоящего на пьедестале, украшенном львиными головами и колосьями. Наконец, за свой подвиг Сервилий получил прозвище Ahalā, которое мы действительно встречаем в фастах рядом с именем Сервилиев. Однако, несмотря на столько многочисленные и, по-видимому, убедительные вещественные доказательства, *рассказ этот ложен от начала до конца*» ([35], стр.29). Приведя доказательства, оправдывающие это утверждение, Мартынов заключает: «Таким образом, рушится рассказ, основанный на стольких, по-видимому, заслуживающих доверия вещественных доказательствах,

и рушится, не оставляя позади себя никаких действительных исторических фактов, из которых можно было бы объяснить его происхождение.

Единственное, что остается, это несколько этиологических мифов для объяснения прозвища Ahalā и изображений на родовых монетах Авгуринов» ([35], стр.29).

Обратим внимание, что здесь Мартынов опровергает данные нумизматики. О доказательственном значении нумизматического материала мы в своем месте еще подробно поговорим.

Неосведомленность Ливия

Невероятно, но «Почтенный Ливиец» путается в самых основных фактах о структуре государственной власти в Риме. «Ярким примером отсутствия летописной основы в рассказе Ливия является незнание его с римскими учреждениями, даже такими значительными, как, например, народный трибунал. Здесь по поводу числа трибунов мы встретим самые поразительные, самые неожиданные разногласия. Противоречия эти начинаются с самого возникновения этого учреждения... Возьмем еще пример. При общественных бедствиях, в случае какого-либо грозного предзнаменования, сильного морового поветрия и т.д. у римлян назначался диктатор *clavi figendi clausa*. Назначение его заключалось в одном только вбитии гвоздя; по исполнении этой церемонии он складывал с себя свою должность. Оригинальность этого обряда, его очевидная древность, наконец, убеждение римлян в его таинственном и чудесном влиянии сильно заинтересовали Ливия. Однако в объяснении его происхождения он впадает в странные противоречия. По его мнению, гвоздь этот служил вследствие малого распространения письменности в те отдаленные времена показателем числа лет. Первым, вбившим гвоздь, он считает консула Горация, освятившего храм Юпитера Капитолийского в первый год республики...» ([35], стр.29—30). Впрочем, по этому поводу можно заметить, что, возможно, последнее противоречие мнимое и возникло только потому, что Мартынов считает, что в то время письменность уже прочно вошла в быт римлян. Но ведь, может быть, Ливий здесь прав?

Продолжая список примеров, Мартынов пишет: «Такое незнание с римскими учреждениями встречается у Ливия на каждом шагу. Например, при учреждении диктатуры, по свидетельству Ливия, был установлен закон, по которому избираемы были на эту должность только лица, бывшие консулами. Однако тут же, в 255 году, Ливий

называет диктатором А. Постумия, никогда прежде эпонимом не бывшего. Децемвират, по словам Ливия, должен был служить для уравнения прав патрициев и плебеев посредством законов, однако по многим причинам видно, что назначение его совсем другое...» ([35], стр.30).

Мартынов подробно излагает всю дошедшую до нас информацию об аппарате децемвирата и подводит итог: «Таким образом, мы видим, что Ливий объясняет смысл децемвирата неверно и что дух этого римского учреждения, равно как и многих других, для него непонятен. Мы перечислили до сих пор доводы, говорящие против правдивости показаний Ливия, т.е., другими словами, против предположения, что рассказ его основан на синхронистических записях. Требования, предъявлявшиеся римлянами к историографии, были весьма отличными от наших; взгляд их на задачу историка был совсем другой, но и они чувствовали недостоверность начального периода римской истории несмотря на то, что они допускали риторические прикрасы рассказа, в виде вымышленных известий...» ([35], стр.30).

Мартынов правильно формулирует принципы, которыми следует руководствоваться при изучении «древних свидетельств»: «Когда единственным следом какого-нибудь события является занесение его в летописи, притом ему несовременные, то достоверность его является в наших глазах весьма проблематичной. Мы требуем, чтобы это событие было отмечено очевидцем, но, даже в таком случае, ставим следующие, указанные еще аббатом Пулье условия доверия к нему: 1) чтобы было основание думать, что этот очевидец мог быть знаком с тем фактом, который он передает; 2) чтобы он не был заинтересован в ложном его истолковании. Но что же делать, если относительно какой-нибудь эпохи почти нет показаний современников, если даже дошедшие до нас обрывки летописей полны всевозможных искажений? В таком случае надо посмотреть, не оставило ли то или другое историческое событие какого-нибудь вещественного доказательства своего существования» ([35], стр.31—32).

Мартынов отмечает те места в тексте Ливия, которые можно было бы попытаться проверить обнаружением сохранившихся вещественных следов; одним из таких следов он предполагает статуи, описываемые Ливием, пожалованные гражданам. «Не следует, однако, преувеличивать значения всех этих документов, как пособников исторической критики. Многие обстоятельства указывают нам их несостоятельность в этом направлении. Прежде всего отметим, что хотя мы и встречаем у Ливия случаи постановки статуй, однако на них надо смотреть как на редкие исключения... Наконец, и это самое

важное, мы не можем быть уверены в действительности существования всех тех монументов, статуй, памятных досок и т.д., о которых упоминает Ливий. Дело в том, что Ливий, несомненно, многих из них даже не видел. Мы нигде не находим у него следов того, чтобы он лично исследовал их, изучал, словом, использовал в историческом отношении. Если же мы и встречаем у него указания на различного рода вещественные памятники, то это значит единственно лишь то, что упоминание о них он нашел в своих источниках, у того или другого анналиста... Посмотрим, например, как относится он к полотняным книгам, открытым Лицинием Макром в храме Юноны Монеты (т.е. памятной). Бофор указал нам их ничтожное значение как памятника неофициального, но во времена Ливия на них смотрели совершенно иначе. Ливий ссылается на них совершенно так же, как на фасты, относится к ним с полным доверием и неоднократно приводит их показания. И, несмотря на такое крупное значение их, из рассказа Ливия явствует с полной очевидностью, что он ни разу не заглянул в *libri lintei*. Впрочем, он сам этого несколько не скрывает: всюду, где он упоминает о них, он ясно указывает, что знаком с ними исключительно через посредство Лициния Макра. Для нас эта черта совсем непонятна: как можно пренебречь личным освидетельствованием столь значительных памятников, имея на то полную возможность? (А была ли у Ливия эта возможность? — *Авт.*). Так, Лициний Макр приводит имена консулов 310 г. — Л. Паприя Мугиланского и Л. Семпрония Атрапина, которые он нашел в подлинном тексте договора, заключенного с ардеатами, и в полотняных книгах. Нигде, по признанию самого Ливия, ни в древних летописях, ни в книгах магистратов нет их имен. При таких условиях так понятно желание лично просмотреть эти документы и собственными глазами убедиться в правильности сообщаемых Лицинием сведений, но Ливий чужд этой любознательной пытливости и в *libri lintei* не заглянул ни разу. Что может быть интереснее, чем *spalia optima* Корнелия Косса с надписью на них, дающей возможность опровергнуть показания всех писавших до Ливия анналистов? Но и тут Ливий не изменяет своей привычке; он не потрудился пойти лично списать эту в высшей степени любопытную надпись и ограничивается только тем, что приводит слышанное им от императора Августа, которому принадлежит честь этой находки. Припомним к тому же подделанную надпись на изображении Л. Минуция Авгурина... что для хронологического указателя приходилось даже прибегать к вбиванию гвоздя... и мы поймем, что в течение первых четырех столетий римской истории нельзя рассчитывать на то, чтобы вещественные памятники

оказали нам существенную поддержку при решении вопроса о достоверности рассказа Ливия. Со вступлением Ливия в период, более близкий ко времени первых римских анналистов и, вообще, более достоверный, мы уже гораздо чаще имеем возможность проверить показания Ливия наличию тех вещественных памятников, о которых он упоминает» ([35], стр.34, 36).

Однако когда Мартынов переходит к конкретным примерам, «подтверждающим» описание Ливия в «более достоверный» период, то оказывается, что с примерами дело обстоит плохо. Он приводит только два примера: Аппиеву дорогу, которую упоминает Ливий, и небольшой храмик (выражение Мартынова) богини Согласия. На этом «подтверждения» заканчиваются.

Далее снова следуют признания нашего историка о тяжелом положении, сложившемся с книгами Ливия. «Не всегда, однако, вещественные памятники, дошедшие до нас от той отдаленной эпохи, подтверждают рассказ Ливия, случается иногда, что, наоборот, они служат нам доказательством его неверности» ([35], стр.35). Так оказалось, что обнаруженная «гробница Сципионов» с двумя саркофагами и надписями на них показывает, что «Ливий и все анналисты, показаниями которых он пользовался, как раз перепутали консульские провинции и вследствие этого дали совершенно неверные описания походов римлян в этом году» ([35], стр.35).

Когда Мартынов пытается выяснить, какими источниками мог пользоваться Ливий, он ничего, кроме туманных предположений, не может предложить читателю. Самое поразительное, что в сложившейся ситуации Мартынов предлагает обратиться как к последнему средству проверки достоверности Ливия к устному преданию (!?).

Надо отдать должное Мартынову, он прекрасно отдает себе отчет в том, насколько утопично это предложение. «Однако по многим причинам приходится заключить о сравнительной ничтожности его значения в этом отношении. В своем «Исследовании о достоверности ранней римской истории» Льюис высказывает мысль, что устное предание сохраняется в чистом виде всего лишь сто лет, и только в самых исключительных случаях 150 или 180. Быть может, цифры здесь и неверны, и их следует несколько увеличить, но важно уже то, что Льюис восстает против чуть не бесконечной жизни предания, в которую глубоко верили и Нибур, и Бреккер. Несостоятельность такого предположения о долговременности существования предания находит себе подтверждение в самом Ливии» ([35], стр.36).

Мартынов обсуждает также достоверность текстов речей, которыми переполнен труд Ливия и которые якобы произносили те или иные

политические деятели, сообщая в этих речах многие важные исторические факты: «Даже если и допустить правдивость приведенного показания Ливия, то представляется маловероятным, чтобы надгробные речи могли на долгое время сохраняться в памяти, передаваясь из рода в род. Предположим, однако, что и это возможно; в таком случае польза этих преданий для достоверности истории является крайне сомнительной... Сторонники раннего возникновения эпоса у римлян возразят на это, что где бессильно предание, там ему на смену является народная поэзия, благодаря которой сохраняется память о самых отдаленных событиях. Нибур полагает, что вся древнеримская история основана на эпосе, что были отдельные былины — *jdai*, по выражению Дионисия, о Ромуле, о Тарквиниях, о Кориолане и т.д. Слабые стороны этого мнения указывает нам еще Шwegлер: *jdai* следует понимать как гимны, молитвы лирического характера, а потому мало имевшие общего с историей; еще меньше исторического материала содержали песни, плач женщин за гробом покойника, и упоминаемые археологом Варроном застольные песни о подвигах предков, лирический характер которых не представляет никакого сомнения. Но, и помимо всего этого, где следы народного эпоса в повествовании Ливия, если не считать за таковые басни вроде рассказа о Кориолане, позднее происхождение которого доказано Моммзенем с полной очевидностью? Быть может, их надо видеть в описываемом у Ливия обычае солдат петь во время триумфа песни, в которых прославлялась доблесть их полководцев и которые, перейдя в народ, могли положить начало эпосу? Такое предположение является маловероятным ввиду того, что вряд ли эти песни заключали в себе исторический материал... Наконец, вряд ли могли эти совершенно случайные, только что импровизированные песни удержаться в народной памяти, легче думать, что они исчезали из нее так же быстро, как и возникали, как только интерес к событиям, способствовавшим их зарождению, сменялся новым, что при кипучей исторической жизни Рима не заставляло себя долго ждать» ([35], стр.40).

Общая характеристика книг Ливия

Подводя итоги, Мартынов высказывает о первой декаде Ливия следующее мнение: «Если рассматривать с этой точки зрения первую декаду Ливия, то мы в ней увидим три отдельных периода... Начнем с первого из них, обнимающего всю историю Рима от его основания и вплоть до галльской катастрофы, т.е. почти четыре столетия. Относительно этого периода вряд ли покажется чересчур смелым

утверждение, что следов синхронистических записей мы здесь найти не можем и что ввиду этого первые пять книг Ливия не соответствуют требованиям современной исторической критики. Ничем не ограниченное господство искажающих все факты записей аристократов, подделка документов, производимая высшими магистратами, и широкое распространение мифического элемента как в чистом своем виде, так и в виде этиологических сказаний, — вот его отличительные черты. К нему относятся все выдающиеся позднейшие интерполяции... Состояние хронологии самое плачевное: целые годы (248, 264, 265, 378) пропущены... Что касается до вещественных памятников, статуй, договоров, документов различного рода, то хотя и можно найти довольно частые указания на них, однако надежной опоры они не представляют... Доказательств, подтверждающих невозможность довериться документам, можно привести множество... С вступлением Ливия во второй период, обнимающий римскую историю от галльского погрома и приблизительно до второй семитской войны (книги 6 — 8), мы как будто бы чувствуем резкую перемену... Но так ли это и следует ли придавать веру этим показаниям Ливия? В последующем повествовании он, по-видимому, опровергает сам себя. И в этом периоде мы видим ту же неустойчивость, ту же сбивчивость сведений, те же разногласия анналистов... До признания наличности в этом периоде точных и систематичных синхронистических записей еще целая бездна. Конечно, можно допустить, что некоторые выдающиеся события были записаны и что, благодаря этому, память о них сохранилась и до позднего времени, но могут ли такие отрывочные, случайные заметки в каком-нибудь греческом календаре считаться за летописи, в основе которых лежит представление о большей или меньшей непрерывности и последовательности ведения их, — вот вопрос, на который трудно ответить утвердительно. Мы найдем и у самого Ливия указания на то, что существование в то время синхронистических записей он считает крайне проблематичным. В самом конце восьмой книги, т.е. под 432 годом (напомним, что у Ливия прямой даты нет. — *Авт.*), он замечает, что неустойчивость фактов того времени полная» ([35], стр. 43—44).

Когда Мартынов переходит к остальным книгам Ливия, он высказывает предположение, что здесь дело обстоит лучше и что можно предполагать наличие синхронистических записей, которыми мог пользоваться Ливий. При этом Мартынов постоянно повторяет, что следует сделать скидку «на те времена», не знавшие строгой исторической критики и смотревшие на историю как на предмет

морального и нравственного свойства, а не научного. Число употребления слов «конечно» и «несомненно», которыми он не брезгует применительно и к книгам первой декады (например: «В девятой и десятой книге мы находим уже множество указаний на такие, несомненно, существовавшие памятники, как статуя победителя Герников Кв. Марция Тремула...» [35], стр. 44), при переходе к остальным книгам Ливия резко возрастает. Словом, Мартынов все делает, чтобы убедить в том, что все-таки последним книгам Ливия следует в какой-то степени доверять. Вот как он обосновывает возможность такого доверия:

«Описание сооружения какого-нибудь храма сопровождается теперь такими подробностями (в тексте Ливия! — *Авт.*), что, несомненно, оно, ввиду возбуждаемого им в то время интереса, было записано современниками со всевозможной точностью. Так, например, рассказ о постройке диктатором Г. Юнием Бубульком храма богини Спасения представляет скорее весьма точный отчет о ходе работ, чем простое упоминание в летописи известного факта. Мы найдем здесь указания решительно на все выдающиеся моменты сооружения этого храма... Подобная точность указывает уже на сравнительно высокую степень правильности и последовательности в ведении анналов» ([35], стр. 45). Вот так, читатель, оказывается, следует убеждаться в достоверности того или иного рассказа: чем подробнее рассказ, тем более он достоверен! Эти фрагменты текста Мартынова производят впечатление неудачной шутки, тем более разительной после трезвого обсуждения в предыдущих пунктах. Все доводы, которые приводит Мартынов (а их немного) для обоснования достоверности последних книг Ливия, основаны на все том же анализе текста Ливия с точки зрения подробности изложения. Прочтите следующее: «С половины пятого столетия появляются у Ливия уже самые подробные описания условий договора... Какая поразительная точность, какая аккуратная мелочность в их изложении!.. Трудно представить себе, что Ливий или, если это заимствовано им у другого, то кто-нибудь из его предшественников, дошел до такой степени недобросовестности, что выдумал все эти пункты договора из головы; гораздо скорее он имел под рукой действительный текст договора» ([35], стр. 46).

Нам трудно комментировать это «доказательство». В конце концов Тацит написал не менее подробную «Историю», а тем не менее по поводу ее достоверности мы уже приводили выше некоторые сомнения.

Далее текст Мартынова читается как сугубо юмористическое произведение. У Цицерона в одном месте глухо сказано о следующем

эпизоде: после победы при Геракле Пирр прислал в Рим своего приближенного, грека Кинеаса, для заключения мира. Однако война возобновилась вследствие выступления на заседании сената Аппия Клавдия. По сообщению Цицерона, эта речь была записана. И вот у Ливия этот эпизод превращен в красочную драматическую сцену, захватывающую воображение читателя и, главное, историков. Вот это описание в изложении Мартынова: «Сенат уже готов был согласиться на его предложения (т.е. на предложения Пирра. — *Авт.*), когда поднялся с места престарелый слепой Аппий Клавдий, знаменитый цензор 442 года, и произнес громовую речь, в которой упрекал сенат в малодушии и предлагал отвергнуть условия мира. Красноречие его имело желанное действие, и война возобновилась...» ([35], стр.46). Какой вывод можно сделать из такой ситуации? Мартынов, например, почему-то решил, что Ливий имел перед собой оригинал (стенограмму?) этой речи, и удовлетворенно заканчивает описание этого эпизода словами: «Таким образом, мы видим, что во второй половине пятого столетия уже, несомненно, существовали исторические записи, которые притом дошли в первоначальном своем виде до эпохи первых римских историков-анналистов» ([35], стр.47). Нам же представляется, что талантливый писатель Ливий, а точнее — неизвестный нам весьма поздний автор, скорее всего, эпохи средних веков и Возрождения, вдохновленный кратким фрагментом, создал развернутое полотно и включил его в свой роман.

Далее Мартынов излагает гипотезу Моммзена о том, в каком виде возникла все-таки в Риме анналистика, и разбирает возможные источники, на которых она могла базироваться. Заканчивает это обсуждение Мартынов весьма уныло: «Такова теория Моммзена о возникновении в Риме историографии, теория весьма стройная, несмотря на многие свои слабые стороны, из которых главная та, что на *liber annalis*, или, как его называет Моммзен, *Stadtbuch*, мы нигде не найдем положительных указаний и что существование его, таким образом, совершенно гипотетично» ([35], стр.48).

Вопрос о возможном существовании анналов неоднократно поднимался историками ввиду его важности. Мартынов обсуждает разные варианты гипотез, но всякий раз заканчивает словами: «Повторим, однако, еще раз, что предположение о существовании *liber annalis* — чистая гипотеза, которая имеет за себя главным образом лишь то, что допускает меньше возражений, нежели все остальные» ([35], стр.49).

В заключение Мартынов приводит еще один замечательный аргумент в пользу достоверности последних книг. И в первых, и в

последних книгах, отмечает он, множество ошибок, противоречий и т.д.; но ошибки в последних книгах кажутся ему менее ошибочными, чем ошибки в первых книгах, хотя характер ошибок — такой же.

Заключение

Мы видим, что практически вся информация о начальном периоде истории Рима базируется на труде одного человека — «Почтенного Ливийца», которому к тому же можно доверять лишь с большой осторожностью, поскольку его труд — всего лишь исторический роман.

Отличие нашей точки зрения от точки зрения историков состоит только в одном: если они считают, что исторический роман Ливия написан в I веке до н.э., то мы вместе с Морозовым считаем, что это было сделано (в окончательной редакции) в эпоху Возрождения.

Вместе с тем мы не утверждаем, что все содержание романа Ливия — сплошная выдумка. Скорее всего, в нем отражены некие реальные события, но когда и где эти события происходили — это другой вопрос.

Это относится и к Тациту, для которого, в отличие от Ливия, можно почти с уверенностью назвать настоящего автора — Поджо. Нет сомнения, что в своем сочинении Поджо опирался на некую традицию, истоки которой мы не знаем, лишь украшая и расцвечивая ее скудную канву плодами своего воображения.

Обратим еще раз внимание на объяснение Морозовым параллелизмов римской истории. Это одно из важнейших его соображений, область действия которого шире, чем это на первый взгляд кажется. Например, оно применимо и к фастам.

Наличие в фастах пропусков превращает их в набор отдельных фрагментов, многие из которых могут оказаться просто разными вариантами одного и того же куска истории, записанными различными людьми и описывающими под иными именами одних и тех же людей. Тот факт, что на основании таких данных какие-то безвестные анналисты, труды которых до нас не дошли, «восстановили» историю Рима, вызывает тяжелые подозрения в том, что это восстановление было безраздельно субъективной процедурой, которая была воспринята позднее европейскими хронистами как достоверная и успела превратиться в «традицию», когда, наконец, историки осмелились подвергнуть робкому критическому анализу основы наших знаний в области хронологии. Слепая вера в то, что крупная хронологическая сетка установлена в основном верно, привела к тому, что все критические анализы были направлены на мелкие шевеления

хронологии, на незначительные попытки пригладить многочисленные противоречия в истории. Ведь если предполагать, что отдельные куски фаст должны идти последовательно, то тогда все эти многочисленные пропуски и путаница могут привести в худшем случае к колебаниям максимум в десяток лет, что является ничтожно малой величиной по сравнению с теми хронологическими сдвигами, которые возникнут, если мы примем соображение Морозова и предположим, что фасты надо располагать не последовательно, а параллельно.

Заметим, кстати, что гипотезе Морозова не противоречит и реальная история происхождения фаст. Вот что пишут специалисты-источниковеды: «...историография начинается трудами собирательными, где исключительно сопоставляются свидетельства предания и памятники. Работы эти — результат кропотливого труда и замечательного остроумия — сделались для потомства неоценимым фундаментом при дальнейшем изучении истории. Особенно надо отметить ценные летописи Сигония (... fasti consulares...)» ([29], стр.1).

Таким образом, оказывается, что фасты сочинены в XVI веке Сигонием, тем самым Сигонием, который «в шутку» фальсифицировал римские рукописи (см. § 2). Указание на «кропотливый труд» и «замечательное остроумие» означает, что, подготавливая фасты к печати, Сигоний (и иже с ним) как-то их приводил в порядок, редактировал и дополнял по мере своего разумения и в весьма значительных масштабах. И, несмотря на все это, современные историки всерьез считают Сигониево сочинение надежным фундаментом римской истории!

§8. Римский календарь

Общие сведения о календаре

Самым общим образом календарь можно определить как способ удобного счисления сравнительно длинных промежутков времени. Вот что пишет историк календаря Идельсон: «Мы так привыкли пользоваться календарем, что даже и не вполне отдаем себе отчет, как велика в нашей жизни и во всем нашем мышлении роль упорядоченного счета времени; между тем нетрудно видеть, что никакая культура невозможна без него.

Каким образом психологически мыслима такая система счисления? Она допустима, как кажется, только при постоянной и живой связи календаря с внешней природой. Есть огромное различие в счете времени, с одной стороны, и в счете или измерении каких-либо иных предметов или величин, например, в изменении расстояния между двумя пунктами. Ибо дорога, которую мы мерим, существовала и будет существовать до и после процесса ее измерения, но каждый день, который мы нумеруем или считаем, исчезает в прошлом и не возвратится никогда. Но если в нас говорит уверенность, что то или иное явление природы через некоторый промежуток времени повторится вновь, а затем возвратится снова через такое же число дней и так далее без конца, то естественно будет начинать и кончать счет дней именно на таком периодическом явлении... путем искания в природе достаточно ярких и хорошо обозначенных периодических явлений и шли все культурные народы в деле построения календаря...

...Но ...неясно определенные климатические периоды ...недостаточны для упорядочения счета времени... один из самых значительных этапов культурного развития был пройден тогда, когда было усвоено, что подобные (четко определенные. — Авт.) периоды можно и нужно искать среди явлений звездного неба... годовой круг Солнца, месячное обращение Луны, а у некоторых народов 12-летний круг Юпитера стали основными единицами календарного счета...

Но ...надо было преодолеть два огромных затруднения. *Первое:* указанные повторения небесных явлений грубо подмечаются всяким, кто только вообще ими интересуется; но, чтобы определить их точно и, если можно сказать, «остро», нужен длинный ряд умелых наблюдений, математически понятых и обработанных. Считая от одного новолуния до другого, и ведя точный счет дням и часам соответственно промежутка, убеждаемся, что следующие друг за другом периоды между собой *неравны*; то же и в отношении других

наблюдений небесных явлений: движения тел Солнечной системы неравномерны — в этом основная трудность их изучения; нужно умело комбинировать полученные результаты, чтобы вывести некоторую среднюю, важную в календарном деле, длину интервала. Все это составляет задачу астрономии... Второе: календарная единица, напр. год, месяц, принята и удобна только тогда, когда она заключает в себе целое число дней. Но периоды, найденные из астрономических наблюдений, никогда не выражаются в днях целым числом. Поэтому календарная единица неизбежно выходит ошибочной против своего астрономического прообраза, с течением времени эта ошибка накапливается, и календарные даты уже не соответствуют астрономическому положению вещей. Как выравнять эти расхождения? Это задача чисто арифметическая; она ведет к установлению календарных единиц с неодинаковым числом дней... и к определению правил их чередования...

Как только оба указанных затруднения превзойдены, календарная система является законченной. Она получает свое течение как бы независимо от астрономии: только при таком условии она может быть не только правильной, но и общепонятной...» ([21], стр.4—9).

Здесь в первую очередь важно замечание, что для создания полноценного календаря необходимы астрономические наблюдения. Но как в древности могли достичь необходимой точности в наблюдении, скажем, длины года? Обычный ответ состоит в том, что при достаточно длинных и регулярных наблюдениях может быть достигнута любая требуемая точность. Однако при этом забывают, что для длительных, последовательных и регулярных наблюдений необходимо уверенно и без путаницы год за годом отсчитывать дни, то есть необходимо иметь регулярный и правильный календарь. Даже современные астрономы не любят пользоваться грегорианским календарем: они предпочитают юлианский календарь (старый стиль) с более регулярной системой високоса. Простейшим регулярным календарем является юлианский. Поэтому можно с уверенностью сказать, что без юлианского календаря никакая точная наблюдательная астрономия невозможна.

Порочного круга здесь нет, поскольку для создания юлианского календаря особо точных астрономических наблюдений не требуется.

Без всякой астрономии людям издавна было известно, что год делится на четыре сезона, что в каждый сезон приходится, как правило, три полнолуния и что между двумя полнолуниями проходит около 30 дней. Это дает исходную длину солнечного года приблизительно в 380 дней.

Но, когда возникла потребность в регулярном календаре, то должно было быстро (за несколько десятков лет) обнаружиться, что календарь, основанный на таком (или близком) годе, не является климатическим, т.е. начала времен года и хозяйственных сезонов не остаются в нем на одних и тех же датах, а непрерывно сдвигаются. Были ли исправления внесены «методом проб и ошибок», или уже на этом этапе были привлечены какие-то простейшие астрономические факты, судить трудно, но ясно, что довольно быстро первоначальная цифра была исправлена и год стал считаться в 365 дней. Это и было созданием первого, более или менее удовлетворительного, регулярного календаря.

Но лет 60—80 должно было хватить, чтобы заметить ошибочность и этого календаря и необходимость поправки в четверть дня. Тут, конечно, простейшие астрономические наблюдения были необходимы. Таким образом, мы должны постулировать, что в это время астрономия (по-видимому, в форме астрологии) уже сделала свои первые шаги. Вообще говоря, тип используемого календаря позволяет оценить достигнутую точность астрономических наблюдений, поскольку нет сомнения в том, что каждый вновь вводимый календарь считался его авторами совершенно точно климатическим, так как никто не захотел бы устанавливать календарь с заведомой ошибкой, приводящей его в негодность уже через несколько десятков или сотен лет. Это «требование климатичности» должно лежать в основе любого рационального обсуждения календарных проблем.

Когда же был введен первый календарь? Не видно причин, зачем нужен точный календарь в период родового строя. Как сообщают этнографы (см. [21], стр.5), первобытные племена вполне обходятся приблизительным делением года на климатические периоды. Это деление достаточно и для сезонных работ земледельца, и для сезонных откочевок скотоводов.

Напротив, государству с развитой экономикой без календаря обходиться трудно, если не невозможно. Проблемы сбора налогов и взимания процентов, регулярного снабжения двора и армии (особенно в походе), расчеты договорных поставок и т.д. и т.п. — все это требует регулярного и правильного календаря. Без особого риска ошибиться можно поэтому утверждать, что календарь появился одновременно с классовым государством.

В принципе для отправления религиозного культа календарь не нужен. Религиозные праздники можно датировать и без календаря («день сбора плодов», «первое полнолуние зимы» и т.д.). Однако если идея календаря уже появилась и религиозные праздники оказались

приуроченными к определенным календарным датам («день Нового года» и т.д.), то правильный календарь (или, точнее, календарь, считающийся правильным) делается совершенно необходимым. Если жертвоприношение богу назначено на определенный день года, то совершение его в любой другой день явится непозволительным богохульством и кощунством.

Применим теперь эти общие теоретические положения к римскому календарю.

Римский календарь

О календаре, которым пользовались древние римляне, наши сведения «происходят из двух различных источников: из живой традиции его передачи, дошедшей до наших дней (!? — *Авт.*), и из древних документов и сообщений античных авторов» ([12], стр.97). Согласно этим источникам у римлян будто бы был 12-месячный год в 355 дней, чередовавшийся с 13-месячным годом в 382—383 дня. Средняя продолжительность римского календарного года была, таким образом, на целые сутки больше истинной. Источники сообщают, что уже в V веке до н.э. совершались попытки исправить эту календарную систему и привести ее в соответствие с солнечным годом. «Но эти реформы не помогали... По всей видимости, римляне в какое-то время...отказались от схематических дополнений календаря и...дополняли год тогда, когда в этом возникала необходимость. Со времени Второй Пунической войны и до реформы Цезаря... понтифики регулировали календарь по своему усмотрению. Так же как и греки,... римляне стремились к тому, чтобы определенные жертвоприношения совершались соответственно в одно и то же время года... В действительности интеркаляции (вставки месяца. — *Авт.*) стали орудием политиков в их борьбе за власть и часто производились произвольно, без учета времени года...

По-видимому, все попытки установить четкие циклы интеркаляций для этого календаря напрасны... Имеющиеся случайные свидетельства... позволяют сделать только общее заключение о том, что в период между Первой Пунической войной (264 г. до н.э.) и Второй (218 г. до н.э.) римский календарь более или менее соответствовал юлианскому, отставая от него, возможно, на несколько недель, что во время Второй Пунической войны... дополнениями к году пренебрегали, так что к 190 г. до н.э. римский календарь опережал юлианский на 117 дней (какая точность в оценке ошибки! — *Авт.*); что это расхождение уменьшилось до 72 дней в 168 г. до н.э. в 46 г. до н.э., отставание составляло 90 дней» ([12], стр.40—41).

Вся эта информация решительным образом противоречит установленным выше теоретическим положениям. Как могли верующие римляне совершать жертвоприношения богам в явно «неправильные» дни? Как мог в условиях календарной чехарды функционировать государственный фиск и частно-предпринимательская деятельность, неразрывно связанная с контрактами на срок? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы апокрифичность и фантастичность «древнеримского» календаря сделались явными.

Более того, сами же историки признают, что в Древнем Риме «урожай зерна и маслин собирались своевременно, в конце мая и в ноябре соответственно» ([12], стр.41). А куда же делась разница в 117 дней? Чтобы разрешить это противоречие Бикерман вынужден предположить, что хозяйственная жизнь Рима регулировалась неким другим «идеальным» календарем, «который не зависел от причуд официального календаря» ([12], стр.41). Спрашивается, кто же следил за правильностью этого «идеального» календаря? И какой это был календарь? Юлианский? На эти вопросы Бикерман пытается дать ответ при обсуждении столь же путаного «вавилонского календаря». Вынужденный и здесь предполагать существование «идеального» хозяйственного календаря, он пишет: «Вполне возможно, что земледельцы и купцы доверяли больше звездному (?! — *Авт.*) календарю... который не зависел от капризов официального счета времени» ([12], стр.19). Тут остается только развести руками.

Мы видим, что, таким образом, астрономо-календарные соображения также указывают на апокрифичность «античной» литературы (из которой мы и знаем о «римском календаре»).

Дни месяцев у римлян

Изложим в заключение один чисто технический вопрос, необходимый для понимания античных дат, — римскую систему названий дней месяцев.

Римляне обладали тремя словами: календы, ноны и иды для названия трех специальных дней месяца. Все прочие дни считались вспять от этих дней, как бы в их ожидании.

В каждом месяце календы — это первый день месяца (например, «мартовские календы» — это 1 марта).

В марте, мае, июле и октябре ноны — седьмой день месяца (майские ноны — это 7 мая), а иды — пятнадцатый (октябрьские иды — это 15 октября).

В остальные месяцы (апрель, июнь, август, сентябрь, ноябрь, декабрь, январь и февраль) ноны — пятый день месяца (январские ноны — это 5 января), а иды — тринадцатый (августовские иды — это 13 августа).

Эта странная система счета дней удержалась кое-где до средних веков.

Укажем, наконец, что римский год начинался с марта.

1. В эпоху Возрождения (и в ее канун) имелись все возможности для деятельности апокрифизаторов, амплификаторов и прямых фальсификаторов (см. §3).

2. Многочисленные фальсификации того времени вскрыты историко-филологической наукой, но нет никакой уверенности, что они вскрыты все (см. §2).

3. Аутентичность отдельных, наиболее важных античных историков (Тацит и Ливий) внушает серьезные сомнения (см. §1 и §7).

4. Имеются теоретические соображения в пользу того, что все античные сочинения являются апокрифами эпохи Возрождения и ее кануна (см. §5).

5. Эти соображения подкрепляются:

а) подозрительностью обстоятельств находок античных сочинений во всех случаях, когда соответствующая информация имеется (см. §1 и §4);

б) непрослеживаемостью истории рукописей античных сочинений за канун начала книгопечатания (см. §4);

в) противоречащим теории вероятности распределением жанров античной литературы по времени, а также ляпсусами и некоторыми особенностями античных драм, выдающим их позднее происхождение (см. §6);

г) полной невозможностью существования «в природе» календаря, который приписывается древним римлянам (см. §8).

Кроме того, выяснилось (см. §7), что воспитанное на популярной литературе и исторических романах представление об обширности и надежности традиционной информации об истории древнего мира противоречит фактам. На самом деле наши представления, скажем, о Древнем Риме основываются на предположениях и довольно неуверенных и спорных интерпретациях, по существу, единственного текста.

Неужели нет никаких объективных и надежных способов точно определить время написания того или иного сочинения? Теоретически такие способы есть. Например, можно пытаться определить время рукописи по описанным в ней солнечным или лунным затмениям. Если описание достаточно подробно, то астрономия должна, по-видимому, однозначно локализовать рукопись на временной оси.

Мы обсудим этот метод в следующей главе.

Глава 2. АСТРОНОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ХРОНОЛОГИИ (ЗАТМЕНИЯ)

Астрономический метод в хронологии состоит в использовании для датировки исторических документов тех или иных замечательных астрономических явлений (например, солнечных затмений), описанных в этом документе. Его зачинателями явились основатели современной научной хронологии Скалигер и Петавиус (XVI век), и он многократно использовался позднейшими исследователями (вплоть до нашего времени).

Этот метод обладает определенными преимуществами (давая надежные абсолютные даты в юлианских днях), но имеет также и много недостатков. Его некритическое использование может приводить (и на самом деле приводит) к крупным ошибкам.

В этой главе мы применим астрономический метод к датировке Фукидидовой «Истории Пелопоннесской войны», изложим теорию этого метода, обсудим его достоинства и недостатки, проанализируем его применение к датировкам античных и раннесредневековых литературных памятников и на этой основе найдем прямые доказательства апокрифичности ряда античных литературных памятников.

§ 1. Основные факты о затмениях

Лунные затмения. — Солнечные затмения. — Предсказания затмений. — Вычисление затмений.

§ 2. «История Пелопоннесской войны» Фукидида

Фукидид и его книга. — Аутентичность Фукидида. — Затмения у Фукидида. — Датировка Петавиуса. — Датировка Морозова. — Апокрифичность Фукидида. — Афины и Сарта. — Начало Афин. — Эпиграфические памятники Афин. — Миф об Афинах.

§ 3. Солнечные и лунные затмения и хронология

Каноны затмений. — Соображения Никольского. — Трудности датировки затмений. — Календарные гипотезы. — Дни месяцев у римлян.

§ 4. Примеры астрономических датировок (Тит Ливий, Гомер, Такелот)

Солнечное затмение Ливия. — Лунное затмение у Ливия. — Затмение в «Одиссее». — Такелотово затмение. — Заключение.

§ 5. Обсуждение итогового списка Гинцеля

Список затмений. — Исследование затмений. — Выводы. — Мнение Р. Ньютона.

§ 6. Геродот и его «История»

Рукопись Геродота. — Отношение историков к Геродоту. — Источники информации Геродота. — Сведения Геродота об Египте. — Сведения Геродота о Персии. — Ошибался ли Геродот? — Апокрифичность Геродота. — Крестоней у Геродота. — Заключение.

Итоги главы

§ 1. Основные факты о затмениях

По поводу материала этого параграфа см. [24].

Лунные затмения

Когда Луна при движении вокруг Земли попадает в конус земной тени, на Земле (точнее, на ее ночном, обращенном к Луне полушарии) наступает лунное затмение. Оно длится около двух часов и возможно только в полнолуние, но из-за неправильностей движения Луны происходит не каждое полнолуние. В повторяемости лунных затмений имеется грубая, приблизительная периодичность, называемая *саросом*. Период сароса равен около 18 лет.

В течение этого срока бывает около 28 затмений Луны, так что вблизи любой даты можно всегда найти хотя бы одно лунное затмение.

Сарос легко обнаруживается за 50—60 лет систематических наблюдений. Поэтому можно доверять сообщениям, что сарос был известен уже на заре развития астрономии.

Предсказание лунных затмений по саросу все же не очень надежно, и не только из-за неточности сароса, но и из-за того, что затмение может произойти в момент, когда в данной точке земной поверхности стоит день, и Луна не видна.

Солнечные затмения

Солнечное затмение наступает, когда наблюдатель оказывается в конусе тени Луны. Если Луна полностью закрывает солнечный диск, на Земле наступает темнота и становятся видными звезды. Такое затмение называется *полным*. Его продолжительность — не более 8 минут в экваториальной зоне и не более 6 минут в средней зоне.

Тень Луны движется по Земле со скоростью 110 м/сек., прочерчивая узкую полосу. Ширина этой полосы не превышает 4°. Полоса полной тени окаймлена полосой полутени, ширина которой в одну сторону от середины полосы полной тени (оси затмения) около 30° в средней зоне и около 15° в экваториальной зоне. Наблюдатель в этой зоне видит солнечный диск лишь частично закрытым Луной. Такое затмение называется *частным*. Максимальная степень покрытия диска Солнца лунной называется глубиной затмения, или *фазой*. Фаза оценивается в баллах u , которые вычисляются по формуле

$$u = 12\lambda,$$

где λ — отношение части диаметра, покрытой тенью, ко всему диаметру. Полное затмение имеет фазу в 12 баллов. Солнечное затмение фиксируется глазом как потемнение, начиная с фазы 3—4 балла.

Фазы лунного затмения вычисляются несколько по-другому: к фазе в 12 баллов полного затмения прибавляется слагаемое, пропорциональное длительности затмения. В результате фаза лунного затмения может достигать 22,7 балла.

Бывают случаи, когда конус полной тени Луны не достигает Земли. В этом случае возможно так называемое *кольцеобразное затмение* Солнца. При кольцеобразном затмении, как и при любом частном, звезды не видны.

Солнечное затмение возможно только в новолуние. Однако не каждое новолуние сопровождается солнечным затмением, потому что из-за наклона лунной орбиты к эклиптике (плоскости орбиты Земли) Земля может проскользнуть мимо конуса лунной тени. Поэтому в каждом году на Земле бывает только от двух до семи солнечных затмений. Каждая местность на Земле получает в среднем одно солнечное затмение с фазой не меньшей 6 баллов на протяжении 10—20 лет до или после любой даты.

Предсказания затмений

Предсказание солнечных затмений очень затруднено сложностью движения Луны, на которое, кроме Солнца и Земли, влияет притяжение других планет (скажем, Юпитера). Можно пытаться предсказывать затмения по саросу, в течение которых происходит около 43 затмений Солнца (15 частных, 14 кольцеобразных, 2 т.н. кольцеобразно-полных и 12 полных). Однако эти затмения, разделенные саросом, происходят, вообще говоря, в различных областях Земли, и потому предсказание для данного места оправдывается в среднем в одном случае из четырехсот (т.е. вероятность правильного предсказания равна 1/400) (см. [4], стр.415).

Теоретически лучшие результаты должен давать так называемый *тройной сарос*, длительностью в 54 года. Однако вероятность предсказаний с его помощью равна лишь 1/99, и потому практически он тоже неприменим. К тому же эмпирически тройной сарос может быть обнаружен только из наблюдений солнечных затмений. Ввиду его относительной длительности и малой повторяемости разделенных тройным саросом солнечных затмений, это обнаружение требует столь длительных и столь систематических наблюдений (не говоря уже о трудностях их математической обработки, необходимой для выявления ранее неизвестной периодичности), что всерьез говорить о его возможном употреблении в древности не приходится. Более или менее надежное предсказание солнечных затмений возможно только на базе

достаточно продвинутой теории движения Луны, учитывающей хотя бы основные его неравенства. Поэтому немудрено, что даже через сто лет после Коперника солнечных затмений предсказывать еще фактически не умели. Следовательно, мы должны с большим скептицизмом относиться ко всем сообщениям о предсказаниях солнечных затмений до нового времени. Почти наверняка такие сообщения являются либо чистыми фантазиями, имеющими целью выдать желаемое за действительное, либо позднейшими апокрифами.

Это соображение очень важно, и мы обращаем на него особое внимание читателя.

Вычисление затмений

«Астрономическая точность» давно сделалась общим местом. Может быть, поэтому многие не до конца понимают тот факт, что основные астрономические константы взяты из наблюдений и потому известны лишь с некоторой ошибкой. Вычислительные формулы астрономии получаются из бесконечных рядов отбрасыванием всех членов, начиная с некоторого, и потому также вносят систематические погрешности. Наконец, сами вычисления ведутся лишь с определенной точностью, из-за чего возникают так называемые ошибки округления. При вычислениях на длинные промежутки времени ошибки нарастают, и потому, скажем, затмения на тысячу лет вперед (или назад) в принципе не могут быть вычислены (предсказаны) с той (секундной) точностью, как затмения, близкие к нам по времени. Мы не говорим уже о том, что мыслимы источники ошибок, о существовании которых мы можем только подозревать и учесть которые в принципе нельзя (замедление вращения Земли, о ходе которого в древности мы ничего, не впадая в порочный круг, — сказать не можем, отклонения гравитационного взаимодействия от закона Ньютона и т.д. и т.п.).

Таким образом, заранее оценить величину допускаемой ошибки в принципе оказывается невозможным. Поэтому астрономы вынуждены вносить в свои формулы так называемые «эмпирические поправки», сравнивая вычисленные события с действительно происходившими. Эта ситуация прекрасно описана проф. А.А.Михайловым:

«Особое значение имеют дошедшие до нас сведения о наблюдении затмений в древности. Простое указание на то, что данное затмение было видимо как полное в определенном месте, позволяет определить положение Луны с точностью, далеко превосходящей наблюдения, производившиеся до применения зрительной трубы к измерительным

целям. Наблюдение лунных затмений, хотя и с меньшей точностью, но все же, если оно сопровождается хотя бы грубым указанием на час ночи, когда затмение было видимо, позволяет определить положение Луны. Поэтому дошедшие до нас исторические наблюдения затмений являются главным и наиболее точным источником для определения положения Луны и Солнца в давно прошедшие времена, что имеет огромное значение для определения некоторых постоянных в движении Луны и Солнца и, в первую очередь, векового ускорения Луны, относительно величины и происхождения которого имелось много разногласий» ([24], стр.28—29).

Мы еще вернемся к этим вопросам (в частности, к ускорению Луны), а пока лишь укажем, что во избежание порочного круга для уточнения астрономических констант необходимы затмения, надежно датированные внеастрономическими методами. Нужно знать дату затмения в юлианских днях и желательно время суток. Ввиду спутанности и нечеткости древних календарей это возможно только для сравнительно поздних, средневековых затмений. Недаром самое раннее затмение, которым воспользовался Гинцель для своих поправок Канона Олпольцера (см. ниже, §3) датируется 590 годом н.э.

Рассмотрим теперь на конкретном примере, как применяются затмения для датировок исторических событий.

§ 2. «История Пелопоннесской войны» Фукидида

Фукидид и его книга

«Греческая историография, начало которой было положено Геродотом, достигает вершины научного и художественного выражения в произведении Фукидида, посвященном истории Пелопоннесской войны, очевидцем и участником которой был сам автор» ([14], стр.168).

Нам сообщают, что Фукидид (что, как сообщает Морозов, по-гречески означает «Кадиллодатель», т.е. что-то вроде дьячка; см. [4], стр.469), сын Олора, родился приблизительно в 460 г. до н.э. и умер в 396 г. до н.э. Он был богатым афинским аристократом и государственным деятелем. Во время войны Фукидид в качестве стратега неудачно командовал афинским флотом у берегов Фракии (север Греции) и был изгнан на 20 лет из Афин. Проживая во Фракии, он и написал свой труд. Перед концом войны Фукидид был амнистирован и вернулся в Афины. Вскоре он умер.

Историческая традиция полностью доверяет Фукидиду в описании событий войны как ее очевидцу и участнику. Сам Фукидид пишет, что он «описал и эти события в том порядке, как совершались они по летам и зимам... Я пережил всю войну, благодаря своему возрасту понимал ее и внимательно наблюдал, с тем чтобы узнать в точности отдельные события» (Фукидид, V, 26; см. [9], т.2, стр.20—21).

Фукидид является нашим единственным источником по истории Пелопоннесской войны: «после Фукидида.. никто уже не обращался к истории Пелопоннесской войны. Однако многие считали для себя лестным выступать в роли его последователей и продолжателей и начинали свои произведения с того места, на котором оборвалось произведение Фукидида» ([14], стр.171). Среди этих последователей можно назвать, например, Ксенофонта, Феопомпа и Эфора.

В настоящее время труд Фукидида делится на 8 книг; однако это деление не принадлежит автору. Подлинное деление повествования в оригинале было по летам и зимам.

В греческих оригиналах книга Фукидида называется «Совместное описание» («Сюнграфе»), но в переводах принято название «История Пелопоннесской войны».

Все изложение у Фукидида истории 27-летней войны между «ионийцами» и «дорийцами» из-за гегемонии является абсолютно четким и последовательным, хотя и не доведено до конца этой войны. Вот, например, резюме Ф.Г.Мищенко (переводчика Фукидида) событий первого года войны, сделанное им по книге II сочинения Фукидида (см. [9], т.1, стр.181):

«Первое лето войны: нападение фивян на Платею (1—6). Вооружение лакедемонян и афинян, союзники тех и других (7—9). Первое вторжение лакедемонян в Аттику: сборы лакедемонян, речь Архидама (10—12). Меры афинян к отражению врага; отступление автора о древнем состоянии Аттики (13—17). Пребывание лакедемонян в Аттике (18—22). Отправление афинского флота в пелопоннесские воды и отступление лакедемонян из Аттики (23). Оборонительные мероприятия афинян (24). Военные действия афинян, заключение ими союза с Ситалкою, вторжение афинян в Мегариду и укрепление Аталанты (25—32). Зима. Военные действия коринфян (33). Государственные похороны павших на войне афинян, надгробная речь Перикла (34—46)».

Столь же подробно и последовательно описаны и следующие годы.

Подробность изложения дает возможность восстановить карту военных походов союзников (см. карту в [15], стр.192—193). Весь театр военных действий расположен в восточной части Средиземноморья и не распространяется выше 41° северной широты; активному театру не принадлежали пролив Босфор и юг Крита, но зато многие битвы происходили на побережье Азии. Таким образом, все описанные Фукидидом события четко локализируются в весьма небольшом географическом квадрате восточного Средиземноморья.

Аутентичность Фукидида

Вот каким прекрасным слогом начинает свой труд Фукидид (перевод Ф.Г.Мищенко): «Фукидид, афинянин, написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. Начал он труд свой тотчас по возникновении войны, ибо был уверен, что она будет важна и более достопримечательна, чем все предшествовавшие. Заключал он так из того, что обе стороны имели все приспособления к этой войне в наилучшем состоянии, а также из того, что прочие сплины, как он видел, примыкали то к одной, то к другой стороне, одни тогда же, другие намеревались присоединиться после. Действительно, событие это было величайшим потрясением для эллинов, некоторой части варваров и, можно даже сказать, для огромного большинства всех народов. То, что предшествовало ей незадолго, и что происходило еще раньше, невозможно было за давностью времени исследовать с точностью, однако на основании свидетельств при помощи которых мне удастся проникать с достоверностью в возможно далекое прошлое, я полагаю, что тогда не случилось ничего важного ни в военном деле, ни в каком-

либо ином отношении, ибо, по-видимому, страна, именуемая ныне Елладю, заселена постоянными жителями лишь с недавнего времени, так как раньше происходили в ней переселения, и каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним другими обитателями, всякий раз в большом числе» (Фукидид, 1, 1—2; см. [9], т.1, стр.35—36).

Этот стиль выдержан на протяжении всех 880 страниц труда Фукидида. Ясно, что без многочисленных черновиков достичь такого слога невозможно. Сколько же драгоценного пергамена (и папируса) понадобилось Фукидиду (в условиях изгнания) для написания его книги?

Дальнейшее чтение труда Фукидида выявляет следующие его особенности:

- 1) автор демонстрирует огромную предварительную начитанность и писательскую опытность;
- 2) конструкции фраз весьма сложны и оснащены нетривиальными грамматическими построениями;
- 3) налицо четкое развитие стройной реалистической идеи в изложении исторических фактов;
- 4) налицо скептическое отношение ко всему сверхъестественному в жизни людей.

Как мы, уже выяснили (см. § 5, гл.1), первые три особенности присущи книгам эпохи бумаги и книгопечатания и не могли развиваться в добумажное время малочисленных и грамматически не унифицированных рукописей. Вольнодумство Фукидида (п.4) также определенно указывает на эпоху Возрождения.

Уже этого достаточно для обвинения книги Фукидида в апокрифичности. Посмотрим поэтому, какие имеются доказательства аутентичности Фукидида. Дают ли такие доказательства, скажем, рукописи труда Фукидида?

Что касается пергаменных рукописей (кодексов), то древнейшей из них считается рукопись, хранящаяся во Флоренции и датированная XI веком. К несколько более позднему времени относятся рукописи, хранящиеся в библиотеках Ватикана, Гейдельберга, Лондона, Мюнхена и Парижа. Все эти рукописи лишь незначительно разнятся друг от друга.

Следовательно, если мы даже поверим этим датам, то получится, что имеющиеся рукописи «Сюнграфе» позволяют лишь заключить, что этот труд был написан не позже XI века н.э. Однако мы уже замечали, что палеографические датировки в высшей степени ненадежны, поскольку ничто не мешает искусному писцу изготовить рукопись любым почерком. Поэтому даже датировку XI веком мы можем принимать только с осторожностью.

Считается, что более древними, чем кодексы, являются папирусные фрагменты книги II «Истории» Фукидида и комментарии к ней, найденные в Оксирихе. Однако датировка их еще менее надежна, а тот факт, что материалом этих фрагментов является папирус, ни о чем не говорит, поскольку в Египте папирус заменял бумагу даже и после изобретения книгопечатания.

Таким образом, о древности труда Фукидида рукописи нам фактически ничего не говорят, и потому вопрос о его аутентичности (или апокрифичности) надо решать другим путем.

Уже давно было обращено внимание на наличие в тексте Фукидида описаний двух солнечных и одного лунного затмений. Посмотрим, не позволят ли эти описания надежно датировать описываемые Фукидидом события и тем самым решить вопрос об аутентичности «Сюнграфе».

Затмения у Фукидида

В книге I сочинения Фукидида есть упоминание о затмениях Солнца, но весьма общее и неопределенное. Хотя оно не может служить для астрономической датировки, мы для полноты картины приведем соответствующий текст:

«...последняя война затянулась надолго, и за время ее Эллада испытала столько бедствий, сколько не испытывала никогда в равный промежуток времени. Действительно, никогда не было взято и разорено столько городов, частью варварами, частью самими воюющими сторонами, причем в некоторых городах после их завоевания переменялось население; не было столько изгнаний и смертоубийств, частью в самой войне, частью в междоусобицах. Что рассказывается о прошлом по слухам и на деле подтверждается редко, то стало теперь несомненным: землетрясения, охватившие разом с ужасной силой огромную часть земли, солнечные затмения, случавшиеся чаще сравнительно с тем, как передают о прежних временах, потом засухи и, как их следствие, жестокий голод, и, наконец, чума, причинившая величайшие беды и также истребившая немало людей. В самом деле, все это обрушилось в одно время с последней войной. Начали эту войну афиняне и пелопоннесцы нарушенном тридцатилетнего мира, который был заключен между ними после покорения Евбеи» (Фукидид, 1, 23; см. [9], т.1, стр.51—52).

Напротив, в книге II солнечное затмение описано довольно подробно: «В то же самое лето афиняне изгнали из Эгины эгинян вместе с женами и детьми, считая их главными виновниками войны; кроме того, они находили более безопасным для себя, если лежащая подле

Пелопоннесса Эгина будет занята их гражданами. Немного времени спустя они послали на Эгину своих колонистов. Изгнанным эгинянам лакедемоняне дали для жительства Фирею и предоставили в их пользование поля ее отчасти из вражды к афинянам, отчасти за те услуги, которые оказали им эгиняне во время землетрясения и восстания гелотов. Фирейская область лежит на границе Аргопиды и Лаконики и простирается до моря. Одни из эгинян поселились здесь, другие рассеялись по остальной Елладе.

В то же самое лето, в новолуние. — кажется, только тогда это и возможно. — солнце затмилось после полудня, приняло вид полумесяца, причем появилось несколько звезд, и снова стало полным» (Фукидид, II, 27—28; см. [9], т.1, стр.202).

Обратим внимание, что автор хорошо понимает механизм затмения, упоминая об обязательности новолуния (во всяком случае, это — указание на уже длительную практику в наблюдении затмений в те времена).

Другое солнечное затмение описано в книге IV в следующих терминах:

«В ту же зиму и хиосцы срыли свое новое укрепление по требованию афинян, которые подозревали их в стремлении к какому-то перевороту; однако они заключили с афинянами договор, по мере возможности обеспечивши неприкосновенность своих учреждений со стороны афинян. Вместе с тем кончилась зима и седьмой год этой войны, историю которой написал Фукидид.

В начале следующего лета под новолуние было частичное затмение солнца, и в начале того же месяца произошло землетрясение» (Фукидид, IV, 51—52; см. [9], т.1, стр.428).

По-видимому, упоминаемый в тексте летний месяц (начало летней кампании) является мартом — обычный месяц начала летних походов (недаром «март» значит «месяц Марса»). Это замечание будет интересно проверить при исследовании окончательного решения задачи.

В книге VII говорится:

«Зима подходила к концу, кончался и восемнадцатый год войны, историю которой написал Фукидид.

Лишь только началась следующая весна, лакедемоняне и союзники в самую раннюю пору вторглись в Аттику... (Фукидид, VII, 18; см. [9], стр.219).

Далее, в пунктах 20—49 подробно излагаются летние события. Изучение длительности всех военных передвижений показывает, что следующие пункты 50—51 описывают уже конец лета:

«...Отсюда-то они и переправились в Селинунт. Тотчас по прибытии их сиракусяне стали готовиться к новому нападению на афинян морскими и сухопутными силами. Напротив, военачальники афинян, видя, что к неприятелям прибыло новое войско, что собственные дела их не поправляются, а с каждым днем во всех отношениях ухудшаются, особенно вследствие болезни людей, раскаивались, что не ушли раньше: сам Никия не сопротивлялся более с прежним упорством и желал только, чтобы решение это не оглашалось. Поэтому военачальники отдали приказ готовиться по сигналу всем к отплытию из стоянки (в Сицилии. — Авт.). Когда все было готово и афиняне собирались отплыть, наступило лунное затмение; тогда было полнолуние. Большинство афинян, смущенные этим, требовали от военачальников подождать с отплытием, а Никий, придававший слишком большое значение предзнаменованиям и всему подобному, уверял, что не может быть и речи о том, чтобы двинуться с места раньше, как по прошествии трижды девяти дней: так наставляли гадатели. Вследствие этого произошло замедление, и афиняне остались» (Фукидид, VII, 50—51; см. [9], т.2, стр.247—248).

Подведем итоги. Из текста однозначно вытекают следующие 6 утверждений:

1) В восточном квадрате Средиземноморского бассейна, простирающегося по широте приблизительно от 15 до 30° и по долготе от 30 до 45°, Фукидидом зафиксирована триада затмений: I(солнечное), II(солнечное), III(лунное) с интервалами между ними в 7 и 11 лет:

2) затмение I происходит летом;

3) затмение I является полным (видны звезды);

4) затмение I происходит после полудня (время местное);

5) затмение II происходит в начале лета;

6) затмение III (лунное) происходит в конце лета.

Кроме того, в тексте имеются указания, что затмение II происходит в марте, однако мы будем включать это условие в список четких-требований 1—6. Задача состоит в том, чтобы найти триаду, удовлетворяющую условиям 1—6.

Датировка Петавиуса

В XVI веке Петавиус подобрал для затмения I дату 3 августа —430 года. Кеплер (XVI век) подтвердил, что в эту дату затмение действительно было. С этого момента мы и знаем дату начала Пелопоннесской войны: —430 год.

Для затмения II Петавиус подобрал дату 21 марта —423 г.

Для затмения III Петавиус подобрал дату 27 августа —412г.

Таким образом, казалось бы, астрономия дает четкую датировку описанных событий в V веке до н.э. Однако рассмотрим найденную Петавиусом триаду (—430, —423, —412) более внимательно.

Для этой триады интервалы между затмениями равны требуемым 7 и 11 годам.

Лунное затмение —412 года имело фазу в 13,2 баллов и было видимо в Европе. Точка его зенитной видимости имела координаты +44° долготы и —18° широты, т.е. находилась на севере Мадагаскара. Это затмение удовлетворяет всем условиям, наложенным на затмение Ш.

Солнечное затмение —423 года является кольцеобразным (см. [16], стр.178). Оно происходило утром на восходе Солнца в Атлантическом океане, до полудня — в Ирландии и Швеции, а затем полоса максимальной фазы ушла к Северному полюсу. Согласно Гинцелю (см. [16], стр.59) его фаза была равна 8,4 балла в Афинах и 9,4 балла в Риме. Это затмение удовлетворяет всем условиям, наложенным на затмение II.

Солнечное затмение —430 года после Петавиуса исследовалось многими авторами (Цех, Хейс, Стройк, Кеплер, Риччиоли, Гофман, Гинцель, Джонсон, Линн, Стокуэлл, Зейфарт). Столь большое внимание этому затмению было уделено потому, что его фаза вызывала трудности. Согласно Петавиусу, фаза этого затмения в Афинах была равна 10,25 балла, а согласно Стройку — 11 баллам; лишь Кеплер утверждал, что фаза этого затмения равна 12 баллам, т.е. что это затмение было полным. Дальнейшие исследования, использующие уточненные данные о движении Луны, дали следующие результаты для фазы этого затмения в Афинах:

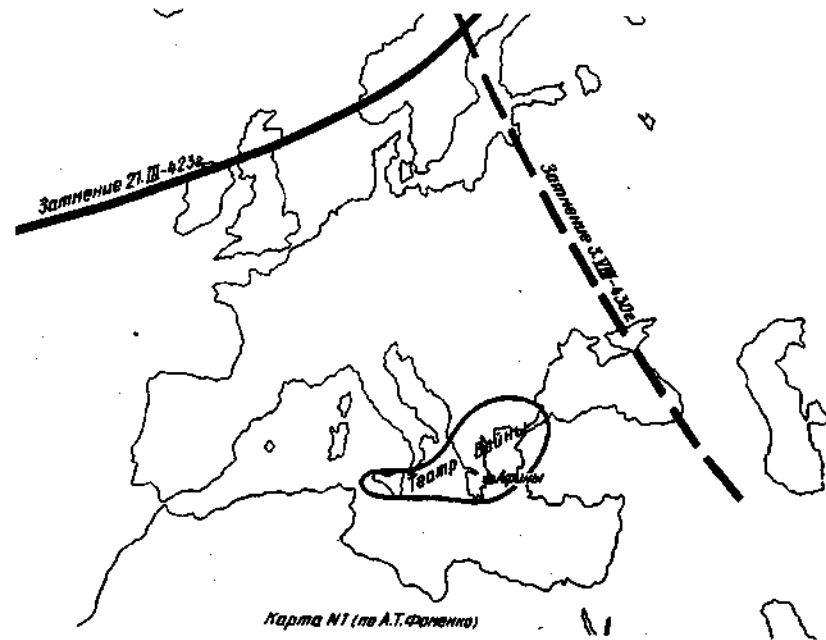
Цех — 10,38 балла,

Гофман — 10,72 балла,

Хейс — 7,9 балла.

В настоящее время принята фаза в 10 баллов, вычисленная Гинцелем. (см. [16].с.176—177).

Во всяком случае все авторитеты теперь сходятся, что это затмение было частным. Более того, согласно вычислениям Гинцеля, это затмение было кольцеобразным и потому нигде на Земле не было полным. Утром оно прошло Берингов пролив, в полдень, Северный полюс, к вечеру, Швецию, затем, Крым и на заходе Солнца закончилось в Месопотамии. Все это наглядно видно на карте.

Карта 1

Поскольку затмение 3 августа —430 года не было полным, в момент этого затмения нигде на Земле нельзя было видеть звезд. Фаза в 10 баллов в Афинах (и фаза в 9,4 балла в Риме) означает, что открыта 1/6 часть солнечного диска, а это дает ясный день, при котором никаких звезд не видно.

Более того, это затмение прошло Крым только в 17 ч. 22 мин. местного времени, а по Хейсу даже в 17 ч. 54 мин. Поэтому его только с большой натяжкой можно считать «послеполуденным», как четко сказано в текст — вечернее затмение.

Таким образом, указанное Петавиусом затмение —430 года не может быть затмением Фукидида, поскольку оно не удовлетворяет условиям 3 и 4.

Обнаружение этого обстоятельства было весьма неприятно для традиционных хронологов. Гинцель по этому поводу пишет: «Незначительность фазы затмения, которая согласно новым вычислениям оказалась равной 10ф для Афин, вызвала некоторый шок и сомнения в том, что «были видны звезды», как утверждает Фукидид...» ([16], стр.176). Цех попытался «объяснить» это

обстоятельство ссылками на «ясное небо Афин» и на «острое зрение древних» (!?). Поскольку звезд, очевидно, видно не было, то Хейс и Линн решили рассчитать расположение ярких планет в надежде, что, может быть, это спасет положение. Однако оказалось, что Марс был справа от Солнца всего в 3° над горизонтом, на одной прямой с Солнцем и Венерой, которая находилась в 30° над горизонтом. О Венере Гинцель весьма осторожно выражается, что, «возможно, она была видна», однако при «ясном дне» это маловероятно, поэтому все надежды были возложены на Юпитер и Сатурн. Однако оказалось, что Юпитер был в Близнецах под горизонтом, а Сатурн — в созвездии Рыб, тоже под горизонтом.

В сложившейся ситуации Джонсон предложил другое затмение, происшедшее 30 марта —432 г., но это затмение не включается ни в какую триаду (ближайшие триады: —446, —440, —429 и —411, —454, —393; они также не подходят уже по другим соображениям), а фаза его равна всего 7,8 балла (см. [16], стр.177).

Тогда Стокуэл попытался пересмотреть вычисления фазы, чтобы отыскать возможность для ее увеличения; однако, несмотря на все его поправки, ему удалось получить фазу только в 11,06 балла, что по-прежнему абсолютно неудовлетворительно. Впрочем, Гинцель относится к расчетам Стокуэла весьма скептически.

Зейфарт высказал предположение, что, возможно, в тексте Фукидида речь идет о затмении 27 января —429г. Однако, не говоря уже о том, что это затмение совершенно не соответствует описанию (например, оно не включается ни в одну триаду), оказалось, что оно вообще не было видно около Афин.

Гордиев узел проблемы «разрубил» Гофман, предложивший считать, что Фукидидовы звезды являются риторическим украшением (?). Гофман основывается на том, что якобы Фукидид сообщает о появлении звезд в то время, когда Солнце еще имело форму полумесяца. И, на самом деле, Фукидид, сообщая о четырех событиях:

- а) Солнце затмилось,
- б) Солнце приняло вид полумесяца,
- в) показались звезды,
- г) Солнце снова восполнилось,

употребляет грамматические обороты, из которых следует лишь, что «а» было раньше «б» и «в», а «б» и «в» раньше «г». О временной же последовательности событий «б» и «в» судить по тексту Фукидида нельзя. В переводе Мищенко этот момент несколько смазан, но, например, в английском переводе Джоветта, темпоральная независимость событий «б» и «в» четко отражена. Таким образом,

мнение Гофмана (разделяемое также современным исследователем Робертом Ньютоном) основано не на тексте Фукидида, а на желании во что бы то ни стало спасти традиционную датировку.

Несмотря на все это, дата Петавиуса изменена не была, и в любом учебнике можно теперь найти начало Пелопоннесской войны под —430 годом, хотя никаких оснований для этого, кроме определения Петавиуса, нет.

Датировка Морозова

Подробность и основательность текста Фукидида делает несерьезным любые попытки поправить дело за счет изменения текста (кроме «решения» Гофмана, предлагалось, например, подвергнуть ревизии длительности интервалов между затмениями; однако даже авторы этого предложения отказались его конкретизировать).

Морозов ([4], стр.499—512) решил проверить, существуют ли вообще триады, удовлетворяющие условиям 1—6, а если существуют, то сколько их. Эта проверка по имеющимся таблицам затмений показала, что:

- 1) существует триада (I, II, III), полностью удовлетворяющая всем условиям 1—6,
- 2) в интервале от —900 года до +1600 года такая триада единственная.

Эта триада следующая: 2 августа +1133 года; 20 марта +1140 года; 28 августа +1151 года, т.е. XII век нашей эры.

Затмение I (2.VIII 1133). Полоса полного затмения начинается утром на южном побережье Гудзонова залива, перед полуднем пересекает Англию, в полдень — Германию, после полудня — Австрию, Босфор, Месопотамию и на заходе солнца прекращается в Индийском океане. Юпитер — в Овне над горизонтом; Сатурн — в Стрельце над горизонтом; кроме того, могли быть видны Венера и Меркурий. Из звезд видны Регул, Денеб, Колос, Арктур, созвездие Большой Медведицы.

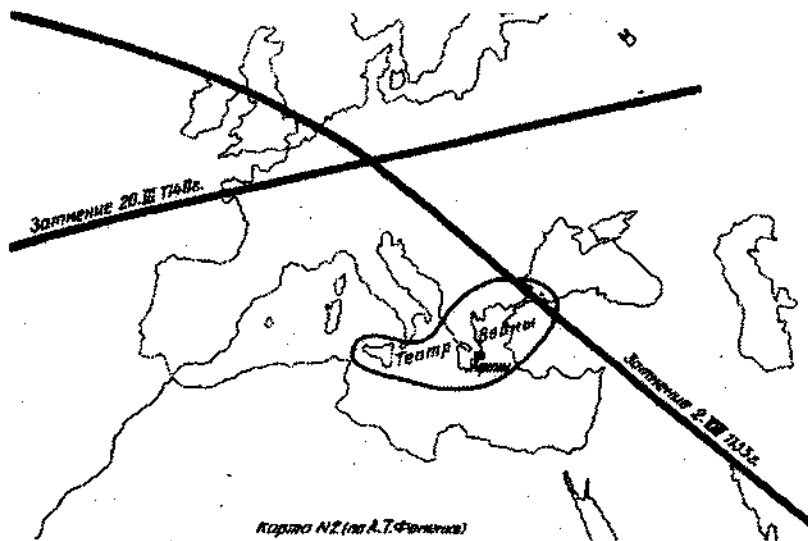
Затмение II (20.III 1140). Полоса полного затмения начинается утром на юге Мексики, пересекает Атлантический океан, после полудня проходит над Ламаншем, севером Германии и средней России, прекращается за Уральским хребтом. В Афинах является частным. В соответствии с текстом Фукидида это затмение произошло в марте.

Затмение III (28.VIII 1151). Частное лунное затмение с фазой в 4,0 балла с зенитной точкой ($+8^\circ$, -7°). В Европе видимо.

Эта триада может вызвать возражение в том, что полоса полной тени затмения I захватывает Элладу. Однако из текста Фукидида это требование с неизбежностью не вытекает, а более слабое условие 1 для нее выполнено.

Каждый желающий может проверить, пользуясь, скажем, таблицами Гинцеля, эти утверждения Морозова, выписав все триады затмений за любой интересующий его период и удостовериться, удовлетворяют ли они условиям 1—6. Вся необходимая информация содержится в [16] или в [10].

Найденные Морозовым затмения I и II изображены на карте 2.

Карта 2

Апокрифичность Фукидида

Три затмения Фукидида являются прямыми свидетельствами, доказывающими, что труд Фукидида был написан не ранее XII века н.э.

Совершенно невероятно, что Фукидид свои три затмения выдумал, так как тогда вообще не нашлось бы триады. Вместе с тем считать эти затмения поздними вставками трудно: слишком хорошо они ложатся в непрерывный и подробный рассказ. Кроме того, если мы откажем Фукидиду в доверии в отношении затмений, то какие основания у нас будут доверять ему во всем остальном?

Подчеркнем, что апокрифичность сочинения Фукидида выше была нами обоснована без каких-либо ссылок на астрономию. Даты затмений лишь подкрепляют вывод о его апокрифичности и уточняют время его истинного создания.

Впрочем, сомнительно, что известный нам текст Фукидида принадлежит именно XII веку: его чисто литературные достоинства превосходят, по-видимому, возможности этого века. Скорее, он написан существенно позже (непосредственно перед выходом печатного издания), но, конечно, на базе довольно подробных материалов, восходящих к XII веку (автор которых жил, по-видимому, в Константинополе, т.е. в городе, находящемся в полосе, где затмение 1133 года было полным).

Автору XII века не было, кроме того, нужно описывать современные ему события в искаженном, зашифрованном виде, да он и не смог бы это сделать: его современники сразу бы разоблачили обман.

Мы, по-видимому, никогда не узнаем, кто собирал первоначальный материал для книги Фукидида в XII веке, кто и почему был автором окончательного текста. Можно, однако, обратить внимание на личность Готфрида де Вильгардуэна, основателя известной династии Вильгардуэнов, знаменитого историка четвертого крестового похода. «... В качестве воина-дипломата Готфрид де Вильгардуэн является одним из самых энергичных вождей латинского крестового похода, и этот последний им же описан в знаменитой хронике — первом средневековом историческом сочинении, написанном на народном языке» ([18], стр.146).

Не исключено, что он мог, кроме того, написать также историю предыдущих десятилетий Греции (и окрестных государств), которая и легла позже в основу «Сюнграфе». Впрочем, не располагая достаточными данными о биографии Вильгардуэна, мы на этом предположении отнюдь не настаиваем. Одно теперь бесспорно: книга Фукидида является детищем эпохи Возрождения. Как пишет Морозов:

«Книга Фукидида — это не древность, это не средние века, это, по крайней мере, тринадцатый век нашей эры, это Эпоха Возрождения, понимаемого не как возобновление чего-то забытого в продолжение тысячелетий, а как своеобразный порыв нового литературного творчества, характерным приемом которого был апокриф, т.е. скрывание своих собственных произведений под вымышленными именами никогда не существовавших древних авторов» ([4], стр.531).

Но если труд Фукидида восходит к XII веку, то, кроме затмений, в нем должны остаться следы других реалий этого века. И, действительно, даже беглое сравнение «Истории» Фукидида с историей крестовых походов обнаруживает, как заметил Морозов, целый ряд параллелей. Например, знаменитая фукидидова чума вполне аналогична чумным эпидемиям, косившим ряды крестоносцев.

Особенно много интересных совпадений с историей Пелопоннесской войны обнаруживает, по мнению Морозова, происходившая как раз в период затмений 1133—1151 годов война между Византийской империей и норманнским королем Сицилии Роджером II (см. [5], стр.175).

Афины и Спарта

До определенного (не очень высокого) уровня развития производительных сил развитие городов и их роль во многом определялись их географическим положением. Например, возвышение Москвы зависело от ее местоположения на скрещении речных торговых путей в центре процветающего экономического района.

Взглянем же на Афины. Вот что пишет Морозов: «Мог ли здесь когда-нибудь в прошлом... образоваться центр сильного государства, способного оказать какое-либо воздействие на Италию, Сицилию, Балканский полуостров или на Малую Азию?»

Никогда! Окружающая местность слишком бедна физически, сравнительно с этими странами, чтобы здесь когда-нибудь основное население могло дать достаточное количество материальных ценностей для содержания сильного ударного ядра, способного быть перекинутым победоносно в поименованные мною страны. *Афины по своей природе и географическому положению — это не более как постоянный двор, простая станция... для торговых судов, идущих из Неаполя, Мессины, Венеции и Ломбардии в Адрианополь и Константинополь, и наоборот. Благодаря этому Афины неизбежно должны были сделаться в средние века нашей эры, когда появились парусные суда дальнего плавания, и даже потом, довольно богатым и культурным, но никак не могущественным городом... сильным городом Афины никогда не могли быть. Постояльный двор не может воевать со своими постояльцами... Можно сказать совершенно наоборот: если в древности и был какой-либо город, наиболее заинтересованный в сохранении всеобщего мира в бассейне Средиземного моря, то это были именно Афины» ([4], стр.491).*

В гл.18, где, в частности, исследуется средневековая история Афин, мы увидим, что эти теоретические положения полностью подтверждаются фактами.

Морозов, далее, спрашивает, как «война такого огромного масштаба, как описанная Фукидидом и охватившая весь бассейн Средиземного моря, могла возникнуть только из-за того, что горная деревушка Спарта, в которой по ее геофизическим условиям никогда

не может быть (ни в прошлом, ни теперь, ни в будущем «до окончания веков»!) никакого культурного государственного центра, поссорилась с губерньским городком Афинами, которые тоже не могли быть...первостепенным центром культуры и государственной жизни в относительно крупном масштабе?

А если эта война была вызвана не ссорой деревушки Спарты с губерньским городком Афинами, то почему же Фукидид описывает ее, как войну за мировую (по тогдашнему масштабу) гегемонию этих двух пигмеев среди окружающих их, во много раз более крупных народностей на побережьях Средиземного моря?

С этой точки зрения нам не остается другого выбора, как допустить, что или все сочинение Фукидида есть дикий фантастический роман, или *что именами Спарты и Афин в нем спрятались, как под псевдонимами, несравненно более могучие культурные центры*, а под Пелопоннесом описан весь бассейн Средиземного моря... Только в таком случае книга Фукидида будет реальная история борьбы каких-то двух первоклассных культур Средиземного моря, вроде латинского Запада и эллинского Востока, действительные государственные центры которых скрыты Фукидидом под псевдонимами Афин и Спарты...» ([4], стр.489).

В другом месте Морозов еще раз возвращается к этой мысли:

«То же самое можно сказать и о знаменитой Спарте, ничтожное население которой в своем небольшом Лакейском ущелье, на несудоходной горной речонке Иврите, без всяких минеральных богатств и топлива для их обработки, подняло само себя, по Фукидиду, на большую культурную высоту, не иначе как схватив друг друга попарно подмышки, и полетело... воевать за гегемонию на Средиземном море. Читая «Историю Пелопоннесской войны», я в первый момент думал, что имею дело с какой-то грандиозной мистификацией, и только потом, после астрологического определения времени четырех (так у Морозова. — Авт.) указанных там затмений мне стало ясно, что псевдо-Фукидид тут описал довольно реально борьбу за гегемонию латинского Запада с эллинским Востоком, и что под именем Спарты (т.е. по-гречески — Узды) у него надо подразумевать Рим, а под Афинами — Византию, и что всю его книгу приходится признать за произведение эпохи Возрождения или ее кануна» ([2], стр.683).

Начало Афин

С последними выводами Морозова можно спорить, поскольку вблизи все выглядит величественнее и история микроскопической борьбы двух городишек под пером непосредственного участника событий легко могла

принять вселенские масштабы, но общее заключение о географической непригодности Афин (и Спарты) на роль крупных политических и государственных центров выглядит очень убедительно.

Но если в этом отношении Морозов прав, то мы должны считать средневековыми апокрифами не только Фукидидовскую «Историю», но и все другие наши источники по истории «классической Греции». Один из главнейших такого рода источников — «Историю» Геродота — мы разберем в §6, а пока рассмотрим этот вопрос с несколько иной стороны.

От «классической Греции» мы имеем не только письменные свидетельства (в аутентичности которых, как мы видим, есть все основания сомневаться), но и памятники материальной культуры — руины архитектурных сооружений и предметы искусства. Если Морозов прав, то все эти памятники также должны иметь средневековое происхождение. В первую очередь здесь возникает вопрос, могли ли они быть созданы в средние века по общим условиям жизни того времени (уровню развития производительных сил, ремесла, культуры и искусства). В отношении предметов искусства мы этот вопрос рассмотрим в гл. 4, а в отношении архитектурных памятников — в гл. 18. Однако, есть способ решить, кто прав, более просто и надежно, если обратиться к раннесредневековым письменным свидетельствам, относящимся к периоду, заведомо более раннему, чем возможное время средневекового сооружения «классических» храмов и дворцов. Оказывается, что и здесь все говорит в пользу точки зрения Морозова!

Подробный обзор всей средневековой информации об Афинах содержится в книге немецкого ученого Грегоровиуса «История города Афин в средние века» (см. [16]). Из этой книги мы узнаем, что реальная история города Афин начинается приблизительно с X века н.э., а после его почти ничего не видно. Как пишет Грегоровиус, «судьбы (Афин. — *Авт.*) за эту эпоху покрыты таким непроницаемым мраком, что было даже выставлено чудовищнейшее мнение... будто Афины с VI по X век превратились в необитаемую лесную поросль» ([18], стр.41). Это мнение было впервые высказано немецким ученым Фальмерайером, который основывался на ряде найденных им документов. Естественно, что среди классиков оно вызвало взрыв опровержений (см. [16], примечания на стр.41) и, как утверждает Грегоровиус, ныне «доказательства существования Афин в мрачнейшую эпоху добыты вполне неоспоримые» ([18], стр.41). Однако это заявление Грегоровиуса остается, по существу, голословным, а

фактом является то, что «потребовалось приискивать особые доказательства ради выяснения того только, что достославнейший город по преимуществу исторической страны вообще влачил еще тогда существование» ([18], стр.41).

Свято веря в существование Афин в древности и желая согласовать эту веру с добытыми им документами, Фальмерайер предположил, что в конце IV века н.э. аваро-славяне начисто вырезали всех «классических» греков. Ничем другим он не мог объяснить, почему в начале средних веков на месте Афин (и других греческих городов) простирались глухие леса. Это объяснение, конечно, очень слабо хотя бы потому, что массовая резня греческого населения, безусловно, была бы отмечена византийскими летописцами. Кроме того, Фальмерайер не замечает, что если бы лес покрывал «классические руины», то следы этого были заметны на них и до настоящего времени. Поэтому логическим следствием из найденных Фальмерайером документов является утверждение, что все эти руины принадлежат более позднему времени.

Не сомневаясь в существовании Афин и в них «классических» построек, Грегоровиус тем не менее отмечает, что в это время «город Афины давал византийским летописцам лишь редкие поводы хотя бы вскользь касаться его дел» ([18], стр.42), одновременно указывая, что так же делато обстоит и по отношению ко всей вообще Греции. Когда же он начинает рассматривать эти «редкие поводы», невольно поражаешься сухостью и краткостью информации.

Например, Павел Дьякон сообщает, что император Констанций II (он же Константин III) в 662 году полгода пробыл в Афинах, но, как с горечью замечает Грегоровиус, ни он, ни другие летописцы не сообщают никаких подробностей, «ни единого имени какого-либо афинянина, ни местных должностных лиц, ни городских памятников, словом сказать, отмечают лишь голый факт пребывания императора в Афинах» ([18], стр.43). Не были ли эти сообщения позднейшими интерполяциями?

Столь же сухи и неопределенны сведения церковных источников. Как пишет Грегоровиус, «в начале средних веков духовная деятельность афинской церкви ускользает от нашего суждения», добавляя, что «ни единый из семи вселенских соборов не собирався в древнегреческих городах», и заключая, что «вся церковная история города Афин представляется нам столь же бессодержательной и тупою, как гражданская история этого города» ([18], стр.47).

«Бессодержательность» истории всегда является одной из наиболее веских улик ее апокрифичности, поскольку в аутентичных источниках не могут не проскочить живые и красочные подробности.

«После кратковременного пребывания императора Констанция в Афинах этот город опять от нас скрывается во тьму, не имеющую истории. Долгое время на забытый город не падает ни единого проблеска света. Только вследствие знаменитой распри из-за поклонения иконам... Греция временно (!? — *Авт.*) пробуждается опять к жизни и проявляет пред нами деятельность» ([18], стр.50).

Этим «пробуждением» является мятеж жителей Циклад Космы и Агеллиана против Византии, быстро подавленный центральной властью. Однако, «в какой мере принимал город Афины участие в греческом мятеже, нам неизвестно» ([18], стр.53).

Фактически первое после 662 г. упоминание Афин в византийских хрониках относится к 752 г. (почти через сто лет!), да и то только как места рождения императрицы Ирины. Затем Афины вновь появляются на свет в 807 г. по аналогичному поводу бракосочетания афинянки Феофано, племянницы Ирины, с наследником византийского престола. Грегоровиус придает этим двум фактам непомерное значение, выводя из них целое воздушное строение гипотез об остатках «прежнего величия» Афин в это время. О характере и уровне рассуждений Грегоровиуса (который по сравнению с другими «классиками» является еще очень осторожным человеком) могут дать представление следующие его слова, которые мы не считаем нужным даже комментировать: «Если бы можно было проникнуть в тьму истории Афин и других греческих городов в VIII веке, то, конечно, мы бы там открыли могущественную, поддерживающую сношения с Римом партию иконодулов, которую заправляли ревнительные епископы и монахи. Эта партия рассчитывала за испытанные преследования отомстить путем восстания, под предводительством Космы и Агеллиана, и, весьма вероятно, в глазах византийцев, которые долгое время афинян почитали за язычников, эти последние теперь слыли за иконодулов. Поэтому и Ирина, пред въездом в столицу, должна была торжественно отречься от поклонения иконам...» ([18], стр.61).

Значение афинянок-императриц, по мнению Грегоровиуса, состоит еще в том, что они «напоминали о существовании родного своего города даже в эпоху все более сгущавшегося варварства и невежества. Это тем более примечательно, что никогда ни единый афинянин, ни вообще уроженец древней (т.е. материковой. — *Авт.*) Греции не только не вступал на византийский престол, но за время существования восточно-римской империи даже и не блистал заведомо для истории на сколько-нибудь видном поприще» ([18], стр.65).

Последняя информация, еще раз подчеркивая незначительность Афин, полностью согласуется с общими установками Морозова. Что же касается «афинянок-императриц», то, если даже информация об их афинском происхождении не является поздней нарочитой вставкой, где гарантия, что летописец, к которому восходят эти сведения, понимал под Афинами именно современные Афины? Ведь никаких подробностей, позволяющих произвести отождествление, он о них не дает.

«После падения императрицы Феофаны Афины, как и прочая Эллада, настолько сходят со сцены истории, что затруднительно даже отыскать где-либо само упоминание этого города в сопоставлении с современными событиями. Единственно Пелопоннес, где славяне всего прочнее утвердились, давал повод византийцам по этой именно причине вмешиваться в греческие дела» ([18], стр.66).

Даже через сто лет «ни история, ни предание не нарушают для нас безмолвия, окутывающего судьбы достославного города. Это безмолвие настолько непроницаемо, что тот, кто исследует следы жизни знаменитого города в описываемые столетия, радуется, словно открытию, когда наткнется хотя бы на ничтожнейшие данные, вроде приводимых в «житии» св. Луки о том, как чудотворец посетил Афины, молился в Парфенонской (!? — *Авт.*) церкви и нашел пристанище в одном из тамошних монастырей» ([18], стр.74). Где уж в такой обстановке задаваться неприятными вопросами об аутентичности обнаруживаемой информации.

Впрочем, к этому времени Афины упоминаются, особенно в церковных документах, достаточно часто, чтобы с определенной уверенностью можно было полагать их уже реально существующими. Так, например, на VIII вселенском соборе выступал афинский епископ Никита, а в 887 г. император Лев VI ссылает в Афины своих противников. Перед 869 г. афинская епископия была преобразована в митрополию. Среди соисканий империи она занимала двадцать восьмое (!) место (см. [18], стр.75).

Таким образом, к концу IX века Афины предстают пред нами как недавно появившийся на месте «необитаемой лесной поросли», незначительный пограничный городок, являющийся местом ссылки. Некоторое значение он имеет лишь как церковный центр. По сообщениям византийских историков, на это время падает усиленная христианизация «языческого» населения славянской Греции, ведущаяся в основном из Афин. Это объясняет, почему государственно-ничтожный городок оказывается центром не просто епископии, но даже митрополии, хотя и занимающей лишь двадцать восьмое место. Таково было реальное начало истории Афин.

Первым нецерковным упоминанием об Афинах, которому, по-видимому, можно доверять, является сообщение Кедреноса о посещении Афин в 1018 г. императором Василием II Болгаробойцем. Однако сетует Грегоровиус: «Те немногие византийские летописцы, которые соизволили отметить это важное для Афин событие, коротко повествуют, что император отслужил в церкви богородицы благодарственное молебствие за ниспосланную ему победу над болгарскими и украсил храм многочисленными чудными дарами, а затем держал дальнейший путь в Константинополь. Летописцы ни единым словом не обмолвились ни о продолжительности пребывания императора в Афинах, ни о том, что его там занимало, что он там устранивал и чем распорядился» ([18], стр.78). Очевидно, это была простая дневка на пути домой, что не мешает Грегоровиусу фантазировать в уже знакомом нам стиле: «А между тем почтенный акрополь в последний (и первый. — *Авт.*) раз осветился блеском византийского императорского двора, и здесь вокруг увенчанного победою властителя Востока собрались стратеги, епископы, судьи, архонты и депутаты от всех греческих городов» ([18], стр.78).

Эпиграфические памятники Афин

Грегоровиусу (см. [18], стр.100—101) поражает почти полное отсутствие в Афинах эпиграфических памятников средних веков (не только рассматриваемого сейчас времени, но и более позднего периода). Имеются лишь разрозненные и малосодержательные надписи, сделанные афинскими священниками у входов церквей, состоящие из молитв или некрологических сведений. В некоторых из них сообщаются также и сведения о сооружении и перестройке церквей.

Несмотря на всеми признаваемую подлинность этих надписей, специалисты относятся к ним с осторожностью из-за их неразборчивости, вызывающей сомнение в правильности чтения. Интересно, что и тогда, когда эти надписи можно прочитать, сообщаемые ими сведения во многом расходятся с показаниями книжно-рукописных источников.

Считается, что наиболее ранние из этих надписей восходят к IX веку (хотя и есть одна сомнительная надпись якобы VII века), но большинство их принадлежит XII веку. Самые поздние надписи принадлежат уже новейшим временам.

Отмечая скудость этих надписей, Грегоровиус (см. [18], стр.101) пытается объяснить отсутствие «прочих многочисленных эпиграфических памятников» их гибелью во время турецкого

владычества, поскольку «немыслимо, конечно, предположить, чтобы средневековые афиняне ограничивались только этой жалкою эпиграфией». Но он не объясняет, почему надписи при церковных дверях сохранились, а все остальные надписи полностью исчезли, хотя он и должен знать, что бесследное исчезновение «многочисленных» надписей возможно только при их сознательном и планомерном уничтожении (да и при этом какие-то следы остаются).

Грегоровиус не может понять, почему «длинный ряд христианских могильных памятников», сохранившийся в Риме, совершенно отсутствует в Афинах, хотя к нынешнему времени в Афинах найдено много античных памятников и надписей.

С точки зрения теории Морозова здесь, конечно, никаких проблем нет: бедность средневекового афинского некрополя объясняется тем, что все его памятники отнесены в древность.

То же самое относится, конечно, и к другим эпиграфическим памятникам, на отсутствие которых в Афинах напрасно сетует Грегоровиус.

Миф об Афинах

В XII веке Афины по-прежнему находятся в полном забвении и, например, византийский ученый и философ Михаил Акипинат, вынужденный жить в Афинах, жалуется в своих письмах на общее бескультурье и «деревенский образ жизни» в Афинах.

Вместе с тем в это же время всюду в культурном мире кристаллизуется мнение об Афинах как о центре учености и мудрости, и это мнение тем сильнее, чем дальше мы удаляемся от самих Афин.

Мы более подробно рассмотрим этот вопрос в гл. 18, а сейчас лишь заметим, что в это время имя Афин было общим наименованием центров образования и мудрости и их слава как города всяческой учености подогревалась многочисленными рассказами, которые ныне расцениваются как «баснословные». Герои рыцарских романов, которые складываются как раз в это время, изучают науки не где-либо, а обязательно в Афинах. Готфрид Витербский писал, что науки в Афинах ведут свое начало непосредственно от Юпитера, который был первым афинским царем (см. [13], стр.114).

Многочисленные улики, показывающие, что миф об Афинах возник вдали от Греции, мы также обсудим в гл. 18. Пока же мы лишь укажем, что даже греческие географические названия явно выдуманы вдали от нее самой. Чего стоит, например, термин «Пелопоннес», означающий в переводе «остров Пелоп!» Назвать так полуостров (носящий в самой Греции имя «Морея») мог только человек, никогда его не посещавший.

§ 3. Солнечные и лунные затмения и хронология

Солнечное затмение — самое поразительное (из всех не катастрофических событий) явление, которое человек может наблюдать на протяжении своей жизни. Поэтому неудивительно, что древний человек стремился зафиксировать это редкое событие не только в своей памяти, но и на письме. Идея использовать сообщения о затмениях для датировки документов появилась еще в XVI веке, вместе с зарождением современной астрономии, и эксплуатировалась с тех пор десятками исследователей, перечислять которых здесь смысла нет.

Каноны затмений

Создание астрономической базы для претворения в жизнь этой идеи следующим образом описано проф. А.А.Михайловым (мы дословно воспроизводим текст Михайлова, лишь удалив ссылки на литературу):

«...многочисленные упоминания с указанием дат солнечных и лунных затмений в летописях представляют почти единственную возможность установить соответствующую дату по юлианскому календарю и, таким образом, создать правильную хронологию.

Все эти задачи требуют... возможности легко и быстро установить моменты и главнейшие обстоятельства видимости прошлых затмений до самых древних исторических источников. В связи с этим создано много различных вспомогательных средств в форме таблиц и каталогов, дающих с большей или меньшей подробностью, точностью и удобством требуемые сведения. Предназначенные для этой цели таблицы были включены в вышедшее в 1750 г. первым изданием сочинение «Искусство проверки дат», составленное бенедиктинскими монахами и преследовавшее хронологические цели (москвичам доступно издание 1819 г., имеющееся в библиотеке Планетария. — *Авт.*). Первоначально охватывавшее промежуток времени с начала н.э., оно во втором издании пополнилось таблицами Пенгре, захватывающими десять предыдущих веков. Для вычисления фаз Луны, в частности, сизигий, сопровождающихся затмениями, Ларжето составил таблицы... Более точные таблицы, дающие ряд вспомогательных величин для вычисления затмений, даны Ганзенем. По их образцу составлены еще более точные и полные таблицы Оппольцера, а также и таблицы Лемана, для этой же цели служат таблицы Ньюкомба. Специально для вычисления лунных затмений составлены таблицы Оппольцера.

Ряд изданий, получивших название канонов затмений, содержат (так у Михайлова. — *Авт.*) наиболее монументальное из них — *Канон Оппольцера*, изданный в 1887 г. и охватывающий 8000 солнечных затмений с -1207 г. по +2161 г. и 5200 лунных затмений с -1206 по +2163 гг. Для каждого солнечного затмения дается момент его середины и около 20 вспомогательных величин применительно к теории Ганзена для более детального вычисления по формулам, приведенным в предисловии. В случае полных и кольцеобразных затмений приводятся также географические координаты трех точек центральных линий, а именно — начальной, где затмение начинается при восходе Солнца, средней, где затмение начинается в полдень, и конечной, где затмение кончается при заходе Солнца. Для лунных затмений даются момент середины, величина наибольшей фазы в «дюймах», т.е. в двенадцатых долях диаметра Луны, половина продолжительности полной и частной фаз и географические координаты точки земной поверхности, в которой Луна в момент наибольшей фазы находится в зените. К *Канону* приложена так называемая иконография: на 160 картах, составленных в полярной проекции Постеля, изображены северное полушарие Земли и часть южного до широты — 30° с проведенными центральными линиями всех полных и кольцеобразных затмений, проходящими через эту область.

...*Канон* Оппольцера представляет основную сводку всех затмений, которой приходится пользоваться прежде всего для получения предварительных сведений о затмениях текущего времени, а также для всяких исследований в области исторических затмений. Хотя приведенные в *Каноне* вспомогательные величины для солнечных затмений и позволяют вычислить более подробные данные как в отношении видимости затмений для данного места, так и в смысле положения той или иной линии, определяющей течение затмения для Земли вообще, однако это вычисление все же довольно кропотливо и для лиц, мало знакомых с вычислительной техникой, например, для историков, может представить некоторые затруднения.

Ввиду этого Шрам составил вспомогательные таблицы, упрощающие получение по данным *Канона* Оппольцера дополнительных сведений, хотя и за счет некоторого уменьшения точности.

Для старых затмений данные Оппольцера неточны, и один из сотрудников его по *Канону* — Гинцель — вскоре после выхода *Канона* вывел эмпирические поправки к нему на основании обработки наблюдений средневековых затмений. Шрам во второй своей работе на основе этих поправок составил таблицы, дающие непосредственно

поправки вспомогательных величин Оппольцера. Насколько серьезны ошибки Канона, видно из следующего:

Год	Ошибка Канона Оппольцера	
	в момент	в географической долготе
-0	20 минут	5 градусов
-500	40 минут	10 градусов
-1000	60 минут	15 градусов
-1200	75 минут	19 градусов

Желание обработать наблюдения ряда исторических затмений в целях уточнения теории движения Луны, с одной стороны, и стремление дать более удобное средство историкам для отождествления исторических затмений, с другой, побудили Гинцеля составить *Специальный канон затмений*, дающий, во-первых, исправленные элементы всех затмений Солнца, числом 455, видимых в пределах культурных стран древности, расположенных вокруг Средиземного моря, и Месопотамии (точнее, между 10° западной и 50° восточной долготы и между 25 и 50° северной широты) в промежутке времени от -900 до +600 г. Затем даются моменты и величина наибольшей фазы для городов: Рим, Афины, Фивы и Вавилон, а также величина наибольшей фазы для пунктов с круглыми географическими координатами (через 5° по широте и 10° по долготе). Далее приводятся координаты северной и южной границ полосы полной или кольцеобразной фазы. Список 1627 лунных затмений за тот же промежуток времени содержит указания на условия видимости их в упомянутых четырех городах. Затем приводится сравнение вычислений с наблюдением ряда исторических затмений, и, наконец, даются карты с изображением полос полных и кольцеобразных затмений.

Работу Гинцеля продолжил Шретер. Его *Специальный канон* содержит данные для 300 центральных солнечных и 671 полного лунного затмения, имевших место между 600 и 1800 г. н.э. для Европы (точнее, между 30° западной и 75° восточной долготы и между 30 и 70° северной широты), с еще большими подробностями, чем у Гинцеля. Так, для солнечных затмений даются не только границы полосы полной или кольцеобразной фазы, но также положение северной и южной изофаз в 9 дюймов, т.е. линий, где частное затмение достигает 0,75 диаметра Солнца, изображенных также на картах. Для полных лунных затмений приводятся точки, в которых Луна восходит и заходит в моменты начала и конца частного затмения и наибольшей фазы.

В глубь веков канон Гинцеля продолжен Нейгебауэром. Его вычисления охватывают солнечные затмения, видимые между -600 и -4200 г. в Малой Азии, Месопотамии и Египте, и дают момент и величину наибольшей фазы для шести столиц древнего мира.

Для отрезка времени, охватываемого русской историей, составлен М.А. Вильевым *Канон русских затмений*, данный в приложении к книге Д.О. Святского «Астрономические явления в русских летописях». Этот канон содержит список солнечных затмений между 1060 и 1715 г., дает момент и величину наибольшей фазы для некоторого среднего пункта с широтой 55° и восточной долготой 32° (близ Смоленска) и содержит карты с показанием полос полных и кольцеобразных затмений для Европейской России. Приведены еще компактные таблицы для вычисления лунных затмений.

...В заключение заметим, что собрания таблиц, предназначенные для целей хронологии, тоже содержат, обычно в более или менее подробной и точной форме, таблицы, позволяющие вычислять сизигии и, в частности, те, которые сопровождаются затмениями. Таковы хронологические таблицы Шрама и Нейгебауэра. Наиболее точные таблицы сизигий, составленные по образцу таблиц Оппольцера, изданы в трудах Берлинского вычислительного института Шохом» ([24], стр.28—31).

К этому следует добавить указание на фундаментальный труд Гинцеля [10], содержащий уточненные таблицы.

Для внесения своих поправок к Канону Оппольцера Гинцель использовал описанное в источниках 21 солнечное затмение, даты которых простираются от 590 г. до 1386 г. (см. [16], стр.4). Поэтому поправкам Гинцеля можно верить лишь постольку, поскольку можно верить правильности датировок этих затмений.

Вместе с тем при максимальной ширине полосы затмения в 4° поправки Гинцеля довольно существенны. Хотя, как мы уже отмечали, при вычислении далеко отстоящих от нас по времени затмений неизбежно накапливаются ошибки, сомнительно, чтобы эти ошибки были столь значительны. Не зря ли Гинцель так слепо доверял средневековым источникам (особенно наиболее ранним)?

Соображения Никольского

Рассмотрим же теперь, как вся эта астрономическая машинерия применяется к установлению исторических дат.

Оказывается, что лишь в весьма редких случаях ее применение может быть осуществлено с полной надежностью. Вот что пишет проф. Н.М. Никольский, один из наиболее основательных критиков теории Морозова:

«Астрономический метод, конечно, имеет то огромное преимущество, что он может давать совершенно точные данные. Но точность его отнюдь не абсолютная, а обусловленная, и применимость его ограниченная. Бесспорно, когда дается совершенно определенная астрономическая задача, исходящая из определенных данных, решение ее будет совершенно определенным и точным. (Это пишет историк. Мы же знаем, что даже это, вообще говоря, не так. — *Авт.*) ... Дело не в этом, а дело в условиях задачи. Верно ли она составлена? Ибо если в ней изменится хотя бы один элемент, то и решение получится совсем другое.

При применении астрономического метода в исторической науке самое главное затруднение заключается именно в постановке задачи. Нам почти всегда приходится иметь дело не с прямыми астрономическими указаниями, а со сбивчивыми и нелепыми сообщениями древних памятников. Тут могут быть три категории случаев. Первая, наиболее редкая, но зато всегда плодотворная, — это, когда текст не оставляет никаких сомнений в смысле астрономического содержания. Астрономический метод в таких случаях оказывает исторической науке неоценимые услуги... Вторая категория случаев имеет дело также с чисто астрономическими текстами, но неясными по своему содержанию или терминам... Такого рода тексты уже не могут быть твердыми опорными пунктами, так как при различном их истолковании получатся совершенно различные результаты; точный результат может получиться лишь в том случае, если при помощи целого ряда кропотливых вспомогательных исследований удастся установить правильность истолкования данного текста. Третья категория текстов — самая опасная. Это — такого рода тексты, астрономическое содержание которых сомнительно, в которых астрономические явления не названы как таковые, но имеются символы, которым может быть дано астрономическое истолкование. Так как намерения и мысли автора, скрывшего их за символами, нам остаются обычно неизвестными, то мы можем, конечно, предлагать и астрономическое толкование, но лишь как одну из возможных гипотез, не устраняющую возможности и всяких других гипотез. Кроме того, и само астрономическое толкование в таких случаях может быть разнообразным» ([52], стр. 160—161).

Всецело разделяя эти общие соображения Никольского, мы конкретизируем их для интересующего нас случая солнечных (и лунных) затмений, которые, как правило, подпадают под первую (или вторую) категории Никольского.

Трудности датировки затмений

Идеальный случай имеет место, когда затмение детально описано и точно указано место и время его совершения (месяц, день и час). В этом случае для установления даты достаточно справиться в канонах Опольцера или Гинцеля. Если же хотя бы один элемент описания опущен, то дело, как правило, совсем плохо.

Для любого места почти в каждом столетии можно найти солнечное затмение, которое в этом месте происходило. Поэтому для надежных датировок почти всегда необходима дополнительная информация.

Например, нам удалось точно датировать затмения Фукидида в основном только потому, что их было три с точно установленными интервалами между ними, а такого рода триад совсем мало.

Очень часто имеющаяся в античном документе информация не согласуется с данными астрономии: в период времени, к которому, по данным традиционной истории, относится документ, не существует затмения, обладающего всеми указанными в нем особенностями (пример — затмения Фукидида). В такой ситуации обычно отыскивают затмение, лишь частично удовлетворяющее условиям, либо на основании весьма скользких и, как правило, чисто гипотетических соображений подгоняют данные документа под желательное затмение. Примером такой якобы «астрономической» датировки и является традиционная датировка Пелопоннесской войны.

Широкий простор для реинтерпретации данных открывается также в связи с календарем. Мы уже обсуждали календарные проблемы в §8 гл.1, но сейчас, чтобы подчеркнуть независимость «астрономического» подхода от результатов этого обсуждения, мы этими результатами пользоваться не будем и подойдем к календарным вопросам с несколько иной стороны.

Календарные гипотезы

Устойчивый юлианский календарь (с високосами) существует по общепринятым представлениям с 46 г. до н.э. (В дальнейшем мы обсудим эту дату и покажем, что на самом деле юлианский календарь введен только в IV веке н.э.; однако для наших теперешних целей дата введения в употребление юлианского календаря значения не имеет; более того, чем раньше был введен этот календарь, тем для нашей теперешней аргументации лучше.) До этого, по тем же традиционным представлениям, в Риме действовал чрезвычайно путанный календарь, никакой закономерности в котором не было. Эта шаткость и неопределенность календаря позволяют историкам как угодно сдвигать

(технический и не столь однозначный термин: «интерпретировать») приводимые в источниках даты (примеры мы увидим в следующем параграфе).

Вообще, у историков античности наблюдается неудержимое желание по возможности укорачивать календарный год (они готовы для этого использовать любые, сколь угодно туманные указания текстов). Рекордом является, по-видимому, год в 346 (!) дней (см. [10], т.2, стр.175). При таком укорачивании возникает дрейф календаря по юлианскому, что дает возможность рассматривать указание на какой-нибудь месяц как указание на практически любой другой месяц года (например, в тексте написано «июль», а можно читать «сентябрь»; см. следующий параграф).

Существующие многочисленные способы подгонки дат в целом называются «календарными гипотезами». Подчеркнем, что, как правило, эти гипотезы основываются на чрезвычайно туманных и неоднозначно интерпретируемых указаниях текстов. Неудивительно, что число «календарных гипотез» равно числу исследователей, занимавшихся древними исчислениями времени.

Поэтому Морозов совершенно прав, утверждая, что, где начинаются «календарные гипотезы», там кончается какое-либо рациональное использование астрономии. Комбинируя астрономические данные с «календарными гипотезами», можно доказать все, что угодно, но достоверность такого доказательства не имеет никакого отношения к достоверности астрономии.

Морозов предлагает считать все даты античных документов юлианскими (и тем самым читать, в частности, «июль» только как «июль», а «сентябрь» — только как «сентябрь»). Методологическое преимущество этой, если хотите, тоже календарной гипотезы состоит в том, что она принимается раз навсегда и не меняется, когда мы встречаемся с «неудобной» датой. Ее оправданием служит тот факт, выясняющийся апостериори, что она приводит к единообразным результатам, не имеющим беспорядочного чисто случайного разброса (как было бы, если бы эта гипотеза совершенно не отвечала истине).

Именно, как мы ниже покажем (см. § 5), в каждом из случаев, когда в античном документе имеется достаточная астрономическая информация, существует (и, как правило, единственное) более позднее затмение (обычно относящееся к эпохе Возрождения или времени, ей непосредственно предшествующему), полностью отвечающее условиям, описанным в документе (так что ситуация с Фукидидом является не исключением, а правилом).

Если же содержащаяся в документе астрономическая информация скудна, то можно подобрать много затмений как античных, так и средневековых, удовлетворяющих всем условиям. Поэтому в этом случае ссылка на астрономическое подтверждение античной даты документа является не чем иным, как прямым обманом.

С точки же зрения, обсужденной в §8 гл.1, «календарная гипотеза Морозова» является не гипотезой, а закономерным выводом из развитых там общетеоретических положений. Определенная подтверждаемость этой «гипотезы» получающимися при датировке затмений результатами подкрепляет, таким образом, и эти теоретические положения.

§ 4. Примеры астрономических датировок (Тит Ливий, Гомер, Такелот)

Чтобы проиллюстрировать сделанные в предыдущем параграфе общие выводы, мы рассмотрим четыре примера: два из римской хронологии, один — из греческой и один — из египетской.

Солнечное затмение у Ливия

В IV декаде Тита Ливия мы читаем (см. [5], стр.275): «Когда консул отправился на войну из порта Бриндизи во время праздников в честь Аполлона, за пять дней до июльских ид, днем, при ясной погоде, произошло затмение, так как Луна подошла под диск Солнца» (Ливий, XXXVII, 4,4).

Отметим, что автор прекрасно понимает природу затмений. Скалигер и Петавиус, предположив, что июль приходился на современный март, датировали это затмение 14 марта -189 г. Их календарная гипотеза в настоящее время более или менее общепринята, однако, например, Стокуэлл и Зейфарт предпочитают другую гипотезу, из которой следует дата 17 июля —187 г. (см. [16], стр.189—190).

Что же получится, если, честно следуя Ливию, искать затмение не из априорных гипотез, а по указанной Ливием дате 10 июля (это и есть «за пять дней до июльских ид»)? При этом, чтобы избежать ошибки (связанной с возможностью другого, отличного от принятого теперь, отсчета начала суток), стоит добавить еще 9 и 11 июля и, таким образом, искать видимое в Южной Европе (большая точность здесь вредна) затмение, происходившее 9,10 или 11 июля неизвестного года.

Просмотрев таблицы Гинцеля (и для контроля таблицы Опольцера), можно убедиться (это при известном терпении может быть сделано каждым), что в период от -800 г. до 1589 г. было единственное солнечное затмение, полностью удовлетворяющее условиям задачи: это — затмение 10 июля 967 г. н.э., видимое в Риме и в Афинах с фазой в 10,8 балла (закрыто 9/10 диска Солнца). В Италии это затмение произошло утром (середина траектории по Земле была пройдена в 6 ч.58 мин.), было прекрасно видимо, и Луна подошла под диск Солнца.

Впервые это затмение было указано Морозовым (см. [5], стр.274—283). Морозов, кроме этого затмения, приводит и обсуждает еще два затмения: 10 июля +530 г. и 10 июля +1032 г., но они отпадают ввиду

незначительности фазы. Например, затмение +530 г. даже не обозначено на картах Гинцеля в [16].

Лунное затмение у Ливия

В V декаде Ливия (см. [5], стр.268) говорится:

«Прошло время и летнего солнцестояния. Когда укрепление лагеря было окончено (описывается война против царя Персея в Македонии. — *Авт.*), консул Сульпиций Галл трибун 2-го легиона объявил, что «в следующую ночь — пусть никто не считает это за чудо! — от 2-го до 4-го часа ночи будет лунное затмение. Так как это явление происходит естественным порядком и в определенное время, то о нем можно знать наперед и предсказывать его. А потому, как не удивляются тому, что Луна то является в виде полного круга, то, во время ущерба, имеет форму небольшого рога, потому что Солнце и Луна соответственно восходят в определенное время, так и не должно считать знаменем и того обстоятельства, что свет Луны затмевается, когда ее покроет тень Земли». В ночь, накануне сентябрьских нон, когда в указанный час произошло лунное затмение, мудрость Галла показалась римским воинам почти божественною. На македонян же это подействовало как печальное знамение, предвещающее падение их царства и гибель народа. Так объяснил им это явление и прорицатель. Крики и вопли раздавались в лагере македонян, пока Луна не заблестала снова своим светом» (Ливий, X IV, 36—37).

Нам говорят, что эта астрономическая лекция прочитана перед «железными легионами» Древнего Рима за две тысячи лет до наших дней, когда еще не было юлианского календаря, а следовательно, и регулярной астрономии! Несмотря на то, что в тексте ясно говорится о сентябре, Петавиус дал дату 21 июня -167 г., обосновывая, конечно, свой выбор соответствующей календарной гипотезой, но не обращая внимания на то, что в -167 г. летнее солнцестояние было 23 июня, а речь Галла произносится после солнцестояния, а не до него,

Эта натяжка давно уже вызывала неудовольствие хронологов, однако рядом с этой датой нет никакого другого более подходящего затмения, и потому (!) эта дата была зафиксирована. Правда, Гинцель пытается обосновать эту дату ссылками на Полибия и Плутарха, у которых якобы описано то же событие (см. [16], стр.190—192), но это, естественно, натяжки не ликвидирует.

Понимая текст Тита Ливия буквально, т.е. считая сентябрь сентябрем, мы должны найти лунное затмение, происходившее в ночь с 4 на 5 сентября с 2 до 4 часов ночи по местному времени в Македонии (которое отличается от времени по Гринвичу примерно на полтора часа). Чтобы исключить возможность ошибки при толковании

выражения «накануне сентябрьских нон», мы добавим еще две ночи: с 3 на 4 сентября и с 5 на 6 сентября.

Просмотрев таблицы Гинцеля (см. [10] или [16] и для контроля таблицы Опольцера), можно убедиться, что было лишь три лунных затмения, удовлетворяющих этим условиям. Первое произошло в ночь с 3 на 4 сентября 936 г. н.э. и было сверхполным затмением с фазой в 14 баллов. Второе произошло в ночь с 4 на 5 сентября 415 г. н.э., а третье — в ночь с 4 на 5 сентября 955 г. н.э. Два последних затмения полностью удовлетворяют всем условиям задачи, а первое — в предположении, что «ночь накануне нон» означает ночь с 3 на 4 сентября.

Подробно эти затмения описаны в [5], стр. 266—272. В [5] на стр. 269 указывается также затмение -106 г., однако оно было столь незначительно по фазе, что никакого внимания привлечь не могло, а тем более вызвать волнение войск.

Мы склонны принять затмение 955 г., поскольку оно находится рядом с описанным в IV декаде затмением 967 г.

У Тита Ливия указано еще два солнечных затмения. Мы рассмотрим их в следующем параграфе.

Затмение в «Одиссее»

В XX песне «Одиссея» мы находим следующие строки, относящиеся к возвращению Одиссея:

«...и на солнце я вижу, находит

Страшная тень, и под нею вся земля покрывается мраком»

Одного указания на факт затмения, конечно, мало, но, к счастью, в XIX песне говорится:

«Прежде чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится»,

а в XIII песне, — что в момент возвращения

«...поднялась звезда лучезарная, вестница светлой

В сумраке утра рожденной зари...».

Значит, нам надо искать затмение, проходившее через Средиземноморье (большая точность здесь вредна) и случившееся, во-первых, когда Венера находится в утренней видимости и, во-вторых, когда Солнце заканчивает свой годичный круг, т.е. переходит небесный экватор. Таких моментов два: перед весенним равноденствием в марте и осенним равноденствием в сентябре. Морозов сообщает ([4], стр. 447), что, исследуя этот вопрос, Шох предложил затмение 16 апреля 1178 г. до н.э. Однако это затмение не подходит, так как в 1178 г. до н.э. весеннее равноденствие было 1 апреля, на две недели ранее

затмения, а Венера была в это время не в утренней, а в вечерней видимости.

Морозов далее утверждает, что он просмотрел все предравноденственные затмения вплоть до XVI века н.э., видимые в Средиземноморье, и обнаружил их только три: два весной и одно летом. Весенние затмения были 10/III 592 г. н.э. и 10/III 601 г. н.э., а осеннее — 3/IX 1178 г. Первое затмение прошло через Итаку и Неаполь, но Венера была в вечерней видимости. Второе затмение проходило из Сахары через Александрию в Сибирь, а Венера была в полном блеске видима по утрам. Третье (осеннее) затмение прошло через Корсику, Мессину и Крит, но Венера была невидима, теряясь в лучах вечерней зари. Таким образом, всем условиям удовлетворяет единственное затмение 10 марта 601 г. н.э.

Впрочем, Морозов не отвергает и других двух затмений (более того, он их определенно предпочитает), поскольку оба они были значительно эффектнее затмения 10/III 601 г. и проходили по большей части Средиземноморья. Особо эффектно было затмение 3 сентября 1178 г. н.э.

«Такелотово» затмение

См. [16], стр. 260—262, а также [6], стр. 753—764.

В египетских письменных памятниках имеется только одно упоминание о затмении — знаменитое Такелотово затмение, вызвавшее много разногласий. Египтологи насчитывают 4 Такелота: один в XXI-й династии, два — в XX-й и один — в XXIII-й. Надпись, относящаяся якобы к Такелоту II, находится на стене храма в Карнаке и была впервые опубликована Лепсиусом, который перевел ее следующим образом:

«15 года, в 24 день Хояка, в царствование августейшего отца случилось в этой стране... в небе борющаяся луна...».

Однако уже в 1861 г. Бёрч показал, что вместо месяца Хояка нужно читать месяц Месори. Вот его перевод:

«25 дня Месори в 45 год царствования его доблестного отца правителя Западных Фив небо стало невидимо... борющаяся луна...»

Гёмпач предположил, что в надписи описывается не лунное, а солнечное затмение и что Такелот II должен быть сыном Осоркона III. Поскольку Гёмпач относил смерть последнего к -852 г., то, по его подсчету, 15 год Такелота является -840 г., а 25 Месори он признал соответствующим 11 марта. Почему? Только потому, пишет Гинцель, что «в -840 г. только на 11 марта приходится подходящее солнечное затмение» ([16], стр. 261).

Однако при последующих, более точных вычислениях выяснилось, что это затмение было невидимо в Египте.

Тогда Хинкс все-таки решил, что в тексте описано лунное затмение, но поступил не лучше: он отнес его на 4 апреля -944 г., причем, как и Лелсиус, он читал в документе 24 Хояка вместо 25 Месори. Однако это затмение было весьма незначительным, а после уточненных вычислений Гинцеля оказалось, что оно тоже было невидимо в Египте.

Когда это вскрылось, Хинкс, с отчаяния, отнес описание документа к солнечному затмению 1 апреля -926 г. Но и тут астрономия подшутила над Хинксом. По более точным вычислениям, оказалось, что это затмение опять-таки было невидимо в Египте.

Тогда Рашка предложил считать его опять лунным затмением 17 марта —869 г. Однако и тут при уточнении вычислений оказалось, что и это затмение было невидимо в Египте.

Отстаивая свою новую теорию египетского календаря, Рашка не сдался и назвал другое лунное затмение: 16 марта -850 г. Хотя фаза этого затмения была весьма незначительна, оно все же было видно в Египте. Но тут возмутились специалисты по дешифровке текстов и заявили, что 25 Месори ни при каких условиях не может означать 16 марта. После бурного обсуждения это затмение также было отвергнуто.

Тогда Рашка предложил лунное затмение 7 марта -822 г. Тут дешифровщики не возражали, но... какой-то злой рок преследовал Такелотово затмение, после более точных проверочных вычислений выяснилось, что затмение 7 марта -822 г. снова было невидимо в Египте.

После того, как по копии Эдвина Смита текст этого документа был издан в исправленном виде Гудвином, Шабз еще раз подверг его тщательному исследованию. Он не смог получить ни одной астрономической даты и поэтому заявил, что вообще в тексте говорится не о небесном явлении, а о «разрастающемся в Египте восстании».

Малер, понимая нелепость такого толкования, просмотрел все солнечные и лунные затмения в Египте, которые падали бы на 25 Месори в интервале от -1045 г. до -745 г., а Рашка перебрал все видимые в Египте лунные затмения от -1000 г. до -700 г., но оба они были вынуждены констатировать, что за эти 300 лет ни одно затмение не удовлетворяет условиям задачи и не падает на данный день.

После всех этих хлопот профессор Август Эйзенлор в 1890 г. еще раз старательно сфотографировал надпись при очень большом увеличении и дал свой перевод этого текста:

«Когда затем в 15 году, в месяце Месори, 25 дня, под владычеством отца Гора, великоленного, божественного князя Фив, не проглотило небо месяца... великое несчастье настало в нашей стране...»

Однако этот новый перевод ничего, по существу, не изменил.

В сложившейся ситуации были сделаны попытки поискать Такелотово затмение в более широких временных рамках (хотя, как указывает Гинцель, «по традиционной хронологии XX-я династия, к которой причисляется Такелот II, началась с -960 года»; см. [16], стр.262). Так, например, Линк отнес 15 год Такелота II к -785 г., в котором 25 Месори совпадает по традиционным расчетам с 25 февраля. Предполагая, что в тексте речь идет о лунном затмении, он снова пытается найти затмение, и снова в указанный день никакого затмения нет. Тогда Линн, вспомнив перевод Бругша: «Небо не было видимо, месяц был ужасен, предвещая бедствия этой стране», заявил, что здесь речь идет не о затмении, а «о каком-то метеорологическом явлении».

Подытоживая всю эту дискуссию, Гинцель, которого не удовлетворяет метеорологическое объяснение, приходит к заключению, что, скорее всего, здесь дело идет об ожидаемом, но не наступившем затмении, и, чтобы не обострять ссору астрономии с египетской историей, советует астрономам прекратить всякое дальнейшее изыскание времени солнечных и лунных затмений в Древнем Египте: «... so wird man wohl weiterhin die nachsuchung nach den in Aegypten sichtbar gewesenen Sonnen- und Mondfinsternissen aufgeben müssen» ([16], с.тр.262).

Не желая соглашаться с этим пораженческим выводом (к которому можно прийти, конечно, только от полного отчаяния), Морозов ([16], стр.758—762) предпринял исследование лунных затмений, видимых в Египте между 17 и 19 августа (так в соответствии со своими общими концепциями он толкует дату 25 Месори), и обнаружил несколько полных (и сверхполных) лунных затмений, приходящихся на эту дату в годы после н.э. По соображениям, которые мы обсудим в гл. 13, он считает Такелотово затмение сверхполным лунным затмением в ночь на 17 августа 593 г. н.э.

Заключение

Такелотово затмение принадлежит к третьей категории астрономических явлений по классификации Никольского. Мы его привели как яркий пример трудностей, возникающих при попытках астрономических датировок явлений этой категории.

Этот пример нас учит не поддаваться гипнозу слов «доказано астрономически» и каждый раз, когда мы встречаем астрономическую датировку, тщательно проверять, какие дополнительные

предположения (например, календарные или дешифровочные гипотезы) были явно или неявно в этой датировке использованы.

Дата 17 августа 595 г. н.э., без сомнения, должна шокировать читателя, привыкшего к мысли о глубокой древности Египта. Мы не будем сейчас ее обсуждать, но просим ее запомнить.

Затмение в «Одиссее» также принадлежит к третьей категории. Оно демонстрирует трудности другого сорта, когда необходимые характеристики затмения приходится буквально вылавливать в чуждом астрономии тексте.

Полученные даты этого затмения находятся в полном соответствии с обсужденным в гл. I тезисом об апокрифичности классической литературы и заставляют думать, что сочинение **хотя бы отдельных фрагментов «Одиссеи» было произведено не ранее VII века н.э.** (по-видимому, по путевым запискам какого-то действительно совершенного путешественника) и, следовательно, составление окончательного текста — еще позже.

Датировка Ливиевых затмений X веком н.э. не имеет абсолютной надежности, с которой датированы затмения Фукидида, поскольку она использует предположение, что даты Ливия даны в юлианском календаре. Однако она полностью согласуется с обсужденными в гл. I характерными чертами книги Ливия и вместе с ними составляет достаточно убедительные свидетельства в пользу средневекового происхождения книг Ливия.

Обратим внимание, что затмение, описанное в V декаде, произошло в 955 г., а описанное в IV декаде — в 967 г. Это означает, что средневековый компилятор, составивший окончательный текст «Почтенного Ливийца», спутал порядок событий и поместил более ранние события после более поздних. Вот как говорит об этом Морозов:

«Очевидно, что порядок книг, а с ними и глав в сборнике Ливия перепутан, и каждый из рассказов этого сборника мы должны рассматривать отдельно, как и легенды об Иисусе в Евангелиях, или же мы должны оставить наше доверие к полной точности датировки разбираемого нами теперь затмения и допустить, что оно было отмечено не тотчас, а установлено в своем первоисточнике по воспоминаниям старожил, уже забывших точный день события.

Но ведь этим самым мы признаем, что старожилы перепутали и все остальное... А если мы будем упорно утверждать, что они путали только вычисляемые нами события, но верно передавали невычисляемые, и в подтверждение невычислимого будем исправлять

вычисляемое, переноса, например, мартовские затмения на декабрь, то, конечно, подтвердим астрономией что угодно.

Не пойдем же по этому скользкому пути, и если в четвертой декаде «Почтенного Ливийца» сказано (кн.37, §4), что 10—11 июля в Риме было солнечное затмение, потому что Луна подошла под диск Солнца, то и будем понимать это буквально, а не «иносказательно», как теологи понимают Евангелие, хотя бы для этого и пришлось допустить, что *сочинение Тита Ливия не есть сплошное последовательное повествование, а комплект многих отдельных рассказов, распределенных автором в фиктивную хронологическую связь друг с другом*» ([5], стр.281—282).

Заметим в заключение, что позднее компилятивное происхождение книг Ливия объясняет также противоречивость содержащейся в них информации и странные параллелизмы с греческой историей. Сочинители обеих «Историй» явно опирались на один и тот же источник информации.

§ 5. Обсуждение итогового списка Гинцеля

Список затмений

Неоднократно упоминавшийся выше Гинцель, подытоживая и завершая работу своих многочисленных предшественников, составил полный список всех случаев, когда описанные в греко-латинских сочинениях и раннесредневековых хрониках солнечные и лунные затмения якобы позволили на основе астрономических таблиц дать (или подтвердить) датировку древних событий. Этот список содержит около 90 затмений и охватывает период от появления греческой письменности до 592 года н.э.

Ниже мы воспроизводим этот список. В первом столбце стоит порядковый номер затмения, сопровождаемый буквой С, если затмение солнечное, и буквой Л, если затмение лунное. Во втором столбце помещена астрономически установленная дата затмения, в третьем столбце указано историческое событие, к которому приурочено затмение, и в четвертом перечислены источники.

Дату затмения мы указываем в так называемом «астрономическом» счете на единицу, отличающемся от счета «до н.э.». Например, -243 г. означает 244 г. до н.э. Естественно, что +243 г. означает просто 243 г. н.э.

Т а б л и ц а
распределения затмений Гинцеля по векам

Века до н.э.	Число затмений	Века после н.э.	Число затмений
VII	1	I	9
VI	2	II	2
V	8	III	3
IV	8	IV	10
III	5	V	11
II	3	VI	12
I	3		

Обращает на себя внимание неравномерность распределения зарегистрированных затмений по векам и их относительно малое число (по отношению к числу всех происходивших затмений).

Список затмений

- 1 С. —647, 5 апр. Наблюдение затмения поэтом Архилохом, Архилох, фр. 74
- 2 С. —584, 28 мая Предсказание Фалесом затмения, Геродот, I, 74
Плиний, «Ест.Ист.», II, § 53
- 3 С. —556, 19 мая Осада г.Лариссы, Ксенофонт, «Анабазис», III, 4, 8
- 4 С. —479, 2 окт. Отступление Клеонброта, Геродот, IX, 10
- 5 С. —477, 17 февр. Поход в Абндос, Геродот, VII, 37
- 6 С. —430, 3 авг. Изгнание жителей Эгины, Фукидид, II, 28
- 7 Л. —424, 9 окт. Избрание Клеона, Аристофан, «Облака», 584
- 8 С. —423, 21 марта Начало 8-го года войны, Фукидид, IV, 52
- 9 Л. —412, 27 авг. Пленение Никия, Фукидид, VII, 50, Плутарх, «Никий», 23
- 10 Л. —405, 15 апр. Пожар в храме Афины, Ксенофонт, «Греч. ист.», I, 6, 1
- 11 С. —403, 3 сент. Победа Ликофрона, Ксенофонт, «Греч. ист.», II, 3—4, Сенека, «О благ.», V, 6
- 12 С. —399, 21 июня Наблюдение Эннием затмения, Цицерон, «О респ.», I, § 25
- 13 С. —393, 14 авг. Нападение Агезилая, Ксенофонт, «Греч. ист.», IV, 3, 10
- 14 С. —363, 13 июля Выступление Пелопида, Диодор, XV, 80
Плутарх, «Пелопид», 31
- 15 С. —360, 12 мая Предсказание Геликоном затмения, Плутарх, «Дионис», 19
- 16 Л. —356, 9 авг. Отплытие Диона, Плутарх, «Никий», 23,
Плутарх, «Дионис», 24
- 17 С. —339, 15 сент. Освящение храма Юноны, Ливий, VII, 28
- 18 Л. —330, 20 сент. Победа у Арбелы, Плутарх, «Александр»,
Арриан, III, 7, 6 и др.
- 19 С. —309, 15. авг. Плавание Агафокла, Диодор, XX, 5, 5, Юстин, XXII, 6, 1
- 20 С. —295, 7 ноябр. —293, 24 марта, Ливий, X, 23
- 21 Л. —218, 20 марта, Мятеж галатов, Полибий, V, 78, 1
- 22 С. —216, 11 февр. Ливий, XXII, 1, 8
- 23 С. —202, 6 мая, Ливий, XXX, 38, 8
- 24 С. —201, 19 окт. Битва при Заме, Зонарас, IX, 14
- 25 С. —189, 14 марта Отплытие из Бриндизи, Ливий, XXXVII, 4, 4
- 26 С. —187, 17 июля Метеоритный дождь, Ливий, XXXVIII, 38, 4
- 27 Л. —167, 21 июня Предсказание Галлом затмения, Ливий XIV, 36, 1,
Плутарх, «Эм.Павел.», 16—17 и др.
- 28 С. —103, 19 июля Нападение кимбров, Обсеквенс, 43
- 29 С. даты нет Консульство Целия и Домиция, Обсеквенс, 51, 62
- 30 Л. —62, 3 мая Консульство Цицерона, Цицерон, «О природе богов», I, 11, 18
- 31 С. Даты нет Отъезд Помпея в Диррахмум и Переход Цезарем Рубикона

- Убийство Ю. Цезаря, Диан Кассий, X 1, 14, Лукан, «Фарсалия», 1, 540.
Плутарх, «Цезарь», 69 и др.
- 32 Л. —4, 13 марта Смерть Ирода, Иосиф Флавий, XVII, 6,4
33 С. +5, 28 марта Землетрясение, Диан Кассий, V, 22
34 Л. +14, 27 сент. Смерть Октавиана, Тацит, «Анн.», 1, 16
35 С. +29, 24 нояб. Распятие Иисуса, Дион Кассий, VII, 4
36 Л. +33, 3 апр. Распятие Иисуса, Евсевий, II, 148
37 С. +45, 1 авг. День рождения Клавдия, Диан Кассий, X, 26
38 Л. +47, 1 янв. Появление нового острова, Диан Кассий, X, 29,
Сенека «Ест.ист.», II.26.6
- 39 С. +59, 30 апр. Празднество в честь Агриппины, Плиний, «Ест.ист.», II, §180 Тацит, «Анн.», XIV, 12
- 40 С. +71, 20 марта Плутарх, «О лице в лунном диске», 19
41 С. и Л. +71, 20 марта и 4 марта Правление Веспасиана, Плиний, «Ест.ист.», II, 57
- 42 С. +186, 28 декабря Правление Коммода, Лампридий, 16,2
43 С. +197, 3 июня Собор в Утике, Тертуллиан, «О Скал.», 3
44 С. +218, 7 окт. Воцарение Гелиогабала, Дион Кассий, XXVIII, 30, 1
45 С. +240, 5 авг. Правление Гордиана, Юлий Капит., III, 23, 2
46 С. +292, 4 мая Воцарение Хлора и Максима, Констант. Консуларии
47 Л. +304, 31 авг. Смерть св.Феликса, Житие св.Феликса
48 С. +316, 6 июля Правление Лициния, Авр. Виктор, «О цезарях», 41,5
49 С. +319, 6 мая Пятый год правления Лициния, «Констант.Консуларии»
50 С. +324, 6 авг. Никейский собор, Гамарталь, «Хроника», IV, 180
51 С. +334, 17 июля Консульство Оптация и Павлиния, Фирмикус Матернус, «Астрон.», 1, 4, 10
- 52 С. +346, 6 июня Теофан, «Хронография», 1,38
53 С. +348, 9 окт. Теофан, «Хронография», 1,39
54 С. +360, 28 авг. Аммиан Марцеллин, XX,3,1
55 С. +364, 16 июня Предвычис. Теоном затмения, Теон, «Комментарии», 332
56 С. +393, 20 ноября Трет. год правления Феодосия, Итальян. Консуларии.
57 С. +400, 8 июля Иероним, «Против Иоанна»
58 Л. Битва при Поплентино Клавдиан, «О битве при Поллентино», 233
59 С. +402, 11 ноября Правл. Аркадия и Гонория, Гидаций, «Хроника» и др.
60 С. +418, 19 июля Юность Феодосия II, Филосторий, «Церк.ист.», XII, 8 и др.
61 С. +447, 23 декабря Поход Атиллы, Гидаций, «Хроника»
62 Л. +451, 26 сент. Комета Галлея, Гидаций, «Продолжение хроники»
63 С. +458, 28 мая Воцарение Льва, Гидаций, «Хроника»
64 Л. +462, 2 марта Гидаций, «Продолжение хроники»
65 С. +464, 20 июля Гидаций, «Продолжение хроники»

- 66 С. +484, 14 января Смерть Прокла,
Марино Неаполитанский, «Жизнь Прокла», 37
67 С. +485, 29 мая Григорий Турский, «История франков», II, 3
68 С. +497, 18 апреля гр.Марцеллин, «Хроника»
69 С. +512, 29 июня гр.Марцеллин, «Хроника»
70 С. +538, 15 февраля Беда, «Церк.ист.», 3,24, Анг.-сакс.хрон., 1,28, II, 14 и др.
71 С. +540, 20 июня Беда, «Церк.ист.», V, 24 и др.
72 С. и Л. +547, 6 февраля и 17 авг. Предсказание Стефаном затмения, Косма Индикоплевст, «Христ. топография»
73 С. +663, 3 окт. Григорий Турский, «История франков», IV, 31
74 Л. +567, 31 дек. «Сангальские Извлечения»
75 Л. +577, 11 дек. Григорий Турский, «История франков», V, 23
76 Л. +581, 5 апр. То же, V, 41
77 Л. +582, 18 сент. То же, VI, 21
78 С. +590, 4 окт. Поход Маврикия,
Григорий Турский, «История франков», X, 23 и др.
79 Л. +590, 18 окт. Битва на р.Вицинонии, Фредегар, «Хроника», IV, 11
80 С. +592, 19 марта Фредегар, «Хроника», IV, 13

Подробный разбор каждого из этих затмений требует, как это было продемонстрировано на примере затмений Фукидида, кропотливого и громоздкого исследования. Поэтому мы приведем только основные факты и выводы с точными ссылками на литературу.

В основном мы будем интересоваться только тем, позволяет ли данное затмение независимо и самостоятельно датировать историческое событие, то есть подтверждает ли авторитет астрономии (считающейся «точной наукой») даты, признанные исторической традицией.

Исследование затмений

Затмение № 1 ([16], стр.167—169, [4], стр.427).

Источником сведений об этом затмении является отрывок из стихотворения поэта Архилоха, якобы жившего где-то в VII веке до н.э. Астрономическое содержание сводится к констатации факта затмения. Понятно, что ни о какой датировке с помощью астрономии говорить не приходится: затмение 6/IV -647 г. столь же хорошо годится, как и любое другое происшедшее в этом веке. Утверждение, что указание этого затмения хотя в каком-то смысле астрономически подтверждает время жизни Архилоха — чистый юмор.

Морозов полагает, что это затмение произошло в 305 г. н.э.

Затмение № 2 ([16], стр.169—173, [4], стр.414—418).

Геродот сообщает, что Фалес это затмение предсказал. Поэтому (см. § 1) сообщение Геродота является явным апокрифом.

Геродот сообщает лишь факт затмения. Его повторяет Плиний, датируя четырьмя разными способами, различающимися лет на шестьдесят.

Затмением Фалеса занимались многие (Скалигер, Петавиус, Кальвизиус, Строик, Байли, Бозаннэ, Стэкли, Майер, Ларчер, Эшер, Вольней, Гинцель и др.). Почти каждый из исследователей предлагал свое затмение (от затмения 19/V -556 г. до затмения 3/II -625 г.). Само обилие решений показывает, что ничего определенного на самом деле астрономия сказать не может. Она не подтверждает традиционную датировку, а лишь ей не противоречит (как и должно быть всякий раз, когда характерные детали затмения неизвестны).

Морозов предполагает, что это затмение произошло 14/I 484 г. н.э.

Затмение № 3 ([16], стр.173—174, [4], стр.419).

Ксенофонт лишь констатирует факт полного затмения в районе города Лариссы. Затмение 19/V -556 г. не подходит, поскольку его фаза была равна только 11 баллам. Таким образом, здесь астрономия опровергает традиционную датировку. Понимая это, Гинцель сопровождает дату 19/V -556 г. знаком вопроса.

Определить истинную дату чисто астрономически невозможно из-за отсутствия информации. Морозов на основании некоторых довольно слабых аргументов считает, что заслуживают внимания затмения 29/I 512 г.н.э., 15/II 538 г. н.э. и 25/V 1267 г. н.э.

Затмения № 4 и 5 ([16], стр.174—177, [4], стр.419—421).

Геродот описывает два затмения, разделенные парой лет. О первом он сообщает лишь факт затмения, а о втором, что оно было полным («из дня стала ночь») и происходило «перед началом войны». По традиционной хронологии, второе затмение должно быть в -470 г. Но в этом году (и в следующих годах) никакого полного солнечного затмения не было: затмение 17/II -477 г., не говоря уже о том, что его дата отличается от традиционной, было частным. Что же касается первого затмения, то, как отмечает Гинцель, фаза в 7,32 балла затмения 2/X -479 г. столь мала, что оно вряд ли могло быть замечено без предварительного уведомления и распознано как затмение без запыленного стекла. Отдельно взятое первое сообщение Геродота еще можно было бы с натяжкой считать не противоречащим астрономическим данным, но в сочетании с отсутствием второго затмения следует признать, что оба сообщения Геродота астрономия опровергает.

Морозов утверждает, что существуют только две пары затмений, удовлетворяющие описанию Геродота: 5/XI 644 г. н.э., 21/VI 646 г.н.э. и 2/X 1084 г. н.э., 16/II 1086 г. н.э.

Затмение № 6 ([16], стр.176—177, [4], стр.421—422 и 499—510).

Это затмение Фукидида мы уже детально обсудили в § 2. Напомним, что в сочетании с остальными двумя затмениями (см. ниже № 8 и 9) описание Фукидида однозначно дает затмение 2/VIII 1133 г. Таким образом, астрономия здесь вполне определенно опровергает традиционную дату.

Затмение № 7 ([16], стр.177 и [4], стр.422—423).

Это затмение следующим образом описано Аристофаном в его комедии «Облака» (перевод под ред. СТР.Апта):

«И Селена путь привычный позабыла, свой фонарь

Спрятал Гелиос, исчезнув с небосклона и грозя,

Что светить не станет, если будет властвовать Клеон».

В этом списании неясно, какое затмение имеется в виду — солнечное, лунное, или, может быть, здесь описаны два затмения — и солнечное, и лунное. Зато дата дана довольно точно: по традиционной хронологии избрание Клеона стратегом состоялось в -423 г.

Гофман полагает, что это — солнечное затмение № 8, якобы описанное Фукидидом. Зейфарт считает его солнечным затмением 8/VIII -421 г.; однако это затмение не было видимо в Афинах. Гинцель придерживается мнения Кальвизиуса, что это лунное затмение 4/X -424 г. Можно ли считать, что в такой ситуации астрономия хотя бы не противоречит традиционной дате, мы предоставляем судить читателю.

К слову сказать, чтобы продемонстрировать, с какой беспечностью историки пользуются астрономическими данными, мы процитируем комментарий В.Ярхо к этим стихам Аристофана:

«Аристофан вспоминает о лунном затмении в октябре 425 г. и солнечном затмении в марте 424 г., когда Клеон был избран стратегом после победы при Пилосе» (см. [90], стр.437).

После этого умильного «и» у читателя не остается никакого сомнения, что датировка дважды надежно подтверждена астрономией!

Затмения № 8 и 9 ([16], стр.178—179, [4], стр.424—425 и 499—510).

Это — второе и третье затмения Фукидида. Как мы уже знаем, они на самом деле произошли 20/III 1140 г. и 28/VIII 1151 г.

Считается, что затмение № 9 описано также Плутархом. Если это так, то, следовательно, Плутарх также является апокрифом. Однако Морозов полагает, что Плутарх имел в виду какое-то другое лунное затмение.

Затмение № 10 ([16], стр.179, [4], стр.425).

Под описание Ксенофонта подходит любое вечернее лунное затмение. Дата 15/IV —405 г., предложенная Петавиусом, расходится тем не менее почти на два года с датой, указываемой Ксенофонтом.

О том же затмении сообщает Диодор под 405 г. Таким образом, сообщение Диодора астрономией не отвергается, но, подчеркнем еще раз, и не подтверждается, потому что без указания месяца и дня можно найти лунное затмение практически в любом десятилетии.

Морозов полагает, что это — затмение 26/X 375 г. н.э. или какое-то еще более позднее.

Затмение № 11 ([16], стр.179, [4], стр.425—426).

Ксенофонт и Сенека сообщают лишь факт затмения в 373 г. Олимпийской эры, т.е. по традиционной хронологии — в -403 г. Таким образом, астрономические данные не противоречат сообщениям Ксенофонта и Сенски.

Морозов, полагая, что Олимпийская эра совпадает с н.э. (основания этого мнения мы обсудим в своем месте), указывает на затмение 8/IX 378 г.

Затмение № 12 ([16], стр.180—182, [4], стр.425).

Цицерон сообщает, что затмение происходило 7 июня (в июньские ноны). Дата 21/V —399 г., признаваемая Гинцелем, основана на непроверяемой календарной гипотезе. Гольцапфель, основываясь на другой календарной гипотезе, дает дату 18/1—401 г.

Морозов предлагает дату 6/VI 346 г. н.э.

Затмение № 13 ([16], стр.182, [4], стр.427—428).

Затмение описано Ксенофонтом как частное. О нем же якобы упоминают Плутарх и Диодор. Последний указывает, что оно происходило в 386 г. Олимпийской эры, т.е. в -389 г. Поскольку в этом году никакого затмения на самом деле не было, Петавиус предложил ближайшее затмение 14/VIII -393 г.

Морозов на основании своего отождествления Олимпийской эры с нашей предлагает затмение 15/IX 386 г.

Затмение № 14 ([16], стр.182—183, [4], стр.428).

По сообщениям Диодора и Плутарха, это затмение произошло в 417 г. Олимпийской эры, т.е. в -357 г. Давая ему дату 13 июля -363г., Гинцель предполагает, что Диодор и Плутарх ошиблись на 6 лет.

Морозов напоминает, что 19/VII 418 г. н.э. имело место замечательное во многих отношениях полное солнечное затмение (№ 60).

Затмение № 15 ([16], стр.183, [4], стр.428—430).

Подобрать удовлетворяющее солнечное затмение около традиционной даты оказывается невозможным. Сопровождая затмение

12/V —360 г. в своем списке знаком вопроса, Гинцель пишет, что его выбор «основывается лишь на авторитете Гофмана».

Можно почти наверняка утверждать апокрифичность сообщения Плутарха, поскольку он сообщает, что Дион это затмение предсказал. Морозов склонен отождествлять его с затмением № 60.

Затмение № 16 ([16], стр.183, [4], стр.430).

Плутарх сообщает, что затмение произошло перед отплытием Диона против Дионисия. Дата 3/VIII -356 г. предложена Кальвизиусом. Она сомнительна, во-первых, потому, что это затмение имеет ничтожную фазу в 2,3 балла, а во-вторых, потому, что, по Диодору, отплытие Диона состоялось в 424 г. Олимпийской эры, т.е. в -350 г.

Морозов отмечает, что 21/III 423 г. н.э. также было лунное затмение.

Затмение № 17 ([16], стр.184, [4], стр.431).

Тит Ливий говорит, что настала «ночь посреди дня». Если он действительно имеет в виду солнечное затмение (по контексту может быть и вулканическое извержение), то информация совершенно недостаточна для каких-либо выводов. Гинцель поэтому сопровождает затмение 15/IV 339 г. знаком вопроса.

Морозов полагает, что это может быть опять затмение № 60.

Затмение № 18 ([16], стр.184—185, [4], стр.431—432).

Это лунное затмение упоминается целым рядом авторов (кроме Плутарха и Арриана, также Птолемеем, Плинием и Курциусом). Оно произошло во втором часу после захода солнца или после полуночи. Затмение 20/IX -330 г. (указанное Скалигером) было, однако, в четвертом часу по заходу Солнца.

Морозов полагает, что это было затмение 18/VI 224 г., которое, по крайней мере, произошло во втором часу после полуночи.

Затмение № 19 ([16], стр.185—187, [4], стр.432).

Диодор и Юстин констатируют лишь факт полного затмения на западе Средиземного моря. Выбор затмения 15/VIII —309 г., предложенный Скалигером и Петавиусом, с точки зрения астрономии совершенно произволен.

Затмение № 20 ([16], стр.187, [4], стр.433).

Ливий пишет лишь «о чудесных явлениях». Сомнительно, что он имел в виду затмение. Дата 7/X1 —295 г. предложена Кальвизиусом, а дата 24/III —293 г. — Зейфартом.

Затмение № 21 ([16], стр.187—188, [4], стр.433—434).

Полибий сообщает лишь факт лунного затмения. Дата 20/III—218 г., принятая Гинцелем, предложена Петавиусом. Скалигер считал его затмением 1/IX —217 г.

Затмения № 22 и № 23 ([16], стр.188, [4], стр.434—435 и [5], стр.283—289).

Датировка этих затмений облегчается тем, что, согласно Ливию, они составляют пару, разделенную приблизительно 11—13 годами. Решение Петавиуса 11/II -216 г. и 6/V -202 г. этим условиям удовлетворяет. Однако астрономически возможны и другие решения. Морозов указывает пару (17/III 443 г., 24/II 453 г.), присовокупляя, что она лучше соответствует описанию Ливия, поскольку за два года до затмения № 23 Ливий сообщает о комете, а как раз в 450 г. н.э. было одно из возвращений знаменитой кометы Галлея. Впрочем, возможно, что Ливий описывает какую-нибудь непериодическую комету, и тогда становятся возможными и другие пары.

Затмение № 24 ([16], стр.189, [4], стр.435—436).

Лишь факт затмения сообщен автором XII века Зонарасом, а также Иосифом Флавием, который явно пользовался Зонарасом как первоисточником (что, кстати, еще раз независимо указывает на подложность сочинения Флавия). Астрономия снова ничего определенного о дате сказать не может. В предложенной Зейфартом дате 19/X -201 г. Гинцель сомневается, так как это затмение имело малую фазу в 3,2 балла и вряд ли могло быть замечено без предварительного оповещения и закопченного стекла.

Морозов предлагает затмение 20/VIII 472 г. н.э.

Затмение № 25 ([16], стр.189—190, [4], стр.436—437).

Это затмение мы подробно обсудили в § 4. Напомним, что наша дата этого затмения 10/VII 967г.

Затмение № 26 ([16], стр.190, [4], стр.436—437).

Ливий пишет очень неопределенно: «днем... появился мрак», — и указывает время приблизительно через два года после затмения № 25. Принимая, что последнее произошло 10/VII 967 г., можно предложить для затмения № 26 (если это действительно затмение) дату 8/V 970 г.

Затмение № 27 ([16], стр.190—192, [4], стр.437—439).

Это — лунное затмение, предсказанное Сюльпицием Галлом (см. §4). Наша дата 5/IX 955 г. Впрочем, Морозов больше склоняется к дате 5/IV 415 г.

Гинцель думает, что это же затмение описано Плутархом и Полибием (а также Цицероном, Плинием, Квинтилианом, Валерием Максимом и Фронтином Стратегом). Однако детали описаний Плутарха и Ливия расходятся. Если это какое-то другое затмение, то его с полным правом можно отнести почти к любому году.

Затмения № 28 и 29 ([16], стр.192, [4], стр.440—441).

Под этими двумя номерами Гинцель ссылается на описание Обсеквенсом трех разных затмений, разделенных соответственно 10 и 34 годами. Дата 19/VII—103 г. для первых из этих затмений предложена Риччиоли. Однако остальных двух затмений Обсеквенса в годах -93 и -59 не обнаруживается. Поэтому Гинцелю не остается ничего другого, как объявить эти затмения «сомнительными» и не давать им никакой даты.

Морозов утверждает, что от начала н.э. до XV века имеется только одна триада видимых в районе Средиземного моря солнечных затмений, разделенных интервалами в 10 лет и 34 года, а именно триада 4/III 349 г., 15/III 359 г., 20/XI 393 г.

Затмение № 30 ([16], стр.193, [4], стр.377—378).

Описано Цицероном и якобы произошло в его консульство в -62г. Дата 3/V -42 г. предложена Гольцапфелем, Унгером и Солтау. Это затмение было на закате Луны утром, а Цицерон ясно говорит «среди ночи». По той же причине не подходит предложенное Стройкам и Зейфартом вечернее затмение 27/X -62 г. Ближайшее же ночное затмение (предложенное еще Кальвизиусом) было 7/XI -63 г. — на год раньше срока. Таким образом, здесь астрономия определенно опровергает сообщение Цицерона.

Морозов склоняется к дате 19/IV 292 г.

Затмение № 31 ([16], стр.193—195).

Под этим номером Гинцель собрал ряд сообщений о солнечных затмениях, которые он не в состоянии астрономически датировать.

Дион Кассий описывает полное солнечное затмение при отъезде Помпея в Дирахиум. Петавиус, за неимением лучшего, отождествил его с частным затмением 7/III —50 г. Морозов полагает, что это затмение произошло 3/III 325 г. (см. [4], стр.378).

Лукан сообщает о затмении при переходе Цезаря через Рубикон. Поскольку в -48 г., к которому историки относят это событие, никакого затмения не было, Хейс предложил считать (?) его затмением 7/III -50 г. Морозов полагает, что это затмение произошло 10/II 305 г. (см. [4], стр.378—379).

Вергилий, Овидий, Тибулл, Аврелий Виктор и Плутарх сообщают о затмении в день убийства Юлия Цезаря. О нем же упоминают Иосиф Флавий, Кедренос и Сервий. Несмотря на такое обилие сообщений, астрономия утверждает, что ни в -44 г., когда якобы был убит Цезарь, ни в соседние годы никакого солнечного затмения в Риме или его окрестностях не было. Поэтому Гинцель называет его «сомнительным».

Морозов полагает, что Юлий Цезарь списан с Констанция Хлора, в год смерти которого действительно было эффектное затмение 21/VII 306 г. (см. [4], стр.379—381).

Гинцель обсуждает также два затмения, описанных в так называемой «Пасхальной хронике» (раннесредневековой компиляции, составленной по неизвестным источникам). Описания эти весьма путанные и темные. Стройк решился предложить затмения 19/V -35г. и 20/VIII -30 г., по многим причинам совершенно неподходящие (см. [4], стр.396—398).

Затмение № 32 ([16], стр.195—196, [4], стр.381—383).

Это затмение Иосиф Флавий описывает как происшедшее перед Пасхой незадолго до смерти Ирода. Поскольку это затмение очень важно для датировки времени рождения Иисуса, ему было уделено много внимания. Дата 3/III —3 г. указана Петавиусом и Кеплером как время единственного подходящего лунного затмения около начала нашей эры. На этом и только на этом основании покоится общепринятое теологами «рациональной школы» мнение, что Иисус Христос родился по крайней мере за 5 лет до своего официального рождества. Однако это затмение имело ничтожную фазу в 4,4 балла и было почти за месяц до пасхи. Поэтому многие ученые отвергают дату Петавиуса — Кеплера и считают, что Флавий ошибочно (!) связал его с Пасхой. На этом основании Риччиоли предлагает дату 29/XII 1 г. до н.э., Хайнд — дату 9/1 того же года, а Стокуэлл — даже 15/IX 4 г. н.э. Уже из самого множества этих решений ясно, что ни одно из них не соответствует всем обстоятельствам дела.

Морозов считает, что здесь речь идет о затмении 31/V 337 г.

Затмение № 33 ([16], стр.196—197, [4], стр.383).

Это затмение описано Дионом Кассием как частное. Дата 28/III 5 г., согласная с традиционной хронологией, предложена Петавиусом, Риччиоли и Стройком. Зейфарт предлагает не согласующееся с традицией затмение 6/II 7 г.

Морозов предлагает затмение 6/VIII 324 г.

Затмение № 34 ([16], стр.197—198, [4], стр.383—385).

Затмение отнесено Тацитом и Дионом Кассием к смерти Октавиана, наступившей якобы 18/VIII 14 г. Затмение 27/IV 14 г. предложено Петавиусом и Скалигером. Как всегда для лунных затмений, астрономия может предложить массу других решений.

Морозов считает, что здесь речь идет о затмении 31/V 337 г.

Затмение № 35 ([16], стр.198—200, [4], стр.385—388).

Затмение описано Евсевием как происшедшее в день казни Христа. По его словам, это было полное солнечное затмение, случившееся в полнолуние. Риччиоли прямо поэтому говорит о «чудесном характере» этого затмения (напомним, что по законам природы солнечные

затмения возможны только в новолуние). Дата 24/XI 29 г. предложена Вурмом, Гинцелем и Гофманом, которые полагают, пренебрегая прямыми указаниями Евсевия, что это затмение произошло за несколько лет до распятия.

Затмение № 36 ([16], стр.200—201, [4], стр.388).

Это — то же затмение № 35, но интерпретированное согласно Евангелиям как лунное. Дата 3/IV 33 г. предложена Риччиоли. Гинцель, вычислив его фазу, показал, что в Иерусалиме оно не было видно.

Затмение № 37 ([16], стр.201, [4], стр.388—389).

Дион Кассий пишет, что это затмение было заранее предсказано, и, более того, заранее было вычислено его точное время и максимальная фаза. Дата 1/VIII 45 г. предложена Петавиусом. Гинцель, вычислив его фазу, заметил, что оно едва ли было видимо в Риме. Ввиду предвычисленности затмения это явный апокриф.

Затмение № 38 ([16], стр.201, [4], стр.389—390).

Аврелий Виктор описывает его как частное. Дион и Сенека, ничего не говоря о затмении, позволяют наложить сообщение Виктора на традиционную временную шкалу где-то в 46—47 г. н.э. Как всегда для лунных затмений, астрономия бессильна сказать что-нибудь определенное. Наличие затмения 1/1 47 г. не подтверждает и не опровергает традиционную дату.

Затмение № 39 ([16], стр.201—202, [4], стр.390—394).

Кроме Плиния, о затмении пишут также Дион и Тацит. Думают, что у всех трех речь идет об одном и том же затмении. Дата 30/IV 59 г. предложена Риччиоли, Стройком и Цехом. Но это было частное затмение, тогда как Дион определенно говорит о полном.

Дион Кассий упоминает еще о полном лунном затмении, которое Гинцель считает «очень сомнительным». Гофман предложил затмение 18/X 69 г., являющееся частным.

Затмение № 40 ([16], стр.202—204, [4], стр.392—393).

Плутарх характеризует это полное солнечное затмение как послеполуденное и «недавнее». Затмение 20/III 71 г. предложено Стройком. Но оно было утром и за 50 лет до традиционной даты смерти Плутарха. Предложенное Кеплером затмение 1/VI 113 г. также было утром.

Морозов полагает, что это может быть затмение 19/VII 418 г.

Затмение № 41 ([16], стр.204—205, [4], стр.394—396).

Плиний сообщает о разделенных пятнадцатью днями солнечном и лунном затмениях, происшедших при Веспасиане. Указанная Гинцелем (а до него Цехом) пара прекрасно подходит под описание Плиния. Морозов отмечает, что в иные эпохи можно найти и другие

пары, так что одна астрономия и в этом случае не дает однозначного решения. Он указывает, в частности, на пару 18/VIII 388 г. и 2/IX 388 г.

Гинцель обсуждает также частное солнечное затмение, происшедшее, по сообщению псевдо-Виктора, в день смерти Нервы. Кальвизиус счел это затмением 21/III 98 г. Но оно имело столь малую фазу в 3,5 балла, что едва ли могло быть вообще замечено. Кроме того, смерть Нервы относят к 17/I 98 г., за два месяца до затмения. Поэтому Гинцель считает, что сообщение псевдо-Виктора астрономией не подтверждается.

Затмение № 42 ([16], стр.205—206, [4], стр.398—399).

Лампридий говорит только, что «внезапный туман и мрак появился около январских календ». Стройк, считая, что здесь описано затмение, дает приведенную Гинцелем дату. На самом же деле, конечно, астрономия здесь сказать ничего определенного не может.

Затмение № 43 ([16], стр.206, [4], стр.399—400).

Во время затмения 3/VI 197 г. Солнце находилось в созвездии Близнецов, тогда как Тертуллиан определенно указывает, что во время затмения Солнце было в созвездии Льва. Гинцель вынужден это противоречие игнорировать, поскольку с 176 г. по 212 г. никакого затмения во Льве не было.

Морозов предлагает затмение 20/VIII 472 г.

Затмение № 44 ([16], стр.206—207, [4], стр.401—403).

Затмение описано Дионом Кассием. Дата 7/X 218 г. предложена Гофманом. Морозов пишет: «Мне кажется, что лучшее соответствие трудно подыскать», указывая, что следующее подходящее затмение было только 29/VII 512 г. Таким образом, чисто астрономический выбор здесь также невозможен.

Затмение № 45 ([16], стр.207, [4], стр.403—404).

Юлий Капитолиец утверждает, что это затмение было полным и что оно произошло при императоре Гордиане, правившем, по исторической традиции, с 238 г. по 244 г. Однако в этот период (и даже вообще за весь III век) в Риме было видно одно затмение, и то частное (происходившее в указанную Гинцелем дату 5/VIII 240 г.). Поэтому Гинцель сопровождает это затмение в своем списке знаком вопроса и считает, что показания Капитолийца астрономически не подтверждены.

Морозов указывает на затмение 20/VI 540 г.

Затмение № 46 ([16], стр.207—208, [4], стр.342—343).

Затмение описано в «Константинопольских Консуллариях», известных как «первая европейская летопись». В действительности

эта летопись до нас не дошла. В «Пасхальной хронике» и в «Хронике» Гидация говорится, что в Италии еще до времен Константина велись записи о замечательных событиях и что они продолжались до смерти Феодосия I в 305 г. Один экземпляр этих хроник попал якобы в Испанию, где выдержки из него пересказал Гидаций и продолжил хронику далее. Выдержки из этих хроник цитирует также «Пасхальная хроника», описывая события до 630 г. В XIX веке знаменитый историк Моммзен выбрал из «Пасхальной хроники» и «Хроники» Гидация все такие ссылки и по этим кусочкам «восстановил» первоначальные Консулларии. Как пишет Морозов, «...научная ценность подобного экстракта, несмотря на весь авторитет Моммзена, не может быть велика, так как сообщения позднейших авторов (и особенно малоцеремонных средневековых) не могут иметь достоверности первоисточника...» ([4], стр.342).

Этот общий вывод подтверждается и на рассматриваемом затмении. Консулларии указывают для него 291 г. н.э., в который никаких затмений не было. Дата 4/V 292 г. указана Сиком, а Петавиус и Стройк считают, что это — затмение 15/V 298 г. Морозов отмечает, что с тем же правом можно было бы взять, скажем, затмение 3/III 295 г.

Затмение № 47 ([16], стр.208, [4], стр.346—948).

Затмение описано в житии св.Феликса, как происходившее в ночь на 31/VIII 303 г. Ближайшее лунное затмение 31/VIII 304 г., указываемое Гинцелем, произошло позже на год и один день. Снова при допущении временных сдвигов астрономия ничего положительного не доказывает, а без этого допущения опровергает сообщение. Гинцель сопровождает это затмение знаком вопроса.

Затмение № 48 ([16], стр.208—209, [4], стр.348—349).

Аврелий Виктор описывает «повреждение» Солнца при императоре Лицинии в Богоявление (т.е. 6 января). Петавиус дал дату 20/XII 317г., а Стройк и Зейфарт — дату 31/XII 316 г. Позже оказалось, что эти затмения в районе Средиземного моря были невидимы. Поэтому Гинцель, игнорируя указание на день Богоявления, принимает дату 16/VII 316 г., хотя и сопровождает ее двумя знаками вопроса. «Но, — как справедливо пишет Морозов, — поступая так насильственно с текстом, можно доказать все, что угодно». Он подчеркивает, что после н.э. единственное «божьявленное» затмение, видимое в Европе, произошло лишь в 1163 г.

Затмение № 49 ([16], стр.209, [4], стр.344).

Это второе упоминание о затмениях в «Константинопольских Консуллариях». Согласно «Консуллариям», оно произошло в 318 г. На

самом же деле в этом году затмений совсем не было, а ближайшие затмения 6/VII 316 г. и 20/XII 317 г., предложенные соответственно Петавиусом и Зейфартом, были плохо видны (или совсем не видны) на юге Европы. Указанная Гинцелем дата 6/V 319 г. предложена Стройком. Однако это затмение было в Риме на закате Солнца, тогда как «Консуларии» дают для него время «в девятом часу дня». (Считается, что римляне той эпохи пользовались «дневными» часами, т.е. закату Солнца соответствовало 12 часов.)

Затмение № 50 ([16], стр.209—210, [4], стр.350—351).

Об этом затмении сообщает не только Гамартоль, но и Георгий Монах, а также Кедренос. Оно характеризуется как полное. С другой стороны, указываемое Гинцелем затмение 6/VIII 324 г. было частным с половинной фазой в 6,8 балла. «Приходится признать, — пишет Морозов, — что «хроника Гамартоля» не есть первичный документ, а, так же как и хроника Георгия Монаха и историческая компиляция Кедреноса, относится к концу средних веков или даже к эпохе Возрождения».

Затмение № 51 ([16], стр.210, [4], стр.350 и 351—352).

Сицилийский астролог Фирмикус говорит, что это затмение было «мудро предусмотрено вниманием некоторых математиков» (!?). Дата 17/VII 334 г. предложена Петавиусом. Это — кольцеобразное затмение, хотя, насколько можно понять из довольно невнятного текста, Фирмикус считает его полным. Гинцель склонен полагать, что это затмение совпадает с затмением № 50.

Затмения № 52 и 53 ([16], стр.211—212, [4], стр.352—354).

Затмения описаны Теофаном (автором IX века), а первое затмение — также бл. Иеронимом, Кассиодором и Кедреносом. Судя по тексту, интервал между затмениями приблизительно равен году. Первое затмение было полным, а второе произошло утром в воскресенье. Теофан относит их к 338 г. Поскольку в этом году таких затмений не было, Петавиус, допуская сдвиг на 8 лет, предлагает указанные в таблице Гинцеля затмения 6/VI 346 г. и 9/X 348 г. Как отмечает Морозов, никаких других пар затмений, обладающих указанными Теофаном свойствами, на интервале от начала н.э. до наших дней не существует. Поэтому надо признать, что здесь астрономия согласуется с историей, исправляя ее на 8 лет.

Интересно, отмечает Морозов, что Кассиодор и бл.Иероним указывают для первого затмения почти правильный 348 год, а Кедренос (в XII веке!) дает еще более точную дату — 347 г. Самое же интересное то, что некоторые якобы поздние и компилятивные хроники, обычно

считающиеся ненадежными и восходящими к Иерониму и Теофану, дают правильный 346 год! Как это произошло, можно только гадать.

Затмение № 54 ([16], стр.212—213, [4], стр.354—355).

Затмение 28/VIII 360 г. предложено Петавиусом, но оно плохо согласуется с описанием Аммиана и имеет слишком малую фазу в 2,8 балла. Поэтому Стокуэлл предложил затмение 9/X 348 г., но оно тоже плохо подходит.

Затмение № 55 ([16]с.213, [4], стр.356—360).

Это первое затмение, описанное ученым-астрономом, с точным указанием даты, часа и продолжительности затмения. Оно имеет важное значение для выяснения некоторых календарных эр, и мы еще к нему вернемся. Затмение 16/VI 364 г., указанное Цехом, лишь в минутах отличается от описанного Теоном (правда, если мы примем одну хитрую календарную гипотезу; в противном случае затмение Теона падет на 22/VI 1126 г.). До окончательного выяснения можно считать, что современная астрономическая наука это затмение подтверждает.

Затмение № 56 ([16], стр.213—214, [4], стр.345—346).

Это затмение описано в «Итальянских Консулариях», являющихся, подобно «Константинопольским», искусственным продуктом. Они были «восстановлены» Хольдер-Эггером по цитатам в хрониках. Это же затмение описано в хронике Марцеллина. Однако в указанное в этих сочинениях время никакого затмения не было. Дата 20/XI 393 г. найдена Петавиусом и Кальвизиусом в предположении, что Марцеллин допустил ошибку.

Морозов считает, что здесь речь идет о позднейшей вставке, произведенной средневековым ученым, пытавшимся, но, естественно, не сумевшим вычислить затмение 20/XI 385 г.

Затмение № 57 ([16], стр.214—215, [4], стр.362—365).

Это затмение упомянуто в речи бл.Иеронима «Против Иоанна», являющейся образцом церковного красноречия, явно более поздней эпохи, как происшедшее около дня Пятидесятницы (т.е. не ранее 10 мая и не позже 14 июня). Стройк считает, что это затмение произошло 6/IV 395 г., а Зейфарт, — что 7/VI 392 г., через 20 дней после Пятидесятницы. Дата Гинцеля 3/VII 400 г. также далека от Пятидесятницы. Поэтому Гинцель высказывает предположение, что, быть может, Иероним описался и вместо лунного затмения написал «солнечное» (!). Однако подысканное им лунное затмение 1/VI 402 г. все же на целую неделю отстоит от Пятидесятницы.

Морозов обращает внимание, что до 1621 года никаких затмений около Пятидесятницы, видимых в Европе, вообще не было. Таким

образом, если сообщение о затмении не является чистой фантазией, то мы неизбежно должны считать речь Иеронима очень поздним апокрифом (что полностью согласуется с ее тоном и языком).

Затмение № 58 ([16], стр.215—216, [4], стр.365—366).

Клавдиан описывает это затмение в поэме «О битве при Поллентино». Эта битва якобы произошла в 403 г. Однако в этом году, как назло, лунных затмений не было, хотя в три предшествующих года их было пять. Ввиду многочисленности этих затмений на какой-нибудь определенной дате остановиться трудно.

Затмение № 59 ([16], стр.216—217, [4], стр.311—314).

Затмение описано в хронике Гидация под 400 г., в «Константинопольских Консуляриях» под 402 г. и в Галльской хронике под 403 г. Указано, что затмение произошло во вторник 11 ноября. Гинцель считает, что это одно и то же затмение, обратившееся в целое гнездо из-за неточной датировки года. Проверка по канону Опольцера показывает, что в интервале до 1500 года солнечное затмение, видимое в Европе 11 ноября, было только в 402 г. и в 421 г. Так как 11 ноября было вторником в 402 г. и пятницей в 421 г., то можно считать, что астрономия полностью подтверждает сообщения этих хроник.

Заметим, что это первое надежное астрономическое подтверждение традиционной даты.

Затмение № 60 ([16], стр.217—218, [4], стр.314—317).

У Филосторгия мы находим настолько подробное описание этого затмения, что его мог тогда сделать только очевидец. Оно подробно описано также в «Пасхальной хронике», в «Хронике» Гидация, в Галльской хронике и в «Летописях древней хронографии». Нет ни малейшего сомнения, что эти описания относятся к затмению 19/VII 418 г.

Затмение № 61 ([16], стр.219, [4], стр.318—319).

Затмение 23/XII 447 г. является единственным, подходящим под описание в хронике Гидация.

Затмение № 62 ([16], стр.219, [4], с.319—320).

Описание этого лунного затмения астрономическим данным не противоречит, хотя по отношению к лунному затмению это не бог весть как удивительно, но все же приятно.

Затмения № 63 и 64 ([16], стр.221, [4], стр.320—322).

Оба эти затмения астрономия в основном подтверждает.

Затмение № 65 ([16], стр.222, [4], стр.323—324).

Затмение 20/VII 464 г. подходит по всем статьям. Морозов называет его «сомнительным», поскольку он отыскал другого кандидата —

затмение 20/VII 483 г. Но, по-видимому, он это делает зря, так как затмение 483 г. не было видно в Европе.

Затмение № 66 ([16], стр.222, [4], с.323—324).

Описание затмения содержится в биографии Прокла, принадлежащей перу его ученика Марино. Предложенное Рейнером и Риччини затмение 14/I 484 г. вполне соответствует описанию Марино. Марино упоминает о предсказанном затмении через два года после этого. Такое также есть (19/V 486 г.).

Затмение № 67 ([16], стр.222—223, [4], с.326).

Затмение описано Григорием Турским и в так называемом «Пасхальном Кампануме». «Кампанум» дает дату 485 г., июльские календы (по-латински — INK.IVL), т.е. 1 июля. Но 1 июля в районе Средиземного моря солнечные затмения были только в 56 г., 558 г. и в 1079 г. Стройк думает (и с ним вполне согласны Гинцель и Морозов), что при переписке рукописи копиист ошибся и что в первоисточнике было IVK.IVN, т.е. «IV день перед июньскими календами» (29 мая). Действительно, 29/V 485 г. по Европе прошло солнечное затмение, имевшее в Клермоне (где жил Григорий) фазу в 9,7 балла. Таким образом, с определенной оговоркой можно считать сообщение Григория Турского астрономически подтвержденным.

Затмение № 68 ([16], стр.223, [4], стр.326—327).

Марцеллин путанно датирует это затмение, указывая две даты: 496 г. и 497 г. И в первом, и во втором году солнечные затмения были, но с небольшой фазой. Гинцель предпочитает (следуя Стройку) затмение 497 г., так как оно имело большую фазу. Поскольку Марцеллин дня не указывает, астрономия на самом деле — ничего определенного сказать не может, и утверждение об астрономической подтвержденности сообщения Марцеллина является чистой фикцией.

Затмение № 69 ([16], стр.223, [4], стр.327).

Сообщение об этом затмении астрономическим данным не противоречит.

Затмение № 70 ([16], стр.223—224, [4], стр.327—328).

Если допустить сдвиг на один день, то все сообщения об этом частном затмении прекрасно подтверждаются.

Затмение № 71 ([16], стр.224—225, [4], с.328—330).

Это полное затмение подтверждается, если допустить небольшие исправления дат, указанных в источниках.

Гинцель указывает еще один источник («Сангальские извлечения», составленные де Росси в 1867 г.). Описание затмения в этих «Извлечениях» путанное и противоречивое. Гинцель сопровождает его

знаком вопроса и практически не учитывает. Морозов думает ([4], стр.330—331), что это сообщение может относиться к затмению 29/IV 534 г.

Затмение № 72 ([16], стр.225, [4], стр.331—333).

Затмения указаны Краллем и вполне соответствуют описанию Индикоплевста. Тем не менее имеетсястораживающий элемент: Индикоплевст сообщает, что затмения были заранее предсказаны. В чем здесь дело, сказать без специального исследования трудно. Быть может, Индикоплевст просто фантазирует, чтобы поразить воображение читателя, а быть может, действительно удалось предсказать солнечное затмение по саросу.

Затмение № 73 ([16], стр.225—226, [4], стр.333).

Дата затмения 3/X 563 г. расходится с датой 1/X 563 г., указываемой Григорием. Однако Григорий сообщает, что в этом году на небе появилась комета. Это опять неточно — комета была в 565 г. Мнение Морозова: «...сопоставление затмения и кометы, мне кажется, исключает возможность всякой другой даты. Вероятно, запись была сделана не сразу, а впоследствии, по воспоминаниям». Как бы то ни было, но мы должны признать, что здесь астрономическое подтверждение имеет место лишь с большой натяжкой.

Затмение № 74 ([16], стр.226, [4], стр.333—334).

Затмение (лунное) действительно произошло в указанный в «Извлечениях» день и год. Ничего большего астрономия утверждать не может.

Затмения № 75 — 77 ([16], стр.226—227, [4], стр.334—335).

Год второго затмения указан Григорием с ошибкой. Поскольку нет оснований сомневаться в аутентичности сочинения Григория (язык, стиль и орфография определенно указывают на раннее средневековье), можно считать сообщения Григория астрономически подтвержденными с оговоркой, что, по-видимому, Григорий не наблюдал сам этих затмений, а пользовался сообщениями других (или записал их впоследствии, по памяти).

Затмение № 78 ([16], стр.227—228, [4], стр.335—337).

Из всех источников только Григорий сообщает месяц, в котором произошло затмение, да и то, по-видимому, неправильно. Вопреки мнению Морозова (и традиционных историков), нельзя считать, что здесь астрономия подтвердила аутентичность источников. Это все-таки случай, когда одна астрономия ничего определенного сказать не может.

Затмения № 79 и 80 ([16], стр.228, [4], стр.337—338).

Для этой пары затмений Фредегар не указывает ни месяца, ни дня. Поэтому ситуация здесь та же, что и с предыдущим затмением.

Выводы

Рассмотрено всего около 90 (точнее, 89) сообщений о затмениях. В пяти из них (№ 17, 20, 26, 34, 35) можно сомневаться, идет ли вообще речь о затмениях. Поэтому мы их из рассмотрения исключим. Исключим также «чудесное» затмение № 35, неясно описанное затмение № 7, требующее дополнительных гипотез затмение № 12, путанное затмение № 71 и не дающее никакой информации затмение № 1.

Остающиеся 79 затмений мы разобьем на четыре группы:

I группа. К этой группе, состоящей из 23 затмений, мы отнесем затмение № 2, затмение Диодора из № 10, затмения № 11, 19, 21—23, 33, 34, 38, два затмения из № 41, затмения № 44, 62, 68, 69, 74 — 80. Описание этих затмений допускает много астрономических решений, но среди этих решений имеется затмение, приходящееся на традиционную дату. Таким образом, здесь астрономия не противоречит традиционной истории, хотя и нельзя сказать, что она ее подтверждает.

Заметим, что, как и естественно ожидать, почти половина затмений этой группы — лунные.

II группа. К этой группе, состоящей из 30 затмений, мы отнесем затмения № 3—5, затмение Ксенофонта из № 10, затмения № 13—16, 18, 24, 30, все пять затмений из № 31, затмения № 32, 36, 37, 39, последнее затмение из № 41, затмения № 43, 45—47, 49—51, 54, 58. Описание этих затмений также допускает много астрономических решений, но среди этих решений нет затмения, которое происходило в традиционную дату. Указанные Гинцелем затмения либо обладают астрономическими характеристиками, противоречащими описанию, либо произошли во время, отличающееся по крайней мере на два года от традиционной даты. Затмений второго сорта, впрочем, только три (затмение Ксенофонта из № 10, отклоняющееся на два года, затмение № 13, отклоняющееся на 4 года, и затмение № 14, отклоняющееся на 6 лет); поэтому включение их в первую группу лишь незначительно изменит статистику.

В отношении затмений этой группы следует считать, что астрономия опровергает традиционные даты (и надежность источников) или, в лучшем случае, лишь с большими натяжками им не противоречит.

При обсуждении затмений первой и второй группы мы, как правило, приводили мнения Морозова о том, когда эти затмения в действительности произошли. Подчеркнем, что эти мнения опираются, как правило, не на астрономию, а на другие его соображения, которые мы в своем месте изложим и обсудим. Сейчас же мы хотим лишь отметить, что эти соображения, таким образом, астрономией не отвергаются (но и подтверждаются лишь с той же силой, что и традиционные датировки).

III группа. К этой группе, состоящей из 10 затмений, мы отнесем затмения № 6, 8, 9, 25, 27, 28, оба затмения № 29, затмения № 48 и № 57. Описания этих затмений позволяют единственным образом найти удовлетворяющее им затмение, которое оказывается значительно **более поздним**. Здесь астрономия беспощадно отвергает традиционные даты, доказывая позднее происхождение источников.

IV группа. К этой группе мы отнесем затмения, подобно затмениям третьей группы, однозначно характеризующиеся их описанием в источнике, но попадающие на традиционные даты. К этим затмениям бесспорно принадлежат затмения № 59 — 61, 63 — 65 и одно затмение № 66. К ним также, по-видимому, принадлежат затмения № 52, 53, 55, 67, 70, оба затмения № 72 и, быть может, затмение № 73. Всего в этой группе содержится, таким образом, 16 затмений. **Эти и только эти затмения можно считать астрономически подтверждающими традиционные даты.**

Сразу же бросается в глаза, что затмения четвертой группы появляются лишь в IV веке! Поэтому целесообразно отдельно сосчитать затмения до № 55, происходившие (по традиционным воззрениям) до середины IV века, и затмения с большими номерами. Результат этого подсчета мы сведем в таблицу.

Таблица числа затмений

Группа	До середины IV века н.э.		После середины IV века н.э.	
	Число	Процент	Число	Процент
I	13	25 %	10	35 %
II	29	57 %	1	4 %
III	91	8 %	1	4 %
IV	18	10 %	16	57 %
Всего	51	100 %	28	100 %

Проценты даны с округлением.

Мы видим, что до середины IV века н.э. (а значит, в том числе и в античное время) нет ни одного затмения, надежно подтверждающего традиционную дату. Большинство затмений (75%) отвергается астрономическими данными, и лишь четверть всех затмений этим данным не противоречит.

Напротив, после IV века более половины описаний затмений подтверждает традиционную дату, более трети им не противоречит, и лишь жалкие 8% (на самом деле лишь 7%, расхождение вызвано ошибками округления) опровергаются астрономией. Обратим также внимание, что половина затмений первой группы после IV века

происходит из одного и того же, явно небрежного и не очень авторитетного источника (Григория Турского). Без него различие двух классов затмений было бы еще более разительным.

Эта статистика однозначно указывает на апокрифичность всех описаний затмений до IV века н.э. Ничем другим ее объяснить невозможно.

Мнение Р.Ньютона

В последнее время древние затмения были заново изучены Робертом Ньютоном, рассмотревшим не только античные, но и средневековые затмения. Мы не будем подробно излагать его труды, а приведем только одну цитату, подводющую итог его исследований.

«Мы можем использовать древние астрономические данные для хронологических целей, однако с некоторыми ограничениями. *Ненормально большое число* древних записей либо ложны, либо содержат ошибки большие, чем те, которых можно было бы ожидать, исходя из технических возможностей того времени.

Данные текстов часто ошибочны в серьезных масштабах, даже в терминах календарной системы, используемой наблюдателем. Из приблизительно 700 записей о солнечных затмениях год ошибочен примерно в каждой четвертой записи. Эта ошибка может достигать 550 лет (! — *Авт.*). Кроме того, в, по крайней мере, десяти случаях датирование так безобразно искажено, что мы не можем даже сказать, какое затмение имеется в виду. Эти записи особенно опасны. Нам удалось выяснить, что они не могут быть идентифицированы только потому, что мы знаем хронологическую систему, использованную в их датировании. Если бы мы не знали системы, то мы могли бы и не узнать, что эти данные были искажены, а это легко могло бы привести нас к ложным идентификациям» ([83], стр. 115, перевод А.Т.Фоменко).

Ньютон, свято веря традиционной хронологической сетке, даже не ставит вопроса о причине всех этих эффектов. Как, например, могла возникнуть ошибка в 550 лет?

Удивительно, что он не замечает также парадоксальности ситуации, когда дополнительное знание (в данном случае, знание используемой хронистом календарной системы) не помогает, а, наоборот, мешает идентификации затмений. Не является ли это «знание» попросту ложным?

§6. Геродот и его «История»

Мы будем пользоваться последним русским изданием «Истории» Геродота, выполненным Г.А.Стратановским и снабженным комментариями проф. В.Г.Боруховича (см. [44]). Излагаемый в этом параграфе анализ принадлежит в основном И.А.Володину.

Рукописи Геродота

Из комментариев в [44] мы в первую очередь узнаем, что рукопись «Истории в девяти книгах» Геродота была обнаружена только в XV в. н.э., когда, после взятия Константинополя турками в 1453 г., эти документы были вывезены в Западную Европу. Различные варианты этого текста (т.е. различные рукописи) хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Гейдельберга и других городов (см. [44], стр.500). Число этих вариантов довольно значительно; так, в издании Г.Штейна (Берлин, 1869—1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них различия затрагивают в основном диалектные черты текста, и изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Путем обработки этих вариантов и был восстановлен оригинальный текст «Истории».

Эти рукописи считаются наследниками «непрерывной исторической традиции», которая, согласно предположению историков, состоит в том, что на протяжении многих столетий они переписывались любознательными переписчиками. Рукописи, дошедшие до нас, считаются *написанными не ранее X в. н.э.* (см. [44], стр.500). Никаких документов, имеющих отношение к «Истории», до X века не существует. Желание получить такие документы привело к тому, что в начале нашего века были обнаружены папирусные отрывки Геродота, которые были мгновенно отнесены в античную эпоху и «датированы» I—II вв. н.э. Эти отрывки содержат гл.115—116кн. 1 (см. ссылки на публикации в [44], стр.500).

Отношение историков к Геродоту

Отношение историков к труду Геродота было всегда очень противоречиво. Большое разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие басен и анекдотов, фантастические детали, — «все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины» ([44], стр.494).

Уже «древние авторы» не доверяли Геродоту. Так, например, Ктесий обвинял Геродота во лживости (см. [44], стр.494). Скептическое отношение к Геродоту заметно у Страбона; резкие отзывы о Геродоте оставил Диодор (см. [44], стр.94). Особенно непримирим был Плутарх, обвинивший Геродота в отсутствии элементарных «человеческих достоинств». Плутарх даже написал специальный трактат «О злонравии Геродота».

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым Лоренцо Валлой (Венеция, 1479 г.), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли внимание к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стефанус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но «критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.» ([44], стр.495).

Проф. Борухович яростно защищает Геродота: «От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин... При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитаться наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов... Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придиричivé (? — *Авт.*) критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого компилятора, то просто в недобросовестного автора, намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях» ([44], стр.496).

Здесь Борухович имеет в виду известного исследователя Геродота Сейса, чья книга, вышедшая в свет в 1883г., вызвала в свое время немало шума. По мнению Б.Г.Боруховича, Сейс незаслуженно (!) «обвинил Геродота в сознательном обмане своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места» ([44] стр.496).

А мы-то думали, что писать о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места, — это и значит обманывать читателя. По логике проф. Боруховича «Путешествия» небы известного сэра Джона Мандевила окажутся вполне достоверным источником. Как говорится, избави, Боже, нас от таких друзей, а уж от врагов мы сами избавимся!

Сравнение Геродота с Джоном Мандевилем не случайно: «Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа» ([44], стр.496). «С художественной

точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня» ([44], стр.472). Историю о Ксерксе и его брате Масисте Л.Я.Лурье назвал даже «жутким романом» (см. [44], стр.473).

«Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками» ([44], стр.497).

Читатель, может быть, думает, что стали известны какие-то новые материалы, документы, на которых и базируется это «восстановление доброго имени Геродота». Но нет, читаем дальше:

«Разумеется, он не может ни в какой мере сравниться с Фукидидом, который был военным по профессии, но нельзя утверждать (? — *Авт.*), что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Ганди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении. Особенно важен труд Хигнетта, защитившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности» ([44], стр.497).

Итак, новых документов не прибавилось, а оказалось достаточно «учесть чисто технические трудности», чтобы доказать истинность утверждений Геродота. Посмотрим далее, может быть, все-таки нам сообщат какие-либо документы, на основании которых с Геродота снимается звание «писателя-новеллиста типа Боккаччо». По поводу критики Геродота высказался Майрс:

«Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников, его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат (а чем еще это объяснить? — *Авт.*). Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. (Читатель, внимание! — сейчас мы узнаем, на каком основании снимается с Геродота это обвинение. — *Авт.*) За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора, как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различения

материалов источников Геродота в зависимости от их качеств — дурных и хороших (!? — *Авт.*), предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота» ([44], стр.497).

Это — все. Вот так и доказывается достоверность сведений того или иного текста — надо еще раз перечитать тот же текст и «учесть технические трудности». Сэр Джон был бы очень доволен, если бы к его писаниям был применен этот прием.

Мы видим, что историки хотят верить Геродоту: они а priori подходят к нему как к добросовестному и достоверному источнику. Мы бы же хотим беспристрастно оценить, насколько Геродоту можно доверять, и существуют ли серьезные аргументы в пользу его надежности.

Источники информации Геродота

В этой связи в первую очередь следует рассмотреть вопрос об источниках информации Геродота. О сообщениях Геродота по истории Египта комментатор Геродота пишет: «Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков» ([44], стр.481). «Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации. Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали» ([44], стр.485). «Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными» ([44], стр.496).

Нужно отдать должное адвокатской увертливости проф. Боруховича. Но сам Геродот немедленно разрушает все построение. Он нигде не говорит, что его собеседники-жрецы — люди «низкого ранга», — это домысел историка, пытающегося обелить Геродота и прикрыть его противоречия обвинением жрецов. Более того, среди информаторов Геродота египетские жрецы занимают одно из высших мест по осведомленности, и, в отличие от историков, он относится к жрецам с должным уважением: «...Итак, я верю рассказам жрецов об Египте и целиком разделяю их мнение» ([44], стр.83).

Вообще, возникает законный вопрос: если уж не доверять информации от жрецов, то почему тогда мы должны доверять всей остальной массе других информаторов, которые вообще являются

«случайными людьми». Странно, что информация, полученная Геродотом от специалистов-профессионалов, считается историками недостоверной, а анекдоты, рассказанные Геродоту неизвестными лицами, — заслуживающими доверия.

Впрочем, мы вполне согласны с проф. Боруховичем по вопросу о ненадежности источников информации Геродота, мы только не понимаем, почему вину за это надо снимать с Геродота. Ведь сам Геродот предпочитает не называть своих информаторов. Как правило, он ограничивается анонимной ссылкой типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этот передают аркадяне» и т.п. Историки строят только гипотезы о том, кто могли бы быть наиболее вероятными его информаторами, однако никаких положительных утверждений о первоисточниках этого писателя-новелиста в действительности нет (см. [44], стр.483).

Сведения Геродота об Египте

Но, быть может, несмотря на ненадежность источников, Геродот сумел избежать крупных ошибок? Посмотрим же, что рассказывает Геродот, например, о Египте.

Изложив весьма подробно историю Хеопса, Геродот заканчивает ее так: «Царствовал же этот Хеопс, по словам египтян, 50 лет, а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. Он поступал во всем подобно брату и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой...» ([44], стр.120).

К этой фразе имеется комментарий. Оказывается, жрецы обманули Геродота; «Хеопс (Хуфу) царствовал только 24 года. Ему наследовал брат Дедефра, после которого вступил на престол сын Хеопса Хефрен» ([44], стр.513).

Но такого рода «мелкие» (на четверть столетия!) ошибки не исчерпывают тех «неточностей», которыми переполнен труд Геродота:

«Так вот, до времени царя Рампсинита, рассказывали далее жрецы, при хороших законах Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения» ([44], стр.119).

Смотрим комментарий к этому сообщению Геродота: «Геродот путает хронологию Египта: Рампсинит (Рамзес II) — царь XIX династии (1345—1200 гг. до н.э.), а Хеопс — IV династии (2600—2480 гг. до н.э.)» ([44], стр.513).

Это означает, что жрецы (а не Геродот) обманули своего доверчивого слушателя ни много ни мало — на тысячу двести лет! Мы советуем

читателю немного подумать на эту тему — что означает ошибка в тысячу лет в последовательном рассказе.

Вот что оказывается называется «некоторыми неточностями» в книгах Геродота. И эти ошибки, повторяем, *возникают в последовательном, связном и подробном рассказе!*

Но скачок в тысячу лет — это еще пустишки:

«Чтобы превзойти прежних египетских царей, Асихис воздвиг в память о себе пирамиду из глиняных кирпичей... Вот что совершил этот царь. После него, рассказывали жрецы, царствовал слепец из города Анисиса по имени также Анисис...» ([44], стр.123).

Читаем комментарий: «Геродот делает здесь скачок от конца IV династии (ок. 2480 г. до н.э.) к началу эфиопского владычества в Египте (ок. 715 г. до н.э.)» ([44], стр.514).

Это означает, что жрецы снова обманули Геродота на тысячу восьмьсот лет. Это то же самое, как если бы какой-нибудь русский историк, подробно излагая историю Российского государства, воспроизведя легенды из истории Скифии I в.н.э., сразу же перешел бы к истории царя Николая II.

Несмотря на тысячелетние скачки в хронологии Геродота, историки строили свою хронологическую сетку в основном по Геродоту. В частности, именно у него они узнали впервые о чудовищной длительности истории Египта:

«Они объяснили мне, что со времени первого египетского царя и до последнего жреца Гефиста прошло 341 поколение людей, и за это время было столько же верховных жрецов и царей. Но 300 поколений составляет 10000 лет, считая по три поколения в столетие. Да сверх 300 еще 41 поколение дает 1340 лет. Таким образом, по словам жрецов, за 11340 лет в Египте царствовали только смертные люди, а не боги в человеческом образе...» ([44], стр.124).

Естественно, что критически настроенные специалисты восприняли хронологическую информацию Геродота крайне недоверчиво. Так, например, профессор Мук выдвинул гипотезу, что срок правления каждого жреца фактически был значительно меньшим, чем полагал Геродот: не 3 поколения в столетие, а 4 или 5 (20—25 лет правления в среднем для каждого жреца). Это дает, естественно, меньшую цифру, 7 — 8 тыс. лет. Некоторые другие специалисты еще более уменьшали среднюю длительность правления жреца (например, брали 17 лет), что еще более сжимало сроки существования цепочки египетских династий. Но никто из исследователей не задался естественным вопросом: где гарантия того, что названные жрецы все

правили последовательно друг за другом, ведь не исключено, что в действительности весь этот длинный список состоит из нескольких, более мелких списков, описывавших династии, правившие параллельно, или просто называвших одну и ту же династию различными прозвищами. Жрецы могли и не обманывать Геродота — они назвали ему общее число правителей, не вдаваясь в подробности, кто из них правил последовательно, а кто параллельно.

Что же касается «мелких» ошибок в хронологии — на 30—40 лет, то они заполняют труд Геродота густым слоем:

«Питтак не мог встретиться с Крезом в 560 г. (кстати, такой даты в тексте Геродота нет. — *Авт.*), так как умер в 570 г. до н.э.» ([44], стр.502).

«...В этом ошибка Геродота, ибо путешествие Солона падает на 594—584 гг. Крез же царствовал с 560 г. до н.э. Поэтому Солон не мог встретиться с Крезом. Посещение Солоном Амасиса (егип. Аб-мосе), который царствовал с 569 по 526 г., также противоречит хронологии» ([44], стр.502).

«Хронология источников Геродота здесь ненадежна. Эти события должны были относиться уже к 490 г. до н.э. — году Марафонской битвы» ([44], стр.529).

Нас уверяют, что здание истории стройное и непротиворечивое. Но как же так? Ведь у Геродота целая страница посвящена подробному изложению взаимоотношений Креза с Солоном (см. [44], стр.19), а нам говорят, что «Солон не мог встретиться с Крезом». Может быть, прав Геродот, а неправа традиционная хронологическая сетка?

Геродот путается не только в хронологии. Оказывается, что жрецы - информаторы Геродота — не знали собственных царей:

«За Минем следовало 320 других царей, имена которых жрецы перечислили мне по своей книге. В течение стольких людских поколений среди этих царей были эфиопы и одна женщина-египтянка. Все остальные были мужчины и египтяне. Царицу же эту звали, так же как и ту вавилонскую, Нитокрис» ([44], стр.109).

Читаем комментарий: «Сведения Геродота о египетских фараонах до эпохи эфиопских царей (715—663 гг. до н.э.) восходят к двум различным преданиям (откуда это известно? — *Авт.*). Из первого предания взяты рассказы о Нитокрис (VI династия), о царях XII династии Сесострисе III и Морисе (Аменемхет III). Второе предание является источником народных сказок (? — *Авт.*) о Рампсините (Рамзес III) и царях IV династии Хеопсе, Хефрене и Микерине. Геродотова хронология царей не соответствует царской хронологии во фрагментах царских списков Манефона» ([44], стр.512).

«Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев» ([44], стр.110). Читаем комментарий: «Геродот путает царя Сесостриса с царем Псамметихом I...» ([44], стр.512). Геродот не только получал от жрецов ложную информацию (добавим: ложную, по мнению традиционных историков), но и те события, которые видел собственными глазами, передает с грубыми ошибками:

«У них (у египтян. — *Авт.*) употребляется, впрочем, двоякого рода письмо: оно называется священным (иератическим), а другое демотическим (общенародным)» ([44], стр.91).

*Но историкам лучше известно, какое письмо употреблялось во времена Геродота. (Неясно только, откуда у них эта информация.) Читаем комментарий: «Здесь Геродот неточен. В его время у египтян было распространено древнейшее иероглифическое письмо (для надписей), иероглифическое упрощенное письмо, иератический курсив (для деловых бумаг и писем) (кстати, никакой «бумаги» еще нет. — *Авт.*) и, наконец, демотическое письмо (для широкого употребления)» ([44], стр.510). Значит ли это, что, по мнению историков, Геродот не видел надписей, выполненных иероглифами? Геродот не знает и географии:*

«Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (П 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр») ([44], стр.492).

«Приводимые Геродотом цифры совершенно не сходятся с данными о величине Черного моря, известными из древних географий» ([44], стр.521).

Нет, поистине надо крепко верить в Геродота, чтобы и после этого в нем не сомневаться! Может быть, разгадка в том, что, «как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны...» ([44], стр.495).

Единственный источник надо ценить, и проф. Борухович заявляет: «Зато для Саисской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее» ([44], стр.485). Еще бы! Ведь других источников нет!

Сведения Геродота о Персии

Геродот рассказывает также о Персии. По мнению историков, здесь дело обстоит лучше: «Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями» ([44], стр.485—486). Однако откуда получена Геродотом информация о персидской державе, у историков имеются только гипотезы. К тому же «объяснение Геродотом персидских трех царских имен показывает, что он совершенно не знал иранских языков» ([44], стр.531). Было предположено, что информатором Геродота о персидских делах мог быть Зофир (см. [44], стр.482). Этого предположения оказалось достаточно для того, чтобы Б.А. Тураев написал: «Зофир, поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из преданий своего рода...» ([32], т.2, стр.127).

Мы видим, как предположение превратилось в утверждение. Интересно, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи» ([44], стр.482).

«Геродот сильно преувеличил размеры Вавилона. По данным раскопок, окружность города не превышает 18 км» ([44], стр. 507).

Но как же так? Геродот подробнейшим образом описывает огромный город, заканчивая свое изложение так: «Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю» ([44], стр.67).

Мы считаем это противоречие между Геродотом и традиционной историей очень серьезным.

По Геродоту, окружность Вавилона составляет около 90 км (!). Это, по его словам, грандиозная столица. *Либо Геродот никогда не видел того, что он описывает, либо он описывает какой-то другой город, а не те развалины не очень крупного поселения в пустыне, которые археологи поспешно приняли за Вавилон.*

Мы прекратим на этом перечисление ошибок Геродота, поскольку это становится уже утомительным. Читатель может сам удлинить их список, просмотрев комментарии в [44], которые переполнены утверждениями, что «здесь Геродот ошибся...», «здесь Геродот путает...» и т.д. и т.п.

Ошибался ли Геродот

Слишком уж много ошибок у Геродота! Неужели безвестные информаторы Геродота только и делали, что его обманывали?

А может быть, это не ошибки? Не ошибаются ли сами историки? Ведь их опровержения Геродота покоятся на очень и очень сомнительных основаниях... Вот, например, Геродот пишет: «Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило...» ([44], стр.34), а в комментарии мы читаем: «Это солнечное затмение произошло 28 мая 585/4 г. до н.э. Геродот же взял другое затмение, именно 30 сентября 610 г., и потому отодвинул на 25 лет смерть Гигеса и включил в число исторических фактов свидания Креза с Солоном, Питтаком и Алкмеоном (В.В. Струве. Этюды, стр.98). Таким образом, неправильная датировка событий в Малой Азии и Греции VII—VI вв. до н.э. обусловлена не субъективными религиозно-моральными воззрениями Геродота, а неправильной датировкой предсказанного Фалесом солнечного затмения (В.В. Струве. Этюды, стр.100)» ([44], стр.504).

Здесь речь идет о затмении № 2 по списку Гинцеля (см. §5). Напомним, что проблема датировки этого солнечного затмения была объектом длительной и ожесточенной дискуссии (что и неудивительно, поскольку никаких астрономических характеристик затмения Геродот не сообщает, и потому приходится не по солнечному затмению находить дату, а, наоборот, по дате, почему-то привлекающей исследователя, подбирать затмение). Было предложено более десятка различных затмений на интервале около 70 лет. В частности, затмение 28/V 585/4 г. до н.э. предложено Бозаннэ, а затмение 30/IV 610 г. до н.э. — Байли. Мнение Струве, что Геродот имел в виду первое затмение, а описал второе, обосновывается лишь гипотезами и вертится в порочном кругу.

К слову сказать, Геродот упоминает всего три затмения (№ 2, 4 и 5 по списку Гинцеля) и снова без каких-либо подробностей. Поэтому использование их упоминаний для целей датировки невозможно, а уверенные заявления типа «Это было 2 октября 480 г.» ([44], стр.543) являются, в лучшем случае, плодом недомыслия.

Таким образом, мы неожиданно смыкаемся с проф. Боруховичем в доверии Геродоту, но, конечно, совсем на другой базе. Мы вообще склонны доверять связным и подробным кускам текста — их трудно выдумать «на пустом месте». Другое дело — как эти куски понимать. Ведь понимание (интерпретация) текста есть функция не только самого текста, но и общей предварительной установки читателя (исследо-

вателя). Если мы предположим, что книга Геродота является средневековым сочинением, трактующим (пусть в несвязной и спутанной форме) о каких-то событиях и людях той эпохи, то сразу отношение к ней изменится, и бывшие «ошибки», быть может, окажутся чистой правдой.

Апокрифичность Геродота

Но есть ли основания считать книгу Геродота написанной в средние века? Оказывается, что такие основания есть и некоторые из них очень серьезны. Начнем сначала с мелочей.

Делаемое Геродотом отождествление направлений течения Нила и Дуная оказывается, как сообщает сам проф. Борухович, было широко распространено в средневековой Европе вплоть до конца XVIII века (см. [44], стр.493).

Геродот пишет:

«Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают океан обтекающим землю, которая кругла, словно вычерчена циркулем» ([44], стр.196).

Смотрим комментарий. Оказывается, что в оригинале стоит слово, которое допускает равноправный второй перевод: «Или: «Словно выточена на токарном станке»» ([44], стр.520). Как это понимать? Во времена Геродота уже известны токарные станки?

Даже специалисты-астрономы без тени сомнения принимают сообщение Геродота, что «египтяне же считают 12 месяцев по 30 дней и прибавляют каждый год (в конце) еще 5 дней сверх (этого) числа, причем у них круговращение времен года (всегда) приходится на одно и то же время» ([44], стр.81), не замечая, что оно грубо противоречиво: разница в 1/4 дня быстро накапливается и приводит к сильному дрейфу календаря по климатическим периодам.

Поэтому, если мы поверим Геродоту в том, что календарь не дрейфовал, то нам придется признать, что в первой половине фразы он опустил пояснение «или 6 дней», т.е. что Геродотовы египтяне пользовались юлианским (!) календарем.

Фукидид считается младшим современником Геродота. Существует даже басня о том, что будто однажды Геродот читал публично свою историю, а присутствовавший при этом Фукидид, слушая чтение, заплакал. Геродот якобы заметил это и сказал отцу Фукидида, Олору: «Олор, природа твоего сына жаждет знаний» (см. [9], введение).

Сам Геродот лишь вскользь упоминает о Пелопоннесской войне (см. [44], стр.439), но и этого нам достаточно. Поскольку в § 2 мы установили, что «История» Фукидида описывает события XII века, то и описания Геродота мы должны отнести туда же (так что, кстати сказать, греко-персидские войны, описанные Геродотом, мы должны искать в XI—XII веках; стоит в этой связи заметить, что общепринятым наименованием турок в средневековье было «персы»).

В этой связи обращает на себя внимание также ряд замечательных сообщений Геродота этнографического плана.

Крестоней у Геродота

Геродот неоднократно говорит о больших людских массах, называемых крестонейми, или крестонами. Более того, существует целая область Крестония, город Крестон и т.д.

«...Ксеркс же во главе сухопутного войска выступил из Аканфа, избрав прямой путь через внутренние области страны на Ферму. Путь лежал через Теонию и Крестонию к реке Эхидору. Река эта берет начало свое в Крестонии...» ([44], стр.345).

«Из перечисленных рек в одном только Эхидоре, вытекающем из земли крестонов, не хватило воды...» ([44], стр.345).

«Там царь бисальтов и крестонийской земли, фракиец, совершил чудовишный поступок...» ([44], стр.408).

Примеры можно умножать очень долго, поскольку упоминания о крестонах рассыпаны по всему тексту Геродота.

Встречаются также имена, производные от слова «кросс»: «...Область же, где они расположены, еще и поныне называется Кроссеей» ([44], стр.344).

Геродот относится к крестонейам, как к хорошо известной людской массе, племени, народу, не считая нужным пускаться в подробности их жизни, как он это делает по отношению к далеким и неизвестным племенам. Более того, по отношению к местам их расселения крестоней служат своеобразной точкой отсчета:

«Нравы и обычаи у всех одинаковы, кроме гетов, травсов и племен, живущих севернее крестонеев» ([44], стр.239).

«...У племен же, обитающих севернее крестонеев, существует вот какой обычай...» ([44], стр.240).

Согласно Геродоту крестоней играли большую роль в этногенезе эллинов:

«На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне, они некогда были соседями племени, которое ныне называется дорийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотиде... Из этого можно вывести заключение... пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти края. Что до эллинского племени, то оно, по-моему, с самого начала говорило на одном и том же языке. До своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен» ([44], стр.27).

Запомним же, что аттический народ, таким образом, варварский по происхождению и первоначально говорил на языке крестонов, которые пришли откуда-то в Грецию, и слились с эллинами, после чего «аттический народ был расколот и подавлен междоусобными смутами» ([44], стр.27).

Естественно ожидать, что столь важный народ, как крестонеи, историками отождествлен и подробно изучен. Однако нет! Историки хранят по поводу крестонеев удивительное молчание! Вот все упоминания о крестонеех в комментариях:

1. «Племена фракийцев, живших над крестонееми, обитали между верховьями совр. Струмы и Вардаром» ([44], стр.524).
2. «Крестон — город в Халкидике, I, 57» ([44], стр.571).
3. «Крестония — область во Фракии, VII, 124, 127, VIII, 116» ([44], стр.571).
4. «Кроссея — область во Фракии, VII, 123» ([44], стр.571).

Таким образом, в комментариях лишь повторяются сведения Геродота без каких-либо добавлений и разъяснений.

Более того, смотрим подробнейшую карту мира по Геродоту, приложенную к берлинскому изданию Геродота 1964 г. и воспроизведенную (в виде вкладки) в [44]. На этой карте отмечены все, даже мелкие города и поселения, упомянутые в книгах Геродота. Но ни крестонеи, ни крестоны, ни город Крестон, ни область Крестония, ни область Кроссея не отмечены на этой карте. Составители

карты предпочли почему-то умолчать обо всех этих племенах и областях!

В свете тесной связи Фукидида и Геродота невольно возникает предположение, что под именем крестонеев Геродот выводит крестоносцев, которые в начале XIII века захватили Грецию и положили начало так называемым «крестоносным государствам».

Тот факт, что «крест» является славянским словом, смущать нас не должен, поскольку в греческом языке славянизмы весьма многочисленны. Слово «кросс» говорит об английском влиянии, вполне, с нашей точки зрения, естественном, поскольку английские рыцари были, как известно, активными участниками крестовых походов.

Заключение

Наш вывод об апокрифичности Геродота базируется в основном на астрономически доказанной апокрифичности Фукидида. Это пример, как доказательство апокрифичности одной книги влечет доказательство апокрифичности другой, сцепленной с ней, книги.

Тем не менее и в самом тексте Геродота имеется, как мы видели, немало «странностей», заставляющих усомниться в ее аутентичности. Не говоря уже о «таинственных» крестонеех, настораживает само обилие ошибок Геродота, т.е., говоря более точно, его расхождений с ортодоксальной хронологической сеткой. Человек может лгать по многим причинам, но почему Геродоту (или его информаторам-жрецам) нужно было путать политически и идеологически нейтральную хронологию, в рамках традиционной схемы совершенно необъяснимо.

В гл. 13 мы обоснуем новую хронологию Египта, согласующуюся в основном с информацией Геродота.

1. Статистика затмений определенно указывает на апекрифированность всех описаний затмений до IV века н.э. (см. § 5 и 6).

2. Трудности, связанные с нечеткими описаниями затмений в источниках, не позволяют, как правило, дать абсолютно надежную астрономическую датировку (см. § 5).

3. Единственным исключением является Фукидид, чьи затмения позволяют неоспоримо датировать его сочинение временем после XII века н.э. (см. § 2).

4. При самой естественной (и теоретически единственной) календарной гипотезе астрономия однозначно относит сочинения Тита Ливия в эпоху средневековья (см. § 4).

5. То же самое относится к сочинениям Плутарха и Полибия (затмение № 27 по списку Гинцеля), Обсеквенса (затмения № 28 и 29) и Аврелия Виктора (затмение № 48), а также к речи бл. Иеронима (затмение № 57), впрочем, эта речь, естественно, нас мало интересует (см. § 5).

6. История Геродота по всем данным также является средневековым сочинением; правда, астрономических зацепок для этого вывода нет.

Против новых датировок Фукидида и Ливия можно было возражать, что в их тексты вставлены позже лишь описания затмений, а все остальное является чистой правдой. Но мы видим, что такого рода операция была почему-то произведена над большинством античных сочинений, причем, несмотря на поражающее впечатление, которое солнечные затмения должны производить на человека (особенно в древности), ни в одном античном сочинении затмение не описано настолько подробно, чтобы его можно было надежно датировать. Быть может, авторы якобы античных сочинений нарочно столь невнятно описывали затмения?

Астрономический метод, конечно, ничего не может сказать об аутентичности сочинений, в которых нет астрономических «зацепок». Однако же все здание «античных источников» настолько крепко сцементировано взаимными ссылками и описаниями одних и тех же событий, что удаление из него хотя бы одного кирпича влечет неизбежное разрушение всего здания.

Обратим в заключение внимание на время появления первых, астрономических надежных хроник. Это — середина IV века. Все значение этой даты в истории человечества мы выясним лишь постепенно, в ходе исследования. Пока мы только просим читателя эту дату запомнить.

Глава 3

«АЛЬМАГЕСТ» ПТОЛЕМЕЯ И АНТИЧНАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В этой главе мы проанализируем «на подложность» крупнейшее научное сочинение античности — знаменитый «Альмагест» Птолемея, а также вкратце обсудим общий вопрос о средневековом происхождении античной научной литературы и о последствиях ее апокрифирования в древность.

Анализ сочинения Птолемея основывается на довольно тонких астрономических фактах и требует от читателя соответствующей подготовки. Хотя мы и излагаем все необходимые сведения в § 1, но все же для неподготовленного читателя он может быть несколько труден.

§ 1. Координаты звезд на небесной сфере

Созвездия. — Горизонтальные координаты. — Экваториальные и эклиптикальные координаты. — Суточное движение. — Определение координат светил из наблюдений. — Прецессия. — Прецессия календаря. — Прецессия эклиптики.

§ 2. Птолемей и его «Великое творение»

Характеристика Птолемея. — Издания «Альмагеста». — Каталог звезд. — Время составления каталога. — Величина прецессии. — Прецессия у Птолемея. — Еще одно возражение. — Улучшения в греческом издании. — Учет рефракции. — Перекос эклиптики. — Эклиптикальные координаты. — Начало звездного каталога. — Конец звездного каталога. — Звездные карты. — Ошибки Дюрера. — Апокрифичность «Альмагеста». — Лунные затмения. — Итоги. — Автор «Альмагеста».

§ 3. Солнечные, лунные и лунно-солнечные календари.

Тропический и календарный год. — Синодический и календарный месяц. — Лунно-солнечные календари. — Ассуанские документы. — Метонов цикл. — Реконструкция Идельсона. — Дополнительные соображения Морозова.

§ 4. Происхождение «античной» научной литературы

Механизм создания научных трактатов. — История «находок» и опубликования «античных» математических рукописей (Евклид, Диофант, Архимед, Аполлоний). — Причины апокрифирования научных работ. — Аристарх из Самоса. — Заключение. — Формула объема амфор.

§ 5. Последствия апокрифирования средневековой науки в древность

Преувеличенная оценка древней науки. — Исключительность античного общества. — Легенда о «темных веках». — Эволюционная точка зрения. — Параллелизмы.

Итоги главы

§ 1. Координаты звезд на небесной сфере.

Созвездия

Для приблизительного указания местоположения звезд (или любых других светил) на небесной сфере пользуются *созвездиями*, т.е. некоторыми условными исторически сложившимися группировками звезд. Особое значение имеют созвездия, расположенные на пути видимого годового движения Солнца. Эти созвездия называются *зодиакальными*, а полоса неба, ими занятая, называется *зодиаком*. Всех зодиакальных созвездий 12, и в каждом из них Солнце находится приблизительно около месяца.

Происхождение названий зодиакальных созвездий теряется во тьме времен. Во всяком случае нет сомнения, что они ведут свое начало с момента зарождения астрономии (астрологии).

Кроме названия, каждое зодиакальное созвездие имеет свой символ, также имеющий астрологическое происхождение. Смысл каждого такого символа (насколько он поддается расшифровке), как правило, тот же, что и названия созвездия.

Зодиакальное созвездие и его символ	Месяц, когда Солнце находится в созвездии
Рыбы ♋	март
Овен ♈	апрель
Телец ♉	май
Близнецы ♊	июнь
Рак ♋	июль
Лев ♌	август
Дева ♍	сентябрь
Весы ♎	октябрь
Скорпион ♏	ноябрь
Стрелец ♐	декабрь
Козерог ♑	январь
Водолей ♒	февраль

Во всякое время года созвездия, среди которых находится Солнце, недоступны для наблюдений, и лучше всего видна противоположная часть зодиака.

Движение Солнца по зодиакальным созвездиям медленно меняется с течением времени (см. ниже). Например, в настоящее время Солнце

проходит середину созвездия Овна около 17 апреля (с.с.), а в начале нашей эры оно проходило середину этого созвездия 4 апреля. Подробная таблица положений Солнца в созвездиях от нашего времени до 3000 года составлена Вильевым. Она воспроизведена в [4] (стр.51).

Звезды созвездий обозначаются греческими буквами (альфа, бета, гамма, ...), как правило, в порядке убывания их яркости. Этот способ был предложен в 1603 г. Байером и с тех пор вошел во всеобщее употребление.

Более точно местоположение светил на небесной сфере задается посредством двух координат. Существует много различных систем координат. Мы опишем четыре главнейшие.

Горизонтальные координаты

Линия отвеса (перпендикуляр к земной поверхности в местах наблюдения), мысленно продолженная вверх, пересекает небесную сферу в точке *зенита*, а продолженная вниз — в точке *надир*. Большой круг небесной сферы, плоскость которого перпендикулярна отвесной линии, называется *горизонтом*, а большие круги, проходящие через зенит и надир, называются *кругами высоты* или *вертикальными кругами*. Круг высоты, проходящий через светило, называется *вертикалом* этого светила.

Прямая, параллельная оси вращения Земли, проходящая через центр небесной сферы (который мы представляем себе совмещенным с наблюдателем), называется *осью мира*. Ее точки пересечения с небесной сферой называются *полюсами мира*. Полос, относительно которого суточное вращение происходит (при наблюдении из центра небесной сферы) по часовой стрелке, называется *Южным*, а противоположный — *Северным*. Вблизи Северного полюса расположена довольно яркая *Полярная звезда* (альфа Малой Медведицы).

Точка горизонта, ближайшая к Северному полюсу мира, называется *точкой Севера*, а противоположная ей точка — *точкой Юга*. Между точками Севера и Юга расположены точки *Востока* и *Запада*.

Азимут светила называется дуга горизонта от точки Юга до точки пересечения горизонта с вертикалом светила, лежащей в той же полусфере, что и само светило. Азимут отсчитывается на запад от 0° до 360°. *Высотой* светила называется дуга вертикала от горизонта до светила. Высота отсчитывается от 0 до 90° к зениту и от 0 до 90° к надиру. Вместо высоты используется также *зенитное расстояние* светила, равное дуге вертикала от зенита до светила и отсчитываемое

от 0 до 180°. Азимут и высота (или зенитное расстояние) полностью определяют положение светила на небесной сфере. Они называются *горизонтальными координатами* светила. Вследствие вращения небесной сферы они непрерывно меняются со временем.

Экваториальные и эклиптикальные координаты

Большие круги, проходящие через полюсы мира, называются *кругами склонения* или *часовыми кругами*. Круг склонения, проходящий через зенит, называется *небесным меридианом*. Большой круг небесной сферы, плоскость которой перпендикулярна оси мира, называется *небесным экватором*. Он делит небесную сферу на две полусферы — северную и южную и пересекается с горизонтом в точках Востока и Запада.

Часовым углом светила называется угол на сфере между меридианом и кругом склонения светила. Он измеряется дугой экватора от его самой южной точки до точки пересечения экватора с кругом склонения светила и отсчитывается к западу от 0° до 360° (или к западу от 0° до 180° и к востоку от 0° до -180°). Вместо градусов часто используется единица *час*, равная по определению 15°, т.е. 1/24 доле полной окружности.

Склонением светила называется дуга круга склонения светила от экватора до светила. Отсчитывается склонение от 0 до 90° к северу и от 0 до -90° к югу. Вместо склонения используется также *полярное расстояние* светила, равное дуге круга склонения от Северного полюса до светила и отсчитываемое от 0 до 180°.

Часовой угол и склонение также однозначно определяют положение светила; они составляют так называемую *первую экваториальную систему координат*. Склонение не зависит от вращения небесной сферы, и часовой угол изменяется пропорционально времени (отсюда и измерение его часами).

Эклиптикой называется большой круг, по которому в первом приближении Солнце совершает свой видимый годичный путь. Плоскость эклиптики параллельна плоскости земной орбиты. Угол наклона плоскости эклиптики к плоскости экватора медленно меняется со временем. В настоящее время он равен приблизительно 23°27'.

Две диаметрально противоположные точки небесной сферы, наиболее удаленные от эклиптики, называются *полюсами эклиптики* — *северным* и *южным*. Северный полюс эклиптики расположен в настоящее время в созвездии Дракона, посередине между Полярной звездой и одной из самых ярких звезд северного неба — Вегой (альфой

Лиры), южный — в созвездии Золотой Рыбы. Большие круги, проходящие через полюсы эклиптики, называются *кругами широты*.

Точка пересечения эклиптики и экватора, которую Солнце проходит, двигаясь из южного полушария небесной сферы в северное, называется *точкой весны* или *точкой весеннего равноденствия* (в этот момент день равен ночи) и обозначается знаком Υ . Противоположная точка называется *точкой осени* или *точкой осеннего равноденствия* и обозначается знаком D . Точка весны находится в созвездии Рыб, в точка осени — в созвездии Девы. Никаких ярких звезд вблизи их нет.

Круг склонения, проходящий через точки весны и осени, называется *коляром равноденствий*.

Момент прохождения Солнца через точку весны (осени) считается (в северном полушарии) астрономическим началом весны (осени). По действующему (григорианскому) календарю начало весны приходится на 21 марта (день весеннего равноденствия), а начало осени — на 23 сентября (день осеннего равноденствия).

Прямым восхождением светила называется дуга экватора от точки весны до точки пересечения экватора с кругом склонения светила. Оно измеряется в часах от 0 до 24 часов и отсчитывается с запада на восток. Подобно склонению прямое восхождение не зависит от суточного вращения небесной сферы, вместе со склонением оно составляет *вторую экваториальную систему координат*.

В астрономических таблицах местонахождение светил обычно характеризуется как раз склонением и прямым восхождением.

Разность между часовым углом и прямым восхождением в каждый момент равна часовому углу точки весны и потому не зависит от светила. Этот часовой угол называется *звездным временем*.

Долготой светила называется дуга эклиптики от точки весны до точки пересечения эклиптики с кругом широты светила. Она отсчитывается от 0 до 360° в направлении возрастания прямых восхождений. *Широтой* светила называется дуга круга широты от эклиптики до светила, отсчитываемая от 0 до 90° к северу и от 0 до -90° к югу. Долгота и широта называются *эклиптическими* (или *эклиптикальными*) *координатами*.

Суточное движение

Картина суточного движения светил нам всем хорошо известна. Каждое светило равномерно движется по кругу, параллельному экватору, против часовой стрелки (для наблюдателя в северном полушарии Земли). Если полярное расстояние ρ звезды меньше

(северной) географической широты φ места наблюдения, то этот круг целиком лежит выше горизонта. Такая звезда называется *незаходящей*. Если $\varphi < \rho$ и $\rho + \varphi > 180^\circ$, то звезда никогда не появляется над горизонтом (*невосходящая звезда*). Если ρ и $\varphi < 180^\circ$, то звезда *всходит и заходит*. Восход (заход) звезды, совпадающий с восходом (заходом) Солнца, называется *гелиакическим*.

Прохождение светила через меридиан при суточном вращении называется его *кульминацией*. Если светило кульминирует к югу от северного полюса мира, кульминация называется *верхней*; в противном случае — *нижней*.

Период времени, равный 24 часам звездного времени, т.е. время между двумя последовательными верхними кульминациями какой-нибудь звезды (мы пренебрегаем здесь собственными движениями звезд), называется *звездными сутками*. Время возвращения Солнца в его годовом движении по небесной сфере к какой-нибудь звезде (т.е. период обращения Земли по орбите) называется *звездным* (или *сидерическим*) *годом*. Он короче тропического года на 20 мин.

Определение координат светил из наблюдений

Полярное расстояние незаходящей звезды равно полуразности ее зенитных расстояний в кульминациях. Поэтому наблюдение кульминаций позволяет определить склонение незаходящих звезд. Для любой звезды сумма склонения, зенитного расстояния в нижней кульминации и географической широты места наблюдения равна 180° . Поэтому из наблюдений незаходящих (лучше всего околополярных) звезд можно определить широту места, после чего для вычисления склонения произвольной звезды достаточно измерить ее зенитное расстояние в любой кульминации. Таким образом, для определения склонений звезд достаточно уметь измерять их зенитные расстояния в кульминациях, что без труда осуществляется простейшими угломерными инструментами, неподвижно закрепленными в плоскости меридиана (если, конечно, не требовать большой точности).

Если прямые восхождения отсчитываются не от точки весны, а от какой-нибудь яркой звезды (как это и было на заре астрономии), то для определения прямого восхождения любого светила достаточно часов, поскольку оно равно разности момента кульминаций светила и момента кульминаций «начальной» звезды. Но при отсчете прямого восхождения от точки весны, не отмеченной на небесной сфере никакой яркой звездой, приходится для их измерения поступать

довольно сложным образом. Можно, например, измеряя меридианные зенитные расстояния Солнца, найти его склонение. Оно непрерывно изменяется, достигая максимума в период солнцестояний. Поскольку этот максимум равен наклону эклиптики к экватору, мы тем самым, в частности, найдем и этот наклон. Но, зная наклон эклиптики к экватору и склонение Солнца, можно, решая соответствующий сферический треугольник, найти и прямое восхождение Солнца. После этого остается принять Солнце за «начальную» звезду. Поскольку наблюдения Солнца сложны с технической стороны и недостаточно точны, для определения точки весны привлекаются наблюдения других тел Солнечной системы, в частности малых планет.

Во всяком случае, мы видим, что основой измерения обеих экваториальных координат (склонения и прямого восхождения) являются наблюдения звезд в кульминациях. Для этого требуются только достаточно точный угломерный инструмент (для измерения зенитных расстояний) и точные часы (для измерения момента кульминации).

На измерение зенитных расстояний вредное влияние оказывает рефракция (преломление лучей в атмосфере Земли). Ошибка рефракции может достигать $0,5^\circ$.

Вместо экваториальных координат, иногда удобнее с помощью инструментов типа теодолита или астролябии получать непосредственно из наблюдений горизонтальные координаты светил (на азимут рефракция не влияет), которые можно по формулам сферической тригонометрии пересчитать, зная точное время наблюдений, в склонение и прямое восхождение.

Эклиптические координаты в настоящее время находят не из наблюдений, а вычисляют по экваториальным. Однако прежде их также находили из наблюдений: например, сохранились так называемые *армилярные сферы*, принадлежащие Тихо Браге, с помощью которых он непосредственно отсчитывал долготы и широты светил. Однако этим путем получаются значительно худшие по точности результаты.

Эклиптические координаты полезны при изучении движения планет, для светил же, не имеющих собственного движения вокруг Солнца (звезд), они неудобны (как с теоретической, так и с практической, наблюдательной, точки зрения). Именно поэтому все современные астрономические таблицы используют экваториальные координаты.

Прецессия

Однако экваториальные координаты имеют один существенный, не столько практический, сколько теоретический дефект: они медленно, но довольно заметно изменяются со временем. Это изменение вызвано так называемой *прецессией* земной оси, состоящей в том, что она не остается неподвижной, а движется по некоторому конусу. (Это — хорошо известное движение волчка.) Прецессия оси очень медленная: один оборот продолжается около 26 тыс. лет. Прецессия не меняет наклона земной оси к плоскости орбиты. Поэтому в результате прецессии полюс мира за 26 тыс. лет описывает окружность с центром в полюсе эклиптики, имеющую радиус приблизительно в $23,5^\circ$. Как мы уже отмечали, в настоящее время полюс мира находится около альфы Малой Медведицы (Полярной звезды), а 4 тыс. лет назад ближайшей к полюсу звездой была альфа Дракона, через 12 тыс. лет Полярной звездой сделается Вега (альфа Лиры).

Поскольку прецессирует полюс мира, то прецессирует и экваториальная плоскость (по отношению к эклиптикальной), что выражается в медленном перемещении точек равноденствия среди звезд к западу. С начала нашей эры, например, точка весеннего равноденствия передвинулась из созвездия Овна в созвездие Рыб. Величина этого дрейфа составляет полных 360° в 26 тыс. лет; следовательно, в год равноденственные точки передвигаются приблизительно на $50,2''$ (и на 1.393° в век). Эта величина называется *общей годовой прецессией*.

Так как точка весеннего равноденствия служит началом отсчета в экваториальной системе координат, то вследствие ее движения прямые восхождения и склонения меняются. Это вызывает очень медленное изменение вида звездного неба. Так, через несколько тысяч лет Орион и Сириус опустятся вниз, и появится невидимый сейчас в Европе Южный Крест.

Так как движение точек равноденствия направлено навстречу годичному движению Солнца, то Солнце вступает в эти точки каждый год немного раньше, чем если бы они были неподвижны. Это вызывает *предварение равноденствий*, т.е. более раннее наступление равноденствий. Поэтому тропический год и короче звездного года на 20 минут; именно столько времени нужно пройти Солнцу, передвигающемуся к востоку на 1° в сутки, чтобы пройти дополнительные $50,2''$. Этот дрейф тропического года относительно звездного года также называется прецессией.

Прецессия календаря

На практике при измерении длительных промежутков времени мы пользуемся тем или иным календарем. Соответствующий календарный год необходимо расходится с тропическим годом. Это расхождение, сложенное с расхождением тропического года относительно звездного года, т.е. расхождение календарного года со звездным, называется *прецессией календаря*. Ее можно измерять либо в градусах, либо в сутках.

Прецессия современного григорианского календаря, как наиболее близкого к идеальному, климатическому, почти равна прецессии тропического года и составляет $1,396^\circ$ в век. Прецессия юлианского календаря равна $0,627^\circ$ в век (так что юлианский год ближе к звездному, чем григорианский), а прецессия еврейского календаря равна $0,99^\circ$ в век, т.е. почти 1° в век.

Прецессия эклиптики

Прецессионный дрейф точки весны вызывает изменение и эклиптикальных координат. Ясно, что в результате прецессии долготы всех звезд ежегодно увеличиваются на $50,2''$. Этот сдвиг долгот можно уничтожить, приняв за начало отсчета не точку весны, а какую-нибудь звезду. Так, например, поступил Коперник, который принял за начальную звезду гамму Овна. Коперник рассчитывал получить таким образом «вечный» звездный каталог, поскольку, как легко видеть, широты звезд прецессией не затрагиваются. Однако позже выяснилось (этот факт подозревал еще Тихо Браге, но окончательно он был установлен только в XVIII веке), что на самом деле плоскость эклиптики также подвержена прецессионному дрейфу. Этот дрейф очень мал и непостоянен. В настоящее время он равен приблизительно $0,11''$ в год.

§ 2. Птолемей и его «Великое творение»

Характеристика Птолемея

Птолемей, вместе с Гиппархом, считается основоположником современной астрономической науки, а сочинение Птолемея «Альмагест» (что в переводе означает «Великое творение») — бессмертным памятником античной науки. Вот, например, что пишет, излагая традиционную точку зрения, известный советский историк астрономии Н.И.Идельсон:

«Клавдий Птолемей — астроном II в. н.э.; из его книги, полное название которой «Математический синтаксис (т.е. трактат) астрономии в XIII книгах», видно, что он наблюдал в Александрии в Египте в середине царствования Антонина Пия (138—161 г. н.э.); *никаких других биографических сведений о нем не имеется*; но в средние века само созвучие его имени с именами многочисленных династов, правивших Египтом после смерти Александра Македонского (Птолемей Лаг, Птолемей Сотер и др.), придавало некий таинственный ореол его «Синтаксису». (Не потому ли, в отличие от многого другого, этот обширный трактат дошел до нас в безупречной сохранности?) Ознакомление с «Синтаксисом» в латинских странах шло первоначально через арабские переводы греческого текста, относящиеся к IX—XI вв.; от арабов же за трактатом Птолемея утвердилось название «Альмагест» — испорченное греческое «Мегистэ», т.е. «величайший». Первое печатное издание «Альмагеста» по-латыни вышло в 1515 г. в Венеции, оно представляет собой тяжелый перевод с арабских рукописей, выполненный еще в конце XII в. Герардом Кремонским. Следующее латинское издание (Венеция, 1528) основано на первом, неудачном, переводе, исполненном непосредственно с греческих кодексов (рукописей) Георгием Трапезундским в 1451 г. Первое печатное издание греческого текста (editio princeps) вышло в Базеле в 1538 г., всего за пять лет до появления книги Коперника «Об обращениях небесных сфер»... Кроме «Альмагеста», Птолемею приписывается «География», астрологический трактат «Тетрабиблос» и другие труды.

Гиппарх, «отец астрономии», родом из г. Никеи в Вифании, наблюдал между 160 и 126 гг. до н.э., т.е. приблизительно за 300 лет до Птолемея, отчасти на о.Родосс, отчасти в Александрии, больше о нем ничего неизвестно. В «Альмагесте» Птолемей использует многочисленные наблюдения и действительно изумительные по глубине и точности результаты Гиппарха в теориях Солнца и Луны, а также и подготовленные им материалы для будущей теории планет

(построение же этой последней, вне всяких сомнений, принадлежит самому Птолемею). К сожалению, все те труды Гиппарха, о которых упоминает Птолемей, не сохранились, и с его именем связывается лишь малозначительный «Комментарий» на поэму о небесных явлениях, составленную неким Аратом (II в. до н.э.)» ([84], стр.471—472).

Бесспорно, что имя Птолемея (означающее, как указывает Морозов, «Состязавшийся с Богом») было известно в допечатную эпоху. Например, о Птолемею с большим уважением отзывался в XIII веке учитель Фомы Аквинского Альберт Великий. Однако внимательное изучение упоминаний его имени и вольных пересказов некоторых фрагментов из его труда в сочинениях средневековых авторов показывает, что никто из них, как неоднократно с неудовольствием отмечалось в истории науки, не держал в руках того «Альмагеста», который мы знаем. (Тот же Альберт Великий характеризует Птолемея лишь как выдающегося астролога и мага.)

Издания «Альмагеста»

Перевод Герарда был якобы сделан в 1230 г. по приказанию Фридриха II (1194—1250) с арабского перевода, произведенного будто бы в 827 г. (а по Монтиньо — только в XI в.) с греческой рукописи «Альмагеста». Об этом переводе Бодэ в своей книге об «Альмагесте» говорит: «Из сравнения латинского текста с арабским было замечено, что он неправилен» (см. [4], стр.194). О переводе Георгия Трапезундского, изданном в 1528 г., мы не имеем никакой информации.

Мы поэтому сосредоточим наше внимание на латинском издании «Альмагеста», вышедшем в 1537 г. в Кельне. Этот перевод (о котором почему-то Идельсон не упоминает) также (!) принадлежит перу Георгия Трапезундского, а на его титульном листе четко сказано, что это — **первое издание «Альмагеста».**

Вот этот титульный лист (в русском переводе):

Клавдия Птолемея

Фелудийского Александрийского Философа и Математика
Превосходнейшего

Небесные явления 1022 неподвижных звезд к сему времени
приведенные в особенности для учащихся

*Впервые теперь изданные переводчиком Георгием Трапезундским. С
приложением введения Иоанна Новиомага к долготам и широтам непод-
вижных звезд и еще с приложением 48 изображений Маеврской сферы*

Альберта Дюрера

Издано в Кельне, в 1537 году 25 августа.

Базельское издание 1538 г. произведено с греческой рукописи, которая сейчас хранится в Нюрнбергской библиотеке. Вслед за этим греческим изданием в 1541 г. в Базеле вышел вторым изданием латинский перевод, повторенный с издания 1537 г. (Боде, впрочем, думает, что это издание 1541 года является переизданием венецианского издания), а в 1551 г. вышло и третье издание.

Обилие этих изданий показывает, что в XVI веке содержащаяся в книге Птолемея информация не считалась устаревшей и, несмотря на четырнадцативековую давность, имела для ученых того времени животрепещущий интерес последних научных достижений. Эту мысль иными словами выражает один из крупнейших специалистов по истории точных наук О. Нейгебауэр, указывая, что «нет лучшего способа убедиться во внутренней согласованности древней и средневековой астрономии, чем положить бок о бок «Альмагест», *Opus astronomicum* ал-Баттани и *De revolutionibus* Коперника. Глава за главой, теорема за теоремой, таблица за таблицей — эти сочинения идут параллельно» ([23] стр. 197). Он же утверждает, что «нельзя прочесть ни одной главы Коперника или Кеплера без глубокого знания «Альмагеста» Птолемея» ([23], стр. 19).

Каталог звезд

Одной из важнейших частей «Альмагеста» является содержащийся в ней каталог звезд, о котором в тексте сказано, что он составлен во II веке (точнее, при императоре Антонине Пие) по личным наблюдениям автора с использованием данных Гиппарха.

В первую очередь обращает на себя внимание удивительная сохранность этого каталога, на которую не повлияли многократные переписывания, неизбежные для сохранения его на протяжении более чем тысячи лет. Ведь каждый редактор-издатель знает, как много ошибок даже самый внимательный человек допускает при переписывании цифрового материала. Это одно заставляет нас усомниться в не апокрифичности «Альмагеста».

Вторая особенность каталога состоит в его исключительной точности — координаты звезд даны в нем с точностью до $1/6$ градуса. Конечно, при тщательном изготовлении инструмента достичь такой точности в измерении углов можно в принципе и при античной технике. Но мы знаем, что для измерения координат светил одних угломерных инструментов мало — нужны еще точные часы (для того чтобы получить из наблюдений координаты звезд с указываемой Птолемеем точностью, нужны, как минимум часы отсчитывающие

минуты). Птолемей тщательно описывает употребляемые им инструменты, например армиллярную сферу, но ничего не говорит о часах. Это можно объяснить только тем, что общепринятые тогда методы измерения времени его вполне удовлетворяли, обеспечивая нужную ему точность. Но это разительно противоречит всей традиционной информации о часовой технике того времени (см., например, [96]). Историки астрономии давно все это заметили, но, находясь под гипнозом аутентичности текста Птолемея, они могли лишь с недоумением пожимать плечами.

Обратим внимание, что часы с минутной стрелкой появились в Западной Европе лишь в XV веке, и в это же время начался расцвет «уранометрии» — так тогда называли искусство определения координат звезд.

Третьястораживающая особенность каталога Птолемея состоит в том, что, подобно современным астрономам, он отсчитывает долготы от точки весеннего равноденствия, а мы знаем, с какими трудностями связано определение координат этой точки (см. § 1), практически невозможное без часов, отсчитывающих доли минуты.

Все эти соображения, вызывающие скептическое отношение к звездному каталогу «Альмагеста», можно, конечно, оспорить: в конце концов, возможно, что каким-то чудом нашлась плеяда исключительно внимательных переписчиков, а Птолемей и Гиппарх обладали какими-то способами измерения времени, о которых мы не догадываемся. Мы могли бы более подробно и, надеемся, более убедительно развить наши мысли по этому поводу, но на самом деле в этом нет нужды, потому что существует надежный способ восстановить по самому каталогу время его составления.

Время составления каталога

Действительно, поскольку в каталоге указаны эклиптикальные координаты звезд (долготы и широты), а долготы, как мы знаем, увеличиваются в результате прецессии с каждым годом на $50,2''$, то, разделив на $50,2''$ разность современных долгот звезд и долгот, указанных Птолемеем, мы немедленно получим год составления каталога. Это элементарное вычисление дает шокирующий результат: оказывается, что все долготы звезд, указанных в первом латинском издании «Альмагеста», были наблюдаемы в XVI веке нашей эры, то есть принадлежат времени выхода этой книги в свет! Почему же этот поразительный факт не был отмечен еще Боде, который тщательно изучал и комментировал «Альмагест»? Оказывается (см. [4], стр. 179), Боде изучал греческое, второе, издание, которое является якобы под-

линником (позиция Боды абсолютно естественна: зачем же читать латинский «перевод», когда есть греческий «оригинал», подлинник), а в этом издании (вышедшем через год после появления латинского) все долготы звезд убавлены на $19^{\circ}50''$ по сравнению с долготами в латинском издании, что и дает положение звезд на II в. н.э.

Это неопровержимо свидетельствует в пользу первичного характера латинского текста и вторичного — греческого. Неизвестный автор XVI века (о его личности мы еще поговорим), издавший сначала якобы «перевод» греческого оригинала, не позаботился устранить влияние прецессии, а когда это ему было добрыми друзьями указано, срочно внес необходимые поправки.

Величина прецессии

Но если греческий текст является фальсификацией, то от этого должны остаться какие-то следы. И действительно, такие следы есть и, более того, их довольно много.

В XVI в. наиболее распространенной была точка зрения, что величина годовой прецессии равна $51''$ в год, т.е. $1,417^{\circ}$ в век. Тогда простое деление на эту величину разницы долгот греческого издания и латинского (долгот XVI в.) дает, что она должна накопиться за 1399 лет, и тем самым время написания книги придется на 139 г. н.э., т.е. в точности на второй год царствования Антонина Пия, как это и указано в книге. Подсчитанный этим способом год «составления» книги ее автор XVI века и записал в текст как время своих наблюдений, рассчитывая, таким образом, скрыть истинное время наблюдений и написания книги.

Но истинная величина прецессии другая! Лаланд, а вслед за ним и Боды (накануне XIX в.) воспользовались более точным значением величины прецессии, чтобы еще раз проверить время наблюдений, описанных в «Альмагесте». И что же получилось? Оказалось, что каталог составлен не при Антонине Благодетелем, а при Нечестивом Нероне, в 63 г. н.э.!

Это обстоятельство вызвало шок у специалистов-астрономов, поскольку оно явно указывало на прямые противоречия в тексте «Альмагеста». Чтобы как-то выйти из положения, было предположено, что Птолемей в действительности воспользовался наблюдениями какого-то астронома, жившего до него, не указав источника своей информации, хотя в «Альмагесте» ясно пишется, что все наблюдения сделаны лично автором. Затем, очень кстати, уже в наше время В.Гунделем было сделано неожиданное открытие: в одном старофранцузском и связанном с ним латинском астрологическом манускрипте

эпохи Возрождения он нашел вкрапления из отрывков звездного каталога, отнесенного на основании подсчета с помощью прецессии ко временам Гиппарха (т.е. около 150 г. до н.э.). Это послужило основой теории, что поскольку греки были склонны только к философским спекуляциям и пренебрегали наблюдениями и экспериментами, то «можно считать доказанным» (!), что Птолемей взял каталог Гиппарха и тривиально его видоизменил, добавив ко всем долготам звезд у Гиппарха систематическую добавку в $2,40^{\circ}$, а в тексте написал, что он все это наблюдал лично.

Естественно, что это обвинение Птолемея в мошенничестве вызвало отрицательную реакцию у специалистов, и Болл с Фоггом стали доказывать, что Птолемей не мог заимствовать данные из каталога Гиппарха. Гундель не обратил внимания на работу Фогга и продолжал настаивать на своем. Нейгебауэр занимает в этом вопросе нейтральную позицию, приводя как аргументы за, так и аргументы против итого предположения (см. [23], стр.80—81).

Мог ли думать автор «Альмагеста» в XVI в., что его неточность вызовет такие дискуссии через 300 лет? В настоящее время «проблема правильного датирования» «Альмагеста» посвящена уже целая литература. С точки же зрения Морозова, здесь никакой проблемы нет.

Прецессия у Птолемея

Можно, правда, предложить возражение к тому, что греческое издание было поправлено по сравнению с латинским на основе величины прецессии в $51''$, которое состоит в том, что автор «Альмагеста» не знал этой величины. Действительно, в книге VII Птолемей пишет: «... Таким образом, было открыто, что звезды передвигаются на 1° в столетие по направлению знаков Зодиака», что дает величину прецессии $36''$ в год.

Тут мы сталкиваемся еще с одним обстоятельством, которое также доставило много хлопот специалистам. Дело в том, что в другом месте (в книгах III и IV) Птолемей неявно указывает правильную (для XVI века!) величину прецессии, сообщая (невероятно точные) определения Гиппарха длин тропического и звездного годов. По Гиппарху, они разнятся на 19 минут, что дает годовую прецессию в $46,8''$.

Как мы уже отмечали, каждый вновь вводимый в древности систематический календарь должен был считаться его авторами климатическим (идеальным), потому что никто не захотел бы устанавливать календарь с заведомой ошибкой, делающей через несколько десятилетий или столетий указываемые им сезоны не-

годными для хозяйственной жизни. Поэтому прецессия звезд неизбежно должна быть отождествляема с прецессией календаря, и, значит, указываемая древним автором прецессия позволяет определить, каким календарем он пользовался.

Что же мы видим у Птолемея? Он пользуется юлианским календарем, а указываемая им прецессия в 1° — это **прецессия еврейского календаря**, установленного никак не раньше V века н.э. (см. [21], стр.145), а возможно, что и лишь в X веке (см. [4], стр.152).

Чтобы разубить этот клубок противоречий, остается признать, что **автор XVI века не написал весь огромный «Альмагест» самостоятельно**. Он скомпилировал его из разных источников, лишь добавив результаты своих собственных изысканий, причем один из этих источников принадлежал автору, пользовавшемуся еврейским календарем.

Таким образом, рассматриваемое возражение оборачивается еще одним доводом в пользу поздней составленности «Альмагеста».

Еще одно возражение

Можно предложить и другое возражение к первичности латинского текста. Оно состоит в следующем рассуждении.

В XVI веке книга Птолемея издавалась не как документ истории науки, а как научный трактат для непосредственного употребления учеными и обучающимися. Этой цели противоречили устаревшие из-за прецессии данные каталога Птолемея, и потому переводчик «освежил» каталог, внося в него новейшие по тому времени данные. Издатель греческого текста подходил к делу иначе, поскольку греческий текст при наличии латинского перевода уже не требовался в качестве учебника, и потому восстановил первоначальные цифры Птолемея.

Это рассуждение подтверждается также титульным листом латинского издания, где прямо сказано «к сему времени приведенные в особенности для учащихся».

Таким образом, это возражение признает апокрифичность латинского издания (хотя бы в отношении звездного каталога), но отрицает апокрифичность греческого текста.

Улучшения в греческом издании

Это возражение опровергается тем, что в греческом издании координаты многих (самых замечательных) звезд значительно улучшены по сравнению с латинским изданием. Более точные координаты указаны для Капеллы, Сириуса, Альфы Персея, Веги, Денеба, Альтаира, Альфы Змееносца и т.д. Значительно улучшены

широты Альдебарана, звезд Дракона, Малой Медведицы и т.д.; греческое издание 1538 г. буквально пестрит такого рода улучшениями по сравнению с латинским изданием 1537 г.

Список всех (только обнаруженных!) исправлений латинского издания приведен в [4] (с.196).

Учет рефракции

Однако этим дело не ограничивается. Сравнение широт звезд в латинском «переводе» и греческом «оригинале» обнаруживает, что **все широты греческого издания систематически увеличены** по сравнению с широтами латинского издания на 25 минут или исправлены на более точные. Эта систематическая поправка не является поправкой на прецессию, поскольку широты не прецессируют. Внимательное изучение этой поправки показывает, что она является **круговой**, т.е. вся эклиптика целиком передвинута к югу почти на диаметр Солнца. Интересно, что эта поправка улучшает координаты звезд, расположенных около зодиака и ухудшает координаты звезд, расположенных ближе к полюсу эклиптики.

В чем дело? Ответ: автор ввел систематическую поправку на рефракцию, не учитывая, что эта поправка, равная диаметру Солнца, уменьшается при перемещении к полюсу эклиптики. Автор не смог рассчитать эту современную дифференциальную поправку и ограничился систематическим сдвигом всех звезд.

Таким образом, «восстанавливая» данные Птолемея в одном отношении, издатель греческого текста улучшал их (или пытался улучшить) в другом. Следовательно, греческий текст также апокрифичен.

Перекося эклиптики

С широтами звезд в обоих изданиях «Альмагеста» имеется еще одно неблагоприятное. Как заметил Боде (см. [4], стр.182), а ранее еще Тихо Браге, сравнение широт звезд, даваемых в «Альмагесте» для созвездий Козерога и Близнецов, с современными широтами показывает, что эклиптика в Близнецах опущена в «Альмагесте» к югу приблизительно на полградуса, а в Стрельце и Козероге на столько же поднята вверх к северу. Это, казалось бы, лишь подчеркивает точность наблюдений Гиппарха, поскольку такого рода перекося эклиптики действительно существует и вызывается ее прецессией. Однако Боде справедливо указал, что отклонение эклиптики в «Альмагесте» почти в полтора раза

больше теоретической величины, и выразил глубокое недоумение, чему приписать такую огромную систематическую разницу.

Если допустить, что автор «Альмагеста» уже знал о вековых колебаниях эклиптики и его измерения дали ему только грубую величину, что-нибудь около 2 дуговых минут в столетие, то он мог внести эту поправку, желая апокрифировать эклиптику к началу нашей эры. Но он снова просчитался, так как истинная величина этого дрейфа только $3/4$ минуты, откуда и возникает систематическая разница, замеченная Боде.

Конечно, это допущение (заведомо предполагающее составление «Альмагеста» в XVI веке) очень мало вероятно, поскольку такое важное открытие, как прецессия эклиптики, нет никаких оснований скрывать, и, наоборот, есть все основания распространить его как можно шире. Однако можно предложить другое, значительно более естественное, объяснение, связанное с еще одной странностью звездного каталога «Альмагеста», состоящей в том, что автор каталога использует эклиптикальные координаты, а не, как следовало бы ожидать, экваториальные, существенно точнее и проще определяющиеся из наблюдений.

Эклиптикальные координаты

Если мы предположим, что автор «Альмагеста» первоначально определял положения звезд в экваториальных координатах, а лишь затем пересчитал их в эклиптикальные, то перекося эклиптики немедленно объясняется ошибками округления. Автору достаточно было положить в своих вычислениях полярное расстояние полюса эклиптики равным 23° ровно, вместо $23,5^\circ$, чтобы получить удивившую Боде систематическую разницу.

Зачем же автор не оставил первоначальную экваториальную систему координат (как делают во всех современных каталогах), а предпринял гигантский труд по пересчету своих координат в эклиптикальные координаты? Ведь при этом приходилось использовать громоздкие методы, вносящие вторичные ошибки. Вся эта огромная работа является такой грандиозно-ненужной, что невольно хочется найти для нее какую-то постороннюю причину, и такая причина, как указывает Морозов могла быть только одна: тщеславное (но, заметим, тщетное) желание сделать свой каталог вечным и тем самым скрыть апокриф.

Начало звездного каталога

След первоначальной экваториальной системы координат обнаруживается и в порядке, в котором каталогизированы звезды. Как

и современные астрономы, Птолемей начинает свой каталог с Полярной звезды (альфы Малой Медведицы), т.е. с полюса экваториальной системы координат. Если бы автор составлял каталог с самого начала в эклиптикальной системе, то его естественно было начинать с полюса эклиптики, который расположен в созвездии Дракона, и каталогизировать звезды этого созвездия первыми. На самом же деле в «Альмагесте» сначала каталогизируются звезды Малой Медведицы, затем звезды Большой Медведицы и лишь после этого звезды Дракона.

Более того, начиная каталог с Полярной звезды, автор допускает еще один анахронизм: ведь Полярная звезда является ближайшей к полюсу мира только в наше время, а во II веке ближе всего к полюсу была противоположная звезда той же Малой Медведицы — Бета. Даже если бы автору «Альмагеста» во II в. н.э. пришла в голову странная фантазия начинать каталог с созвездия Малой Медведицы, то естественно было бы из двух звезд — Полярной и Беты, выбрать Бету, как более яркую (Бета имеет вторую звездную величину, а Полярная — только третью). Автор тем самым снова выдает время составления каталога.

Конец звездного каталога

Кончается каталог Птолемея не менее замечательным образом. Перечислив созвездия северного полушария, Птолемей переходит к видимым в Европе звездам южного полушария. Последней он указывает Ахернар в Эридане, звезду, которую невозможно было наблюдать в Александрии во II в. н.э., так как она находилась в то время на 10° под горизонтом, и нужно было ехать по крайней мере на 600 километров в глубь Африки, чтобы впервые увидеть эту звезду на горизонте. В XV веке эта звезда, благодаря прецессии, уже поднялась над горизонтом и могла быть наблюдаема в Южной Европе. Низкое ее положение создавало, конечно, трудности при наблюдениях, что нашло отражение в том, что ее координаты в латинском издании 1537 г. указаны неправильно, с ошибкой. В греческом издании эта ошибка уже исправлена явно в соответствии с более точными специальными измерениями.

Вообще можно заметить, что граница описываемых в «Альмагесте» южных созвездий более соответствует горизонту Рима и Средней Италии, чем горизонту Александрии.

Звездные карты

Как указано на титульном листе, издание «Альмагеста» сопровождается 48 звездными картами, гравированными Альбрехтом Дюрером. Вот что пишет Морозов:

«Вплоть до начала книгопечатания астрономы довольствовались изучением самого звездного неба в натуре, не перенося его на рисунки для себя, и это было вполне естественно: к чему служил бы портрет, когда каждую ясную ночь можно было видеть и изучать оригинал? На старинные рисунки... наносились как символы созвездия лишь фигуры представляемых на небе животных совсем без звезд. Астрологи же показывали своим студентам звезды, называя их прямо или по именам (Регул, Колос, Арктур), или по положению в предполагаемой фигуре: Рог Овна (теперь его α), или Клешня Скорпиона (теперь его β), или Сердце Гидры (теперь ее α) и т.д.

Само собой понятно, что точно отмечать звезды по членам воображаемых животных, традиционно помнить их из века в век и переносить из страны в страну, не путая названий на ночном небе, где не было видно никаких ног, рук или хвостов, было возможно лишь для звезд первой и второй величины, которых считалось в древности 70... Звезды третьей величины, которых на части неба, видимой с побережий Средиземного моря, было около 150, уже, понятно, путались благодаря тому, что конец ноги или хвоста у воображаемого животного одни учителя представляли себе правее или ниже, а другие, левее или выше, а звезды меньших величин уже не считались.

Такая неопределенность привела к каталогированию звезд... Но даже и при каталогировании... благодаря неточности старинных инструментов оставалась неопределенность, которая для многих звезд четвертой величины не разъяснена теперь даже в перечне «Альмагеста»... На той широте и долготе, которую он указывает с точностью до 6-й доли градуса, иногда не оказывается никакой звезды, а из соседних ближайших можно принять за нее не только одну, но и две ближайшие звезды. Но после изобретения гравюры появилась необходимость (лучше сказать, возможность. — *Авт.*) издать карту звездного неба для его изучения всеми, помимо прямого визуального наблюдения. За это и взялся в конце XV века знаменитый нюрнбергский художник и гравер Альбрехт Дюрер (1471—1528)...» ([4], стр.185—187).

Подчеркнем, что до изобретения в XV веке чисто механического, штамповального воспроизведения рисунков (гравюр) не могло быть и речи о подробных звездных картах. Только массовый выпуск абсолютно идентичных экземпляров может оправдать труд подробного изображения неба с указанием звезд третьей и четвертой величины. Даже если кто-нибудь и взялся за титанический труд рисования такой карты, она не могла бы остаться в веках хотя бы

потому, что экземпляр карты быстро истлел бы или сгнил, а воспроизведение его означало бы повторение всей работы заново.

Мы видим, что звездные карты Дюрера бесспорно являются первыми подробными картами неба.

Поэтому любой документ, ссылающийся на эти карты, безусловно, принадлежит времени после Дюрера.

Ошибки Дюрера

Вместе с тем даже беглый взгляд на карты Дюрера выявляет поразжающие их особенности. Вот как об этом пишет Морозов:

«Но Альбрехт Дюрер, хотя и гениальный художник, не был астрономом-наблюдателем реального неба и потому допустил на своих картах с целью сохранения изящества фигур несколько крупных неточностей. Прежде всего он нарушил... равномерность длины зодиакальных созвездий. Увидев, что Дева при ее изображении на карте выходит несоразмерно короткой, сравнительно с ее шириной, он вытянул ей ноги, сократив для этого созвездие Весы...

Вторая произвольность заключалась в том, что и Андромеду Дюрер нарисовал на карте так, что при взгляде на реальное ночное небо она стала похожа более всего на флаг, развивающийся на колюре весеннего равноденствия...

Передвинув таким образом Андромеду, Дюрер спустил по художественным соображениям под эклиптику и Урну Водолея, сократив это созвездие в длину и соответственно вытянув несоразмерно созвездие Рыб... в абсолютно точных границах осталось только созвездие Скорпиона, а остальные все сдвинуты от 2 до 5° вправо и влево, почти равномерно» ([4], стр.187—188).

Морозов еще раз возвращается к этой теме: «...посмотрев... внимательно, читатель сам увидит несколько ярких доказательств того, что Альбрехт Дюрер не руководился всегда реальным видом звездного неба, а просто имел перед собой немую карту, с которой и рисовал свои фигуры по общим указаниям составившего их астронома...

Я уже говорил о том, что с целью сделать зодиакальные фигуры изящными Дюрер, например, вытянул ноги Девы за счет Весов, а Рыб распространил за счет Водолея... Я обращаю внимание лишь на три особенно бросающихся в глаза несоответствия.

Вот, например, созвездие Жертвенник на южной гемисфере... На карте вы не скажете о нем ничего особенного, но взгляните на него на реальном небе с побережий Средиземного моря, и вы увидите, что от восхода своего до заката оно висит там вверх основанием, и язык его огня не возносится к

небу, а спускается к земле... Какой реальный древний наблюдатель неба представлял его себе в этом виде? Ему показалось бы смешным такое положение, если б тут даже и не было поднимающегося вверх сияния Млечного пути, давшего мысль об огненных языках на небесном жертвеннике...

А вот и другой пример, созвездие летящего коня Пегаса. На рисунке Дюрера он опять выходит очень хорошо, но попытайтесь только в ясную ночь перенести этот рисунок на реальное небо, и вы расхохочетесь. От восхода до заката Пегас летит там вверх ногами, как подстреленная птица... Совершенно ясно, что древние астрономы, не склонные к комизму, никогда не изобразили бы «крылатое созвездие весны» в таком карикатурном виде. Тут опять был ляпсус Дюрера...

Не меньшая несообразность представляется в изображении Дюрером и созвездия Геркулеса, стоящего на небе тоже вверх ногами... (В книге Морозова помещена репродукция с этого рисунка Дюрера, по поводу которой Морозов пишет: «Как особый курьез добавляю, что даже и этот самый рисунок мне лишь с большим трудом удалось поместить здесь вниз головой. Три раза в корректуре я вкливал его, как указано у Дюрера, и каждый раз при правке наборщик упорно поворачивал его в нормальное положение». — *Авт.*)

«...Особенно же важным... является ошибочное изображение Дюрером созвездия Девы на карте в лежачем положении, причем и ей ежедневно приходится заходить на реальном небе вверх ногами, как будто она бросается с небесной высоты на землю кувырком...» ([4], стр.203—210).

Морозов далее отмечает, приводя соответствующие рисунки (см. [4], стр.210), что в старинных, до-Дюреровских, астрономиях созвездие Девы изображается в стоячем положении, хотя и с фантастическим расположением звезд. Изображение ее (и других созвездий) имеет очень мало общего с рисунками Дюрера.

Совершенно ясно, что изготовление гравюр на меди потребовало от художника огромного труда, и поэтому, даже если все эти нелепости и вызвали ужас автора-астронома, ему уже ничего не оставалось делать, как пустить в печать всю эту «живопись»; тем более что Дюрер, рассматривавший эти карты только как художественное произведение, мог, не дожидаясь выхода книги, сам начать распространять отпечатки (гравюры были изготовлены в 1515 г.).

Ошибки Дюрера, конечно, вполне естественны: имея лишь плоскую карту, а не реальный вид неба, художник рисовал так, чтобы создать определенное художественное впечатление. Ведь если нарисовать Пегаса правильно, то на рисунке он получится вверх ногами...

Дюреровский «Пегас вверх ногами» явно беспокоил, например, Коперника. Оставляя на месте бессмысленное положение Пегаса на небе, он в своем звездном каталоге меняет порядок описания его звезд. Это является свидетельством подспудной борьбы здравого смысла астрономов XVI века с бессмысленностью небесных карт Дюрера, освященных авторитетом Птолемея. Немудрено, что в идеологических условиях того времени авторитет победил.

Мы должны, таким образом, безоговорочно признать авторство Дюрера во всех нелепостях и бессмысленностях в расположении созвездий. Но отсюда непреложно следует, что всякое изображение созвездий, повторяющее ошибки Дюрера, принадлежит к последюреровскому времени. Применим теперь это соображение к сочинению Птолемея.

Апокрифичность «Альмагеста»

В тексте «Альмагеста» местоположение неярких звезд зодиакального пояса локализуется не их координатами, а словесными описаниями типа «предшествующая из двух, что на роге Овна», «во рту Пегаса», «в лодыжке правой ноги Пегаса» и т.д., причем из текста четко вытекает, что эти описания имеют в виду картинку Дюрера! Поэтому все эти описания могли появиться в тексте «Альмагеста» только после 1515 г. Таким образом, не только звездный каталог, но и сам текст «Альмагеста» был в окончательном виде создан в XVI веке, непосредственно перед напечатанием.

Но «Альмагест» говорит не только о звездах. Он касается всех вопросов астрономии (теории планет, затмений и т.д.). Быть может, в других своих частях он несет непререкаемые свидетельства древности? Увы, ответ снова оказывается отрицательным.

Лунные затмения

Рассмотрим, например, описанные в «Альмагесте» лунные затмения. Весьма кратко они изучены Гинцелем (см. [16], стр.229—234). Более подробное исследование, основные результаты которого мы здесь воспроизводим, проделано Морозовым (см. [4], стр.448—474).

В первую очередь обращает на себя внимание чрезвычайная отрывочность сообщений Птолемея о лунных затмениях и большой разброс их по векам:

в VIII в. до н.э. зафиксировано три затмения (-720, -719 и -719 гг.);

в VII в. до н.э. — одно затмение (-620 г.);

в VI в. до н.э. — два затмения (-522 и -507 гг.);

- в V в. до н.э. — одно затмение (-490 г.);
- в IV в. до н.э. — три затмения (-382, -382 и -381 гг.);
- в III в. до н.э. — одно затмение (-200 г.);
- во II в. до н.э. — четыре затмения (-199, -199, -173 и 140 гг.);
- в I в. до н.э. — ни одного затмения;
- в I в. н.э. — ни одного затмения;
- во II в. н.э. — четыре затмения (125, 133, 134 и 136 гг.).

Почему отражено так мало затмений? Ведь лунные затмения происходят почти каждый год, а часто и по два в год. Например, во II в. н.э. лунные затмения (видимые в Средиземноморье) происходили в 101 г. (два раза), в 112 г. (два раза), в 104, 105 гг. (два раза), в 107, 108 гг. (два раза), в 109 г. (два раза), в 111 г. (два раза), в 112 г. (два раза), в 113, 115, 116, 118 гг. (два раза), в 119, 120, 121, 122, 123 гг. (два раза), в 125, 127, 129, 130, 132, 133, 134 гг. (два раза), в 135, 136, 137 гг. (два раза), в 138 г. и, наконец, в 139 г., указываемом традицией как год написания «Альмагеста» (и всего 41 раз). Почему астроном-профессионал, который постоянно подчеркивал, что он сам производил свои наблюдения («затмение, наблюденное в Александрии в 9-м году Адриана. . .»), «из трех затмений, заботливо наблюденных нами в Александрии...» и т.д.), указывает из 41 затмения только 4, да и то из них только одно полное, а остальные три частных?

Внимательное чтение текста «Альмагеста» позволяет ответить на этот вопрос. Описывая технические характеристики четырех затмений II века (время максимальной фазы, саму фазу, дату по египетскому календарю и т.д.), автор «Альмагеста» проговаривается, что он точно вычислил эти характеристики (см. [4], стр.467, где дан полный перевод этого места). Гинцель, отмечая это заявление Птолемея, не сомневается, что вычисления были действительно произведены во II веке до наступления затмения. Но после всего, что мы уже знаем об «Альмагесте», позволительно спросить: а верно ли, что вычисления произведены во II веке? То, что эти затмения вычислены, представляется бесспорным (иначе совершенно непонятно, почему не указаны другие, невычисленные, затмения). Автор правильно указал год, месяц и день, а в часе ошибся лишь на 45 минут, что же касается утверждения о «личных наблюдениях», то оно столь же достоверно, как и аналогичное утверждение о «личном наблюдении» звезд, и вставлено в текст по той же причине — скрыть апокриф.

Апокрифичность лунных затмений II века объясняет также, почему Птолемей, указывая «лично наблюденные» лунные затмения, нигде ни словом не обмолвился о несоизмеримо более эффектных солнечных

затмениях, например о кольцеобразном солнечном затмении 21 апреля 125 г., максимальная фаза которого в Александрии была в 10 часов утра, что затмение произошло всего за две недели до подробно описанного лунного затмения. Какой астроном-профессионал удержался бы от того, чтобы о нем хотя бы упомянуть?

Теперь же все становится ясно: автор «Альмагеста» просто не знал ни одного солнечного затмения того времени, а вычислить не мог, так как даже в XV—XVI веках вычисление полосы солнечного затмения являлось невероятно сложной и весьма неуверенной задачей (в отличие от лунных, предсказание и вычисление которых уже успешно осуществлялось в то время).

Что же касается других затмений (до н.э.), то их отождествление у Гинцеля основано на небольших, но вполне определенных натяжках. Например, самое первое затмение (якобы -720 г.), по описанию Птолемея произошло на 6 часов раньше.

Быть может, эти затмения также вычислены (ошибка в 45 минут превратилась в 6 часов за счет большей удаленности затмений по времени), а возможно, что здесь описаны какие-то другие затмения.

Мы не будем углубляться в этот вопрос (ответ на который в конце концов нам довольно безразличен) и лишь укажем, что Морозов, определенно стоящий на второй точке зрения, перечисляет ряд затмений после н.э., значительно лучше подходящих под описание, данное в «Альмагесте». Эти затмения падают на V—IX века н.э., так что если Морозов прав, то следует признать, что эта часть «Альмагеста» восходит к довольно древним источникам (но все же датируемым не позже V века н.э.).

Итоги

Повторим еще раз все наши (точнее, морозовские) аргументы в пользу апокрифичности «Альмагеста»:

- 1) невероятная сохранность звездного каталога (и добавим, всего остального текста «Альмагеста»);
- 2) необъяснимая точность этого каталога (и других наблюдательных данных Птолемея и Гиппарха);
- 3) использование для отсчета долгот трудно вычисляемой точки весны;
- 4) неопровержимая датировка латинского издания звездного каталога (по долготам звезд) XVI веком н.э., сочетающаяся с тем, что указанная в самом «Альмагесте» его датировка II веком н.э. подтверждается греческим текстом только тогда, когда мы примем

принадлежащее XVI веку значение прецессии, и опровергается, если мы заменим это значение более точным;

5) указание Птолемеем величины прецессии, являющейся прецессией еврейского, а не юлианского календаря;

6) «улучшенность» данных звездного каталога в более позднем греческом издании, состоящая:

а) в более точных координатах многих звезд (в основном наиболее замечательных);

б) в систематической поправке широт звезд, явно вызванной стремлением учесть рефракцию;

7) слишком большой систематический сдвиг звезд по широте, оба объяснения которого приводят к выводу об апокрифичности «Альмагеста»;

8) выбор за первую звезду каталога Полярной звезды, никак не объяснимый астрономической обстановкой II века и не согласующийся с принятым в «Альмагесте» эклиптической системой координат;

9) включение в каталог звезды (Ахернара), заведомо не видимой в Александрии во II веке;

10) использование в «Альмагесте» дюреровских рисунков созвездий, гравированных только в 1515 г.;

11) вычисленность описанных в «Альмагесте» лунных затмений и полное игнорирование солнечных затмений II века.

Каждое из этих обстоятельств может быть так или иначе, с той или иным натяжкой и изобретательностью объяснено в рамках традиционных представлений, но все они вместе составляют слишком тяжелый груз улики, чтобы можно было сомневаться в апокрифичности «Альмагеста» и принадлежности его к XVI веку.

По идеям и по уровню фактических знаний «Альмагест» является непосредственным преддверием работ Коперника, выпустившего свою книгу через 6 лет после «Альмагеста» и под несомненным его влиянием. «Альмагест» является, таким образом, просто сводкой всех астрономических сведений, накопившихся к XVI веку.

Поскольку имя Птолемея встречается даже в раннесредневековых астрономических рукописях, можно думать, что легенда о древнем астрономе и философе, состязавшемся даже с самим Богом, имеет очень давнее происхождение. Научный декорум и традиция требовали ссылок на Птолемея, но эти ссылки сводились к бессодержательным реверансам, явно обличающим их авторов в полном незнании с «Альмагестом» (мы не имеем здесь в виду так называемых «арабских» астрономов ал-Суфи, ал-Фергани, Абу-л-Вафа и др., работы которых

мы проанализируем позже, когда будем рассматривать историю арабского мира).

Было бы интересно выяснить (мы не имеем для этого ни времени, ни возможностей), не существовали ли до XV века, приписываемые Птолемею, явно средневековые астрономические рукописи? Астрологические существуют — «Тетрабиблос».

Как бы то ни было, но к XV веку имя Птолемея уже пользовалось полным авторитетом, и стали появляться печатные труды, носящие его имя. Так, например, в 1478 и в 1482 гг. выходит в свет приписываемая Птолемею «Космография», а в 1496 г. в Венеции — книга Региомонтана и Пурбаха «Сокращение Великого Творения Клавдия Птолемея». Мы, к сожалению, не имеем никакой информации об этой книге и, в частности, о том, есть ли в ней звездный каталог, а если есть, то в каком виде. Возможно, что это была первая версия «Альмагеста».

Автор «Альмагеста»

Кто же был истинным автором «Альмагеста»? Это — сложный вопрос, ответ на который может быть дан только тогда, когда будут известны подробности издательской истории «Альмагеста» (мы бы хотели знать, например, кто предложил издать «Альмагест» и кто принес издателю его «перевод»; в доступной нам литературе этой информации нет). Морозов думает, что автором «Альмагеста» был сам Георгий Трапезундский. Это очень сомнительно.

По имеющимся данным, Георгий Трапезундский был человеком гуманитарного образования, преподавателем риторики и философии, приверженцем Аристотеля. Он якобы перевел «Альмагест» в 1451 году. Умер он в 1484 году. Хотя Морозов и сомневается в дате его смерти (отодвигая эту дату на 50 лет, по крайней мере к 1515 году) и хотя в эпоху всеобщей энциклопедичности Георгий и мог знать астрономию, но все же автора «Альмагеста» мы должны в первую очередь искать среди астрономов.

Невольно на ум приходит имя математика и астронома Иоганна Мюллера (1436—1476), называемого обыкновенно Региомонтаном. Это был человек кипучей энергии и, по-видимому, необыкновенного таланта. 500 лет со дня его смерти (умер он молодым, от чумы, в звании епископа) были недавно торжественно отмечены в Нюрнберге.

Деятельность Региомонтана еще явно недостаточно оценена. Историки математики о нем отзываются сдержанно, отмечая лишь, что он впервые отделил сферическую тригонометрию от астрономии

и составил таблицы синусов. Историки астрономии, отмечая, что он выполнил множество астрономических наблюдений (заметим, с помощью инструментов, описанных Птолемеем), ценят его в первую очередь как издателя астрономических книг и таблиц (которыми пользовался, например, Колумб), распространителя идей Птолемея и переводчика его книг (см. напр. [98], стр. 194—196). Как пишет Берри, «его недолгая жизнь почти целиком ушла на изучение и комментирование греческой астрономии...» ([99], стр.128).

На самом же деле мы должны рассматривать Региомонтана как создателя «греческой астрономии» или, по крайней мере, как завершителя трудов его предшественников (любопытно, что его учитель Пурбах (1423—1460) является автором труда под многозначительным названием «Новая теория планет», содержащего теорию элипсов). Ранняя смерть помешала публикации сочинения Региомонтана.

Несмотря на то что Региомонтан пробыл в Нюрнберге меньше пяти лет, он успел создать в нем авторитетную школу астрономов, просуществовавшую до XVII века. Его друг и ученик Вальтер (1430—1504), финансировавший многие начинания Региомонтана, бережно хранил его рукописи и в 1496 г. подготовил к печати уже упоминавшийся «Сокращенный Альмагест», который начал составлять еще Пурбах, а завершил Региомонтан.

После смерти Вальтера рукописи Региомонтана, комментирующие «Альмагест», перешли к Пиркгеймеру и были, наконец, опубликованы в Нюрнберге уже после выхода в свет «Альмагеста» (1541 и 1550), т.е. именно тогда, когда они приобрели значимость.

Кто из учеников Региомонтана заказывал Дюреру гравюры (не был ли это Вернер, умерший в 1528 году) и кто подготовлял к печати «Альмагест» в 1537—1538гг., мы не знаем. Неясна также связь Региомонтана с Георгием Трапезундским (вопрос о том, не работали ли они вместе, по-видимому, никем даже не ставился). Небезынтересно, также, что именно Нюрнберг был в XV веке центром изготовления точных часов (знаменитые «нюрнбергские яйца») и что Дюрер жил и творил в Нюрнберге.

§3. Солнечные, лунные и лунно-солнечные календари

Для понимания проблем хронологии необходимо отчетливое представление о структуре возможных календарных систем. Мы изложим сейчас соответствующий материал, поскольку это даст возможность развеять еще один миф, связанный с именем Гиппарха.

Тропический и календарный год

Астрономически солнечный год должен бы был определяться как отрезок времени от весеннего (или осеннего) равноденствия до следующего весеннего (соответственно осеннего) равноденствия. Оказывается, однако, что «весенний год» несколько отличается (минуты на полторы) от «осеннего года», и оба года со временем медленно меняются (на минуту-полторы за 5—6 тысяч лет). Поэтому астрономы вводят некую условную среднюю величину года, называемую *тропическим годом*. По современным данным он равен

$$365,2422 \text{ дня} = 365 \text{ дней } 5 \text{ часов } 48 \text{ минут } 46 \text{ секунд.}$$

Как мы уже говорили, одним из основных требований к календарю является его климатичность, т.е. согласованность с хозяйственными сезонами и временами года. В таком календаре начала времен года (зимы, весны, лета, осени) должны всегда падать на одни и те же вполне определенные даты. С абсолютной точностью удовлетворить условию климатичности на практике нельзя. Поэтому приходится прибегать к приближениям.

Чтобы найти наилучшие приближения к числу дней тропического года, по известному правилу арифметики разложим это число в непрерывную дробь.

$$\begin{array}{l} \text{Имеем} \\ 365,2422 = 365 + \frac{1}{\frac{4}{4+1}} \\ \frac{4}{4+1} = \frac{4}{5} \\ \frac{4}{5} = \frac{7}{7+1} \\ \frac{7}{7+1} = \frac{1}{1+1} \\ \frac{1}{1+1} = \frac{1}{2} = 3 + \frac{1}{4} \end{array}$$

откуда находим последовательные подходящие дроби

$$\begin{array}{l} 365 = 365,0000 \\ 365 \frac{1}{4} = 365,2500 \\ 365 \frac{7}{29} = 365,2414 \\ 365 \frac{8}{33} = 365,2424 \\ 365 \frac{31}{128} = 365,24219. \end{array}$$

Достичь такой длительности года проще всего, считая основной календарный год в 365 дней и увеличивая отдельные (високосные) года до 366 дней.

Если мы возьмем нулевое приближение в 365 дней, у нас совсем не будет високосов, но календарь получится совершенно неудовлетворительным. Каждые четыре года в нем будет накапливаться ошибка в 1 сутки.

Значительно лучшим результат получается, когда мы обратимся к первому приближению в $365 \frac{1}{4}$ дней. Это — общеизвестный юлианский календарь (*старый стиль*), в котором високосным является каждый четвертый год. Он дает ошибку в 1 сутки только за 128 лет.

Следующая подходящая дробь приводит к календарю, в котором на каждые 29 лет приходится 7 високосных лет. Он дает ошибку в 1 сутки за 1250 лет. Этот календарь никогда не употреблялся.

Третья подходящая дробь $365 \frac{8}{33}$ дает календарь с 8 високосами каждые 33 года. Утверждается, что он был введен по инициативе Омар Хайяма в 1079 г. н.э. и употреблялся в средневековом Иране. Его точность — 1 сутки в 4500 лет.

Последняя подходящая дробь была положена в основание календаря, предложенного лет сто назад Медлером. Теоретически он идеален, давая ошибку в 1 сутки за 100 тысяч лет, но практически такая точность, конечно, никому не нужна.

Любопытно, что используемый нами сейчас грегорианский календарь (*новый стиль*) не принадлежит к числу календарей, рекомендуемых математикой. Он, выпуская из юлианского цикла каждые 400 лет три високоса, соответствует дроби

$$\frac{365 \ 97}{400}$$

и дает ошибку в 1 сутки за 3280 лет. Его «нематематичность» отражается в том, что в середине цикла его ошибка может достигать полутора суток, пока не будет уничтожена високосом, тогда как в «математических» календарях эта ошибка никогда не превосходит полусуток.

Синодический и календарный месяц

Для обыденного употребления солнечный год является, конечно, слишком крупной единицей. Более мелкие единицы — неделя и месяц, возникли в связи с фазами Луны. Неделя оказалась вне каких-либо распространенных календарных систем, и потому мы ее рассматривать здесь не будем.

Напротив, счет лунными месяцами (от новолуния к новолунию) лег в основу очень многих календарных систем. Средний интервал между двумя новолуниями называется *синодическим месяцем*. Современное его значение

$$29,5306 \text{ дня} = 29 \text{ дней } 12 \text{ часов } 44 \text{ минуты } 3 \text{ секунды.}$$

Поскольку в отличие от положения Солнца фазы Луны никакого хозяйственного значения не имеют, надо думать, что лунный месяц с самого начала имел сакральное значение. Вместе с тем, в связи с общим синкретическим характером древних обществ, этот месяц, по видимому, очень рано стал употребляться и в гражданских целях.

Однако здесь возникает характерное затруднение. Дело в том, что из-за сложности и нерегулярности движения Луны *неомении* (первые появления лунного серпа после новолуния), от которых отсчитывались лунные месяцы, очень трудно надежно предсказывать. Поэтому источники сообщают, что, например, у древних евреев календарь держался исключительно на наблюдении неомений и начало каждого нового месяца провозглашалось специальным решением синедриона. Такая система (строго говоря, календарем не являющаяся), быть может, вполне пригодная для целей культа, совершенно, конечно, не годится для упорядоченной государственной и хозяйственной деятельности. Поэтому-то авторы юлианского календаря, заимствовав от лунных календарей идею приблизительно 30-дневного месяца, полностью оторвали его от фаз Луны. (На этом основании юлианский календарь называется *чисто солнечным*.)

Гражданский календарь с лунными месяцами стал возможен только тогда, когда астрономические наблюдения (достаточно долгие и, значит, основывающиеся на юлианском календаре) уже выявили закономерности движения Луны, необходимые для создания формального лунного календаря, независимого от ежемесячных наблюдений неомений. В частности, мы видим, что такой календарь не может предшествовать юлианскому.

Считается, что *мусульманский лунный календарь* (единственный из лунных календарей, действующих в настоящее время) был введен в 638 г. н.э. (на 16 год хиджры) повелением халифа Омара. По чисто календарным причинам эта информация очень сомнительна хотя бы потому, что этот календарь необыкновенно точен (он дает ошибку в 1 сутки за 2500 лет) и обладает сложной системой високосов, которую можно было придумать только на основе достаточно продвинутой науки (к тому же этих систем существует две: «арабская» и «турецкая»).

В гл. 15 мы увидим, что на самом деле этот календарь был введен сравнительно поздно (не раньше XII века н.э.). Это подтверждается, в частности, тем, что рудименты обычая наблюдения неомений сохранялись в мусульманских странах до самого последнего времени.

Мусульманский календарь является единственным широко распространенным календарем, полностью отвергшим принцип климатичности (его год меньше тропического на 11 суток). Его внедрение обязано исключительно давлению религии. Однако, несмотря на это давление, его вопиющая хозяйственная непригодность привела к появлению в странах ислама так называемой «солнечной хиджры» — варианта юлианского календаря с началом 21 марта 622 г. н.э.

Лунно-солнечные календари

При попытке совместить лунные месяцы с солнечным годом (и получить тем самым климатический календарь) возникают так называемые *лунно-солнечные календари*. Такое совмещение является, конечно, очень трудным делом, и можно думать, что первоначально оно, как и утверждает традиция, осуществлялось методом произвольных вставок тринадцатого месяца. Однако, бесспорно, что такое «летоисчисление» могло быть использовано только в очень ограниченных, по-видимому, чисто сакральных целях. Утверждения, что оно употреблялось государственно-фискальным аппаратом, мы должны рассматривать как смехотворные. В крайнем случае, метод произвольных вставок мог использоваться государством очень ограниченное время непосредственно перед введением упорядоченно регулярного календаря.

Кроме того, следует иметь в виду, что само обнаружение необходимости тринадцатого месяца невозможно без сравнения с каким-то регулярным, т.е. юлианским, календарем. Предложенная Идельсоном «климатическая» теория (см. [21], стр.117) может вызвать лишь улыбку.

Поэтому мы смело можем считать апокрифической любую информацию о существовании государственных лунно-солнечных календарей в «доюлианскую» эпоху.

Ассуанские документы

Этому выводу, казалось бы, противоречит находка в 1904 году в Ассуане (Египет) десяти арамейских папирусов, датированных V веком до н.э. «Несмотря на 2300-летний возраст они, по степени сохранности, производят впечатление написанных на днях. Бытовое значение их

огромно: это нечто вроде семейно-имущественного архива двух поколений еврейской семьи, прибывшей в Египет, как можно думать, вслед за войсками Дария Персидского (-500)... период времени, ими охватываемый, составляет 60 лет (с 471 по 411 до Р.Хр.). Для хронолога особая важность этих документов заключается в их параллельных датировках, именно в еврейском лунном и египетском солнечном календарях» ([21], стр.118).

Идельсон приводит пример такой датировки: «21-е Кислева, т.е. в 1-ый день Месори, в 6-ой год Артаксеркса» и далее пишет, что, «исходя из данных канона Птолемея, нетрудно вычислить, что 1 Месори... приходилось на 11 ноября 459 г. до Р.Хр.» ([21], стр.118), забывая при этом добавить, что кроме данных канона для этого вычисления необходимы определенные гипотезы о египетском «блуждающем» годе. Отождествление 11 ноября с 22 Кислева означает, что от неомении до 11 ноября прошло 20 дней. Следовательно, 22 октября была неомения. Однако оказывается, что здесь «писец, несомненно, сделал ошибку», поскольку новолуние в октябре 459 г. до н.э. было 10 числа. Повторяя же вычисление для 5 года Артаксеркса, Идельсон получает дату 22 октября, тогда как астрономическое новолуние было 21 октября. Это он расценивает как «прекрасное совпадение» и в заключение замечает, что «удовлетворительное согласие дают датировки и прочих папирусов» (см. [21], стр.118—119).

На самом же деле ясно, что если эти папирусы что-либо и доказывают (аутентичность их абсолютно не очевидна), то только полную ложность традиционной хронологической сетки. Ссылками же на ошибку писца (это в имущественном-то документе!) можно «доказать» все что угодно. К слову сказать, именно незначительность ошибки документа (всего на год) заставляет подозревать подделку: фальсификатор в своих вычислениях мог легко допустить такого рода просчет.

Метонов цикл

Задача построения лунно-солнечного календаря основывается на сопоставлении двух чисел — длины тропического года (365,2422 дня) и длины синодического месяца (29,5306 дня). Считается, что еще в 432 г. до н.э. греческий ученый Метон нашел, что если взять 6940 дней и распределить их на 235 месяцев, из которых 125 месяцев 30-дневных, а 110 месяцев 29-дневных, то средняя длина месяца будет практически равна синодическому месяцу (с ошибкой, как мы сейчас знаем, меньше 2 минут). Вместе с тем если те же 6940 дней распределить по 19 годам, то средняя длина года будет также

практически равна тропическому году (с ошибкой около получаса). Таким образом, по Метону,

19 солнечных лет = 235 лунных месяцев.

Это соотношение (известное как «цикл Метона») лежит в основе практически всех лунно-солнечных календарей и «справедливо считается одним из шедевров греческой астрономии» ([21], стр.124).

Средняя длина года, по Метону, слишком велика. Поэтому Калипп якобы в 330 г. до н.э. предложил в четырех циклах Метона один полный (30-дневный) месяц превратить в 29-дневный. Таким образом, «цикл Калиппа» состоит из $27759 = 4 \times 6940 - 1$ дней, распределенных по $76 = 4 \times 19$ годам и $940 = 4 \times 235$ месяцев, из которых $499 = 4 \times 125 - 1$ месяцев полных, а $441 = 4 \times 110 + 1$ неполных (пустых). Цикл Калиппа дает точный юлианский год в $365 \frac{1}{4}$ дней, а в синодическом месяце допускает ошибку только в 22 секунды.

Наконец, будто бы в 125 г. до н.э. Гиппарх предложил 4 калипповых периода снова укоротить на 1 день. Это дает абсолютно точный синодический месяц и сводит ошибку в годе до $6 \frac{1}{2}$ минут.

Чтобы найти метонов цикл (не говоря уже о циклах Калиппа и Гиппарха), нужно знать синодический месяц и тропический год с точностью, которая при старинных инструментах могла быть достигнута только многими годами непрерывных астрономических наблюдений, а значит, только на основе регулярного юлианского календаря. Это сразу делает фантастической традиционную дату 432 г. до н.э. и относит открытие метонова цикла на время никак не более позднее, чем VI—X века н.э., т.е. как раз тогда, когда был окончательно оформлен лунно-солнечный еврейский календарь, основывающийся как раз на 19-летнем цикле; традиционно считается, что этот календарь был введен в 499 г. н.э., но известный историк и исследователь еврейского календаря Х.Слонимский доказал, что это произошло в 953 г. н.э. (см. [4], стр.152).

Реконструкция Идельсона

Это возражение против традиционной датировки метонова цикла было наверняка известно Идельсону (который одно время работал вместе с Морозовым), и потому он попытался показать (см. [21], стр.121—124), что для открытия своего цикла Метону совсем не нужна была большая точность, а достаточно было считать солнечный год в $365 \frac{1}{4}$ дней, а синодический месяц в $29 \frac{1}{2}$ дней. Не останавливаясь на том, что и такая точность была трудно достижима без юлианского календаря, обсудим соображения Идельсона по существу.

Вот как Идельсон предположительно восстанавливает суждения Метона:

«Самое грубое наблюдение показывает, что 3 года (1095 дней) соответствуют приблизительно 37 лунным месяцам ($12 \times 3 + 1$); действительно, сделав из них 19 полных и 18 пустых, получим $19 \times 30 + 18 \times 29 = 1092$ дня.

(Почему, спрашивается, не взять 22 полных и 15 пустых месяцев, что даст в точности 1095? — *Авт.*)

Более точные наблюдения (не астрономические, а арифметические. — *Авт.*) приводят к составлению восьмилетнего периода (кстати в литературе известного и приписываемого астроному Клеостату, жившему якобы в VI в. до н.э. — *Авт.*); в самом деле, взяв 99 месяцев и сделав из них 51 полных и 48 пустых, найдем

$$51 \times 30 + 48 \times 29 = 2922 \text{ дня.}$$

Но и восемь лет ($365 \frac{1}{4} \times 8$) составляют тоже 2922 дня; поэтому, через восемь возвращений Солнца к равноденствию Луна должна снова вернуться к исходной фазе.

Попробуем теперь объединить оба периода (3- и 8-летний) в один общий (11-летний); затем вновь соединим 8- и 11-летний периоды в новый (19-летний). (Арифметически это соответствует образованию промежуточных подходящих дробей...)» ([21], стр.121—122).

Однако оказывается, «что такое наложение периодов ни к чему не ведет; ошибка (вычисленная по современным данным. — *Авт.*) все время возрастает; но мы можем легко поправить дело, именно положить 8-летний период равным 2924 дням, что, как мы знаем (теперь! — *Авт.*), ближе к истине, чем 2922 дня; для этого достаточно два месяца из числа пустых сделать полными...» ([21], стр.123). В результате действительно получается метонов цикл.

Удивительно, что астроном, т.е. человек, должный привыкнуть к строгому логическому мышлению, не видит в этой «реконструкции» зияющих прорех. Он все время остается на современной точке зрения и никак не может поставить себя на место древнего астронома. Попробуем же это сделать сами.

Пусть мы знаем, что тропический год состоит из $365 \frac{1}{4}$ дней, а синодический месяц — из $29 \frac{1}{2}$ дней. Мы можем подозревать, что эти числа неточны, но пределы ошибки нам неизвестны. Что тогда мы можем сказать о найденных Идельсоном периодах?

Период в 3 года, конечно, неглюх (особенно, если увеличить число полных месяцев до 22), но не совсем точен, поскольку 3 года состоят из $365 \frac{3}{4}$ дней.

Напротив, восьмилетний период *идеален*, точно давая требуемую длину года и месяца.

Периоды в 11 и 19 лет хуже 8-летнего, так как они содержат неточный 3-летний период.

Удлинение 8-летнего периода на 2 дня портит этот период и не делает 19-летний период хорошим (год получается меньше $365 \frac{1}{4}$ дней, а месяц — больше $29 \frac{1}{2}$ дней).

Таким образом, рассуждая точно по Идельсону, древний астроном должен был принять 8-летний цикл (что, по-видимому, на самом деле и случилось, только не в VI веке до н.э., а в VI веке н.э.) и отвергнуть 19-летний цикл. Только после того, как наблюдения уточнили продолжительность тропического года и синодического месяца, стал возможен (к X веку н.э.) метонов цикл.

Циклы Калиппа и Гиппарха принадлежат, конечно, еще более позднему времени. Если доверять информации, что так называемые Альфонсинские астрономические таблицы, дающие тропический год с ошибкой меньше минуты, действительно составлены в XIII веке (а не в XV веке Региомонтаном), то время Гиппарха (год которого отличается от истинного на $6 \frac{1}{2}$ минут) придется на X—XI века. В противном случае, он отодвигается к XV веку.

Дополнительные соображения Морозова

Морозов добавляет к этой аргументации еще ряд соображений.

До распространения христианства и его культа святых все имена всегда имели определенное значение и тот или иной смысл. Замечательным исключением является имя «Метон», которое по-гречески смысла не имеет, что одно уже доказывает его фантастичность. Морозов полагает (см. [4], стр.155), что оно происходит от еврейского МТН — «подарок», а «метонов цикл» означает, следовательно, просто «дарованный цикл» (по-видимому, Богом, чтобы можно было создать еврейский календарь).

Морозов обращает внимание также на то, что согласно еврейской легенде изобретателем «дарованного цикла» был не Метон, а иерусалимский первосвященник Гиллель Великий, живший якобы в 333—370 г. н.э. Можно сомневаться, что Гиллель действительно знал метонов цикл. По всем приведенным выше данным, он был найден значительно позже IV века н.э. Однако эта информация указывает, независимо от всех предыдущих календарно-астрономических соображений, на IV век как нижнюю грань формулирования метонова цикла.

§4. Происхождение «античной» научной литературы

Механизм создания научных трактатов

На примере «Альмагеста» мы убеждаемся, что утверждение об апокрифичности античной литературы полностью применимо и к книгам научного содержания. Но в отношении естественнонаучных (и, в частности, математических) сочинений с особой силой встает вопрос об их авторстве. Действительно, по отношению к сочинениям гуманитарного характера мы можем либо прямо указать предполагаемого автора, либо, по крайней мере, очертить круг людей, вполне способных им быть по их образованию, культуре и литературному дарованию. Совсем иначе дело обстоит, скажем, с Евклидом. Кто из ученых средневековья мог бы претендовать на эту роль?

Вот что пишет по этому поводу Морозов: «... в... период письменности после изобретения тряпичной бумаги и до появления печатного станка каждый ученый копировал книги своих предшественников исключительно для своего пользования и потому при переписке исправлял неясные места своего предшественника, выбрасывая то, что считал у него неправильным, и более всего пополнял копию тут и там своими собственными сведениями и размышлениями, так что с каждой новой перепиской первоначальный текст не закрепленных церковью произведений приспособлялся к идеям нового времени и разрастался в своем объеме. Происходил процесс коллективного творчества, при котором, естественно, за сочинением оставалось имя первоначального автора. Нечто подобное происходит и теперь с современными учебниками, в которые постоянно вносятся новые открытия, сделанные наукой, тогда как основная часть остается прежней.

...Ученый, переписывая с дополнениями книгу дня себя, писал на ней совершенно справедливо то имя, которым она была помечена до него. «Геометрия Евклида», — отмечал он, — умолчав о том, что сам прибавил две-три теоремы от себя и лучше обосновал ту или другую из старых. Так он давал повод и последующему копиисту своей рукописи добавить две-три теоремы, сохранив за учебником прежнее имя. И вот, с течением веков, небольшой десяток теорем, который мог действительно быть собранным человеком этого имени (имя Евклид значит — хорошо одетый), превращался в большую и хорошо развитую во всех своих деталях книгу. А последующий ученый, упустивший из виду этот вековой процесс улучшения, начинал

приписывать все такое коллективное творчество одному древнему гиганту геометрической науки и вместе с тем определять ложно высокий уровень познания в очень древние времена. На деле же *вся книга представляла сумму познаний целого исторического периода* до тех пор, когда печатный станок впервые повсюду распространил ее и указал время и место ее первого издания» ([4], стр.174—175).

Добавим, что «Евклид» может означать также «хорошо переплетенный».

Описанный механизм бессознательного коллективного творчества хорошо объясняет происхождение таких всеобъемлющих трактатов, как «Альмагест» Птолемея или «Начала» Евклида, и тот факт, что ссылки на них были возможны задолго до окончательного оформления их текста. Он не предполагает никакого явного обмана и мистификационных устремлений со стороны авторов и издателей, хотя возможность эта отнюдь не может быть исключена. Вместе с тем правила издания «древних» текстов были на заре книгопечатания явно отличны от современных. Как показывает пример, скажем, «Альмагеста», редакторы и издатели окончательного текста, не колеблясь, вносили в него поправки и дополнения, соответствующие последнему слову науки, никак это специально не оговаривая. Не потому ли «переводу» научных книг часто предшествовал «дурной перевод», не содержащий этих поправок и отражающий предыдущий этап развития науки?

История «находок» и опубликования «античных» математических рукописей (Евклид, Диофант, Архимед, Аполлоний)

История «находок» и опубликования «античных» научных трактатов во всех существенных чертах сходна с историей рукописей гуманитарного характера.

Вот, например, что пишет проф. М.Я.Выгодский по поводу «Начал» Евклида.

«До нас не дошла ни одна античная рукопись «Начал» Евклида, если не считать нескольких небольших отрывков, найденных при раскопках в Египте и Геркулануме. Древнейшая известная нам рукопись представляет собой копию, сделанную в 888 г. монахом Стефаном для архиепископа Цезарейского. Существует много рукописей, относящихся к X—XII вв. Все они, по-видимому, сделаны на территории Византийской империи и в Западную Европу попали значительно позднее. Неизвестно, сколько промежуточных копий лежит между этими рукописями и их первоисточником» ([70], стр.224).

Можно легко понять, откуда взялось это прелестное «по-видимому». По традиционным представлениям, уровень математических знаний в Европе IX — XII веков был настолько низок, что серьезно говорить о существовании хотя бы одного читателя Евклида в то время не приходится, а о математической культуре Византии, по существу ничего неизвестно.

Странно, что проф. Выгодский не обращает внимания, что из его собственных слов вытекает потрясающий для истории математики факт: уже в IX веке в Византии существовали математики первоклассного ранга (тот же «епископ Цезарейский»), для которых был понятен и интересен Евклид!

Совсем интересно получается с Диофантом. Специалист по Диофанту И.Г.Башмакова во вступительной статье к русскому переводу «Арифметики» Диофанта сообщает, что еще до опубликования первого латинского перевода «Арифметики» европейские «ученые пользовались алгебраическими методами Диофанта, не будучи знакомы с его произведениями» ([60], стр.25). Башмакова характеризует эту ситуацию лишь как «несколько парадоксальную» (!). Ну, что же, Бог ей судья.

Как и «Альмагест», труд Диофанта был впервые издан в 1575 г. в латинском переводе, и лишь в 1621 г. известный Баше де Мезириак впервые издал греческий текст, сопроводив его «улучшенным» латинским переводом. Подобно «Альмагесту», он содержал, по существу, весь запас сведений, накопленных к тому времени наукой, и если Птолемея немедленно продолжил Коперник, то Диофанта столь же скоро — Ферма (1601—1665).

В свете всего сказанного очень любопытна и фигура Архимеда. По-видимому, подобно имени Птолемея, это имя было известно давно, но каждый представлял Архимеда так, как он этого хотел. Именно только так мы можем понимать традиционную информацию, что Цицерон знал Архимеда лишь как инженера и «открывателя числовых соотношений», а Тит Ливий — лишь как астронома и конструктора военных машин (см. [68], стр.52).

Приписываемые «Архимеду» сочинения столь разнохарактерны, что в отношении некоторых из них историки вынуждены даже отвергать авторство Архимеда (см. [68], стр.622).

История рукописей и печатных изданий Архимеда утомительно следует уже известному нам шаблону. Во вступительной статье к русскому изданию сочинений Архимеда проф. И.Н.Веселовский, сообщая, что основой всех современных изданий текстов Архимеда

являются утраченная рукопись, принадлежавшая в XV веке Георгию Валле, и (это уже что-то новое!) константинопольский палимпсест, найденный в 1907 г. Гейбергом, пишет:

«В Западную Европу сочинения Архимеда попали только после константинопольского погрома 1204 г., когда, вероятно, и был перевезен в Европу манускрипт, находившийся позже у Георгия Валлы. Первый перевод сочинения Архимеда на латинский язык был сделан францисканцем Вильгельмом из Мербеке, другом Фомы Аквинского. Этот перевод, законченный в 1269 г., был найден Розе в Ватикане только в 1884 г. Этот перевод... буквален но в существе дела ученый францисканец вряд ли разбирался... Часть перевода из Мербеке была напечатана Лукой Гауриком в Венеции в 1503 г. (первое печатное издание сочинений Архимеда); однако это издание осталось настолько незамеченным, что знаменитый Тарталья смело присвоил его себе и опубликовал в 1553 и 1565 гг. как «перевод с греческого».

Около 1450 г. был выполнен второй латинский перевод Архимеда Яковом Кремонским. В 1468 г. его переписал знаменитый Региомонтан и привез в Нюрнберг для опубликования. Однако ранняя смерть Региомонтана не позволила ему выполнить свое намерение, так что первое издание греческого текста Архимеда было выпущено только в 1544 г. в Базеле на основе рукописей, происходящих от текста Георгия Валлы. После этого работы Архимеда входят в обиход ученого мира» ([68], стр.54—56).

Архимед неоднократно цитируется Леонардо да Винчи еще до опубликования его трудов. Вот что говорит проф. А.И.Маркушевич: «...Леонардо да Винчи, в заметках которого неоднократно упоминается Архимед, мог знакомиться с ним только в рукописи. Но Леонардо не знал греческого и не имел твердых навыков в латыни...» ([100], стр.54). Странно, что Маркушевич ограничивается лишь констатацией этих фактов.

Там же Маркушевич пишет по поводу Аполлония — третьего по значимости древнегреческого математика:

«Конические сечения» Аполлония вышли из печати в 1537 г., причем в составе одних лишь первых четырех книг, наиболее элементарных (остальные просто не были еще написаны. — *Авт.*)... Кеплер, впервые открывший значение конических сечений (эллипсов) в астрономии, не дождался выхода в свет полного издания сочинений Аполлония. Следующие три книги «Конических сечений».... *впервые были опубликованы в латинском переводе в 1631 г.*» ([100], стр.54).

Таким образом, труд Аполлония о конических сечениях полностью вышел уже после того, как Кеплер открыл значение всех этих конических сечений! Скорее всего, этот труд и был написан уже после Кеплера, а приписан «древнему» ученому для обеспечения популярности книги. Может быть, неизвестный автор не решился состязаться с Кеплером, издавая книгу под своим именем.

Причины апокрифирования научных работ

Вот, кстати, что пишет о трудностях добиться в то время издания книги Маркушевич:

«...Чтобы издатель рискнул предпринять большой и дорогостоящий труд по их публикации (существенную часть расходов, иногда больше половины, составляла стоимость бумаги), необходимо было, чтобы он мог рассчитывать на соответствующее количество заинтересованных читателей, хотя бы человек на 300, если иметь в виду ограниченность тиража в то время. Но столь обширной группы высоко компетентных ученых (математиков) ни в XV в., ни в начале XVI в. еще не существовало... Своеобразный пример крупного ученого XVI в., которому явно *не везло* с печатанием его произведений, представляет Франческо Мауролико (1494—1575), математик, механик, оптик и историк. Его... *перевод Аполлония* вышел в свет в 1654 г., наконец, его оригинальный труд по оптике, в котором он во многом предвосхищает Кеплера, появился только в 1611 г., через 7 лет после публикации труда Кеплера» ([100], стр.55,56).

Более подробно об этом говорит Морозов:

«Печатный станок сразу... создал книжные рынки, хотя и изолированные друг от друга вследствие трудности отдаленных сообщений и без быстрой огласки выхода в свет книг... Но никто из них (первых книгоиздателей. — *Авт.*), конечно, не надеялся получить большие выгоды от напечатания ученых произведений своих собственных знакомых, для которых в их городе нашлось бы лишь несколько покупателей, а в других городах ни одного, так как лиц, выпускавших лишь первое свое произведение, никто не знал, а книга все же была тогда слишком дорога, чтобы грамотеи рисковали покупкой неизвестно чьего произведения».

Произошло сторицей то же самое, что порой происходит и теперь с начинающими писателями и особенно с учеными. Издатели отказывались печатать произведения еще не прославившегося автора, а прославиться он мог только после отпечатания своих произведений. Начинающие авторы с трудом разрешают теперь эту дилемму,

предварительно знакомя с собой читателя через статейки в журналах или предпосылая своей книге напутственное предисловие какой-либо знаменитости. В первые же два столетия после изобретения книгопечатания и этого не могло быть. Оставалось только два способа, яркие следы которых мы и видим в произведениях XV—XVII веков.

Когда, будучи еще гимназистом, я читал научные произведения, на первых страницах которых были пышные посвящения высокопоставленным лицам,.... я возмущался... И только потом, когда я понял тернистый путь старинного научного автора... я увидел, что во имя самой науки для старинных авторов не было другого выхода. Ведь... лицо, которому была посвящена книга, и было в действительности ее истинным и притом бескорыстным в материальном отношении издателем, заинтересованный произведением и не без честолюбивого желания соединить с ним свое имя, этот граф или князь и давал на нее автору материальные средства или гарантировал издателю безубыточность.

Но, кроме такого пути провести в печать свою книгу, был еще и другой: выдать свое собственное произведение за оставшуюся от предков рукопись какой-нибудь древней, хотя бы и чисто легендарной знаменитости. Если издатель даже и подозревал апокриф, он охотно соглашался печатать книгу, рассчитывая, что при этом условии она обязательно разойдется, и, может быть, даже советовал автору употребить такой прием. Последнему ничего не оставалось, как или оставить плоды своих многолетних дум и бессонных ночей на вечное забвение после смерти, или поведать их миру от имени другого человека, без всякой надежды присоединить к нему ж свое имя, иначе как в качестве нашедшего это произведение или его переводчика, или, наконец, обновителя анахронических мест...» ([4], стр.176—178).

Аристарх из Самоса

Конечно, могли быть и другие причины апокрифирования, например боязнь преследований. Ярким примером является сочинение «О системе мира, о его частях и свойствах» Аристарха из Самоса, вышедшее в свет в 1644г.

«Аристарх из Самоса (конец IV в. — начало III в. до н.э.) — выдающийся астроном древности. Архимед начинает свой «Псаммит» ссылкой на не дошедшее до нас сочинение Аристарха («Предложения»), из которой можно легко представить систему, построенную Аристархом: «Он (т.е. Аристарх) полагает, что неподвижные звезды и Солнце не меняют своего места в пространстве, что Земля движется по окружности около

Солнца, находящегося в ее (окружности) центре, и что центр шара неподвижных звезд совпадает с центром Солнца». Из этих строк видно, что система Аристарха есть не что иное, как схема, которую положил Коперник в основание своего труда» ([76], стр.186). На основании этого указания Архимеда Аристарха называют «Коперником античного мира», хотя в единственном якобы дошедшем до нас его сочинении «О величине и расстояниях Солнца и Луны» Аристарх придерживается геоцентрической точки зрения (см. [68], стр.598).

О посвященной же пропаганде коперникских воззрений книге «О системе мира...» историки науки пишут:

«Из заглавия книги как будто следует, что ее автор — Аристарх. В действительности это — маскировочный маневр Роберваля (знаменитого французского математика XVII века. — *Авт.*)... Роберваль пожелал выступить с сочинением, поддерживающим коперниковскую систему мира. Однако свежее воспоминание о процессе Галилея и его мытарствах заставило Роберваля проявить осторожность: он выдал свое сочинение за перевод с арабской рукописи, что дало ему возможность не упоминать имени Коперника и перекладывало ответственность с подлинного автора на Аристарха» ([76], стр.186).

После всего сказанного выше комментарии здесь излишни. Любопытно было бы только выяснить, не придумал ли Роберваль и само имя «Аристарх»? Если это так, то, следовательно, «Псаммит» написан позже 1644 года. Не исключено, впрочем, что легенда о «Копернике античного мира» появилась раньше Роберваля (например, чтобы подкрепить учение Коперника авторитетом древности), а Роберваль только воспользовался удобной ширмой.

Свое авторство Роберваль не очень скрывал: «Неизвестно, дала ли ожидаемый результат эта мистификация по отношению к церковным властям, но среди ученых было широко известно, кому принадлежало авторство» ([76], стр.185). А что было бы, если бы Роберваль тщательнее хранил свое инкогнито или если бы он не был столь известным ученым? Не обладали бы мы сейчас еще одним «чудом дошедшим до нас» античным сочинением, имеющимся только в печатном издании с безнадежно «утраченным» оригиналом? А ведь все это происходило очень поздно, уже в XVII веке! Какое же право мы имеем доверять публикациям на сто-двести лет более ранним?

Заключение

Таким образом, мы:

а) описали причины апокрифирования научных трудов древности;
б) указали возможный механизм создания энциклопедических трудов в средние века, в которых нам неизвестны гениальности, способные их написать;

в) подтвердили еще раз, что в реальной истории опубликования рукописей нет никаких свидетельств в пользу их древности и, наоборот, имеются многочисленные указания на их апокрифичность.

Конечно, отдельно взятые все эти соображения не доказывают апокрифичности, но во всяком случае они показывают, что уже доказанная апокрифичность, скажем, «Альмагеста» не является таким шокирующим фактом, как это может сначала казаться.

Добавление

Формула объема амфор.

Классическая хронология обладает свойством, которое можно назвать «неустойчивостью». Оно состоит в том, что новые, как правило, случайные и изолированные находки часто влекут за собой пересмотр хронологии на несколько веков. Примеры, когда новые находки заставляли на столетия сдвигать всю хронологическую сетку, мы укажем, применительно к библейской хронологии в гл. 7. В отношении же античности общая сетка обычно не трогается, но историки не затрудняются сдвигать по ней отдельные события на два-три века. Очень интересный пример, вскрывающий еще один тип противоречий в древней истории, связан с проблемой классификации древнегреческих амфор (см. [152], стр.37—38).

У Герона Александрийского приведена формула для приближенного вычисления объемов тел вращения, использующая «архимедовское» значение $21/7$ числа π . В этом нет ничего удивительного, поскольку по традиционной хронологии Архимед жил в III веке до н.э., а Герон лет через триста после него. Также нет ничего удивительного и в том, что, как показали современные исследования, базирующиеся на обширном статистическом материале, формула Герона использовалась для вычисления и стандартизации объема амфор. Удивительно другое: многие из этих амфор датируются IV, V и даже VI веками до н.э.!

«Итак, формулы весьма точного вычисления объемов сложных тел вращения были широко известны и применялись на практике задолго до Герона и Архимеда. Кто был автором этих формул, мы, скорее всего,

никогда не узнаем. Однако жил этот древний математик, во всяком случае, еще в VI веке до новой эры, то есть по крайней мере за пять-шесть столетий до Герона и за три века до Архимеда. Мало того, получается, что весьма точное значение π , полностью соответствующее архимедовскому, было вычислено не только задолго до Герона, но и задолго до Архимеда, заслугой которого оно считалось до сих пор. Можно предполагать, что и Архимед, подобно Герону, изложил в своем труде в данном случае результат не собственного открытия, а вычислений, являющихся заслугой его предшественников, которые, быть может, навсегда останутся анонимными» ([152].38).

Этот вывод принадлежит историку-гуманитарно. Любой же квалифицированный историк математики с негодованием его отвергнет. Даже в III веке до н.э. доказательство Архимеда формулы $\pi=3 \frac{1}{7}$ далеко обогнало свое время, а в VI веке оно было просто невозможно (как невозможна была, например, во времена Ньютона работа по теории групп) Получить же эту формулу или догадаться о ней, не имея в своем распоряжении соответствующего метода, тоже нельзя.

Здесь история математики вступает в безысходный конфликт с историей материальной культуры. Разрешить этот конфликт локальными вариациями хронологии явно невозможно.

§ 5. Последствия апокрифирования средневековой науки в древность

Преувеличенная оценка древней науки

Первым последствием апокрифирования средневековой науки в древние времена является, конечно, преувеличенное мнение о возможностях и достижениях античной науки. Осторожные попытки поколебать общепринятые мнения по этому вопросу неоднократно делались специалистами, понимающими всю их нелепость, но не видящими альтернативы традиционной хронологии. Вот, например, что пишет известный историк античной науки О. Нейгебауэр:

«Мне кажется очевидным, что традиционные рассказы об открытиях, сделанных Фалесом или Пифагором, следует отбросить как совершенно неисторические. Фалесу, например, приписывают открытие того, что площадь круга делится диаметром на две равные части. Этот рассказ явно отражает взгляды гораздо более позднего периода, когда стало ясно, что факты такого рода требуют доказательств, прежде чем их можно использовать в последующих теоремах» ([23], стр. 149).

«Миф о саросе часто используется для «объяснения» приписываемого Фалесу предсказания солнечного затмения 28 мая 584 г. до н.э. Для солнечных затмений, видимых в данном месте, не существует никакого цикла, все современные циклы относятся к Земле в целом. Никакой вавилонской теории для предсказания солнечных затмений в 600 г. до н.э. не существовало...

... Не разработали вавилоняне и никакой теории, учитывающей влияние географической широты. Можно смело сказать, что рассказ о предсказании Фалесом солнечного затмения не более достоверен, чем другой рассказ о предсказании Анаксагором падения метеоритов. Даже и с чисто исторической точки зрения весь рассказ кажется очень сомнительным. Наш самый ранний источник, Геродот [1, 74], сообщает, что Фалес правильно предсказал ионийцам «это исчезновение дневного света» «для того года», в котором оно действительно произошло. Вся эта формулировка сама по себе так расплывчата, что исключает применение какого-либо точного метода. Чем дальше мы уходим от времени Фалеса, тем щедрее приписывают ему древние авторы математические и астрономические открытия, и не вижу ни одного заслуживающего доверия элемента ни в одном из этих рассказов, столь популярных в истории науки. В этой связи можно привести заключение из статьи Кука ... (мы опускаем библиографическую ссылку. — Авт.):

«Я могу лишь прийти к выводу, что наши знания недостаточны, чтобы определенно сказать, были ли вообще в восьмом и седьмом веках ионийцы пионерами греческого прогресса, но на основании имеющихся в настоящее время свидетельств, по меньшей мере, столь же вероятно, что не были».

Такая осторожная точка зрения, к сожалению, далеко не общепринята, приведу только одну забавную небылицу, возникшую из рассказа о затмении, предсказанном Фалесом. В научном труде ... (мы снова опускаем библиографическую ссылку. — Авт.) Вендель заявляет (стр. 20 и след.), что пионеры *Bahnbrecher* ионической науки должны были иметь в своем распоряжении «поражающую богатством» библиотеку, и Фалес должен был быть ее «духовным основателем». Нечего и говорить о том, что занятия Фалеса в Египте также тракуются очень серьезно» ([23], стр. 144).

Поразительно, насколько мысли Нейгебауэра сходятся с мыслями Морозова! Только гипноз уверенности в реальном существовании античной науки помешал ему сделать само собой напрашивающиеся выводы.

Нейгебауэр также излишне осторожен, приписывая лишь Венделю «забавные небылицы». На самом деле все общепринятые представления о развитии культуры в античное время, о существовании в то время библиотек, грамматических школ, мастерских, где десятки рабов переписывали под диктовку (!) книги, и т.п. возникли в результате *домысливания*, чтобы как-то оправдать и рационально объяснить литературный и орфографический уровень «античных» сочинений и достижения «античной» науки.

Последовательная рационализация не критически воспринятых сообщений о достижениях «античной» науки повлияла также на представления о необычайно древних ее истоках, восходящих к знаниям египетских и вавилонских жрецов. Вот как об этом пишет Нейгебауэр:

«Читателя следует предостеречь от использования работы Jerimias, *Handbuch der altorientalischen Geisteskultur*. Пользуясь невероятным научным аппаратом, автор разработал «панвавилонскую» доктрину, процветавшую в Германии между 1900 и 1914 гг. и полностью оставленную после первой мировой войны. Главный тезис этой школы был построен на диких теориях о громадном возрасте вавилонской астрономии... Не было ни одного явления в античной космогонии, религии, литературе, которое не выводилось бы из этой гипотетической космической философии вавилонян. Снисходительное пренебрежение

к очевидным показаниям текстов, широкое использование вторичных источников и устарелых переводов в сочетании с предвзятой хронологией вавилонской цивилизации создали фантастическую картину, которая оказывала (и до сих пор оказывает) большое влияние на литературу о Вавилоне» ([23], стр.140).

Необъяснимый рационально уровень «античной» науки и ее отрывочный характер породили также массу фантастических гипотез: эта наука питалась-де остатками достижений каких-то древнейших цивилизаций («Атлантид»), чуть ли не владевших тайной ядерной энергии и межпланетных путешествий, или же она позаимствовала знания от «космических пришельцев» и т.д. и т.п. Мы не будем на этом останавливаться, поскольку эта тема сейчас очень модна и читатель с этими взглядами бесспорно знаком.

В заключение мы приведем в качестве примера забавных недоразумений, которые возникают при слепом следовании «древним» авторитетам, историю с цветом Сириуса.

Уже давно было замечено, что в «Альмагесте» Птолемея Сириус назван красным. Это место всегда вызывало недоумение астрономов, так как изменение цвета звезды за промежуток времени, протекший со II века, теоретически невозможно. Было предложено большое количество остроумных, но мало убедительных объяснений. Однако никто в изменении цвета Сириуса не сомневался, поскольку свидетельство Птолемея «подкреплялось» свидетельством других авторов. Так, например, о красном цвете Сириуса пишет Арат в своей книге «Феномены и Прогностика», дошедшей до нас, как утверждает традиционная история, в переводе самого Цицерона. О нем же пишут Гораций, который сравнивает Сириус даже с Марсом (!): «сильнее краснота у Сириуса, меньше у Марса и совсем отсутствует у Юпитера» (Гораций, «Сатиры», II, 39), и Сенека, который прямо так и писал: «красный Сириус».

С точки зрения Морозова, дело здесь вполне ясное: автор «Альмагеста» просто допустил элементарную опisku, а все перечисленные сочинения являются апокрифами, авторы которых, желая воссоздать колорит времени и слепо следуя авторитету Птолемея, невольно выдали вторичность своей информации.

Как всегда, каждая вновь доказанная апокрифичность «классического» первоисточника влечет за собой доказательство апокрифичности целого ряда других, сцепленных с ним сочинений.

Исключительность античного общества

Печать фантастичности и неправдоподобности несут на себе сообщения «классиков» не только о древней науке, но и о политическом, социальном и экономическом устройстве «античного мира». По существу, эта фантастичность общеизвестна, но под влиянием традиции трактуется как «исключительность».

Исключителен расцвет науки и культуры в Древней Греции, никак не оправдываемый развитием производительных сил и производственных отношений и, что уже совсем странно, никак не повлиявший ни на технику, ни на социально-политические структуры. Поневоле приходится апеллировать к таинственному «духу эллинизма»!

Исключительны производственные отношения («античное рабство»), нигде более не наблюдаемые, но которые как идеал восприняли колонизаторы-работорговцы и рабовладельцы эпохи первоначального накопления. В рамках этих производственных отношений невозможно объяснить традиционные мнения о технике античного общества. Вот как пишет проф. Ковалев, всецело придерживающийся традиционных мнений: «...гораздо интереснее раскрыть *тайну технической революции античной науки, столь загадочной в условиях рабского производства...* В этих вопросах мы до сих пор бродим влпотьмах...» ([96], стр.9).

Представление об универсальном значении античного рабства, то есть признание рабовладельческого строя необходимой общественно-экономической формацией на пути от родового общества к феодальному, вступает в столь тяжелые противоречия с фактами, что, несмотря на многовековую традицию, подкрепленную авторитетом классиков марксизма-ленинизма (которые, впрочем, как выяснилось, отнюдь не настаивали на этом представлении и даже впрямую его опровергали), в последние годы в среде историков все шире распространяется прямо противоположное — и совпадающее с нашим — представление об исключительности «античного рабства». Итоги соответствующих дискуссий подведены в книге [155], только что вышедшей вторым изданием, где прямо заявлено, что «...рабовладельческой формации... большинство народов земли, видимо, и в самом деле не знало» ([155], стр.13). Сложнейшие построения участников дискуссии в их попытках совместить несовместимое, подробно обсужденные в [155], все оказываются ненужными, если мы признаем, что и на «сравнительно узкой полосе Присредиземноморья» (выражение из [155], стр.14), где — как утверждается в [155] — только и царило «классическое рабство», этого рабства тоже не было.

Исключителен государственный строй республиканского Рима, неоднократно восхвалявшийся и моделировавшийся утопистами, но более или менее длительное функционирование которого требует таких не встречающихся в обыденной жизни гражданских добродетелей, что неоднократные попытки его «восстановления» в средние века очень быстро кончались полным провалом.

Эта «исключительность» - «фантастичность» не только распространяется на глобальные структуры, но и пронизывает каждую клетку античного общества (как его представляет традиционная история). Читатель может проделать эксперимент, взяв любое подробное исследование по какому-нибудь вопросу античной жизни. С очень малым риском проиграть можно держать пари, что на первых же страницах он найдет сообщение о тех или иных особенностях, присущих исключительно только античности, характер которых таков, что приходится лишь удивляться серьезности, с которой они обсуждаются.

Не желая лишать читателя этого удовольствия, мы эту тему глубже обсуждать здесь не будем.

Легенда о «темных веках»

Вторым, еще более важным, последствием апокрифирования средневековой науки в древность явилось представление о стагнации науки в средние века, создание популярного мифа о «темных веках средневековья» как мрачных столетиях материального и духовного господства феодализма, монашеского фанатизма, народной темноты и богословско-схоластической мудрости (см., например, [39], стр.5—6). Ученых того времени традиционная история считает творчески импотентными комментаторами, погрязшими в схоластических спорах и беспомощно повторившими зады «античной» науки. Пример Пурбаха и Региомонтана в этом отношении весьма показательны.

Правда, в последнее время, сначала робко, а затем все более уверенно, многие специалисты по Средневековью оспаривают этот миф:

«...важную роль в эволюции обществ новой Европы... приписывают обыкновенно так называемому возрождению искусств и наук... Возрождение это... представляется обыкновенно как грандиозный культурный подъем, совершившийся в обществах новой Европы, благодаря усвоению ими идей античной образованности, разрушивших будто бы Средневековье, аскетическое (так обыкновенно его определяют) миросозерцание, которое, по принятому мнению,

тяжелыми веригами сковывало человеческий дух и не давало развиваться его силам, которые будто бы только теперь... впервые вышли из мрачной тюрьмы... на свет и воздух и немедленно же расцвели пышным цветом наук и художеств...

Едва ли нужно прибавлять, что *вся эта картина... представляет собой типический образчик чисто идеалистического, в сущности, логического, чисто дедуктивного построения, весьма далекого от чрезвычайно сложной... исторической действительности, которую она как будто пытается воссоздать...*

Большой интерес к классическому миру... скорее показатель весьма серьезных культурных успехов, сделанных обществами Западной Европы той поры, чем причина этих успехов. То новое, чисто светское миросозерцание, которое развилось в образованных кругах Европы к началу так называемого нового времени, есть органический продукт всего предшествующего очень сложного... развития...

Отвергая, как совершенно ненаучную, мысль о культурном перевороте, будто бы произведенном... в так называемую «эпоху Возрождения», считая такое представление одной из многочисленных иллюзий нереальной исторической мысли, современная реальная историческая наука вообще не склонна придавать так называемому «гуманизму» того глубокого значения... какое ему обыкновенно приписывают...» ([49], стр.22—25).

Эти слова авторитетнейшего медиевиста показывают, что, несмотря на «гипноз античности», критически и самостоятельно мыслящие историки вполне осознают ущербность традиционных представлений о роли и значении средневековья в развитии культуры и науки.

Не было никаких «темных веков»! Факел науки непрерывно разгорался в руках ученых, переносивших его из страны в страну и из века в век. Он лишь временно и ненадолго замирал под влиянием политических и экономических потрясений в какой-нибудь стране, но оставался живым и ярко горящим в соседних странах.

Как и в новое время, развитие науки в средневековье происходило в постоянной и ожесточенной борьбе с мракобесием церковной идеологии. Политические условия того времени вынуждали ученых прикрываться «древними именами». Когда в XIII веке впервые начали распространяться сочинения, приписываемые Аристотелю (имя которого, по Морозову, переводится весьма многозначительно как «Наилучшее завершение»), они были встречены в штыки представителями официальной идеологии: «...церковь очень активно реагировала на распространение аристотелевской доктрины, применяя против ученых и научных центров... запреты и ограничения организационного

характера. Уже в 1209 г. провинциальный синод французских епископов в Париже накладывает запрет на изучение трудов Аристотеля... в 1215 г. появляется второй запрет аналогичного содержания... Римская курия... повторяет запрет (в 1231 г. — *Авт.*)...» ([87], стр.17—18). Когда же административные запреты не помогли, теологи в лице Фомы Аквинского, извратив учение Аристотеля и выхолостив его материалистическое содержание, поставили его на службу церкви.

Традиционное представление о средневековой учености сложилось на основе сочинений, пропагандирующих «официальную», мертвенную идеологию, тогда как живые и ищущие силы, скрывшиеся под псевдонимами, были отнесены в древность.

Конечно, противники официальной идеологии не составляли единого фронта и пользовались умозрительным, а не экспериментальным методом. Они не изучали мир, а строили о нем догадки. Этим и объясняется широкое разнообразие «античных научных школ», объединенных только противодействием церковному миросозерцанию.

Эволюционная точка зрения

Отрицая существование «античной науки», мы с необходимостью должны отвергнуть и представление об ужасающей катастрофе V века, когда нашествие варваров якобы уничтожило «античную цивилизацию» и человечество было вынуждено начать свое культурное развитие заново.

Вообще, историческая концепция катастроф, будучи с литературной точки зрения очень драматической и захватывающей, не имеет в действительности под собой никаких оснований и является рудиментом некоей общей точки зрения, существовавшей в XVIII—XIX веках, не только в истории, но и в других науках. Наиболее ярким примером является «теория катастроф» Жоржа Кювье, основателя сравнительной палеонтологии. Он считал, что на нашей планете неоднократно происходили колоссальные катастрофы, в результате которых погибало большинство обитателей Земли. После каждого такого переворота животный мир возрождался заново, но уже в ином составе (точь-в-точь как в традиционной истории гибнут и возрождаются цивилизации). Эта теория продержалась до середины XIX века, когда Дарвин обосновал свое «эволюционное учение» — теорию непрерывной эволюции, непрерывного нарастания биологического потенциала.

Представление, что драматичные картины гибели целых цивилизаций должны уступить место непрерывной эволюционной схеме (не

отрицающей, конечно, революций, поднимающих общество на следующую степень развития), неоднократно поднималось в исторической науке:

«В западноевропейской историографии существует весьма влиятельная по учености и талантливости своих представителей школа так называемых романистов... Для школы романистов политический и социальный строй средневековой Европы представляет собой лишь дальнейшее развитие явлений и форм, уже выработанных римским миром, который, по ее мнению, не был сокрушен под ударами варваров, потому что то, что прежде понимали под так называемым нашествием варваров, видя в нем катастрофу, насильственно разгромившую римское государство, есть не больше как историческая легенда...» ([49], стр.25—26).

Тем не менее то, что в целом историческая наука еще не отрешилась от «катастрофических» представлений и не перешла к эволюционным представлениям, является печальным, но неоспоримым фактом. Причиной тому, бесспорно, был гипноз уверенности в существовании античной культуры и науки, внезапное исчезновение которой с лица Земли объяснить иначе как катастрофой очень трудно.

В буржуазной историографии были, естественно, и другие причины. Как пишет проф. Петрушевский, излагая мнение известного буржуазного ученого Мейера: «Мейер ополчается против «ложного» мнения, будто историческое развитие народов, живших вокруг Средиземного моря, шло непрерывно по восходящей линии; распространение этого мнения он приписывает «популярной философии, которая, как известно, охотно занимается теорией прогресса и, не заботясь о фактах, составляет только красивые системы...» ([49], стр.31). Нам-то ясно, от какой «популярной философии» так легко и безапелляционно отмахнулся Мейер...

Морозов неоднократно подчеркивает эволюционный характер своей теории, и это представляется нам одним из наиболее привлекательных ее аспектов и одним из наиболее глубоких ее теоретических подтверждений.

Параллелизмы

В апокрифированных средневековых сочинениях неизбежно должны оставаться следы их происхождения. Поэтому в основанной на них традиционной истории должны иметь место определенные параллелизмы между событиями в античности и в средние века. И действительно, многие исследователи с большим или меньшим

удивлением обнаруживали, что средние века повторяют во многих отношениях античность. Так как эти повторения традиционная история довольно успешно объясняет, скажем, единством общих законов развития человеческого общества или другими соображениями, то они подтверждают утверждение об апокрифированности античной литературы лишь постольку, поскольку это утверждение объясняет их *без каких-либо дополнительных гипотез* и соображений. Этот вопрос мы подробнее рассмотрим в гл. 16—18, а сейчас, в качестве одного из примеров, лишь отметим, что политическое устройство Римской республики IX-X веков разительно напоминает политическое устройство «классической республики»: имеется сенат, ежегодно избираются два консула, а религиозная жизнь направляется великими понтификами (которые получили имя «пап» лишь в XI веке).

Впрочем, об этом периоде истории Рима мало что известно. С нашей точки зрения, это неудивительно, так как большая часть информации о нем апокрифирована в древность.

Вообще, надо заметить, что неправильно представлять историю средних веков как нечто завершенное и ясное, даже в основных чертах. Напротив, она полна темных мест и зияющих провалов, длительностью чуть ли не в столетия, от которых до нас не дошло практически никаких документов. Не является ли этому причиной апокрифирование этих документов в древность и нельзя ли восстановить историю этих темных лет по «античным» источникам?

Экономические структуры средневековья и античности также оказываются при более внимательном рассмотрении до удивления схожими. Вот что пишет тот же проф. Петрушевский:

«Мейер считает необходимым «самым энергичным образом указать на то, что история развития народов, живших у Средиземного моря, *представляет два параллельных периода*, что с падением древнего мира развитие начинается сызнова и что оно снова возвращается к тем первым ступеням, которые уже давно пройдены»... История народов, живших и живущих у берегов Средиземного моря, таким образом, действительно представляет два параллельных периода, и народы новой Европы проходили ту же хозяйственную эволюцию, что и народы древнего мира» ([49], стр.32).

Далеко не тривиальный, и априори не очевидный вывод о повторении экономической истории Средиземноморья не вызвал особого удивления и протеста традиционных историков, но, поставленный в один ряд с другими параллелизмами, он приобретает особое значение.

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. Основным теоретическим выводом этой главы является опровержение легенды о «темных веках» Средневековья и утверждение эволюционной точки зрения отвергающей катастрофы, но, естественно, не революции (см. §5).

За недостатком места и времени мы лишь вкратце набросали основные идеи. Все они требуют углубленной проработки и дальнейшего развития. Но это уже выходит из рамок этой книги.

2. Доказана принадлежность окончательного текста «Альмагеста» XV—XVI векам и, в общих чертах обрисован механизм возникновения в средневековье других «античных» научных сочинений (см. § 2 и § 4).

Таким образом, с какой стороны ни подойти, тезис об апокрифичности «античной» литературы (и науки) находит самые разнообразные подтверждения. Во всяком случае, в отношении ряда самых основных сочинений его можно считать доказанным со всей определенностью, которую способна доставить астрономия.

Но от античных времен остались якобы не только памятники письменности, но и археологические находки (памятники материальной культуры). Посмотрим же, насколько внятно они говорят о прошлом.

Глава 4 КОЕ-ЧТО ОБ АРХЕОЛОГИИ

В этой главе мы весьма кратко рассмотрим некоторые вопросы археологии, в основном касающиеся проблемы абсолютных дат. Более подробно мы останавливаемся на знаменитом радиоуглеродном методе датировки, поскольку обычно он освещается весьма односторонне.

Цель этой главы — развеять некоторые общепринятые мнения, воспитанные на школьных учебниках и популярных сочинениях. (эти мнения разделяли и мы, пока глубже не вникли в предмет). Никакой новой информации она, по существу, не содержит.

§ 1. Археологические фальсификации

Знаменитые подделки нового времени. — Фальсифицирующие реставрации. — Фальсификации ученых. — Бросовая фальсификация. — Подделки эпохи Возрождения. — Разоблачение подделок. — Надписи. — Нумизматика. — Религиозные подделки. — Заключение.

§ 2. Современная полевая археология и хронология

Методика раскопок. — Археологические датировки. — Хронология Египта. — Физические методы датировки.

§ 3. Радиоуглеродный метод датировки

Идея Либби. — Физические основы радиоуглеродного метода. — Гипотезы, лежащие в основе радиоуглеродного метода. — Изменение содержания радиоуглерода в обменном фонде. — Вариация содержания радиоуглерода в живых организмах. Резюме. — Защитники радиоуглеродного метода. — Археология против физики. — Книга Фирсова.

Итоги главы

§1. Археологические фальсификации

Каждый, бесспорно, знает о подделках и фальсификациях античных произведений искусства, но мало кто подозревает, с каким размахом поставлено это дело. Мы, за недостатком места и времени, расскажем лишь о наиболее известных случаях подделок, и это будет лишь часть вершины колоссального айсберга, почти целиком скрытого от глаз.

Знаменитые подделки нового времени

В 1864 г. де Ноливо привез из Флоренции прекрасный «древний» бюст Джироламо Бонивьени, друга Савонароллы и последователя Петрарки. Через некоторое время этот бюст был продан с аукциона за бешеные деньги, а затем был выставлен в одном из парадных залов Лувра в серии произведений крупнейших мастеров скульптуры эпохи Возрождения.

Эта «безусловно подлинная» работа неизвестного мастера XV в. вызвала восторг публики и специалистов. По поводу этого действительно прекрасного произведения искусства было написано множество статей и научных исследований, в которых детально и с большим знанием дела разбирались различные гипотезы о возможном авторе скульптуры и доказывались те или иные исторические утверждения. Неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы в декабре 1867 г. в «хронике искусств» не появилось бы сообщение из Флоренции: «антиквар Джованни Фреппа заверяет, что бюст Бонивьени исполнен по его заказу в 1864 г. итальянским скульптором Джованни Бастианини, и что он, Фреппа, заплатил ему за работу 350 франков. Моделью послужил рабочий табачной фабрики Джузеппе Бонаюти. При продаже скульптуры г-ну де Наливо антиквар якобы и не пытался убедить покупателя, что это скульптура XV в., хотя, с другой стороны, и не сказал ничего о ее подлинном авторе».

Разразился грандиозный скандал. *Особенно были возмущены специалисты.* Известный скульптор Эжен Луи Лекен публично заявил: «И готов до конца дней своих месить глину тому, кто сумеет доказать, что он — автор Бонивьени». Генеральный директор Императорских музеев де Ньеверкерк также публично заявил: «И плачу пятнадцать тысяч франков тому, кто создаст парный к «Бонивьени» бюст». Лекен опубликовал большую статью, в которой *совершенно «научно»* доказал, исходя из особенностей старинной и новой техники скульптуры, что обсуждаемая скульптура «безусловно древняя».

Финал всей этой истории наступил только тогда, когда, наконец, на сцене появился сам автор — Бастианини. К великому смущению знатоков во главе с де Ньеверкерком скульптура, была перенесена в музей декоративного искусства (см. [77], стр.24—33).

В 1873 г. Британский музей приобрел древний саркофаг из терракоты, который сразу стал самым популярным произведением «этрусского искусства». Крупнейшие музейные специалисты предполагали, что он *сделан в VI в. до н.э.* Через 10 лет Энрико Пенелли, реставратор Лувра, сообщил знаменитому археологу Соломону Рейнаку, что саркофаг изготовлен им совместно с братом, Пьерро Пенелли. Они закопали свою подделку в Черветери, а потом удачно инсценировали находку (см. [55], стр.82).

В 20-х годах XX века Нью-Йоркский музей Метрополитен приобрел три статуэтки этрусских воинов, «представлявшие уникальные образцы искусства, созданные более 2300 лет назад».

Специалисты были в восторге. Только Парсонс, коллекционер древностей в Риме, сомневался в их подлинности. Через 30 лет Парсонс встретил итальянца Альфреда Фиорованти, который сообщил ему, что полвека назад он не только изваял эти статуэтки, но и организовал с братьями Риккарди мастерскую, в которой *подделывалась в массовом масштабе древняя керамика.* Музей вначале отказался верить этому сообщению, но потом все же в Рим послал специалиста с гипсовой отливкой руки одной из статуэток, на которой не хватало пальца. Недостающий палец оказался у Фиореванти, хранившего его как память (см. [55], стр.84).

Интересно, сколько «этрусских древностей» такого сорта молчаливо хранят другие музеи мира?

В 1869 г. в Месопотамии при довольно странных и путанных обстоятельствах была найдена стела с надписью моавитского царя Меши, правившего якобы в IX в. до н.э. (мы вернемся к этой стеле в гл. 7). Вскоре на рынке в Иерусалиме появились глиняные изделия (керамика и глиняные фигурки), якобы найденные там же, где была обнаружена стела. Фигурки были украшены семью точками и имели абсолютно бессмысленные надписи. Все эти «моавитские древности» по совету ученых-востоковедов прусское правительство купило за 20 тыс. талеров, и 1700 предметов «моавитской культуры» стали украшением берлинского музея. Скандал (приобретший политический характер) разразился тогда, когда француз Клермон Ганно доказал, что все эти тысячи «древностей» были изготовлены фирмой мошенников, руководителем которой был иконописец из

Иерусалима араб Селим, принимавший участие и в «находке» стелы царя Меши (см. [55], стр.80—81).

Поистине замечательным мастером подделки был одесский ювелир Ю.Рухомовский, талант которого был использован для изготовления целой серии «античных» реликвий: «... все стены скромного жилища бедного одесского ювелира были увешаны прекрасными рисунками с античных пальмет, а сам Рухомовский усердно трудился уже полгода, по его утверждению, «для собственного удовольствия» над изготовлением золотого скелетика. Как удалось выяснить позднее, этот скелетик предназначался в качестве «археологической находки» для венского банкира барона Ротшильда» ([77], стр.46—47).

Мировую славу Рухомовскому принесла «тиара Сайтоферна», купленная Лувром в 1895 году за 200 тыс. франков как подлинное произведение греческого искусства. Греческая надпись на тиаре сообщала, что она была преподнесена Сайтоферну, скифскому царю III в. до н.э., жителями Ольвии, греческой колонии на берегу Бугского лимана. Как потом выяснилось, фигуры, изображенные на тиаре, были взяты из атласа по истории культуры, изданного в 1882 г.

Когда Рухомовский заявил о своем авторстве, *ему не поверили.* Тогда он предъявил другие изготовленные им предметы, среди которых, в частности, были ритон (рог для питья), золотая группа из двух фигур, Афины и Ахиллеса, и т.д. Только после этого дирекция Лувра перенесла корону Сайтоферна из зала «древностей» в зал современного прикладного искусства (см. [55], стр.84—85).

О каком беспристрастном расследовании обстоятельств «античных» находок может идти речь, когда *музеи отказываются слушать* даже откровенные признания фальсификаторов?

Несмотря на всю скандальность истории с тиарой Сайтоферна, дирекция Лувра в 1969 г. снова приобрела «скифское» изделие. На этот раз — серебряный рог для питья в виде кабаньей головы с рельефными фигурами скифов. И снова это оказалась подделка, причем аналогичный ритон был приобретен еще в 1908 г. Московским историческим музеем.

Оба эти ритона вышли из одной и той же мастерской, которой руководили братья Гохманы из Очакова. Предприимчивые братья организовали целую фирму, раздавая заказы иногородним ювелирам (среди которых был и Рухомовский). Клиентами фирмы были музеи России, Германии, Франции, Англии, Греции (!), Италии (!). Товар распространялся через подставных лиц. Гигантское количество «древностей» из золота и серебра было, например, продано музеям и коллек-

ционерам крестьянкой Анютой из села Перутино, находящегося на месте Ольвии. Где теперь находятся эти «античные реликвии»? В музеях?

Особо недоверчивым коллекционерам фирма Гохманов предоставляла возможность самим найти фальшивку в якобы раскопанных при них могилах.

Размах деятельности фирмы можно только весьма приблизительно оценить по тем *немногим* разоблачениям, которые были сделаны. На X археологическом съезде директор Одесского археологического музея Э.Р. Штерн был вынужден выступить со специальным докладом «О подделках классических древностей на юге России», в котором он рассказал не только о деятельности Гохманов и К°, но и о многих других фальсификаторах (см. [55], стр.86—87).

Западноевропейским «королем» античной фальсификации считается Альево Дюссена, имевший специальную мастерскую, много лет наводнявшую мировой рынок поддельными древностями. «По всей Европе и Америке в антиквариатах, частных собраниях и музеях можно было встретить скульптуры, рожденные в мастерской Дюссены и прошедшие через руки Фазоли и Палези (директорат фирмы по фальсификациям. — *Авт.*). В Нью-Йоркском музее Метрополитен — прекрасная кора, приписываемая греческому мастеру VI в. до н.э., в музее Сан-Луи — этруская Диана, в Кливленде — архаическая Афина, в Вене — фронтонная группа из Веллии, «реконструированная» известным специалистом по античному искусству Ф.Студницка, во многих иных собраниях — десятки статуй и портретов, принадлежащих якобы резцу Донателло, Верроккио, Мино да Фьозоле, Росселлино и других корифеев ренессансной пластики. Изобретательный фальсификатор превратил даже итальянского живописца XIV в. Симоне Мартини в скульптора...» ([77], стр.54—56).

Все скульптуры, вышедшие из мастерской Дюссены, были произведениями высочайшего класса; недаром этот человек вошел в историю как «гений фальшивою». Это был талантливейший фальсификатор: афинские статуи «архаической эпохи» и скульптуры в стиле итальянских мастеров XV века; готические статуи и мраморные саркофаги; фронтонные фигуры и статуэтки, якобы пролежавшие в земле три тысячи лет, — все было доступно его резцу. После разоблачения Дюссена говорил: «Да, я выполнил все эти бесчисленные работы — саркофаги, мадонны с младенцами, рельефы и прочие вещи. Но я ничего не подделывал и никого не обманывал. Я никогда не копировал, я всегда занимался реконструкцией...» (см. [77], стр.59).

Неясно, насколько Дюссене удалось бы обогатить «классическую древность», если бы в 1927 г. он не выступил с саморазоблачением. Как и Рухомовский, он использовался специализированной фирмой по изготовлению «классики». Войдя с фирмой в денежный конфликт, он решил отомстить директорату организации. *Дюссене не поверили*; ему пришлось доказывать авторство.

«Последних неверующих убедил фильм, заснятый в мастерской Дюссены доктором Гансом Кюрлихом. Перед объективом кинокамеры залитый светом юпитеров скульптор спокойно и невозмутимо создавал свою последнюю, на этот раз легальную, подделку — «античную» статую богини» ([77], стр.59).

Целая фабрика, поставлявшая в Америку и Англию десятки «древних» икон, была случайно обнаружена в предместьях Парижа в 1937 г. Семнадцать изготовленных на этой фабрике икон попали в музей.

В ноябре 1958 г. в каталоге Государственного Венского аукциона Доротеум появилась готическая скульптура мадонны, датируемая специалистами 1380 годом/ «Мадонна» была сенсацией до конца ноября того же года, когда ее фотографию увидел южнотирольский резчик по дереву Рифессер, узнавший собственное произведение. Как выяснилось, торговец Иозеф Ауэр (заработавший на «Мадонне» 60 тыс. шиллингов) продал таким путем несколько статуэток Рифессера. И опять эксперты из Доротеума не поверили заявлению Рифессера, и тому пришлось с огромным трудом доказывать свое авторство.

2 мая 1937 г. Гонон, крестьянин из местечка неподалеку от Бризе, нашел, вспахивая поле, мраморную, слегка поврежденную статую. *Мнение специалистов было единогласно*: Венера, I в. до н.э. Гонону предложили 250 тыс. франков за «творение Праксителя или Фидия». Однако в 1938 г. итальянский скульптор Франческо Кремонезе заявил, что эта статуя изготовлена им и что два года назад он лично закопал ее на поле. В качестве доказательства Кремонезе предъявил недостающие обломки. Цель Кремонезе была доказать, на что он способен, но возникает вопрос: если бы Кремонезе не признался, мы и сегодня считали бы эту статую творением Праксителя или Фидия? А много ли фальсификаторов признавалось?

Одним из наиболее известных фальсификаторов последнего времени явился некий Мальскат, обладавший фантастической способностью вживаться в древние образы. История с ним примечательна тем, что здесь *фальсификатором является официальный реставратор*. Наиболее знаменитой подделкой Мальската были фрески в церкви св.Марии в Любеке. Когда в результате бомбежек часть штукатурки в церкви обрушилась и открылась старая роспись

стен, для восстановления этой росписи и был приглашен Мальскат. Однако от этих старых росписей практически ничего не осталось, и осуществить реставрацию оказалось невозможно. Чтобы не потерять выгодного контракта, Мальскат осуществил грандиозный подлог, выдав его за подлинную живопись XIII века, появившуюся якобы из-под слоев штукатурки. На протяжении длительного времени он, запершись с несколькими помощниками в церкви, рисовал «свободные композиции», сочетавшие в себе остатки фресок Мариенкирхе с элементами романской и готической живописи. На стенах же алтарной части он, не связывая себя никакими «остатками», заново написал фигуру Марии с благословляющим младенцем Христом и святых по сторонам.

В сентябре 1951 г. Любек широко отметил 700-летие замечательного памятника немецкого зодчества — церкви св. Марии. «Спаситель национального сокровища» был в центре внимания и был щедро вознагражден. Но «спасителем» этим был признан не Мальскат, а его работодатель — проходимец Фей. Мальскат решил мстить, и через некоторое время он лично явился с признанием к церковному советнику доктору Гебелю.

Этот скандал вряд ли имеет себе равный; он был назван по всей Европе «величайшей аферой XX века». Специалисты, видные ученые, реставраторы, сотрудники ведомства по охране памятников старины *не хотели верить* Мальскату, заявляя, что он страдает манией величия. Только через длительное время Мальскату удалось добиться назначения специальной комиссии экспертов во главе с крупным знатоком доктором Грундманом. Эта комиссия обнаружила и другие шедевры реставрационной деятельности фирмы Фей. В частности, была вскрыта полная поддельность «реставрированных» росписей капеллы госпиталя св. Духа и церкви св. Екатерины в Любеке, выполненных все теми же Феем и Мальскатом. Между прочим, оказалось, что Мальскат даже не сбивал старую штукатурку — он писал по ней же, не утруждая себя лишней работой. Действительно же древняя живопись XIII в. (а точнее, ее жалкие остатки) была обнаружена только после того, как комиссия очистила древние стены этих церквей. За 500 лет от этой старой живописи практически ничего не осталось, «... этот слой был прикрыт темно-серым фоном с какими-то маленькими цветными пятнышками» ([77], стр.95).

Кстати, возникает общий вопрос: насколько соответствуют действительности утверждения специалистов о древности тех или иных настенных росписей? Если за 500 лет практически полностью погибла стенная живопись церквей в Любеке, то что мы должны думать о древности других, еще сохранившихся фресок? Быть может, они не столь древние, как это говорят нам историки?

Фальсифицирующие реставрации

Реставрационная деятельность, вообще, очень часто практически смыкается с фальсификацией.

В Археологическом музее в Венеции хранится рельеф, на котором изображены два мальчика, которые, впрягшись в повозку, везут женщину. Этот рельеф был дополнен и реставрирован 150 лет тому назад. Реставраторы почему-то увидели в этом изображении иллюстрацию к одному из рассказов Геродота, в котором сообщается о некоей Филиппе, жрице Геры, которую однажды за отсутствием быков привезли к храму ее сыновья, за что мать попросила у богов для них наивысшего блаженства, доступного смертным. В ответ на это Гера подарила юношам возможность умереть во сне, считая это за наивысшее блаженство.

Исходя из этого рассказа, рельеф и был «реставрирован»: решетка у ног женщины превратилась в повозку на колесах, конец веревки в руке одного из мальчиков — в дышло, стали богаче орнаменты, рельеф приобрел звучание. Насколько далеко зашли реставраторы, видно хотя бы из того, что они снабдили колеса спицами, добавили ярмо и ошейники.

На основании (!?) произведенных дополнений рельеф был датирован, причем неверно (!): орнамент приняли за рисунки, храм объявили усыпальницей (и это тоже было неверно) и, наконец, исходя из этого нового рисунка, основательно дополнили и уточнили рассказ Геродота (см. [37], стр.39).

Иногда дело доходит до анекдота. На одном из саркофагов в Лувре изображены Психея и Амур. У Амура отбита правая рука, но кисть руки сохранилась: она лежит на щеке Психеи. Два археолога превратили на своем рисунке эту кисть в бороду. Затем эта явная нелепость перекочевала в каталог Лувра с комментарием: «Скульптор, создавший саркофаг, не разобрался в сюжете — он наделил Психей, одетую в женское платье, бородой!» (см. [37], стр.39).

Выше было упомянуто о «реконструкции» Ф.Студницки; «фронтонной группы из Велии», вышедшей из мастерской Дюссены. После того, как эта группа приобрела мировую известность, Студницки на основании «глубоких научных соображений» более чем наполовину(!) дополнил эту скульптуру, пририсовав к ней еще одну (третью) фигуру, каких-либо остатков и в помине не было на том обломке, который изготовил Дюссена (ср. фотографии «подлинника» Дюссены и «реконструкции» Студницка в [77] на стр.58 и 57).

Фальсификации ученых

Не брезговали фальсификациями и признанные ученые. В этой связи крайне примечательна и характерна история «открытия» немецкого археолога Губерта Гримме.

В 1906 г. на скалах в районе Синая было обнаружено восемь надписей, отнесенных к XVI—XV вв. до н.э., выполненных на одном из древних семитских наречий. В 1923 г. Гримме выпустил работу, в которой дал расшифровку двум из этих надписей. Согласно Гримме, надписи ясно свидетельствовали о том, что в те времена на Синае уже существовал культ Ягве. Подтверждалось и историческое существование Иосифа («Горе, похоронен Иосиф...») и Моисея, а также заодно подтверждался и ветхозаветный миф о том, что младенец Моисей был вытаскен из Нила дочерью фараона («ты была милостива, вытянула меня из Нила и поставила меня над храмом...М... который на Синае»).

Естественно, что среди специалистов немедленно вспыхнули споры. Одни заявили, что неверна расшифровка; другие настаивали на том, что все это — грубо сработанная фальшивка. Гримме защищался...

Самое поразительное, что никто из всех специалистов не удосужился обратиться к оригиналам этих надписей; единственным оригиналом, на основе которого и развернулась вся дискуссия, были рисунки, сделанные самим Гримме. И только через некоторое время известный египтолог Зете додумался, наконец, обратиться к оригиналам и опубликовал точный снимок синайской надписи. «Оказалось, что там нет ничего похожего на то, что прочитал Гримме. Фальшивка была разоблачена» ([43], стр.100).

На оригинале надписи сохранилось лишь несколько полустертых значков, а вся остальная площадь была полностью разрушена, вот эти-то разрушенные тексты и «восстановил» Гримме, прекрасно зная, что вряд ли кто-нибудь догадается поинтересоваться хотя бы фотографией надписи. Его разоблачили лишь потому, что его «прочтение» было излишне сенсационно; если бы он был чуть поосторожнее, никому бы, судя по всему, и в голову не пришло полюбопытствовать: насколько точно соответствует оригинал надписи опубликованному рисунку от руки.

Отметим, кстати, что некоторые важнейшие клинописные тексты известны только в рисунках.

Известный археолог Штрасмайер в течение многих лет работал в архивах Британского музея, переписывая тысячи табличек, принадлежавших якобы последнему периоду истории Вавилона. По заявлению Штрасмайера, среди этого материала им были найдены

таблички с астрономическими данными, позволяющими датировать эти тексты. Например, среди этих табличек имеется «перевод дневника Гиппарха», относящийся якобы к 232 г. до н.э.

Как ни странно, но «ни один из текстов не был опубликован в официальных изданиях Британского музея, и нет никакой информации о подобных табличках, приобретенных Британским музеем после того, как Штрасмайер перестал их переписывать» ([23], стр.112). До сих пор ученые довольствуются лишь фотографиями с записных книжек Штрасмайера (см. эти фотографии в [23], табл. 14).

Всего Штрасмайером было «найдено» 240 (!) астрономических текстов и фрагментов. По утверждению Н.А.Морозова, исследование этих текстов доказывает, что они являются подлогом, выполненным Штрасмайером. К сожалению, Н.А.Морозов своего анализа текстов Штрасмайера опубликовать не успел.

В 1856 г. Бругшем, знаменитым впоследствии египтологом, а тогда начинающим ученым, были найдены четыре прекрасно сохранившиеся деревянные (!), покрытые гипсом, таблички, содержащие сведения о положении планет в созвездиях (гороскопы). Бругш датировал их 116 годом н.э. и послал таблички астроному Био для астрономической проверки. Био подтвердил датировку (гороскопы действительно показывали близкое время), однако не выразил особого восторга по этому поводу и заявил, что это вычисления, а не наблюдения, сделанные, по-видимому, каким-то астрологом (см. [23], стр.104). По утверждению Н.А.Морозова, анализ этих текстов также доказывает, что они являются подлогом.

Многочисленные странности текстов табличек Бругша были замечены уже давно, но никто, однако, не осмеливался провести их исследование до конца. Скорее всего, молодой Бругш не удержался от соблазна начать свою научную деятельность с сенсационной находки.

Подобно тому, как литературная фальсификация является одним из способов начать карьеру писателя, сенсационная археологическая фальсификация представляет собой способ начать научную карьеру.

Бросовая фальсификация

Не нужно думать, что фальсификационная деятельность ограничивается лишь изготовлением «шедевров». Процветает и так называемая «бросовая фальсификация».

«Существует буквально *промышленность подделок* самого низкого сорта... Известный журналист Рихард Кац рассказывает, как при нем феллах у подножия пирамид выкопал «настоящую» древнеегипетскую статуэтку. При внимательном рассмотрении на статуэтке оказалось клеймо «Сделано в Пфорцгейме». Этот городок в Шварцвальде сложился как цветущий центр имитаций» ([77], стр.20—21).

Немецкий искусствовед Юлиус Мейер-Грефе, осматривая однажды с гидом местные достопримечательности в Египте, нашел в песке древнюю статуэтку. Вернувшись в отель, он похвастался торговцу своей находкой, на что тот, как пишет сам Мейер—Грефе, «пригласил меня в заднее помещение своей лавчонки, открыл шкаф и показал мне четыре или пять совершенно таких же статуэток. Каждая из них была покрыта песком тысячелетней давности. Их делают в Бунцлау, но он получил их от одного грека, торгового агента в Каире». Оказалось, что гид давно уже работает в таком стиле (см. [37], стр.152).

В 1925 г. Андре Мальро познакомился в одном из баров Сингапура с неким коллекционером, который путешествовал за счет Бостонского музея (!). Он показал Мальро пять маленьких слоников из слоновой кости, которых только что приобрел у одного индуса. «Видите, мой дорогой друг, — сказал он, — я покупаю слоников. Когда мы производим раскопки, я перед тем, как засыпать ту или иную гробницу, кладу в нее слоников. Если через пятьдесят лет другие исследователи вновь вскроют гробницу, они найдут этих слоников, которые к тому времени успеют покрыться зеленой пленкой и потеряют свой новенький вид, и немало поломают себе голову над этой находкой. Тем, кто придет после меня, я охотно задаю подобные головоломки: на одной из башен Ангкор Вата я выгравировал, мой милый друг, весьма неприличную надпись по-санскритски и хорошенько ее замазал, так что она выглядит очень старой. Какой-нибудь плут ее расшифрует» (см. [37], стр.153).

Посетители Колизея, раскопок Помпей, поля пирамид в Гизе в один голос рассказывают о темных личностях, предлагающих тут же на месте «только что найденные древности». Особо недоверчивые туристы могут сами найти, скажем, «древнеримскую монету», закатившуюся в щель между камнями Колизея и пролежавшую там две тысячи лет.

Промышленность подделок достигла такой мощи, что «...кажется, что уже никто не может быть уверенным: ни турист, покупающий за бесценок «настоящий» египетский скарабей у подножия пирамид в Гизехе, ни коллекционер, случайно нашедший «несомненный» рисунок

Коро в одном из многочисленных маленьких антиквариатов Парижа, ни даже специалист—искусствовед, приобретающий для крупнейшего музея удостоверенную множеством экспертиз картину Рембрандта на аукционе всемирно известной лондонской фирмы Сосби. Недаром начиная со второй половины прошлого века стало выходить множество книг и пособий для коллекционеров и любителей искусства с предостережениями, советами и рецептами, как уберечься от фальсификаторов» ([77], стр.6).

Бум дешевых фальсификаций связан с широким распространением туризма, а начался он еще в конце XIX века, когда американцы, широкой волной хлынувшие в Европу, начали скупать все, что попадало под руку. Этот период «первоначального коллекционирования» американцев нашел отражение даже в художественной литературе (рассказы О'Генри и Марка Твена).

Из области подделок, не имеющих прямого отношения к предмету нашего исследования, мы упомянем только об одном примере, исключительно для демонстрации размаха фальсификационной системы: «...в наше время «репертуар» подделывателей стал буквально безграничен... Добрейший Коро сам дал толчок к подделке его работ. Он нередко подписывал картины учеников своим именем, чтобы дать тем возможность подработать. Недаром один остроумный француз назвал Коро автором 3000 картин, 10000 из которых проданы в Америку. Но правда оказалась еще сенсационней шутки: известный музейный деятель Репе Хьюг насчитал в одной Европе около 30000 работ Коро. Некий доктор Жюссом обладал коллекцией из 2414 произведений и автографов выдающегося французского художника. Увы, все до одного были фальшивыми. Но не только Коро «повезло» в этом смысле. По французской статистике только лишь в США было ввезено 9428 картин Рембрандта, 113254 рисунка Ватто...» ([77], стр.15—16).

Объем же бросовой фальсификации не поддается никакому учету.

Не надо думать, что бросовая фальсификация так уж безобидна. Несмотря на все препоны, она, в силу уже только своей массовости, засоряла и продолжает засорять музеи. Основанная на популярных мнениях и гипотезах, она, в свою очередь, эти мнения поддерживает.

Подделки эпохи Возрождения

Одинаковые причины вызывают одинаковые следствия. И, когда в средние века возник интерес к античности, фальсификаторы были тут как тут. Они обслуживали и богатых коллекционеров-знатоков (ана-

лог нынешних музеев) поддельными «шедеврами», и бедных, но зато многочисленных паломников (аналог нынешних туристов) предметами бросовой фальсификации. Размах их деятельности был (относительно) не меньше размаха деятельности современных фальсификаторов.

«...Любой коллекционер знаком с ренессансными подделками античных бронзовых статуэток. Некоторые из них сделаны с таким мастерством, что еще и по сей день красуются в витринах античных залов музеев. Были и скульпторы, которые буквально специализировались на такого рода подделках. Один из них даже заработал прозвище Антико, т.е. античный» ([77], стр.9).

Подделками не брезговали и великие. «Интересно, что ранняя слава Микельанджело в какой-то степени зиждилась на подделке, правда, как принято считать (! — *Авт.*), произвольной (? — *Авт.*). Молодой и еще неизвестный скульптор создал мраморную статуэтку спящего купидона, к сожалению, до нас не дошедшую. Флорентийские знатоки превозносили ее за сходство с античными мраморами, что в устах людей ренессанса звучало как высшая похвала. Это, по всей вероятности, и навело некоего Бальдассаре дель Миланезе на мысль купить статуэтку и перепродать ее как античный подлинник. Микельанджело получил свои 30 дукатов, а ловкий торговец отправился в Рим и продал «античную» статую кардиналу Рафаилу Риарио за большую сумму в 200 дукатов. Каким-то образом и кардинал, и автор «Купидона» узнали о проделке Бальдассаре (а если бы не узнали, то сегодняшние посетители музеев восхищались бы этим «безусловно античным и древним» произведением. — *Авт.*), и в июне 1495 г. — то ли по требованию Риарио, то ли по собственной инициативе — Микельанджело прибыл в Рим. Прибыл уже знаменитостью — скульптором, сумевшим подняться до мастерства древних ваятелей. Именно в этот период юноша получил первые большие заказы...» ([77], стр.6).

Каким образом тщеславие коллекционеров создавало «античные» произведения искусства, хорошо описано в автобиографии Бенвенуто Челлини.

«Приехал в Рим великий хирург, какового звали маэстро Якомо да Карпи... Этот искусный человек знал большой толк в рисунке. Проходя как-то случайно мимо моей лавки, он увидел ненароком кое-какие рисунки, которые у меня там лежали, среди каковых было несколько затейливых вазочек, которые я нарисовал для собственного удовольствия. Эти самые вазы были весьма различны и непохожи на

все те, какие до той поры были когда-либо виданы. Сказанному маэстро Якомо захотелось, чтобы я ему сделал такие из серебра; каковые я и сделал чрезвычайно охотно, потому что они были по моей прихоти. Хотя сказанный искусный человек очень хорошо мне за них заплатил, во сто раз больше была честь, которую они мне принесли; потому что в цехе у этих искусников, золотых дел мастеров, говорили, что никогда не видели ничего более красивого и лучше исполненного. Едва я их ему вручил, как этот человек показал их папе... Он показывал мои вазочки многим синьорам; среди прочих светлейшему герцогу феррарскому, и говорил, что получил их от некоего римского вельможи, сказав ему, что если тот желает быть вылеченным от своей болезни, то он (т.е. врач. — *Авт.*) желает эти две вазочки, и что этот вельможа ему сказал, что они античные и чтобы он сделал милость попросить у него любую другую вещь, и ему не покажется тяжело ее отдать, лишь бы эти он ему оставил; он говорил, будто сделал вид, что не желает его лечить, и поэтому получил их. Мне это рассказал мессер Альберте Бендедио ...который был человек гордый, рассердившись, мне сказал: «А, ты смеешься? А я тебе скажу, что за тысячу лет по сей день не рождалось человека, который сумел бы их хотя бы только скопировать». И я, чтобы не лишать их такой славы; молчал и восхищенно ими любовался. Мне говорили в Риме многие синьоры об этой работе, что они считают ее чудесной и античной; некоторые из них — мои друзья; и я, возгордясь от такого дела, сознался, что сделал их я. Они не хотели верить; и я, желая остаться перед ними правдивым, должен был представить доказательство и сделать новые рисунки; а то так было недостаточно, потому что старые рисунки сказанный маэстро Якомо хитро пожелал увезти с собой. На этом маленьком дельце я много приобрел» ([54], стр.79—81).

Последняя история наводит на серьезные размышления общего характера. Большинство «античных» произведений искусства было открыто в эпоху Возрождения, и тогда же была произведена их атрибуция: «эти скульптуры принадлежат резцу Фидия», а «эта ваза была сделана в эпоху Перикла» и т.д. Какую роль в этом играло тщеславие коллекционеров и их желание превзойти друга-соседа в полноте и богатстве своей коллекции? Каковы были, вообще, основания той или иной атрибуции? Ведь мы видели, как ошибались в этом даже в наше время специалисты и с каким упорством они отстаивали свои мнения.

Вот что пишут, например, известные советские археологи Амальрик и Монгайт о «ранних» коллекциях:

«Вещи различных веков и различных народов стояли рядом, и невежественные знатные коллекционеры не умели разобраться в них, хотя с самоуверенностью вельмож, которым все доступно и все возможно, пытались делать это. Так, некий принц Канино... о чаше с изображением Диониса, плывущего по морю на корабле с мачтой, обвитой виноградом... заявлял, что это не кто иной, как библейский Ной на своем ковчеге во время потопа» ([91], стр.12).

Конечно, этот случай анекдотичный, но где гарантия в правильности атрибуций в ситуациях более тонких?

В конце концов, сколько скульптур (и какие) было действительно найдено, а не сделано тогдашними скульпторами на потребу «ловких торговцев»?

Тут мы вплотную соприкасаемся с общей проблемой распознавания фальсификаций и с ее обращением — проблемой удостоверения подлинности.

Разоблачение подделок

В [77] приведен список методов, которыми пользуются специалисты для выяснения подлинности произведений искусства (как мы видели, весьма часто, только после того, когда грандиозный скандал заставит их сделать это). Однако эти методы более или менее пригодны для живописи и практически ничего не дают для скульптур.

Оценка подлинности скульптур, ювелирных изделий и т.п. покоится в основном на крайне субъективных мнениях экспертов. «Какое-то особое чувство подсказывает (внутренний голос? — *Авт.*), что перед вами безусловный подлинник, или же предостерегает: «Берегись, тут что-то нечисто!»... Это особое чувство эксперта зиждется не столько на моментах подсознательных, сколько на тренированной памяти, большом запасе знаний и высоком культурном уровне. Безусловно доверяться этому инстинкту нельзя...» ([77], стр.105—106).

Немудрено, что такого рода «чувство» приводило экспертов к катастрофическим ошибкам. Каковы же были эксперты в эпоху Возрождения (как правило, соединяющиеся в одном лице с коллекционерами), каждый может представить сам.

Следует также не забывать, что подделки часто внедряются в жизнь незаметно, а если на протяжении одного поколения подделка не разоблачается, то для потомков она, освященная временем и авторитетом первоначального владельца, превращается в подлинник.

Надписи

В установлении подлинности антиков мало помогают и имеющиеся иногда на них надписи. Скажем, в книге [68] приведена фотография бюста, на котором вырезано «ΑΡΧΙΜΗΔΗΣ». Где гарантия, что эта надпись была сделана в момент изготовления бюста, а не вырезана значительно позже владельцем бюста, который на основании каких-то нам неизвестных соображений (а может быть, и без всяких соображений) решил, что бюст изображает Архимеда?

Где гарантия, что другие, более длинные надписи не сделаны шутиками вроде того, который описан Андре Мальро?

Читателю вряд ли известно, что существует несколько достоверных гробниц Овидия, на каждой из которых четко написано, что это есть гробница Овидия.

Овидий был неизвестен в средние века, и были, естественно, неизвестны его гробницы. Вслед же за быстрым распространением его сочинений на рубеже XVI века было открыто и несколько его гробниц. «Особенно посчастливилось в этом отношении 1508 году, когда были сразу найдены две несомненные, судя по надписям: одна в Нижней Венгрии, на которой начерчено прямо: P. OVIDII NASONIS, и другая в Саварии с точно такой же надписью. Из остальных его могил более достоверны: одна в Паннонии, другая на пути из Понта в Рим и третья в Томи на Дунае...» ([3], стр.204).

Упомянутые выше братья Гохманы подделывали также и надписи, вырезая их на плитах древнего мрамора. Они вводили в заблуждение не только любителей-коллекционеров, но и ученых. Сам директор Одесского музея, боровшийся с поддельщиками, купил у них в 1892—1893 годах четыре фальшивые надписи.

«Древний мрамор для подделок добывался частью из Ольвии, частью из Керчи, где иногда находили краткие надгробные надписи, которые стирали и на их месте рубили длинные, соответствующие ольвийской истории и весьма занимательные. Характер букв в надписях был чрезвычайно выдержанным, шрифт подбирался вполне соответствующим периоду описываемого события. Эпиграфически надписи были почти безупречны. Поддельщиков удавалось изобличить, основываясь на некоторых тонкостях: не всегда верном сочетании падежей с предлогами и т.п. Впрочем, на этом не всегда можно было основывать приговоры: настоящие ольвийские надписи также не безгрешны» ([55]с.87).

Как говорится, комментарии тут излишни.

Очень много надписей выполнено с употреблением всевозможных сокращений (или условных обозначений), понятных только тем, кто жил в ту отдаленную эпоху; современные исследователи вынуждены гадать об их смысле.

«Так, изображения молотов, пил, колес и т.п. на обычных греко-римских надгробиях, указывающие на профессию погребенных ремесленников, стали истолковываться в качестве указаний на могилы христианских мучеников и на орудия их казни. Обычные, массами встречающиеся на римских надгробиях буквы «Д.М.» (начальные буквы посвященных надписей: «Дис— манибус», т.е. «божественным манам») — душе (как предполагают историки. — *Авт.*) стали читать «Дивис мартрибус», т.е. «божественным мученикам» (как предполагают теологи, и, между прочим неясно: кто же прав. — *Авт.*). В таких же латинских надгробных буквах «В.М.» («Бонэ меморие» — блаженной памяти) стали видеть «Беатим мартрибус», т.е. «блаженным мученикам». В латинской букве «М» на надгробных плитах и надписях, заменяющих собою начинающиеся ею латинские слова: «менсис» — месяц, «милле» — тысяча, «миля» — миля, «милес» — воин, а также уже отмеченные нами «мемориа» — память и «манес» — маны, стали усматривать указания на «мартис»: «мученика» или «мученицу» ([82], стр.114).

Мы видим, насколько велик произвол в чтении надписей. При желании его можно и увеличить, например, некоторые могилы могут быть средневекового происхождения, и тогда «М» может означать, скажем, «маркиз».

Расшифровка сокращенных надписей приводила к прямым анекдотам. Например, безвестный римский ребенок Элий, на надгробной плите которого стояло «М.ХI», т.е. «одиннадцать месяцев от роду», после разъяснений теологов превратился в «мученика Элия и с ним еще одиннадцати» (см. [82], стр.114).

Было бы очень интересно критически проследить историю эпиграфики (науки о надписях), чтобы вскрыть истоки ее основных представлений. Не имея на это места, мы ограничимся несколькими беглыми замечаниями, касающимися палеографии (для теперешних наших целей безразлично обсуждать ли палеографию или эпиграфику).

«Возникновение палеографии как науки связано с именем французского ученого монаха Жана Мабильона (1632—1707гг.)

А произошло это следующим образом. С середины XVII в. конгрегация болландистов ордена иезуитов начала издавать жития святых... Один из ученых-болландистов — Д.Папброк — пришел к выводу, что более всего следует сомневаться в подлинности древнейших дипломов

(документов, прилагаемых к житиям. — *Авт.*). В числе сомнительных, с его точки зрения, были дипломы, данные меровингскими и каролингскими королями бенедиктинскому аббатству Сен-Жермен де Пре, расположенному под Парижем. Этим выводом Папброк поставил под вопрос законность прав аббатства на земельные владения, полученные в столь давние времена... В защиту своего ордена выступил Жан Мабильон...

В течение шести лет Мабильон кропотливо работал и в 1681 г. опубликовал в Париже огромный фолиант «О дипломатике»... Папброк...признал себя побежденным...

Именно книга «О дипломатике» послужила колыбелью для новой науки — палеографии... Впервые были осмыслены истоки появления латинского письма, проведена его классификация... Римское письмо делилось на три группы: капитальное квадратное, т.е. письмо крупное, каждая буква которого вписывалась в квадрат, минускульное (от лат. *minus* — малый) и курсивное, т.е. беглое. Мабильон считал, что народы, пришедшие на территорию Западной Европы, создали свое письмо. Он различал несколько типов письма: лангобардское, вестготское, англосаксонское, меровингское. Подобная классификация была необходима как первый шаг к научной систематизации древних текстов» ([159], стр.57—58).

Мы видим, таким образом, что с самого своего зарождения палеография не была нейтральной «академической» наукой, а напротив, ее основные принципы были заложены в отчаянной попытке доказать древность и подлинность земельных актов и тем самым спасти свой монастырь от разорения. К тому же она была создана лишь в XVII веке на базе уже твердо устоявшихся представлений об античности. В частности, это показывает, что для критического анализа последних представлений палеография в принципе служить не может.

Следующий этап развития палеографии связан с именем Шиллоне Маффеи (1675—1755). «У него не было ни специального образования, ни профессиональной подготовки, ни увлеченности старинным письмом, но Маффеи интересовало многое, история, литература, искусство... Во всем, за что бы он ни брался, писал ли пьесы, сочинял поэму, изучал историю, — прежде всего сказывался патриот своей страны — Италии. Все строчки его произведений были проникнуты гордостью за Италию, Рим, Верону, в которой он родился...

Знакомясь с историей Вероны, Маффеи обратил внимание на то, что многие иностранцы безуспешно искали в его родном городе какую-то библиотеку. Он также безуспешно пересмотрел все церковные, частные библиотеки города и близлежащих монастырей...

Много раз снимал он с полок и пересматривал рукописи, стоявшие в шкафах библиотеки веронского капитула, заглядывал под шкафы, обыскивал тайники. Ничего нет. В отчаянии он опускается в кресло и поднимает глаза. «Эврика! — восклицает он. — Лестницу! Скорее лестницу!» Слово юноша, взбирается он наверх и один за другим снимает со шкафов запыленные пергаменные свитки, манускрипты, отдельные листы, фрагменты, заброшенные туда в далекие времена, возможно, во время наводнения (и оставленные там, хотя значительно менее ценные манускрипты были аккуратно положены в шкафы. — *Авт.*). Он не знает еще цены найденного, но интуиция подсказывает (еще бы! — *Авт.*), что он нашел именно то, что все искали. Не давая себе ни сна, ни отдыха, приступает Маффеи к чтению, а затем и к внимательному изучению найденных рукописей. *Перед ним раскрывается удивительная картина*, позволяющая сделать вывод о непрерывности развития римского письма. Найденные им рукописи VI—IX вв. (тысячу лет, пролежавшие в забвении на шкафах! — *Авт.*), свидетельствовали о том, что написаны они были без постороннего влияния (что, заметим, всецело соответствовало общим «патриотическим» установкам Маффеи. — *Авт.*). По ним легко прослеживается постепенный переход от нового римского курсива к письму, названному Мабильоном «лангобардским»...

Маффеи со свойственной ему патетикой утверждал, что варвары ничего не создали, да и не могли создать (а все идет от любезного ему Рима. — *Авт.*). Этот вывод имел тогда не только патриотический смысл, но и большое значение (вот как! — *Авт.*) для дальнейшего развития палеографии. Теория Мабильона о национальных типах письма, т.е. множественности графических центров, была поколеблена. Римское письмо и раннесредневековые типы письма стали рассматриваться как единое целое» ([159], стр.59—60).

Мы видим, что Маффеи, безусловно был неплохим драматургом, умеющим постепенно нагнетать напряжение, разряжающееся в неожиданной и эффектной концовке. Он был также горячим патриотом Рима, не останавливающимся перед явным подлогом. Удивительно, что поколения палеографов не задумывались над бросающейся в глаза фантастичностью истории открытия Маффеи рукописей, историей вполне допустимой на театральной сцене, но никак невозможной в реальной жизни. Интересно, кстати, какова судьба «открытых» Маффеи манускриптов? Не затерялись ли они (подобно тому, как исчезли рукописи Платона, с которых Фичино делал свой перевод)?

Все это тем более интересно, что до самого последнего времени все палеографические исследования основывались на общих принципах, установленных Мабильоном и Маффеи. Впрочем, и современная перестройка их учения, связанная с именем французского ученого Маллана, отвергает (см. [159], стр.61) лишь тезис, что родоначальником латинского письма было капитальное квадратное письмо, оставляя неизменным утверждение Маффеи о неразрывной генетической связи античного письма со средневековым. А именно это утверждение и нуждается, как мы видели, в доказательстве.

Нумизматика

Особо следует обсудить вопрос о поддельных монетах и вообще о нумизматике и ее значении для хронологии.

«Несмотря на то что интерес к монете как к памятнику далекого прошлого возник очень давно (коллекционирование монет началось если не с античного времени, то определенно с эпохи Возрождения), нумизматика как наука оформилась сравнительно поздно. Переходным этапом от коллекционирования к научным методам обработки монет, к их научному изучению можно считать самый конец XVIII в.

В эпоху Возрождения сильно возрос интерес к античной культуре. К этому времени накапливается (откуда? — *Авт.*) большое количество греческих и римских монет, которые привлекают коллекционеров и любителей старины своим изяществом и красотой. В XIV в. большое собрание античных монет имел поэт Петрарка. С этих пор начинают создаваться большие частные собрания монет, послужившие в дальнейшем основой крупнейших европейских музейных коллекций. Источником для коллекций монет были находки античных кладов и отдельных монет, встречающихся в погребениях или просто потерянных (?! — *Авт.*). Целью коллекционеров была погоня за наиболее редкими и красивыми монетами... Поэтому коллекционирование на этом этапе нанесло немалый ущерб науке — монеты лишались паспорта, клады монет разрознились, монеты худшей сохранности шли на переплавку...

В течение почти двухсот лет, когда нумизматика находилась в руках коллекционеров, был собран значительный материал, но не производилось никаких попыток критически отнестись к нему...» ([31], стр.13—14).

В отношении античных монет в первую очередь обращает внимание их разнообразие, многотемье легенд (надписей) и изображений, высокий уровень художественного исполнения. Разнообразие монетных видов античных монет давно уже беспокоило нумизматов,

и они пытались найти (точнее, придумать) ему причины. Существуют теории Бэргона-Гарднера, Риджвея, Героянниса, Макдональда, но все они мало убедительны (см. [31], стр.58—60). Заметим, что разнообразие, скажем, древнегреческих монет доходит до курьезов. Оказывается, например, что существуют монеты с изображением Пифагора или моралиста Сираха (!).

— Удивляет также высокий художественный уровень древнегреческих монет, приближающий их к произведениям искусства. «Несмотря на несовершенство технических приемов, большинство греческих монет отличаются удивительной красотой, изяществом, вкусом и являются подлинными произведениями искусства... Поэтому на многих монетах есть имя художника, делавшего штемпель» ([31], стр.78—79).

Государству выгодно выпускать как можно больше монет единого штампа, чтобы не вносить хаос в свою финансово-платежную систему (поэтому, в частности, монеты-уники — чистый абсурд), тогда как коллекционеру интереснее иметь побольше разнообразных и желательно красивых монет, а монета-уника — это его мечта.

Выходит, что античные монетные дворы, явно пренебрегая интересами своего государства, делали все, чтобы удовлетворить запросы позднейших коллекционеров!

Одного этого соображения достаточно, чтобы признать огромное число уникальных «античных» монет подделками.

Более поздние (римские) монеты уже более однородны. На них, как правило, изображен император и дана краткая легенда. Говорить о портретности этих изображений можно только при большой фантазии, а краткость легенды, состоящей в основном только из начальных букв, позволяет расшифровывать ее как угодно.

Создавать уникальные монеты неизвестных «древних» государств и правителей — проще простого: достаточно владеть простейшими навыками гравирования. Неудивительно поэтому, что *около любого «исторического» места существуют мастерские по изготовлению «античных» монет*. Ныне эти мастерские производят «бросовый» товар, на потребу невзыскательных туристов: специалисты мгновенно отличают их от монет, появившихся в коллекциях в эпоху Возрождения и называемых поэтому «подлинными».

Находимые в новое время клады монет, содержащие «древнеримские» монеты, все принадлежат средним векам и поэтому служить для доказательств аутентичности имеющихся в них монет не могут.

Нумизматами обнаружены целые фирмы фальсификаторов, организовавших массовое производство античных монет. Например, из-

вестны серии подделок, хранившихся в музеях и получивших название «падуанцев». Они были изготовлены в XVI в. жителем г.Падуи Джованни Кавино. «В 1830 г. в Германии умер другой «фальшивомонетчик» — Беккер, вырезавший 662 штемпеля, которыми чеканил массу золотых и серебряных подделок римских ауреусов и динариев. Эти подделки до начала XX века засоряли многие музейные собрания» ([31], стр.14).

Ныне найдены отличительные черты «падуанцев» и подделок Беккера, и потому «сейчас эти «монеты» легко выделяются из музейных собраний» ([31], стр.14). Но где гарантия, что не было других мощных фирм фальшивомонетчиков, чьи монеты до сих пор мирно покоятся в музеях?

«На научную основу» коллекционирование монет поставил в конце XVIII века Иосиф Иларий Эккель (1737—1798), издавший двухтомное описание античных монет Венского мюнцкабинета и восьмитомный каталог. Он очистил коллекции от многих подделок, но, бесспорно, ввиду полной субъективности его критериев всех подделок он не выявил.

Для целей нашего исследования особенно важно использование монет для установления и уточнения хронологии. Однако «многие античные монеты, особенно архаического и классического периодов, не имели обозначения времени их чеканки, поэтому они не поддаются точной датировке. Такую точную дату выпуска этих монет могут дать только сопоставления с письменными или археологическими памятниками или же с конкретными историческими событиями» ([31], стр.62). На других же монетах указано время их чеканки в местных эрах. Поэтому установление их времени требует соответствующих календарных гипотез.

Таким образом, датировка монет во всех случаях основывается на традиционной хронологической и событийной сетке и потому самостоятельного значения не имеет.

Религиозные подделки

О средневековых фальсификациях мошей и священных предметов в нашу эпоху атеистической пропаганды знает каждый. Мы все же остановимся и на этом предмете, рассматривая его не как собрание курьезов, а как показатель общей некритичности мышления того времени, некритичности, тем более распространяющейся и на «светские» предметы. Не надо также забывать, что большинство историков христианства были глубоко верующими людьми, и они серьезно воспринимали этот поток подделок. Это, бесспорно, повлияло на те их выводы, которые безоговорочно принимаются современными историками.

В отношении подделок особенно повезло Иоанну Крестителю. В наличии имеются предметы, связанные с каждым пунктом его биографии.

Меч, которым была отрублена его голова, находится в кафедральном соборе г.Авиньона. Коврик, подставленный под голову Иоанна в момент казни, — в Аахенском соборе. Камень, на который был постелен коврик, — в Венецианском соборе св. Марка. Блюдо, на котором Саломее была поднесена голова Иоанна, — в церкви св. Лаврентия в Генуе. Кроме сандалий Иоанна, показывают пещеру, в которой он скрывался, и камень, на котором он спал и оставил на нем отпечаток своего тела. По легендам, император Юлиан приказал разрыть могилу Иоанна, перемешать его останки с костями разных животных и сжечь. Эта версия открыла гигантские возможности для демонстрации пепла Иоанна. Килограммы (!) этого пепла хранятся в церквях Рима, Генуи, Вьенне, Ардре, Дие, Пуи ан-Веле и т.д.

Наибольший интерес представляет, конечно, голова Предтечи. Первая голова хранится в Эмсе якобы с IX века. В 452 г. была найдена еще одна голова Иоанна, а в 857 г. — следующая. Аббат Маропль, прикладываясь к голове Иоанна в Константинополе, заявил: «Благодарение богу, вот уже шестая голова Иоанна, которую я устаиваюсь целовать» (см. [40], стр.207). Всего в настоящий момент имеется 12 голов Иоанна. В Москве якобы хранилась тринадцатая, но она затерялась.

Плечи Иоанна хранятся в четырех экземплярах, в Сен-Дени под Парижем, в Лонгпонтен и в других местах. Ноги — в Аббевиле, в Венеции, в Толедо, в Немуре. Особенно много сохранилось рук. Одна из них в конце XVIII в. оказалась собственностью русского царя Павла. Вторая находится в Болонье, третья — в Суассоне, четвертая — в Риме, пятая — в Перпиньянине, а всего 9 рук с 45 пальцами. Кроме того, налицо индивидуальные пальцы: один — в Безансоне, другой — в Тулузе, а всего «отдельных пальцев» 13.

Естественно, что еще больше реликвий сохранилось от Иисуса Христа. После его рождения пуповина была, как полагается, отрезана. Она хранилась в Клермоне в течение всего средневековья. Второй экземпляр — в соборе г.Шалон на Марне. Зафиксировано очень большое число экземпляров крайней плоти Спасителя, отрезанной на 8-й день после рождения. Основатель протестантизма Жан Кальвин уже в 1587 г. знал 3 экземпляра этой уникальной святыни. Аббат Тьер в 1699 г. сообщил еще о двух. После этого число их стало нарастать. Сейчас зарегистрировано 15 крайних плотей Христа.

Хранятся и демонстрируются литры (!) крови Спасителя, пролитой на кресте. Отдельно хранится пот, собранный с его тела. Во многих городах Франции хранятся слезы, пролитые Спасителем во время моления в Гефсиманском саду. В Вандоме хранится слезинка, пролитая Христом над базаром, которая была подобрана ангелом и передана Марии Магдалине.

К числу реликвий, наиболее сильно возбуждавших эмоции верующих, принадлежат обломки древа креста Господня, ставшего с давних пор предметом особенного почитания во Франции (кстати, мы покажем в дальнейшем, что доминирование этих настроений именно во Франции, по-видимому, может быть естественно объяснено). Очень много кусочков «честного креста» (наряду с другими реликвиями) было привезено крестоносцами. Часть «честного древа» получил герцог австрийский, а в 1239 г. Людовик Святой сподобился приобрести даже «истинный терновый венец Христа». В 1241 г. в Европу приехало копье, которым Христу пронзили бок, и губка, на которой ему поднесли уксус (кстати сказать, нам непонятна логика историков, отрицающих достоверность этих реликвий и вместе с тем признающих аутентичность многих «античных» предметов, о которых даже неизвестно, кто их привез в Европу).

Не нужно думать, что поклонение такого рода реликвиям — дело прошлого. Евангельская легенда гласит, что легионеры после распятия разделили между собой одежду Христа. После ожесточенной конкуренции победу одержал собор в Трире. В 1844 г. трирский епископ впервые выставил реликвию для всеобщего обозрения, и на поклонение к ней собираются сотни тысяч паломников. В 1900 г. поклониться хитону явились два миллиона человек. В последний раз хитон выставлялся в 1959 г. Для пропаганды была использована вся мощь современной рекламы, на площади около собора мощные репродукторы постоянно информировали толпы о процессе демонстрации святыни.

В 1204 г. во время четвертого крестового похода французский крестоносец де ля Рош привез льняное полотнище четырех метров в длину и метр в ширину со следами крови и пота, на котором обрисовываются следы человеческой фигуры длиной примерно в 130 см. В настоящее время эта реликвия хранится в Турине. Общественность была проинформирована, что это та самая плащаница, в которую Иосиф Аримафейский завернул тело Иисуса после снятия с креста. Однако дело осложнилось тем, что еще две церкви показывали не менее достоверную плащаницу, а затем число

их стало стремительно расти. Туринские власти предприняли серьезные шаги для защиты своих прав, и в 1899 г. плащаница была сфотографирована, и на негативе ясно обрисовалось человеческое лицо, не только своими очертаниями напоминающее иконописные изображения Христа, но и обнаруживающее явные следы рубцов и ран от тернового венца, да и довольно явственные очертания самого венца (см. [40], фото на стр.225). Были предприняты многочисленные настойчивые попытки «естественного» объяснения, основанные на ряде специальных экспериментов. Некоторые увенчались успехом. В печати было сообщено, что на пропитанном алоэ и ароматическими маслами куске льна удалось получить нечто вроде отпечатка тела и лица того покойника, который завертывался в это полотно.

Таким образом, мы видим, что даже в наше время делаются попытки «естественнонаучно» обосновать историческую значимость такого рода реликвий.

Заключение

Отнюдь не настаивая пока на подложности всех античных произведений искусства, мы хотели лишь подчеркнуть ненадежность их атрибуций, основанных на субъективных мнениях коллекционеров и экспертов.

Следует также отметить, что подавляющее большинство фальсификаций основывается на популярных представлениях, и, когда такого рода фальсификация не вскрыта, она, в свою очередь, поддерживает эти представления. Примечательно, что очень много фальсификаций было раскрыто лишь потому, что их авторы слишком следовали «научным» представлениям своего времени.

Наше обсуждение нумизматических проблем было поневоле очень ограниченным и фрагментарным. Некоторые дополнительные соображения можно найти в [7], стр.83—85. По существу же, единственно, что нам нужно, это вывод о несамостоятельности нумизматических датировок, об их зависимости от традиционной хронологической шкалы.

Тем более, конечно, невозможна никакая самостоятельная датировка скульптур, ювелирных изделий и т.п.

§ 2. Современная полевая археология и хронология

Методика раскопок

Современные археологи с болью и гневом говорят о «невежественных копателях» прежних веков, искавших только ценные вещи и безнадежно изуродовавших многочисленные археологические памятники.

В этом виновны не только безвестные копатели, но и крупные ученые. Например, в 1851—1854 гг. русский археолог граф А.С.Уваров раскопал 7729 курганов во Владимиро-Суздальской земле, безнадежно перемешав все находки. «Вот как оценил результат этих грандиозных раскопок другой русский археолог А.А.Спицын: «При поступлении вещей в Румянцевский музей они представляли в полном смысле беспорядочную груду материала, так как при них не было описи с отметками, из какого кургана каждая вещь происходит... все вещи коллекции смешались в серую одноцветную массу, безразличную для мужчин и женщин, для прадеда, деда и внука, для туземца и пришельца. Грандиозные раскопки 1851—1854 гг. в Суздальской области будут долго оплакиваться наукой и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок» ([91], стр.12—13).

Не лучше дело обстояло со знаменитыми шлимановскими раскопками Трои. Шлиман «вошел в археологию как слон в фарфоровую лавку» и варварски перемешал все на свете. Заметим, кстати, что идентификация найденного Шлиманом города с Троей основана не столько на находках, сколько на их интерпретации, базирующейся на литературной традиции, подогретой фанатическим стремлением Шлимана найти именно Трою. Почти все конкретные идентификации Шлимана отвергаются современной наукой, а за городом на Гиссарлыкском холме оставлено имя Трои в основном лишь за неимением ничего лучшего.

Раскопки Помпеи начались в 1711 г., но только в 1911 г. (через двести лет!) они были поставлены «на научную основу».

В настоящее время методика археологических раскопок существенно усовершенствована. В частности, тщательно фиксируется взаимное расположение всех предметов, что позволяет определить их возраст по отношению друг к другу. Особое внимание уделяется не уникальным драгоценностям, а массовым объектам быта (скажем, керамике), позволяющим воспользоваться статистическим анализом.

Конечно, археологи приветствуют находки и драгоценных предметов (наиболее сенсационным было в этом отношении знаменитое вскрытие гробницы Тутанхамона), но все же основное значение, скажем, для датировок имеют предметы быта.

К сожалению, применить эту методику к античным раскопкам удается редко: все они уже испорчены предшествующими деятелями. Исключением являются некоторые раскопки в Северном Причерноморье, в Болгарии, находки затонувших кораблей и т.п.

Археологические датировки

Как же осуществляются археологические датировки? Дадим слово специалисту — профессору Ленинградского университета Л.С.Клейну:

«Самый надежный способ установления возраста той или иной европейской культуры — это выяснить, с которой из египетских династий эти европейские племена имели торгово-обменные отношения, а если они с египтянами не были связаны непосредственно, то, возможно, были связаны с их соседями, а уже те — с египтянами.

В Египте времен конца 18—19 династий (т.е. 1350—1150 гг. до н.э.) в могилах и на поселениях оказываются сосуды из Греции, характерные там для III периода микенской культуры — значит, этот период относится к тому же времени, но в Микенах такие же сосуды найдены вместе с фибулами (застежками) типа Пескьера — вроде современной английской булавки, а такая же фибула найдена в Германии близ Мюлау в погребении с остатками кремации и урной, у которой были три ручки в виде столбиков, — значит, тем же временем датируется и это погребение. Но очень похожая урна найдена в курганном погребении близ Фангера, уже недалеко от балтийского побережья, где вместе с ней оказалась бронзовая фибула другого типа — из двух круглых пластинок со скобкой между ними (напоминающая очки). Другая фибула этого типа найдена в Швеции в известном «кургане короля Бьёрна», который, таким образом, никак не мог относиться к королю викингов Бьёрну, а был воздвигнут на добрых две тысячи лет раньше. Так археологи связывают одновременные культуры в длинную цепь аналогиями, сопоставляя в каждом звене идентичные вещи из соседних культур и наращивают эту цепь на север, присоединяя культуру за культурой, по выражению Ю.Эггера, «как костяшки домино»...

Но на ранних этапах производящего хозяйства — в неолите, медном и бронзовом веке — импорт просачивался от племени к племени по

каплям, и за тысячи лет, прошедшие с тех пор, эти капли большей частью испарились.

Гораздо чаще археологам удается выловить не такие вот прямые импорты, а косвенные следы от их проникновения — разнообразные копии, имитации, подражания — все то, что вместе с вещественными следами других контактов (военных, брачных и пр.) мы объединяем под термином «влияния». Но если торговали только живые с живыми, то влияния, отдельные, ослабленные, но все же несомненные, живы и тогда, когда в их источнике очаг давно угас и жизнь прекратилась. Из одного и того же источника разнообразные влияния распространялись разными путями и разными темпами. Поэтому в далеких областях Европы в одной и той же культуре могут сочетаться вещи, прототипы которых на Востоке отделены друг от друга многими веками. Археолог, пытающийся привязать ту или иную европейскую культуру с помощью учета влияний к какому-либо периоду египетской или месопотамской истории, оказывается в положении ковбоя, бросающего лассо в большой табун...» ([61], стр.55—56).

Отчетливо заметны субъективизм и неточность этих методов (особенно метода «лассо»). Понимая это, Клейн описывает далее более «строгие» методы, разработанные Шахермейером, Милойичем и Шофером:

«Эти археологи также восстанавливали ряды одновременных культур от Египта до Прибалтики (как при работе методом «домино») и при этом даже не брезговали использованием влияний (как при работе методом «лассо»). Но для последних они ввели три строгих метода доказанности. Во-первых, культуры нельзя считать одновременными на основании одной какой-то аналогии, она может оказаться случайной, необходимо совпадение целого комплекта аналогий. Во-вторых, нельзя сцеплять непосредственно культуры на дальних расстояниях через головы других, а только соседние культуры, иначе есть риск не заметить время, потребное влиянию на преодоление длинного пути со многими посредниками. В-третьих, даже соседние культуры только тогда можно уверенно считать одновременными, когда увязываются один с другим предшественники их на тех же территориях и их приемники, еще лучше, когда сцепляются всеми своими звеньями, на всех этапах многоэтажные стратиграфические колонки. Так зашнуровывают ботинок плетеным шнуром, петля к петле...» ([61], стр.56—57).

Методика «шнуровки» также не безупречна, и против нее можно выставить немало возражений (см., например, [64], с.3). Но нас сейчас интересует другое: принципиальная возможность достичь методами археологии лишь относительной датировки, установления одновременности или взаимного расположения по оси времени двух событий, но никак не их «абсолютных» дат, скажем, в юлианских годах.

Например, быть может, напрасно Клейн так уверенно отрицает принадлежность «кургана Бьёрна» королю викингов Бьёрну: если метод «домино» что-то и установил, то только одновременность сооружения этого кургана 18—19 династиям Египта, а когда правили эти династии, это уже другой вопрос, археологам не подведомственный.

Хронология Египта

Кстати, по поводу хронологии Египта Клейн пишет следующее:

«Первые схемы египетской хронологии были основаны на труде египетского жреца Манефона, который уже во времена Птолемеев (III в. до н.э.) собрал древние предания и надписи, составил списки фараонов, сгруппировал их в 30 династий и, сложив годы царствований, подсчитал продолжительность отдельных периодов истории египетского государства. Цифры получились огромными. Основываясь на них, Флиндерс Питри, Л.Борхардт и другие египтологи оценили продолжительность истории Древнего Египта в 5—6 тыс. лет. Так возникла «длинная» хронология Египта и ранней Европы, долго господствовавшая в науке.

Эд.Мейер и его ученики противопоставили ей «короткую» хронологию. Дело в том, что фараоны нередко царствовали одновременно (как соправители), и не только фараоны, но и целые династии, которые в периоды упадка и смуты правили параллельно в разных частях страны. Манефон же, исходя из идеи единовластия и цельности государства, выстроил всех фараонов в одну цепочку, сильно удлинив тем самым общую продолжительность истории государства. Поэтому Эд.Мейер отбросил подсчеты Манефона, жившего многие тысячелетия после древних фараонов, и положил в основу своих построений анналы (ежегодные записи) и памятные записи самих фараонов. Но, поскольку эта цепь сведений дошла до нас обрывками, со многими пропусками и провалами, нужно было найти для каждого значительного события точное место на абсолютной шкале времени.

Эта хронология, отводящая на всю историю династического Египта только три тысячи лет (начало I династии относится примерно к 3000 г. до н.э. или даже к несколько более позднему времени), уже давно была обоснована столь вескими доказательствами, что «длинная» хронология Египта (как, кстати, и Месопотамии) полностью утратила свое научное значение» ([61], стр.54—55).

В дальнейшем мы подробно обсудим хронологические проблемы египетской истории, а пока лишь заметим, что, как непосредственно вытекает из сказанного, та или иная хронология Египта основывается на письменных памятниках, косвенных соображениях и других

материалах, не археологического происхождения. Таким образом, одна археология ничего сказать об абсолютных датах не может.

Мы все же не зря привели длинную выписку из статьи Клейна, поскольку некоторые из изложенных в ней идей Эд.Мейера нам еще пригодятся (пока мы лишь заметим, что они неожиданно перекликаются с идеями Морозова о последовательном расположении записей, освещающих параллельные события; см. § 7, гл.1).

Физические методы датировки

В последние годы на помощь археологии попыталась прийти физика. С течением времени в предметах происходят те или иные физические изменения, которые можно измерить и, зная темп (скорость) изменения, тем самым вычислить уже не относительный, а абсолютный возраст предмета.

Еще в начале этого века было предложено измерять возраст зданий по их усадке или деформации колонн. Однако трудности оценки времени, необходимого для усадки или деформации, воспрепятствовали воплощению этой идеи в жизнь. Еще раньше было предложено измерять возраст по годовым кольцам деревьев (дендрохронологический метод). Было получено несколько обнадеживающих результатов, например, в 1929г. Дуглас успешно установил этим методом хронологию индейских стоянок в Аризоне. Однако дендрохронологический метод применим только в очень специальных обстоятельствах, что очень ограничивает его возможности. В частности, для Европы удается довести дендрохронологическую временную шкалу только до VIII—IX вв. н.э. (см. [64], стр.85).

В середине прошлого века Оппель попытался определить возраст египетских памятников материальной культуры по нильским наносам ила.

Дело в том, что, как нашли по ряду наблюдений, ежегодные затопления Египта Нилом (прекратившиеся после постройки Ассуанской плотины) поднимают почву приблизительно на 1 дюйм в 20 лет (см. [5], стр.543).

Оппель сообщает (информация 1852 года), что около Кармана под слоем сухого ила в 72 дюйма обнаружены остатки плотины, покоившейся на насыпной террасе из каменных обломков с остатками барельефов, с осколками стекла и фарфора (?!), углубленной в ил на 6 метров. Отсюда он вычислил, что эта терраса была построена за 6480 лет до его времени, т.е. около минус 4600 года.

Но ведь ясно, что никто, никогда не будет строить плотину непосредственно на иле. Чтобы плотина не была смыта первым разливом,

необходимо врыть в ил достаточно солидный фундамент. Этим фундаментом и является найденная терраса. Полагая, что она не возвышалась над окружающим илом, мы получаем как нижнюю оценку для времени, протекшего с момента ее сооружения, $72 \times 20 = 1440$ лет. Таким образом, получается, что эта терраса была насыпана в V—VI веках нашей эры, т.е., как мы увидим в главе 13, точно тогда, когда это должно быть по теории Морозова.

Морозов добавляет к этому (см. [5], стр.645), что там же были обнаружены разбитые колоссы, пьедесталы которых были в 1862 г. покрыты тем же слоем ила в 72 дюйма. Следовательно, и эти пьедесталы были сооружены в V—VI веках.

Для датировки керамики (наиболее массового объекта археологических находок) было предложено два метода: археомагнитный и термолюминисцентный. Однако по многим причинам археологические датировки этими методами, скажем, в Восточной Европе, также ограничиваются средневековьем (см. [64], стр.9—10, а также [63], стр.50—61).

Было предложено еще несколько остроумных методов датировок (например, по измерению скорости звука в костях), но все они в практику еще не внедрены.

Из всех физических методов датировок остается лишь знаменитый «радиоуглеродный» метод, всем известный из научно-популярной литературы. Этот метод получил в последнее время широкое распространение, в частности, применительно к античным памятникам, поскольку он претендует на объективное и независимое от письменных источников значение. Мы посвятим ему следующий параграф.

§ 3. Радиоуглеродный метод датировки

Идея Либби

«Вскоре после окончания второй мировой войны американец Уиллард Фрэнк Либби опубликовал открытие, стяжавшее ему мировую славу и ныне увенчанное Гуттенгеймовской и Нобелевской премиями. Изучая взаимодействие искусственно получаемых нейтронов с атомами азота, Либби пришел к выводу (1946г.), что и в природе должны происходить такие же ядерные реакции, как в его опытах; нейтроны, выделяющиеся под воздействием космических лучей в атмосфере Земли, должны поглощаться атомами азота, образуя радиоактивный изотоп углерода — C^{14} . Этот радиоактивный углерод примешивается в небольшом количестве к стабильным изотопам углерода C^{12} и C^{13} и вместе с ними образует молекулы углекислого газа, которые усваиваются организмами растений, а через них и животных, в том числе человека. Они должны быть как в тканях, так и в выделениях живых организмов.

Когда удалось (1947г.) уловить слабую радиоактивность зловонных испарений метана у сточных вод Балтиморы, это явилось первым подтверждением догадки Либби. Затем была установлена радиоактивность растущих деревьев, морских раковин и пр. (1948—1949гг.).

Как и всякий радиоактивный элемент, радиоактивный изотоп углерода распадается с постоянной, характерной для него скоростью. Поэтому его концентрация в атмосфере и биосфере непрерывно убывала бы (по Либби, вдвое за каждые 5568 лет), если бы убыль не пополнялась столь же непрерывно новообразованием C^{14} в атмосфере. Сколько убывает, столько и прибывает (откуда это известно? — Авт.)

Но в эту удивительную взаимоуравновешенность и соразмерность природы врезается аккорд дисгармонии. Его вносит смерть. После смерти организма новый углерод в него уже не поступает (из воздуха в тело растения, с питанием в тело животного) и уменьшение концентрации C^{14} не восполняется радиоактивность мертвого органического тела (трупа, древесины, угля и т.п.) неудержимо падает — и что самое важное — со строго определенной скоростью!

Значит, достаточно измерить, насколько уменьшилась удельная радиоактивность умершего организма по сравнению с живыми, чтобы определить, как давно этот организм перестал обновлять свои клетки — как давно срублено дерево, подстрелена птица, умер человек. Конечно, это нелегко: радиоактивность природного углерода очень слаба (даже до смерти организма — один атом C^{14} на 10 млрд. атомов

нормального углерода). Однако Либби разработал средства и приемы измерения и пересчета — так появился радиоуглеродный метод определения возраста древних объектов» ([61], стр.52—53).

Обсудим же подробнее физические основы радиоуглеродного метода датировки.

Физические основы радиоуглеродного метода

Атмосферу Земли пронизывают нейтроны, плотность потока которых меняется с высотой и геомагнитной широтой. Так, например, максимальное количество нейтронов находится на высоте примерно 12 км, а вблизи поверхности Земли плотность потока нейтронов уменьшается до нуля. На широте Парижа плотность этого потока (на равной высоте) в три раза больше его потока на широте Алжира (см. [65], стр.138—139).

Отсюда можно сделать три вывода:

1) нейтроны возникают в стратосфере под действием космических лучей, т.е. представляют собой вторичные частицы космического излучения;

2) первичные космические лучи, порождающие нейтроны, являются потоком заряженных частиц;

3) возникшие нейтроны почти немедленно поглощаются газами воздуха, так что до поверхности Земли доходит их ничтожное количество.

Число нейтронов в минуту, возникающих в земной атмосфере, равно (см. [65]с.139) приблизительно 6×10^{20} нейтронов/мин с ошибкой $\pm 25\%$. Таким образом, каждую минуту на Земле возникает от $4,5 \times 10^{20}$ до $7,5 \times 10^{20}$ нейтронов.

Эти нейтроны сталкиваются с атомами атмосферного азота и кислорода, вступая с ними в ядерную реакцию. «Сравнительно небольшое число нейтронов достигает поверхности Земли... и резонно предположить, что каждый нейтрон, рождаемый космическими лучами, создает атом радиоуглерода, следовательно, скорость образования нейтронов равна скорости образования радиоуглерода. Это составляет примерно 7,5 кг радиоуглерода в год» ([65], стр.104).

Период полураспада радиоуглерода C^{14} равен примерно 5600 лет, так что 1% радиоуглерода распадается примерно за 80 лет.

Отсюда легко определить, что равновесное количество C^{14} на Земле составляет примерно 60 тонн (с ошибкой $\pm 25\%$, т.е. от 45 до 75 тонн). Это означает, что в современном образце один атом радиоуглерода приходится на $0,8 \times 10^{12}$ атомов обыкновенного углерода,

откуда следует (см. [65], стр.143), что в одном грамме природного углерода происходит в среднем 15 распадов в минуту.

Образовавшийся радиоуглерод перемешивается в атмосфере, поглощается океанами и усваивается организмами. Сфера распространения углерода называется *обменным углеродным резервуаром*. Он состоит (см. [63], стр.30) из атмосферы, биосферы, поверхностных и глубинных океанических вод. Если принять содержание углерода в биосфере за 1, то атмосфера будет содержать 2 единицы, почва и поверхностные воды океана — по 3 единицы, а глубинные воды океана — 120 единиц. Таким образом, подавляющая масса углерода похоронена в глубине океана.

«Под радиоуглеродным возрастом подразумевается время, прошедшее с момента выхода объекта из обменного фонда до момента измерения C^{14} в образце» ([63], стр.32).

Гипотезы, лежащие в основе радиоуглеродного метода

Идея измерения радиоуглеродного возраста очень проста. Для этого достаточно знать:

а) содержание радиоуглерода в объекте в момент выхода объекта из обменного фонда;

б) точный период полураспада радиоуглерода C^{14} .

После этого, взяв достаточный объем образца, следует измерить количество радиоуглерода в настоящий момент и простым вычитанием и делением вычислить время, которое прошло с момента выхода объекта из обменного резервуара до момента измерения.

Однако на практике эта простая идея встречается со значительными трудностями.

Во-первых, что значит «момент выхода объекта из обменного резервуара»? Первоначальная гипотеза Либби состояла в том, что этот момент совпадает с моментом смерти объекта. Не говоря уже о том, что момент смерти может отличаться от момента, интересующего историков (например, кусок дерева из гробницы фараона может быть срублен значительно раньше времени постройки гробницы), ясно, что отождествление момента выхода объекта из обменного резервуара с моментом смерти верно только в «первом приближении», так как после смерти обмен углерода не прекращается, он лишь замедляется, приобретая другую форму, и это обстоятельство необходимо учитывать.

Известно (см. [63], стр.31) по крайней мере три процесса, протекающие после смерти и приводящие к изменению содержания радиоуглерода в образце:

- 1) гниение органического образца ;
- 2) изотопный обмен с посторонним углеродом;
- 3) абсорбция углерода из окружающей среды.

Эйткин пишет: «...единственно возможный тип разложения — это образование окиси или двуокиси углерода. Но этот процесс не имеет значения, так как он связан только с уходом углерода» ([65], стр.149). По-видимому, здесь Эйткин имеет в виду, что, поскольку окисление изотопов углерода происходит с одинаковой скоростью, оно не нарушает процентного содержания радиоуглерода. Однако в другом месте он пишет: «Хотя C^{14} в химическом отношении идентичен C^{12} , его больший атомный вес непременно проявляется в результате процессов, имеющих место в природе, механизм обмена между атмосферным углекислым газом и карбонатом океана обуславливает несколько большую (на 1,2%) концентрацию C^{14} в карбонатах; наоборот, фотосинтез атмосферной углекислоты в растительном мире Земли приводит к несколько меньшей (в среднем на 3,7%) концентрации C^{14} в последнем» ([65], стр.159).

Ссылаясь на Крега, Эйткин (см. [65], стр.143) сообщает, что меньше всего радиоуглерода в биосфере и гумусе и больше всего (на 4,9%) в неорганических веществах в морской воде.

Нам неизвестно, каково различие в скорости окисления изотопов углерода при процессах гниения, но данные Крега заставляют полагать, что это различие должно быть вполне заметно, во всяком случае, процесс окисления углерода является обратным процессом к процессу его фотосинтеза из атмосферного газа, и потому изотоп C^{14} должен окисляться быстрее (с большей вероятностью), чем изотоп C^{12} . Следовательно, в гниющих (или гнивших) образцах концентрация радиоуглерода C^{14} должна уменьшиться (т.е. они должны «постареть»).

Другие возможности обмена углерода между образцами и обменным резервуаром, по-видимому, вообще трудно количественно учесть. Считается, что «наиболее инертны обугленное органическое вещество и древесина. У известковой части костей и карбонатов раковин, наоборот, часто наблюдается изменение изотопного состава» ([63], с.31).

Поскольку учет возможного обмена углерода, таким образом, практически нереален, при измерениях его фактически игнорируют. Стандартные методики радиоуглеродных измерений обсуждают в лучшем случае лишь способы очистки образца от постороннего радиоуглерода и причины возможного загрязнения образца. Например, советский специалист СТР.В.Бутомо ограничивается утверждением, что «обугленное органическое вещество и хорошо сохранившаяся

древесина в большинстве случаев достаточно надежны» ([63], стр.31) а Эйткин к этому добавляет, что «При работе с любым образцом надо тщательно очистить его от чужеродных корешков и волокон, а также обработать кислотой, чтобы растворить всякие осадочные карбонаты. Для удаления гумуса можно промыть образец в щелочном растворе» ([65], стр.149).

Обратим внимание, что вопрос, не меняет ли эта «химическая очистка» содержания радиоуглерода, даже не ставится.

Изменение содержания радиоуглерода в обменном фонде

Вторая гипотеза Либби состоит в том, что содержание радиоуглерода в обменном резервуаре не меняется со временем. Эта гипотеза также, конечно, неверна, и эффекты, влияющие на изменение с течением времени содержания радиоуглерода в обменном фонде, необходимо учитывать.

Если в момент смерти объекта содержание радиоуглерода в обменном резервуаре отличалось от современного на 1%, то при расчете возраста такого образца возникнет ошибка примерно на 80 лет; 2% дадут ошибку на 160 лет и т.д. Отклонение в 10% даст ошибку в возрасте на 800 лет, а при еще больших отклонениях линейный закон нарушится и отклонение, скажем, в 20% приведет к ошибке в определении возраста не на 1600 лет, а на 1760 лет.

Эйткин указывает следующие эффекты, влияющие на содержание радиоуглерода в обменном резервуаре:

- а) изменение скорости образования радиоуглерода (в зависимости от изменения интенсивности космического излучения);
- б) изменение размеров обменного резервуара;
- в) конечная скорость перемешивания между различными частями обменного резервуара;
- г) разделение изотопов в обменном резервуаре. Он замечает, что «определенные данные, касающиеся пунктов «а» и «б», трудно получить иным способом, кроме измерений на образцах, достоверно датированных другими методами» ([65], стр.153).

Существуют, кстати сказать, еще два современных эффекта, изменяющих нынешнюю концентрацию радиоуглерода. Это увеличение содержания радиоуглерода вследствие экспериментальных взрывов термоядерных бомб и уменьшение этого содержания (т.н. «эффект Зюсса») за счет сжигания ископаемого топлива (нефть и уголь, содержание радиоуглерода в которых вследствие их древности должно быть ничтожным).

Изменение скорости образования радиоуглерода (пункт «а») пытались оценить многие авторы. Так, например, Крауз исследовал «исторически надежно датируемые материалы» и показал, что существует корреляция между ошибкой радиоуглеродного датирования и изменением магнитного поля Земли. По его вычислениям, удельная активность менялась вокруг средней величины с 600 г. н.э. по настоящее время в пределах $\pm 2\%$, причем максимальные изменения происходили каждые 100—200 лет (см. [63], стр.29).

«По-видимому, изменения космического излучения происходили и раньше, но ввиду кратковременности значение этих флуктуаций трудно учитывать. На основании совпадения вычисленного значения удельной активности углерода, а также на основании сходимости возраста морских осадков, определенного по не зависимым друг от друга углеродному и иониевому методам, можно считать, что интенсивность космического излучения за последние 35 000 лет была постоянной в пределах $\pm 10 - 20\%$ » ([63], стр.29).

Напомним, что «постоянство» на 20% означает ошибку в определении возраста на 1760 лет!

Изменение обменного резервуара (пункт «б») определяется в основном колебаниями уровня океана. Либби (см. [65], стр.157) показал, что снижение уровня моря на 100 м уменьшает размеры резервуара на 5%. А если при этом за счет понижения температуры (скажем, из-за оледенения) уменьшилась концентрация растворенного карбоната, то общее уменьшение углерода в обменном фонде могло доходить до 10%.

В отношении скорости перемешивания (пункт «г») имеющиеся данные несколько противоречивы. Например, Фергюссон (см. [65], стр.158) на основании исследования радиоактивности годичных колец деревьев полагает, что перемешивание идет довольно быстро и среднее время, в течение которого молекула углекислого газа находится в атмосфере до перехода в другую часть резервуара, составляет не более 7 лет.

С другой стороны, во время испытаний водородных бомб образовалось около полутонны радиоуглерода, что мало влияет на общую массу радиоуглерода (в 60 тонн). Тем не менее в 1959 г. активность образцов увеличилась на 26%, а к 1963г. увеличение достигло даже 30%. Это четко свидетельствует в пользу слабой перемешиваемости. Полное перемешивание воды в Тихом океане происходит (по оценке Зюсса) примерно за 1500 лет, а в Атлантическом океане (по оценкам Олсона и Брекера) — за 750 лет (см. [66], стр.198).

На перемешивание воды в океане сильно влияет температура. Увеличение скорости перемешивания поверхностных и глубинных вод на 50% приведет к снижению концентрации радиоуглерода в атмосфере на 2%.

Вариация содержания радиоуглерода в живых организмах

Третья гипотеза Либби состоит в том, что содержание радиоуглерода в организме одно и то же для всех организмов по всей Земле (т.е. не зависит, скажем, от широты и породы растения). С целью проверить эту гипотезу Андерсен (Чикагский университет), проведя тщательные измерения, получил (см. [66], стр.191), что на самом деле содержание радиоуглерода, как и следовало ожидать, колеблется от $14,53 \pm 0,60$ до $10,31 \pm 0,43$ распадов на грамм в минуту. Это дает отклонение содержания радиоуглерода от среднего значения на $\pm 8,5\%$.

Резюме

Таким образом, реальная активность древних образцов может отличаться от некоторой средней величины по следующим причинам:

1. Изменение активности древесины во времени (2%).
2. Изменение интенсивности космических лучей (20%, теоретическая оценка).
3. Увеличение перемешивания воды в мировом океане (2%).
4. Колебания концентрации радиоуглерода в зависимости от местоположения породы дерева (8,5%).
5. Изменение содержания радиоуглерода в образце за счет гниения(?%).
6. Изменение содержания радиоуглерода в образце в процессе его химической очистки(?%).
7. Изменение содержания радиоуглерода в обменном фонде на счет вымывания карбонатных геологических пород(?%).

Этим список возможных причин отнюдь не исчерпывается. Например, активность образца может измениться за счет изменения содержания радиоуглерода после крупных выбросов карбонатов во время вулканических извержений.

Эта причина может резко исказить радиоуглеродные датировки в местностях, близких к вулканам (Этна и Везувий), и вместе с тем учесть ее практически невозможно.

Кроме того, не надо забывать ошибку в датировке, происходящую от разрыва во времени, между, скажем, повалом дерева и использованием его древесины в исследуемом предмете.

Наконец, следует учитывать неточность принятой величины периода полураспада C^{14} (в последнее время исправленной почти на 10%) и ошибки экспериментального измерения радиоактивности образца (учет фона и т.п.). Мы не обсуждаем этих ошибок (для уменьшения которых физики положили немало сил), поскольку нам представляется бессмысленным точно измерять величину, теоретическая неконтролируемая ошибка которой может достигать, скажем скромно, 10%.

При самом оптимистическом подсчете получается, что непредсказуемая ошибка в радиоуглеродной датировке может достигать 1200 лет.

Поэтому весьма странным выглядит благодушный вывод Б.А.Колчина и Я.А.Шера:

«Подводя итог краткому обзору исследований вековых вариаций C^{14} , следует отметить, что они не только не подрывают доверия к радиоуглеродной хронологии, а, наоборот, — увеличивают ее точность» ([64], стр.8).

Более реалистической точки зрения придерживается другой советский специалист по радиоуглеродным датировкам — С.В.Бутомо:

«Ввиду значительных колебаний удельной активности C^{14} радиоуглеродные даты относительно молодых образцов (возраста до 2000 лет) не могут быть приняты в качестве опорных данных для абсолютной хронологической шкалы» ([63], стр.29).

Защитники радиоуглеродного метода

Пытаясь защитить незащитимое, Либби пишет:

«Наши выводы могли бы оказаться неверными, если бы ошибки измеренных величин, самых различных по своему существу, — интенсивности космических лучей, скорости перемешивания и глубины океанов — были бы взаимосвязаны. Но, поскольку этого нет, мы полагаем, что большая ошибка маловероятна» ([66], стр.193).

Тут, по-видимому, Либби имеет в виду, что ошибки, происходящие от разных невязанных эффектов, могут иметь разный знак и потому могут взаимно уничтожиться. А что будет, если их знак окажется одинаковым? Ссылка же Либби на «малую вероятность» смысла не имеет, поскольку большинство эффектов, влияющих на содержание радиоуглерода, не имеет стохастического характера.

Вообще, с логикой Либби явно не в ладу. Например, приведя таблицу, подытоживающую измерения Андерсена (см. выше), он пишет:

«Было показано, что нет сколько-нибудь значительных различий между исследованными образцами, собранными на различных широтах почти от полюса до полюса» ([66], стр.191).

Но позвольте! Ведь разброс составляет 8,5%, т.е. более 700 лет!

Все это не мешает Либби заявить:

«...вычисленное нами содержание радиоактивного углерода хорошо согласуется с ожидаемой величиной. Расхождение сводится только к допустимым (?! — Авт.) ошибкам отсчета» ([66], стр.190).

Отмечая с удовлетворением совпадение радиоуглеродных и дендрологических дат, Либби пишет:

«Совпадение возраста сердцевины с возрастом дерева показывает, что в сердцевине гигантской секвойи жизненные соки не находятся в химическом равновесии с клетчаткой и другими молекулами дерева. Иными словами, углерод центральной части древесины отложился там около 3000 лет назад, хотя само дерево было срублено всего несколько десятков лет назад!» ([60], стр.193).

Это было написано в 1962г. Когда же через три года Зюсс, исследуя радиоактивность годичных колец, обнаружил отклонение радиоуглеродных дат от дендрохронологических, Либби заявил, что в древности содержание радиоуглерода было выше, чем в настоящее время. Здесь мы наблюдаем типичный логический круг.

В другой статье Либби доказывает сначала достоверность радиоуглеродного метода, опираясь на традиционную хронологию Древнего Египта, но когда в контрольных измерениях обнаружили расхождения, то Либби предположил... ошибочность египетской хронологии (см. [62], стр.104).

Аналогично Либби вначале подтверждал радиоуглеродный метод дендрохронологией, а когда возникали расхождения, объяснил их тем, что древесные кольца могут образовываться по несколько в год.

Впрочем, не только Либби страдает отсутствием логики. Колчин и Шер пишут:

«Следовательно, даты, которые были вычислены в предположении неизменности содержания C^{14} в атмосфере сейчас и в древности, нуждаются в уточнении. Но значит ли это, что они недостоверны?» ([64], стр.6).

Затем они проводят аналогию с постепенным уточнением расстояния Земли от Луны, утверждая, что точно так же радиоуглеродные даты становятся все более и более точными. Этому можно бы поверить, если бы на стр.4 их статьи мы перед этим не прочитали, что «период полураспада C^{14} — $5570 \pm 30...$ », а на стр.8, что «было

решено (!! — *Авт.*), что более вероятное (?! — *Авт.*) значение периода полураспада следует считать 5730 ± 40 лет». Вот так уточнение! Поправка составляет 160 лет!

По-видимому, понимая всю шаткость подобной аргументации, защитники радиоуглеродного метода апеллируют к традиционным историческим датировкам:

«Возрасты образцов, насчитывающих до 5000 лет, хорошо согласуются с историческими оценками» ([65], стр.155). «Были предприняты дальнейшие исследования с образцами известного возраста... Результаты... охватывают истекший период в 5000 лет... Таким образом, общая надежность радиоуглеродного метода твердо доказана» ([65], стр.135).

«У нас не было расхождения с историками относительно Древнего Рима и Древнего Египта. Мы не проводили многочисленных определений по этой эпохе, так как в общем ее хронология, известная археологии, лучше, чем могли установить ее мы...» ([67], стр.24).

«...В отношении последних 4000 лет точность измерений увеличивается до \pm двух веков, а применительно к последним двум тысячелетиям расхождения с истинными историческими датами почти не наблюдаются» ([67], стр.20).

«Хорошим примером является синхронизация радиоуглеродных дат по культуре воронковидных кубков и других памятников Европы с историческими и радиоуглеродными датами Древнего Египта...» ([64], стр.7).

Но посмотрим, что говорят сами археологи.

Археология против физики

В своей статье под примечательным названием «Археология спорит с физикой» проф. Клейн пишет, что радиоуглеродные даты внесли «растерянность в ряды археологов». «Одни с характерным преклонением перед непостижимой сложностью точных наук приняли указания физиков как откровение свыше: что физики сказали — то непреложный факт. Эти археологи поспешили перестроить хронологические схемы, запросто отказавшись от старых выводов и методов своей науки» ([61], стр.58). Другие же восстали против физики. «Первым из археологов против радиоуглеродного метода открыто выступил Владимир Милойчич..., который... не только обрушился на практическое применение углеродных датировок в археологии, но и... подверг жестокой критике сами теоретические предпосылки физического метода... сопоставляя индивидуальные

измерения современных образцов со средней цифрой-эталоном, Милойчич обосновывает свой скепсис серией блестящих парадоксов. Раковина живущего американского моллюска с радиоактивностью 13,8, если сравнить ее со средней цифрой как абсолютной нормой (15,3), оказывается уже сегодня (переводя на годы) в солидном возрасте — ей около 1200 лет! Цветущая дикая роза из Северной Африки (радиоактивность 14,7) для физиков «мертва» уже 360 лет (ведь ее радиоактивность меньше положенной на 0,6 распада), а австралийский эвкалипт, чья радиоактивность 16,31 для них еще «не существует» — он только будет существовать через 600 лет. Раковина из Флориды, у которой зафиксировано 17,4 распада в минуту на грамм углерода, «возникнет» лишь через 1080 лет...

Но так как и в прошлом радиоактивность не была распределена равномернее, чем сейчас, то аналогичные колебания и ошибки следует признать возможными и для датировки древних объектов. И вот вам наглядные факты: радиоуглеродная датировка в Гейдельберге образца от средневекового алтаря работы Вита Ствоша (Фейта Штосса) показала, что дерево, употребленное для починки алтаря, еще вовсе не росло! (Христос накормил десятью хлебами тысячи людей, но он все же не пытался накормить их хлебом, который еще не вырос. Чудо в алтаре Ствоша — куда диковиннее!). В пещере Вельт (Иран) нижележащие слои датированы 6054 ± 415 и 6595 ± 500 гг. до н.э., а вышележащий — 8610 ± 610 гг. до н.э. Таким образом, отмечает Милойчич, получается обратная последовательность слоев и вышележащим оказывается на 2556 лет старше нижележащего! И подобным примерам нет числа...

Милойчич призывает отказаться, наконец, от «критического» редактирования результатов радиоуглеродных измерений физиками и их «заказчиками» — археологами, отменить «критическую» цензуру при издании результатов. Физиков Милойчич просит не отсеивать даты, которые почему-либо кажутся невероятными археологам, *публиковать все результаты, все измерения, без отбора*. Археологов Милойчич уговаривает покончить с традицией предварительного ознакомления физиков с примерным возрастом находки (перед ее радиоуглеродным определением) — не давать им никаких сведений о находке, пока они не публикуют своих цифр! Иначе невозможно установить, сколько же радиоуглеродных дат совпадает с достоверными историческими, т.е. невозможно определить степень достоверности метода.

Кроме того, при таком «редактировании» на самих итогах датировки — на облике полученной хронологической схемы — сказываются субъективные взгляды исследователей. Так, например, в Гронингене, где археолог Беккер давно придерживался короткой хронологии, и радиоуглеродные даты «почему-то» получаются низкими, тогда как в Шлезвиге и Гейдельберге, где Швабдиссен и другие издавна склонялись к длинной хронологии, и радиоуглеродные даты аналогичных материалов получаются гораздо более высокими» ([62], стр.94—95).

Мы не будем далее цитировать Клейна: картина уже вполне ясна!

В заключение нам хочется заметить, что напрасно Клейн назвал свою статью «Археология спорит с физикой» — теоретические основы радиоуглеродного метода (пресловутые гипотезы Либби) имеют к настоящей физике лишь косвенное отношение, и, пока они не будут усовершенствованы, т.е. пока не будет установлен ход изменения активности обменного резервуара во всех его вариациях (скажем, в зависимости от места), — а, признаемся, мы не видим, как это можно сделать, — говорить о радиоуглеродном методе как о методе датировки, поддержанном авторитетом физики, является чистым недоразумением (если не сказать крепче).

Нас удивляет, зачем физики положили столько труда на усовершенствование методики своих измерений с целью их уточнения; ведь все равно неконтролируемая ошибка в 1000—1500 лет «съест» всю экспериментальную точность (из-за полной бессмысленности этой деятельности мы на ней выше даже не останавливались; измерять с большой точностью активность образца — это все равно, что измерять микрометрм высоту дерева).

Книга Фирсова.

Эта глава была практически полностью написана, когда вышла в свет книга Л.В.Фирсова «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического» (см. [101]). «Название книги отражает содержание второй ее части, наибольшей по объему. Ее первую часть следует рассматривать как введение читателя в метод радиоуглеродного датирования» ([101], стр.3). Написанная практиком-радиохронологом (Л.В.Фирсов провел несколько сот радиоуглеродных определений возраста), эта книга отвечает на вопрос, что думают сами радиохронологи о своем методе и как они им пользуются.

Подробно описав лабораторную методику радиоуглеродного датирования, Фирсов переходит к обсуждению его надежности. О

гипотезах (по Фирсову, «постулатах»), лежащих в основе радиоуглеродного метода, он пишет, что в отношении их «пока приходится разводиться руками, уповая (! — Авт.) на то, что опасения о постулатах надуманны» ([101], стр.24).

Фирсов следующим образом характеризует эти постулаты.

«Их три: 1) распад радиоуглерода — процесс строго экспоненциальный и характеризуется известной нам постоянной величиной — периодом полураспада, 2) концентрация радиоуглерода в атмосфере Земли, по крайней мере, в последние 50 тыс.лет была постоянной... 3) наконец, соотношение между радиоуглеродом и стабильными изотопами углерода в органических материалах такое же, как в атмосфере.

В первом постулате сомнительна абсолютно точная величина периода полураспада радиоуглерода. По многим определениям... период полураспада принят в 5570 лет, но разные авторы приводят неодинаковые значения. Рекомендованная Кембриджским симпозиумом величина 5730 лет на 3% больше, но еще нуждается в проверке. Вместе с тем датирование образцов заведомо известного (! — Авт.) возраста пока (? — Авт.) заставляет предпочесть первое значение, хотя, естественно, неуверенность остается...

Далее, если датирование образцов заведомо известного по историко-археологическим данным возраста приводит к ожидаемым или близким результатам, то это значит (?! — Авт.), что концентрация радиоуглерода в атмосфере существенно не менялась... Однако ежегодно появляются публикации, в которых тезис о постоянстве концентрации радиоуглерода в атмосфере ставится под сомнение. Впрочем, больше фактов (какие это факты? — Авт.) свидетельствует о том, что в обозримом для радиоуглеродного метода прошлом (в течение последних 50 тыс. лет) плотность космического излучения, достигавшего Земли была более или менее (?! — Авт.) постоянной. Короткопериодные флуктуации космических лучей, которые обусловлены циклическим изменением активности Солнца (еще один источник ошибок! — Авт.), по-видимому (?! — Авт.), существенно не нарушали баланса радиоуглерода в атмосфере...

Наконец, как нечто само собой разумеющееся мы принимаем, что радиоуглерод и стабильные изотопы углерода усваиваются растениями из атмосферы в том соотношении, в котором они в ней находятся...

Так ли это? Доказано, что в разных природных процессах происходит фракционирование C^{12} и C^{13} (стабильных изотопов. — Авт.)... В материалах разного происхождения... отношение... C^{12} к C^{13} меняется от 88 до 94, т.е. содержание С колеблется от 1,050 до 1,125%...

Таким образом, фракционирование стабильных изотопов углерода — твердо установленный факт. А радиоуглерод?

Его концентрация в атмосфере исчезающе мала — около $2 \times 10^{-10}\%$; его доля в сумме изотопов углерода, связанных в атмосфере в виде CO_2 , немного больше $2 \times 10^{-6}\%$, иными словами, C^{14} в 500 тыс. раз меньше, чем даже C^{13} . При такой концентрации вероятность фракционирования углерода ничтожна (?! — *Авт.*), казалось бы, растения просто не могут «почувствовать привкус» C^{14} , усваивая CO_2 из атмосферы. Однако в лабораторных условиях экспериментаторы убедились, что растения делают различие (еще бы! — *Авт.*) между C^{14} и стабильными изотопами углерода и поглощают C^{14} в меньшей доле. Реакция же растений на радиоуглерод в природе остается пока областью догадок и теоретических выкладок, еще не подтвержденных точными измерениями.

Тем не менее если эффект биогенного фракционирования углерода и проявляется, то он, скорее всего (? — *Авт.*), в тысячи раз меньше, чем для C^{13} . Для C^{13} максимальная разница при фракционировании достигает (1,125—1,050): $1,050 \times 100 = 7,15\%$, для C^{14} эффект разделения не может быть (почему? — *Авт.*) больше $10^{-3}\%$. Это дает нам право считать биогенное фракционирование углерода вероятным, но ничтожным по своему значению источником ошибок метода.

Датирование эталонных образцов в большинстве случаев приводит к удовлетворительным и хорошим результатам, поэтому особых опасений относительно ошибок из-за некоторой неуверенности в точности трех постулатов метода испытывать нет оснований. Однако все эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании» ([101], стр.25—26).

Мы привели столь длинную выписку (сократив лишь повторения) для того, чтобы читатель мог сам судить, как радиохронологи защищают свой метод.

Не говоря уже о том, что Фирсов перечисляет не все гипотезы, лежащие в основе радиоуглеродного метода, он фактически обсуждает сколько-нибудь содержательно лишь последний постулат об отсутствии биогенного фракционирования. Единственный тезис, который он выдвигает в его защиту, состоит в том, что из-за малой концентрации C^{14} в атмосфере «растения просто не могут «почувствовать привкус» C^{14} ». Это соображение выглядит странно: ведь процесс фракционирования является химическим процессом, идущим на молекулярном уровне, и концентрация, влияя, бесспорно, на его скорость, не может влиять на процентный состав его продуктов (если, конечно, Фирсов не утверждает, что фотохимическое усвоение

углерода является коллективно-молекулярным процессом типа цепной реакции). Ту же ошибку Фирсов делает в следующем абзаце, утверждая, что из-за малой концентрации эффект разделения для C^{14} должен быть (в процентном отношении!) «в тысячи раз меньше, чем для C^{13} ». Непонятно и упоминание о «вероятности фракционирования», поскольку этот процесс не имеет стохастического характера и понятие вероятности к нему неприменимо. Впрочем, сам же Фирсов сообщает об экспериментах, показывающих, что «растения делают различие между C^{14} и стабильными изотопами углерода». Его возражение, что это «лабораторные» эксперименты и что «в природе» дело может обстоять по-другому, явно надуманно и вызвано лишь желанием во что бы то ни стало «спасти» метод.

Фактически же основным аргументом Фирсова остается лишь ссыла на то, что радиоуглеродное датирование «приводит к удовлетворительным и хорошим результатам», т.е. дает результаты, согласные с традиционной хронологической сеткой.

Вполне, по-видимому, понимая слабость своей аргументации, Фирсов заявляет, что «все эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании». Этот гибкий оборот означает на самом деле признание Фирсова в том, что радиоуглеродный метод датировки не имеет убедительного теоретического обоснования. Хотя Фирсов и пытается уклониться от прямого признания этого удручающего для него обстоятельства, но привычка к научной честности заставляет его писать о том, что в вопросе о надежности постулатов «приходится разводить руками» и лишь «уповать» на лучшее, то есть фактически он признает отсутствие теоретического обоснования радиоуглеродной методики.

Далее Фирсов переходит к вопросу о возможности обменных реакций между органическими остатками и, скажем, древним «мертвым» углеродом, справедливо замечая, что они «также могут привести к омоложению или удревнению образца» ([101], с.27). Но он совсем не обсуждает этого вопроса, отделяясь замечанием, что «...Однако считают (!? — *Авт.*), что очень большие молекулы таких веществ, как клетчатка, лигнин, коллаген, устойчивы. Именно эти вещества... и используют для датирования» ([101], стр.27). Ему явно здесь нечего сказать.

Напротив, вопрос об очистке образца от механических заражений посторонним углеродом и об его лабораторной обработке он там же обсуждает с энтузиазмом и полным пониманием дела. Здесь он может многое сказать. Тем не менее о возможности фракционирования C^{14} в

процессе очистки и обработки образца он опять ни слова не говорит, хотя при очень длительной обработке различие в атомных весах C^{14} с C^{13} должно отчетливо сказаться.

Еще больше места (три страницы) Фирсов уделяет ошибкам счета сцинтилляций, вопросу, бесспорно, очень важному (для экспериментатора), но в отсутствие теоретического обоснования повисающему в воздухе, поскольку что считается, остается все-таки непонятным.

В следующем параграфе Фирсов разъясняет, что означает обычно сопровождаемое радиоуглеродные даты указание на плюс — минус столько-то лет. Он называет это указание «формальным показателем доверия» и пишет, что *этот показатель ни в коей мере не является абсолютной мерой точности определения возраста*. «Это, скорее, показатель терпения того, кто приводил очень продолжительное определение активности образца, эталона и фона установки...» ([101], стр.31—32), «...это не абсолютная погрешность определения возраста образца в сравнении с действительным возрастом, а своего рода лабораторная марка качества... датирования» ([101], стр.33). Этот показатель рассчитывается по определенным формулам и, например, убывает с увеличением длительности измерения активности образца (при условии, что все измерения давали близкие результаты, т.е. были воспроизводимы).

Однако тут же Фирсов объясняет, что «...воспроизводимость результатов и точность датирования — совершенно разные понятия» ([101], стр.33), поскольку, например, при неисправном приборе (или любой другой причине систематического характера) будут все время получаться близкие результаты, весьма далекие от действительности.

Много внимания Фирсов уделяет зависимости радиоуглеродных дат от материала образца (об этой зависимости в основном тексте мы говорили очень бегло). Наиболее часто приходится датировать древесный уголь и другие остатки древесины. Здесь трудность состоит в том, что «...В клетчатке годичного кольца фиксирован тот радиоуглерод, который поглощен листвой дерева из атмосферы в год формирования именно этого кольца» ([101], с.42). Поэтому различные части одного и того же дерева могут иметь возраст «по радиоуглероду», отличающийся на несколько сот лет! Соответствующие поправки «...совершенно необходимы для образцов из античности и средневековья» ([101], стр.42). Однако расчет этих поправок совсем не так прост и возможен только при сильных упрощающих предположениях. Насколько эти поправки отвечают реальности, остается при этом совершенно неясным. Фирсов успокаивает, что в

большинстве конкретных примеров теоретические поправки дали правильный результат (см. [101], стр.43). Однако в этом ему приходится верить на слово, поскольку он не сообщает никаких подробностей (сколько было рассмотрено примеров, в каких диапазонах дат и, самое главное, на основании чего было установлено, что поправки дали истинный возраст).

Кроме того, пользоваться этими поправками можно только в особо благоприятных обстоятельствах, когда для их расчета есть необходимая информация. Быть может, поэтому принято при публикации радиоуглеродных дат этих поправок не вводить (!), хотя при обсуждении этих дат их «приходится учитывать... чтобы найти, какому событию они более соответствуют» ([101], стр.44).

Особенно плохо дело обстоит с датировками по раковинам моллюсков, в избытке содержащихся в кухонных отбросах приморских античных городов. Оказывается (см. [101], стр.46), что радиоуглеродные даты «по раковинам» и «по древесине» расходятся в возрасте до тысячелетия (!). При этом, хотя «...даты по раковинам, как правило, удревнены относительно дат по углю (или исторических),... из этого правила есть любопытные исключения; ни предсказать их, ни дать им приемлемого объяснения пока невозможно» ([101], стр.171). Если у археолога «...интересы лежат в античности и средневековьи, ему пока не следует рассчитывать на успех «раковинной хронометрии»» ([101], стр.171).

Как же в таких условиях работает радиоуглеродный метод? Общетеоретическому ответу на этот вопрос Фирсов посвящает целый параграф первой части («Интерпретация радиоуглеродных дат», стр.36—41) и неоднократно возвращается к нему во второй части при разборе конкретных примеров датировок. Этот ответ замечателен! Оказывается, что «...Идет ли речь о датировке жилищ или нас интересует возраст погребений — словом, всегда необходимы не только проба и ее радиоуглеродная дата, но и их правильное отнесение (! — *Авт.*) к явлениям и событиям прошлого... Чаше всего бывает совершенно невозможно интерпретировать (? — *Авт.*) радиоуглеродную дату, если сведения об образце кратки и формальны» ([101], стр.39—40). Фирсов разъясняет, что «...сдержанное отношение античников и медиэвистов к радиоуглеродному методу... питается теми недоразумениями, в которых археологи готовы видеть ошибки метода вместо собственных недоработок по части «досье» на датированные образцы» ([101], стр.40). Все это можно понять только единственным образом: без археологической документации (и, следовательно, без предварительной оценки предполагаемого возраста образца) радиоуглеродная датировка невозможна. («Лаконизм в

документации... приводит здесь к полнейшей невозможности понять радиоуглеродную дату» ([101], стр.40).

Таким образом, отсутствие теоретического обоснования и необходимость в многочисленных эмпирических поправках приводят Фирсова к закономерному выводу, что радиоуглеродный метод в отношении античности и средневековья зависит от принятой хронологической шкалы и служит лишь для уточнения традиционных датировок в рамках этой шкалы.

Кстати, теперь ясно, почему в руках (субъективно честных!) сторонников «длинной» хронологии Египта радиоуглеродный метод подтверждает «длинную» хронологию, а в руках сторонников «короткой» хронологии подтверждает «короткую».

В приложении к книге Фирсов приводит список радиоуглеродных дат, полученных в СОАН, для Херсонеса и других мест Крыма. Список содержит 90 дат, из них 30 до V века н.э. Две даты приведены как «курьез», поскольку измерения показали современный возраст, а одна дала неолит. К сожалению, по большинству дат не приведены подробности, а там, где это сделано, сразу же возникают вопросы. Например, «современные» даты Фирсов объясняет остатками «туристских костров», отмечая одновременно, что почему-то заражения этих остатков современным техногенным углеродом не произошло. А что было бы, если такое заражение имело место?

Фирсов очень гордится датировкой остатков пшеницы из Тарпанчи (радиоуглеродная дата 180 ± 25 г. н.э. для одного образца и 180 ± 40 г. н.э. для другого образца) и подробно рассказывает обо всех обстоятельствах дела (см. [101], стр.71—73). Оказывается, что зерна пшеницы были обнаружены во время раскопок 1960 года и 10 лет хранились в музее, пока, наконец, в 1970 г. не были переданы для радиоуглеродной датировки. Фирсов ничего не сообщает о том, как транспортировалась и сохранялась эта пшеница и были ли предприняты какие-нибудь меры по защите от заражения образцов техногенным углеродом (почти неизбежным за 10 лет в наш автомобильно-бензиновый век). Как же после этого можно всерьез доверять дате 180 г. н.э.?

Было бы очень интересно познакомиться также с лабораторным журналом Фирсова и узнать, сколько радиоуглеродных дат были им отвергнуты, как «явно ошибочные». Судя по нумерации образцов, их было несколько сот. Почему приведено только 90? К сожалению, обо всем этом Фирсов хранит молчание.

Таким образом, мы видим, что, с какой стороны ни подойти информация Фирсова полностью подтверждает все наши выводы.

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. Радиоуглеродный метод «абсолютной» датировки обладает теоретической точностью в а признаем ± 1000 —1500 лет и потому совершенно непригоден для «античных» датировок (в интервале от —1000 г. до + 1000 г.) (см. § 3).

2. Другие физические методы разработаны очень слабо и также непригодны для античных датировок (см. § 2).

3. Собственно археологические методы без опоры на письменные памятники могут давать только относительные даты (см. § 2).

4. Атрибуция древнегреческих и древнеримских произведений искусства (в том числе и архитектурных памятников) покоится в основном на авторитете деятелей эпохи Возрождения и объективно ничем не подтверждается. Напротив, есть все основания в ней сомневаться (см. § 1).

Неужели же в отношении абсолютных датировок археологического материала мы находимся в полном тупике?

К счастью, нет, и в полном мраке можно обнаружить некоторые лучи света (правда, довольно слабые). Например, было бы хорошо, если бы обнаружилось здание, в архитектурных украшениях (или, скажем, стеновых росписях) которого удалось бы найти объективные (например, астрономические) указания на время его постройки. Как ни невероятна такая надежда, оказывается, что по крайней мере один раз она осуществляется. Мы рассмотрим пример такой датировки в следующей главе.

АСТРОНОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ХРОНОЛОГИИ (ГОРОСКОПЫ)

Помимо затмений для астрономической датировки можно использовать так называемые гороскопы (описания на какой-то момент времени распределения планет по созвездиям). В § 1 этой главы мы излагаем теорию этого метода датировки, а в § 2 применяем его для датировки одного египетского храма, на потолке которого изображен гороскоп.

Это один из немногих счастливых случаев, когда удастся непосредственно датировать архитектурное сооружение.

Другие примеры датировки по гороскопам будут рассмотрены в следующих томах.

§ 1. Движение планет и астрология

Планеты. — Астрология. — Теоретические основы астрологии. — Гороскопы. — Датировка по гороскопам. — Идентификация созвездий. — Заключение.

§ 2. Дендерский храм в Египте

Общая характеристика. — Дендерские Зодиаки. — Круглый Зодиак. — Длинный Зодиак. — Заключение.

Итоги главы

§ 1. Движение планет и астрология

Планеты

Невооруженным глазом на небе видны пять планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.

Наблюдения показывают, что

1. Все планеты расположены около эклиптики.
2. Их местоположения среди звезд постоянно меняются (как говорят, планеты «движутся»); не даром само слово «планета» в переводе означает «блуждающая звезда».

3. Это движение отличается значительными неправильностями; большую часть времени планеты перемещаются в том же направлении, что и Солнце и Луна («прямое» движение), но через известные промежутки времени, различные для каждой планеты, они начинают перемещаться в противоположном направлении («обратное» или «попятное» движение).

4. По характеру их движения планеты делятся на две группы: *нижние* и *верхние* планеты; к нижним планетам принадлежат Меркурий и Венера, к верхним — Марс, Юпитер и Сатурн.

5. Движение нижних планет получается из движения Солнца наложенным колебательного движения с центром в Солнце (планета движется вместе с Солнцем, совершая вокруг него колебание). Таким образом, нижняя планета всегда находится рядом с Солнцем, далеко от него не отходя (Меркурий отходит не более чем на 28° , а Венера — не более чем на 46°). Поэтому нижние планеты видимы только тогда, когда, во-первых, они достаточно далеко отошли от Солнца, а во-вторых, когда Солнце еще не взошло над горизонтом или уже скрылось за горизонт. Другими словами, они видимы только в отдельные месяцы или годы и только на заре (утренней и вечерней).

Заметим, кстати, что первоначально Венера утренняя и Венера вечерняя считались различными планетами и имели специальные названия (Веспер и Венера), и лишь позже было установлено, что это одна и та же планета.

6. Движение верхних планет совсем другое. Они могут уходить от Солнца на 180° (и, следовательно, быть видимыми всю ночь), делая при этом петли.

В рамках гелиоцентрической системы мира свойство 1 означает, что плоскости орбит всех планет близки к плоскости орбиты Земли. Различие нижних и верхних планет объясняется тем, что орбиты первых ближе к Солнцу, чем орбита Земли, а вторых — дальше.

Астрология

Сложное и на первый взгляд беспорядочное движение планет вызвало в рамках общего первобытного телеологического и анимически-магического взгляда на природу астрологическое представление о взаимозависимости планет и человеческих судеб. Объективно это представление было подготовлено бесспорной связью климатических перемен с расположением небесных светил.

Астрологическими текстами, предсказаниями и толкованиями пронизана большая часть древней литературы. Астрологическая окраска окружающего мира определяла все мировоззрение средневековых ученых, и особенно астрономов и наблюдателей. Перелистывая средневековые книги по астрономии, погружаешься в какой-то фантастический мир, заполненный чудовищами-созвездиями, живыми кометами, пожирающими города и страны, сражающимися с людьми и животными-созвездиями на небе. Это — не аллегория: древний астроном видел все это у себя над головой и мыслил только такими образами; окружающий его земной мир был ничтожен перед грандиозностью событий, происходящих на небе, и астрологи посвящали всю свою жизнь небу, исследуя и толкуя казавшиеся им такими загадочными и такими важными движения планет. Средневековые книги донесли до нас только слабый отблеск этой колоссальной работы человеческой мысли, барахтавшейся среди гигантского звездного мира в поисках закономерностей.

Нужно четко понимать, насколько глубоко астрология (и связанная с ней числовая мистика) пронизывала мировоззрение людей прошлого и, в частности, насколько тесно сливались астрология и религия. Чтобы представить себе, какими глазами смотрел человек прошлого на небо, мы воспользуемся книгой проф. Трельс-Лунда «Небо и мировоззрение в круговороте времени» (см. [38]), дающей яркую картину представлений религиозного человека средневековья, для которого астрология была фундаментальной наукой о вселенной. Будучи сам верующим, проф. Трельс-Лунд демонстрирует нам модель древнего мышления, он как бы говорит за всех тех астрологов, сочинения которых до нас не дошли.

«Священное число семи планет (астрологи причисляли к планетам Луну и Солнце. — *Авт.*) едва заметно проглядывает всюду в истории творения. Эти семь планет незаметно наложили отпечаток на весь ход идей. Всякий, кто в бессонную ночь старался определить время по единственным часам того времени — усеянному звездами небу, должен был заметить особенности их света и движения. Они светят неравномерно, то сильнее, то слабее, и совершенно не так, как другие

звезды: красноватым, зеленоватым, голубоватым светом. Их движение совершается то быстро, то медленно, то против движения небесного свода, то наискось; иногда они совершенно исчезают. Они должны были казаться непонятными не только неопытным наблюдателям, но еще более — много познавшим, как халдеи. Хотя времена их обращений, может статься, можно было вычислить, но их орбиты не укладывались ни в какие математические фигуры. Такие странные движения могли быть истолкованы лишь одним способом: как проявление чего-то произвольного, как доказательство самостоятельной жизни. В путях планет заключалось астрономическое доказательство того, что небесные светила суть одушевленные существа. Мир становился огромным чертогом. А над всем этим вращается непрозрачный небесный свод, на котором «посажены звезды в фигурах, имеющих сходство с животными». Весь повседневный опыт ясно доказывает, что восхождение одних созвездий возвещает лето, восхождение других — зиму, бурю, засуху и пр. Таким образом, земные явления лишь отражают на себе движение небесных светил и божественную волю. Но действие этих светил неодинаково. Солнце и Луна в своих правильных путях чертят постоянные линии, ткнут основу; остальные же пять планет определяют собою переменное, случайное. Все семь светил вместе своими движениями прядут нити судьбы; они безмолвно ткнут узорчатую ткань земной жизни. От них зависит не только лето и зима, дождь и засуха, но также жизнь и смерть каждого живущего существа, его наружность, его способности, его отношения и судьбы... В известном смысле это было не что иное, как астрономия, превращенная в религию, но вместе с тем, в силу своего происхождения, оно обладало такой гибкостью, что могло приспособиться к любой религиозной форме: к многобожию, к монотеизму и к вере в простой, естественный порядок» ([38], стр.24—25).

«Первым неизбежным последствием звездочетства или астрологии было новое разделение времени по числу планет... каждая из них воздействует на свой определенный день. Таким образом, возникла новая неделя, состоявшая из семи дней и имевшая применение только в астрологии. Но чем более укреплялась и росла вера в астрологию, тем более должна была эта планетная неделя вытеснять прежнее счисление времени. В конце концов она восторжествовала везде» ([38], стр.27).

По мнению древнего астронома, «...театр жизни представляет собою чертог, расположенный над темным погребом и покрытый куполом, с которого семь великих очей смотрят на людей, повелевают ими и управляют ими, как марионетками. Из этого мира нет выхода. Лишь

когда жизненная роль сыграна до конца, бесшумная опускная дверь пропускает марионетку в темный погреб» ([38], стр.32).

Сейчас мы уже с трудом можем представить себе, насколько огромное влияние имела астрология на интеллектуальную жизнь европейского общества даже в XVI веке: «...Приходилось обращаться к науке о небесных светилах, чтобы ориентироваться во времени и пространстве. Но, что еще важнее, приходилось смотреть на звезды, чтобы ориентироваться и в жизни. Астрология сделалась главной наукой того времени, основой всех остальных. В наше время принято презрительно смотреть на все это движение. Первое, что считают долгом сделать для знаменитейших астрономов той эпохи, это очистить их от подозрений, что они разделяли суеверие своего времени. Думают даже подчас, что оказывают им услугу, выставляя их обманщиками, лишь бы их не принимали за обманутых. Но такие рассуждения совершенно ошибочны. Очевидно, мы стоим еще слишком близко к той эпохе и к тому неожиданному потрясению, которым сопровождалось крушение этого мировоззрения, и поэтому мы не можем относиться к астрологии беспристрастно. Два столетия — слишком незначительный промежуток времени для человеческого развития, в особенности если мы судим о воззрениях, имеющих за собою тысячелетнюю историю. Астрология должна еще прятать свое лицо, чтобы мы пропустили ее спокойно» ([38], стр.165—166).

«Если мы в настоящее время взглянем беспристрастно на астрологию XVI века, не ослепляя себя попытками более позднего времени замаскировать или подделать истинное положение вещей, то первое, что мы испытаем, это — изумление по поводу той громадной роли, какую играла в ту эпоху вера в влияние звезд. Не только невежественная масса верила в него; ее примеру следовали и выдающиеся люди на всех поприщах. Достаточно только обратить внимание на массу сочинений по астрологии, которые появились в XV и XVI веках (от себя добавим: точнее, были зафиксированы печатным станком в знак сохранения древней традиции, пышно расцветшей еще до эпохи книгопечатания. — *Авт.*) Сочинения, которые сохранились в двух только главных библиотеках Копенгагена, составляют довольно объемистую груду. В этом отношении ни одна наука того времени не могла сравниться с астрологией. При этом нужно иметь в виду, что писали эти сочинения не какие-нибудь неизвестные люди, а выдающиеся умы своего времени. В Скандинавии XVI века, например, нет ни одного имени, которое можно было бы поставить наряду с величайшим представителем точной науки Тихо Браге, и

изысканным знатоком и всесторонне образованным популяризатором Генрихом Рантцау, штатгальтером Шлезвиг-Голштинским. И оба они были восторженными приверженцами астрологии. Тихо Браге практически разработал ее до мелочей, и вся его научная деятельность была до известной степени посвящена ее развитию ... Из немецких ученых назовем столь блестящие имена, как Меланхтон и Кеплер. Лекции Меланхтона по астрологии в Виттенбергском университете имели такой успех, что в 1559 году вышло их новое издание... Подобные лекции не были, впрочем, специальностью Виттенберга.

В университетах Болоньи и Падуи существовали особые кафедры астрологии. Кеплер составил календарь с предсказаниями погоды и историческими предвещаниями по звездам и до самой смерти занимался составлением гороскопов; одним из последних его гороскопов был гороскоп Валленштейна. То же самое наблюдалось в Англии, Франции и Италии. Даже Бэкон, великий герольд современного естествознания, высказался в 1623 году об астрологии в том смысле, что он не отвергает ее, а только настаивает на ее преобразовании...» ([38], стр.169—170).

Тот факт, что астрология не только просуществовала от древних времен вплоть до XVI в. н.э., но и пользовалась до самой своей «смерти» таким влиянием, постоянно следует помнить при чтении древних текстов. «Будучи склонны смотреть на астрологию, как на глупое суеверие, мы с трудом можем понять, каким образом она еще недавно могла играть в науке столь важную роль и в глазах того века считалась столь же прочно и незыблемо установленной, как у нас лишь самые достоверные из научных доктрин нашего времени. Поэтому не лишено интереса ближе подойти к сущности указанного взгляда на астрологию... Должен ли вообще человек заниматься астрологией? Да, отвечает, например, Меланхтон, Библия ясно указывает нам в этом отношении на Божью волю. Так, в первой главе Пятикнижия говорится, что светила на тверди небесной созданы не только для разделения годов, месяцев и дней, но и для «знамений». Если, следовательно, Богу угодно было, чтобы они давали нам знаменья, то этим самым Он позволил нам доискиваться путем опыта, что именно они знаменуют. И если у Иеремии говорится: «Не страшитесь знамений небесных», то этим также поощряется искусство астрологии. «Он называет их знаменьями. Следовательно, они что-то возвещают. Но Бог утешает Свою церковь, что она не должна считать себя обреченной на гибель вместе с человечеством и его несчастьями, но должна знать, что Бог

печется о ней, внимает ей и помогает ей, даже когда второстепенные причины складываются против нее»...» ([38], стр.174—175).

Трельс-Лунд приводит и другие примеры рассуждений, которыми астрологи на протяжении многих веков обосновывали божественный авторитет астрологии. Он дает также обзор средневековых теологических споров вокруг астрологии и, в частности, вокруг вопроса, что именно Библия понимает под «свободой воли Бога», который вручил звездам непосредственное руководство земными делами. Для нас здесь важно, что в средневековье астрология непосредственно связывалась с Библией, особенно с ее пророческими книгами (Иеремия и пр.). Сохранился один из стихов, приписываемых Тихо Браге и возникший якобы именно в результате теологических дискуссий по поводу астрологичности Библии: «Звезды управляют судьбой людей, но Бог управляет звездами» (см. [38], стр.180). Именно с фазами Луны связывало средневековье следующие стихи из Библии: «Если кто не родится вновь, не может увидеть Царства небесного» (см. [38], стр.183).

В настоящее время астрологичность многих древних текстов утеряна для современного читателя в связи с исчезновением той атмосферы, которая окружала древних авторов и читателей. Психологические причины этого достаточно ясно излагает Трельс-Лунд: «Между тем как наука сделала такие громадные успехи в познании неба, Ньютон открыл закон тяготения, а Лаплас указал, каким образом возникает солнечная система, подобная нашей, общее сознание человечества боязливо отстранилось от созерцания ночного неба, этой картины бесконечности. Ни в одну эпоху не были так скудны у людей непосредственные впечатления неба. В Лондоне, Париже, Копенгагене и т.д. едва ли один человек из ста знает, полнолуние сегодня или новолуние или каково сейчас положение Большой Медведицы. Свет ночного неба получил чисто декоративное значение и своим необычным освещением с своеобразными тенями может на мгновение приковать рассеянный взор, но в остальном не играет никакой роли в нашем сознании. Наше знакомство со звездным небом основывается в большинстве случаев на впечатлениях из вторых рук, на чтении чужих описаний. Отчасти по привычке, отчасти же из полубессознательного страха мы избегаем прямых сильных впечатлений. С той поры, как мы узнали, что небесный свод и звездный ковер были лишь обманом, ночное небо превратилось в бесконечную и бездонную пропасть...» ([38], стр.212).

История астрологии известна мало. Во всяком случае, общепризнано ее древнейшее происхождение. Вот, например, как Трельс-Лунд описывает развитие астрологии во времена Римской империи:

«Первые императоры более или менее открыто поддерживали связи с астрологами, а Тиверий сам изучал это искусство, с целью открыть и уничтожить всякого, который, по своему гороскопу, мог бы явиться соперником за императорскую власть... Как впоследствии христианство, астрология вызвала против себя ряд преследований: астрологи изгонялись из Рима, и смертная казнь грозила им и всякому, кто обращался к их помощи... Но в крови мучеников зарождались новые прозелиты. Астрология скоро сделалась народной религией. К концу второго века христианской эры победный стяг астрологии — планетная неделя, с ее прихотливой последовательностью планет и дней, прочно утвердилась во всей Римской империи...» ([38], стр.104).

Отголоски широчайшего влияния, которое приобрела астрология, четко прослеживаются, как показывает Трельс-Лунд, во многих местах Нового завета. Таким образом, связь Библии с астрологией восходит к истокам библейских книг, к периоду их создания.

Несмотря на тесную связь Библии с астрологией (к которой мы еще вернемся во втором томе), официальная религия, по понятным причинам, относилась к астрологии с подозрением. Дело доходило до приравнивания астрологов к отравителям (постановление Константинопольского собора, традиционно относимого к 553 г. н.э.). Это не мешало, впрочем, поддержке астрологов со стороны светских правителей (например, в XVI—XVIII веках, столетиях предсмертной вспышки интереса к астрологии, ею увлекались император Карл V, император Рудольф II, Луиза Савойская, Екатерина Медичи, король Генрих IV и другие).

Астрология была убита Коперником, Ньютоном и Лапласом. Впрочем, в настоящее время в условиях массовой потери под ногами идеологической почвы интерес к астрологии возродился снова, но это уже не наш предмет.

Теоретические основы астрологии

Астрологическое учение не представляет собой какого-либо единства: оно разбивается на множество школ, более или менее отличающихся друг от друга. Одним из авторитетнейших изложений астрологии является уже упоминавшееся выше в гл.3 сочинение «Тетрабиблос» («Четыре книги»), приписываемое Птолемею. Впрочем, авторство Птолемея в отношении этих книг всерьез не

принимается (см. [41], стр.160) хотя бы потому, что представление о мире автора этого сочинения неизмеримо примитивнее представлений автора «Альмагеста».

Изучение астрологических трактатов чрезвычайно затруднено сложнейшей символистикой и терминологией, меняющейся к тому же от трактата к трактату (каждая астрологическая школа считала своим долгом выработать собственную систему языка и способов кодирования информации). Тому причиной не только определенная «тайность» астрологии, но и описанное выше, иное, отличное от современного, отношение к небесным явлениям: многие, дошедшие до нас астрономо-астрологические тексты, которые мы считаем зашифрованными, были для их авторов простыми записями наблюдений.

Например, астрологи пользовались для обозначений планет очень сложной и неоднозначной символикой. Дошедшие до нас и до сих пор используемые астрономами символы планет

Солнце	☉
Марс	♂
Луна	☾
Юпитер	♃
Меркурий	☿
Сатурн	♄
Венера	♀

были очень поздним и совсем не общепринятым изобретением.

Более ранние планетные символы обязательно несли в себе в той или иной форме идею движения (как правило, быстрого). Например, как мы увидим в следующем параграфе, планеты могли изображаться людьми с посохами (символами движения). Очень была популярна символика, связанная с конными повозками вообще и с конями в частности, поскольку движение планет, естественно, ассоциировалось со скоком коней. В книге [58] приведены репродукции рисунков из целого ряда средневековых астрологических трактатов, изображающих коней, везущих Солнце (см. [58], стр.169 и стр.240), Марс (см. [58], стр.71 и стр.156), Юпитер (см. [58], стр.157) и т.д. Для изображения остановившихся планет использовались рисунки *растяженных колесниц* (см. [58], стр.240—241); кстати сказать, поскольку Солнце и Луна никогда не останавливаются, их колесницы никогда не распрягаются.

В колесницы планет иногда впрягались другие животные, большей частью фантастические. Например, Луну возили девушки, Меркурия — орлы, Венеру — голуби, Юпитера — павлины, Сатурна — грифон и аспид (см. [58], стр.71, а также стр.156 и стр.267).

Напротив, иногда колесницы исчезали, и оставались одни кони. Так, в [57] на стр.14 и в [1] на стр.42 приведены рисунки якобы древних галльских монет (а скорее всего, средневековых подделок), на которых изображены планеты-кони. Такого рода сокращенная символика позволяла изображать в виде всадника на планете-коне созвездие, в котором планета находится.

Насколько можно судить, в основе всех астрологических теорий лежало представление, что в каждый данный момент одна из семи планет (включая Солнце и Луну) имеет «господство». Каждому дню сопоставлялась планета, которая господствует в его первый час. Однако общепринятой схемы соответствия между днями и планетами не было. Считается (см. [41], стр.100), что наиболее древним был египетский вариант, в котором первым днем был день Сатурна (суббота по-английски и поныне называется Saturday), вторым днем — день Солнца, воскресенье (англ. Sunday, нем. Sonntag), третьим днем — день Луны, понедельник (нем. Montag, франц. lundi), четвертым днем — день Марса, вторник (франц. mardi), пятым днем — день Меркурия (франц. mercredi), шестым днем — день Юпитера (франц. jeudi), и, наконец, седьмым днем — день Венеры (франц. vendredi).

Заметим, что, таким образом, астрологическая неделя начиналась с субботы.

Каждой планете в астрологии приписывались определенные «свойства», задающие ее влияние на земную жизнь. Как правило, это были «свойства» в смысле аристотелевой физики, т.е. теплота, сухость, холод, влажность и различные их комбинации. Кроме того, планеты делятся на мужские и женские, а также обладают определенным цветом (см. [41], стр.160—162).

Сила влияния планеты на земные явления неодинакова: она зависит от зодиакального созвездия, в котором в данный момент находится планета. С этим созвездием планета может находиться в особых соотношениях, которых «Тетрабиблос» насчитывает пять. Например, вступление кровожадного Марса в созвездие Льва считалось чрезвычайно опасным и грозило войнами и кровопролитием; вступление зловещего Сатурна в созвездие Скорпиона считалось еще более худшим знаменем, предвещающим гибель от моровых

поветрий. На этом основании по принципу обратной связи Сатурн и Скорпион часто считались символами смерти.

Довольно подробное обозрение астрологии можно найти в [41] и в [73], §VI.

Гороскопы

Из сказанного выше явствует, какое значение в астрологии имеет расположение всех семи планет по созвездиям. Описание этого расположения на данный момент называется *гороскопом*.

Гороскоп, составленный в момент рождения человека, называется гороскопом этого человека. По этому гороскопу астрологи предсказывали судьбу новорожденного.

Заметим, что вопреки распространенному мнению астрология отнюдь не сводилась к предсказаниям и пророчествам по гороскопам. Это была лишь часть астрологии, которую можно охарактеризовать как «прикладную астрологию». Правда, к XVI веку ничем другим астрологи больше не занимались, но, например, еще «Тетрабиблос» определенно ставит на первое место не составление и интерпретацию гороскопов, а общетеоретическое изучение влияния планет на земные явления (см. [41], стр.160—161).

Датировка по гороскопам

Задание гороскопа означает задание для планет их долгот, измеренных в $1/12$ долях полной окружности. Стандартные астрономические таблицы позволяют поэтому для любого гороскопа указать время его составления и тем самым надежно датировать текст, содержащий гороскоп.

Однако оказывается, что принятыми в астрономической практике таблицами Леверрье или Ньюкомба пользоваться для датировки не очень удобно. В начале нашего века П.Нейгебауэр писал:

«В последнее время в Берлинском вычислительном институте значительно участились случаи обращения историков и хронологов к астрономам-вычислителям с просьбой указывать приблизительные места Солнца и больших планет в давно минувшие времена. Чтобы дать им ответ, приходилось обращаться к подробным таблицам Леверрье или Ньюкомба, т.е. давать точнейшие вычисления, которые ни в каком случае не соответствовали приблизительности требований, нужных для исторических документов. Вот почему я сделал попытку составить для исторических целей сокращенные планетные таблицы, которые могли бы при возможно меньшем количестве вычислений, дать достаточно приближенные места планет» (см. [4], стр.11).

В таблицах Нейгебауэра даны гелиоцентрические положения планет с точностью, превосходящей десятые доли градуса, а для пересчета этих координат на геоцентрические приведены простые тригонометрические формулы. Таким образом, эти таблицы отвечают на вопрос: какое было в такой-то день такого-то года положение планет на зодиаке. Однако для датировки исторических документов важно знать обратное: в каком году было известное положение планет на зодиаке. Впервые соответствующие таблицы были составлены Н.А.Морозовым и М.А.Вильевым. Они опубликованы в [4]. С помощью этих таблиц датировка гороскопа осуществляется в ряд этапов.

Первый этап состоит в исследовании положения Сатурна—планеты с наибольшим периодом обращения (около 29 лет). В [4] на стр.20—24 приведены таблицы, показывающие (в звездных годах) времена прохождения Сатурна через середины зодиакальных созвездий и охватывающие период от 3038 г. до н.э. по 2000 г. н.э.

Поскольку Сатурн проходит каждое созвездие приблизительно в два с половиной года, эти таблицы для каждого гороскопа выделяют на оси времени последовательность интервалов длины в 2,5 года, центры которых отстоят друг от друга приблизительно на 29 лет. Дата рассматриваемого гороскопа обязательно содержится в одном из этих интервалов.

Заметим, что хотя, таблицы составлены в звездных годах, можно эти годы считать юлианскими, так как даже к -3000 году ошибка от замены звездных годов юлианскими составит не более месяца.

Кроме того, в таблицах имеются в виду гелиоцентрические положения Сатурна (т.е. по отношению к Солнцу), тогда как земной наблюдатель фиксирует геоцентрические положения. Однако замена геоцентрических координат гелиоцентрическими вносит ошибку, не превышающую полгода.

Наконец, заметим, что каждый 1031 год Сатурн приходит в те же самые гео/гелиоцентрические положения. Это позволяет при желании пользоваться таблицами и вне указанных в них пределов.

На **втором этапе** та же процедура повторяется с Юпитером. Соответствующие таблицы приведены в [4] на стр.25—35. Они охватывают период от 3008 г. до н.э. по 2000 г. н.э.

Юпитер находится в каждом созвездии примерно 1 год, так что на оси времени мы получаем из гороскопа интервалы длины 1, центры которых отстоят друг от друга приблизительно на 12 лет (период обращения Юпитера).

Замена звездных годов юлианскими снова вносит ошибку, не превышающую месяца, а отождествление геоцентрических положений с гелиоцентрическими — ошибку, не превышающую 4 месяца. При сдвиге на 3440 лет Юпитер возвращается в прежние положения.

Пересечение «сатурнианских» интервалов с «юпитерианскими» оказывается устроенным очень любопытно. Оно состоит из серий дат (определенных с точностью примерно до года), которые разделены пятисотлетними промежутками. Каждая серия состоит не более чем из 8 дат, разделенных 59 годами. Поэтому на протяжении каждых 1400 лет остается для дальнейшего исследования только 24 решения (см. подробнее в [4], стр.36—41).

Пример. Пусть в гороскопе Сатурн указан в Скорпионе, а Юпитер — в Стрельце. Таблицы показывают, что за последние 3 тысячи лет было три серии сочетаний: Сатурн в Скорпионе, Юпитер в Стрельце. Первая серия кончилась в 222 г. до н.э., вторая началась в 335 г. н.э. и кончилась в 691 г. н.э., а третья началась в 1190 г. н.э. и кончилась в 1605 г. н.э. В частности, мы видим, что гороскоп с Сатурном в Скорпионе и с Юпитером в Стрельце заведомо не мог быть составлен в период от 222 г. до н.э. по 335 г. н.э. (первый год второй серии).

Третий этап состоит в исследовании отсеянных Сатурном и Юпитером решений с помощью Марса и Солнца.

Соответствующие таблицы для Марса (представленные для удобства в виде графиков) приведены в [4] на стр.44—47. Они охватывают период от 1846 г. по 1857 г. Любые другие периоды приводятся к этому простым вычислениями, объясненными в [4] на стр.48—50.

В этих таблицах указаны геоцентрические положения Марса, так как использование гелиоцентрических координат привело бы к слишком большим ошибкам. Точно так же для Марса нельзя автоматически подставлять вместо звездных лет юлианские. Таблица для пересчета звездных дат в юлианские приведена в [4] на стр.49.

Таблицами Марса удобнее всего пользоваться, когда известен месяц составления гороскопа. Этот же месяц немедленно определяется, если в гороскопе указано положение Солнца. Соответствующая таблица приведена в [4] на стр.51.

Пример. Выше мы рассмотрели сочетание: Сатурн в Скорпионе, Юпитер в Стрельце. Предположим, что нам также известно, что Марс находится в Овне, а Солнце — в Деве (что означает сентябрь месяц). Подробное исследование этого гороскопа проведено в [4] на стр.52—57. Оказывается, что из 8 членов второй серии (от 335 г. до 691 г.) проверку «по Марсу» выдерживают только две даты: 395 г. и 632 г.

Таким образом, в первое тысячелетие нашей эры рассмотренный гороскоп был составлен либо в сентябре 395 г., либо в сентябре 632 г.

Четвертый этап состоит в окончательном отборе даты с помощью Венеры и Меркурия. Описание способа действия и соответствующие таблицы приведены в [4] на стр.70—72.

Пример. Если для рассмотренного выше гороскопа дополнительно известно, что Венера была в Скорпионе, а Меркурий в Весах, то из двух дат окажется подходящей только одна — сентябрь 395 г. (см. [4], стр.67—71, где, правда, показано лишь, что эта дата удовлетворяет условиям гороскопа).

Пятый этап. По положению Луны определяется день гороскопа. Соответствующие таблицы (с объяснениями) приведены в [4] на стр.58—66.

Пример. Если в указанном выше гороскопе Луна была в Деве, то это дает 30 сентября 395 г. (см. [4], стр.58). Таким образом, мы получаем, что

в первое тысячелетие нашей эры гороскоп

Сатурн в Скорпионе

Юпитер в Стрельце

Марс в Овне

Венера в Скорпионе

Меркурий в Весах

Луна в Деве

Солнце в Деве

был возможен только 30 сентября 395 г.

Мы воспользуемся этим гороскопом в гл. 9.

Идентификация созвездий

Вся эта процедура наталкивается на одну принципиальную трудность: отсутствие четкого определения понятия «созвездие».

В принципе зодиакальные созвездия получаются при разделении небесной сферы на 12 одинаковых секторов по 30° каждый. Эти секторы можно назвать *равномерными созвездиями*.

Как мы уже видели, первый рисовальщик небесной карты, Дюрер, пожертвовал математической точностью 30-градусных промежутков в пользу изящности фигур. Нарисованные им созвездия (с тех пор общепринятые) мы будем называть *дюреровскими созвездиями*.

Искажения секторов, сделанные Дюрером, не являются систематическими: он сильно удлинил Деву и Рыбы, сократив за их счет соседние Весы и Водолея. Остальные созвездия искажены мало.

Графические изображения дюреровских искажений см. в [2], стр.545 и в [4], стр.186.

Интересующие нас гороскопы все сделаны до Дюрера. Значит ли это, что они относятся к равномерным созвездиям? Можно думать, что нет.

Мы уже отмечали (см. гл.3, § 2), что устойчивым можно считать распределение по созвездиям лишь семидесяти звезд первой и второй величины; уже звезды третьей величины в условиях отсутствия гравированных небесных карт должны в разных астрономических школах распределяться по разным созвездиям.

Кроме того, где гарантия, что средневековые астрологи не предвосхитили ошибки Дюрера и не деформировали (по тем или иным соображениям) равномерные созвездия (быть может, совсем иначе, чем это сделал Дюрер)?

Описанные выше таблицы для Сатурна и Юпитера построены для дюреровских созвездий. Их пересчет на равномерные созвездия тривиален. Но этот пересчет мало осмыслен, пока мы не знаем, какими созвездиями пользовался составитель гороскопа.

Надежнее (и проще) просто несколько удлинить интервалы, в которых обязана быть дата гороскопа (скажем, на год для Сатурна и полгода для Юпитера). Так именно и поступал Морозов при расчете описанного выше примера.

Для Марса ситуация, к сожалению, несколько сложнее: тут в принципе надо знать, какими созвездиями пользовался составитель гороскопа. Поэтому в таблицах Морозова для Марса указаны как дюреровские, так и равномерные созвездия. В рассмотренном выше конкретном примере Марс предполагался в Овне, что сняло трудность, потому что дюреровский Овен практически совпадает с равномерным.

Заключение

Мы видим, что гороскоп, вообще говоря, позволяет надежно определить день, месяц и год его наблюдения.

Из-за нечеткости в идентификации созвездий (а также и по другим причинам) может случиться, что вычисления определяют дату гороскопа не однозначно, а предложат на выбор серию возможных дат. Окончательный выбор даты приходится тогда осуществлять на основе иных (внеастрономических) соображений. Серии дат дают также и «неполные» гороскопы, в которых указано расположение не всех, а лишь части планет.

§ 2. Дендерский храм в Египте

Общая характеристика

Дендеры — небольшой городок в Египте, к северу от Фив, на берегу Нила. Недалеко находятся развалины древнего города Тентириса, с остатками великолепного храма. В египтологии этот храм принято называть «Дендерским».

Первые, еще наивные, египтологи датировали дендерский храм 15000 (пятнадцать тысяч!) годом до н.э. Затем было предположено, что храм построен в III тысячелетии до н.э. Тщательный анализ надписей и скульптур убедил ученых в сравнительной «молодости» Дендерского храма: он явно был построен при последних Птолемах, т.е. во времена Суллы, Помпея и Юлия Цезаря.

Все было бы хорошо, если бы в удаленной комнате храма не была найдена надпись, что один из фараонов VI династии делал пристройки к храму, воздвигнутому будто бы еще фараоном Хуфу из IV династии (!). Чтобы выйти из противоречия египтологи предположили, что храмы, построенные и украшенные римлянами, почти все без исключения возводились на местах древних египетских святилищ и что, кроме того, римляне переносили в свои новые храмы со строгой точностью, основанной на глубоком религиозном уважении к святыне, те древние надписи, которые находились на стенах древнего храма. Но достаточно лишь немного вдуматься в это «объяснение», чтобы понять, что оно встречается с непреодолимыми затруднениями.

Во-первых, непонятна чисто практическая сторона дела: ведь перед новой постройкой старый храм должен быть разрушен, значит, надписи должны быть предварительно скопированы. Спрашивается, как и на какой материал была осуществлена эта копия и как была достигнута безошибочность двукратного копирования? Если же старый храм не разрушался, а, напротив, реставрировался, то происхождение надписей делается совсем непонятным. Во-вторых, непонятны и психологические причины уважения к чуждому культу. Достоверная история таких случаев не знает и, напротив, может указать бесчисленное число примеров презрительного отношения к чуждому культу и уничтожения его храмов. Слишком много традиционное объяснение требует от пресловутой религиозной терпимости римлян! Мы вернемся к этому вопросу в гл. 13.

Дендерские Зодиаки

Наш интерес к дендерскому храму объясняется тем, что на его потолке находились два прекрасно сохранившихся скульптурных изображения. Первое называется *Круглым Зодиаком* (см. рис. 133 на стр.664 в [6]); оно было перенесено в Париж во время египетской экспедиции Наполеона I. Второе изображение, находившееся ранее в предхрамьи, называется *Длинным Зодиаком* (см. рис. 135 на стр.672 в [6]); оно также перевезено в Европу.

Первые же ученые, исследовавшие эти Зодиаки, поняли, что они изображают зодиакальные созвездия (отсюда и их названия) вместе с планетами, т.е. **представляют собой гороскопы**. Это доставляет уникальную возможность точно датировать время постройки Дендерского храма и перепроверить традиционную датировку. Эта датировка, основывающаяся на надписях и искусствоведческом анализе изображений, относит Длинный Зодиак — к царствованию Тиберия (14—36 гг. н.э.), а Круглый Зодиак к царствованию Нерона (54—68 гг. н.э.), т.е. лет на сорок позже.

Зодиаки настолько выразительны, что их интерпретация как гороскопов **никаких сомнений не вызывает** и может быть осуществлена лишь **единственным образом**. Поэтому вопрос о их датировке упирается в чисто астрономическую проблему (первой категории по Никольскому).

Этой проблемой занимались Дюпюи, Лаплас, Фурье, Летрон, Хольм, Био и др. (вообще, литература, посвященная Дендерским Зодиакам, поистине необъятна), но решить ее не смогли, хотя и перебрали все планетные конstellляции до III в.н.э. Пришлось признать, что Зодиаки представляют собой свободную фантазию художника, никак не связанную с реальной картиной звездного неба. К этому выводу пришли скрепя сердце и не только потому, что он означал поражение в попытке астрономического датирования, но и потому, что он представлялся психологически почти невозможным: пизет, питаемый в древности к астрологии вообще и к гороскопам в частности, делает свободное фантазирование на эту тему невероятным.

Круглый Зодиак

Круглый Зодиак представляет собой большой диск, покрытый фигурами. Полоса на краю диска заполнена зодиакальными фигурами; в центральной части диска изображены еще две дополнительные процессии; над зодиакальными созвездиями расположены фигуры планет.

Всего по ободку Круглого Зодиака расположено 36 фигур, символизирующих календарные декады. По Бругшу, счет фигур

начинается с фигуры Солнца, изображающей первую декаду его движения через созвездие Овна, затем идет фигура самого Овна и т.д.

Однако, по-видимому, никто до Морозова не обратил внимания, что, кроме этих символов десятидневий года, на Зодиаке изображена еще маленькая добавочная фигурка: крошечный ягненок с Солнцем и звездой на голове, который **может** обозначать только остаточные пять дней тропического года. Таким образом, **изображенный на Зодиаке год является 365-дневным**.

Еще более интересно то, что эти пять остаточных дней стоят не рядом с Солнцем, изображающим первую декаду Овна, а отделены от него особым десятидневием. Эта вставленная нарочно фигура, по-видимому, указывает, что между концом тропического года (т.е. прохождением Солнца через точку весеннего равноденствия, к которому и приспособлены остаточные дни) и проходом Солнца через главную звезду Овна («Глаз») прошло полное десятидневие. Однако это событие происходило на протяжении последних 26000 лет только один раз — в VI в. н.э.

Тем самым **Круглый Зодиак датируется VI веком н.э.**

Конечно, это рассуждение Морозова учитывает весьма тонкие эффекты и основано на ряде интерпретаций, которые убедительны не для каждого. Поскольку же вывод весьма серьезен и влечет за собой разрушительные следствия для общепринятой хронологии Египта, хочется подкрепить его другими независимыми соображениями. Для этого Морозов обращается к планетам.

Фигура зловещего в древней астрологии и астральной мифологии Сатурна изображена на Круглом Зодиаке египетским богом Анубисом, провожателем мертвых с головой шакала на плечах. Он с посохом в руках идет за Девой. Та же фигура повторяется на Зодиаке еще один раз: внизу, в погребальной процессии, в которой она также находится рядом с Девой. Таким образом, **Сатурн двумя способами указан в Деве**.

Под Раком виден другой путник с посохом в руках — знаком движущегося светила, с орлиной головой, с царским украшением на ней и с соколом над нею. Это — Юпитер. Тут же над Раком символ Юпитера повторен еще раз: в виде такого же путника с посохом, но уже с человеческим лицом, звездой над головой и змеистым знаком молнии над нею. Таким образом, **Юпитер двумя способами указан в Раке**.

Меркурий и Венера никогда не уходят далеко от Солнца. И действительно, над Овном, около которого стоит Солнце, изображена Венера, и тоже, как Юпитер и Сатурн, она изображена двумя

способами: утренней звездой в виде девушки в газовом прозрачном одеянии и вечерней звездой в виде девушки с обезьяньим лицом в таком же прозрачном одеянии. Таким образом, **Венера указана в Овне налево от Солнца и близко к нему.**

Между созвездиями Рыб и Водолея изображен путник с посохом в виде двуликого бога Януса с звездой над головой. Это — Меркурий, никогда не отходящий от Солнца и только на несколько дней показывающий из-за него то одно свое лицо — слева над вечерней зарей на западе, то другое лицо — справа от Солнца над утренней зарей на востоке.

Марс также изображен путником с посохом и орлиной головой. На спине у него выступы, явно изображающие детали какого-то вооружения (или, быть может, кольчуги). Он стоит на спине Козерога с звездой над головой, с ибисом и соколом повыше. Та же самая фигура путника с посохом, но уже с человеческим лицом, повторена тут же повыше над головой Козерога с ибисом под ногами.

Таким образом, все планеты (за исключением Меркурия, и без того двуликого по природе) указаны двумя изображениями в тех созвездиях, в которых они находились.

Между спиной Овна и Рыбой расположен кружок с петушиным глазом посередине. Это — Солнце, показанное при переходе из созвездия Рыб к Овну около весеннего равноденствия. **Это дает март.**

Под Рыбами нарисован кружок с девушкой в нем, предполагающий жертву. Это — Луна с пятнами, в которых всегда видели те или иные человеческие фигуры. Она в том же созвездии, что и Солнце, но слегка справа. **Это обозначает наступление весеннего новолуния**, когда Луна приносится в жертву, сгорая в огне утренней зари, для того, чтобы снова возродиться на третий день в Овне. (Весеннее равноденствие приходится на юлианский март на всем интервале от 1000 г. до н.э. до наших дней.)

Итак, перед нами следующий гороскоп:

Сатурн в Деве
Юпитер в Раке
Марс в Козероге
Венера в Овне
Меркурий между Водолеем и Рыбами
Солнце между Рыбами и Овном
Луна рядом с Солнцем.

Применяя изложенную в § 1 методику, мы по Сатурну, Юпитеру и Марсу находим единственную дату: 568 г. н.э. Солнце дает март, а Луна — 15 марта. Следовательно,

дата Круглого Зодиака — 15 марта 568 г. н.э.

Заметим, что мы не использовали Венеру и Меркурий. Для полной определенности следует убедиться, что их истинные положения на 15 марта 568 г. н.э. соответствуют гороскопу. Оказывается, что действительно так.

Расшифровка Круглого Зодиака как гороскопа не принадлежит Морозову. Она была осуществлена еще в начале XIX века и была подтверждена Бругшем, Тураевым и другими. Морозовым же было произведено вычисление даты 15/III 568 г. с помощью таблиц Нейгебауэра. Повторные вычисления были проделаны Н.И.Идельсоном по таблицам М.А.Вильева (см. [6], стр.655—672).

Морозов нашел и дополнительные подтверждения даты 15/III 568г. Он обратил внимание на странную процессию, идущую от символа смерти Скорпиона к символу жизни — весеннему Овну. Ведет ее стройный высокий юноша (под Тельцом) с посохом в одной руке (так же как у планет) и с молотилом в другой. Это какое-то движущееся светило, и притом очень большой величины. Но это не планета, так как, во-первых, все они уже локализованы, а во-вторых, планеты никогда не выходят из зодиакального пояса. Значит, это комета.

Очень интересен вид фигур в процессии. За юношей следует скипетр с соколом на нем, увенчанный первосвященническим головным убором в знак высокого достоинства того, кто предводительствует этой процессией (голова кометы). За ним плывет в лодочке богиня плодородия в виде коровы с звездой над рогами. За нею идет девушка с натянутым луком, за девушкой едет сидящая на троне женщина с двумя погребальными урнами в руках, и на крышке каждой урны мы видим кресты — символы христианства. За женщиной следует Анубис, греческий Харон, провожатель мертвых, со своей косою смерти, за ним Лев, под передние лапы которого поставлена табличка точно такая же, как и отмечавшая Солнце в Овне; в данном случае она указывает на август (месяц, когда Солнце находится во Льве). Замыкает процессию шакал на задних лапах в молитвенной позе и в священнической шапочке.

Судя по пути кометы от Скорпиона к Овну и по двум урнам с крестами, ее, по-видимому, отождествили с Иисусом Христом, выводящим души из ада (напомним, что Овен — символ Христа). Любопытно, что 12 апостолов также могут быть найдены на Зодиаке

в виде 12 звезд, окружающих Овна. Замечательно, что в китайских летописях Ше-Ке и Ма Туан-Линь указывается, что в августе 568 г. в Скорпионе появилась большая комета, шедшая на восток и исчезнувшая в Овне.

После этого последние сомнения, что процессия на Круглом Зодиаке изображает комету, исчезающую (Интереснейшим вопросом об истолковании смысла фигур процессии мы здесь заниматься не можем.)

Кроме этой процессии на Круглом Зодиаке имеется еще другая процессия, движущаяся от Солнца до Змеедержца над Скорпионом, которую также ведет путник с посохом. Это вторая, меньшая комета 568 г., которая также описана в китайских летописях. Она шла от Блинецов к Раку. Летописи сравнивают эту комету с ножом («она оканчивалась острием, как нож»), а на Зодиаке как раз над Раком изображена Медведица, держащая в руке огромный нож.

Таким образом, мы имеем третье, независимое от первых двух, подтверждение даты 568 г. (правда, зависящее от надежности китайских летописей).

Можно думать, что Круглый Зодиак был изготовлен весной 568 г., а осенью к нему были добавлены две «кометные» процессии.

Заметим в заключение, что сам факт существования даты, реализующей Круглый Зодиак, делает абсолютно невероятным предположение, что этот Зодиак является плодом свободной фантазии художника, так как при свободном фантазировании наверняка бы получилась констелляция планет, в природе не реализующаяся.

Длинный Зодиак

Длинный Зодиак представляет собой длинную полосу, заполненную барельефами. В его нижнем ряду (как и на Круглом Зодиаке) обозначены десятидневки в виде божков с посохами, плывущих в лодочках по направлению от созвездия Рака. Все лодочки плывут по направлению суточного обращения неба вокруг Земли, т.е. обратно последовательности зодиакальных созвездий, которые изображены полосой над лодочками. Первые три лодочки везут три десятидневия августа (кульминация Льва), следующие три лодочки — три десятидневия сентября (кульминация Девы), следующие три лодочки — три десятидневия октября (кульминация Весов) и т.д. В тринадцатой лодочке (т.е. когда в полдень начинает кульминировать символ смерти Скорпион, а в полночь — Овен, закланный за грехи людей, символ евангельского Христа) никаких десятидневий не показано, а поставлены три креста, над которыми расположены орудия смертной

казни. Это явно является отображением евангельского предания о казни Иисуса? между двумя разбойниками на Голгофе. Рядом плывет еще лодочка также без десятидневий, с медведем, сидящим на Луне, т.е. с обозначением лунного затмения, которое согласно Евангелиям произошло во время казни Христа. В свите идет человек с отрубленной головой — явное указание на обезглавление Ионна Крестителя, символом которого является Водолей. За ним несут в жертву козленка, и процессию замыкает Сатурн как символ смерти и без звезды над головой (отсутствие звезды указывает, что это не обозначение планеты, а символ гибели).

Последовательность лодочек оканчивается маленькой дополнительной лодочкой, везущей небольшую змейку и явно изображающей остаточные пять дней года после 36 декад. Эта лодочка отделена от остальных еще особой лодкой, в которой сидят на тронах два путника с Солнцами, сияющими в лотосовых цветках из их голов, а третий путник в первосвященнической шапке стоит на носу лодки впереди всех. Это явно символизирует происходящее в конце года (25 декабря) Рождество Христово, причем три путника — это три евангельских волхва.

Полоса Зодиака замыкается на себя, причем между последним днем и первым днем изображена тесная куча маленьких звездочек (созвездие Ясли). Здесь же кончается живот богини Нут (которая отождествляется таким образом с Богоматерью). Выходящее из живота богини Солнце обвивает своими лучами голову новорожденного Христа-Овна в короне (и с маленькими рожками!).

Список христианских символов в Длинном Зодиаке этим не кончается. Например, в нем дважды встречается голубь — символ Духа Святого, изображена дева с младенцем, и можно даже найти сцену страшного суда. Свидетели свидетельствуют перед Христом на троне, добрые и злые дела взвешиваются на весах, ангел с ключом-крестом сторожит дверь рая и т.д. и т.п.

Все это показывает, что Длинный Зодиак представляет собой календарь какой-то раннехристианской церкви (секты) оригенистского толка, т.е. с сильным астрологическим оттенком. Это вполне согласуется с указываемым Круглым Зодиаком VI веком н.э.

Однако Длинный Зодиак можно независимо датировать тем же способом, каким выше был датирован Круглый Зодиак. Дело в том, что в этом Зодиаке над декадными лодочками имеется полоса фигур, изображающих созвездия и сопровождающихся еще целым рядом дополнительных фигур. Среди этих фигур особое значение имеют фигуры

людей с посохами, которые, как мы знаем из Круглого Зодиака, изображают планеты.

В первую очередь обращает на себя внимание изображение в свите созвездия Девы провожателя мертвых Анубиса-Сатурна с звездой на голове, с посохом в руке и с соколом за плечом. Аналогично в созвездии Рыб мы находим человека с соколиной головой, с посохом и в роскошной тиаре. Это должен быть Юпитер. И действительно, около него есть надпись, означающая, по Бругшу, имя планеты Юпитера. В том же созвездии Рыб, но левее, дальше от Овна и ближе к Водолею изображен еще один человек с посохом и с соколиной головой, но без тиары, и с надписью, которую Бругш переводит как Марс. Еще один путник с посохом изображен в Овне, и рядом с ним написано имя планеты Венеры. Путник с посохом и двумя лицами (Меркурий) изображен в Близнецах. Наконец, Луну мы находим в Весах, а Солнце — в Тельце.

Таким образом, перед нами следующий гороскоп:

Сатурн в Деве

Юпитер в Рыбах

Марс в Рыбах

Венера в Овне

Меркурий в Близнецах

Солнце в Тельце

Луна в Весах.

Уже известным нам способом легко показывается, что дата этого гороскопа — *6 мая 540 г.* (см. [6], стр. 679—688).

Любопытно, что по теперешним картам в этот день Марс хотя и находится в Рыбах, но ближе к Овну, чем к Водолею. Однако если взять равномерные созвездия, то Марс, как и утверждается в гороскопе, окажется ближе к Водолею. Таким образом, подтверждается, что в VI веке в ходу были не дюреровские, а равномерные созвездия.

Имеются и другие, независимые, подтверждения принадлежности Длинного Зодиака VI веку.

Например, в созвездии Близнецов в Длинном Зодиаке изображено Солнце, лежащее на змее. Змея (проглатывающая Солнце) — это постоянный символ солнечного затмения. И, действительно, в списке Гинцеля под № 71 мы находим полное солнечное затмение, происшедшее 20 июня 540 г. и зафиксированное в семи средневековых документах. В Египте оно было лишь частичным, но с достаточно большой фазой.

Далее, в Зодиаке точка весны указана в Рыбах, а точка нижнего солнцестояния — в Стрельце. Но эти точки попали в указанные

созвездия (из-за прецессии) только после IV века н.э. Это дает еще *два* независимых подтверждения нашей даты.

Почему даты Круглого и Длинного Зодиаков расходятся на 28 лет, пока можно только гадать. Возможно, что дата Длинного Зодиака знаменует начало строительства, а дата Круглого — его окончание, а может быть, причина совсем в другом.

Между прочим, на более ранний характер Длинного Зодиака указывает тот факт, что в нем планеты снабжены пояснительными надписями. В более позднем Круглом Зодиаке эти разъяснения были признаны уже излишними.

Заключение

Таким образом, астрономия многими независимыми способами указывает на принадлежность Дендерского храма к VI веку н.э. Это, конечно, наносит сильный удар по традиционной хронологии. Неудивительно поэтому, что, когда Н.А. Морозов впервые вычислил аналогичные, т.н. атрибские, гороскопы (об этих гороскопах мы будем говорить в гл. 13), акад. Тураев безапелляционно заявил: «Это, невозможно!» (см. [4], стр. 10).

Однако весомость аргументов Морозова столь велика, что более поздние историки, по-видимому, молчаливо признали датировку дендерского храма VI веком! Никак нельзя по-другому истолковать утверждение Дирингера в его книге «Алфавит», что «самая поздняя иероглифическая надпись относится к VI в. н.э. (правление Юстиниана)» (см. [92], стр. 83).

Думать же над вопросом, почему в христианском храме VI века оказались надписи фараонов VI династии (бывшей, по традиционным представлениям, никак не ранее чем за три тысячи лет до VI века), по-видимому, никто из историков не захотел.

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. Четкий и достаточно полный гороскоп, как правило, позволяет определить год, месяц и день его составления (см. § 1).
2. Единственный архитектурный памятник, на стенах которого имеются изображения астрономического характера, позволяющие его надежно датировать, оказался не античным памятником I века н.э., как это считалось, а раннесредневековым сооружением, относящимся к VI веку н.э. (на 500 лет позже) (см. § 2).

Глава 6 ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ РИМСКИХ ИМПЕРИЙ

Изложенные в предыдущих главах факты не представляют по существу ничего нового: почти все они были давно известны. Мы, следуя Морозову, всего лишь собрали их вместе, осветили с единой точки зрения, и сделали выводы.

Однако Морозов обнаружил в традиционной истории и нечто новое. По нашему мнению, именно эти новые факты и являются основным открытием Морозова. Из них с непреложностью вытекает не только апокрифичность «античной» литературы, но и существенно более глубокое утверждение о *ложности традиционной исторической схемы и хронологии в отношении всех событий до IV века н.э.*

Ясно, что если это доказано, то «античная» литература автоматически должна быть созданием Средних веков и эпохи Возрождения. Тем не менее мы не зря посвятили выше столько места и времени ее исследованию. Во всяком случае мы теперь знаем, что идеи Морозова противоречат не тому, что установлено историей, а лишь тому, что только считается таковым.

Открытие Морозова состоит в обнаружении и объяснении поразительного параллелизма (опять параллелизм!) между событиями в Римской империи от Суллы до Каракаллы и от Аврелиана до Теодориха.

Сами по себе те совпадения и аналогии, которые мы будем обнаруживать, надо думать, время от времени отмечались историками, однако не будучи выстроены в последовательный ряд, они, конечно, были абсолютно недостаточны для того, чтобы придать этим эффектам какое-либо серьезное значение.

§ 1. Сравнение Римских империй II и III

Введение. — Параллельное обозрение деятельности правителей Римских империй. — Границы аналогии. — Обсуждение аналогии. — Параллельный список правителей империй II и III. — Графики длительностей.

§ 2. Призрачность Римской империи II

Объяснение Морозова. — Имена и прозвища. — Причины компилирования. — Модельный пример. — О полных династических потоках Римской империи. — Заключение.

§ 3. Династический поток римских епископов

Введение. — Параллельный список римских епископов. — Обсуждение.

§ 1. Сравнение Римских Империй II и III

Введение

Римская империя, фактически основанная Суллой и продолженная Юлием Цезарем и Октавианом, пережила после Каракаллы тяжелый кризис, приведший к ее почти полному развалу. Для удобства ссылок мы будем называть этот период *Римской империей II* (подразумеваемая под *Римской империей I* древнейшее, легендарное государство, основанное Ромулом и Ремом).

Кризис был преодолен Аврелианом и Диоклетианом, восстановившими империю, которая просуществовала до завоевания ее Одоакром и Теодорихом. Этот период мы назовем *Римской Империей III*.

Для удобства читателей мы вкратце изложим сейчас с интересующей нас точки зрения историю империй II и III. Изложение мы будем вести исключительно по общепризнанным, традиционным учебникам и монографиям. Все наши комментарии мы будем оговаривать.

Наш труд был бы существенно облегчен, если бы мы могли воспользоваться хронологическими таблицами, приведенными в учебниках. Однако их непосредственное использование затруднено тем, что, с одной стороны, в них собраны не только крупные императоры, игравшие заметную роль в империи, но и сравнительно мелкие фигуры, захватывавшие власть на короткие промежутки времени, да и то иногда лишь в отдельных провинциях, а с другой — опущены действительно крупные и мощные фигуры, формально не облаченные в императорский пурпур. Историки, кроме того, уже расставили на всех императорах (и правителях) «знаки качества» и осуществили отбор, концентрируя внимание лишь на отдельных политических фигурах. Когда же поток событий разделяется на несколько «струй», историки обычно следят только за одной, наиболее важной, струей.

Можно сказать, что традиционная история является реставратором, который уже осуществил вложение всех упомянутых в источниках правителей в единый династический поток. Именно эту традиционную реставрацию мы и будем исследовать.

Исследуемый нами параллелизм двух Римских империй наиболее выпукло и доказательно проявляется в длительностях правления императоров. В соответствии с этим наша основная цель будет состоять в анализе только этих длительностей. Однако, после того как параллелизм установлен и математически доказан, естественно,

возникает вопрос о параллелях не только в длительностях, но и в событийной канве истории. Поэтому мы с самого же начала сравниваем не только длительности, но и события. Такой порядок изложения чреват определенным риском, поскольку без предварительного анализа длительностей сравнение событий мало доказательно и часто выглядит очень натянутым. Необходимо соответствующим образом относиться к этим сравнениям и помнить, что они отнюдь не служат доказательственным целям. Лучше всего дважды прочитать следующий ниже текст, первый раз обращая внимание только на длительности. Второй раз к нему следует обратиться после обсуждения этих длительностей и вытекающих из их сравнения утверждений.

В параллельной нумерации правителей империи III мы будем ставить *. Для того чтобы читателю было легче следить за аналогией, мы будем чередовать правителей обеих империй.

Параллельное обозрение деятельности правителей Римских империй

1. ЛЮЦИЙ СУЛЛА. Классические первоисточники называют его «Восстановителем города» — «Restitutor Urbis». Сулла поднялся на вершину власти в результате гражданской войны. После окончания войны с Митридатом он был объявлен вне закона и подлежал казни; однако, располагая обученной армией, Сулла весной 83 г. до н.э. высадился в Брундиции. «После четырехлетнего отсутствия он вновь вступил на землю Италии, которая стала аренной одной из кровопролитных гражданских войн римской истории» ([25], стр.197). Этот год (83- й) является началом победного шествия Суллы к власти, в котором он опирался на свое войско. В 82 г. до н.э. в битве под стенами Рима Сулла разгромил своих противников, и перепуганный сенат назначил его диктатором. В 78 г. Сулла формально отказался от диктаторской власти и вскоре после этого скончался (см. [25], стр.197—202).

Длительность правления Суллы составляет 4 года: с 83—82 гг. до 78 г. до н.э.

1*. ЛЮЦИЙ АВРЕЛИАН. Классические первоисточники называют его «Восстановителем мира» — «Restitutor Orbis». Аврелиан поднялся на вершину власти в результате жестокой войны с готами. «Аврелиан, благодаря своему мужеству и военному таланту, прошел все звания от простого воина до военачальника. Провозглашенный войсками императором (как и Сулла. — *Авт.*), он был признан римским сенатом. В течение пятилетнего правления (270—275 гг. н.э.) Аврелиан не только отбил несколько крупных вторжений в пределы Римской

империи, но и восстановил ее политическое единство, за что сенат преподнес ему почетный титул «Восстановитель мира» ([25], стр.411).

Длительность правления Аврелиана составляет 5 лет: 270—275 гг. н.э.

2. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. После смерти Суллы вновь разгорелась гражданская война. С сулланской администрацией в Риме пытались бороться Юлий Брут и Марк Эмилий Лепид, но их армии были разбиты верными правительству войсками (см. [25], стр.207—208).

Длительность этого периода около года: 78—77 гг. до н.э.

2*. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. После смерти Аврелиана устойчивость государственной власти снова нарушилась. Его преемник Тацит был вскоре убит мятежными солдатами. Власть армии избрала императором префекта гвардии Флориана, а другая иллирийца Проба. После кратковременной борьбы Флориан был побежден (см. [29], стр.446—447).

Длительность этого периода около года: 275—276 гг. н.э.

3. СЕРТОРИЙ. После разгрома войск Брута и Лепида все недовольные сулланским режимом объединились под знаменами Марция Квинта Сертория, блестящего организатора и дипломата, действовавшего в основном в Испании. Создав крепкое войско, Серторий уже с 78 г. встал во главе организованной борьбы с сенатом. Он завязал сношения с понтийским царем Митридатом VI и успешно воевал с Помпеем, пытавшимся восстановить права сената. В 72 г. против Сертория был организован заговор, и он был убит (см. [25], стр.208—209).

Длительность деятельности Сертория составляет 6 лет: 78—72 гг. до н.э.

3*. ПРОБ. «В 276 г. войска провозгласили императором одного из ближайших сотрудников Аврелиана — иллирийца Проба (276—282 гг.) В 282 г. Проб погиб во время бунта воинов (как и Серторий. — *Авт.*), раздраженных тем, что император заставлял их в мирное время воздвигать большие сооружения» ([25], стр.413).

Длительность правления Проба составляет 6 лет: 276—282 гг. н.э.

4. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. Смерть Сертория в 72 г. совпала с временем наибольшего размаха восстания Спартака, с которым Рим вел тяжелую борьбу, завершившуюся в 71 г. разгромом восставших. Борьбу со Спартаком возглавляют полководцы Помпей и Красс, две наиболее яркие фигуры этих лет (см. [25], стр.215).

Длительность этого периода составляет 2 года: 72—71 гг. до н.э.

4*. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. После смерти Проба в 282 г. н.э. снова наступает период смут (см. [26], стр.647—648). В это время

выделяются полководцы Аврелий Карин и Нумериан — две наиболее яркие фигуры этих лет.

Длительность этого периода составляет 2 года: 282—284 гг. н.э.

5. **ПОМПЕЙ ВЕЛИКИЙ.** После смутного периода «...в 71 г. до н.э. оформилась сильная антисенатская коалиция популяров, всадников и двух самых славных военачальников того времени — Помпея и Красса» ([25], стр.215). Историк Рима Саллюстий передает следующие слова народного трибуна Макра:

«Я убежден, что Помпей, этот юный герой, покрытый славой, предпочтет с вашего согласия играть первую роль в государстве, чем делить власть с теми честолюбцами, и что он будет восстановителем трибунской власти» (см. [26], стр.277). Помпей получил роскошный триумф, а в 70 г. н.э. — консульство. Он «провел несколько демократических реформ: восстановил права народных трибунов, расширил состав присяжных и реформировал суд введением в состав судебных заседателей эрарных трибунов» ([26], стр.277). Он был объявлен «первым гражданином» Рима, принцепсом, и потому время его правления называется «принципатом Помпея» (см. [26], стр.275). «Во время его проезда по Италии навстречу ему выходили многочисленные делегации, приветствовавшие победителя. В многочисленных посвященных надписях Помпея осыпали всевозможными похвалами, величая его героем и богом. «Чем больше, — гласила одна из таких надписей, — ты считал себя человеком, тем более ты бог» ([26], стр.279).

На протяжении многих лет Помпей был фактически единоличным диктатором. Его правление закончилось в войне с Юлием Цезарем. «Испанская война была очень упорной, потребовала большого напряжения, и только после многих неудач Цезарю удалось рассеять войско легатов Помпея при Илерде (49 г. до н.э.). По окончании испанской войны Цезарь проездом на восточный театр военных действий заехал в Рим и в ноябре 49 г. в первый раз был провозглашен диктатором» ([26], стр.329). Сенат лишил Помпея всех его полномочий, и Помпей отрекся от власти. Поэтому 49 г. считается концом правления Помпея.

Таким образом, длительность правления Помпея составляет 21 год: 70—49 гг. до н.э.

5*. **ДИОКЛЕТИАН БОЖЕСТВЕННЫЙ.** После смутного периода «...в 284 г. войско провозгласило императором иллирийца Гая Валерия Аврелия Диоклетиана, с приходом к власти которого началась новая эпоха в истории Римской империи — эпоха домината» ([25], стр.413). Диоклетиан, подобно Помпею, провел несколько демократических

реформ: денежную реформу, налоговую реформу, издал эдикт о твердых рыночных ценах и заработной плате, реформировал суд и структуру военного аппарата империи, провел в жизнь крупную административную реформу (см. [26], стр.649—687). Еще при жизни Диоклетиан получил титул «Божественный». «1 мая 305 г. в Никомедии в торжественной обстановке Диоклетиан отрекся от власти» ([25], стр.424).

Длительность правления Диоклетиана составляет 21 год: 284—305 гг. н.э.

6. **СМУТНЫЙ ПЕРИОД.** После низложения Помпея в 49 г. Цезарь вступает в длительный период борьбы за власть, и интервал от 49 г. до 45 г. заполнен битвами гражданской войны, в которой Цезарю и его сторонникам приходится с переменным успехом сражаться в самых разных частях империи. Заключительным аккордом этого смутного периода является битва в Испании в 45 г. Несмотря на то, что в первый раз Цезарь был провозглашен диктатором в 49 г., однако в период гражданской войны 49—45 гг. влияние Цезаря практически не отличалось от влияния его ближайших соратников по войне, это был период, когда Цезарь только еще шел к власти (см. [25], стр.244—247 и [26], стр.330—332).

Период смуты и гражданской войны длился 4 года: 49—45 гг. до н.э.

6*. **СМУТНЫЙ ПЕРИОД.** После отречения Диоклетиана в 305 г. в Империи начинается период смут, который длится все правление Констанция Хлора (305—306 гг. н.э.) и продолжается после его смерти. Он заканчивается в 309 г., когда, наконец, расстановка сил различных Августов окончательно не прояснилась.

Длительность этого периода смут — 4 года: 305—309 гг. н.э.

7. **ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.** После смутного периода 49—45 гг. Цезарь получает, наконец, полную власть. «Битвой при Мунде закончилась гражданская война 49—45 гг. до н.э. Уничтожив вооруженные силы противников, Цезарь оказался полновластным правителем всей Римской державы. По возвращении в Рим Цезарь был объявлен «вечным диктатором» (44 г. до н.э.)» ([25], стр.247). Ранее Цезарь уже получил пожизненно права народного трибуна, а в 46 г. — права цензора. «Таким образом, в его руках сосредоточивались права различных магистратов республики, что делало его власть, по существу, неограниченной» ([25], стр.247). В 44 г. Цезарь был убит заговорщиками.

Длительность правления Цезаря составляет 1 год: 45—44 гг. до н.э.

7*. **КОНСТАНЦИЙ ХЛОР.** В день своего отречения в 305 г. Диоклетиан провозгласил новым Августом Галерия, а его соправитель Максимиан, отрекшись по приказу Диоклетиана от власти, назначил но-

вым Августом Констанция Хлора. Констанций Хлор играл значительно большую роль, чем Галерий в частности, он возвел после себя на трон своего двадцатилетнего сына, Константина, аналогично тому, как Юлий Цезарь усыновил и возвысил девятнадцатилетнего Октавиана. Оба, и Константин и Октавиан, стали знаменитыми Августами. Оба были причислены к полубогам (см. [25], стр.424—426 и [26], стр.667—668).

Длительность правления Констанция Хлора составляет 1 год: 305—306 г. н.э.

8. ТРИУМВИРАТ. После убийства Юлия Цезаря в 44 г. до н.э. начинается длительный период смут, являющийся продолжением периода гражданских войн, во время которого власть перешла к триумвирату в составе Гая Октавиана, Марка Антония и Эмилия Лепида. Этот триумvirат был в 43 г. официально утвержден сенатом, превратившим его тем самым в государственный орган. «Гай Юлий Цезарь Октавиан, до усыновления Гай Октавий, родившийся в 63 г., приходился внучатым племянником Юлию Цезарю, пользовался его расположением и был им усыновлен. В мартовские дни Октавий находился в Греции, в городе Аполлонии, пополняя свое образование и одновременно готовясь к парфянскому походу. Получив известие об убийстве Цезаря и о своем усыновлении, Октавий неожиданно высадился в Италии и заявил свои права на наследство Цезаря. Цицерон приветствовал в его лице защитника республиканской свободы. Антоний же отнесся к девятнадцатилетнему сыну Цезаря с иронией и пренебрежением, как к ничтожному и малоспособному претенденту на наследство великого Цезаря» ([26], стр.351—352). Тем не менее, учитывая силу армии Октавиана и его популярность среди римской аристократии, Антоний был вынужден пойти на переговоры и примирение с Октавианом. Однако примирение было недолгим, и вскоре вспыхнула гражданская война, в ходе которой Октавиан уничтожил всех своих противников и прежних соратников. Заключительным аккордом борьбы Октавиана за власть был разгром флота Антония в морской битве при мысе Акциум. Положение Октавиана постоянно укреплялось вплоть до 27 г. до н.э., который и считается концом «периода триумвиров» (см. [25], стр.249—250 и 289—291).

Этот период смуты и триумвиров длился 17 лет: 44—27 г. до н.э.

8*. ТЕТРАРХИЯ. Галерий, будучи еще соправителем Констанция Хлора, назначил двух новых цезарей: Максимиана Дайю (или Дазу) — цезарем восточных провинций и доверенного военачальника Флавия Валерия Севера — цезарем Италии и африканских провинций. После смерти в 306 г. Констанция Хлора армия провозгласила цезарем Запада

его сына, популярного среди солдат двадцатилетнего Флавия Константина. Галерий же отнесся к сыну Констанция Хлора пренебрежительно и хотел назначить «на место умершего Констанция Хлора Августом Севера, но, учитывая силу галльской армии и популярность среди галльской аристократии Константина, он был вынужден признать его цезарем» ([25], стр.425). Тем самым в 306 г. сложилось правление четырех («тетрархия»). Мирное сосуществование тетрархов длилось недолго, и вскоре вспыхнула гражданская война, в ходе которой Константин уничтожил всех своих противников и прежних соратников. Заключительным аккордом войны явился разгром Константином в 324 г. флота своих противников в морской битве у Адрианополя. С этого момента Константин — единоличный правитель всей Империи. «Сын соправителя Диоклетяна Констанция Хлора, Константин служил (подобно Октавиану. — *Авт.*) в войсках на Востоке и потом в Британии, где он после смерти своего отца в 306 г. был провозглашен императором... Большая часть жизни Константина прошла в борьбе со своими соперниками (Максимианом, Максенцием, Максимином Дазой, Галерием, Лицинием), претендовавшими на верховную власть. В результате многочисленных и упорных стычек и битв Константин в конце концов одолел своих противников и сделался единодержавным правителем» ([26], стр.667—668).

Этот период смуты и тетрархов длился 18 лет: 306—324 г. н.э.

9. ОКТАВИАН АВГУСТ. Окончательно разгромив в морской битве у Акциума своего последнего противника — Антония, бывшего соправителя, а затем смертельного врага, Октавиан в 29 г. до н.э., вернувшись в Рим, отпраздновал триумф. «Однако Октавиан не считал свое положение достаточно упроченным. В качестве цензора он провел «чистку» сената, исключив из него сторонников Марка Антония и других враждебных лиц... В конце 28 г. до н.э. Октавиан объявил, что он тяжело заболел, а после «выздоровления» собрал в январские иды (13 января 27 г.) заседание сената... В ответ на просьбы сенаторов «не оставлять республику» Октавиан заявил о своем непреклонном желании удалиться от государственных дел. Тогда сенат «приказал» Октавиану остаться во главе управления Римской республики, что тот и был «вынужден» сделать. Так, с 13 января 27 г. до н.э. до момента смерти (август 14 г. н.э.) Гай Цезарь Октавиан возглавлял Римскую державу согласно «постановлению» сената» ([25], стр.281—290). «Окончание реформы было ознаменовано тем, что 16 января 27 г. сенат даровал Октавиану титул Августа... (Имя было изобретено, как говорят,

Мунатием Планком Оно означает «освященный богом», «почтенный».) С этого времени и начинается римская империя» ([29], стр.339). «Позднее Август получил звание великого понтифика, то есть верховного жреца города Рима. Август же был объявлен пожизненным проконсулом, а следовательно, командующим всеми римскими вооруженными силами» ([25], стр.291). Таким образом, Август сконцентрировал в своих руках важнейшие функции военной и гражданской власти.

Особой известностью пользуется законодательная деятельность Октавиана Августа. «Издавая новые законы, я старался восстановить многие уже забытые обычаи предков и во многих отношениях поставил себя в пример потомкам», — так, якобы, писал сам Август. (см. [26], стр.403).

Во время борьбы за власть у Октавиана не было постоянной резиденции. После окончания гражданской войны он превращает Рим в новый город, и при нем столица империи становится центром первостепенного значения. «...Все силы и соки страны концентрировались в столице мира... в административном, торговом и культурном центре. При Августе Рим из деревянного и кирпичного превратился в мраморный и подвергся коренной реорганизации: он был разбит на 14 кварталов...» ([26], стр.408).

Важным рубежом в правлении Августа были 23—22 гг., когда ему были предложены диктатура, пожизненное консульство и неограниченная законодательная власть. Такие же предложения были сделаны ему повторно в 19—18 гг. «Сначала Август ежегодно облакал себя консульской властью, впоследствии же (23 г. до Р.Х.) он отказывается от постоянного отправления этой высшей магистратуры; гражданская власть его с тех пор находит свое выражение в трибунской власти, предоставленной ему пожизненно уже после победы над Секстом Помпеем; трибунская власть с тех пор составляет существенную часть власти императора; она возобновляется ежегодно и служит поэтому для счета лет правления С течением времени императору предоставляется все больше и больше особых прав и власти...» ([29], стр.340). Тем самым 23 г. до н.э. знаменует собой начало абсолютной власти Августа, признанной всеми государственными инстанциями империи.

Таким образом, для длительности правления Октавиана Августа имеется два варианта: либо 41 год: с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э., либо 37 лет: с 23 г. до н.э. по 14 г. н.э. Мы фиксируем для дальнейшего исследования оба эти варианта.

9*. КОНСТАНТИН АВГУСТ. Окончательно разгромив в морской битве у Адрианополя своего последнего противника, Лициния, бывшего соправителя, а затем смертельного врага, Константин не должен был искать утверждения сената, поскольку формальным правителем он был уже с 306 г. н.э. Как и Октавиан, Константин был провозглашен сыном бога Солнца. «Все, что имело какое-либо отношение к особе императора именовалось «священным» или «священнейшим»...» ([26], стр.674). Более того, Константина признала «святым» и христианская церковь.

В 333 г. на 27 год формального правления Константина родился, согласно церковной традиции, святой Василий Великий, подобно тому, как на 27 год правления Октавиана родился Иисус Христос (в своем месте мы подробно обсудим личность Василия и обнаружим в его жизни многочисленные параллели с жизнью Иисуса; совпадение дат рождений является только первой из них).

Константин сконцентрировал в своих руках все важнейшие функции военной и гражданской власти. Как писал Евтропий, «Константин, выдающийся человек, стремившийся осуществить все, что только он задумал в своем уме, желая иметь власть над всем миром» (см. [26], стр.668).

Особой известностью пользуется законодательная деятельность Константина Августа. «Накапливавшаяся в течение многих лет масса всевозможных, часто противоречивых, эдиктов была пересмотрена, обобщена и издана в виде отдельных сборников или кодексов, приспособленных для практического руководства юристов и чиновников» ([26], стр.669). «Во время борьбы за власть у Константина (как и у Октавиана. — *Авт.*) не было постоянной резиденции... Неподалеку от малоазиатской Никомедии, столицы августов Диоклетиана и Галерия, на европейском берегу Боспора фракийского, находился древнегреческий город Византий... В него и перенес Константин из Рима столицу Империи и дал ему новое название: Новый Рим — Константинополь» ([25], стр.436). При Константине Новый Рим из деревянного и кирпичного превратился в мраморный город и подвергся коренной реорганизации: была расширена городская территория, осуществлено административное деление, построены роскошные здания, дворцы, стадионы, ипподром, термы и т.д. (см. [25], стр.436).

Длительность правления Константина составляет 31 год: 306—337 гг. н.э.

10. ТИБЕРИЙ. «После смерти Августа, не оставившего прямого наследника... тотчас же встал вопрос о его преемнике. Август усыновил единственного оставшегося в живых члена своей семьи — Тиберию

Клавдия Нерона, сына своей третьей жены... С Тиберия начинается первая римская династия Клавдиев, представленная четырьмя императорами... Тиберий выдвинулся во время германских походов и принимал участие в подавлении восстания в Паннонии. За оказанные государству услуги Август щедро его наградил и назначил своим наследником...» ([26], стр.412). Неопределенность, сложившаяся в вопросе о престолонаследии после смерти Октавиана Августа, привела к тому, что хотя Тиберий и был избран императором, но вынужден был вступить в жестокую борьбу с другими претендентами на трон, в частности, с Германиком и самозванцем Агриппой Постумом (см. [25], стр.299).

Длительность правления Тиберия составляет 23 года: 14—37 гг. н.э.

10*. **КОНСТАНЦИЙ II.** «Смерть Константина (22 мая 337 г.) явилась поводом для новой вспышки ожесточенной борьбы за власть между его преемниками» ([25], стр.438). Как и Октавиан Август, Константин Август не оставил прямого наследника. Он «разделил империю между тремя своими сыновьями и двумя племянниками. Однако завещание было тотчас же нарушено его вторым сыном, Констанцием II, который, захватив новую столицу Империи, Константинополь, истребил семьи двух сводных братьев Константина» ([25], стр.438). Констанций II правил до 381 г., когда он неожиданно умер.

Длительность правления Констанция II составляет 24 года: 337—381 гг. н.э.

11. **КАЛИГУЛА.** Тиберий умер неожиданно: его задушил одеялами префект претория Макрон (см. [26], стр.423). Сенат, префект претория и преторианцы в том же 37 г. объявили преемником Тиберия Младшего из сыновей Германика — Гая Цезаря, по прозвищу Калигула («Солдатский сапог»). «В конце первого года своего принципата Калигула перенес тяжелое заболевание, которое отразилось на его психике и соответственно на политической деятельности. Воображая себя «земным божеством», Калигула считал оскорблением отказ от почитания его изображений» ([25], стр.300). Калигула «заставлял обоготворять не только его самого, но и умершую его сестру Друзиллу, с которой он некоторое время даже находился в связи» ([26], стр.424). Следствием расточительной политики императора явилось оскудение казны. «Среди сенатской аристократии и командного состава преторианской гвардии возник заговор. В январе 41 г. н.э. заговорщики убили Калигулу...» ([25], стр.301).

Длительность правления Калигулы составляет 4 года: 37—41 гг.

11*. **ЮЛИАН.** После неожиданной смерти Констанция II императором стал Юлиан, потомок Констанция Хлора.

В первый период правления Констанция II Юлиан жил в ссылке в Каппадокии. Приближенные советовали Констанцию расправиться с Юлианом; однако последний, окруженный шпионами, вел себя крайне осторожно. Когда на Рейнской границе создалось опасное положение, Констанций отправил Юлиана в качестве цезаря Запада в Галлию. Юлиан, одержав ряд блестящих побед над германскими племенами, вторгшимися в Восточную Галлию, завоевал авторитет в своих войсках и у галльского населения. Слухи о популярности Юлиана встревожили Констанция, и он, не решаясь отозвать Юлиана, приказал ему, под предлогом войны с персами, отправить свои войска из Галлии на Восток. Приказ императора вызвал восстание войск. «Зимой 360 года в Париже войска подняли Юлиана на щит и провозгласили Августом. Юлиан приобрел себе много приверженцев своим энергичным ведением войны и лучшим управлением; он стремился теперь к полной императорской власти и потребовал от Констанция признания совершившегося и очищения западных провинций, особенно галльского диоцеса. Констанций не прервал войны с персами, но и не изъявил согласия на требование Юлиана. Тогда Юлиан решил начать с ним войну и двинулся к границам Иллирика...» ([29], стр.470). Гражданская война была бы, по-видимому, неминуема, если бы не неожиданная смерть Констанция. «Война, исход которой был бы все еще сомнителен при твердости и авторитете Констанция, была теперь беспечельна; Юлиан был признан его преемником во всем государстве» ([29], стр.471).

Юлиан известен в истории своей огромной религиозной деятельностью, хотя сведения о ней весьма и весьма противоречивы. «Приняв пост верховного жреца, Юлиан лично совершал жертвоприношения и гадания по внутренностям убитых животных. Одновременно он стремился облагородить языческий культ и мораль, упорядочить организационную систему жреческих корпораций; он учредил при храмах дома призрения...» ([25], стр.440). Юлиан «объявил о полной свободе и равенстве всех религиозных вероисповеданий» ([25], стр.440). «Высшим источником познания Юлиан считал мистическую интуицию и экстаз, соприкасаясь в этом пункте с восточными религиозными учениями и восточными культами, в особенности с культом солнечного бога Митры...» ([26], стр.713). Христианская церковь окрасила позднее всю деятельность Юлиана в темный цвет, объявив его Апостатом (Отступником), несмотря на то, что «Юлиан издал декрет об амнистии христиан всех толков» ([26], стр.713).

Юлиан известен также как «император-романтик» (см. [25], стр.714). Он «сплотил вокруг себя лучших представителей языческой

интеллигенции. Он был дружен с антиохийским ритором Либанием, его приближенным был историк Аммиан Марцеллин. Он сам писал письма, речи и антихристианские памфлеты. Однако эта энергичная деятельность по восстановлению древней религии и культурных традиций была прервана войной с персами. Весной 363 г. Юлиан лично возглавил римские войска на персидском театре военных действий. Перейдя р.Евфрат, римская армия двинулась в глубину персидских владений и достигла столицы царства Сасанидов Ктезифона, но взять этот большой город штурмом римлянам не удалось. Пришлось снять осаду и начать отход на север... 26 июня 363 г. Юлиан выехал без панциря на передовую линию и был смертельно ранен дротиком» ([25], стр.441). Перед смертью он якобы наполнил руку своей кровью и разбрызгал ее со словами: «Ты победил, галилеянин!».

Длительность правления Юлиана составляет 2 года: 361—363 гг. н.э.

12. КЛАВДИЙ. «В январе 41 г. заговорщики убили Калигулу и попытались склонить сенат провозгласить восстановление республики. Однако против этого решительно выступили преторианцы. Они провозгласили императором Клавдия — дядю Калигулы. Первоначально сенат не желал признавать нового императора, но решительная позиция воинов и поддержка некоторых представителей провинциальной знати заставили сенаторов отказаться от своего намерения восстановить республиканский строй» ([25], стр.301).

«Принципат Клавдия (41—54 гг. н.э.) был временем укрепления системы императорского управления» ([25], стр.301). Через год после воцарения Клавдия, в 42 г., наместник провинции Иллирик Камилл Скрибониан поднял мощное восстание во имя восстановления республики и двинул войска на Рим. «Одновременно в Риме был раскрыт заговор среди части сенаторов, единомышленников Камилла Скрибониана. Клавдий ответил на попытку его свержения репрессиями. Сенаторам был запрещен выезд из Рима, некоторые из них были казнены, другие сосланы» ([25], стр.301). «После неудач 41—42 гг. н.э. недовольная Клавдием римская знать учитывала настроение преторианцев и легионеров, не желавших восстановления республики, поэтому она теперь стремилась не к восстановлению республиканского строя, а к замене Клавдия новым императором... Клавдий был отравлен, а императором был провозглашен его пасынок Нерон» ([25], стр.303).

Длительность правления Клавдия составляет 13 лет: 41—54 гг. н.э.

12*. ВАЛЕНТИНИАН. В 364 г. после недолгого периода смуты императором становится провозглашенный войсками (как и Клавдий) уроженец Паннонии Валентиниан. «Понимая всю сложность

управления огромной державой, Валентиниан назначил соправителем своего брата Валента (304 г.)» ([25], стр.441). «Валентиниан и Валент поделили между собой Империю. Взяв себе западные провинции, Валентиниан поставив Валента правителем Востока» ([25], стр.442). Валент подчинился Валентиниану и правил с ним весь период царствования Валентиниана, с 367 г. н.э. Валентиниану на Западе помогал его сын Грациан.

Через год, после воцарения Валентиниана, «... в 365 г. н.э. в малоазийских провинциях и Фракии вспыхнуло восстание, инспирированное родственником Юлиана Прокопием (аналогом Скрибониана. — *Авт.*). На сторону восставших перешли некоторые воинские отряды, масса колонов и низшие слои ряда городов. Прокопий обратился к вождям многочисленных готских племен, занявших Дакию и земли по северному берегу р.Дуная, и призывал их на помощь. Однако, прежде чем готы вторглись в пределы Римской империи, войска Прокопия были разбиты, а сам он погиб» ([25], стр.442). Одновременно в Риме обнаружили единомышленники Прокопия. Началось жестокое преследование лиц, заподозренных в сочувствии к восстанию; подобно Клавдию, Валентиниан ответил на попытку его свержения репрессиями. Недовольство Валентинианом римской знати и войск «охватило широкие слои населения... в 375 г. Валентиниан неожиданно умер» ([25], стр.442).

Длительность правления Валентиниана составляет 11 лет: 384—375 гг. н.э.

13. НЕРОН. В 54 г. н.э. после смерти Клавдия императором был провозглашен его пасынок Нерон. Сначала Нерон проводил либеральную политику; однако этот период продолжался недолго. «Назревал новый конфликт с аристократией, ближайшим образом вызванный придворными династическими распрями. Серия убийств, преследований и конфискаций, выделяющая Нерона из всех представителей клавдиевой династии, началась с убийства Британика, сводного брата Нерона...» ([26], стр.431). Нерон отличался взбалмошностью и диким нравом. Недостающие денежные средства приобретались императором путем массовых конфискаций, лоборов и вымогательств. «Политика Нерона вызвала недовольство во всех общественных слоях, особенно же среди аристократии и офицерства. В 65 г. был открыт заговор, подготовлявший государственный переворот. Заговорщики предполагали устранить Нерона и возвести на престол Гая Кальпурния Пизона. Среди заговорщиков было много знатных людей и преторианских офицеров. План заговорщиков разделяли Сенека, Тразея, Пет,

Барей Соран и другие видные люди Рима. Часть заговорщиков была казнена, другие высланы из Рима» ([26], стр.437).

Нерон известен также как яростный гонитель христиан. В частности, особенно жестокие репрессии он обрушил на них в связи с пожаром Рима, в котором он обвинил христиан. «Одних, завернутых в звериные шкуры, отдавали на растерзание собакам, других пригвождали к крестам, третьих превращали в смоляные «факелы Нерона» и обмазанных смолой и маслом сжигали на глазах народа» ([26], стр.436).

Положение в Римской империи становилось все более тяжелым, пока, наконец, не вспыхнуло против Нерона восстание, поднятое наместником Аквитании Юлием Виндексом, обратившимся к другим наместникам западных провинций с призывом низвергнуть Нерона. К восстанию присоединились наместники провинций Пиренейского полуострова. «Первоначально Нерон относился беззаботно к восстанию. Он возликовал, когда узнал, что войско Виндекса разбито верхнегерманскими легионами. Однако воины этих легионов также высказались за избрание нового императора» ([25], стр.306). «... Тщетной оказалась также и попытка найти поддержку в придворной охране. Преторианская гвардия вместе с ее начальником Отоном перешла на сторону победителя... После этого у Нерона не оставалось никакого иного выхода, кроме бегства» ([26], стр.438). Оставленный всеми Нерон в 68 г. н.э. покончил жизнь самоубийством.

Длительность правления Нерона составляет 14 лет: 54—68 гг. н.э.

13*. ВАЛЕНТ. После смерти Валентиниана императором остался его соправитель Валент. Деятельность Валента удивительно напоминает деятельность Нерона. Серия убийств, преследований и конфискаций выделяет Валента среди императоров Империи III. Недостающие денежные средства приобретались императором путем массовых конфискаций. Недовольство, вызванное этими действиями, привело к образованию заговора (в точности, как при Нероне) и к восстанию Прокопия (здесь Прокопий уже аналог Виндекса). После усмирения восстания в целях предотвращения других заговоров Валент, подобно Нерону, развернул грандиозную кампанию, жестоко преследуя лиц, на которых падало подозрение. Подозрительность и опасения Валента «создали благоприятную почву для доносчиков. Тысячи людей (в точности, как при Нероне. — *Авт.*) оказывались в тюрьмах, попадали в рудники, теряли имущество из-за ложных доносов...» ([25], с.442).

Валент известен также как яростный гонитель православных христиан (сам он был арианином). Особенно жестокие репрессии он

обрушил на них в связи с заговором в Риме и восстанием Прокопия. (см. [25], с.442).

Положение в Римской империи становилось все более тяжелым, пока, наконец, против Валента не вспыхнуло восстание, поднятое на нижнем Дунае готами которые обратились к западным провинциям с призывом свергнуть Валента. «К ним массами стали присоединяться колонны, рабы с рудников и все недовольные. Восстание охватило провинции Мезию и Фракию. Римские войска были разбиты» ([25], стр.443). Валент во главе своей гвардии вышел навстречу врагам, однако при первом же натиске готов «римляне смешались и побежали. Готы преследовали и избивали их. Во время этого преследования погиб сам император Валент...» ([25], стр.443). Это произошло в 378 г. н.э. (см. также [26], стр.793).

Заметим, что Василий Великий (как мы увидим, аналог Иисуса Христа) был приговорен к смерти при Валенте и по его приказу. Сравнивая это с Евангелиями, мы видим, что Валент является также аналогом царя Ирода. В этой связи интересно, что Иоанн Креститель обличает Ирода в том, что он отбил жену своего брата, причем явно с ее согласия. Тем самым жена брата Ирода, т.е. по аналогии, брата Валента, Валентиниана, оказывается женщиной «с запятнанной репутацией». С другой стороны, аналогом Валентиниана в империи II является Клавдий, жена которого — знаменитая распутница Мессалина.

Длительность правления Валента составляет 14 лет: 364—378 гг. н.э.

14. ГАЛЬБА. Вскоре после смерти Нерона войска провозгласили императором Сервия Сульпиция Гальбу. Новый император сразу вызвал недовольство тем, что жестоко наказывал тех, кто хранил верность Нерону, и тем, что отменил практически все порядки, введенные при Нероне. Когда же Гальба назначил своим преемником одного из знатнейших сенаторов, обманув надежды Сальвия Отона, то Отон составил заговор, и в 69 г. н.э. Гальба был убит (см. [26], стр.789 и [25], стр.308). Правил Гальба около года: 68—69 гг. н.э.

14*. ИОВИАН. Прямой параллели Гальбы в Римской империи III нет. Однако здесь обращает на себя внимание император 363 года Иовиан. Как и Гальба, Иовиан был провозглашен императором войсками. Как и Гальба, Иовиан отменил практически все постановления своего предшественника, чем вызвал всеобщее недовольство (см. [26], стр.793). Правил Иовиан меньше года.

Можно думать, что здесь мы имеем дело с ошибкой хрониста, ошибкой тем более извинительной, что локализация индивидуальных

событий, какими являются кратковременные правления, вообще сопряжена для хрониста с определенными трудностями.

Предположим, что хронист, перечисляя события, описывает, в первую очередь, замечательные события интересующего его исторического периода, обращая, в частности, внимание лишь на крупные и долговременные правления. Закончив же описание крупного блока событий, он в конце приписывает: «а кроме того, в описанное нами время правили еще следующие малозначительные императоры...». При последующих переписываниях и компилированиях хроник этот механизм вызовет именно то, что мы сейчас видим, кратковременное правление окажется помещенным после крупных, долговременных правлений.

Кроме того, можно также отметить, что тройка правлений — Юлиан, Валентиниан, Валент — настолько связана в единое целое, что вклинивание после Юлиана незначительного Иовиана могло представляться хронисту неестественным и нарушающим связанность рассказа.

Отметим, что, как мы увидим, это нарушение параллелизма является единственным.

15. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. После смерти Гальбы на протяжении нескольких месяцев велась гражданская война, во время которой сменилось два временных правителя — Отон и Вителлий (см. [25], стр.309).

15*. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. После смерти Валента на протяжении нескольких месяцев велась гражданская война. Восстание готов и присоединившихся к ним слоев населения охватило большую часть провинций Балканского полуострова. Вестготы опустошили Фракию и двинулись на Рим, но были остановлены Феодосием.

16. ДВА ТИТА ФЛАВИЯ ВЕСПАСИАНА. Летом 69 г. н.э. наместники восточных провинций избрали императором военачальника Тита Флавия Веспасиана, командующего римской армией. Он начал свое правление вместе со своим сыном Титом Флавием Веспасианом. Эта пара — отец и сын — имела совпадающие имена (поэтому историки, чтобы не путать, называют их, без особых оснований, Веспасианом и Титом) и правила вместе (отец на Западе, сын на Востоке). С 79 г. н.э. после смерти отца сын правил единолично до 81 г. н.э. (см. [26], стр.789 и [25] стр.309—310).

Таким образом, длительность правления этого «двойного» Тита Флавия Веспасиана составляет 12 лет: 69—81 гг. н.э.

16*. ГРАЦИАН И ВАЛЕНТИНИАН II (после смерти Валента). После смерти Валента в августе 378 г. н.э. и периода смуты, связанного

с подавлением восстания вестготов, в самом конце 378 г. н.э. восстанавливается прочная власть, которую делят Грациан и Валентиниан II. Грациан правит с 379 г. н.э. до 383 г. н.э. (здесь время правления Грациана отсчитывается от смерти основного правителя, Валента, т.е. от момента, когда Грациан и Валентиниан оказались единственными правителями империи). Валентиниан II правит (после смерти Валента) с 379 г. н.э. до 392 г. н.э. (см. [26], стр.793).

Длительность правления пары Грациан— Валентиниан II составляет 13 лет: 379—392 гг. н.э.

17. ДОМИЦИАН. После смерти Тита в 81 г. н.э. императором стал Тит Флавий Домициан, который сосредоточил в своих руках огромную власть. Домициан требовал, «чтобы в обращениях его называли «господином» и «богом» ([25], стр.313). При нем были построены многие мощные укрепления империи. «Однако римские провинции Балканского полуострова оказались под угрозой. На северном берегу Дуная жили племена даков» ([25], стр.314). Даки на Балканах, объединившись под предводительством Децебала, нанесли пограничным войскам римлян тяжелое поражение. Империя вступила в полосу боев с войсками Децебала на Балканах; Домициан лично возглавил поход против даков. Война закончилась перемирием, не очень благоприятным для Домициана. Однако он добился того, что даки превратились в союзников империи и охраняли ее со стороны Балканского полуострова от других врагов. Заключение этого мирного договора, сыгравшего фундаментальную роль в истории империи, состоялось в 89 г. н.э., т.е. на 8-м году правления Домициана.

Другие военные походы Домициана кончились не так удачно, и в империи стало нарастать недовольство императором, приведшее к внутренним волнениям; вспыхнул, в частности, заговор Сатурнина, направленный против Домициана. Заговор был подавлен; император ответил репрессиями и казнями. В обстановке всеобщего недовольства Домициан умер в 96 г. н.э. (см. [25], стр.316 и [26], стр.789).

Длительность правления Домициана составляет 15 лет: 81—96 гг. н.э.

17*. ФЕОДОСИЙ ВЕЛИКИЙ. Если Домициан пришел к власти после «двойного Тита — Веспасиана», то Феодосий начал властвовать на востоке империи с 379 г. н.э., т.е. еще в то время, когда на Западе правила пара «Грациан — Валентиниан» (см. [25], стр.444 и [26], стр.793).

Подобно Домициану, Феодосий сосредоточил в своих руках огромную власть и, в частности, стоял на вершине церковной власти в империи (хотя богом себя и не называл). При Феодосии римские провинции Балканского полуострова также оказались под угрозой. Готы на Балканах подняли

восстание и нанесли войскам римлян тяжелое поражение. Империя вступила в полосу боев с войсками готов (как и при Домициане, только «даки» теперь называются «готами»). Феодосий Великий подкупил некоторых готских военачальников и с их помощью, внеся раскол в движение повстанцев, смог добиться начала мирных переговоров. Как и Домициан, Феодосий заключил не очень благоприятный для него мирный договор: «по существу, готы как бы образовали полусамостоятельное государство на территории Римской империи» ([25], стр.444). Заключение мирного договора между готами и Феодосием произошло в 386 г. н.э. (см. [25], стр.444), т.е. на 7-ом году правления Феодосия.

Деятельность Феодосия вызвала недовольство им внутри страны, и в империи начались внутренние волнения. Являясь фанатичным христианином, Феодосий своей внутренней политикой вызвал яростные столкновения религиозных масс, провоцировал погромы языческих храмов, «самосуды христианских фанатиков над языческими жрецами и преподавателями» ([25], стр.444). В обстановке всеобщего недовольства Феодосий умер в 395 г. н.э. (см. [25], стр.445 и [26], стр.793).

Длительность правления Феодосия составляет 16 лет: 379—395 гг. н.э.

18. **НЕРВА.** Сразу же после смерти Домициана в 96 г. н.э. императором был избран один из сенаторов — Марк Кокцей Нерва. Этот шаг сената вызвал взрыв недовольства преторианцев и легионеров, что устрасило нового императора и поддерживавших его сенаторов. Для успокоения недовольных «по совету своих приближенных Нерва усыновил наместника верхней Германии Марка Ульпия Траяна (96 г. н.э.)... В течение двух лет (96—98 гг. н.э.) Траян был соправителем Нервы, а после смерти последнего (98 г. н.э.) стал правителем империи» ([25], стр.317).

Длительность правления Нервы составляет 2 года: 96—98 гг. н.э.

18*. **ЕВГЕНИЙ.** На западе империи (т.е. там же, где правил Нерва) сразу же после смерти Валентиниана II к власти пришел Евгений, правивший до 39 г. н.э. (см. [26], стр.793). Все два года своего правления он имел соправителя на Востоке — Феодосия.

Длительность правления Евгения составляет 2 года: 392—394 гг. н.э.

19. **ТРАЯН.** После смерти Нервы в 98 г. н.э. императором стал Траян. «Стремясь восстановить подорванный при Домициане авторитет римского оружия... Траян с первых же месяцев своего правления начал готовиться к большим агрессивным войнам. В 101 г. н.э. он открыл военные действия против Дакии» ([25], стр.318). Отметим, что три

года, от 98 г. до 101 г., являются «пустыми» в деятельности Траяна (о них мало что известно), поэтому представляется естественным говорить о начале фактического правления Траяна лишь со 101 г. н.э. Однако в дальнейшем мы будем, как правило, придерживаться традиционной точки зрения о начале правления в 98 г. н.э.

Предводителем даков являлся энергичный военный вождь Децебел, доставивший уже немало неприятностей Домициану, предшественнику Нервы и Траяна. Большая римская армия в тяжелых боях боролась с этим дакийским вождем, пока, наконец, в 103 г. н.э. (т.е. через 2 года после начала войны) между Траяном и Децебелом не был подписан мирный договор. Децебел воспользовался этим перемирием для того, чтобы укрепить свою армию. Через несколько лет, оказавшись во главе могущественной армии, он нарушает мирный договор и снова нападает на империю; вспыхнувшая заново война заканчивается только через несколько лет.

Для Траяна наступает период затишья, после которого он начинает еще одну войну (третью по счету в его правление), на этот раз с Парфией. Эта война, также длившаяся несколько лет, была проиграна Траяном. Умер Траян в 117 г. н.э. (см. [26], стр.789).

Длительность правления Траяна составляет 19 лет: 98—117 гг. н.э., а с учетом сделанного выше замечания — 10 лет: 101—117 гг. н.э.

19*. **АРКАДИЙ.** После конца правления Евгения (394 г.н.э.) и смерти Феодосия (395 г. н.э.) наступает окончательный раздел Римской империи. Феодосий умер, разделив ее между двумя сыновьями. «Старший из них, Аркадий, получил более богатый и культурный Восток, младший, Гонорий, разоренный Запад. Это было последним и окончательным разделением Римской империи, которая с этого момента перестала существовать как единое государственное целое» ([25], стр.445).

Аркадий, как и Траян, ведет три большие войны. На тех же Балканах он воюет с Аларихом, вождем готов. Аркадий начинает первую войну с Аларихом практически сразу после начала правления (войну ведет полководец Гонория, Стилихон). Большая римская армия (именно римская, так как Стилихон — полководец Рима) борется в тяжелых боях с Аларихом, пока, наконец, в 397 г. (т.е. через 2 года после начала войны) между Аркадием и Аларихом не был подписан мирный договор. Аларих, подобно Децебелу, воспользовался этим перемирием для того, чтобы укрепить свою армию, и через несколько лет, оказавшись во главе могущественной армии, он нарушает мирный договор и снова нападает на империю; вспыхнувшая заново война опять заканчивается только через несколько лет.

Для Аркадия наступает период затишья, после чего он начинает третью войну (на этот раз по-прежнему с Аларихом). Эта война, также длившаяся несколько лет, была проиграна Аркадием. Заметим, что, в отличие от сражений с Децебелом, основные бои с Аларихом происходят около Рима (см. [26], стр.793).

Длительность правления Аркадия составляет 13 лет: 395—408 гг. н.э.

20. АДРИАН. В последние месяцы жизни Траян приблизил к себе родственника своей жены — Адриана, усыновил его и сделал своим преемником (см. [25], стр.322). Получивший власть в 117 г. н.э. Адриан старался не вести войн, но, помимо воли, он постоянно втягивался в военные конфликты. «Ввиду того, что многие римские граждане отказывались от службы в легионах, Адриан стал пополнять ряды легионеров не только за счет жителей провинций, имевших права римского гражданства, но и просто за счет свободных провинциалов. С его времени легионы окончательно потеряли свой «римский» характер, превратившись в разноплеменное войско, вооруженное римским оружием и сохранявшее латинскую речь в качестве служебного языка» ([25], стр.324). Адриан страдал тяжелым заболеванием, был весьма подозрителен, детей не имел. Внезапно заподозрив среди своих ближайших военных сподвижников заговор, он жестоко расправился с ними. История не называет имени руководителя «заговора», а только глухо говорит о заговорщиках «среди высшего командного состава армии» (см. [25], стр.322). Умер Адриан в 138 г. н.э. (см. [25], стр.325 и [26], стр.793).

Длительность правления Адриана составляет 21 год: 117—138 гг. н.э.

20*. ГОНОРИЙ. Подобно Адриану, Гонорий старался не ввязываться в военные конфликты и перекладывал всю тяжесть принятия военных и политических решений на своего брата Аркадия и своего полководца Стилихона.

При Гонории, как и при Адриане, римская армия приходит в упадок. «Римские войска этого времени были уже не похожи на легионы ранней Империи. Хотя название «легионы» и сохранилось, но вооружение и организация римской армии после адрианопольского погрома полностью изменились. Теперь это были отряды наемных воинов, варваров, одетые и вооруженные подобно другим варварским дружинам. Большинство военачальников были племенными вождями варваров, имевшими римские воинские звания. Такие наемные отряды казались правителям империи более надежными при подавлении волнений угнетенных масс Империи, чем армия, укомплектованная из среды низших слоев общества» ([25], стр.446). Эту цитату можно

смело переставить с приведенной выше в связи с Андрианом цитатой из того же учебника, находящейся на 122 страницы ранее: ничего не изменится.

Обращает на себя внимание в рассматриваемом контексте указание на «адрианопольский погром». Хотя автор учебника [25] имеет здесь в виду разгром римских войск при Валенте под Адрианополем в 378 г., но тем не менее в свете всех уже обнаруженных совпадений появление имени «Адриан» в описании событий правления Гонория едва ли случайно.

Гонорий, как и Адриан, страдал тяжелым заболеванием, был слабоумен, детей не имел (см. [25], стр.449 и [22], стр.33). Заподозрив своего лучшего полководца Стилихона, так много сделавшего для защиты империи во время войн с Аларихом, в подготовке заговора, он предательски убил его в 408 г.

Длительность правления Гонория составляет 28 лет: 395—423 гг. н.э.

21. АНТОНИН ПИЙ. После смерти Адриана в 138 г. н.э. императором был провозглашен Тит Аврелий Антонин Пий. Несмотря на то, что Антонин стремился сохранить мир с соседями империи, при нем велись многочисленные войны: с даками, с германскими племенами, на Востоке и т.д. Военные операции велись Антонинам с большим искусством. Несмотря на наличие большого числа противников, он умело оборонял империю, заключал мирные договоры, талантливо использовал свои войска и разногласия между своими врагами. Во внутренней политике Антонин проявил себя изворотливым государственным деятелем, успешно борющимся с неустойчивым положением империи, часто вспыхивавшими бунтами и волнениями, охватывавшими и сам Рим. Многие мероприятия Антонина были направлены поэтому на завоевание расположения низших слоев общества: большие раздачи продуктов во время голодных волнений, ограничение прав господ по отношению к своим рабам и т.д. (см. [25], стр.325, а также [26], стр.789).

Длительность правления Антонина Пия составляет 23 года: 138—161 гг. н.э.

21*. АЭЦИЙ. После смерти Гонория императором Западной империи был провозглашен шестилетний Валентиниан III, формально находившийся под опекой матери Плацидии. Однако «эта неспособная интриганка попала под влияние... полководца Аэция, варвара по рождению, быстро выдвинувшегося благодаря своим способностям и беззастенчивому честолюбию» ([22], стр.33). Аэций был официально признан опекуном малолетнего императора (см. [26], стр.757).

На протяжении многих лет, от 423 г. до 444г., Аэций был единовластным правителем империи. «Он получил титул патриция,

три раза получал звание консула; ему было вручено главное начальство над всеми военными силами империи. Он ими ловко пользовался прежде всего для защиты государства» ([22], стр.34).

В первые же годы своей власти Аэций подавил попытки сопротивления со стороны других претендентов на трон, и до совершеннолетия Валентиниана III никто не оспаривал его прав на руководство государством. Правивший в это время на востоке империи Феодосий II был с политической точки зрения совершенно ничтожной фигурой. «Подобно малому ребенку, он проводил свое время в рисовании, в раскрашивании или переписывании рукописей, за что получил прозвище «Каллиграф»...» ([30], стр.24).

Не в силах сдержать движение Атиллы, Феодосий II «пошел на уступки, заплатил одновременно 6 тыс. фунтов золота и, признав себя вассалом гуннского хана, согласился на уплату ежегодной дани в 700 фунтов золотом и уступил часть территории» ([26], стр.757). Атила двинулся с Востока на Запад, и Аэций был принужден вступить с ним в борьбу. Аэций, как и Антонин, вел военные операции с большим искусством; несмотря на наличие большого числа противников, он умело оборонял империю, заключал мирные договоры и т.д.

Во внутренней политике Аэций проявлял большую изворотливость, стремясь снискать расположение самых различных слоев населения римских городов. Несмотря на многочисленные военные победы, Аэций предпочитал тонкие дипломатические приемы грубой силе оружия.

Пока Валентиниан III был молод, Аэций беспрепятственно осуществлял руководство империей, но по мере того, как Валентиниан взрослел, власть постепенно стала переходить к нему. Это определило крайне натянутые отношения между Аэцием и Валентинианом, который имел все основания опасаться своего популярного опекуна.

Первый раз Валентиниан попытался сбросить опеку Аэция в 432 г. в возрасте 15 лет, но Аэций без особого труда отбил нападение и восстановил свою власть. Он снова был назначен главнокомандующим, и «в качестве такового он некоторое время занимал первое место в западном государстве» ([29], стр.484).

Второй мощный удар по влиянию Аэция был нанесен в 437 г. в связи с восстанием багавдов. Опека была снята, и Валентиниан III впервые стал, хотя лишь только формально, полноправным императором. Этот момент Валентиниан постарался зафиксировать усилением своего положения внутри государственного аппарата империи: «... в 437 г. он прибыл в Константинополь, чтобы обвенчаться

с Евдокией, дочерью императора» ([29], стр.485). Константинополь был официальным центром империи и тем самым, породнившись с константинопольской властью, Валентиниан III утвердил свое положение официально признанного императора. Правда, фактическая власть по-прежнему оставалась у Аэция.

Концом правления Аэция следует, по-видимому, считать 443—444 гг., ознаменованные восстаниями в Испании. Это был период неудач для римской армии, возглавляемой Аэцием, авторитет которого держался на его военных успехах. Несмотря на всю ловкость Аэция, Империя в это время окончательно потеряла Британию, часть Африки и многие другие провинции. В 445 году Атиллы, объединивший к тому времени под своим руководством все гуннские племена, обращается к Валентиниану III, требуя руки его сестры Гонорин, уже как к единственному правителю Рима. Хотя позднее, в 451 г., Аэций разбил Атиллу, на некоторое время обезопасив от него империю, все же утраченного в 444 г. влияния Аэций уже не вернул никогда и вскоре был убит Валентинианом.

Таким образом, длительность правления Аэция составляет 21 год: 423—444 гг.н.э. Второй вариант — 14 лет: 423—437 гг. н.э.

22. МАРК АВРЕЛИЙ. После Антонина Пия власть получает его приемный сын Марк Аврелий, соправительствуя со вторым приемным сыном Антонина, Люцием Вером. «Фактически же правил империей старший из них, Марк Аврелий (161—180 гг. н.э.)» ([25], стр.326). Люций Вер был номинальным командующим восточной армии; однако, он всецело подчинялся своему старшему брату и его полководцам. Во всяком случае даже формально правление Люция Вера было ограничено востоком империи (см.[25], стр.327).

«С самого начала своего правления Марк Аврелий и его соправитель столкнулись с рядом серьезных внешнеполитических и внутренних затруднений, превративших почти весь период их принципата... во время жестоких войн и экономического оскудения» ([25], стр.326). На восточных границах империи вспыхнула тяжелая война с Парфией, войсками которой руководил знаменитый царь Вологаз. Для обороны империи на Восток были переброшены легионы из всех частей страны. Упорная война с Вологазом шла с переменным успехом; однако в результате нескольких побед Аврелий заключил с Вологазом мирный договор, впрочем, окончательно империю не обезопасивший. На Дунае вспыхивает новая война с кочевыми племенами, прорвавшими римские пограничные укрепления и опустошавшими империю. После напряженной борьбы Марк

Аврелий смог оттеснить вторгшиеся племена, но в это время неожиданные осложнения на Востоке снова переместили центр тяжести военных действий в восточные провинции империи. Затем опять маятник качнулся обратно, и варвары снова вторглись в северные районы Италии. Волны варварских нашествий не давали Аврелию покоя практически на протяжении всего его правления (см. [25], стр.328).

Длительность правления Марка Аврелия составляет 19 лет: 161—180 гг. н.э.

22*. ВАЛЕНТИНИАН III. Отобрав власть у Аэция, Валентиниан III соправительствует с Феодосием II, который правит на Востоке, Феодосий II моложе Валентиниана III и полностью ему подчиняется, не играя никакой роли в политической жизни империи. Подобно Люцию Веру, Феодосий II умирает раньше своего старшего соправителя (см. [25], стр.326—327).

Точно так же, как и его аналог, Марк Аврелий, Валентиниан III столкнулся с рядом серьезных внешнеполитических и внутренних затруднений, превративших весь период его правления во время жестоких войн и экономического оскудения. При Валентиниане III (как и при Марке Аврелии) шла тяжелая война на востоке империи, только Валентиниан III воюет не с Вологазом, а с еще более знаменитым Аттилой. Упорная война с Аттилой шла с переменным успехом и была очень затяжной. В конце концов с Аттилой был заключен мирный договор, но и это не обезопасило империю. В империю вновь вторгаются кочевые племена, и войны, как и при Марке Аврелии попеременно ведутся то на Западе, то на Востоке. Умер Валентиниан III в 455 г.н.э (см. [22], стр.38).

Длительность правления Валентиниана III составляет 18 лет: 437—455гг. н.э., а по другому варианту — 11 лет: 444—455 гг. н.э.

После Марка Аврелия в империи II и после Валентиниана III в империи III снова наступают смутные и тяжелые времена. Если до этого времени в империи III Восток и Запад еще жили более или менее едиными интересами, то отныне разрыв делается почти полным. Восточные императоры того времени (Маркиан, Лев, Зенон и Анастасий), занятые своими проблемами, не обращают внимания на гибнущий и разлагающийся Запад, который, в свою очередь, не имеет ни сил, ни желания обращать свои взоры к Востоку. Окончательно порывает с Западом Анастасий (см. [30], стр.27).

23. КОММОД. После смерти Марка Аврелия у власти остался его сын и наследник, Марк Коммод (до вступления на престол носивший имя Люций), который был назначен своим отцом соправителем (со

вручением всех прав императора) еще в 176 г. и который до 180 г. делил с отцом власть (см. [29], стр.405). Он «сначала продолжал начатую отцом войну, но вскоре, не достигши целей, поставленных его отцом, заключил мир...» ([29], стр.405). Правление Коммода характеризуется наличием при нем большого числа временщиков. Первым из них был префект гвардии Переннис, имевший большое влияние при дворе Коммода. Однако вскоре Переннис был убит, и расположение Коммода перехватил Клеандр, которого сменил Эклект. Большое влияние на Коммода имела также христианка Марция (см. [29], стр.406). Коммод умер в 192 г. н.э.

Длительность правления Коммода составляет 16 лет: 176—192 гг. н.э., а по другому варианту — 12 лет: 180—192 гг. н.э.

23*. РЕЦИМЕР. После смерти Валентиниана III в 455 г. выдвинулся талантливый полководец и главнокомандующий войсками империи Рецимер, приобретший огромное влияние в Риме. В это время на императорском троне происходит чехарда императоров, быстро сменявшихся друг за другом (аналоги временщиков при Коммодe). Первоначально императором стал Петроний Максим (аналог Перенниса), но уже через три месяца он был убит, и его место занял Мецилий Авит (аналог Клеандра). Через несколько месяцев «Рецимер, главнокомандующий, восстал против него, разбил его при Плацентии и заставил его отказаться от престола... Рецимер стал теперь самым могущественным лицом в западном Риме» ([29], стр.487). Рецимер менял временщиков на троне как пешки; это была единственная фигура, власть которой держалась не только на признанном всеми авторитете, но и опиралась на войска, находившиеся в полном его подчинении (см. [29], стр.487—490).

После Авита Рецимер возводит на трон другого временщика, Флавия Юлиана Майориана (аналога Электа), которого через некоторое время сам же и отстраняет от власти, после чего Майориан был убит. Затем «Рецимер возвел на престол Либия Севера, который вне Италии, однако, не был признан...» ([29], стр.488). После смерти Севера в 465 г. на Западе два года не было императора, пока, наконец, восточный император Лев не прислал (с согласия Рецимера) занять пустующий престол патриция Прокопия Антемия. Антемий пытался выйти из подчинения Рецимеру, но потерпел поражение и в 472 г. был убит. Рецимер провозгласил императором Олибрия, но вскоре умер (см. [29], стр.489—490).

Длительность правления Рецимера составляет 16 лет: 456—472 гг. н.э.

24. ПЕРТИНАКС. После смерти Коммода на престол был возведен Публий Гельвий Пертинакс. Он был признан войсками и империей, но положение его было очень тяжелым ввиду общей неустойчивости политического и военного положения и из-за отсутствия денежных средств. Пертинакс был убит через несколько месяцев в 193 г.н.э. (см. [29], стр.406—407).

Длительность правления Пертинакса составляет около трех месяцев (менее года).

24*. ОЛИБРИЙ. После смерти Рецимера Олибрий недолго удержался у власти: слишком неустойчиво было внутреннее положение империи (см. [29], стр.490).

Длительность правления Олибрия — несколько месяцев (менее года).

25. ДИДИЙ ЮЛИАН. После смерти Пертинакса на престол был возведен Марк Дидий Север Юлиан. Одновременно с Дидием Юлианом императором был провозглашен также Децим Клодий Альбин. Дидий был убит через несколько месяцев (см. [29], стр.407).

Длительность правления Дидия Юлиана менее года.

25*. ГЛИЦЕРИЙ. После смерти Олибрия императорским тронм завладел Глицерий. Одновременно с ним императором был объявлен Юлий Непот. Глицерий был взят в плен и низложен в 474 г. н.э (см. [29], стр.490).

Длительность правления Глицерия менее года.

26. КЛОДИЙ АЛЬБИН. Был провозглашен императором одновременно с Дидием Юлианом в 193 г. н.э. Через несколько месяцев Альбин вступил в сношения с Септимием Севером, который в это время шел к власти в Риме (Альбин находился в Британии). Чтобы устранить Альбина, Север усыновил его, пообещав ему престолонаследие. Альбин согласился и сдал знаки императорского достоинства (см. [29], стр.407).

Длительность правления Альбина менее года.

26*. ЮЛИЙ НЕПОТ. Был провозглашен императором одновременно с Глицерием, но через несколько месяцев был низложен (см. [29], стр.490).

Длительность правления Юлия Непота менее года.

27. ПЕСЦЕННИЙ НИГР (Нигер). Был провозглашен императором в 193 г. В следующем, 194 г., был разбит Севером и низложен (см. [26], стр.790 и [29], стр.407).

Длительность правления Нигра около года: 193—194 гг.н.э.

27*. РОМУЛ АВГУСТУЛ. Был провозглашен императором своим отцом Орестом в 475 г. В следующем, 476 г., был разбит Одоакром и низложен (см. [26], стр.794 и [29], стр.490).

Длительность правления Ромула Августула около года: 475—476 гг. н.э.

28. СЕПТИМИЙ СЕВЕР. Был провозглашен императором в 193 г. в Паннонии и сразу же вступил в борьбу с Песценнием Нигром, которого он и низложил, разгромив его войска. Нигр бежал и вскоре собрал новую армию, завладев Азией и Египтом, но снова был разгромлен Севером и убит. Соглашение Севера с Альбином действовало до 196 г., когда Альбин вновь провозгласил себя императором. Но в 197 г. в упорной и кровопролитной битве Север разгромил Альбина и тем самым оказался единодержавным правителем Империи (см. [29], стр.408).

«Север был сильным государем. Его правление является крупным переломом во многих отношениях. Это был разумный и добросовестный правитель. Он развил далее основы государственности...» ([29], стр.409). Север правил империей уверенно и благоразумно, подавляя внутренние волнения. Во время правления Севера была одна крупная война — с парфянским царем Вологазом IV, с которым Север вел длительную и трудную борьбу на Востоке. Затем Север был вынужден подавлять северные пограничные народы, что тоже явилось тяжелой задачей. «После тяжелой борьбы он их победил, но они поднялись вновь. Во время приготовления ко вторичному походу против них император умер в Эбораке (Йорк) 4 февраля 211 г. по Р.Х.» ([29], стр.410).

Длительность правления Севера составляет 18 лет: 193—211 гг. н.э.

29*. ОДОАКР. Одоакр был предводителем германских герулов (наемников в римской армии) и многих других групп, враждебных Риму. Он был провозглашен императором в 476 г. н.э. «По германскому обычаю Одоакр был поднят своими дружинниками на щит и провозглашен императором. Поставленный перед свершившимся фактом, восточный император Зенон признал его своим соправителем. Одоакр получил в управление Италию с титулом римского патриция» ([26], стр.760).

Отметим, что Одоакр — германский военачальник, а его аналог — Септимий Север провозглашается императором в Германии (Паннонии).

Сразу же после воцарения Одоакр был вынужден вступить в борьбу с Орестом, отцом Ромула Августула, фактически правившим от имени своего сына. Орест был разгромлен Одоакром и убит. После отождествления Ореста с Ромулом Августулом аналогия с парой Нигр— Север становится полной.

«С воцарением Одоакра западно-римская империя закончила свое существование. Но это не означает исчезновения Римской империи вообще. (О непрекращающемся единстве государства при Одоакре и Теодорихе см. Mommsen, Hermes XXXII)... Одоакр был признан окончательно правителем Италии и выполнял все императорские функции» ([29], стр.491).

Как и Север, Одоакр был благоразумным и добросовестным правителем. Его правление, подобно правлению Севера, явилось крупным переломом в истории Рима; после периода гражданских войн и развала власти он на какое-то время сплотил вокруг себя здоровые силы империи. Во время своего правления Одоакр вел одну, но тяжелую войну с Теодорихом. Война шла с переменным успехом; в одной из битв Одоакр был разбит, но вскоре успех вновь склонился на сторону Одоакра (см. [29], стр.493). Однако, когда участие в войне приняли другие народы, Одоакру пришлось сдаться. Было решено, что он станет соправителем Теодориха, но в 493 г.н.э. Одоакр был убит.

Длительность правления Одоакра составляет 17 лет: 476—493 г.н.э.

29. КАРАКАЛЛА. Придя к власти, Септимий Север назначил своим соправителем старшего сына Бассиана, прозванного Каракаллой. Север выступал как наследник рода Антонинов и для того, чтобы формально войти в этот род, он применил механизм посмертного усыновления и дал Бассиану имя Марка Аврелия Антонина. Тем самым Септимий Север и его сын (оба незнатного рода) причислили себя к знати империи (см.[29], стр.408).

Каракалла принимал самое деятельное участие в правлении государством и безжалостно устранял со своей дороги лиц, желавших склонить на свою сторону симпатии Септимия Севера. Так, когда в 203 г. н.э. большое влияние приобрел Публий Фульвий Плавтиан, «он был убит старшим сыном и соправителем императора (т.е. Септимия Севера. — Авт.) Каракаллой, его собственным зятем, обвинившем его в покушении на жизнь императора» ([29], стр.410). После смерти Севера в 211 г.н.э. Каракалла остался единственным фактическим правителем Западной империи, хотя формально разделил власть со своим братом Публием Септимием Гета. Оба брата «ненавидели друг друга и внесли непримиримый раздор в войско и двор, так что подумывали даже о делении государства» ([29], стр.410). В конце концов Каракалле удалось убить брата, и он окончательно укрепился на престоле.

Каракалла вел многочисленные военные операции, время от времени перераставшие в опустошительные войны. Внутренняя политика Каракаллы отличалась достаточной гибкостью. Например, он «даровал полное гражданское право всем общинам империи (212 г.)» ([29], стр.410). Тем самым, права римского гражданства распространились на все свободное население Западной империи. Каракалла долго боролся с пограничными народами на Дунае и с парфянами. Он был жесток и основой своего правления сделал

военную силу, хотя в то же время разложил армию подкупам, что, как следствие, повлекло ослабление дисциплины. В 217 г. Каракалла начал готовить поход против парфян, но в самый разгар этой подготовки, он умер.

Длительность правления Каракаллы составляет 24 года: 193—217г.н.э., а в другом варианте — 6 лет: 211—217 гт.

29*. ТЕОДОРИХ ВЕЛИКИЙ. Теодорих был соправителем Одоакра, что соответствует аналогии: Теодорих — Каракалла и Одоакр — Север. Однако в паре Одоакр — Теодорих первый рано умирает, и Теодорих в действительности соправительствует с Анастасием, императором Востока.

После смерти Одоакра в 493 г. Теодорих был не сразу признан государственным аппаратом империи, «император Анастасий, преемник Зенона, призвал его только в 497 г. после Р.Х.» ([29], стр.494). Теодорих получил «в пределах своего государства, как уполномоченный императора, императорскую власть. *Италия управлялась при нем по римскому праву и в формах традиционной администрации*» ([29], стр.494).

Правление Теодориха на западе империи сопровождалось постоянными трениями с восточным его соправителем, Анастасием, неоднократно перераставшими в военные столкновения. Как и Каракалла, Теодорих вел многочисленные военные операции, время от времени переходившие в опустошительные войны (см. [29], стр.495—496).

Внутренняя политика Теодориха (как и политика Каракаллы) отличалась большой гибкостью. Основав Остготское королевство в Италии, он покровительствовал наукам и искусствам и (в точности, как Каракалла) уравнивал в правах иностранцев с римлянами. Как и власть Каракаллы, «власть Теодориха была основана на его военной силе...» ([29], стр.495). Как и Каракалла, он заботился о своих войсках путем широкой системы подкупа. В 526 г. Теодорих начал готовить поход против варваров, но в самый разгар этой подготовки он умер.

Длительность правления Теодориха составляет 29 лет (497—626 г.н.э.) или в другом варианте (с года смерти Одоакра) — 33 года: 493—526 г.н.э.

На Теодорихе заканчивается Западная Римская империя (наша Империя III). Она перестает существовать как единый государственный организм с единым аппаратом власти. На его аналоге, Каракалле, заканчивается Империя II, также фактически прекратившая (на полстолетие) свое существование в качестве единого государственного организма.

Границы аналогии

Подчеркнем, что хронологические рамки обеих Римских империй устанавливаются как четко выделенные периоды, независимо друг от друга и до проведения каких-либо сравнений.

Рассмотрим, скажем, начало Империи II. По традиции, обычно считают, что период Римской империи открылся правлением Октавиана. Вместе с тем сами же историки отмечают, что нет никакой ни принципиальной, ни формальной разницы между правлением Октавиана и, скажем, Суллы. «...Сулла заложил основу новой политической организации. По характеру своей диктатуры и по методам правления он был предшественником Помпея, Цезаря и Октавиана (Августа)... *История императорских учреждений и императорской власти начинается с Суллы*, разворачивается при Помпее и Цезаре, достигая своего полного развития при Августе и его преемниках» ([26], стр.238).

Таким образом, мы видим, что выбор начала Империи II от Суллы вполне оправдан.

Аналогично дело обстоит и с концом Империи II. Со смертью Карагаллы в 217 г. начался период, характеризуемый как «политическая анархия середины III века» (см. [25], стр.406). После кратковременного правления вольноотпущенника Макрина власть переходит в руки родственницы Карагаллы, Юлии Месы, имевшей двух сыновей. Она возводит на престол старшего Вария Авита Бассиана, принявшего имя Марка Аврелия Антонина и вошедшего в историю под именем Элагабала (Гелиогабала). Этот император строил храмы, совершал богослужения (как жрец Солнца) и устраивал торжественные процессии. Он прославился невероятным расточительством и за 4 года своего правления вызвал общее презрение и ненависть. В 222 г. Элагабал был умерщвлен солдатами, и императором стал Александр Север (222—235 гг.) — нерешительный и мягкий человек, бывший послушным орудием в руках Юлии Месы и ее дочери Мамен. Внутреннее и внешнее положение государства было крайне неустойчиво. В 231 г. вспыхнула война на Востоке с персами, а в 234 г. Александр Север и Юлия Меса были вынуждены отправиться на германскую границу, где вспыхнул мятеж, в результате которого Юлия Меса и Александр Север были убиты. Императором был провозглашен фракиец Максимин, начавший службу простым солдатом (см. [25], стр.404—406).

Замечательно, что нечто аналогичное происходит в конце империи III после смерти Теодориха в 526 г., когда начался период тяжелых

внутренних войн, характеризуемый как «Политическая анархия середины VI века». Непосредственно после смерти Теодориха власть переходит в руки его дочери Амаласунты (аналог Юлии Месы) при формальном правлении ее сына Амалариха (аналога Элагабала). Правление Амалариха продолжалось 5 лет (526—531), и он, подобно Элагабалу, был умерщвлен солдатами. После Амалариха на престол поднимается Аталарих, имеющий много сходства с Александром Севером (например, при нем фактически правит Амаласунта, как при Севере правила Юлия Меса). Однако считать Аталариха полным аналогом Александра Севера трудно, поскольку правил он только 3 года (531—534). Быть может, в личности Александра Севера объединились двое — Аталарих и Теодогад, племянник Теодориха, ставший после 534 г. соправителем Амаласунты. Через некоторое время после смерти Амаласунты к власти приходит готский вождь Тотила, которого можно рассматривать как аналог Максимиана.

Мы видим, таким образом, что аналогия продолжается за хронологические рамки Империй II и III, постепенно сходя на нет.

Любопытно, что определенное сходство наблюдается и между периодами, непосредственно предшествующим Империям II и III. В Империи III это период максимального углубления кризиса и политической анархии (240—270), когда за власть отчаянно борются так называемые «солдатские императоры». Аналогично, время с 104 по 82 г. до н.э. — это период максимальной политической анархии в Римской республике, сопровождаемый отчаянной борьбой за власть популяров и оптиматов. В точности так же, как и в начальном периоде Империи III, мы видим здесь чехарду временных правителей и соправителей, марионеток и военачальников-узурпаторов. Государство сотрясается в это время непрерывными восстаниями подчиненных племен и рабов (в 104 г. до н.э. восстание Сальвия, в 103 г. до н.э. восстание в Афинах, несколько позже восстание Савмака, и — уже после Суллы — восстание Спартака). Совершенно такую же картину мы видим и в начале Империи III: восстания Постума, Ингенция, Региллиана, Цельса и многих других (см. [25], стр.411).

Само по себе это сходство легко объяснимо: в обоих случаях государство рождается в кровавой купели гражданских войн и восстаний, но в соединении со всеми другими аналогиями оно приобретает определенный вес.

Обсуждение аналогий

Перечислим основные факты, выяснившиеся в нашем параллельном обзоре династических потоков Империй II и III.

1. Оба потока начинаются крупными политическими фигурами, имеющими одно и то же имя (Люций) и похожие почетные титулы (Restitutor Urbis и Restitutor Orbis).

2. Оба потока заканчиваются крупными политическими фигурами, памятными в последующих поколениях практически идентичными акциями (дарованием гражданских прав всему свободному населению).

3. В обоих потоках периоды соправительств практически совпадают. Официально-коллективные соправления (триумvirаты и т.п.) в одном потоке налагают на официально-коллективные соправления (тетрархии и т.п.) во втором.

4. Подробности биографий аналогов-императоров иногда поразительно совпадают. Правда, иногда сопоставление представляется определенно натянутым, а иногда совпадения деталей биографий и вообще нет.

Возникает вопрос: случаен ли этот параллелизм двух династических потоков, скрыта ли под ним какая-то объективная реальность или он представляет собой простую игру стохастических феноменов?

При ответе на этот вопрос биографические аналогии и совпадения нам помочь не могут и не только потому, что о степени их проявления можно спорить, но и главным образом потому, что в колоссальном многообразии окружающих человека событий всегда, по-видимому, можно подобрать для любых двух людей в чем-то сходные факты их биографий. (Ярким примером такого подбора является нашумевшее недавно сходство обстоятельств, окружающих убийства двух президентов США — Линкольна и Кеннеди.)

Замеченный нами (или, точнее, Морозовым) параллелизм биографий императоров двух династических потоков приобретет серьезное значение только тогда, когда мы сможем его «взвесить и измерить», оценить численно и показать, что он не случаен. После этого, и только после этого, сходство биографических деталей приобретет вес и будет служить дополнительным, не столько объективным, сколько субъективно-психологическим аргументом.

На этом основании мы сосредоточим наше внимание на основной, числовой, характеристике правителя — длительности его правления. Это число к тому же представляется наиболее надежной харак-

теристикой, не подверженной влиянию идеологических, политических и религиозных установок летописцев и составителей историй.

Поэтому прежде всего мы соберем вместе всю информацию о длительности пребывания у власти правителей (и их соправителей) обоих династических потоков.

Параллельный список правителей Империй II и III

№ п/п	Имя	Длительность правления	Традиционное время правления
1	Люций Сулла	4 года	82—78 гг. до н.э.
1*	Люций Аврелиан	5 лет	270—275 гг. н.э.
2	Смутный период	менее 1г.	78—77 гг. до н.э.
2*	Смутный период	менее 1г.	275—276 гг. н.э.
3	Серторий	6 лет	78—72 гг. до н.э.
3*	Проб	6 лет	276—282 гг. н.э.
4	Смутный период	2 года	72—71 гг. до н.э.
4*	Смутный период	2 года	282—284 гг. н.э.
5	Помпей Великий	21 год	70—49 гг. до н.э.
5*	Диоклетиан Божественный	21 год	284—305 гг. н.э.
6	Смутный период	4 года	49—45 гг. до н.э.
6*	Смутный период	4 года	305—309 гг. н.э.
7	Юлий Цезарь	1 год	45—44 гг. до н.э.
7*	Констанций Хлор	1 год	305—306 гг. н.э.
8	Триумvirат	17 лет	44—27 гг. до н.э.
8*	Тетрархия	18 лет	306—324 гг. н.э.
9	Октавиан Август		
	Первый вариант	41 год	27 г. до н.э.—14 г. н.э.
	Второй вариант	37 лет	23 г. до н.э.—14 г. н.э.
9*	Константин Август	31 год	306—337 гг. н.э.
11	Калигула	4 года	37—41 гг. н.э.
11*	Юлиан	2 года	361—363 гг. н.э.
12	Клавдий	13 лет	41—54 гг. н.э.
12*	Валентиниан	11 лет	364—375 гг. н.э.
13	Нерон	14 лет	54—68 гг. н.э.
13*	Валент	14 лет	364—378 гг. н.э.
14	Гальба	1 год	68—69 гг. н.э.
14*	Иовиан	1 год	363—364 гг. н.э.
15	Смутный период	менее 1г.	69 г. н.э.
15*	Смутный период	менее 1 г.	378 г. н.э.

16	Два Тита Флавия Веспасиана II	12 лет	69—81 г.н.э.
16*	Грациан и Валентиниан	11 13 лет	379—392 г.н.э.
17	Домициан	15 лет	81—96 г.н.э.
17*	Феодосий Великий	16 лет	379—395 г.н.э.
18	Нерва	2 года	96—98 г.н.э.
18*	Евгений	2 года	392—394 г.н.э.
19	Траян		
	Первый вариант	19 лет	98—117 г.н.э.
	Второй вариант	16 лет	101—117 г.н.э.
19*	Аркадий	13 лет	395—408 г.н.э.
20	Адриан	21 год	117—138 г.н.э.
20*	Гонорий	28 лет	395—423 г.н.э.
21	Антонин Пий	23 года	138—161 г.н.э.
21*	Азций		
	Первый вариант	21 год	423—444 г.н.э.
	Второй вариант	14 лет	423—438 г.н.э.
22	Марк Аврелий	19 лет	161—180 г.н.э.
22*	Валентиниан III		
	Первый вариант	18 лет	437—455 г.н.э.
	Второй вариант	11 лет	444—455 г.н.э.
23	Коммод	16 лет	176—192 г.н.э.
23*	Рецимер	16 лет	456—472 г.н.э.
24	Пертинакс	менее 1 г.	193 г.н.э.
24*	Олибрий	менее 1 г.	472 г.н.э.
25	Дидий Юлиан	менее 1 г.	193 г.н.э.
25*	Глицерий	менее 1 г.	473—474 г.н.э.
26	Клодий Альбин	менее 1 г.	193 г.н.э.
26*	Юлий Непот	менее 1 г.	474 г.н.э.
27	Песценний Нигр	1 год	193—194 г. н.э.
27*	Ромул Августул	1 год	475—476 г.н.э.
28	Септимий Север	18 лет	193—211 г.н.э.
28*	Одоакр	17 лет	476—493 г.н.э.
29	Каракалла	24 года	193—217 г.н.э.
29*	Теодорих Великий		
	Первый вариант	29 лет	497—526 г.н.э.
	Второй вариант	33 года	493—526 г.н.э.

Мы видим, что длительности правлений императоров-аналогов, как правило, совпадают, или почти совпадают. Для наглядности всю ситуацию можно изобразить графически.

Графики длительностей

Отложим на горизонтальной оси длительности правлений, соправлений, смут и т.д., а на вертикальной — номера от 1 до 29. Длительности правлений Империи II отложим налево, а Империи III — направо. Получающиеся графики изображены на рис. 1.

Мы видим, что графики практически зеркально-симметричны. Отдельные отклонения от симметричности не влияют на общую качественную картину явления.

В общих математических терминах поставленный выше вопрос можно теперь переформулировать следующим образом.

Имеется две последовательности чисел, состоящие из 29 членов. Каждое число является результатом некоторой вероятностной выборки, независимой от всех остальных (сколько лет правит один император не влияет на то, сколько лет правит следующий). Может ли случайно оказаться так, что эти две последовательности имеют вид, изображенный на рис. 1.

Достаточно так поставить вопрос, чтобы ответ стал очевидным: нет, не могут. Вероятность случайного совпадения двух независимых последовательностей по 29 позициям настолько мала, что всерьез принимать ее в расчет нельзя. Каждый человек, даже не знающий математики, бросив один взгляд на оба графика, скажет: «Случайно такое сходство возникнуть, конечно, не могло. Обязательно должны быть какие-то причины».

Должен существовать какой-то механизм, коррелирующий эти две последовательности, связывающий их друг с другом. Существование такого механизма, безусловно, утверждается как математикой, так и здравым смыслом.

Конечно, математика ничего не говорит о том, какой этот механизм. Ясно только, что в рамках традиционной истории найти его не представляется возможным.

Объяснение коррелированности двух потоков, предложенное Морозовым, мы обсудим в следующем параграфе.

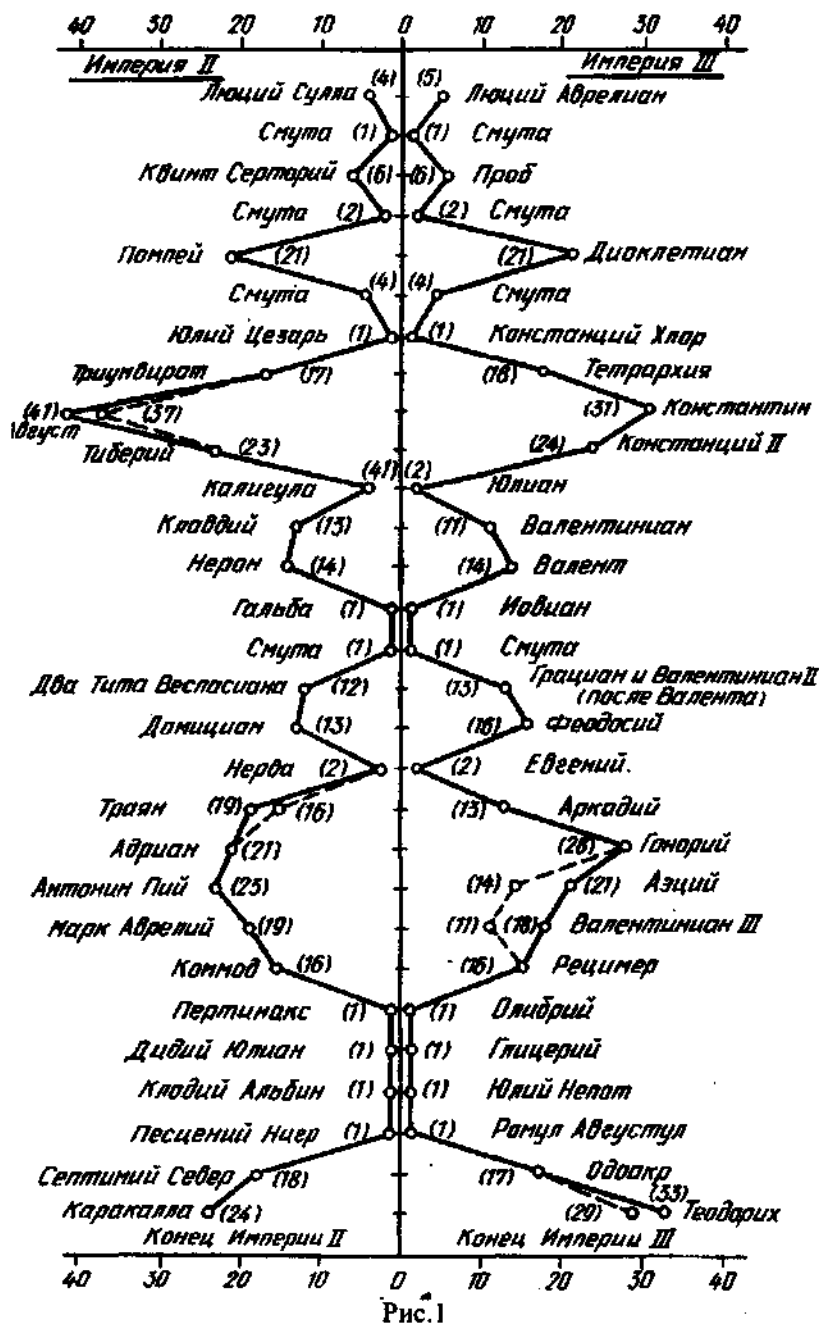

Рис.1

§ 2. Призрачность Римской империи II

Объяснение Морозова

Морозов полагает (и мы не видим другого объяснения), что история империи II скомпилирована с истории Империи III, так что самостоятельное существование имела лишь последняя, а империя II является только ее фантомной тенью.

Естественно, что в процессе компилирования из империи III в империю II должны были перейти не только длительности правлений, но и отдельные события (в той мере, в какой они были зафиксированы летописцем). И, действительно, мы видели в §1, что такого рода параллелизм достаточно отчетливо выражен.

Имена и прозвища

Как же оказалось возможным это компилирование и тем самым создание волшебной сказки об Империи II? Чтобы понять это, нам нужно предварительно разъяснить некоторые вопросы об употреблении имен в древности.

Неверно думать, что имена — это простые звуковые отметки для отличия одного лица от другого. На самом деле роль имени сложнее и глубже. «Личное имя — пароль, обозначающий принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу» ([93], стр.20). Из-за этого возникают параллельные системы личных имен (официальное имя, домашнее имя, школьное прозвище и т.п.).

У многих народов имена меняются с возрастом. В средние века была широко распространена смена имен при изменении статуса (при вступлении на военную службу, при постриге и т.п.). Часто люди имели несколько имен для употребления в различных ситуациях. Например, «царь Иван III имел имя Тимофей; царь Василий III был Гавриил, царевич Дмитрий (убитый в Угличе) — не Дмитрий, а Уар; одно имя царское, другое — церковное» ([93], стр.22).

Наблюдая огромное значение имени в обществе, но не понимая действительных причин, люди в прошлом приписывали имени божественную силу, «и примитивные суеверия и могущественные религии мистифицировали имя» ([53], стр.22).

Наши современные имена, как правило, не имеют самостоятельного значения; в системе русского языка они бессмысленны. Это объясняется их иноязычным происхождением (в основном из греческого и латинского языков). Однако в исходном языке они имели значение. Этот факт теперь общеизвестен: в популярных книгах и

журналах постоянно печатаются «этимологические словарики имен», в которых разъясняется их первоначальный смысл («Александр» — «Защитник людей», «Филипп» — «Любитель лошадей» и т.п.). Поэтому на этом нам останавливаться нет нужды.

В древности, однако, дело обстояло иначе. Каждое имя имело смысл и давалось неспроста. Имя могло характеризовать какое-нибудь качество человека, иметь магическое (защитное) значение, напоминать о каком-нибудь важном событии (например, о военной победе, одержанной носителем имени) и т.п. Роль и значение имени (или, точнее, имен) сильно зависели от социального статуса его носителя. Для нас особенно важны имена правителей (царей, императоров и т.п.), и поэтому мы ограничимся рассмотрением только их.

В первую очередь обращает на себя внимание многочисленность имен правителей (скажем, для определенности, римских императоров). Многие из этих имен мы теперь воспринимаем как часть титулатуры (Божественный, Счастливый, Святейший, Великий, Заступник народа, Потрясатель Вселенной и т.п.), но это только потому, что мы знаем их перевод. Скажем, для Суллы оба имени Люций (Светлейший) и Феликс (Счастливый) были вполне равноправны.

Многочисленность имен объясняется их магической силой: естественно, что чем имен больше, то тем сильнее их магия. Одной из документально зафиксированных форм лести при обращении к правителю было изобретение нового имени, подчеркивающего и магически усиливающего какое-нибудь приятное качество.

Естественно, что противники (скажем, соперники в борьбе за власть) такого рода магически-благоприятных имен не использовали, а так как единых имен не было, то им приходилось выдумывать новое имя, магически-вредное.

При внедрении имени в чуждую языковую среду (например, латинского имени императора в странах греческого языка) имя редко оставалось прежним, поскольку привычки к именам без ясного значения еще не было. Как правило, имя калькировалось, т.е. осуществлялась передача прежнего этимологического значения средствами иного языка (современные примеры: украинка Надя стала в Канаде носить имя Хоуп, а француз Руа — имя Кинг; см. [93], стр.24). Иногда, напротив, жертвовали этимологическим значением, подыскав сходно звучащее имя другого языка (современные примеры: украинец Макогон превратился в Канаде в Мак-Магона, а русский Антонышин — в Интонейшен; см. [93], стр.25). Наконец, возможен и третий механизм: изобретение совершенно нового имени на базе местного материала.

Через несколько столетий уже бывает трудно разобраться, являются ли два имени (особенно на разных языках) именами одного человека или разных. Единственно, что может здесь помочь, — это смысловой перевод, но и это не всегда помогает.

Во всяком случае, нужно положить за правило обязательно переводить все имена и доискиваться до их смысла. Без этого, как мы увидим во втором томе, никакое осмысленное исследование древних документов невозможно.

Причины компилирования

По-видимому, нет сомнения, что где-то в конце III — начале IV века на территории Средиземноморья сложилось крупное военно-теократическое государство, известное ныне нам как Империя III. В различных частях этой многонациональной и многоязычной империи хронисты-летописцы составляли своды текущих событий. Их записи отражали в основном местные события, а правителей они называли своими местными, локальными именами-прозвищами.

Когда через несколько столетий в связи с ростом влияния папского Рима возникла необходимость подкрепить его притязания на мировое господство в религиозной и светской сфере ссылками на прошлое могущество и на этой основе начались попытки создания его истории, хроники, описывающие одно и то же время, но созданные в разных местах и на разных языках, были приняты за описания различных правлений и были расположены последовательно во времени.

Так создалось представление об Империи II, являющейся на самом деле лишь тенью, отброшенной Империей III в прошлое.

Конечно, это не был одномоментный процесс. Все раннее средневековье было временем разнообразнейших представлений о прошлом, в которых крупица правды терялась в широком потоке легенд и мифов. Даже в XIV веке Петрарка (см. гл. I, § 3) столкнулся с хаосом противоречивых легенд, хотя основы некоего унифицированного представления к тому времени были уже заложены. Дальнейшее развитие этого унифицированного представления тщанием амплификаторов и фальсификаторов и привело к общепринятой теперь картине жизни Империи II. На самом же деле этой империи никогда не было.

Естественно, что это лишь весьма грубая и приблизительная схема: чтобы полностью понять механизм создания мифа об Империи II необходимо более детально изучить период его создания и глубже проанализировать происходившие в то время процессы. Тем не менее

этот механизм представляется нам единственной возможностью объяснения параллелизма между обеими империями.

Кстати говоря, обращает на себя внимание разница в общей длительности Империй II и III: Империя II продолжалась 299 лет, а Империя III — только 256 лет, на 43 года меньше.

Дело здесь в том, что в Империи III имеется довольно много пар параллельных императоров-соправителей (а в Империи II их совсем нет). Достаточно расположить императоров последовательно, и 43 лет как не бывало. Но почему это было сделано? Можно предложить несколько достаточно правдоподобных объяснений. Простейшее состоит в том, что первые хронисты в своих рассказах о соправителях не позаботились подчеркнуть одновременность. Следующие же историки приняли последовательно расположенные рассказы за изложения событий, следующих друг за другом по времени. Другое, возможно, более правильное, объяснение см. ниже.

Модельный пример

Быть может, полезно разъяснить объяснение Морозова на примере из новейшей истории. Даем слово самому Морозову:

«Вот перед нами была Австрийская империя XIX века. Она состояла из двух частей: немецкой Австрии со столицей Веной (Вин) и мадьярской Венгрии со столицей Будапештом, а к этой паре присоединилась еще и славянская Босния-Герцеговина. В этой империи царствовал с 1848 года Франц-Иосиф и жил почти всегда в своем венском дворце, а в будапештский приезжал лишь временами. Австрийские немцы считали его своим королем, венгерские мадьяры — своим и, наконец, присоединенные герцеговинцы — своим князем.

Войска его состояли и из немецких, и из мадьярских, и из славянских полков. Каждая из трех частей жила своей собственной внутренней жизнью, имела свою собственную экономическую и гражданскую эволюцию. Внешняя торговля и другие экономические отношения шли у каждой части особо в зависимости от географического положения, и только представительства перед иностранными державами, до войны, были общими, хотя и сами три части не раз воевали друг с другом.

Представьте себе, что какой-нибудь венгерский летописец написал историю Венгрии на мадьярском языке, где называл Франца-Иосифа просто Иосифом, а какой-нибудь немецкий летописец в Тироле написал на немецком языке историю Австрии (т.е. Тироля с Веной), где называл Франца-Иосифа просто Францем, обозначая время, как и первый, лишь по годам его царствования.

Представим затем, что то же самое сделал и какой-нибудь боснийский монах на славянском языке, называя его по-своему — Франциском.

Вообразим затем, что вся наша современная литература о событиях XIX в. погибла в каком-нибудь общественном или стихийном перевороте и каким-то чудом сохранились только эти три манускрипта.

Потом культура началась снова с младенческого возраста, и некий «историк» лет через триста нашел эти документы... При страстном желании узнать как можно более из истории погибшей культуры он невольно поддался бы стремлению принять Франца, Франциска и Иосифа за трех государей, один из которых царствовал над Тиролем, другой — над Венгрией, а третий — над Боснией-Герцеговиной.

Когда это было? Он отметил бы, что каждый из них имел отношение и к двум остальным странам. Большие различия в культуре каждой описанной страны легко могли подать ему мысль, что тут имеется дело с тремя периодами культуры той же самой Придунайской империи, которая целиком называлась Австрией, и он написал бы научный трактат под названием «Три периода Австрийской культуры: первый — Австрия под славянским владычеством Франциска I, второй — Австрия под мадьярским владычеством Иосифа I, третий — Австрия под немецким владычеством Франца I».

В названиях, упоминаемых тремя летописями городов, он тоже легко бы спутался. Так, венгерская столица Буда-Пешт состоит из Пешта на правом берегу Дуная и Буда против него, который по-немецки называется Офен. Если у немецкого летописца Буда-Пешт назван бург-Офен, у венгерского — просто Буда, а у славянского — град Пест, то, восстановив один на его реальном месте, историк стал бы искать другие в других местах и из одного и того же взятия Будапешта после венгерского восстания сделал бы три: взятие града Песта Франциском I (еще до тех пор, как он стал боснийским властелином), взятие Буда Иосифом I при венгерской династии и, наконец, взятие Офена Францем I при немецкой династии. Относя этимологически и географически Буду в Венгрию, он стал бы искать и, при сильном желании, нашел бы Офен где-нибудь в немецких странах, например, приняв бы его за город Гоф в Баварии и т.д.

Точно то же вышло бы и с другими географическими названиями, даже и с самой Веной, которая по-славянски называлась Ведынь, а по-немецки — Вин.

В результате такого соединения друг с другом трех разноязычных и разномастных историй царствование одного и того же Франца-

Иосифа оказалось бы историей трех различных царей и в трех разных странах, и в царствованиях их не оказалось бы ничего общего, кроме созвучия некоторых имен, вроде Франц и Франциск, Вин и Вена, да еще того, что время царствования их всех оказалось бы исключительно долгим, около 67 лет» ([6] стр.959—961).

Последователи этого историка, увлеченные открывающимися перед ними возможностями, создали бы теорию преемственного развития культуры, искусства, общественных учреждений этой «трехчленной империи». Специалисты-хронологи разместили бы все события на временной шкале, и эта хронологическая сетка вошла бы в учебники. По этим учебникам стали бы изучать историю следующие поколения ученых, причем вполне возможно, что они бы уже не знали имени первого историка, осуществившего реконструкцию, и даже бы не задавались вопросом о ее происхождении. Все вопросы хронологии также считались бы давно и окончательно решенными.

Следующим этапом в изучении этой империи явились бы археологические раскопки, которые, конечно, в основном подтвердили бы факт существования трех культур, а значит, и хронологию. От отдельных вскрывавшихся при раскопках нелепостей специалисты отмахивались бы, как от «курьезов». Все бы происходило точь-в-точь, как это происходит на наших глазах с историей Рима.

О полных династических потоках Римской империи

Произведенное сравнение династических потоков Империй II и III, в котором мы следовали в основном Морозову, может вызвать возражение в том, что в нем было сделано предварительное препарирование этих потоков: например, некоторые кратковременно правившие императоры были внесены в список под самостоятельными номерами, а другие, столь же мимолетные, объединены в единой рубрике «смутный период». Можно сказать, что было произведено сравнение не полных потоков, а лишь некоторых их «струй». Обсудим же этот вопрос подробнее.

Династический поток Римской Империи III отличается крайней запутанностью и, можно сказать, сумбурностью. Почти на каждом отрезке времени мы находим в нем кратковременных, мелькнувших, как метеоры, императоров, претендентов, самозванцев, на время захвативших власть, соправителей, соперников и т.д. и т.п.

Начинается эта империя с плеяды т.н. «галльских императоров», история которых «крайне запутана» ([29], стр.446). Оказывается, что мы знаем об этих императорах в основном по монетам, данные

которых противоречат друг другу (и, более того, утверждают существование в 270 г., скажем, императора Домициана). Тем не менее подлинность этих монет сомнений у историков, по-видимому, не вызывает.

Последним галльским императором был ТЕТРИК, богатый землевладелец, провозглашенный императором в 270 г. в Галлии. Власть Тетрика никогда не распространялась на территории вне Галлии и никогда не была очень устойчивой. Он тайно искал помощи у Аврелиана, а когда в 273 г. Аврелиан появился на территории Галлии, Тетрик безоговорочно перешел на его сторону (см. [26], стр.446).

Вслед за Тетриком идет уже известный нам АВРЕЛИАН. Во время краткого смутного периода после Аврелиана промелькнули, как тени, императоры ТАЦИТ и ФЛОРИАН, которых сменил ПРОБ. В двухлетний период смут, наступивший после Проба, кроме уже известных нам КАРИНА и НУМЕРИАНА, императором был также их отец КАР. У Карина оспаривал власть САБИН ЮЛИАН, но безуспешно. Карин был лишен власти Диоклетианом.

В 286 г. ДИОКЛЕТИАН объявил своим соправителем МАКСИМИАНА с титулом Августа. В 293 г. Диоклетиан сделал своим соправителем также ГАЛЕРИЯ с титулом цезаря, и одновременно Максимиан провозгласил цезарем Констанция ХЛОРА. В 286 г. восстал командующий флотом КАРАУСИЙ, захватил Британию и объявил себя императором. В 293 г. объявляет себя императором префект претория АЛЛЕКТ, убивший Караусия. В 305 г. Диоклетиан и Максимиан отрекаются от власти и Августами становятся Галерий и Хлор. Галерий назначает цезарями МАКСИМИНА ДАЙЮ и ФЛАВИЯ СЕВЕРА. В 306 г. после смерти Хлора Галерий назначает Севера Августом и под давлением войск — цезарем сына Хлора КОНСТАНТИНА. В 307 г. в Италии происходит восстание, в результате которого цезарем провозглашается сын Максимиана, МАКСЕНЦИЙ. Воспользовавшись ситуацией, Максимиан снова провозглашает себя Августом, но вскоре под давлением Диоклетиана опять уходит в частную жизнь. Еще до этого Максимиан и Максенций заключают союз с Константином и объявляют его Августом. Этот титул вынужден признать и Галерий. В это же время Августом становится и Максимин, а Галерий назначает Августом Валерия ЛИЦИНИЯ. В 308 г. в Африке провозглашается императором АЛЕКСАНДР, оспаривавший власть у Максенция. Все эти многочисленные Августы ожесточенно боролись за власть с переменным успехом. Однако к 313 г. вперед вырвались двое: Константин на Западе и Лициний на Востоке. В 313 г. они заключили

союз, но уже в следующем году борьба между ними разгорелась вновь. Она продолжалась до 324 г., когда, наконец, Лициний был разгромлен Константином и убит. С этого года Константин — единоличный правитель империи.

После смерти Константина, кроме уже известных нам КОНСТАНЦИЯ II и КОНСТАНАТА, за власть боролся их старший брат КОНСТАНТИН II, но он в скором времени потерпел неудачу и был убит. Тем не менее для власти Констанция II мы наряду с основным вариантом (337—361) должны ввести в рассмотрение и второй вариант (340—361) — после смерти Константина II. Как мы уже знаем, Констант был убит МАГНЕНЦИЕМ (350—353).

После Констанция идут уже известные нам ЮЛИАН, ИОВИАН, ВАЛЕНТИНИАН I, ВАЛЕНТ и ГРАЦИАН. При этом для правления Грациана опять возникают два варианта: основной с началом в 367 г. и дополнительный с началом после смерти Валента и смуты 378 г. Аналогично правление Валентиниана II можно считать начавшимся либо в 375 г., либо в 379 г.

Грациан был убит мятежными солдатами, которые провозгласили императором МАГНА КЛЕМЕНТА МАКСИМА. Сначала Максим достиг больших успехов, но в 388 г. его войска были разгромлены, и он был убит. Несколько позже был убит и его сын ФЛАВИЙ ВИКТОР, которого Максим еще в 384 г. объявил императором-соправителем.

Далее идут известные нам ФЕОДОСИЙ, ЕВГЕНИЙ, АРКАДИЙ и ГОНОРИЙ. С Гонорием успешно воевал вождь готов Аларих, в 410 г. захвативший и разграбивший Рим. По его приказу в 409 г. был объявлен императором префект города Приск АТТАЛ. Но Аттала не оправдал ожиданий Алариха и в 410 г. был им смещен. В 414 г. в Галлии Аттала вновь попытался объявить себя императором, но без особого успеха.

В этот период на западных окраинах империи, как грибы, появляются и исчезают многочисленные «императоры», у историков нет единого мнения ни о их числе, ни о их именах. В [29], стр.480, упоминаются под 407 г. два мимолетных императора в Британии — МАРК и ГРАЦИАН II, и сменивший их император КОНСТАНТИН III, удержавшийся на престоле до 411 г., когда он был разбит военачальником Гонория, Констанцием. Рядом с Константином провозгласил себя императором ИОВИН с братом СЕБАСТИАНОМ (где-то около 410 г.), удержавшийся до 413 г. В Африке объявил себя императором ГЕРАКЛИОН (409 (?) — 413).

В 421 г. Гонорий объявил Августом КОНСТАНЦИЯ, но это не нашло поддержки в Константинополе. К тому же через семь месяцев

после этого Констанций скончался. После смерти Гонория в 423 г. власть получил некий ИОАНН. Но он не был признан на Востоке, да и на Западе он отнюдь не пользовался всеобщей поддержкой. «Поэтому, когда Феодосий возвел Платидию, получившую титул Августы, и ее сына Валентиниана III на престол с помощью войска, Иоанн был быстро побежден» ([29], стр.482).

На этом мы прекратим описание династического потока империи III, поскольку картина теперь достаточно ясна.

Впрочем, не нужно забывать, что вся эта сложность создана в основном усилиями новейших историков в результате сопоставления и обобщения различных источников. Старинный хронист, живший, скажем, в Никоидии, нимало не интересовался ни одним из императоров в Милане и, скорее всего, даже не знал об их существовании. Поэтому его хроника была существенно проще.

Таким образом, следует ожидать, что фантомное отражение одной из хроник, известной нам как история Римской Империи II, будет также сравнительно простым. И действительно, династический поток Римской Империи II по сравнению с потоком Империи III отличается правильностью и регулярностью. Практически весь этот поток оказывается одной-единственной струей изоморфной некоторой (одной из многих) струи династического потока Империи III. Это служит еще одним подтверждением правильности реконструкции Морозова.

Вместе с тем можно ожидать, что другие, возникшие в другом месте, струи потока империи III реализуются в истории какого-нибудь другого «древнего» государства. В следующем томе мы увидим, что дело обстоит именно так.

Заключение

Лишив империю II права на самостоятельное существование, мы одновременно выбиваем почву из-под ног Республиканского Рима и связанной с ним Древней Греции. Мы уже видели выше, что письменные источники этих времен доверия не внушают и очень часто заведомо подложны. Теперь же мы можем с уверенностью утверждать, что все т.н. «античные сочинения» являются апокрифами, поскольку они трактуют о событиях в никогда не существовавших государствах.

Произведенное в гл. 2 исследование древних затмений показывает, что наиболее ранней хроникой, в которой описано однозначно датированное затмение, является хроника Гидация, трактующая как раз о событиях империи III. Таким образом, никаких достоверных

письменных источников по истории Средиземноморья до IV в. н.э. у нас на самом деле нет.

Что касается памятников материальной культуры (зданий, скульптур и т.п.), то сами по себе они независимо не датируются, но, конечно, любая связная историческая схема должна объяснить, когда, скажем, были построены Парфенон и Колизей. Следует также подробнее объяснить, как, когда и почему создалось представление о Республиканском Риме и Древней Греции: ясно ведь, что на пустом месте выдумать такое невозможно.

Мы всем этим займемся позже, в третьем томе, а сейчас обратим внимание, что наш вывод об отсутствии письменных источников был, по-видимому, слишком поспешен: кроме латинско-греческих документов в нашем распоряжении есть по меньшей мере клинописные памятники Двуречья и иероглифические памятники Египта.

Мы подробно рассмотрим этот вопрос также в третьем томе, а пока лишь заметим, что особенно рассчитывать на, скажем, иероглифические тексты не приходится, поскольку нет иероглифических документов, которые мы могли бы датировать без подсказок наших предшественников, знавших еще меньше нас. Исключением являются Дендерские Зодиакы (см. гл.5), но как раз они оказываются весьма поздними.

Но у нас есть еще и другой источник информации, заведомо древний: это Библия. Стиль и слог Библии явно указывают на ее древнее происхождение, а пизтет, питаемый к ней как к Священному писанию, гарантирует относительную неизменность ее текста при многочисленных переписываниях.

Нашей задачей в следующем томе будет исследование Библии с целью вычленил из нее достоверную информацию о древних временах Средиземноморья.

§ 3. Династический поток римских епископов

Материал этого параграфа принадлежит А.Т.Фоменко и А.С.Мищенко.

Введение

Наряду с династическим потоком римских императоров в нашем распоряжении имеется еще список последовательных римских епископов (которые только в XI веке приняли титул пап). В свете полученных выше результатов следует ожидать, что епископы до IV века списаны с более поздних епископов. В этом параграфе мы покажем, что дело обстоит именно так.

Полный список римских епископов, начинающийся со св. Петра, имеется в «Хронологических таблицах» Блера (см. [20]). Его можно найти также в [5], на стр.445—451 и в [53], на стр.312—318.

Этот список начинается девятью фигурами, которые большинство историков признают фантастичными: «Мифичность римских епископов до 120 г.н.э. признается и протестантскими богословами...» ([53], стр.312). Даже старичок Блер пишет: «До истечения сего (первого. — *Авт.*) столетия и в продолжении нескольких следующих лет в сей колонке (имеется в виду список-столбец епископов. — *Авт.*) представляется величайшая неизвестность» ([20], табл.13).

Поэтому анализ списка римских епископов мы начнем с 140 г.н.э., то есть со времени, когда согласно ортодоксальной истории церкви уже полностью сложилось христианское учение (первая «Анология в пользу христиан» издается (?) Юстином-мучеником якобы в 139 г.; см. [20], табл.14), и доведем его до 532 г., то есть до времени, когда после смерти Теодориха в 526 г. римская часть империи ввергается в пучину смут и тяжелых войн. Этот, подчеркнем, вполне естественный интервал разбивается на две части 314 годом, т.е. годом издания Миланского эдикта, впервые признавшего христианство на официально-государственном уровне.

Мы проведем параллельное сравнение римских епископов с 140 г. по 314 г. (Первый епископат) и с 314 г. по 532 г. (Второй епископат). За недостатком места и информации («фактически достоверные сведения о римских епископах имеются лишь с III в. н.э...» [53], стр.312) мы, как правило, будем указывать только длительность правления.

Параллельный список римских епископов

1. СВ.ПИЙ. Во время его понтификата «император Антонин пресекает гонения на христиан» ([20].табл. 14).

Длительность понтификата св.Пия 16 лет: 141—157 гг.

1*. СИЛЬВЕС. Во время его понтификата император Константин пресекает гонения на христиан (Миланский эдикт 314 г.).

Длительность понтификата Сильвестра 22 года: 314—336 гг.

2. СВ.АНИКЕТ. Длительность понтификата 11 лет: 157—168гг.

2*. ЮЛИЙ I. Длительность понтификата 17 лет: 336—353 гг.

Юлию предшествовал кратковременный (8 мес.) епископ Марк.

3. СВ.СОТЕР. Длительность понтификата 9 лет: 168—177 гг.

Имя Сотер означает «Спаситель».

3*. ЛИБЕРИЙ. Длительность понтификата 15 лет: 352—367 гг.

Имя Либерий означает «Освободитель».

4. СВ.ЕЛФЕРИЙ. Длительность понтификата 15лет: 177—192гг.

4*. ДАМАС. Длительность понтификата 18 лет: 367—385 гг.

5. СВ.ВИКТОР. Длительность понтификата 9 лет: 192—201 гг.

5*. СИРИЦИЙ. Длительность понтификата 13лет: 385—398 гг.

6. ЗЕФИРИН. Длительность понтификата 18 лет: 201—219 гг.

6*. ИННОКЕНТИЙ. Длительность понтификата 15лет: 402—417 гг.

Между Свирцием и Иннокентием мы пропустили епископа Анастасия I, понтификат которого длился 4 года: 398—402 гг. В качестве второго варианта мы присоединим его к Иннокентию. Тогда суммарный понтификат Анастасия—Иннокентия будет составлять 19 лет: 398—417 гг.

7. КАЛИКСТ. Длительность понтификата 5лет: 219—224 гг.

7*. БОНИФАЦИЙ I. Длительность понтификата 5 лет: 418—423 гг. Бонифацию предшествовал кратковременный епископ Зосим.

8. УРБАН. Длительность понтификата 7 лет: 224—231 гг.

8*. ЦЕЛЕСТИН I. Длительность понтификата 9 лет: 423—432гг.

9. ПОНТИАН. Длительность понтификата 5 лет: 231—236 гг.

9*. СИКСТ III. Длительность правления 8 лет: 432—440 гг.

10. ФАБИАН. Длительность понтификата 15 лет: 236—251 гг.

Фабиану предшествовал кратковременный (1 мес.) епископ Ансер.

10*. ЛЕВ I. Длительность понтификата 21 год: 440—461 гг.

11. СМУТНЫЙ ПЕРИОД. Это период кризиса III в., когда в Риме один за другим сменяются солдатские императоры. Государственному кризису соответствует церковный: за восемь лет сменилось пять епископов:

Корнелий — 2 года: 251—253 гг.

Новациан (антипапа) — менее 1 года: 252 г.

Люций — 2 года: 253—255 гг.

Стефан — 2 года: 255—257 гг.

Сикст II — 2 года: 257—259 гг.

Длительность этого периода 8 лет: 251—259 гг.

11*. ИЛАРИЙ. Понтификат этого епископа приходится на время Рецимера, сменявшего один за другим марионеток-императоров. Мы не выясняли, каково в то время было положение в церкви.

Длительность понтификата Илария 6 лет: 461—467 гг.

12. ДИОНИСИЙ. Длительность понтификата 12 лет: 259—271гг.

12*. СИМПЛИЦИЙ. Длительность понтификата 16 лет: 467—483 гг.

13. ФЕЛИКС I. Длительность понтификата 4 года: 271—275 гг.

13*. ФЕЛИКС II. Длительность понтификата 9 лет: 483—492гг.

14. ЕВТИХИАН. Длительность понтификата 9 лет: 275—284гг.

14*. ГЕЛАСИЙ I. Длительность понтификата 4 года: 492—496гг.

По-видимому, здесь допущена путаница: Феликс II должен быть аналогом Евтихиана, а Геласий I — аналогом Феликса I. Возможно, впрочем, что перепутаны длительности понтификатов.

15. КАИЙ. Длительность понтификата 13 лет: 283—296 гг.

15*. СИММАХ. Длительность понтификата 16 лет: 498—514гг.

Симмаху предшествовал пропущенный нами епископ Анастасий, понтификат которого длился 2 года: 496—498 гг.

16. МАРЦЕЛЛИН. Длительность понтификата 8 лет: 296—304гг.

16*. ГОРМИЗДА. Длительность понтификата 9 лет: 514—523гг.

17. МАРЦЕЛЛ. Длительность понтификата 5 лет: 304—309 гг.

Некоторые источники сообщают, что Марцелл занял престол Петра лишь в 308 г. и что период 304—308 гг. был временем т.н. «вакансии» (см., напр. [5], с.445). В нашем исчислении длительности понтификата Марцелла мы следуем Блеру (см. [20], табл.16).

17*. ИОАНН I. Длительность понтификата 3 года: 523—526 гг.

18. ЕВСЕВИЙ. Длительность понтификата 3 года: 309—312гг.

18*. ФЕЛИКС III. Длительность понтификата 4 года: 526—530гг.

19. МЕЛХИАД. Длительность понтификата 3 года: 311—314гг.

19*. БОНИФАЦИЙ II. Длительность понтификата 2 года: 530—532 гг.

Обсуждение

Графики обоих епископатов изображены на рис.2. Наглядно видно их коррелированность и, значит, списанность первого епископата со второго.

Заметим, что сравниваемые струи практически полностью исчерпывают династические потоки обоих епископов: в первой струе пропущен только епископ Ансер, усидевший на престоле Петра меньше месяца (и введен период смуты № 11), а во второй струе пропущены два «кратковременных» епископа Марк и Зосим, «двухлетний» епископ Анастасий II, и «четырёхлетний» епископ

Анастасий I в одном варианте пропущен, а в другом объединен с Иннокентием I.

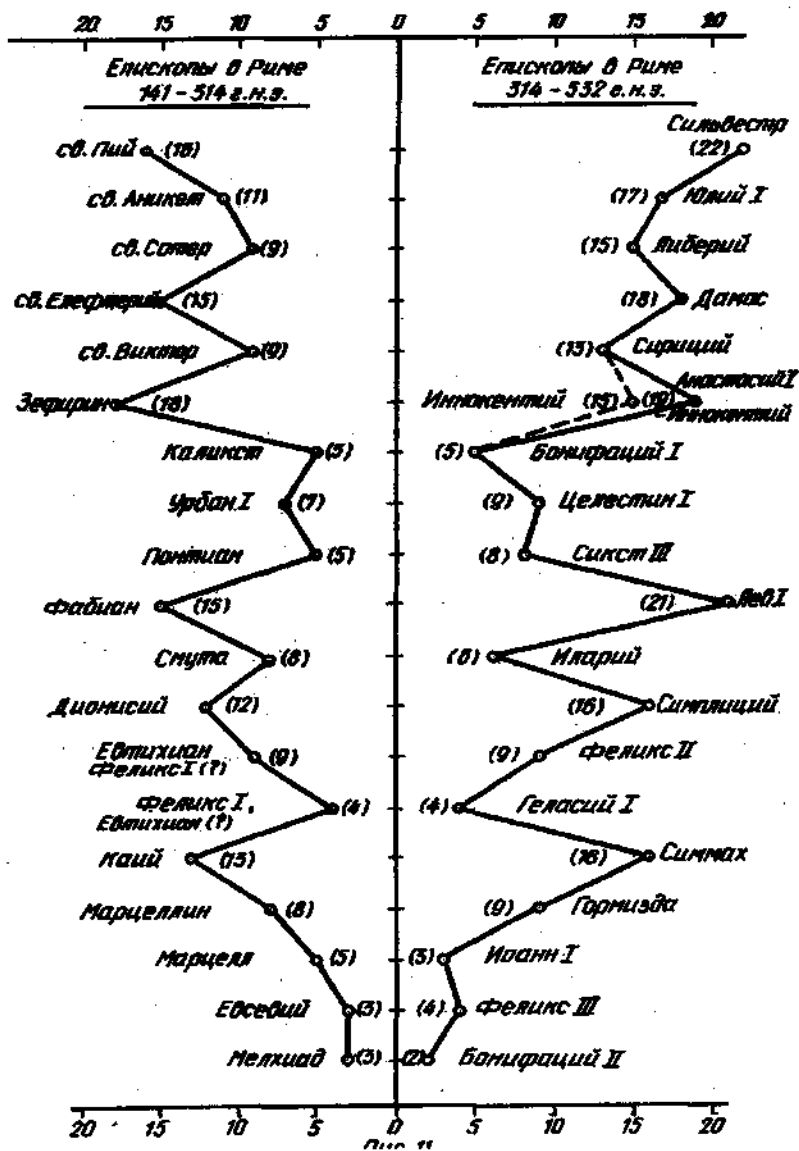

Рис 2.

Таким образом, мы видим, что не только «светская» империя II списана с империи III, но и отвечающий ей Первый епископат списан со Второго епископата, отвечающего империи III.

Мы не рассматриваем это как дополнительное подтверждение выводов § 1—2; такое подтверждение в принципе не требуется (так же, как не требуется подтверждения раз доказанной теореме). Однако, если бы Первый и Второй епископаты оказались не коррелированными, пришлось бы это исследовать и объяснить. Как мы показали, этого нет, и потому объяснять нечего.

ИТОГИ ТОМА

1. Реальное существование имела только Римская империя IV— V веков. Империя I— II веков является лишь ее фантомной тенью. (Гл. 6).

2. Так называемая «классическая» литература вся была написана в эпоху Возрождения. В ней отражены события средневековья, так что при правильном прочтении она может служить источником по истории Средних веков. Если она и содержит какую-нибудь информацию о событиях до IV в. н. э., то вычленив ее из нагромождения апокрифов не представляется возможным. (Гл. 1— 3).

3. Археология неспособна ни подтвердить, ни опровергнуть традиционную историческую схему, поскольку предметы материальной культуры невозможно датировать, не опираясь на письменные памятники и, следовательно, не попадая в порочный круг. (Гл. 4).

4. В единственном случае, когда удается абсолютно надежно датировать архитектурное сооружение, получающийся результат противоречит традиционным представлениям. (Гл. 5).

ЭПИЛОГ

Факты, выводы, принципы

Достоверность истории. — Документ — основа истории. — Критика исторического документа. — Восстановительная критика. — Критика происхождения. — Апокрифичность «античной» литературы. — История и традиция. — Эволюционная теория. — Герменевтика. — Версия как результат исторического исследования. — Хронология. — Книга Бикермана.

Чтобы иметь целостную картину, мы подытожим и соберем вместе основные выводы этого тома, имеющие общий характер. Кроме того, мы обсудим главнейшие принципы исторического исследования. Собственно говоря, это надо было бы сделать в самом начале, однако без опоры на вскрытые выше факты это было явно преждевременно.

Достоверность истории

Когда теоретик-математик говорит: «Дважды два — четыре», он утверждает справедливость этого высказывания в некоторой фиксированной аксиоматике, в рамках которой оно может быть по строгим законам логики доказано. Более того, это доказательство изложено в учебниках, где каждый желающий может его прочесть.

То же самое высказывание в устах прикладника-практика (которым является каждый из нас в нашей обыденной жизни) имеет непосредственную очевидность факта, установленного миллионнократным повторением. В этом отношении оно подобно высказываниям «огонь жжется», «пища утоляет голод» и т. п.

Значительно сложнее дело обстоит с высказыванием типа «Земля кругла». Непосредственное созерцание здесь невозможно (по крайней мере, до появления космонавтики), а логического доказательства нет. Оно заменяется известной системой доказательств и доводов, которые можно найти в любом элементарном учебнике географии. Убеждение в справедливости утверждения «Земля кругла» первоначально покоится, конечно, на авторитете учебника, но при возникновении потребности в критическом отношении вся система обосновывающих его доводов может быть проанализирована сколь угодно глубоко, а лежащие в основе этих доводов наблюдательные и экспериментальные факты могут быть проверены непосредственным наблюдением и опытом.

Аналогично дело обстоит, когда нам говорят, что в Сибири есть озеро Байкал, описывают его размеры, природные условия вокруг него и т. д. Никаких математических или логических доказательств всего этого не приводят. Мы просто читаем описание в курсах географии,

вполне согласное у всех авторов. Мы им верим и приравниваем эту веру к знанию. Почему? Не только потому, что мы читаем книги путешественников, но и потому, что мы можем всегда поехать сами и убедиться, что это замечательное озеро действительно существует и что оно описано верно. Здесь возможность для каждого в любое время проверить сообщаемую информацию и действительная постоянная проверка его то тем, то другим из наших современников приравнивают веру в эти рассказы к точному знанию.

Но, когда нам говорят, что две тысячи лет тому назад существовал на земле Юлий Цезарь, — это совсем другой случай. Мы в принципе не можем отправиться в прошлое и проверить справедливость этого сообщения. Гробницы Цезаря нигде нет, и неизвестно, где она была после его смерти и когда и куда исчезла. Имеющиеся у нас сообщения о нем (как и вообще о всей жизни человечества далее чем за тысячу лет до нас) не обладают собственной древностью. Обыкновенно это печатные издания не ранее XV в.н.э. или рукописи на пергамене, употреблявшемся как материал для письма (как, кстати, и папирус) даже и после изобретения бумаги, вплоть до нового времени. Найдены все эти документы большей частью в XV—XVI вв. в библиотеках европейских аристократов или в монастырях, причем неизвестно, кем и когда они туда доставлены. Папирусные же документы не содержат обыкновенно никаких связных исторических сообщений, и неизвестно, кем, где и когда они были написаны. Проверка одной из таких рукописей при помощи других, говорящих о том же предмете, не может считаться надежным средством, так как все они могут быть вариантами, исходящими из одного и того же ненадежного источника. Короче говоря, хотя мы и располагаем определенными доказательствами существования Юлия Цезаря, но мы не можем анализировать эти доказательства сколь угодно глубоко, и никто из наших современников не имеет перед нами в этом никакого преимущества. На определенном уровне анализа мы неизбежно приходим к утверждениям, в которые мы должны верить. Здесь наука переходит в веру.

Конечно, было бы нелепо требовать от историка-специалиста по античности того же уровня надежности сообщаемых им фактов, как, скажем, от математика или физика. Факты истории древнего мира не допускают исчерпывающего логического обоснования и не могут быть по желанию воспроизведены. Но все же некоторые минимальные требования должны соблюдаться. Когда историк сообщает нам, что «Юлий Цезарь был», он должен сообщить не только, кто первый об

этом объявил, но также и информировать, где это было сказано, при каких обстоятельствах, на чем основано это заявление и где хранятся документы, на основании которых это заявление сделано. В противном случае обсуждение вопросов древней истории превращается в туманные рассуждения о «предании» и об «устной традиции», прикрывающие отсутствие всякой действительной информации.

Надо сказать, что историки, вообще говоря, все это хорошо понимают и, как правило, требуют выполнения этих условий (см. ниже). Исключением является древняя история, в которой целый ряд положений принимается без обсуждения как истины, не требующие доказательств. Историков древнего мира можно понять: для доказательства этих «истин» у них нет абсолютно никаких средств.

Вместе с тем трезвый взгляд на сообщения историков античности немедленно вызывает массу недоуменных вопросов. Достаточно указать, например, что история древнего мира в описании войн не считается с элементарными требованиями стратегии и выбирает для побед такие неудобные пункты и такие условия, при которых можно было только погибнуть. Она ведет армии по странам, в которых они все через неделю умерли бы с голоду, а на поле боя она заставляет скакать по полям царей и полководцев на парах лошадей в одноколках с одним дышлом, которые при первом крутом повороте, а тем более на поле, заваленном трупами, переворачиваются. Такого рода экипажи могли служить только для передвижений по ровной дороге, для медленных триумфальных шествий, когда лошадей ведут специальные сопровождающие, для состязаний на гладком треке и т.д. и т.п., но никак не для сумасшедшей скачки в горячке боя по пересеченной местности. Уже этого одного достаточно, чтобы признать многие сообщения «античных» авторов апокрифами.

Крайне подозрительна также потрясающая подробность, с которой нам известна древняя история. Она «в среднем» известна нам лучше, чем средневековая. Наши сведения, например, о Шекспире (жившем менее 400 лет тому назад) отличаются крайней неполнотой, и до сих пор ведутся серьезные споры по поводу установления основных фактов в его биографии. А теперь сравните, насколько точнее и полнее нам «известна», скажем, биография Аристотеля. Хотя это и было более 2000 лет тому назад, но здесь все как на ладони. Отец его был врач Никомах. Ровно в 17 лет мудрец прибыл в Афины, где учился у Платона, ученика Сократа, жену которого звали Ксантиппой (о ее характере также имеются самые достоверные сведения). Учился Аристотель у Платона 20 лет, а затем он купил участок земли для своей собственной

школы по соседству с храмом Аполлона Ликейского. В 343г. до н.э. Аристотель берет на себя воспитание и образование 13-летнего Александра, сына Филиппа Македонского. «И если Александр впоследствии широтой ума и образованностью превосходил всех современных ему политических деятелей, то в этом, несомненно, сказались плоды выработанного им в юности, под руководством Аристотеля, широкого умственного крутозора» (БСЭ, 1-е изд.). Скончался Аристотель в 322 г. до н.э., правда, неизвестно, в какой день недели, но, во всяком случае, «от давней болезни желудка». Впрочем, выше мы приводили еще более разительные примеры (чего стоит, например, частная записка Цицерона, которую две тысячи лет усердно переписывали малограмотные монахи, первейшей обязанностью которых было уничтожать все языческие документы; см. § 5, гл. 1).

Не нужно думать, что на это никогда не обращалось внимания. Напротив, такого рода вопросы настолько бросаются в глаза, что практически нет историка, который бы их не задавал. Однако преисполненные веры в справедливость основных положений хронологии историки даже не формировали свои недоумения в виде вопросов, а ограничивались беспомощными заявлениями типа «удивительно, что...», «как ни странно, но...». Открыв любую достаточно полную книгу по любой проблеме древней истории, читатель немедленно наткнется на такого рода обороты.

Каждое из странностей и противоречий древней истории специалисты худо-бедно объясняют. Однако, когда приходится слишком много объяснять, невольно возникают сомнения.

Проанализируем поэтому более внимательно методы исторического исследования.

Документ — основа истории

«История пишется по документам» начинают свою знаменитую (см. [158], стр.177) книгу [157] по методологии истории французские ученые Ланглуа и Сеньобос, и в этом они, конечно, абсолютно правы. Позднейшие историки обвиняли Ланглуа и Сеньобоса в непонимании «сложности и противоречивости исторического ремесла», в наивности представления, «что достаточно ограничиться критикой источников, отделив в них истинное от ложного, для того чтобы извлечь исторические факты и чтобы воссияла истина и картина прошлого была восстановлена во всей своей полноте» (см. [158], стр.177). Конечно, эта критика вполне справедлива, и одного изучения источников совершенно недостаточно для воссоздания целостной

картины прошлого, но оно необходимо, поскольку только документ может служить основанием для возбуждения вопроса о той реальности, к которой он относится. «Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» ([157], стр.13). Но что такое исторический документ? Ланглуа и Сеньобос дают следующее определение: «Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей» ([157], стр.13), но это определение явным образом неудовлетворительно, являясь одновременно и слишком узким и слишком широким. Его узость, как вытекает из примеров, указанных самими Ланглуа и Сеньобосом, проявляется в том, что оно не считает документами вещественные следы таких явлений природы, как, например, землетрясения, хотя эти явления иногда оказывают решающее влияние на развитие человеческого общества. Поэтому формулировка Ланглуа и Сеньобоса нуждается в дополнении, скажем, так: «...или явлениями природы, так или иначе связанными с этими мыслями или действиями». Вместе с тем очевидно, что «документы» такого сорта могут иметь в истории лишь вспомогательное значение (поэтому-то Ланглуа и Сеньобос о них забыли). История начинается вместе с письменным документом, а время до появления письма подведомственно другим наукам (скажем, археологии или палеознатографии).

Излишняя же широта определения Ланглуа и Сеньобоса состоит в том, что оно полностью игнорирует вопрос о «качестве» следа. Со всей силою следует подчеркнуть, что, скажем, «традиция» и «устное предание», не подкрепленные письменным документом, подлинность которого доказана, являются сказкой, литературным вымыслом, и не могут служить основой исторического исследования (хотя в отдельных случаях, и с большой осторожностью, ссылка на «традицию» может быть использована в качестве вспомогательного аргумента).

Например, никто из людей, у которых нет родословных записей, никогда не сможет сообщить даже имен всех четырех своих предков и четырех прабабушек, хотя, казалось бы, интерес к ним должен не один век сохраниться в непрерывной традиции, от отца и матери к сыну и дочери. Матери естественно рассказать своему сыну или дочери, что обычного и необычного делали ее отец и мать, и что рассказывали о себе им их отцы и матери, и что рассказывали их отцам и матерям их собственные отцы и матери и т.д., и, несомненно, что каждый отец и мать сообщали не раз своим детям или говорили при детях о своих отцах и матерях и даже кое-что о дедах. Но дела прадедов уже приравнялись у них к снам и грезам, исчезающим бесследно. Наглядным примером этого являетесь вы сами,

и вы тоже не расскажете ничего из жизни ваших прадедов, если только дела их не вошли в печатную литературу или не дошли до вас в виде каких-то документов. А ведь этих прадедов уже лично знали ваши отец и мать или, во всяком случае, ваши два деда и две бабушки.

В некоторых семьях из поколения в поколение передаются сопровождаемые рассказами предметы материальной культуры («сабля прадеда, героя 1812 года», «перо, которым писал гостивший в имении предков Пушкин» и т.п.). Все знают (скажем, из сочинений Андроникова), с какой осторожностью надо относиться к этим рассказам, когда они не подкреплены синхронистическими письменными свидетельствами. Аналогично дело обстоит и, скажем, с «монументальными памятниками» древности, современная атрибуция которых выкристаллизовалась лишь в позднее средневековье из хаоса легенд и преданий, а также и с иными археологическими в широком смысле «документами».

Привлечение «традиции», «предания» для обоснования исторической концепции в ее фактической части следует рассматривать как чисто литературное творчество, не имеющее права на существование в важнейших вопросах хронологии. В гл. 1, § 7 мы видели, что происходит, когда пытаются принимать «традицию» всерьез.

Следует также всегда помнить, что при устной передаче рассказа варьируются не только отдельные слова и обороты речи, но и психологические представления, заложенные в исходном повествовании. Поэтому после ряда последовательных устных передач первоначальный рассказ всегда будет неузнаваем. А если он к тому же перешел из одной страны в другую или из одной исторической эпохи того же народа в другую, то неизбежно примет колорит той страны и характер того времени, в которые он был, наконец, записан.

Таким образом, фундаментом истории является только письменный документ, в котором отражены «мысли и действия некогда живших людей»; другого же рода материальные памятники могут играть (и играют) лишь очень ограниченную и вспомогательную роль. Насколько же надежен этот фундамент?

Критика исторического документа

Основополагающая роль документа в историческом исследовании заставляет особо остро ставить вопрос об его надежности и принимать в работе с ним специальные меры предосторожности. Вся совокупность этих мер называется на техническом языке источниковедения «критикой документа» и подразделяется на две большие группы —

«внешнюю» или подготовительную критику (касающуюся вопросов сохранности и аутентичности документа) и «внутреннюю» критику или герменевтику (касающуюся вопросов смысла и значения содержания документа).

«Вместе с тем предостережения (о необходимости специальных мер обеспечения надежности документа. — *Авт.*) тем более необходимы, что осторожность не составляет естественной склонности человеческого ума, действующего беспорядочно в тех вопросах, где нужна самая строгая точность. Правда, все признают в принципе полезность критики, но это один из тех неоспоримых постулатов, которые трудно осуществляют на практике. Прошли целые века, с эпохами блестящей цивилизации, прежде чем обнаружили первые проблески критики среди самых развитых народов на земле. Ни восточные народы, ни средние века не имели о ней точного представления. Вплоть до наших дней просвещенные люди, пользуясь документами для истории, пренебрегали самыми элементарными мерами предосторожности и следовали бессознательно ложным принципам... Это объясняется тем, что критика противоречит нормальному течению человеческой мысли. По врожденному свойству, человек склонен придавать веру различным утверждениям и передавать их, не различая даже их ясно от своих собственных наблюдений. Разве в повседневной жизни мы не принимаем безразлично, без всякой проверки, слухи, анонимные и ничем не гарантированные сообщения, всяких сортов посредственного или плохого качества «документы»? Чтобы взять труд расследовать происхождение и значение сообщения о бывшей накануне истории, нужен особый повод, в противном случае, если оно не является до безобразия неправдоподобным и не опровергается, мы принимаем его, держимся за него, разглашаем его и в случае надобности (и даже без надобности. — *Авт.*), приукрашиваем. Каждый искренний человек признает, что нужно большое усилие, чтобы стряхнуть с себя *ignavia critica*, эту столь распространенную форму умственной трусости, что усилие это нуждается в постоянном возобновлении и сопровождается часто истинным страданием.

Естественная неприспособленность человека держаться на воде заставляет его тонуть; чтобы приобрести привычку устранять произвольные движения и выполнять другие, он учится плавать, точно так же у человека нет прирожденной способности критики, ее нужно прививать, и она входит в плоть и кровь его только путем постоянных упражнений» ([157], стр. 52—54). Даже профессиональные

историки долгое время «...пользовались текстами, бывшими у них под руками, не справляясь о их достоверности...» ([157], стр.57).

Эти соображения нам представляются очень важными. Они дают психологическую основу для создания в «некритические» средние века волшебной сказки об античности. Когда же появилась критика, было уже поздно: общее представление об античности впитывалось на столь раннем этапе обучения, что критике оказывалось не подведомственным.

Восстановительная критика

Первым этапом внешней критики является т.н. «восстановительная критика». Вот что пишут Ланглау и Сеньобос:

«...посмотрим, в каком виде дошли до нас древние документы? Оригиналы большинства из них утрачены; мы имеем только копии. Копии, непосредственно снятые с оригиналов? Нет, копии с копий. Далеко не все писцы, занимавшиеся перепиской этих копий, были люди опытные и добросовестные; они переписывали тексты, часто совсем не понимая их содержания или понимая плохо, и к тому же не всегда было в обычае... сверять рукописи. Вполне понятно, что древние документы, неоднократно переписывавшиеся без особой тщательности в течение целого ряда веков, с риском нового искажения смысла при каждой новой переписке, дошли до нас в крайне искаженном виде.

Отсюда возникает необходимость относиться с большою осторожностью к каждому документу, проверять, прежде чем пользоваться каким-либо документом, «хорош» ли его текст, т.е. согласуется ли он, насколько возможно, с подлинной рукописью автора, и если текст плох, то исправлять его...» ([157], стр.56—57).

Трудно что-либо возразить против этих общих требований. Провозглашение их невольно вызывает доверие к «критическим изданиям» древних авторов и возводит эти издания на уровень непререкаемых авторитетов. Посмотрим, однако, какой вид эта программа приобретает на практике.

«На основании опыта, добытого многими поколениями «эрудитов», удалось создать надлежащий метод для очищения и восстановления подлинных текстов документов. В настоящее время ни одна часть исторической методологии не обоснована так солидно и не пользуется такой известностью, как эта. Она ясно изложена во многих популярных работах по филологии.

Ввиду этого мы ограничимся здесь лишь перечислением ее основных принципов и укажем на добытые ею результаты.

I. Предположим, что мы имеем дело с не изданным еще документом или с документом, изданным не по правилам критики... Здесь следует различать три случая:

а. Самый простой случай, когда имеется налицо оригинал, написанный самим автором. В этом случае требуется только воспроизвести текст с полной точностью. Теоретически ничего не может быть легче, но на практике этот элементарный процесс требует напряженного внимания, доступного далеко не всем... Переписчики, никогда не ошибающиеся и не страдающие рассеянностью, встречаются очень редко...

в. Второй случай. Оригиналу рукописи потерян; известна только ее копия. В этом случае следует быть очень осторожным, потому что априори вероятно, что эта рукопись содержит ошибки.

Тексты искажаются согласно некоторым законам. Мало-помалу применились распознавать и классифицировать причины и обычные формы различий, наблюдаемых между оригиналами и копиями, затем, при помощи аналогии, удалось вывести правила, дающие возможность восстанавливать гадательным образом те места в единственной копии утраченного подлинника, которые несомненно (потому что они непоятны) или вероятно искажены.

Искажения оригиналов при списывании, или, как говорят, «варианты передачи», явились частью следствием подлога, частью ошибок. Некоторые переписчики, списывая текст, умышленно делали в нем изменения или пропуски (зачем, спрашивается, средневековому ученому, переписывавшему для себя некий текст в качестве источника сведений и справок, оставлять в нем устаревшие и кажущиеся нелепыми детали или недосмотры оригинала? Он, конечно, выбросит из него то, что, по его мнению, нелепо, а остальное исправит и пополнит тем, что сам успел узнать или придумать. — *Авт.*), и почти все делали, кроме того, ошибки по непониманию или случайные...

Изменения текстов, являющиеся следствием намеренных искажений и ошибок по непониманию, часто бывает очень трудно исправить и даже заметить. (Как, например, восстановить выброшенное переписчиком обширное отступление автора «в сторону»? — *Авт.*) Некоторые случайные ошибки (например, пропуск нескольких строк) непоправимы... но большинство случайных ошибок возможно угадать...» ([157], стр.58—60).

Далее авторы приводят примеры гадательных исправлений древних текстов. Мы их выпустим, поскольку более свежие образцы гаданий вокруг темных мест древнего текста, от которого сохранилась только одна, и та не вполне удовлетворительная, копия, всем нам известны на классическом примере «Слова о полку Игореве» (см., например, [75]).

Мы также опустим обсуждение Ланглюа и Сеньобосом методики критики в третьем случае, когда до нас дошло несколько разноречивых копий одной и той же рукописи. Конечно, дело здесь обстоит лучше, чем во втором случае, поскольку имеющаяся в нашем распоряжении информация обширнее и разнообразнее, но самое большое, на что можно рассчитывать в этом случае, это восстановление (как правило, очень гадательное и неоднозначное) некоего «архетипа», лежащего в основе имеющихся копий, причем остается вполне неизвестным, в каком отношении этот «архетип» относится к авторской рукописи.

Таким образом, мы видим, что от широковещательных деклараций о необходимости «осторожного» и «критического» отношения к тексту на практике остается очень мало — по существу, только умение угадывать и исправлять случайные ошибки некоторых определенных типов. «Самая тонкая и строгая критика текстов бессильна обнаружить позднейшие искажения классиков» ([50], стр.7; см. гл. 1, § 2). Следовательно, даже самым добросовестным «критическим» изданиям, потребовавшим бездну труда и остроумия, мы на самом деле можем доверять столь же мало, как и самым плохим.

Критика происхождения

К внешней критике относится также исследование вопроса о происхождении манускрипта. С нашей точки зрения, это центральный вопрос внешней критики. По существу, только ею мы и занимались в этом томе. Поэтому следует поподробнее изложить мнение по этому вопросу профессиональных историков.

«Было бы абсурдом искать сведений о каком-нибудь факте в бумагах такого лица, которое о нем ничего не знало и не могло ничего знать. Следовательно, беря в руки документ, прежде всего должно задаться вопросом: «Откуда он происходит? Кто его автор? К какому времени он относится?». Документ, автор, а также время и место написания которого неизвестны, никуда не годится. Эта, по-видимому элементарная, истина была признана вполне только в наше время ...

Большинство современных документов снабжено точными указаниями о своем происхождении... Напротив, на многих древних документах не обозначено ни места, ни даты, ни подписи.

Человек по природе отличается склонностью придавать веру указаниям о происхождении, если таковые имеются налицо. На обложке и в предисловии к «Возмездию» Виктор Гюго называет себя их автором: стало быть Виктор Гюго автор «Возмездия». Вот, например, в музее неподписанная картина, но стараниями администрации музея рама ее украшена дощечкой с именем Леонардо да Винчи: значит, это картина Леонардо да Винчи. В «Отрывках христианских поэтов» Клемана в большей части изданий сочинений св.Бонавентуры и во многих средневековых рукописях находится поэма «Филомена» с именем св. Бонавентуры: поэма «Филомена» принадлежит, следовательно, св. Бонавентуре, и в «ней находят даже драгоценные указания относительно души» этого святого человека. Врэн-Лукас приносил г.Шалю надлежащим образом подписанные автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Марии Магдалины: вот, думал г.Шаль, автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св.Марии Магдалины. Мы стоим здесь лицом к лицу с одной из наиболее распространенных и в то же время и наиболее устойчивых форм общественного легковерия.

Опыт и размышления доказали необходимость ограничить эту инстинктивную доверчивость особым методом. Автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Марии Магдалины были вымышлены Врэн-Лукасом. «Филомена», приписывавшаяся средневековыми писцами то св. Бонавентуре, то Людовику Гранадскому, то Джону Говдену, то Джону Пекгаму, не принадлежит, быть может, ни одному из этих авторов и, наверное, не написана первым. В самых знаменитых итальянских музеях отменные нелепости, без тени доказательства, прикрывались славным именем Леонардо да Винчи. С другой стороны, не подлежит сомнению, что Виктор Гюго автор — «Возмездия». Мы делаем отсюда заключение, что самые формальные указания на происхождение никогда не бывают достаточными сами по себе. Они представляют только большую и меньшую вероятность — большую, вообще когда дело идет о современных документах, и часто очень слабую, когда вопрос касается древних. Указания эти бывают иногда позднейшими прибавками, приставленными к незначительным произведениям, с целью поднять их цену, или к выдающимся сочинениям, с целью кого-нибудь прославить, или, наконец, с намерением мистифицировать потомство и по множеству других, легко объяснимых мотивов... вообще, подложная (псевдоэпиграфическая) литература древности и средних веков очень обширна. Кроме того, есть совсем «ложные» документы, снабженные, естественно,

подделывателями самыми точными указаниями о их мнимом происхождении. Следовательно, указания о происхождении документов нужно проверять» ([157], стр.69—71).

Как и в отношении восстановительной критики, мы с этими общими положениями вполне согласны. Наши разногласия с историками начинаются тогда, когда от общих деклараций они переходят к их конкретному воплощению. По нашему мнению, историки, проводя в жизнь эти идеи, делают это недостаточно последовательно и, самое главное, путая необходимое с достаточным, полагают документ достоверным, если его ложность не установлена. Судите сами:

«Главным орудием критики происхождения служит в н у т р е н н и й а н а л и з рассматриваемого документа с целью обнаружения всех признаков, способных дать указания об авторе, а также о времени и стране, где он жил. (Это неверно: аутентичность, скажем, «Возмездия» Виктора Гюго устанавливается на основании совсем других соображений. «Внутренний анализ» употребляется только с отчаяния, когда нет других более надежных средств установления подлинности. — *Авт.*)

Прежде всего исследуется почерк документа: св. Бонаventura родился в 1221 г.; если приписываемые ему поэмы читаются в манускриптах, писанных в XI в., то это будет ясно доказывать всю неосновательность присвоения их Бонаventure; всякий документ, с которого существует копия, воспроизведенная письмом XI столетия, не может быть написан позже XI в. (если, добавим, эта копия не является подделкой, что наверняка исключено только тогда, когда известна архивная история документа с момента его создания. — *Авт.*). Затем исследуют язык: некоторые грамматические формы употреблялись только в определенных местностях и в определенное время. Многие подделыватели выдали себя благодаря своему невежеству в этом отношении: от их внимания ускользнули современные слова и обороты; так удалось установить, что финикийские надписи, найденные в Южной Америке, были сделаны раньше такой-то немецкой диссертации по тому или иному вопросу финикийского синтаксиса. Если дело коснется государственных актов, то рассматривают формулы. Документ, выдающий себя за меровингскую грамоту, несомненно ложный, если в нем нет обычных формул подлинных меровингских грамот. (А если такие формулы есть? Следует ли считать любую грамоту «с формулами» подлинной? — *Авт.*) Наконец, обращается внимание на все положительные данные, имеющиеся в документе, как-то: упомянутые в нем события и намеки

на события. Когда события эти известны из другого источника, который не мог быть в распоряжении подделывателей, достоверность документа установлена (по модулю, заметим, достоверности «другого источника» и невозможности знакомства с ним подделывателя. Впрочем, следует отметить, что тем не менее это, действительно, является иногда неплохим методом установления подлинности. К сожалению, он применим очень редко. Это тем более жалко, что никаких других методов установления подлинности, а не фальшивости, письменного документа у историко-филологической критики, по существу, не имеется. — *Авт.*) и время его написания определяется приблизительно между самым поздним известным его автору событием и событием, наиболее близким к предыдущему, о котором он, без сомнения (? — *Авт.*), упомянул бы, если бы знал о нем. Принимается во внимание также и то, что о некоторых событиях говорится с особою любовью и что некоторые мнения выражены уммышленно так, что дают возможность восстановить по догадке звание, среду и характер автора.

Внутренний анализ документа во всех (?! — *Авт.*) случаях, когда он ведется тщательно, дает достаточные (вот как? — *Авт.*) указания о его происхождении. (Это безапелляционное заявление не мешает авторам сообщить в подстрочном примечании на той же странице, что за последнее время «...некоторые знаменитые документы, никем до тех пор не заподозренные, выкинуты из списка достоверных». — *Авт.*) Методическое сравнение различных элементов анализируемых документов и соответствующих элементов однородных документов известного происхождения (как установленного? — *Авт.*) дало возможность изболтать очень большое количество лжи (в этом нет никакого сомнения. — *Авт.*) и с точностью (!? — *Авт.*) определить обстоятельства происхождения большинства достоверных (а не лучше ли сказать, «еще не опровергнутых»? — *Авт.* документов» ([157], стр.71—72).

Надо сказать, что все же Ланглуа и Сеньобос хорошо сознают односторонний характер внешней критики: «Критика происхождения, равно как и критика исправления документов, имеет подготовительный характер и результаты ее отрицательные. В конце анализа она приводит лишь к устранению из документов негодных и вводящих в заблуждение экземпляров и только» ([157], стр.79—80). Однако это не мешает им на этой же странице превозносить критику источников за «окончательное и вполне достоверное» установление надежности многих документов. Очень интересный психологический феномен!

Более того, в отношении критики источников Ланглуа и Сеньобос пишут, что «...не следует ею злоупотреблять. Крайняя недоверчивость в такого рода вопросах влечет за собой почти такие же прискорбные последствия, как и крайнее легкоеверие. Петер Гардуэн, приписывавший средневековым монахам произведения Вергилия и Горация, был не меньше смешон, чем жертва Врэн- Лукаса» ([157], стр. 79). К сожалению Ланглуа и Сеньобос ограничились лишь этим одним пассажем, так что остается вполне непонятным, почему, собственно, Ардуэн (это современная транскрипция его имени) «не меньше смешон», чем Шаль.

Апокрифичность «античной» литературы

Конечно, недоверчивость «а-ля Ардуэн» смешна, когда она бесосновательна. Поэтому-то мы и посвятили почти весь этот первый том изложению разнообразнейших соображений, её оправдывающих. Мы не будем их здесь все повторять и напомним только два, имеющих общий характер.

Существует универсальный признак, пригодный для текстов любого содержания и позволяющий оценить время их создания. Он состоит в том, что любой текст, написанный грамотным, литературно правильным и орфографически безошибочным языком, предполагает уже существование и достаточно широкое распространение печатной продукции и потому написан уже в эпоху книгопечатания.

Для того чтобы писать правильно, нужно довести орфографический навык до автоматизма, для чего необходимо читать много орфографически стандартизированной литературы и писать многочисленные диктанты. Первое невозможно без печатного станка, а второе — без обилия дешевой бумаги. Создание литературного произведения, отвечающего простейшим требованиям формальной правильности, требует многочисленных черновиков и предварительного опыта литературной деятельности, что опять-таки без бумаги немыслимо. Все сотни книг, которые якобы написали древние писатели, не могли быть созданы на пергамене, папирусе, восковых табличках и т.п., необходима была бумага.

Поэтому всякий манускрипт, в котором орфография не индивидуальна и обнаруживает старания автора соблюдать орфографические условности, характерные для печатных книг, должен считаться произведением эры книгопечатания. Тексты же с более или менее индивидуальной орфографией, в которых проявляется определенная литературная опытность автора, следует считать произведениями непосредственно предшествующей эпохи, когда книгопечатания не

было еще, но бумага уже была. Этот вывод относится в первую очередь к «античным» произведениям.

Коль скоро на эти произведения пала тень подозрения, улики их средневекового происхождения начинают появляться как из-под земли. Их позднее происхождение независимым образом вытекает, например, из того, что сохранение на протяжении многих сотен и даже тысяч лет оригинальных древних текстов путем их постоянного переписывания абсолютно невероятно. Попытка видеть в монастырях те центры, которые донесли до нас античные знания, наталкивается на глубокие противоречия. В частности, религиозные фанатики являются плохими кандидатами на звание коллекционеров языческих текстов, уничтожение которых предписывалось им в обязательном порядке. Европейские монастыри могли сохранить только какие-то фрагменты произведений, написанных в эпоху каролингского Ренессанса, откуда, по-видимому, и пошли многие «античные» имена. В эпоху Возрождения эти фрагменты были превращены талантливыми писателями в развернутые исторические романы, которые затем и были восприняты как оригинальные «древние» тексты. Большинство этих текстов является, надо думать, добросовестными амплификациями, хотя не следует забывать и о большом количестве прямых подлогов, вызванных повышенным спросом на древность, а также о широко применявшейся системе античных псевдонимов, употреблявшихся по многим мотивам (например, при опубликовании произведений, дух и содержание которых были опасны для автора, античный псевдоним предохранял от государственных или церковных преследований).

Таким образом, все так называемые «античные» сочинения мы должны считать творением средних веков и эпохи Возрождения. Возможно, что их авторы и пользовались какими-нибудь документальными, не дошедшими до нас источниками, но эти источники вряд ли старше IV века н.э. (во всяком случае, так получается при анализе, содержащемся в античных сочинениях описаний солнечных и лунных затмений; см. гл. 2, § 5).

Поэтому из «античных» сочинений мы не можем надеяться извлечь надежную информацию о событиях ранее IV века.

История и традиция

Интересен вопрос: как оказалось возможным столь длительное и массовое заблуждение историков? В этом отношении показательны замечания А. Дрекса о его споре с ортодоксами по поводу историчности личности Христа. По мнению Дрекса, легенда о Христе лишена какой-

либо исторической подкладки и является лишь астральным мифом. Мы не разделяем эту точку зрения, но считаем, что сам стиль возражений, которые приходилось выслушивать Дрексу, весьма показателен и демонстрирует беспомощность традиционной истории, когда от нее требуют документов и серьезного обоснования ее собственных утверждений. Вот что пишет Дрекс:

«Что «с помощью какой-нибудь обыкновенной логики» нельзя доказать историчность предания, признает и Вейнель. Ее следует доказывать только «с помощью документов», а их в пользу историчности жизни Иисуса (от себя добавим: в традиционном понимании. — Авт.) как раз и нет, и сам Вейнель признает «необходимым следствием» этого переход на сторону «радикальных дилетантов». Но в таком случае, по его мнению, *следует вычеркнуть со страниц истории также и Сократа и Платона*, потому что среди дошедших под именем последнего сочинений есть подложные и подлинность остальных нельзя доказать...» ([36], стр.126).

Этот аргумент представляется Вейнелю неотразимым, поскольку для него (так же как, впрочем, и для Дрекса) сама мысль о том, что и в античной истории дело может обстоять неблагоприятно, кажется абсурдной и не заслуживающей обсуждения. Тем не менее примечательно, что Вейнель, сам того не подозревая, ставит в полемическом задоре наш постоянный вопрос об основах веры в античность.

Кроме веры в традицию некоторые историки считают допустимым еще один принцип исследования: «все... что кажется возможным, тем самым оно уже якобы действительно. Так, Вейнелю хотелось бы признавать традицию так долго, «пока она не покажется явно невозможной», а против Вреде он заявляет: «Методологически прямо неправильно сказать: все дело в том, что в спорной истории или в словах указывается что-нибудь такое, что всякое иное объяснение данной картины делает невероятным или хотя бы сомнительным». Требовать этого, по его мнению, — значит «убивать всякую историографию». А вот если бы держаться принципа Вейнеля, то о таком как раз не могло бы быть и речи. Ведь если в каком-нибудь предании не все окажется возможным, то еще далеко до того, чтобы ему не быть действительным! История Телля, может быть, так же хороша, как и история семи римских царей или история Семирамиды, Сарданапала, а потому, пока не доставало других документов, она тоже считалась действительной историей. Больше того: на основании принципа возможности и Геракл мог бы казаться реальной личностью,

и можно было бы отыскать в его саге «историческое ядро». Почему бы не существовать человеку этого имени, который задушил льва, уволок зловредного кабана, поймал живую лань, убил страшную змею, вычистил конюшни и совершил ряд других подобных подвигов, чтобы в конце концов сжечь самого себя на костре? Правда, лернейская гидра была многоголова, и у нее вместо каждой отрубленной головы вырастали две новые, — это, естественно, позднейший вымысел, происшедший, быть может, из «субъективного видения» Геракла. Разве мы не знаем, что он был горчайший пьяница?.. Таким образом, следуя вышеуказанному принципу, можно было бы и миф о Геракле объяснить «исторически»... » ([36], стр.129).

Любопытно, что совсем недавно эту программу в отношении Геракла (и Прометея) выполнил венгерский писатель Мештерхази. Его острый, многоплановый роман «Загадка Прометея» (см. [156]) по форме представляет собой историческое исследование, отличающееся от обычных сочинений по истории Древней Греции лишь тем (не считая, конечно, литературного таланта), что Мештерхази с самым серьезным видом использует как абсолютно достоверный источник информации «древнегреческие» (а на самом деле, конечно, средневековые, но прошедшие гуманистический фильтр) мифы и сказания о богах и героях. Литературный прием Мештерхази вне зависимости от намерений автора выпукло показывает, что считающаяся «достоверной» информация об античности ничем не отличается от информации «мифической», в любых пропорциях смешиваясь с последней. Невольно создается впечатление, что в своей тонкой и остроумной пародии на труды историков античности Мештерхази хотя бы частично руководствовался идеями Морозова.

В другом месте Дрекс пишет:

«Если все детали евангельской картины, как это имеет место в руках исторической критики, расплываются в мифологическом тумане, то тем самым как раз с методологической точки зрения отпадает всякое право, после устранения этих «что» и «как» исторического Иисуса, удерживать еще отвлеченное «так что» последнего. Это значило бы, говорят, ниспровергнуть устои истории, если бы не стали верить в существование Христа и в истинность рассказов его апостолов и авторов священного писания. Брат Цицерона говаривал также: что значило бы ниспровергать устои истории, если бы стали отрицать истинность предсказаний дельфийского оракула. Я спрашиваю христиан, думают ли они, что ниспровергают устои истории, отрицая этот мнимый оракул, и счел бы римский автор ниспровергнутыми

устой истории, если бы он стал отрицать истинность христианских предсказаний при условии, если бы он знал их; всякий защищает свою химеру, а не историю.

Но «потрясается до самого основания доверие ко всякому преданию и к разуму в истории, раз не жил Иисус», плачется господин фон Соден, и ему вторят все те, им же несть числа. Ведь в таком случае «все культурное человечество в течение двух тысяч лет находилось бы во власти иллюзии и обмана». Ответ на это свидетельствующее о поистине глубоком «историческом уме» возражение дал Штейдель. Старый Дюпюи как будто уже предчувствовал фон Содена, когда говорил, «что в делах религии вера большего числа поколений ничего не доказывает, кроме легковерия тех, которые в это верят, а Геркулес тем не менее не был солнцем, хотя в это верили и это утверждали греки. *Большое заблуждение процветает легче большой истины.* потому что легче верить, чем шевелить мозгами, а люди предпочитают чудесный элемент романов простоте истории. Если бы придерживаться этого правила критики, то, чтобы доказать истину, можно было бы указать христианам на ту крепкую веру, которую каждый народ имел и до сих пор имеет в чудеса и оракулы своей религии, но я сомневаюсь, чтобы они признали уважительным этот довод. Нам хотелось бы, чтобы не признавали его и тогда, когда речь идет об их вере. Я знаю, они скажут, что только они одни обладают истиной, но ведь и другие будут говорить то же самое. Кому же быть судьей в этом? Пусть всегда будет им здравый человеческий разум, а не обычная вера или общепринятое мнение» Впрочем, разве почти 18 веков не верили в «богочеловека» Христа и не умирали с этой верой, пока просвещение не разрушило этот взгляд...» ([36], стр.245).

Мы всецело разделяем эту точку зрения, и именно ею мы руководились выше. Ссылка на традицию стала основным аргументом в сколько-нибудь сложных исторических вопросах только потому, что без такой ссылки история древнего мира немедленно увязнет в безнадежных противоречиях. Рациональная же теория исторического процесса в этих ссылках не нуждается.

Эволюционная теория

Поскольку античная культура и образованность, как она отражена в «античной» литературе, является мифом, у нас нет никаких оснований предполагать ее реальное существование. Более того, концепцию ее катастрофического уничтожения варварами мы можем поставить в один ряд с аналогичными концепциями, существовавшими

некогда, например, в палеонтологии. Основатель этой науки, Жорж Кювье, полагал, что смена животного мира на Земле происходила не эволюционно, а посредством ряда катастрофических переворотов, уничтожавших прежние формы жизни (скажем, динозавров) и расчищавших дорогу для новых, более совершенных форм (млекопитающих). Метафизическая (по оценке Энгельса) теория Кювье была сменена в палеонтологии эволюционным учением Дарвина, а аналогичное и столь же метафизическое представление о катастрофической гибели античного общества в истории сохранилось, поскольку отказ от него автоматически влек отказ от всех традиционных представлений об античности.

Следуя Морозову, мы полагаем, что и в истории драматичные картины гибели целых цивилизаций должны уступить место непрерывной эволюционной схеме. Конечно, эта концепция не имеет ничего общего ни с вульгарно-социологической теорией социал-дарвинизма, метафизически переносящей на общество биологические законы борьбы за существование, ни с социал-реформизмом, проповедующим медленное «эволюционное» перерастание капитализма в социализм. Эволюционная теория Морозова не только не отрицает революционных изменений в социально-политических структурах, но непосредственно их предусматривает. В ложном соответствии с известным высказыванием Ленина она лишь утверждает, что революционные смены общественных формаций не влекут за собой уничтожения накопленных ранее культурных богатств, а, наоборот, способствуют их расцвету и новому быстрому росту, невозможному в мертвящих рамках отмирающей формации.

Человеческая культура никогда не прерывалась и не возникала через несколько столетий, как птица Феникс из своего пепла. Лишь гегемония ее преемственно переходила из страны в страну, следуя развитию производительных сил и производственных отношений. Вся культура никогда не гибла; гибли только отдельные центры в результате локальных социально-экономических катастроф (землетрясений, эпидемий, неурожаев, нашествий врагов).

В частности, раннее средневековье было периодом зарождения европейской культуры, и, например, познания в географии Индикоплевста (VI век) и в математике Беды Достопочтенного (VII век) были не обрывками прежних, якобы забытых сведений, а высшими достижениями науки того и всего предшествующего времени. Лишь в новое время эти первые, робкие ростки науки были восприняты как свидетельства упадка и деградации.

На самом же деле никакого упадка не было, интерес к науке (конечно, в соответствующих формах и соответствующей интенсивности) никогда не исчезал, культура медленно, но верно развивалась. Зияющий провал в культурном развитии человечества, известный как «темные века», является иллюзией, возникшей из-за того, что почти все научные и культурные достижения этого периода были приписаны мифической античности.

Герменевтика

Концепция Морозова подразумевает кардинальный пересмотр всей хронологической схемы истории древности. Конечно, это тоже нужно делать по документам на основании общей методике исторического исследования.

Эта методика предписывает после внешней критики документа и выяснения его происхождения заняться его внутренней критикой (герменевтикой). В первую очередь, герменевтика должна ответить на вопрос: что написано в документе? — т.е. должна прочесть документ. Дело в том, что даже когда документ надежен (является, скажем, найденной в Кумране рукописью или представляет собой высеченный на скале иероглифический текст), использовать его очень сложно, поскольку почти всегда прочтение документа неоднозначно. Отсутствие огласовок, обилие сокращений и специфических реалий дает возможность для нескольких вариантов понимания смысла документа, и это даже в том редком случае, когда язык документа полностью известен, так что никаких чисто переводческих проблем нет.

Большое значение для прочтения документа имеет, в частности, априорное мнение исследователя о том, к какой эпохе документ относится. (Утрированный пример: слово «вратарь» мы по-разному поймем в старорусской рукописи и в современной газете.) К сожалению, в отношении греко-латинских документов это исходное мнение о «соответствующей эпохе» пришло к исследователям из периода почти полного отсутствия критики, а ныне оно жестко затвердело в виде традиции. На самом же деле подавляющее большинство древних документов описывают совсем не ту эпоху, которая насильно привязана к ним этой хронологической традицией.

Можно сказать, что чтение документа есть функция понимания этого документа. Это особенно наглядно видно на примере действительно трудно понимаемых, по-настоящему древних документов (в основном религиозных, как, например, Библия). Человек, не имеющий доступа к оригиналам, вынужден знакомиться с ними по приглаженным переводам, обусловленным априорной

точкой зрения издателя. Конечно, сейчас сознательные ученые снабжают издание документа обширным аппаратом комментариев, в которых разъясняются трудные места, указываются варианты перевода и расшифровываются реалии. Однако некий основной слой априорных предположений всегда присутствует и никогда не оговаривается. Например, не существует издания Аристотеля, в котором было бы прямо оговорено предположение о его «античном» происхождении, поскольку считать это предположением (а ведь это действительно предположение, и к тому же ничем реальным не обоснованное) никакому специалисту по Аристотелю даже не приходит в голову (хотя все общие принципы исторической критики ему хорошо известны и он с ними вполне согласен).

Ошибки, возникающие из предварительной (часто неосознанной) установки исследователя, хорошо известны ученым. Вот, например, что пишут Ланглуа и Сеньобос:

«Даже историки, работающие по всем правилам метода, имеют естественную склонность читать текст документа с единственной заботой найти в нем непосредственно нужные сведения, не задаваясь мыслью представить себе с точностью, что имелось в уме у автора. Такой образ действия извинителен, самое большее, по отношению к документам XIX столетия, писанным людьми, говорящими и мыслящими вполне для нас понятно, одним словом, в тех случаях, где возможно только одно толкование. Он делается опасным тотчас же, как только привычка автора выражаться и мыслить расходится с образом мышления и языком историка, читающего документ, или если смысл текста не представляется бесспорным и очевидным. Всякий, кто, читая текст, не заботится исключительно о том, чтобы его понять, поневоле читает его сквозь призму своих собственных впечатлений: его поражают в документе отдельные фразы и слова, отвечающие его собственным мыслям и согласующиеся с тем представлением, которое он составил себе априори о фактах; сам того не замечая, он выделяет эти фразы и слова и создает из них воображаемый текст, принимаемый им за действительный текст автора.

Здесь, как и везде в истории, метод необходим для сопротивления первому влечению. Нужно прежде всего проникнуться тем очевидным, но часто забываемым принципом, что документ содержит только мысли писавшего его лица, а потому следует принять за правило сначала понять текст сам по себе, а потом уже задаваться вопросом, что можно извлечь из него для истории. Таким образом, приходят к тому главному правилу метода, что изучение каждого документа

должно начинать с анализа содержания, не имея в виду никакой другой цели, кроме выяснения действительной мысли автора» ([157], стр.114—116). Однако, признавая на словах всеобщую значимость этих соображений, историки не применяют их к критике фундаментальнейших положений древней истории, поскольку сама мысль о том, что с этими положениями может быть что-то неладно, им чужда.

После того, как документ прочтен и мысль автора понята, наступает следующий этап герменевтической критики документа: следует оценить объективную значимость сообщаемой в документе информации. «Даже в том случае, когда автор мог наблюдать факты, его текст показывает только, как он хотел их передать, а не то, как он видел их в действительности, и еще менее дает понятие о том, как они происходили на самом деле. С одной стороны, автор мог и не высказать того, что думал, потому что он мог лгать; с другой стороны, то, что он думал, не происходило непременно в действительности, так как он мог ошибаться. Основательность этих предположений очевидна. Тем не менее первое, естественное, влечение заставляет нас принимать за верное всякое свидетельство, содержащееся в документе, или, иными словами, признавать, что ни один автор никогда не лгал и не ошибался; и эта доверчивость, повидимому, очень велика, потому что она продолжает существовать вопреки ежедневному опыту, убеждающему нас в бесчисленных случаях ошибок и лжи.

Здесь, как во всякой науке, исходной точкой должно быть методическое сомнение. (Декарт, живший в то время, когда история состояла еще из воспроизведения прежних повествований, не находил возможным применять к ней методического сомнения; за то он отказался признать ее наукой.) Все, что не доказано, должно считаться временно сомнительным: прежде чем утверждать что-либо, необходимо представить доказательства. В применении к историческим документам методическое сомнение становится методическим недоверием. Историк должен априори относиться с недоверием к каждому свидетельству автора документа, так как он никогда не уверен заранее, что оно не окажется лживым или ошибочным.

Но, даже решив в принципе идти наперекор врожденной доверчивости и проявлять недоверие, мы все-таки инстинктивно стараемся возможно скорее освободиться от этой тяжелой обязанности. По первому влечению мы склонны обыкновенно критиковать всего автора или, по крайней мере, весь документ, разбивать как авторов, так и документы на две категории, отсылая направо овец и налево козлий,

т.е. направо авторов достойных доверия и хорошие документы и налево авторов подозрительных и плохие документы. После этого, истощив весь запас недоверия, воспроизводят уже без рассуждений все свидетельства «хорошего документа». Соглашаясь относиться с недоверием к Свиде (византийский писатель X века. — *Авт.*) или Аймонну (французский летописец X века. — *Авт.*), как к подозрительным авторам, передают как положительную истину все, что сказал Фукидид или Григорий Турский. (Не предугадали ли здесь Латлау и Сеньобос соображения Морозова о Фукидиде? — *Авт.*)

К авторам исторических источников применяется, таким образом, судебная процедура, классифицирующая свидетелей на правоспособных и неспособных...

Сбивчивость понятий усиливается еще более благодаря заимствованному из юридического языка выражению «подлинный» (аутентичный), относящемуся, в сущности, только к происхождению, а не к содержанию документа; назвать документ «подлинным» — значит сказать только, что происхождение его не подлежит сомнению, но отсюда не следует, что и содержание его заслуживает доверия. Однако «подлинность» документа вызывает к нему известное уважение и побуждает принимать без рассуждений и его содержание» ([157], стр.124—128).

Все эти соображения нам также представляются очень важными; вся теория Морозова основывается всего лишь на более последовательном, чем это обычно делается, проведении их на практике.

Мы не будем перечислять конкретные приемы герменевтической критики, поскольку все они само собой понятны и в абстрактном изложении никаких возражений не вызывают. Мы лишь заметим, что неправильно думать, что древние (средневековые) писатели лучше нас знали предшествовавшие им события в отдаленных от них странах, или даже в своей собственной стране за два или за три поколения до них. Совершенно наоборот. Они не имели возможности пользоваться теми разнообразными документами, которые были собраны и опубликованы со времен Возрождения. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на географические карты средних веков, полные фантастических искажений. Не более чем они, походили на действительность и события, описываемые тогда в этих искаженных странах.

Во избежание недоразумений, быть может, стоит также заметить, что документ может содержать неправильные сведения и тогда, когда автор не ошибался и не пытался ввести читателей в заблуждение. Это происходит, например, если исследователь неправильно квалифицирует документ и принимает за летопись, скажем,

художественное произведение типа романа (или, лучше сказать, «проторомана»). Представим себе, что все исторические документы, относящиеся к придворной французской истории, исчезли и нам приходится восстанавливать ее по романам Александра Дюма-отца. Удалось ли в таких условиях кому-нибудь из наших современников отличить в них действительное от сочиненного самим автором?

Как бы то ни было, но все древние документы по тем или иным причинам являют собой причудливую смесь вымысла и реальных фактов. Благодаря тому, что первобытная фантазия была, по-видимому, проще нашей, иногда можно рассчитывать на отделение придуманных авторами комбинаций от комбинаций естественных, но, конечно, эта деятельность сопряжена с огромным трудом и не может быть однозначной.

Поэтому в любой реконструкции древних событий следует четко отделять то, что нам известно надежно, а что является домысливанием, которое, по самой своей природе, ближе к литературе, чем к науке. Апокрифисты эпохи Возрождения, надо думать, это хорошо понимали и знали, чего стоят их писания; недаром они поставили музу истории в один ряд с музами изящных искусств (приписав, конечно, это «древним»).

Версия как результат исторического исследования

После того как все документы исследованы, прочтены и осмыслены, наступает последний этап работы историка — создание последовательной версии интересующих его событий, и из всего сказанного выше явствует, что восстановление реальных событий древности в принципе не может быть очень подробным. Лучшее, чего можно будет добиться, — это выработка некоторой грубой схемы, отнюдь не претендующей на полноту. Любые ее уточнения связаны с опасностью увязнуть в беспочвенном фантазировании и должны производиться очень осторожно.

Историк стремится восстановить ход событий по отрывочным и зачастую противоречивым показаниям документов. В этом его деятельность полностью аналогична деятельности следователя-криминалиста, стремящегося по уликам восстановить картину преступления. Историк, как и криминалист, составляет определенную версию (в английском языке используется более точный термин — «теория»), которая должна соответствовать всем обстоятельствам дела.

Методика составления версий детально разработана как учеными-криминалистами, так и авторами детективных романов. (К слову

сказать, эти две категории часто пересекаются; например, Конан Дойль с успехом консультировал лондонскую полицию.) Все ошибки неумелого детектива сводятся к учету не всех фактов, к отбрасыванию части из них как «несущественных» и «случайных». Причиной, как правило, служит слишком ранний выбор версии, наиболее очевидной и привычной. Самая грубая (и, как ни странно, наиболее распространенная) ошибка состоит в настаивании на версии, противоречащей фактам. Простота и привычность версии отнюдь не служат гарантией ее правильности. Как неоднократно повторял Шерлок Холмс: «Когда отброшено все невозможное, остается истина, как бы она ни была невероятна».

Классическая версия древних событий ведет, как мы видели, к непреодолимым противоречиям. Отбрасывать эти противоречия — значит уподобляться туповатым полицейским, антигероям детективных рассказов. Нам неизвестно происхождение классической версии древней истории, и мы лишь очень туманно представляем себе начальные шаги ее развития (Петрарка был уже одним из ее завершителей). Как мы видели, документальных подтверждений у нее фактически нет. Все это заставляет искать иную, новую версию древних событий. Конечно, создание новой всеобъемлющей версии — это нелегкая работа не для одного человека и даже не для одного поколения. Можно надеяться лишь наметить ее основные черты, которые следует еще тщательно разрабатывать. Предложенный Морозовым вариант (который мы обсудим в третьем томе) является поэтому лишь самой первой, грубой прикидкой, которую придется, быть может, не раз видоизменять. Замечательно, однако, что подобного рода вариант возможен и что, гребя сравнительно с «классическим» вариантом существенно меньше натяжек, допущений и объяснений, он вместе с тем значительно лучше укладывается в общетеоретические схемы.

Хронология

Версия Морозова влечет за собой, в частности, признание ложной всей традиционной хронологии. Это вызывает потребность выяснить, кто и как хронологию впервые «обосновал» и было ли это «обоснование» когда-нибудь подвергнуто критике. Однако ответить на эти вопросы неожиданно оказалось очень трудно, и мы не смогли это сделать. Изучение литературы показало, что вопрос о справедливости исходных данных хронографии практически никогда не ставился. Никаких сомнений в этих данных нет ни в сочинениях XX

века (см., например, [12]), ни в более наивных работах предыдущих веков (и, в частности, в наиболее фундаментальном сочинении «Об искусстве определять даты», восходящем к 1750 г.). Вся работа хронологов в продолжение ряда столетий состояла лишь в привязке интересующих их событий к основным реперам хронологической сетки; самой же сеткой они не занимались.

Считается, что эта сетка была установлена Скалигером и Петавиусом в XVI веке. Однако предпринятое нами изучение их работ показывает, что они основывались уже на достаточно определенных представлениях о характере хронологической сетки и видели свою задачу только в ее уточнении и развитии. Кстати сказать, они были глубоко верующими людьми и занимали довольно высокие посты в церковной иерархии. Это оказало существенное влияние на их деятельность как с фактической, так и с методологической стороны. Принцип абсолютного доверия к предшественнику был для них основным руководством в их деятельности, тем более что этим предшественником часто была церковь. Хотя теперь церковная хронология и отрицается наукой, но тот факт, что долгое время «научная» хронология слепо следовала за церковной, оставил в первой неизгладимые следы.

Последние годы знаменовались внедрением в хронологию физических методов датировки. Их появление было встречено с энтузиазмом (из-за чего невольно закрадывается подозрение, что в глубине души специалисты-хронологи не очень доверяли выводам своей собственной науки и были рады поддержке со стороны), но очень быстро энтузиазм сменился почти всеобщим разочарованием. Первый из физических методов, радиоуглеродный, встретился с непреодолимыми теоретическими трудностями, а его практическое применение оказалось более или менее успешным только тогда, когда исследователю заранее (!) сообщалась предполагаемая дата. После радиоуглеродного было предложено много других физических методов датировки, но они либо остались на уровне идеи, не воплощенной в жизнь, либо оказались пригодными для отрезков времени, не достигающих классической античности. Таким образом, популярное представление о подтвержденности традиционной хронологической сетки физическими методами ложно от начала до конца.

Одним из наиболее нейтральных методов датировки, свободных от посторонних влияний, является классический «астрономический метод», взятый на вооружение еще Скалигером и Петавиусом. Однако

эти ученые и их последователи, стремясь во что бы то ни стало подтвердить традиционную хронологическую сетку и придать ей ореол непогрешимости, резко исказили этот метод и, по существу, полностью его дискредитировали. Неточность и крайняя расплывчатость в описании «древних» затмений позволяли осуществлять любые натяжки и якобы астрономически обосновать традиционные даты. Специалисты-астрономы, изучавшие затмения и гороскопы, дошедшие до нас в «древних» документах, были настолько загипнотизированы сложившимся за 200—300 лет убеждением в правильности традиционной хронологии, что, не находя подходящего астрономического решения, они предпочитали заявить о невозможности расшифровки гороскопа (или затмения) вместо того, чтобы продолжить свои расчеты вверх, в область средневековья. «Очевидная бессмысленность» этого предприятия лишала их требуемой инициативы. Ярким примером является история расшифровки дендерских Зодиаков.

Вопреки распространенному мнению, археологические раскопки не подтверждают традиционную хронологию. Единственное, что пока могут дать археологические методы, это установление относительной последовательности слоев и культур. Между этими результатами и абсолютным возрастом этих слоев — целая пропасть, которая до сих пор заполнялась исходя из традиционной сетки.

Первые знаменитые археологи, работавшие в «библейских» странах, были смелыми и отважными предпринимателями, не останавливавшимися ни перед чем для оправдания своей деятельности. Обнаружение ими описанных в Библии и других древних документах «тех самых» городов было рассчитано на широкую публику и субсидирующие организации. Подавляющее большинство известных на сегодняшний день отождествлений развалин, появившихся из-под земли в результате раскопок, как мы увидим в гл. 7, абсолютно произвольны и имели своей целью «подтвердить» традиционную хронологическую сетку и традиционное понимание древних документов.

Хронология является базисом, на котором покоятся многие выводы теории искусств, лингвистики, истории архитектуры и т.п. Как правило, сами по себе эти науки не могут упорядочить по времени свой материал. Например, в теории архитектуры нет никаких данных, заставляющих считать, например, древнегреческую архитектуру предшественницей средневековой архитектуры. Более того, все историки искусства полны удивления перед «феноменом греческого искусства», и никто из них не может рационально объяснить, как и почему он оказался возможным.

В частности, все так называемые «специальные методы хронологизирования» (например, глоттохронология) опираются на традиционную хронологическую сетку и поэтому для решения вопроса о ее правильности в принципе непригодны.

Таким образом, предлагаемое Морозовым глобальное омоложение классической хронологической сетки никаким реальным фактам не противоречит.

Книга Бикермана

Этот том был в основном уже написан, когда появился русский перевод книги Э.Бикермана «Хронология древнего мира» (см. [12]). Чтение этой книги выявляет удивительные обстоятельства, по-видимому, совершенно неизвестные не только широкой публике, но и специалистам-историкам, не античникам.

В предисловии к своей книге Бикерман пишет: «Цель этой книги — ответить на простой вопрос: как нам удается датировать события древней истории? Например, мы говорим, что Цезарь был убит 15 марта 44 г. до н.э. Откуда мы это знаем?» ([12], стр.5). Однако, отмечая, что «...достаточно полного, отвечающего современным требованиям исследования по древней хронологии не существует» ([12], стр.90), он не занимается вопросом о достоверности информации, имеющейся в источниках, и ограничивает свою задачу изложением технической стороны хронографии (пересчетом одних эр в другие и т.п.). Тем не менее по ходу дела он вскрывает ряд фактов, имеющих непосредственное отношение и к вопросу о достоверности.

Особый интерес в этом отношении представляет его обсуждение римской хронологии, поскольку, если «связь с римской хронологией нарушена, напрасно было бы отыскивать достоверные даты» ([12], стр.77). Итак, во всяком случае римская хронология сомнения у Бикермана не вызывает и, более того, является базисом, на котором основывается летоисчисление всех других стран древнего мира.

Посмотрим же, как она устанавливается.

Основой римского летоисчисления было датирование по консулам. Бикерман сообщает (см. [12], стр.76), что это датирование употреблялось еще в V в. и сам Дионисий, предложивший эру «от Р.Х.», датировал свой труд «Вычисление пасхалий» годом «консула Проба Младшего». Более того, в этом труде он 562 год «после Р.Х.» ставит в соответствие 21-му году «после консульства Василия». Затем Бикерман пишет: «Поскольку имеются полные списки римских консулов за 1050 лет от Брута и Коллатина до вышеупомянутого Василия, то можно легко определить юлианскую дату для каждого из них...» ([12], стр.76).

Но обратимся за более полной информацией к самим спискам консулов, приведенных в [12] на стр.206—235. Сразу же обращают на себя внимание многочисленные пропуски этого списка (например, отсутствуют консулы с 408 г. по 395 г. до н.э., вместо которых фигурируют безымянные «военные трибуны с консульской властью»). Не зря сам Бикерман пишет, что, «насколько надежны списки для периода от 509 до примерно 300 г. до н.э., остается неизвестным» ([12], стр.64). Снова возникает наш вечный вопрос: почему эти разорванные фрагменты списков выстроены последовательно, а не параллельно?

Однако это мелочь по сравнению с тем, что эти списки кончатся 337 г. н.э., и, почему опущены консулы остальных двухсот лет, остается вполне неизвестным.

Это, если хотите, вопросы формального (хотя, мы полагаем, и важного) характера. Содержательный же вопрос заключается в происхождении этих «полных» списков: где, кем и когда они были впервые составлены? По этому вопросу Бикерман ссылается на два исследования последнего времени (1951—1952), добавляя, что «Списки консулов Римской республики дошли до нас в трех редакциях эпохи Августа:

а) *Fasti Capitolini* (Капитолийские списки), установленные на форуме между 36 и 30 гг. до н.э. Текст их сохранился лишь частично; пропуски могут быть заполнены при помощи более поздних источников, таких, как «Летописец 354 г.н.э.», так называемые «*Fasti Hydatani*», составленные в 468 г.н.э., и «Пасхальная летопись», сочиненная по-гречески в 630 г.н.э.;

б) «История» Тита Ливия, а для утраченных частей его труда — список консулов из летописи Кассиодора, изданной (?! — *Авт.*) в 519 г. н.э.;

в) римские эпонимы для 486—302 гг. до н.э. у Диодора...» ([12], стр.99).

В основном тексте мы уже обсуждали вопрос о фастах и о достоверности информации, содержащейся у Тита Ливия (см. гл. 1, § 7). Остальные же источники относятся, как мы видим, к V—VII векам н.э. Самое же главное состоит в том, что списки консулов были скомпилированы очень поздно (Сигонием?) путем огромной работы по сопоставлению различных источников и извлечению из них информации о консульстве. Как без анализа всех этапов этой работы можно серьезно говорить о «безусловной надежности» римской хронологии, нам остается совершенно непонятным.

Затем Бикерман пишет: «...имеется так называемый «Царский канон Птолемея», список царей, сохранившийся в комментарии Феона

(иначе, Теона. — *Авт.*) к астрономическому труду Птолемея (апокрифичность которого мы уже выяснили в гл. 3, § 2. — *Авт.*). Составленный александрийскими астрономами для своих собственных вычислений, этот список, основанный на подвижном египетском годе, начинается с вошествия на престол вавилонского царя Набонасара 27 февраля 747 г. до н.э. (Эта потрясающая точность установлена на основе отождествления так называемого «Теонова затмения», имеющего по списку Гинцеля № 85, с затмением 16[M 354 г.; см. гл. 2, § 5. — *Авт.*) В списке приводятся точные астрономические даты последовательных царствований (вавилонских, персидских, птолемеевских, римских и византийских царей и императоров), и в некоторых рукописях список продолжается до падения Константинополя в 1453 г.» ([12], стр. 76). Вот так-так! Когда же были составлены эти «древние» списки и когда жил Теон?

Далее, Бикерман обращается к египетской хронологии. Указав, что египетская хронология основывается на списке фараонов, составленном жрецом Манефом при Птолемеи II, он продолжает: «...список царей, составленный Манефом, сохранился только в выдержках у христианских авторов...» ([12], стр. 77). Таким образом, ответственность за хронологию Египта несут очень поздние христианские авторы!

По поводу греческой хронологии Бикерман пишет: «...«Царский канон» является также основой греческой хронологии, наряду с хронографическим отрывком из Эратосфена... Благодаря этому... можно утверждать, что Пелопоннесская война началась в 431 г. до н.э....» — и, приведя пример из Диодора, продолжает: — «Именно таким способом, путем перекрестных проверок синхронных сведений и с помощью астрономических данных (! — *Авт.*), основоположники современной хронологии И. Скалигер (1540—1609) и Д. Петавиус (1583—1652) вычислили основные даты, которые, в свою очередь позволили пересчитать по нашей системе летоисчисления и другие даты античной истории» ([12], стр. 80). После всего сказанного в этом томе комментария здесь излишни.

Изложив методику датировки исторических событий с помощью затмений, Бикерман тут же оговаривается, неожиданно полностью солидаризуясь здесь с Морозовым: «...необходимо знать примерную дату наблюдения... чтобы идентифицировать его затмением по данным астрономических таблиц... Таким образом, только исторические свидетельства могут помочь выбрать правильную дату соответствующего астрономического явления...» ([12], стр. 81).

Из более частных вопросов обращает на себя внимание устойчивая тенденция историков удлинять датировки, обвиняя источники в ошибках: «Отсутствие достоверности в хронологических указаниях позволило сасанидской традиции сократить временной промежуток от Александра Македонского до Сасанидов с 557 до 226 лет. Иудеи также отводят на персидский период своей истории всего 52 года, хотя Кира II от Александра Македонского отделяют 206 лет» ([12], стр. 83).

Бикерман пишет: «Счет поколений — простейший прием хронографии. Чтобы вычислить продолжительность (из других источников неизвестную) IV и V египетских династий, ученые складывают годы жизни (точная продолжительность которой неизвестна. — *Авт.*) сменявших друг друга дворцовых чиновников» ([12], с. 57). И после этого в хронологических таблицах приводятся даты правления фараонов следующих династий с точностью до года!

«Диоклетиан ввел в Египте датирование по консульскому году, начинавшемуся 1 января...» ([12], стр. 67). Не означает ли это, что и вообще датирование по консулам было введено только при Диоклетиане?

Учитывая слова Бикермана о «хаосе средневековых датировок» ([12], стр. 73), спросим теперь себя: является ли простым вопрос, когда был убит Юлий Цезарь?

ЛИТЕРАТУРА

Цитированная в первом томе

(Номера относятся к общему списку для всех томов)

1. *Морозов Н.А.* Христос. Т.1. — М.— Л.: ГИЗ, 1924.
2. *Морозов Н.А.* Христос. Т. 2. — М.— Л.: ГИЗ, 1926.
3. *Морозов Н.А.* Христос. Т.3. — М.— Л.: ГИЗ, 1927.
4. *Морозов Н.А.* Христос. Т.4. — М.— Л.: ГИЗ, 1928.
5. *Морозов Н.А.* Христос. Т.5. — М.— Л.: ГИЗ, 1929.
6. *Морозов Н.А.* Христос. Т.6. — М.— Л.: ГИЗ, 1930.
7. *Морозов Н.А.* Христос. Т.7. — М.— Л.: ГИЗ, 1932.
8. *Амфитеатров А.В.* Собрание сочинений. Т.6. Зверь из бездны. Кн.2. — Спб.: Золотое пятилетие, 1911.
9. *Фукидид.* История Пелопоннесской войны. — М.: Т.1, 1887. Т.2, 1888.
10. *Ginzel F.K.* Handbuch der Mathematischen und Technischen Chronologie, Leipzig, Bd. 1, 1906; Bd. 2, 1911; Bd. 3, 1914.
12. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. — М.: Наука, 1975.
13. *Романова В.Л.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII— XIV вв. — М.: Наука, 1975.
14. *Чистякова Н.А., Вулих Н.В.* История античной литературы. — М.: Высшая школа, 1972.
15. *Авдиев В.И.* и др. (ред.). История Древней Греции. — М.: Высшая школа, 1972.
16. *Ginzel, F.K.* Spezieller Canon der Sonnen— und Mondfinsternisse, Berlin, 1889.
17. *Люблинская А.Д.* Латинская палеография. — М.: Высш. шк., М., 1969.
18. *Грегоровиус Ф.* История города Афин в средние века. — Спб.: , 1990.
19. *Блер Ж.* Таблицы хронологические. — М.: Т.1, 1808, т.2, 1809.
21. *Идельсон Н.И.* История календаря. — Л.: , 1925.
22. *Бемон Ш., Моно Г.* История Европы в средние века. — Пттр.: , 1915.
23. *Нейгебауер О.* Точные науки в древности. — М.: Наука, 1968.
24. *Михайлов А.А.* Теория затмений. — М.: ГТТИ, 1954.
25. *Бокичанин А.Г.* и др. (ред.). История древнего Рима. — М.: Высш. шк., 1971.
26. *Сергеев В.С.* Очерки по истории Древнего Рима. Ч.1—2. — М.: 1938.
28. *Парандовский Я.* Петрарка // Иностранная литература, № 6.
29. *Низе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. — Спб.: , 1908.
30. *Диль Ш.* История Византийской империи. — М.: ИЛ., 1948.
31. *Казаманова А.Н.* Введение в античную нумизматику. — М.: Изд-во МГУ, 1969.
32. *Тураев Б.А.* История Древнего Востока, Т.1—2. — М.: ОГИЗ, 1936.
33. *Хлодовский Р.И.* Франческо Петрарка. — М.: Наука, 1974.
34. *Радциг Н.* Начало римской летописи. — М.: , 1903.
35. *Мартынов Г.* О начале римской летописи. — М.: , 1903.
36. *Древс А.* Миф о Христе. Т.2. — М.: , 1924.
37. *Керам К.* Боги, гробницы, ученые. — М.: ИЛ., 1960.
38. *Трельс-Лунд.* Небо и мировоззрение в круговороте времен. — Одесса.: 1921.
39. *Удальцов А.Д.* и др. (ред.). История средних веков. — М.: ОГИЗ, 1941.
40. *Крыжелев И.А.* Раскопки в «библейских» странах. — М.: Советская Россия, 1965.
41. *Лемани.* История суеверий и волшебства. — М.: , 1900.
42. *Беленький М.С.* Иудаизм. — М.: Госполитиздат, 1966.
43. *Крыжелев И.А.* Книга о Библии. — М.: Соцэкгиз, 1958.
44. *Геродот.* История. — М.: Наука, 1972.
45. *Цицерон.* О старости. — М.: Наука, 1975.
46. *Цицерон.* Три тактата об ораторском искусстве. — М.: Наука, 1972.
47. *Россовская В.А.* Календарная даль веков. — М.—Л.: ОНТИ, 1936.
48. *Тацит.* Сочинения, т.т. 1—2. — Л.: Наука, 1969.
49. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. — М.: , 1913.
50. *Лани Е.* Литературная мистификация. — М.: , 1930.
52. *Никольский Н.М.* Астрономический переворот в исторической науке / Новый мир, 1925, № 1, стр.157—175.
53. *Лозинский С.Т.Р.* История папства. — М.: изд. СВБезб. 1934.
54. *Челлини Б.* Жизнь Бенвенуто. — М.— Л.: , 1958.
55. *Монгайт А.Л.* Надпись на камне. — М.: Знание, 1969.
57. *Морозов Н.А.* Откровение в грозе и буре. — М.: изд. 3-е., 1910.
58. *Морозов Н.А.* Пророки. — М.: , 1914.
59. *Светоний.* Жизнь двенадцати цезарей. — М.: Наука, 1966.
60. *Диофант.* Арифметика. — М.: Наука, 1974.
61. *Клейн Л.С.* Археология спорит с физикой // Природа, 1966, № 2, стр.51—62.
62. То же (окончание) // Природа, 1966, № 3, стр.94—107.
63. Археология и естественные науки. — М.: Наука, 1965.
64. Проблемы абсолютного датирования в археологии. — М.: Наука, 1972.
65. *Эйткин М.Дж.* Физика и археология. — М.: ИЛ, 1963.
66. *Либби У.Ф.* Радиоуглерод — атомные часы // «Наука и человечество», — М.: Знание, 1962, стр.190—200.
67. *Либби У.Ф.* Углерод 14, ядерный хронометр археологии // Курьер ЮНЕСКО, июль—авг., 1968, стр.22—25 и 28—30.
68. *Архимед.* Сочинения, Физматгиз. — М.: , 1962.
69. *Радциг С.Т.И.* Введение в классическую филологию. — М.: изд. МГУ, 1965.
70. *Выгодский М.Я.* «Начала» Евклида // Историко-математические исследования. — М.—Л.: ГИТТЛ, 1948, выл. 1, стр.217—295.
71. *Масанов Ю.* В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. — М.: Всесоюз. кн. палаты, 1963.
72. *Зелинский Ф.* Из жизни идей. Т.1. — Спб., 1908.
73. *Зелинский Ф.* Из жизни идей. Т.3. — Спб., 1908.
74. *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI— XII вв. — М.: Наука, 1974.
75. *Сулейменов О.* Аз и Я. — Алма-ата: Жазуши, 1975.

76. Никифоровский В.А., Фрейман Л.С. Рождение новой математики. — М.: Наука, 1976.
77. Либман М., Островский Г. Поддельные шедевры. — М.: Советский художник, 1966.
78. Лениван Я.А. Происхождение христианства. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.
79. Ксенофонт. Греческая история. — Л.: Соцэкгиз, 1935.
81. Цицерон. Диалоги. — М.: Наука, 1966.
82. Румянцев Н.В. Православные праздники. — М.: ОГИЗ, 1936.
83. Newton R.R. Two uses of ancient astronomy, phil// Fr. L. A., 1976, №276, стр.99—115.
84. Идельсон Н.И. Этюды по истории небесной механики. — М.: Наука, 1975.
86. Тронский И.М. История античной литературы. — Л.: Учпедгиз, 1947.
87. Боргош Ю. Фома Аквинский. — М.: Мысль, 1975.
88. Фойт Г. Возрождение классической древности, т.2. — М.: , 1885.
89. Бузескул В. Лекции по истории Греции, т.1. — Петроград., 1915.
90. Аристофан. Комедии, т. 1. — М.: ГИХЛ, 1954.
91. Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Что такое археология. — М.: Просвещение, 1966.
92. Дирингер Д. Алфавит. — М.: ИЛ., 1963.
93. Никонов В.А. Имя и общество. — М.: Наука, 1974.
95. (Без автора). Архиепископ Ушер // Курьер ЮНЕСКО, авг.—сент. 1972, стр.58.
96. Дильс Г. Античная техника. — М. — Л.: ОНТИ-ГТТИ, 1934.
98. Паннекух А., История астрономии. — М.: Наука, 1966.
99. Берри А. Краткая история астрономии. — М.: ГТТИ, 1946.
100. Рукописная и печатная книга. — М.: Наука, 1975.
101. Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. — Новосибирск.: Наука, 1976.
111. Лившиц Г.М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. — Минск: Вышэйшая школа, 1970.
124. Селезников С.Т.И. История календаря и хронология. — М.: Наука, 1970.
143. Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя. — М.: Наука, 1977.
152. Брагинский И. До Архимеда // Знание — сила, 1977, № 6, с.37—38.
155. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история, 2-е изд. — М.: Наука, 1977.
156. Мейстерхази Л. Загадка Прометея // Иностр. лит-ра, № 4, 1976, стр.10—109, № 5, стр.6—88.
157. Лангва, Сеньобос. Введение в изучение истории. — СПб., 1899.
158. Блок М. Апология истории. — М.: Наука, 1973.
159. Киселева Л.И. О чем рассказывают средневековые рукописи. — Л.: Наука, 1978.
162. Еврейская энциклопедия. Т. 1—16. — Спб.: , (б.г.).

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Античная литература	10
§ 1. Тацит и Поджо Браччолини	11
Личность Тацита и его сочинения. — Критика Тацита. — Поджо Браччолини. — Деятельность Поджо по разысканию и изданию античных сочинений. — Рукописи Тацита. — Легенды о рукописях Тацита. — «Находка» Тацита. — Анализ рукописей Тацита. — Причины и история подлога. — Роман или история. — Отношение историков к выводам Росса и Гошара. — Заключение.	
§ 2. Литературные мистификации и подделки	42
Церковные подделки. — Подложные родословные. — Фантастические личности. — Подделки античных авторов. — Выдуманные авторы. — Подделки нового времени. — Фальсификации в науке. — Другие фальсификации. — Итоги. — Причины фальсификаций. — Разоблачение фальсификаций.	
§ 3. Деятели эпохи Возрождения	56
Петрарка. — Античная литература и Петрарка. — Выводы. — Причины апокрифирования до и после изобретения книгопечатания.	
§ 4. Обзор происхождения основных сочинений античности	67
Сочинения Платона. — Сочинения Цицерона. — Книга Светония «Жизнь двенадцати цезарей». — «История» Тита Ливия. — Книга Витрувия «Об Архитектуре». — Греческие историки. — Другие авторы. — Церковные истории. — Заключение.	
§ 5. О возможности античной литературы вообще и отдельных ее жанров в частности	82
Необходимость бумаги для развития грамотности. — Структура древних сочинений. — Переписывание рукописей. — Античные «письма». — Античная литературная критика. — Имена античных авторов.	
§ 6. Распределение жанров античной литературы по времени	92
Эпос и лирика в Древней Греции. — Эпос и лирика в древнем Риме. — Сатиры. — Трагедия. — Комедия. — Буколика и дидактика. — Философия. — Выводы. — Театр Еврипида.	
§ 7. Начало римской летописи	109
Источники. — Греческие параллелизмы. — Римская традиция. — Апокрифичность источников. — Документы. — Монументальные памятники. — Фасты. — Противоречия в источниках. — Происхождение традиции. — Неосведомленность Ливия. — Общая характеристика книг Ливия. — Заключение. — Дни месяцев у римлян.	
§ 8. Римский календарь	141
Общие сведения о календаре. — Римский календарь.	

Итоги главы	146
Глава 2. Астрономический метод в хронологии (затмения)	147
§ 1. Основные факты о затмениях	148
Лунные затмения. — Солнечные затмения. — Предсказания затмений. — Вычисление затмений.	
§ 2. «История Пелопоннесской войны» Фукидида	152
Фукидид и его книга. — Аутентичность Фукидида. — Затмения у Фукидида. — Датировка Петавиуса. — Датировка Морозова. — Апокрифичность Фукидида. — Афины и Спарта. — Начало Афин. — Эпиграфические памятники Афин. — Миф об Афинах.	
§ 3. Солнечные и лунные затмения и хронология	172
Каноны затмений. — Соображения Никольского. — Трудности датировки затмений. — Календарные гипотезы.	
§ 4. Примеры астрономических датировок (Тит Ливий, Гомер, Такелот)	180
Солнечное затмение у Ливия. — Лунное затмение у Ливия. — Затмение в «Одиссее». — Такелотова затмение. — Заключение.	
§ 5. Обсуждение итогового списка Гинцеля	189
Список затмений. — Исследование затмений. — Выводы. — Мнение Р. Ньютона.	
§ 6. Геродот и его «История»	210
Рукописи Геродота. — Отношение историков к Геродоту. — Источники информации Геродота. — Сведения Геродота об Египте. — Сведения Геродота о Персии. — Ошибался ли Геродот? — Апокрифичность Геродота. — Крестонен у Геродота. — Заключение.	
Итоги главы	224
Глава 3. «Альмагест» Птолемея и античная научная литература	225
§ 1. Координаты звезд на небесной сфере	226
Созвездия. — Горизонтальные координаты. — Экваториальные и эклиптикальные координаты. — Суточное движение. — Определение координат светил из наблюдений. — Прецессия. — Прецессия календаря. — Прецессия эклиптики.	
§ 2. Птолемей и его «Великое творение»	234
Характеристика Птолемея. — Издания «Альмагеста». — Каталог звезд. — Время составления каталога. — Величина прецессии. — Прецессия у Птолемея. — Еще одно возражение. — Улучшения в греческом издании. — Учет рефракции. — Перекос эклиптики. — Эклиптикальные координаты. — Начало звездного каталога. — Конец звездного каталога. — Звездные карты. — Ошибки Дюрера. — Апокрифичность «Альмагеста». — Лунные затмения. — Итоги. — Автор «Альмагеста».	
§ 3. Солнечные, лунные и лунно-солнечные календари	253
Тропический и календарный года. — Синодический и календарный месяцы. — Лунно-солнечные календари. — Ассуанские документы. —	

Метонов цикл. — Реконструкция Идельсона. — Дополнительные соображения Морозова.	
§ 4. Происхождение «античной» научной литературы	261
Механизм создания научных трактатов. — История «находок» и опубликования «античных» математических рукописей (Евклид, Диофант, Архимед, Аполлоний). — Причины апокрифирования научных работ. — Аристарх из Самоса. — Заключение. — Добаление. — Формула объема амфор.	
§ 5. Последствия апокрифирования средневековой науки в древности	270
Преувеличенная оценка древней науки. — Исключительность античного общества. — Легенда о «темных веках». — Эволюционная точка зрения. — Параллелизмы.	
Итоги главы	279
Глава 4. Кое-что об археологии	280
§ 1. Археологические фальсификации	281
Знаменитые подделки нового времени. — Фальсифицирующие реставрации. — Фальсификации ученых. — «Бросовая» фальсифика- ция. — Подделки эпохи Возрождения. — Разоблачения подделок. — Надписи. — Нумизматика. — Религиозные подделки. — Заключение.	
§ 2. Современная полевая археология и хронология	305
Методика раскопок. — Археологические датировки. — Хронология Египта. — Физические методы датировки.	
§ 3. Радиоуглеродный метод датировки	311
Идея Либби. — Физические основы радиоуглеродного метода. — Гипотезы, лежащие в основе радиоуглеродного метода. — Изменение содержания радиоуглерода в обменном фонде. — Вариации содержания радиоуглерода в живых организмах. — Резюме. — Защитники радиоуглеродного метода. — Археология против физики. — КНИГА ФИРСОВА.	
Итоги главы	329
Глава 5. Астрономический метод в хронологии (гороскопы)	330
§ 1. Движение планет и астрология	331
Планеты. — Астрология. — Теоретические основы астрологии. — Гороскопы. — Датировка по гороскопам. — Идентификация созвездий. — Заключение.	
§ 2. Дендерский храм в Египте	345
Общая характеристика. — Дендерские Зодиаки. — Круглый Зодиак. — Длинный Зодиак. — Заключение.	
Итоги главы	353
Глава 6. Династические потоки Римских империй	354
§ 1. Сравнение Римских империй II и III	355
Введение. — Параллельное обозрение деятельности правителей	

Римских империй. — Границы аналогии. — Обсуждение аналогии. — Параллельный список правителей империй II и III — Графики правлений.	
§ 2. Призрачность Римской империи II	391
Имена и прозвища. — Причины параллелизма. — Модельный пример. — О полных династических потоках Римской империи.	
§ 3. Династический поток римских епископов	401
Введение. — Параллельный список римских епископов. — Обсуждение.	
Итоги тома	406
ЭПИЛОГ Факты, выводы, принципы.	407
Достоверность истории. — Документ — основа истории. — Критика исторического документа. — Восстановительная критика. — Критика происхождения. — Апокрифичность «античной» литературы. — История и традиция. — Эволюционная теория. — Герменевтика. — Версия как результат исторического исследования. — Хронология. — Книга Бикермана.	
ЛИТЕРАТУРА	438

www.natahaus.ru

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.natahaus.ru

Михаил Михайлович Постников (родился 27 октября 1927 г.)

Известный ученый и революционер, член Исполнительного Комитета Народной Воли, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854—1946) опубликовал в 1924—1932 гг. многотомное исследование «Христос», в котором подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Положения Морозова были полностью отвергнуты учеными-историками, по существу, без всякого анализа, и понятно почему.

Автор познакомился с трудом Морозова году в 1965-м, но его попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели. Все кончалось более или менее площадной руганью и утверждениями типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Самым вежливым образом отреагировал Л. Н. Гумилев, заявив: «Мы, историки, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!» Он в принципе прав — науку должны развивать специалисты и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснять им, в чем они не правы. Как раз этого автор не мог добиться от специалистов-историков.

Пришлось М. М. Постникову самому разбираться, в чем тут дело, и постепенно он пришел к выводу, что Морозов во многом прав и ошибается не Морозов, а наука история, которая где-то в XVI веке повернула не туда в результате работы Скалигера и Петавиуса.

По результатам этого исследования выдающийся математик лауреат Ленинской премии профессор Михаил Михайлович Постников прочитал (группе математиков, включающей А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и др.) цикл лекций по древней истории, на основании которых в 1977 г. появилась рукопись данной книги.